333p
m 34

267011

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

	a. 26701			

Переселенческое Управление М. В. Д.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ И ИНОРОДЦЕВЪ

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Выпускъ XVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1892.

333Р
М34
К30
П-81
5
3
К/2 6701

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ТОМСКАГО ОКРУГА

И

СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МАРІИНСКАГО ОКРУГА

ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. А. КАУФМАНА.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1892.

Тюменская Центральная
БИБЛИОТЕКА.

Печатано по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Глава пятая. Промысловыя угодья и ихъ экономическое значеніе 1

§ 1. Рыболовныя угодья и рыболовство. Охотничьи угодья и охотничій промыселъ. 1

I. *Рыболовныя угодья и рыболовство* (1—10): предварительныя замѣчанія (1—2). Обзоръ рыболовныхъ угодій (2—9) въ волостяхъ: Нелюбинской (2—4), Ишимской (4—6), Зырянской (6—8), Баимской и Почитанской (8—9). Общее значеніе промысла и его упадокъ (9—10).

II. *Охотничьи угодья и охотничій промыселъ* (10—14): значеніе его въ Томскомъ районѣ (10—11), цѣны (11); охотничій промыселъ въ Чулымскомъ районѣ: волости Ишимская (11—13), Зырянская (13—14), другія (14).

§ 2. Кедровники и кедровый промыселъ. Ягодный, грибной промыслы, и т. д. 15

I. *Кедровники и кедровый промыселъ* (15—29). Основное различіе между районами: „деревенскіе“ и таёжные кедровники (15—18). Способы сбора и очистки орѣха (18). Сбытъ и цѣны (18—19). Обзоръ кедровниковъ *Томскаго района* (19—23): Нелюбинская (19—21), Спасская (21—22), Семилужная вол. (23). Чередованіе урожаевъ (23). Обзоръ промысла въ *Чулымскомъ* районѣ (24—27): области его развитія (24—25), размѣры (25—26), способы сбора, сбытъ и цѣны (26—27). Общее значеніе и будущность промысла (27—29).

II. *Сборъ ягодъ, грибовъ и т. д.* (29—34). А) *Ягодный* промыселъ (29—33) въ волостяхъ: Нелюбинской (29—31), Спасской (31—32), Ишимской (32—33). Б) *Сборъ грибовъ* (33—34). В) Сборъ колбы (34).

§ 3. Бортевыя угодья и пчеловодство. 34

Общій характеръ мѣстнаго пчеловодства (34—35). Общій обзоръ областей распространенія промысла: Чулымскій (35—37), Томскій

районъ (37—38). Упадокъ пчеловодства—„уроны“ (38—40). Детальный обзоръ данныхъ о размѣрахъ и значеніи пчеловодства (40—44): волости Ишимская (40—41), Зырянская и Баимская (41—42), Почитанская (43), Томскій районъ (43—44).—*Элементы доходности* пчеловодства (44—48): количество продукта (45), цѣны (46), общій учетъ дохода (47—48). Уходъ и его стоимость (48—49). стр.

§ 4. Каменоломни. Водяныя мельницы. 49

I. *Каменоломни* (49—53). Мѣстонахожденіе ихъ (49—50); условія заготовки и сбыта камня (50—52). Значеніе промысла (52—53). III. *Водяныя мельницы* (54—55).

Глава шестая. Наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 56

§ 1. Степень развитія наемнаго труда въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго края; соотношеніе между спросомъ на рабочія руки и предложеніемъ ихъ; приливъ и отливъ земледѣльческихъ рабочихъ 56

Планъ изложенія (56).—Общія эк. условія обоихъ районовъ (57). Цифровыя данныя о *спросѣ на рабочія руки* (58—61); разборъ этихъ данныхъ (61—64). Цифровыя данныя о *предложеніи рабочихъ рукъ* (66—69); разборъ ихъ (64—65 и 70—71). Цифровыя данныя о *соотношеніи спроса и предложенія* рукъ (72—73); выводы изъ нихъ (74—75); общій выводъ (76).—*Описательныя данныя* по разсматриваемому вопросу (76—82): Томскій районъ (76—78), трактовыя (78—80), внѣтрактовыя (80—82) селенія Чулымскаго района.—*Неземледѣльческіе заработки* (83—91): пріисковыя работы (83—85), работы на Обь-Енисейскомъ каналѣ (85—87), въ г. Томскѣ (87), на частныхъ заводахъ и т. п. (87—91).

§ 2. Формы найма на земледѣльческія работы. Размѣры заработной платы. Наемный трудъ, какъ основной источникъ существованія отдѣльныхъ домохозяйствъ 91

Формы найма (91—97): срочный и поденный наемъ (91—94); формы задѣльнаго найма на разныя работы (94—96); наемъ „на хлѣбъ“ (96). *Размѣры заработной платы* (97—106). Общая группировка районовъ и ихъ частей (97—98). Зараб. плата зимой (98—99), весной (99—100), на сѣнокосныя работы (100—101), на уборку хлѣба (101—102), при срочномъ наймѣ (102—103). Общіе выводы сравнительно съ Ишимскимъ округомъ (103—106). *Работа за долги* (106—109): распространенность ея (106—108), оплата (109). *Наемный трудъ какъ заработокъ* (109—111).

Глава седьмая. Техническіе и кустарные промыслы . . 112

§ 1. Механическая и химическая обработка дерева . . . 112

Планъ изложенія (112). *Санное* производство (113—115), выдѣлка

„*одровъ*“ (115—117), *оголовковъ*, *коробовъ*, *осей* (117), *колесъ* (117—118). *Производство* (118—120) и *отдѣлка дугъ* (121). Выдѣлка „*щипцовъ*“ (122), *мебели* (122—123), дерев. *посуды* (123—124), *туесьевъ* (124—126). Заготовка *бересты* (126). Выдѣлка *ящиковъ* (127), *спичечной соломы* (127—128). Добыча *смолы* (127—129), *угля* (129), *дегтя* (129—130). стр.

§ 2. Прочіе технические и кустарные промыслы. Общіе выводы 130

Производство *гончарное* (130—131), *кирпичное* (131—132). Выдѣлка *вьялокъ* (132—133). Ремесло *стекольное* (133—134). Выдѣлка *сѣтей* (134), конопл. *масла* (134—135). *Нимокатный* промыселъ (135—136). *Кожевенное* (136—137), *овчинное* производство (137—138). Выдѣлка *мѣховъ* (138), *спичечныхъ коробокъ* (138—139). *Плотничное* ремесло (139).

Общіе выводы (139—143): кустарные районы (139—140); характеръ промысловъ (141), оплата труда (141—142); условія сбыта (142), общій экон. строй промысловъ (142—143).

Глава восьмая. Извозъ и дворничество 144

§ 1. Дальній товарный извозъ 144

Общее значеніе и размѣры извоза *между Томскомъ и Иркутскомъ*: Въ Томскомъ (144—145), въ Чулымскомъ районѣ (145—147). *Организація* промысла (147—152): подрядчики (148—149), наемные работники (149—150), связчики (150—152). Общія *условія* заподряда (152—153). Провозныя платы (153—154), размѣры выручки (154—155). *Расходы* возчиковъ (155—157): содержаніе въ пути (155—156), другіе расходы (156—157). *Общій балансъ промысла* (158). Запутанность отношеній и разсчетовъ—примѣры (158—162). Рискованность промысла (162—163). Оплата труда (163—164). *Общее значеніе извоза* для изслѣд. края (164—168). *Второстепенные виды извоза* (168—170).

§ 2. Виды извоза, связанные съ положеніемъ селенія на большомъ трактѣ 170

I. „*Безконный*“ *товарный и вольный пассажирскій извозъ* (170—180): общія замѣчанія (170—171). А) *Безконный товарный* извозъ (171—175). Общее значеніе и прежніе размѣры (171—173), нынѣшній упадокъ (173—174); размѣры провозныхъ платъ (174—175). Б) *Вольный пассажирскій* извозъ (175—180): пункты его развитія (175—177); прежнее значеніе промысла (177—178), теперешній упадокъ (178); провозныя платы (179); заключеніе (180).

II. *Контрактная гоньба* (180—188). А) *Почтовая гоньба* (180—183): обзоръ станцій (180—181); контрактная плата и расходы (181—183); общее значеніе (183). Б) *Земская гоньба* (183—186): распространеніе ямщицкихъ артелей (183—185); условія промысла (185—186). В) *Этапная гоньба* (186—188), перевозка солдатъ (188).

§ 3. Дворничество 188

Упадокъ промысла (188—190). Обзоръ пунктовъ его развитія (190—

194). *Элементы доходности* промысла прежде и теперь (194—198); общая его выгодность (198—199). — Дворничество внѣ большого тракта (200—201).
Дополненіе. Дачный промыселъ (201—203).

§ 4. Сплавъ и судоходство 203

а) Занятія по *пароходству* (203—205); b) занятія по сплаву на *паузкахъ* (205—206) и на *лодкахъ* (206).

Глава девятая. Основанія владѣнія и формы пользованія землею 207

§ 1. Основанія владѣнія. Разграниченіе земельныхъ дачъ . 207

Волостныя дачи (207). *Спорныя земли и отношенія* (207—213) съ инородцами (209—212), съ гор. Маріинскомъ (212—213). *Разграниченіе внутри волостныхъ дачъ* (213—220): волости Нелюбинская и Спасская (213—214), Семилужная (214—216), Зырянская (216), Баимская (216—217), Почитанская (217—218), Ишимская (218—220). Заключеніе (220—221).

§ 2. Формы земленользованія. Пахатныя и сѣнокосныя земли 221

Заимочное и вольное пользованіе (221—238). Предварительныя замѣчанія (221). Характеристика и смыслъ *заимочнаго владѣнія* (221—223), основы его (223); различіе между заимочнымъ и *вольнымъ* пользованіемъ (223—225). Борьба между двумя формами (225). *Пахатныя земли* (225—229): чисто заимочная (226), чисто вольная форма (226—227), переходныя формы (227—229). Вопросъ о правѣ *сѣнокоса на залежахъ* (229—231).— *Сѣнокосы* (231—238) въ Томскомъ районѣ (231—233), въ Чулымскомъ: заимочные (233), свободные: поемные (233—235), не поемные (235—236). Вопросъ о правѣ *распашки* чужихъ *сѣнокосовъ* (236—238).
Виды душевого пользованія (238—248): *пашни* (238—239), *сѣнокосы* (239—248): различіе между районами (239—240); переходъ къ передѣлу по отношенію къ *лѣснымъ* покосамъ (240—243); способы передѣла *поемныхъ луговъ* (243—246). *Общіе выводы* о формахъ передѣла покосовъ (247). Право на расчистки (248).

§ 3. Порядки пользованія лѣсами и кедровниками. . . . 248

I. *Способы пользованія лѣсами* и мѣры къ сбереженію ихъ (248—261). Неограниченно свободное пользованіе въ Чулымскомъ районѣ (248—249). Томскій районъ (249—261): обособленіе селенныхъ дачъ (249—250); надзоръ за способомъ рубокъ (250). Обзоръ *способовъ регулированнаго пользованія* (251 — 257) въ волостяхъ: Семилужной (251—252) и Спасской (252—255). Систематическое сопоставленіе этихъ формъ (256—257). Разборъ относительныхъ достоинствъ лѣсосѣчной системы и передѣла по душамъ (258—261).
II. *Способы пользованія кедровниками* (261—264). Запрещеніе порубокъ (261). Сфера свободнаго пользованія (262). *Регулированное пользованіе* (263—264): передѣлъ на душевые участки, регулированный захватъ.

§ 4. Порядки пользованія пастбищами, усадьбами, огородами и т. п.. . . . . стр. 263

I. *Порядки пользованія пастбищами* (265—271): заимочныя поскотины (265). Вольное пользованіе общинными пастбищами (266—267). Городьба (267—268). Ответственность за потравы (268—271).

II. *Порядки пользованія усадьбами и огородами, пасѣками* и т. д. (271—274): усадебныя земли (271—272), огороды (272), пасѣки (273), мельницы и др. (273—274).

Приложеніе къ главѣ девятой. Рѣшенія волостныхъ судовъ и т. п. документы, относящіеся къ формамъ землепользованія въ четырехъ волостяхъ Томскаго округа 275

I. *Пахатныя и сѣнокосныя земли* (275—286): 1) захватное и вольное пользованіе (275—283); 2) отводы и зачатки душевого пользованія (283—286).

II. *Пастбища, потравы* и т. д. (286—293).

III. *Лѣса* (293—296).

IV. *Огороды, кедровники, пасѣки* (296—298).

Глава десятая. Податное обложеніе 299

§ 1. Казенные окладные платежи; общіе размѣры податного обложенія и недоимка 299

Душевые оклады и ихъ составныя части (299—301) Общая сумма окладныхъ платежей (301—302); сумма, падающая на десятину удобной земли и запашки (302—303). Общая сумма *всѣхъ* платежей и повинностей (303—304). Сколько падаетъ на душу (304—305).—*Недоимка по окладнымъ платежамъ* (305—316): общія суммы (305—306), отношеніе недоимки къ окладу (307). Выводы (306—308). Колебанія размѣра недоимки за 20 лѣтъ: цифры (309—311), разборъ ихъ (311—312). *Причины недоимокъ*: общія причины (312—313); начеты (313—315), растраты (315—316).

§ 2. Предметы мірскихъ сборовъ и натуральныя повинности. 317

А) *Волостные сборы и земскія повинности* (317—338). Общая сумма денежныхъ сборовъ (317). Предметы и размѣры денежныхъ волостныхъ расходовъ (318—319). Земская гоньба (319—322); дорожная повинность (322—329); поправка мостовъ (329—330); кормежи (331—332), разъѣзды (332—333). Службы: волостныя незамѣщаемыя (333—334), замѣщаемыя по найму (334—336), полицейскія (336—337).—Общіе итоги (337—339).

Б) *Церковные сборы и повинности* (338—344). Число приходовъ (338—339). Руга (339—340); другіе расходы и общіе итоги (340—341); службы (341 — 344). Общіе итоги церковн. сборовъ и повинностей (344).

В) *Сельскіе сборы и повинности* (344—357). Общая характеристика

стр.

Г. *Хлѣбозапасные магазины* (357—360): хлѣбная наличность и отношенія ея къ окладу (357—359). Хлѣбные долги и недоимки (359—360). (344). Содержаніе старостъ (345); содержаніе сельск. писарей (346—347); квартирные расходы (347—348); магазинные и училищные расходы (348—349). Междудворная гоньба (349—354); поправка дорогъ (354—355); караулъ поскотинъ (355), ночные караулы (355). Сельскія службы (355—356). Общіе итоги (357).

§ 3. Условія аренды угодій. Мірскіе доходы. 360

Малое *развитіе аренды* (360—361). Данныя объ арендѣ пашень (361), покосовъ (361—363), пастбищъ (363), кедровниковъ (363—364) и др.

Общественные доходы (364—368). «Кабацкія деньги» (364—365), ихъ расходованіе (365—366); поземельные доходы (366—367), другіе доходы (368).

§ 4. Системы раскладки платежей и повинностей. . . . 368

Разверстка по волостямъ (368—369) *Обзоръ раскладочн. порядковъ* (369—390): волости Зырянская (369—371), Баимская (371—373), Почитанская (373—376), Ишимская (376—381), Семилужная (381—383), Нелюбинская (384—386), Спасская (386—390). *Общіе выводы* отн. объектовъ обложенія (390—395): рабочее и ревизское (390—392), имущественное начало (392—395). Чисто-*имущественныя* раскладки (395—397).

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЫТЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ТОМСКАГО ОКРУГА И СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МАРІИНСКАГО ОКРУГА *).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ А. А. КАУФМАНА.

ГЛАВА V.

ПРОМЫСЛОВЫЯ УГОДЬЯ И ИХЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

§ 1. Рыболовныя угодья и рыболовство. Охотничьи угодья и охотничій промыселъ.

I. Рыболовныя угодья и рыболовство.

Рыболовство въ предѣлахъ изслѣдованнаго края, говоря вообще, является промысломъ второ- или даже третьестепенной важности; въ смыслѣ сбыта продуктовъ оно имѣетъ лишь мѣстное значеніе и лишь въ сравнительно ничтожной мѣрѣ служитъ для снабженія рыбою гор. Томска; въ смыслѣ источника благосостоянія оно лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ, расположенныхъ вдоль теченія Томи и Чулыма, занимаетъ между другими источниками одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ виду такого, вообще говоря, ничтожнаго значенія рыболовнаго промысла въ общей экономіи изслѣдованнаго края, а также и нѣкоторой сухости и неполноты имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала, мы не будемъ входить здѣсь въ подробное описаніе его, а ограничимся лишь краткимъ обзоромъ мѣстностей, гдѣ существуетъ этотъ промыселъ, съ

*) Цифровыя и разспросныя данныя по тремъ волостямъ Марінскаго округа собирались А. А. Кауфманомъ совмѣстно съ С. И. Каффка.

указаніемъ существующихъ въ каждой данной мѣстности видовъ послѣдняго и, насколько окажется возможнымъ, его размѣровъ и общаго значенія въ хозяйственной жизни населенія, отсылая за болѣе обстоятельными данными о способахъ ловли рыбы и т. п. къ XI, XV и особенно XII выпускамъ „Матеріаловъ“.

Въ *Томскомъ* районѣ рыболовный промыселъ существуетъ только въ расположенныхъ на побережьѣ Томи селеніяхъ *Нелюбинской* волости, изъ которыхъ на первый планъ надо поставить д. *Попадейкину*. Здѣсь рыболовство является основнымъ источникомъ благосостоянія населенія: въ теченіе всего лѣта, со спада водъ, и осени, до замерзанія Томи, производится неводной ловъ, главнымъ образомъ на ершей, окуней, плотву (чебаковъ) и т. п. мелкую рыбу; въ селеніи имѣется восемь стосаженныхъ неводовъ, принадлежащихъ каждый небольшой артели, по 3 хозяина въ каждой; стоимость неводовъ довольно высока—при заведеніи вновь около 100 р., при постепенномъ ремонтѣ—отъ 50 до 100 р. въ годъ; для успѣшной работы неводомъ требуется 8—9 рабочихъ; артели владѣльцевъ неводовъ, не имѣющихъ достаточно рабочихъ рукъ, пускаютъ испольщиковъ; продуктъ лова въ этомъ случаѣ дѣлится на двѣ равныя части, одна изъ которыхъ идетъ владѣльцамъ невода цѣликомъ, другая дѣлится поровну между всѣми работающими. Невода работаютъ не постоянно, а въ свободное отъ другихъ занятій (сѣнокоса и т. п.) время, причемъ въ день закидывается до 8—10 тоней. За всѣ 4—4½ мѣсяца ловли неводъ добываетъ рыбы среднимъ числомъ на 200—300 р., всѣ восемь неводовъ — на 2—2½ тысячи, изъ которыхъ около 500—600 р. поглощается ремонтомъ неводовъ; убытка неводный ловъ никогда не даетъ. Зимой все населеніе д. Попадейкиной ловитъ рыбу „мелкою снастью“: налимовъ—самоловами, максуновъ и сырковъ — сѣтями, всякую мелкую рыбу—мордами („корчаги“); при благопріятныхъ условіяхъ рыболовъ за зиму зарабатываетъ:

на самоловахъ . до 50 р.
„ сѣтяхъ . . „ 20—30 р.,

и небольшую сумму на мордахъ, — но нерѣдко зимній ловъ оказывается и „въ пустую“, снабжая рыболововъ только рыбою на продовольствіе.

Важное значеніе, далѣе, рыболовство имѣетъ въ селеніяхъ, расположенныхъ на сѣверной окраинѣ волости—въ с. *Иштанскомъ*, д. *Луговой*, *Козюлиной* и *Орловой*; главное значеніе имѣетъ здѣсь ловъ максуновъ и сырковъ, производимый осенью, небольшими (10 саж. длины)

сѣтями. Сѣти эти изготовляются самими рыболовами и обходятся около 1 рубля съ штуки (на 10 сѣтей 6—7 фунт. нитки по 80 к.—1 р. за фунтъ; вяжутъ сѣти при наймѣ по 2½—3 к. съ саженя); срокъ службы ихъ неопредѣленъ и можетъ, смотря по условіямъ, колебаться между 1 и 10 годами. Сѣти выставляются въ концѣ лѣта; сначала въ нихъ ловится сырокъ, а затѣмъ уже, осенью, — макеунъ; размѣры becовъ того и другого различны въ зависимости отъ состоянія воды въ рѣкѣ: наибольшіе уловы получаются, если весенній разливъ былъ великъ и не было „прибылицы“ — второго, осенняго разлива, — въ общемъ-же уловы сравнительно съ прежними годами значительно сократились: прежде втроемъ удавалось добыть за осень до 700 шт. макеуновъ, теперь—не болѣе сотни; на 10 сѣтей налавливали за осень до 1000 и болѣе штукъ сырковъ, теперь обыкновенный уловъ не превышаетъ 200—300, лучшій—500 штукъ. Продается рыба въ Томскѣ, макеуны отъ 45 до 60 р., сырки—отъ 3 до 5 и 7 рублей за сотню. Второстепенное значеніе въ названныхъ селеніяхъ имѣетъ весенняя ловля удочкой въ озеркахъ Томской поймы заходящей въ нихъ во время половодья рыбы — окуней, щукъ, карасей, чебаковъ и пр., и зимняя ловля ельцовъ (головлей) „корчагами“; въ Луговой, кромѣ того, имѣется одинъ 80-саженный неводъ, принадлежащій двумъ найщикамъ и дающій имъ въ лѣто, за вычетомъ заработка 3—4 исполыциковъ, по 100 р. и болѣе чистой прибыли.—Объ общихъ размѣрахъ рыболовнаго промысла въ селеніяхъ разсмотрѣнной группы могутъ дать понятіе слѣдующія цифры, относящіяся къ довольно плохимъ уловамъ 1889—1890 года:

	Общее число дворовъ.	Изъ нихъ занималось рыболовствомъ.	Всего за годъ заработано рублей.	Въ среднемъ на дворъ рублей.
Въ с. Иштанскомъ . . .	64	30	853	28
Въ д. Луговой	44	29	1.036	36

Для отдѣльныхъ дворовъ размѣръ заработка подверженъ значительнымъ колебаніямъ: для однихъ (если не считать рыбы, наловленной для собственнаго потребленія) онъ падаетъ до нуля, для другихъ поднимается до 60—70 рублей въ годъ.

Значительно менѣе развито рыболовство въ д. *Чернильщиковой*: здѣсь 23 двора (изъ 60) имѣли денежнаго дохода отъ рыболовства всего 240 р., или въ среднемъ на дворъ немногимъ болѣе 10 рублей. Виды рыболовнаго промысла тѣ-же, что въ предыдущихъ селеніяхъ: осенніе

лъ макуновъ, которымъ занимаются однако лишь немногіе дворы, и зимній ловъ сельцовъ; эти послѣдніе ловятся въ устьѣ „духовой“ *) рѣчки Самуски, гдѣ устраиваются небольшіе запоры, у отверстій которыхъ ставятся морды; сверхъ того д. Чернильщикова владѣетъ небольшимъ неводнымъ пескомъ, который сдаетъ въ аренду за 20 р. въ годъ. Въ остальныхъ двухъ при-Томскихъ селеніяхъ Нелюбинской волости рыболовство почти не существуетъ; рыбу ловятъ въ каждомъ селеніи всего нѣсколько дворовъ, получающихъ болѣе или менѣе незначительный заработокъ.

Чтобы покончить съ Нелюбинскою волостью, надо еще указать на то, что, благодаря близости Томска, рыболовы имѣютъ возможность продавать результаты своего улова на Томскомъ рынкѣ непосредственно потребителямъ, минуя какихъ-бы то ни было скупщиковъ и вообще посредниковъ.

Въ *Чулымскомъ* районѣ рыболовство имѣетъ сравнительно большее значеніе въ волостяхъ *Инаимской* и Зырянской. Въ первой оно является однимъ изъ основныхъ источниковъ благосостоянія въ селеніяхъ, расположенныхъ на правомъ берегу Чулыма — с. *Троицкомъ*, д. *Нижне-Дороховой* и *Боровой*. Главный видъ промысла здѣсь — ловля стерлядей самоловами (протягиваемая горизонтально веревка съ прикрѣпленными къ ней острыми крючьями, на которые напарывается во время „хода“ рыба; на самоловѣ бываетъ до 40—50 и болѣе крючьевъ); ловля происходитъ съ конца Августа и до Новаго года: самоловы ставятся осенью, затѣмъ въ концѣ Сентября снимаются и ставятся вторично уже подо льдомъ. Уловъ весьма разнообразенъ въ зависимости прежде всего отъ „хода“ рыбы: послѣдняя большую часть времени лежитъ въ ямахъ, а поднимается и „ходитъ“ раза два въ осень и разъ зимой, причемъ подъ одними самоловами она можетъ пройти всею массой, другіе можетъ и вовсе миновать. Независимо отъ этого, уловы зависятъ вообще отъ состоянія воды въ рѣкѣ, — они бываютъ хороши, когда нѣтъ вторичнаго осенняго поднятія воды; въ такомъ случаѣ рыболову удается добыть за осень до 200 р., при худыхъ условіяхъ уловъ падаетъ до ничтожной величины и даже до нуля. Кромѣ этого вида промысла, въ названныхъ селеніяхъ производится ловъ налимовъ переметами (удочки съ нѣсколькими крючками), мелкой рыбы (больше для собственнаго потребленія) — сѣтями и фитилями, а въ с. Троицкомъ, кромѣ того, сеть и невода (всего 4, изъ которыхъ два принадлежатъ живущему въ с. Троицкомъ мѣщ. Синицыну): эти послѣдніе служатъ для ловли „бѣлой“ рыбы — чебаковъ, карасей, щукъ, язей,

*) См. Тобольск. «Матер.», вып. XI стр. 212—213.

окуней по небольшимъ озеркамъ, „курьямъ“ и т. п., и имѣютъ поэтому небольшіе размѣры (30—40 саж.), что и отражается на принципѣ развертки улова: въ этой мѣстности, да и вообще по Чулыму, „неводъ съ человѣкомъ вровень“ — владѣлецъ невода получаетъ не половину улова, какъ на Томи, а только одинъ пай вравнѣ съ каждымъ изъ работавшихъ при неводьбѣ. — Въ общей сложности рыболовство даетъ очень значительный, но неравномѣрно распредѣляющійся по годамъ заработокъ; въ тѣ года, когда улова нѣтъ или онъ незначителенъ, крестьяне забираютъ деньги въ долгъ подъ будущіе уловы у скупщиковъ, чрезъ руки которыхъ вообще проходитъ вся идущая изъ этой мѣстности на продажу рыба; за пудъ скупщики платятъ:

стерляди зимой . . .	4—5 руб.
лѣтомъ . . .	2—3 „
осетрины	5—6 „
щуки осенью	80 к.—1 р.
зимой	1 р. 20—1 р. 50 к.
карася	2 „ и болѣе.

Въ остальныхъ при-Чулымскихъ селеніяхъ Нашимской волости — д. *Ст. Кусковой* и с. *Ново-Кусковскомъ* — рыболовство существуетъ лишь въ небольшихъ размѣрахъ: ловятъ чебаковъ, щукъ, карасей и т. п. „бѣлую“ рыбу по старицамъ и озерамъ Чулымской поймы; ловля производится частью „мелкою снастью“,—сѣтями, фитилями, удочками и пр., частью небольшими неводами, которыхъ имѣется: въ д. Ст. Кусковой 1, въ с. Ново-Кусковскомъ два; невода ходятъ осенью и раннею зимой, пока ледъ тонокъ. Рыба, добываемая „мелкою снастью“, почти цѣликомъ потребляется самими рыболовами, а на продажу идетъ лишь въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ; больше рыбы продаютъ дворы, участвующіе въ неводьбѣ, но и ихъ заработокъ совершенно незначителенъ. — Точно такой-же характеръ имѣетъ рыболовство въ при-Яйскихъ селеніяхъ, ближайшихъ къ впаденію Яи въ Чулымъ, — *Больше-Дороховой*, *Воронихой-Яь* и *Феоктистовой*: и здѣсь рыбу ловятъ главнымъ образомъ „мелкою снастью“ и небольшими неводами: уловы незначительны, такъ что рыба идетъ на продажу въ незначительныхъ количествахъ („кто пятокъ пудовъ продастъ, а кто десятокъ“), а главное значеніе рыболовства сводится къ подспорью въ продовольствіи. Еще ничтожнѣе значеніе рыболовства въ остальныхъ при Яйскихъ селеніяхъ, *отъ д. Больше-Кировой до с. Жарковскаго* включительно; здѣсь неводовъ вовсе нѣтъ, а рыбу только ловятъ „мелкою снастью“ — сѣтями, удочками, а главнымъ образомъ мордами — „корчажками“: рыболовство

имѣетъ цѣлью исключительно собственное потребленіе; количество „залишней“ рыбы, идущей въ продажу, настолько ничтожно, что не заслуживаетъ никакого упоминанія.—И наконецъ крестьяне д. *Емельяновки* занимаются рыболовствомъ въ расположенномъ у самой деревни озерѣ Божьемъ; прежде запасъ „бѣлой“ рыбы въ этомъ озерѣ былъ очень значителенъ; мѣстные крестьяне не только извлекали изъ рыболовства большіе заработки, но даже допускали ловить въ озерѣ рыбу крестьянъ трактовыхъ селеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по разсказамъ крестьянъ, въ теченіе лѣта случилось три разлива; съ тѣхъ поръ рыба почти совершенно пропала, и хотя рыболовствомъ и до сихъ поръ занимаются довольно многіе хозяева, но ловятъ рыбу не на продажу, а почти исключительно для собственнаго потребленія.

Въ *Зырянской* волости рыболовство особенно развито въ при-Чулымскихъ селеніяхъ; изъ нихъ менѣе другихъ — въ д. *Цыгановой*; сравнительно малое развитіе рыболовства объясняется здѣсь и худшимъ качествомъ рыболовныхъ угодій, и почти полнымъ отсутствіемъ дворовъ, не имѣющихъ заплики: главный видъ лова здѣсь -неводьба небольшими 30 —40 саженными неводами, требующими для дѣйствія лѣтомъ 5—6, а подо льдомъ—7 или 8 человѣкъ рабочихъ; такихъ неводовъ въ селеніи 7; большая часть ихъ принадлежитъ отдѣльнымъ хозяевамъ, допускающимъ „исполыциковъ“ на памѣченныхъ на предъидущей страницѣ условіяхъ. Ловъ продолжается всю осень и начало зимы и даетъ незначительные результаты. Изъ другихъ снарядовъ въ Цыгановой употребляются только фитили для весенняго лова бѣлой рыбы. Въ общемъ заработокъ, даваемый рыболовствомъ, невеликъ, хотя въ качествѣ источника уплаты податей оно и является существеннымъ подспорьемъ. Въ остальныхъ при-Чулымскихъ селеніяхъ—с. *Зырянскомъ*, *Богусловскомъ*, *Красноярскомъ*, а особенно д. *Иловкѣ* и с. *Чердатскомъ*—рыболовство имѣетъ гораздо большее значеніе: такъ или иначе „промысломъ“ занимается почти поголовно все населеніе, но не мало хозяевъ ловитъ рыбу только „про себя“, въ качествѣ подспорья къ собственному продовольствію; для „настоящихъ“ рыболововъ, составляющихъ въ этихъ селеніяхъ большинство, рыболовство является однимъ изъ основныхъ (рядомъ съ земледѣліемъ) источникомъ благосостоянія, хотя, въ виду случайнаго характера улововъ, и не можетъ служить единственнымъ источникомъ существованія двора. Изъ видовъ рыболовнаго промысла во всѣхъ разсматриваемыхъ селеніяхъ существуетъ осенняя неводьба „бѣлой“ рыбы; такъ въ с. Зырянскомъ имѣется 10 неводовъ, въ Богусловскомъ—3, въ Красноярскомъ—5, всѣ небольшого, 30—40 саженнаго размѣра; существуетъ также въ небольшихъ размѣрахъ и весенній ловъ фитилями. Но важнѣйшимъ для этой мѣстности видомъ ры-

боловнаго промысла является ловля стерлядей, а мѣстами -и налимовъ, самоловами (см. выше, стр. 4); для этого промысла рыболовы обыкновенно соединяются по двое, перегораживаютъ рѣку и ставятъ каждый по 10 — 15 самолововъ; уловы въ прежнее время были чрезвычайно значительны: пока обирали попавшуюся рыбу съ одного самолова, на обобранный ранѣе самоловъ садилось столько-же рыбы, сколько съ него только-что было снято; въ настоящее время, какъ объясняютъ крестьяне, подъ вліяніемъ пароходства, уловы сильно сократились, — но все-же, напр., въ 1885 году еще зарабатывали на самоловахъ до 150—200 р. на человѣка. Сверхъ того довольно употребительны здѣсь, для ловли по преимуществу язей, переметы (см. выше, стр. 4); рыболовъ ставитъ по 2—3 перемета, по 40—50 крючковъ на каждомъ.

Въ при-Кійскихъ селеніяхъ (*Туендатъ*, *Шиняева*, *Окунея*), рыболовный промыселъ имѣетъ нѣсколько иной характеръ: стерлядь и налимъ въ Кіѣ ловятся мало, почему самоловы и переметы имѣются лишь у немногихъ дворовъ. Ловятъ здѣсь главнымъ образомъ „бѣлую“ рыбу — щукъ, окуней, чебаковъ и т. п., употребляя для ловли небольшіе 30—40 саженные невода или-же „бредники“ въ 15—20 сажень длины, а также фитили, „корчаги“ и т. п. „мелкую снасть“. Невода имѣются только у немногихъ, большинство же рыболововъ работаетъ „бредниками“ или „мелкою снастью“. Для ловли нельмы употребляются здѣсь „саклавы“ *); но въ силу значительной ихъ стоимости саклавы доступны лишь для зажиточныхъ дворовъ и потому число ихъ очень невелико: въ д. Туендатъ ихъ имѣется всего двѣ, въ Окунеѣ—одна. Что касается затѣмъ до размѣровъ рыболовнаго промысла въ этой мѣстности, то во всѣхъ трехъ названныхъ селеніяхъ рыболовствомъ занимается почти все населеніе поголовно: „кто веспой сѣти ставитъ, кто лѣтомъ съ бреднякомъ бродитъ“; большинство рыболововъ въ д. Туендатѣ и Шиняевой ловитъ однако рыбу только „для варева“, и лишь меньшинство продаетъ болѣе или менѣе значительныя количества рыбы — для этого меньшинства только рыболовство имѣетъ характеръ промысла. Напротивъ въ д. Окуневѣ рыболовство является не менѣе существеннымъ источникомъ благосостоянія, нежели земледѣліе: запашки здѣсь невелики, земля плоха, и въ иной годъ „одна рыба выноситъ“ — даетъ главную часть необходимыхъ для существованія населенія средствъ.

Что касается до при-Яйскихъ селеній — *Арышевой* и *Семеновки*, то рыболовство имѣетъ въ нихъ лишь второстепенное значеніе: большинство ловитъ рыбу для собственнаго потребленія и лишь незначи-

*) Объ устройствѣ носящаго это названіе прибора въ нашихъ матеріалахъ свѣдѣній не имѣется.

тельное меньшинство извлекаетъ изъ продажи рыбы денежный доходъ. По характеру рыболовныхъ мѣстъ и видамъ рыболовнаго промысла эти селенія представляютъ полное сходство съ расположенными по нижнему теченію Яи селеніями Пишмской волости.

Обращаясь затѣмъ къ условіямъ сбыта продуктовъ рыболовства, мы находимъ, что вся добываемая крестьянами Зырянской волости рыба продается на мѣстѣ скупщикамъ изъ мѣстныхъ-же крестьянъ, которые вывозятъ ее частью въ г. Мариинскъ, главнымъ-же образомъ въ трактовыя селенія Почитанской волости. Обычныя мѣстныя цѣны стоятъ лѣтомъ и осенью примѣрно на слѣдующемъ уровнѣ:

чебакъ (плотва) . . .	30—40 к.	за пудъ
щука	80 к.—1 р.	„ „
налимъ.	1 р. 50 к.—2 р.	„ „
стерлядь	2 „ 50 „ —3 „	„ „
пельма.	3 „ 50 „ —4 „	„ „

Въ *Почитанской* волости рыболовство, можно сказать, совершенно не существуетъ: промысломъ этимъ въ при-Яскихъ селеніяхъ и въ селеніяхъ, расположенныхъ по притокамъ Яи и Кии, никто не занимается, и только въ при-Кійскихъ селеніяхъ—*Кирсановкѣ* и *Калеулѣ*—нѣсколько дворовъ ловятъ рыбу по озерамъ и старицамъ поймы р. Кии; ловля производится „мелкою снастью" и небольшими неводами и даетъ занимающимся ею дворамъ довольно значительный доходъ (такъ по даннымъ подворной описи въ д. Калеулѣ 1 двора за годъ продали „бѣлой рыбы" на 160 рублей).

Нѣсколько большее значеніе рыболовство имѣетъ въ при-Кійскихъ селеніяхъ *Баимской* волости, и главнымъ образомъ въ д. *Тепгулахъ* и *Большомъ Антибесѣ*. Въ первомъ изъ этихъ двухъ селеній ловля производится въ р. Кіѣ и озеркахъ Кійской поймы, главнымъ образомъ лѣтомъ, небольшими неводами и весной, мордами и фитилями; ловится преимущественно обыкновенная бѣлая рыба; но кромѣ того попадается и пельма, которую ловятъ, перегородивъ рѣку; ловля пельмы даетъ очень неравномѣрный, но при удачѣ — значительный доходъ, въ общемъ же доходность рыболовнаго промысла въ д. Тепгулахъ очень значительна: по даннымъ подворной описи 10 дворовъ рыболововъ въ 1889 — 1890 г. продали рыбы на 765 р., что въ среднемъ на каждый дворъ составляетъ болѣе 76 рублей. Въ д. Б. Антибесѣ лѣтній ловъ производится въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ и только для собственнаго потребленія; значеніе промысла имѣетъ зимній ловъ жерлицами, при которомъ ловятся щука, налимъ, иногда и пельма; зара-

ботокъ, даваемый этимъ ловомъ, не особенно значителенъ: рыболовъ на 150 — 200 жерлицъ зарабатываетъ въ зиму 10 — 20 рублей. Сверхъ двухъ разсмотрѣнныхъ селеній, рыболовство существуетъ еще въ двухъ селеніяхъ расположенныхъ по нижнему теченію притока Кіи, Тяжина — *Рубиной* и *Богдановой*, но совершенно не имѣетъ здѣсь характера промысла: вся добываемая рыба потребляется самими крестьянами и въ продажу не идетъ; ловля производится лѣтомъ и осенью, мордами и сѣтями; ловятся щука, налимъ, ельцы, чебаки, лини и проч..

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ рыболовнаго промысла изслѣдованнаго края. Резюмируя результаты этого обзора, мы можемъ сказать, что въ этомъ краѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго района, который можно было-бы назвать исключительно или даже преимущественно рыболовнымъ; мы можемъ указать только на одно селеніе Нелюбинской волости, гдѣ рыболовство является главною основой благосостоянія населенія. — на д. Понаденкину. Гораздо многочисленнѣе селенія, гдѣ рыболовство является *однимъ* изъ основныхъ источниковъ благосостоянія рядомъ съ земледѣліемъ или какими-либо другими промысловыми заработками; такія селенія составляютъ два небольшихъ сомкнутыхъ района, прилегающихъ къ крупнѣйшимъ воднымъ артеріямъ изслѣдованнаго края: одинъ небольшой — сѣверная окраина Нелюбинской волости, расположенная по теченію Томи (всего 4 селенія); другой, нѣсколько больший, омываемый теченіемъ Чулыма и заключающій въ себѣ сѣверо-восточныя окраины Ишимской (3 селенія) и Зырянской (5 селеній) волостей. На тѣхъ-же рѣкахъ, въ чертѣ всѣхъ трехъ названныхъ волостей, а также въ нижнемъ теченіи Яи и на побережьѣ Кіи мы находимъ еще рядъ селеній (всего около 15), гдѣ рыболовство, не претендуя въ ряду источниковъ благосостоянія населенія ни на первостепенное, ни даже на второстепенное значеніе, все же даетъ населенію болѣе или менѣе значительный денежный доходъ; и наконецъ есть нѣсколько селеній, расположенныхъ главнымъ образомъ по р. Яѣ, Кіѣ и Тяжину, гдѣ рыболовство вовсе или почти вовсе не даетъ денежнаго дохода, а имѣетъ исключительно характеръ подспорья къ продовольствію населенія.

Что касается до измѣненія значенія рыболовнаго промысла во времени, то не подлежитъ сомнѣнію, что уловы, а вмѣстѣ съ ними и размѣры доставляемаго рыболовствомъ заработка, въ сравненіи съ недавно прошедшими годами значительно сократились. Мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для выясненія причинъ исчезновенія рыбы, но самое исчезновеніе должны признать положительнымъ фактомъ. Явленіе это не достигло еще, правда, такихъ размѣровъ, какъ напр. въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи, гдѣ рыболовство уже совершенно

исчезаетъ; но и въ изслѣдованномъ краѣ уловы сократились въ нѣсколько разъ въ сравненіи съ прежними, и въ будущемъ нельзя ожидать ничего, кромѣ дальнѣйшаго ихъ сокращенія. Съ каждымъ годомъ, говоря вообще, сокращаются и размѣры даваемаго рыболовствомъ денежнаго дохода, но сокращеніе послѣдняго идетъ гораздо медленнѣе, нежели сокращеніе becloвовъ: по мѣрѣ уменьшенія послѣднихъ цѣны на рыбу возрастаютъ, и это возрастаніе хотя и не вполнѣ, но въ значительной мѣрѣ парализуетъ вліяніе сокращенія becloвовъ.

II. Охотничьи угодья и охотничій промыселъ.

Значеніе охотничьяго промысла въ общей экономіи изслѣдованнаго края еще значительно меньше, нежели значеніе рыболовства. Въ виду этого мы по отношенію къ этому промыслу также ограничимся лишь самымъ краткимъ обзоромъ, за подробностями отсылая къ XI выпуску „Матеріаловъ“.

Особенно ничтожно въ настоящее время и, сколько мы знаемъ, было всегда значеніе охотничьяго промысла въ Томскомъ районѣ. Въ мѣстностяхъ этого района, имѣющихъ особенно рѣзко выраженный пригородный характеръ — именно въ ближайшихъ къ Томску селеніяхъ Спасской (Заварзинское с. о. и нѣкоторыя селенія другихъ обществъ) и Семилужной (Лязгинское. Воронинское, Киргизское с. о.) волостей охотничій промыселъ совершенно не существуетъ. Въ южной, болѣе отдаленной отъ города части Спасской волости есть охотники, но число ихъ совершенно незначительно и размѣры заработка не велики; бо́льшая часть охотниковъ въ этой мѣстности не удаляется за предѣлы волостной дачи и стрѣляетъ больше птицу — тетеревей, рябчиковъ, а при случаѣ — и мелкаго пушнаго звѣря — колонковъ и т. п.; сравнительно немногіе идутъ на охоту въ Алтайскую тайгу и здѣсь промышляютъ по преимуществу рябчиковъ и бѣлокъ. Сходный характеръ и значеніе имѣетъ охотничій промыселъ и въ Нелюбинской волости: и здѣсь число охотниковъ ни въ одномъ селеніи не превышаетъ нѣсколькихъ человѣкъ, а во многихъ селеніяхъ ихъ и вовсе нѣтъ; охотятся исключительно въ волостной дачѣ, гдѣ стрѣляютъ по преимуществу птицу для продажи на Томскомъ базарѣ; въ прилегающей съ запада къ Нелюбинской волости Чулымской тайгѣ дичь водится въ изобиліи, а не мало и разнаго „звѣря“, но Нелюбинскіе крестьяне „промысломъ“ въ тайгѣ совершенно не занимаются; всю дичь—замѣтили изслѣдователи—въ тайгѣ убиваютъ жители многочисленныхъ разбросанныхъ по тайгѣ пасѣкъ и заимокъ. Въ ближайшихъ къ тайгѣ и болѣе удаленныхъ отъ города

селеніяхъ Семилужной волости (с. Семилужномъ, д. Халдеевой и селеніяхъ Коннинскаго с. о.) охотничій промыселъ нѣсколько болѣе развитъ: и здѣсь, правда, число охотниковъ не очень значительно, но въ числѣ ихъ есть и „настоящіе“ охотники, „промышляющіе“ въ тайгѣ и добывающіе не только бѣлокъ и рябчиковъ, но и хищныхъ звѣрей— волковъ и медвѣдей; заработокъ такихъ охотниковъ бываетъ довольно великъ и играетъ существенную роль въ бюджетѣ тѣхъ дворовъ, къ которымъ они принадлежатъ.

Сказаннымъ исчерпываются всѣ наши свѣдѣнія объ охотничьемъ промыслѣ въ волостяхъ Томскаго района; мы можемъ только добавить къ этому, что сбытъ продуктовъ этого промысла происходитъ на Томскомъ рынкѣ скупщикамъ, по обыкновенію безъ участія кредита и т. п. условій, ставящихъ промышленника въ зависимость отъ торговца. Свѣдѣнія наши о цѣнахъ „лѣснаго товара“ также представляются довольно неполными; мы имѣемъ именно данныя только о цѣнахъ двухъ главныхъ видовъ этого товара — бѣлокъ и рябчиковъ и лишь о нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ. Цѣны на товаръ примѣрно слѣдующія:

на бѣлокъ дешевая цѣна . .	10—12 к.	за штуку
сам. дорогая . .	18 к.	„
на рябчиковъ средняя цѣна .	10—12 к.	„
сам. дешевая . .	6— 7 „	„
дорогая . .	до 15 к.	„
на тетеревей (косачей) . . .	отъ 9 до 12 к.	„
на колонковъ въ послѣдніе годы	80 к.—1 р. 10 к.	за штуку
прежде	до 1 р. 80 к.	„
на бурундуковъ въ послѣдн. годы	80 к.—1 р.	„
прежде	до 2 р.	„
на волковъ	1 р. 50 к.—2 р.	„
на лисицъ	3 р. — 4 р.	„

Цѣны дичи и пушного товара находятся въ тѣсной зависимости отъ цѣнъ, опредѣляющихся на главномъ для всей Сибири центрѣ торговли тою и другимъ — на Ирбитской ярмаркѣ.

Въ *Чулымскомъ* районѣ есть рядъ мѣстностей, гдѣ охотничій промыселъ и въ настоящее время гораздо болѣе развитъ, нежели въ какой-либо части Томскаго района, а прежде былъ однимъ изъ основныхъ источниковъ крестьянскаго благосостоянія; къ такимъ мѣстностямъ относятся волости Ишимская и Зырянская.

Въ южной части *Ишимской* волости охотничій промыселъ въ настоящее время имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели прежде:

прежде въ прилегающихъ къ этой мѣстности съ юга и запада тайгахъ водился разный „звѣрь“, начиная отъ мелкаго пушного — колонковъ и бурундуковъ — и кончая лосями и медвѣдями, — и охота на этого рода „товаръ“ была главною задачею мѣстныхъ промышленниковъ. Въ настоящее время и лоси, и медвѣди, и пушной звѣрь почти совершенно исчезъ, что крестьяне единогласно приписываютъ опустошительной дѣятельности ежегодно заходившихъ въ эту мѣстность „снизу“ — съ низовьевъ Чулыма — замѣчательно ловкихъ охотниковъ-остяковъ. Въ настоящее время главнымъ предметомъ промысла въ этой мѣстности являются рябчики; „междудѣлкомъ“ убиваютъ довольно много бѣлокъ, а изрѣдка попадаются колонки, бурундуки, волки, лисицы, а иногда и медвѣди. Наибольшихъ размѣровъ охотничій промыселъ достигаетъ въ двухъ вдавшихся въ Алтайскую тайгу селеніяхъ — с. *Лебедянскомъ* и д. *Емельяновкѣ*; здѣсь большинство способныхъ носить ружье мужиковъ охотится раннею зимою, „пока снѣгъ не оглубѣетъ“, по ближайшимъ урочищамъ тайги; такіе „междудѣльные“ охотники зарабатываютъ по 10, 15, рѣдко 20 рублей „на ружье“; но въ каждомъ изъ названныхъ селеній есть довольно значительное число и „настоящихъ“ охотниковъ, которые уходятъ въ лѣсъ почти на цѣлую зиму. Заработокъ такихъ охотниковъ, вообще говоря, довольно значителенъ: зимой 1889—1890 г., при *худой* охотѣ, такіе охотники настрѣливали „на ружье“ по 500 рябчиковъ и сотнѣ бѣлокъ, не считая небольшого числа колонковъ и т. п., — слѣдовательно зарабатывали примѣрно до 70 — 80 р. за зиму; при хорошей охотѣ „на ружье добываютъ“ по 100 рублей и болѣе. „Настоящіе“ охотники есть также и въ остальныхъ близкихъ къ тайгѣ селеніяхъ южной части Ишимской волости — въ д. *Кайлѣ* и с. *Данковскомъ*; но здѣсь число ихъ уже незначительно, и даже „междудѣлкомъ“ на охоту ходитъ лишь меньшинство способныхъ къ тому крестьянъ. Изъ при-Яйскихъ селеній охотничій промыселъ существуетъ только въ с. *Жарковскомъ*; въ прежнее время онъ былъ здѣсь очень сильно развитъ, но въ настоящее время пришелъ, благодаря исчезновенію „звѣря“, въ полный упадокъ: „настоящихъ“ охотниковъ вовсе не осталось, и только осенью нѣсколько человѣкъ въ теченіе какихъ нибудь 4—5 недѣль ходитъ на охоту, зарабатывая въ это время какіе-нибудь 10 — 15, иногда и 5 р. „на ружье“. Въ остальныхъ при-Яйскихъ селеніяхъ южной половины Ишимской волости, а также въ трактовыхъ селеніяхъ, охотничій промыселъ, можно сказать, совершенно не существуетъ.

Вся добыча охотничьяго промысла южной части Ишимской волости отвозится самими охотниками, помимо какихъ-либо посредниковъ, въ Томскъ, и тутъ продается мѣстнымъ купцамъ.

Въ *сѣверной* части Ишимской волости въ при-Яйскихъ селеніяхъ охотничій промыселъ почти совершенно не существуетъ; не имѣетъ онъ большого значенія и въ селеніяхъ, расположенныхъ по лѣвымъ притокамъ Яи и Чулыма: постоянно, изъ года въ годъ, занимается этимъ промысломъ лишь небольшое число крестьянъ, да и ихъ заработокъ очень незначителенъ: главный видъ промысла здѣсь—охота на бѣлку, но бѣлка обыкновенно прячется въ глубинѣ тайги, куда крестьянамъ этой мѣстности „ходу нѣтъ", и выходитъ изъ тайги въ доступные для крестьянъ ближніе бора только изрѣдка, разъ въ нѣсколько лѣтъ, въ годы, слѣдующіяся за хорошими урожаями кедроваго орѣха (въ такіе годы бѣлка не находитъ въ тайгѣ корма и потому уходитъ за нимъ въ бора). Въ такіе годы на промыселъ выходитъ всякій, у кого есть ружье, и настрѣливаютъ, смотря по ружью и по охотнику, при обыкновенныхъ условіяхъ по 200—300, въ особенно удачные годы (1873?) до 500—600 штукъ на ружье: хорошій охотникъ иногда настрѣливаетъ до 25—30 бѣлокъ въ день. Тотъ-же бѣличій промыселъ даетъ періодическій заработокъ и крестьянамъ селеній Ишимской волости, расположенныхъ по правому берегу Чулыма (*Троицкаго*, *Боровой* и *И. Дороховой*); но здѣсь существуютъ кромѣ того и другіе виды охотничьяго промысла: охота съ ружьемъ на тетеревей, колонковъ и т. п. мелкую дичь и пушной товаръ; охота верхами (зимой) на лисицъ и волковъ, иногда—на медвѣдей; прежде важнѣйшимъ видомъ охоты была здѣсь охота на лосей, но въ настоящее время лоси здѣсь тоже исчезли; общая доходность охотничьяго промысла и здѣсь, поэтому, значительно уменьшилась, но тѣмъ не менѣе промыселъ этотъ въ за-Чулымскихъ селеніяхъ, благодаря ихъ близости къ тайгѣ, является, рядомъ съ земледѣліемъ и рыболовствомъ, однимъ изъ основныхъ источниковъ благосостоянія.

Что касается до условій сбыта добычи охотничьяго промысла, то въ этомъ отношеніи сѣверная часть Ишимской волости и особенно за-Чулымскія селенія поставлены въ довольно неблагопріятныя условія: почти вся добыча сбывается мѣстнымъ скупщикамъ-кулакамъ, которые почти никогда не поднимаютъ, напр., цѣну на бѣлку выше 10—12 копѣекъ; при этомъ, какъ только „прославятъ бѣлку", охотники за нѣсколько недѣль до начала охоты забираютъ у кулаковъ деньги подъ будущую добычу, и тогда съ цѣны дѣлается еще скидка по 1—2 копѣйки на штуку; кромѣ того промышленники берутъ въ долгъ у тѣхъ-же кулаковъ порохъ, за который потомъ разсчитываются, вмѣсто Томской цѣны въ 80 к.—1 р., по 2 рубля за фунтъ.

Въ *Зырянской* волости упадокъ охотничьяго промысла, какъ слѣдствіе исчезновенія лосей и убыли пушнаго звѣря, обнаружился въ го-

раздо большей мѣрѣ, нежели въ Ишимской: въ селеніяхъ, какъ Тусидатъ, Шипяева, гдѣ охотникъ прежде зарабатывалъ за зиму до 100 и болѣе рублей,—въ настоящее время охотникъ „на рукавицы добудетъ, а бродни издеретъ"—„иной колонка одного добудетъ, а всю осень проведетъ". Значеніе основного источника благосостоянія охотничій промыселъ сохранилъ за собой только въ крайнихъ восточныхъ селеніяхъ — с. *Чердатскомъ* и д. *Илоокѣ*; крестьяне этихъ селеній — „настоящіе" охотники, занимающіеся промысломъ изъ года въ годъ и охотящіеся въ глубинѣ тайги и на бѣлокъ, и на пушнину и на медвѣдей. Въ остальныхъ при-Чулымскихъ селеніяхъ, а также въ д. Окунеѣ, „настоящихъ" охотниковъ нѣтъ: здѣсь занимаются только бѣличьимъ промысломъ, который имѣетъ здѣсь такой-же періодическій характеръ и такое-же значеніе, какъ и въ сѣверной части Ишимской волости.

Въ остальныхъ двухъ волостяхъ Чулымскаго района—*Почитанской* и *Баимской*—охотничій промыселъ, какъ и рыболовство, въ настоящее время не имѣетъ сколько-нибудь серіознаго значенія: промыселъ этотъ существуетъ только въ ближайшихъ къ р. Кіѣ и Тяжину, а слѣдовательно и къ Кійско-Чулымской тайгѣ, селеніяхъ: въ Почитанской волости—въ Калеулѣ и Кирсановкѣ, въ Баимской—въ Тенгулахъ, Рубиной, Богдановой и Теплой-Рѣчкѣ. Прежде промыселъ во всѣхъ этихъ селеніяхъ былъ очень развитъ: онъ занималъ бо́льшую часть способныхъ къ нему рукъ и давалъ имъ очень значительные заработки: въ настоящее время, подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, что̀ и въ волостяхъ Ишимской и Зыряпской, охотничій промыселъ находится въ полномъ упадкѣ: бо́льшая часть промышленниковъ совершенно оставила промыселъ; занимаются охотой въ каждомъ изъ поименованныхъ селеній лишь по нѣскольку крестьянъ, которые ходятъ въ тайгу и тамъ добываютъ главнымъ образомъ бѣлокъ, зарабатывая, смотря по удачѣ охоты, отъ 15 до 30 рублей на ружье.

Заканчивая на этомъ обзоръ охотничьяго промысла въ изслѣдованномъ краѣ, мы видимъ, что въ пяти изъ семи изслѣдованныхъ волостей значеніе этого промысла совершенно ничтожно, такъ что полное исчезновеніе его не повело-бы за собой никакихъ измѣненій въ экономическомъ строѣ жизни населенія. Только въ двухъ волостяхъ—Ишимской и Зыряпской—и въ частности въ сѣверной части первой и восточной части второй—охотничій промыселъ еще играетъ довольно важную роль. Но и здѣсь онъ находится въ полномъ упадкѣ, такъ что въ довольно близкомъ будущемъ можно ожидать его совершеннаго исчезновенія.

§ 2. Кедровники и кедровый промыселъ. Ягодный, грибной промыслы, и т. д..

Въ настоящемъ § мы дадимъ обзоръ промысловъ, заключающихся въ сборѣ такихъ растительныхъ продуктовъ, которые являются, такъ сказать, безплатнымъ даромъ природы; весь трудъ человѣка въ этихъ промыслахъ сводится къ простому захвату, апропріаціи такихъ даровъ (эта апропріація впрочемъ иногда,—какъ напр. въ кедровомъ промыслѣ, — бываетъ сопряжена съ большими трудностями), и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (опять-таки въ кедровомъ промыслѣ) — еще и къ охранѣ ихъ во время ихъ произрастанія и къ приведенію ихъ въ болѣе удобный для потребленія видъ. Главнымъ изъ такихъ промысловъ въ изслѣдованномъ краѣ является добыча кедроваго орѣха; гораздо меньшее значеніе имѣетъ ягодный промыселъ, совершенно ничтожное — сборъ грибовъ и „колбы".

I. Кедровники и кедровый промыселъ.

По характеру кедроваго промысла каждый изъ двухъ районовъ, на которые распадается изслѣдованный край, представляетъ весьма существенныя особенности. Различіе начинается съ того, что весь промыселъ крестьянъ Томскаго района сосредоточивается въ „деревенскихъ" кедровникахъ, входящихъ въ составъ крестьянскаго землевладѣнія, состоящихъ въ пользованіи тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ селенныхъ общинъ и обыкновенно захваченныхъ деревенскими поскотинными изгородями. Крестьяне Чулымскаго района, напротивъ, производятъ сборъ орѣха исключительно въ кедровникахъ, расположенныхъ внѣ черты крестьянскаго пользованія, въ дачахъ единственнаго владѣнія казны (Алтайская и Томско-Чулымская тайги) или въ дачахъ общаго владѣнія послѣдней съ инородцами (тайга, расположенная къ востоку отъ Пимской волости и къ сѣверо-востоку отъ волостей Маріинскаго округа). Сборъ орѣха въ кедровникахъ того и другого рода одинаково производится, правда, безъ платежа какихъ-либо пошлинъ; но послѣдствія указаннаго различія, тѣмъ не менѣе, представляются весьма важными. Прежде всего здѣсь вліяетъ самый фактъ различія въ правахъ владѣнія кедровниками: кедровники Томскаго района состоятъ въ исключительномъ владѣніи крестьянскихъ общинъ, которыя очевидно представляются въ высокой степени заинтересованными въ ихъ хорошемъ состояніи; кедровники эти, поэтому, всею властью

общины и авторитетомъ волостного суда охраняются отъ порубокъ *): независимо отъ такой, такъ сказать, отрицательной охраны, общины нерѣдко принимаютъ и положительныя мѣры къ поддержанію кедровниковъ въ хорошемъ состояніи: устраиваютъ время отъ времени сборы валежника или вырубаютъ появляющуюся и мѣшающую успѣшному росту кедровъ поросль посторонихъ породъ; самый сборъ орѣха производится съ осторожностью, чтобы не повреждать кедровъ, и т. д.; въ результатѣ всего сказаннаго состояніе большей части кедровниковъ этой категоріи можетъ быть признано превосходными: это — замѣчательно красивыя рощи съ чисто-кедровымъ насажденіемъ или совсѣмъ незначительною примѣсью посторонихъ породъ, съ почвою, совершенно очищенною отъ валежника, съ роскошными, раскидистыми деревьями. Но этого мало: изслѣдователемъ отмѣчены случаи, гдѣ кедровники являются, можно сказать, созданіемъ крестьянскихъ общинъ; такимъ созданіемъ является, напримѣръ, часть кедровника д. Федосѣевой (Спасской вол.), возникшая на мѣстѣ, гдѣ раньше кедры росли въ перемежку съ лиственнымъ лѣсомъ, благодаря чему и не достигали хорошаго роста, и не давали хорошихъ сборовъ орѣха: нѣсколько лѣтъ тому назадъ Федосѣевская община наняла нѣсколькихъ крестьянъ вырубить всю поросль посторонихъ породъ, и въ настоящее время владѣетъ благодаря этому хотя и молодымъ, но густымъ кедровникомъ, уже дающимъ урожаи орѣха и представляющимъ полную надежду на успѣшный ростъ. Совсѣмъ другую картину представляютъ таёжные кедровники: состоя въ дачахъ единственнаго владѣнія казны (которая по слабости лѣсной стражи не имѣетъ возможности охранять ихъ) и не входя въ сферу исключительнаго вліянія какой-бы то ни было группы населенія, они никѣмъ не охраняются ни отъ порубокъ, ни отъ зарастанія посторонними породами, ни отъ засоренія валежникомъ; сборщики орѣха, не имѣя интереса заботиться объ охраненіи кедровъ (которые при слѣдующемъ урожаѣ,

*) Любопытное рѣшеніе постановлено было по этому поводу Спасскимъ волостнымъ судомъ 1-го іюля 1886 г. за № 16. Приводимъ это рѣшеніе in extenso:

«Волостной Судъ разсмотрѣвъ Общественный приговоръ крестьянъ села Протопоповскаго и деревни того же наименованія постановленный 13-го октября 1885 года въ которомъ изложено что отставной жандармъ Платонъ Филиповъ вырубилъ въ дачѣ находящейся въ помѣстьѣ принадлежавшемъ тѣмъ крестьянамъ два сырыя кедра, безъ дозволенія общества, а что кедровый лѣсъ сами крестьяне ни на какіе подъяки не рубятъ, почему и просятъ за самовольную порубку Филиповымъ кедровъ наложить на него мѣры наказанія; спрошенный на суду отставной жандармъ Филиповъ отозвался, что онъ кедры вырубилъ съ дозволенія общества; Волостной судъ находитъ, что еслибы общество дозволило ему вырубить кедры, въ томъ случаѣ не было надобности жаловаться и просить о наложеніи на него мѣръ наказанія, а потому постановилъ: за самовольную вырубку въ поскотинѣ двухъ кедръ принадлежащихъ крестьянамъ села и деревни Протопоповой отставнаго жандарма Платона Романова Филипова арестовать при Волостномъ Правленіи на семь сутокъ.

почти навѣрно, достанутся кому-либо другому), не стѣсняются при сбиваніи шишекъ наносить дереву сильные удары, ведущіе очень часто къ обмиранію сучьевъ, — словомъ таёжные кедровники всегда имѣютъ печальный видъ, а благодаря изобилію валежника не мало кедровниковъ успѣло уже выгорѣть, да и существующіе ничѣмъ не защищены отъ лѣсныхъ пожаровъ. — Различіе между деревенскими („поскотинными“) и таёжными кедровниками важно еще и въ другомъ отношеніи: первые расположены въ непосредственной близости отъ селеній и потому могутъ эксплуатироваться крестьянами при всякомъ, хотя-бы даже и самомъ маломъ урожаѣ орѣха; вторые расположены въ глубинѣ тайги, на разстояніи иногда нѣсколькихъ десятковъ и до сотни верстъ отъ мѣста жительства занимающагося кедровымъ промысломъ населенія, и доступъ къ нимъ возможенъ только по узкимъ, весьма трудно проходимымъ тропинкамъ; терять значительное количество времени на проходъ къ кедровнику, отрывая это время отъ земледѣльческихъ работъ, крестьянинъ, разумѣется, можетъ только въ томъ случаѣ, если можетъ разсчитывать, что изобильный сборъ орѣха оплотитъ ему потерянное время, — и потому таёжные кедровники эксплуатируются только при очень хорошихъ и отличныхъ урожаяхъ орѣха, при посредственныхъ же, а тѣмъ болѣе плохихъ урожаяхъ орѣхъ пропадаетъ даромъ. — И наконецъ еще одно различіе, такъ сказать, естественно-историческаго характера: кедровники въ тайгѣ растутъ по преимуществу въ перемежку съ пихтой, а иногда и осиной, по ровнымъ, „низкимъ“ мѣстамъ съ влажнымъ и даже болотистымъ грунтомъ; это — такъ называемые „жировые“ кедровники, то есть такіе, гдѣ кедры достигаютъ весьма высокаго роста, а стволы ихъ на весьма значительную высоту представляются совершенно оголенными отъ сучьевъ, — обстоятельство, чрезвычайно затрудняющее взлѣзанье на деревья и вообще сборъ орѣха. Въ Томскомъ районѣ „жировыхъ“ кедровниковъ почти нѣтъ — такой характеръ имѣютъ только небольшіе участки; преобладающимъ типомъ являются здѣсь „садовые“ *) (иначе „увальные“) кедровники, произрастающіе на участкахъ съ выпуклымъ рельефомъ и сухимъ грунтомъ; отличительная особенность такихъ кедровниковъ заключается въ томъ, что кедры не достигаютъ здѣсь высокаго роста, но за то представляются весьма раскидистыми: сучья начинаются на разстояніи немногихъ аршинъ отъ комля, что конечно въ значительной мѣрѣ облегчаетъ взлѣзанье и вообще сборъ орѣха. Что касается до урожаевъ орѣха, то „жировые“ кедровники стоятъ въ этомъ отношеніи значительно выше „садовыхъ“: изслѣдователю не приходи-

*) Отъ слова «садъ» = роща.

БИБЛИОТЕКА

лось по крайней мѣрѣ слышать, чтобы въ этихъ послѣднихъ съ одного дерева получали болѣе двухъ мѣшковъ шишки (=2 пуда орѣха); въ „жировыхъ“ бываютъ случаи, когда одно дерево даетъ до *шести* мѣшковъ шишки (=6 пуд. орѣха?), да и то часть орѣха остается необобранною. Различіе между двумя видами кедровниковъ отражается далѣе и на способахъ сбора шишки: въ „жировыхъ“ кедровникахъ при обычныхъ урожаяхъ бываютъ случаи „валёжной“ шишки — т. е. случаи, когда шишка сама обваливается, такъ что сборщикамъ остается только подбирать ее; въ „садовыхъ“ кедровникахъ „валежной шишки“ никогда не бываетъ, а сборъ всегда производится либо „лазомъ“, либо „колотомъ“ *).

Мы не будемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе самихъ способовъ сбора орѣха, а ограничимся ссылкой на VII и XI выпуски „Матеріаловъ“; какъ на черту, характерную для кедроваго промысла изслѣдованнаго края, мы должны только указать, что собранный орѣхъ далеко не всегда подвергается здѣсь очисткѣ: шишка въ однихъ случаяхъ, дѣйствительно, обмолачивается, и въ продажу идетъ очищенный орѣхъ; въ другихъ случаяхъ крестьяне не производятъ ни сушки, ни обмолачиванья шишки, а продаютъ послѣднюю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она снята съ кедра, очистка же орѣха производится уже покупателями. Съ этимъ послѣднимъ порядкомъ мы встрѣчаемся однако-же не вездѣ: дѣло въ томъ, что сырая и необмолоченная шишка вѣситъ приблизительно втрое больше, нежели получающійся изъ нея орѣхъ, и слѣдовательно доставка первой сначала изъ кедровника въ селеніе, а затѣмъ — на рынокъ, требуетъ втрое большей затраты „конной силы“, нежели доставка второго; поэтому шишка продается въ необмолоченномъ видѣ только крестьянами Томскаго района, гдѣ стоимость доставки шишки изъ кедровника въ селеніе падаетъ почти до нуля, а рынокъ (Томскъ) отстоитъ отъ селенія не далѣе 25—30 верстъ (и слѣд. провозъ обходится не дороже 50 к. съ лошади или 6—7 к. съ мѣшка). Въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ кедровникъ отдѣленъ нѣсколькими десятками верстъ отъ селенія, а это послѣднее — иногда цѣлою сотнею верстъ отъ рынка сбыта, провозъ необмолоченной шишки ложился-бы на стоимость ея слишкомъ большимъ накладнымъ расходомъ; здѣсь поэтому въ продажу идетъ очищенный орѣхъ, и очистка послѣдняго производится даже не въ селеніи, а въ лѣсу, зимой, благодаря чему очевидно стоимость вывозки изъ лѣса въ селеніе и оттуда — на рынокъ понижается втрое.

Главнымъ рынкомъ сбыта орѣха (а также необмолоченной шишки)

*) См. «Матеріалы», вып. XI, стр. 201—202.

для изслѣдованнаго края является Томскъ; изъ волостей Мариинскаго округа значительная часть орѣха направляется въ Мариинскъ и здѣсь продается торговцамъ, которые уже отъ себя доставляютъ орѣхъ въ Томскъ; здѣсь орѣхъ закупается крупными торговцами, которые увозятъ его на пароходахъ въ Тюмень, а оттуда—въ Европейскую Россію. Фабрикація орѣховаго масла въ Томскѣ и его окрестностяхъ существуетъ, сколько намъ извѣстно, только въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ и исключительно для мѣстнаго потребленія.

Сбытъ орѣха и шишки происходитъ, сколько мы знаемъ, на началахъ сравнительно выгодныхъ для промышленниковъ; правда, продукты кедроваго промысла покупаются у послѣднихъ не самими потребителями, а посредниками; но промышленники — по крайней мѣрѣ въ Томскомъ районѣ — не задолжены этимъ посредникамъ, и послѣдніе, не имѣя характера мѣстныхъ скупщиковъ-кулаковъ, а группируясь въ крупномъ торговомъ центрѣ, своею конкурренціею поддерживаютъ цѣны на болѣе или менѣе выгодномъ для промышленниковъ уровнѣ. Для очищеннаго орѣха цѣны въ настоящее время колеблются въ слѣдующихъ предѣлахъ:

низшая . . .	1 р. 80 к.—2 р.	за пудъ
средняя . . .	2 „ 50 „	„ „
высшая. . . .	до 3 р.	„ „

Необмолоченная шишка продается мѣшками (крупчатные пятипудовые мѣшки; выходъ орѣха равенъ примѣрно 1 пуду изъ мѣшка); въ настоящее время обычная цѣна мѣшка шишки въ Томскѣ отъ 75 до 90 к., высшая—1 р.; еще недавно и орѣхъ, и шишка были гораздо дешевле; цѣна послѣдней падала при хорошихъ урожаяхъ до 50 к. за мѣшокъ, цѣна орѣха—до 1 р. 30 к.—1 р. 40 к. за пудъ.

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній, мы можемъ перейти къ болѣе детальному обзору кедровниковъ и кедроваго промысла въ изслѣдованномъ краѣ.

Въ *Томскомъ* районѣ всѣ крестьянскіе кедровники группируются въ мѣстностяхъ, представляющихъ собой ближайшія окрестности Томска: самые дальніе кедровники находятся отъ послѣдняго на разстояніи не болѣе 30 или съ небольшимъ тридцати верстъ.

Въ *Нелюбинской* волости кедровниками владѣютъ: д. Губина, Нижне-Сѣченова, с. Зоркольцево, д. Кудрина, Быкова, Петрова и Коломина.

Лучшимъ изъ кедровниковъ Нелюбинской волости и однимъ изъ лучшихъ во всемъ районѣ является кедровникъ д. *Губиной*, — единственнаго во всей волости селенія, гдѣ шишка обмолачивается и уже

въ очищенномъ видѣ везется на продажу; кедровникъ этотъ сплошнымъ, широкимъ кольцомъ окружаетъ селеніе, занимая бо́льшую часть десятины и даже выходя за ея предѣлы. Сборы очень значительны: еще въ 1886 г. „лазакъ“ съ помощникомъ добывали до 40—45 пудовъ, слѣд. зарабатывали до 80—100 рублей; прежде, при лучшихъ урожаяхъ, заработокъ, несмотря на низкія цѣны орѣха, бывалъ еще гораздо больше. — Вторымъ по достоинству въ Нелюбинской волости считается кедровникъ д. *Кудриной;* здѣсь въ томъ-же 1886 году собирали до 20 мѣшковъ шишки, слѣд. зарабатывали при продажѣ въ неочищенномъ видѣ до 20 рублей на „годную“ душу; при лучшихъ урожаяхъ сборъ поднимался до 40—50 мѣшковъ на душу. Кедровники остальныхъ селеній незначительны: въ д. *Коломиной* сборъ не превышаетъ 15—20 мѣшковъ, въ д. *Петровой* — 10 или 12, въ д. *Быковой, Нижне-Съченовой* и с. *Зоркольцевомъ* — 5, 7, рѣдко 10 мѣшковъ шишки на душу. Нельзя не указать еще на д. *Березкину:* здѣсь въ „старое время“ былъ очень хорошій кедровникъ; но уже давно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, къ деревнѣ было причислено большое число сельныхъ, которые „весь кедровникъ порѣшили“, такъ что остались только отдѣльные кедры, разбросанные между деревьями другихъ породъ и не дающіе сколько-нибудь значительныхъ урожаевъ шишки. Вообще состояніе кедровниковъ не представляется чѣмъ-либо неподвижнымъ: какъ на примѣры вымирающихъ несмотря на уходъ со стороны крестьянъ кедровниковъ можно указать на Зоркольцевскій и Коломинскій: въ первомъ изъ нихъ кедры, которые могли-бы давать обильные сборы шишки, почти совсѣмъ перестали давать урожаи: шишка родится больше на молодыхъ кедрахъ, которымъ однако старые не даютъ надлежащаго роста; во второмъ, старые кедры перестали давать хорошіе урожаи шишки и частью даже пообмирали, новой же поросли почти нѣтъ. Въ Петровой, напротивъ, кедровникъ совершенно молодой; еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь была одна молодая заросль, почти не дававшая сборовъ; только въ послѣдніе годы эта заросль начала быстро подниматься, даетъ урожаи шишки и подаетъ полную надежду на дальнѣйшій ростъ. Различіе между старыми и молодыми кедровниками имѣетъ значеніе не только, такъ сказать, по отношенію къ будущему, но и въ настоящемъ: мы уже говорили, что старые кедры даютъ гораздо болѣе обильные урожаи шишки, нежели молодые; и самая шишка, получаемая со старыхъ кедровъ, гораздо крупнѣе и умолотнѣе, нежели собираемая съ молодыхъ.

Ни въ сѣверной Нелюбинской части волости, ни въ селеніяхъ, расположенныхъ по правому берегу Томи, кедровый промыселъ не существуетъ: крестьяне селеній послѣдней группы могли-бы, правда, брать

орѣхъ въ ближайшихъ урочищахъ Чулымской тайги: но весь орѣхъ обирается здѣсь обитателями разбросанныхъ по тайгѣ заимокъ и насѣкъ, не допускающими крестьянъ до участія въ сборахъ, не останавливаясь для этого даже предъ насиліемъ.

Въ *Спасской* волости число кедровниковъ больше и сами кедровники, вообще говоря, гораздо крупнѣе, нежели въ Нелюбинской. Къ первой по изобилію и качеству категоріи, по оцѣнкѣ самихъ крестьянъ, относятся здѣсь кедровники четырехъ селеній: д. Федосѣевой, Вороновой, Аксеновой, Лошкутовой, и общіе кедровники: одинъ—двухъ Протопоповыхъ, другой—д. Кучумовой-Еркиной и Плотниковой. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ кедровники состоятъ въ той или другой формѣ душеваго пользованія, и „пай“ при урожаяхъ шишки даютъ болѣе или менѣе высокій рентный доходъ. Такъ въ *Федосѣевой*, гдѣ кедровникъ, отчасти расчищенный трудами крестьянъ, занимаетъ склонъ холма, на которомъ расположено селеніе, за „пай“ при хорошихъ урожаяхъ орѣха даютъ до 25 рублей, при посредственныхъ—10 р., валовая же доходность въ первомъ случаѣ (какъ напр. въ 1883 и 1886 г.) доходитъ до 70—80 р. *), во второмъ (1890 г.) до 30—40 р. на „годную“ душу. Кедровникъ этотъ въ отношеніи чистоты и свѣжести находится въ превосходномъ состояніи. Напротивъ кедровникъ д. *Аксеновой* перестарѣлъ и уже вымираетъ: прежде при хорошихъ урожаяхъ добывали на пай до 25 — 30 пудовъ орѣха, теперь сборы далеко меньше: въ 1886 г., при хорошемъ урожаѣ шишки, на душу добывали не болѣе 15—20 пудовъ орѣха, на сумму 35—40 рублей; за пай въ этомъ году платили отъ 3 до 5 рублей; въ 1890 г. урожай былъ настолько незначителенъ, что община сдала кедровникъ цѣликомъ на съемъ за 30—40 рублей. Кедровникъ д. *Воронцовой* примѣрно одинаковой обширности и качества съ Федосѣевскимъ: онъ даетъ при лучшемъ урожаѣ до 30—35 пудовъ очищеннаго орѣха—слѣдовательно до 70—80 рублей валового дохода на „годную“ душу. Кедровники д. *Лошкутовой* и двухъ *Протопоповыхъ* находятся въ превосходномъ состояніи; занимая пологій скатъ къ лѣвому берегу р. Ушайки, они представляютъ собой чистое кедровое насажденіе, почти безъ примѣси другихъ древесныхъ породъ; сборъ орѣха и здѣсь достигалъ еще въ 1886 году 30—40 пудовъ на „бойца“, плата за пай—20—25 рублей; при плохомъ урожаѣ 1890 г. добывали все-же по 8—9 пудовъ, слѣдовательно зарабатывали около 20 рублей на пай. Общій кедровникъ д. *Ку-*

*) См. рѣшеніе Спасскаго вол. суда 2 Іюля 1883 г. № 46, по спорному дѣлу между Федосѣевской общиной и однимъ изъ крестьянъ: «...имѣя въ виду, что пай кедровыхъ шишекъ въ 1886 году давалъ прибыли отъ 40 до 80 р., смотря по расторопности сборщика»...

чумовой-Еркиной и *Плотниковой* расположенъ по обоимъ берегамъ р. Ушайки и также содержится въ превосходномъ состояніи. Составляя одну составную общину, названныя три селенія однако издавна пользуются участками кедровника каждая отдѣльно, и распредѣленіе этихъ участковъ довольно неравномѣрно: обширнѣе всѣхъ участокъ д. Кучумовой; здѣсь душевой пай даетъ при лучшихъ урожаяхъ до 40—50 пудовъ орѣха, а рентная цѣнность пая достигаетъ при хорошихъ урожаяхъ до 20, при отличныхъ — до 35 рублей; менѣе обширенъ участокъ д. Плотниковой, но и здѣсь сборъ при лучшихъ урожаяхъ достигаетъ 30—35 пудовъ на „годную“ душу, арендная плата за пай — до 10 рублей; еще меньше участокъ д. Еркиной: здѣсь на „годную душу“ добываютъ не болѣе 12 — 15, рѣдко 20 пудовъ орѣха, а арендная плата за „пай“ никогда не превышаетъ 3—4 рублей.

Въ числѣ селеній, владѣющихъ менѣе значительными кедровниками, надо назвать: д. *Бѣлоусову*, гдѣ въ 1886 г. зарабатывали по 10 — 15 рублей (4—6 пудовъ орѣха) на душу, а при лучшихъ урожаяхъ добывали до 10 пудовъ; арендная плата за пай не превышаетъ здѣсь 1 — 2 рублей. Кедровники д. *Ипатовой* и *Лучановой* нѣсколько обширнѣе: сборъ при наилучшихъ урожаяхъ доходитъ здѣсь до 15, иногда и до 20 пудовъ на душу; въ д. *Иптуховой* сборъ никогда не превышаетъ 15 пудовъ, а при обыкновенно-хорошихъ урожаяхъ не бываетъ больше 10—12 пуд. на душу. Д. *Большанина* и *Ниж.-Шубина* еще недавно совершенно не имѣли удобныхъ для сбора кедровниковъ; была только мелкая, разсѣянная между другими породами кедровая поросль; только въ послѣднее десятилѣтіе изъ этой поросли разросся кедровникъ; въ первомъ изъ двухъ названныхъ селеній онъ началъ давать сборъ съ 1883 года, на „годную“ душу не болѣе 3—4 пудовъ; во второмъ сборъ былъ впервые въ 1890 году и сданъ былъ общиной за стульную плату въ 35 рублей. Въ обоихъ селеніяхъ кедровники обѣщаютъ разрости и давать въ будущемъ гораздо болѣе значительные сборы орѣха.

Въ селеніяхъ ближайшаго къ городу *Заварзинскаго* с. о. кедровники и кедровый промыселъ не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія: въ пяти изъ этихъ селеній кедровниковъ совершенно нѣтъ; въ д. *Жуковой* и *Оловянишниковой* есть небольшія группы кедровъ, но онѣ по своей незначительности служатъ только „дѣтямъ на забаву“; то-же самое въ д. *Аникиной* — и здѣсь, „пока ждутъ, чтобы поспѣла, всю шишку палками обобьютъ“; болѣе значительный, на видъ очень красивый „садовый“ кедровникъ имѣется въ д. *Заварзиной* — но и здѣсь его „больше для дачниковъ держатъ“, а „шишки отъ него не видятъ“.

Во всѣхъ перечисленныхъ селеніяхъ Спасской волости крестьяне обмолачиваютъ шишку и продаютъ ее уже въ видѣ очищеннаго орѣха. Напротивъ въ селеніяхъ прилегающаго къ Спасской волости съ сѣверо-запада *Лязгинскаго* сельскаго общества *Семилужной* волости шишка поступаетъ въ продажу въ неочищенномъ видѣ. Изъ селеній этихъ сравнительно болѣе обширные кедровники имѣются въ поскотинахъ д. *Бражкиной* и *Круглыхиной*: здѣсь при среднихъ урожаяхъ добываютъ на душу до 10—12, при отличныхъ—до 15 и 20 мѣшковъ шишки; въ д. *Аркашовой*, *Нехорошевой* и *Софроновой* кедровники значительно меньше: сборы даже въ самый лучшій урожай не превышаютъ 5—6 мѣшковъ на душу; въ д. *Лязгиной* кедровникъ еще меньше, такъ что здѣсь не бываетъ даже правильнаго сбора шишки; въ остальныхъ двухъ селеніяхъ Лязгинскаго с. о.—Корниловой и Родіоновой—кедровниковъ вовсе нѣтъ. Наиболѣе значительный по всей Семилужной волости кедровникъ расположенъ на увалѣ около с. *Семилужнаго* и состоитъ въ пользованіи крестьянъ этого села; собираемая шишка здѣсь, какъ и въ Спасской волости, сушится, обмолачивается, и въ продажу поступаетъ уже очищенный орѣхъ; сборы послѣдняго достигаютъ при хорошихъ урожаяхъ до 20 пудовъ на душу, что̀ соотвѣтствуетъ заработку въ 50 р. и болѣе: при небольшихъ урожаяхъ вся шишка разворовывается и потому правильнаго сбора здѣсь вовсе не бываетъ. Въ остальныхъ селеніяхъ Семилужной волости кедровниковъ нѣтъ и кедровый промыселъ не существуетъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о чередованіи урожаевъ орѣха, мы къ сожалѣнію можемъ опереться на точныя данныя только для послѣдняго десятилѣтія. Въ теченіе этого послѣдняго было, какъ оказывается, четыре урожая орѣха:

въ 1883 году. . очень хорошій,
„ 1886 „ . . удовлетворительный или даже хорошій,
„ 1888 „ . . очень плохой,
„ 1890 „ . . плохой.

Шишка появлялась и въ другіе годы, кромѣ перечисленныхъ, но появлялась въ очень малыхъ количествахъ и до тла истреблялась птицами—дятломъ и ронжей; эти послѣднія, впрочемъ, истребляли значительную часть родившагося орѣха и въ болѣе урожайные годы, такъ что напримѣръ въ 1888 и 1890 г. во многихъ селеніяхъ совершенно не было сбора. Относительно времени, предшествующаго послѣднему десятилѣтію, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но по единогласнымъ показаніямъ крестьянъ можно полагать, что урожаи орѣха „въ старые годы“ бывали чаще (примѣрно черезъ годъ) и изобильнѣе.

Въ *Чулымскомъ* районѣ, какъ мы уже говорили въ началѣ настоящаго §, „садовыхъ" кедровниковъ внутри крестьянскихъ дачъ нѣтъ; сборъ орѣха производится исключительно въ кедровникахъ, во множествѣ разбросанныхъ по прилегающимъ къ Чулымскому району со всѣхъ сторонъ тайгамъ—Алтайской, Томско-Чулымской и Кѣнско-Чулымской. Разстояніе этихъ „таежныхъ" кедровниковъ отъ мѣстожительства занимающихся сборомъ крестьянъ весьма различно и колеблется между 8—10 и 100 верстами: такъ напр. крестьяне д. Кайлы и с. Данковскаго и д. Кайлы (Ишимск. вол.) собираютъ орѣхъ въ разстояніи не болѣе 7—8 верстъ отъ селеній; у с. Лебедянскаго мелкій кедровникъ имѣется въ непосредственной близости, хорошіе же кедровники—не ближе 20 верстъ; отъ с. Ворono-Пашенскаго кедровники находятся въ разстояніи не ближе 40—60 верстъ; крестьяне д. Богдановой (Ишимск. вол.) производятъ сборъ верстахъ въ тридцати отъ селенія, но хорошій кедровникъ, дающій изобильные урожаи, расположенъ отъ послѣдняго почти въ 100 верстахъ, и т. д.. Приведенные примѣры даютъ намъ повидимому основаніе прійти къ заключенію, что развитіе въ каждой данной мѣстности кедроваго промысла не стоитъ ни въ какой зависимости отъ степени близости или удаленности этой мѣстности отъ хорошихъ кедровниковъ. Тѣмъ не менѣе, просматривая перечень селеній, гдѣ кедровый промыселъ является при урожаяхъ орѣха всеобщимъ занятіемъ *), мы увидимъ, что развитіе этого промысла несомнѣнно въ значительной мѣрѣ опредѣляется близостью каждаго даннаго селенія къ тайгѣ; въ самомъ дѣлѣ: въ числѣ селеній съ значительнымъ развитіемъ кедроваго промысла мы можемъ назвать въ южной части Ишимской волости селенія, ближайшія къ Алтайской тайгѣ,—Лебедянское, Кайлу, Данковское, Судженское, Емельяновку; въ сѣверной — ближайшія къ Томско-Чулымской тайгѣ с. Ворono-Пашенское, д. Ст. Кускову и Митрофановку, а также за-Чулымскія притаёжныя селенія—Троицкое, Архангельское. Нижне-Дорохову и Боровую; въ *Почитанской* волости кедровый промыселъ развитъ въ д. Калеулѣ и Кирсановкѣ, въ с. Троицкомъ, д. Листвянкѣ и Воскресенской, изъ коихъ первыя двѣ расположены вблизи Кѣнско-Чулымской тайги, послѣднія три — у окраины казенной золотоискової дачи; въ *Зырянской* волости кедровый промыселъ развитъ во вдавшихся глубоко въ Кѣнско-Чулымскую тайгу с. Чердатскомъ, д. Плѣвкѣ и Окунеѣ, въ *Баимской* въ расположенныхъ у отдѣляющей эту волость отъ той-же тайги рѣки Тяжина д. Рубиной и Богдановой. Просматривая этотъ пере-

*) За полноту этого перечня мы, впрочемъ, не можемъ поручиться: въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ сборовъ орѣха въ тайгѣ почти не было, и потому легко могло случиться, что въ какомъ-либо селеніи (или даже въ нѣсколькихъ) крестьяне позабыли упомянуть о кедровомъ промыслѣ, а послѣдователь упустилъ изъ виду спросить объ немъ.

чень, мы видимъ, что наибольшаго развитія кедровый промыселъ достигаетъ въ Итинской волости, гдѣ онъ является существеннымъ источникомъ благосостоянія въ половинѣ общаго числа селеній; въ волостяхъ Марінскаго округа онъ существуетъ лишь въ небольшомъ числѣ селеній, огромное же большинство населенія этихъ волостей кедровымъ промысломъ совершенно не занимается.

Разстояніе каждаго даннаго селенія отъ кедровниковъ, сказали мы, мало вліяетъ на развитіе въ немъ кедроваго промысла, — но оно въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ собою характеръ этого послѣдняго. Чтобы выяснить эту зависимость, мы должны предварительно указать на то, что сборъ орѣха въ таёжныхъ кедровникахъ продолжается не день или два, какъ въ „садовыхъ“ кедровникахъ Томскаго района, а цѣлый мѣсяцъ, приблизительно съ середины Августа до середины Сентября, а нерѣдко начинается еще значительно раньше — въ самомъ началѣ Августа или даже въ послѣднихъ числахъ Іюля, когда рабочія руки еще нужны для земледѣльческихъ работъ. И вотъ въ мѣстностяхъ, отъ которыхъ ближайшіе кедровники находятся въ разстояніи не далѣе 8—10 верстъ, по воскресеньямъ и праздникамъ все способное къ труду населеніе отправляется въ тайгу и возвращается вечеромъ, привозя съ собой по 1—2 мѣшка шишки „на брата“, и такимъ образомъ за все время сбора добываютъ, смотря по урожаю, отъ 5 до 10 пудовъ орѣха на человѣка. Только изъ многолюдныхъ семействъ мужики, безъ которыхъ хозяйство можетъ обойтись, отправляются въ дальніе, лучшіе кедровники, гдѣ строятъ себѣ шалаши и безотлучно проводятъ все время сбора; добытую шишку они тутъ-же, на мѣстѣ, очищаютъ и вывозятъ домой готовый орѣхъ. Такимъ образомъ въ такихъ мѣстностяхъ, съ одной стороны, является возможность использовать и относительно небольшіе урожаи орѣха, а съ другой — кедровый промыселъ, какъ и въ волостяхъ пригороднаго района, можетъ существовать, не причиняя никакого ущерба крестьянскому земледѣльческому хозяйству. Совсѣмъ другое въ мѣстностяхъ — а такихъ большинство —, гдѣ сборъ орѣха производится въ кедровникахъ, отстоящихъ отъ селеній на нѣсколько десятковъ верстъ: здѣсь, очевидно, невозможны такія экскурсіи въ свободные отъ земледѣльческихъ работъ дни, о какихъ мы только-что говорили, — промышленникамъ приходится отправляться въ тайгу не иначе, какъ на все время сбора; отсюда послѣдствія двоякаго рода: съ одной стороны всякій мужикъ, занявшійся сборомъ орѣха, на все время послѣдняго совершенно утрачивается для земледѣльческаго хозяйства; съ другой — благодаря сопряженной съ проходомъ до кедровника и обратно непроизводительной потерѣ времени промыселъ возможенъ не при каждомъ, а только при изобильномъ уро-

жаѣ орѣха, способномъ вознаградить не только за трудъ по сбору орѣха, но и за упомянутую непроизводительную потерю времени. Если шишка родилась въ незначительныхъ количествахъ, то она пропадаетъ даромъ: „пойдетъ кто въ тайгу, наберетъ пудъ-другой, да и скажетъ, что не стоитъ, — никто больше и не идетъ“.

Мы подошли такимъ образомъ къ вопросу о чередованіи и размѣрахъ урожаевъ орѣха въ таёжныхъ кедровникахъ Чулымскаго края. По этимъ вопросамъ мы имѣемъ къ сожалѣнію только отрывочныя, неполныя данныя. Возстановить исторію урожаевъ орѣха мы можемъ только за послѣднія 10 лѣтъ; за это время кедровники дали:

въ 1880 году отличный урожай („валёжная шишка“)
„ 1884 „ хорошій „
„ 1887 „ посредственный;

впрочемъ только въ 1880 г. урожай орѣха былъ повсемѣстный; въ 1884 и 1887 году урожай орѣха во многихъ кедровникахъ (напримѣръ въ прилегающихъ къ сѣверной части Ишимской волости) былъ совершенно незначителенъ, почему и сборъ въ этомъ году не производился.

Что касается до размѣра сборовъ, то мы не можемъ сказать чего-либо общаго, а должны ограничиться приведеніемъ ряда отдѣльныхъ относящихся къ этому вопросу показаній.

Д. Кайла, с. *Судженское* (Ишимск. вол.). Прежде набирали на человѣка до 80 — 100 пудовъ, теперь, благодаря порчѣ кедровника, сборы колеблются между 10 и 25 пудами орѣха на человѣка.

С. *Ворono-Пашенское* (той-же вол.). При „валежной“ шишкѣ добываютъ на человѣка до 100 пуд. орѣха; послѣдніе годы сборовъ вовсе не было.

С. *Архангельское* (той-же вол.). При среднемъ урожаѣ добываютъ по 10—20 пудовъ, при хорошемъ—до 30—35 пудовъ орѣха на человѣка.

С. *Троицкое* (той-же вол.). При посредственномъ урожаѣ сборъ до 25—30 пуд. на человѣка.

С. *Лебедянское* (той-же вол.). Сборъ не превышаетъ 25—30 пуд. на человѣка.

Д. *Богданова* (Баимск. вол.). Въ хорошіе урожаи сборъ до 50 пудовъ на человѣка.

и т. д..

Такимъ образомъ валовая доходность кедроваго промысла представляется какъ въ пространствѣ, такъ и въ особенности во времени весьма измѣнчивою величиной: по многочисленнымъ показаніямъ урожаи орѣха въ послѣднее время и наступаютъ чрезъ болѣе продолжительные промежутки времени, и бываютъ гораздо менѣе изобильны, нежели бы-

вали въ прежнее время. — и такое пониженіе производительности кедровниковъ станетъ вполнѣ понятно; если вспомнить сказанное выше о томъ плачевномъ состояніи, въ которомъ кедровники находятся.

Мы должны сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о способахъ сбора кедровыхъ орѣховъ и о сбытѣ ихъ. Сборъ орѣха продолжается въ таёжныхъ кедровникахъ, какъ мы уже упоминали выше, цѣлый мѣсяцъ, а иногда и до шести недѣль. Въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ недѣль шишку добываютъ съ деревьевъ „лазомъ“ или „колотомъ“; снимаютъ ее въ полузеленомъ видѣ и затѣмъ даютъ ей дозрѣвать въ амбарахъ. Если урожай шишки посредственный или удовлетворительный, то дѣло на этомъ и кончается; при отличныхъ урожаяхъ шишка послѣ первыхъ двухъ—трехъ недѣль сбора начинаетъ валиться, и тогда надо подбирать ее, какъ только она свалилась; если хоть немного промедлить, то весь орѣхъ будетъ выѣденъ бѣлками и бурундуками. Очистка шишки производится двоякимъ способомъ: шишка, собранная въ ближнихъ кедровникахъ, въ неочищенномъ видѣ вывозится въ селеніе, здѣсь сушится въ овинахъ или на печахъ, молотится цѣпами и провѣивается на вѣтру. Если сборъ производится въ дальнихъ кедровникахъ, откуда вывозка неочищенной шишки была-бы слишкомъ затруднительна, то первоначальная очистка ея производится на мѣстѣ сбора, въ сыромъ видѣ, вальками; полуочищенный орѣхъ вывозится въ деревню, здѣсь сушится на печахъ и провѣивается лопатами.

Что касается до сбыта, то главнымъ рынкомъ для Чулымскаго района, какъ и для Томскаго, является г. Томскъ. Но удаленность этого города отъ большей части мѣстностей Чулымскаго района ведетъ къ тому, что непосредственно отвозятъ орѣхъ въ Томскъ и слѣдовательно пользуются выгодными цѣнами только промышленники, имѣющіе большое количество орѣха, способное покрыть стоимость провоза, и притомъ болѣе или менѣе состоятельные и не задолженные; большая часть добываемаго орѣха продается на мѣстѣ, мѣстнымъ и наѣзжимъ скупщикамъ; такъ какъ число послѣднихъ обыкновенно не превышаетъ одного—двухъ на селеніе или цѣлую группу селеній, и слѣдовательно на сторонѣ спроса нѣтъ конкурренціи способной поддержать цѣны на достаточно высокомъ уровнѣ, то промышленники при продажѣ орѣха на мѣстѣ теряютъ сравнительно съ Томскою цѣной не менѣе 50 копѣекъ на пудъ, изъ копхъ только 10, много 15 копѣекъ поглощаются провозомъ, а остальное составляетъ чистую прибыль скупщиковъ. И это еще при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ—при отсутствіи задолженности, бѣдняки, забирающіе деньги въ долгъ, получаютъ за пудъ орѣха 1 р., 1 р. 25 к. и никакъ не дороже 1 р. 50 к..

Резюмируя все сказанное о размѣрахъ и распространенности кедро-

ваго промысла, мы можемъ сказать, что доставляемый этимъ промысломъ заработокъ во всѣхъ поименованныхъ выше, а можетъ быть еще и въ нѣкоторыхъ другихъ селеніяхъ Чулымскаго района составляетъ весьма крупную статью крестьянскаго приходнаго бюджета: валовой доходъ въ 50, 70, 100, 150 и до 200 рублей на полнаго работника — „лазака" или „колотильщика" — съ однимъ или двумя помощниками, — такой доходъ, хотя-бы и получаемый разъ въ три — четыре года, конечно не можетъ не быть признанъ одною изъ существенныхъ основъ крестьянскаго благосостоянія. Въ Томскомъ районѣ кедровый промыселъ имѣетъ подобное значеніе лишь въ небольшомъ числѣ селеній—въ двухъ селеніяхъ Нелюбинской и восьми селеніяхъ Спасской волости; только въ этихъ селеніяхъ доходъ, извлекаемый изъ кедроваго промысла, можетъ быть признанъ одною изъ существенныхъ статей крестьянскаго бюджета; въ остальныхъ селеніяхъ пригородныхъ волостей, хотя-бы и имѣющихъ кедровники, доставляемый послѣдними заработокъ незначителенъ и не играетъ въ крестьянской экономической жизни существенной роли.

Если задать себѣ затѣмъ вопросъ о *будущности* кедроваго промысла, то на основаніи изложеннаго выше придется дать для Томскаго и Чулымскаго районовъ неодинаковый отвѣтъ: въ первомъ кедровый промыселъ несомнѣнно имѣетъ будущность: нѣкоторые кедровники, правда, перестояли и благодаря этому урожайность ихъ нѣсколько уменьшилась; но большинство кедровниковъ находится въ отличномъ состояніи и не проявляетъ никакихъ признаковъ вырожденія и вообще упадка; производительность нѣкоторыхъ кедровниковъ даже растетъ, а есть и такіе, которые могутъ считаться созданными совершенно вновь; въ общемъ, благодаря тщательному уходу за кедровниками, можно ожидать, что доходность ихъ не будетъ убывать, а если бывшіе уже примѣры расчистки новыхъ кедровниковъ найдутъ себѣ послѣдователей, то она напротивъ еще возрастетъ. Въ Чулымскомъ районѣ слѣдуетъ ожидать совсѣмъ другого: доходность кедроваго промысла, несмотря на повышеніе цѣнъ орѣха, значительно убыла въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; и едва-ли можно сомнѣваться, что обмираніе деревьевъ, какъ результатъ неосторожнаго съ ними обращенія при сборѣ, пожары - результатъ засоренія валежникомъ, заглушеніе посторонними породами, порубки и т. п. въ будущемъ поведутъ къ дальнѣйшему упадку кедроваго промысла и сокращенію его доходности.

Трудно сказать, однако, можетъ-ли такое сокращеніе быть признано вреднымъ и не окажетъ-ли оно, наоборотъ, хорошаго вліянія на общій строй экономической жизни населенія. Для мѣстностей, гдѣ сборъ орѣха производится въ дальнихъ таёжныхъ кедровникахъ и даетъ періодически очень крупный валовой доходъ, вредное вліяніе кедроваго про-

мысла едва-ли можетъ быть подвергнуто сомнѣнію. Не входя здѣсь въ подробности по этому вопросу и ограничиваясь ссылкой на XI выпускъ „Матеріаловъ“ *), приведемъ здѣсь только записанный изслѣдователемъ весьма характерный отзывъ крестьянъ-новоселовъ д. Мало-Жировой (Ишим. вол.): „двѣсти рублей заработалъ“, говорили они изслѣдователю по поводу значительныхъ барышей крестьянъ, сбирающихъ орѣхъ, — „а самъ въ корень разорился: сѣна не убралъ, полей во время не засѣялъ, да и деньги прахомъ пошли; легко нажилъ — того легче прожилъ: какъ 200 р. получилъ, считаетъ себя богатымъ — все и издержитъ на лакомство и пустяки“.

II. Сборъ ягодъ, грибовъ и т. п.

А) *Ягодный промыселъ* является болѣе или менѣе важнымъ подспорнымъ заработкомъ во всей Нелюбинской волости, во многихъ, главнымъ образомъ притаёжныхъ мѣстностяхъ Ишимской и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Спасской волости.

Въ *Нелюбинской* волости ягодный промыселъ достигаетъ наибольшаго значенія въ селеніяхъ расположенныхъ по берегамъ Томи: Иглаковой, Чернильщиковой, Бѣлобородовой, Поздняковой, Иштанѣ, Козюлиной, Луговой, Орловой, Попадейкиной и Нижней Петровой. Главнымъ предметомъ сбора во всѣхъ этихъ селеніяхъ (кромѣ Орловой) является черная (и отчасти красная) *смородина*, въ изобиліи растущая по лугамъ Томской поймы; смородина родится ежегодно, кромѣ только тѣхъ годовъ, когда бываютъ слишкомъ большіе разливы, отъ которыхъ кустарникъ подмокаетъ и не даетъ ягоды. Поспѣваетъ смородина въ Августѣ и держится, если только ее не обобьетъ вѣтеръ, до морозовъ; благодаря этому обстоятельству, а также близости смородинныхъ зарослей отъ селеній, условія сбора ея представляются весьма удобными для населенія: сборомъ занимаются женщины по праздникамъ и въ свободные отъ сѣнокосныхъ работъ дни,—поэтому сборъ этотъ доставляетъ заработокъ большинству населенія, не причиняя ему никакого ущерба въ другихъ его занятіяхъ. Женщина набираетъ въ день мѣстами до ведра, мѣстами до 2 ведеръ, слѣд., при цѣнахъ, колеблющихся между 50 к. и 1 р. за ведро, зарабатываетъ отъ 50 к. до 2 р. въ день, а всего за осень можетъ при удачномъ сборѣ и удачной продажѣ заработать до 25 и болѣе рублей. Независимо отъ смородины, ягоду собираютъ еще и на материкѣ, внѣ поймы: въ с. Иштанскомъ, д. Поздняковой, Иглаковой, Бѣлобородовой и Орловой (въ послѣдней — исключительно) — *бруснику*

*) Стр. 206—207.

и особенно *чернику*, въ Чернильщиковой — *малину*, въ Петровой — *землянику*; особенно охотно жители прирѣчныхъ селеній собираютъ чернику: послѣдняя поспѣваетъ гораздо раньше смородины — въ серединѣ Іюля, и потому сборъ ея не мѣшаетъ сбору этой смородины; брусника появляется значительно позже—въ началѣ Августа; исчезаетъ черника послѣ первыхъ осеннихъ заморозковъ, примѣрно въ серединѣ Августа, брусника же держится до глубокой осени; сборъ брусники идетъ гораздо быстрѣе, нежели сборъ черники: первой набираютъ въ день до 2—3 ведеръ, второй — не болѣе 1 ведра на человѣка; но продажная цѣна черники гораздо выше, нежели цѣна брусники: за ведро первой даютъ въ Томскѣ отъ 80 к. до 1 р., за ведро второй — отъ 40 до 50 к., и такимъ образомъ валовой заработокъ при сборѣ той и другой не превышаетъ 1 рубля въ день на человѣка; за все время сбора, напротивъ, на брусникѣ можно заработать гораздо больше, нежели на брусникѣ. Урожай той и другой бываютъ не ежегодно, а примѣрно разъ въ 2 — 3 года; въ остальные года имъ не даютъ ягодъ сформироваться.

Въ общей сложности сборъ разнаго рода ягоды даетъ населенію перечисленныхъ селеній весьма существенный подсобный заработокъ; такъ, обращаясь къ произведеннымъ изслѣдователемъ подворнымъ описямъ, мы видимъ, что въ с. Иглаковскомъ осенью 1889 года 28 дворовъ (изъ 45) продали ягоды на 405 р., или въ среднемъ по 14 р. на дворъ; въ д. Чернильщиковой, при полномъ неурожаѣ малины, 19 дворовъ (изъ 60) продали смородины на 231 р., или въ среднемъ по 12 р. на дворъ; въ с. Иштанскомъ при очень плохомъ урожаѣ всѣхъ видовъ ягоды 38 дворовъ (изъ 64) продали ягоды на 221 р., или въ среднемъ по 6 рублей на каждый дворъ. При хорошихъ урожаяхъ ягоды средній заработокъ двора поднимается до нѣсколькихъ десятковъ рублей, а отдѣльные дворы зарабатываютъ до 100 и болѣе рублей.

Переходя затѣмъ къ материковой части Нелюбинской волости, надо прежде всего указать на огромные малинники, расположенные въ тайгѣ близъ южной границы волости. Послѣдній замѣчательно хорошій урожай малины былъ въ 1882 году; для сбора набралась масса народа изъ всей южной части Нелюбинской волости и даже изъ при-Обскихъ волостей; въ день набирали до $1\frac{1}{2}$—2 ведеръ малины, которую продавали по 1 р. 10 к.—1 р. 20 к. за ведро, а всего за все время сбора зарабатывали по 40—50 и болѣе рублей на человѣка. Но при этомъ малинникъ до такой степени потоптали и попортили, что съ тѣхъ поръ ягода совершенно перестала родиться: въ 1888 году, напр., когда въ малинникѣ у д. Чернильщиковой былъ урожай малины, здѣсь послѣдней вовсе не было, — и такимъ образомъ сборъ малины въ этой мѣстности, можно сказать, совершенно не существуетъ. Въ юго-восточныхъ селеніяхъ,

вообще, сборъ ягодъ имѣетъ лишь ничтожное значеніе: здѣсь собираютъ въ однихъ селеніяхъ только землянику, да и ту—только въ свободное время и въ небольшихъ количествахъ (с. Зоркальцево, д. Кудрина, Рыбалова, Петрова, Карбышева); въ другихъ селеніяхъ (д. В. Сѣченова, Лаврова, с. Нелюбино, д. Губина) собираютъ бруснику и чернику, но тоже только въ свободное отъ другихъ работъ время, такъ что продажа ягоды и здѣсь не можетъ быть отнесена къ числу имѣющихъ существенное значеніе заработковъ; въ нѣсколько большихъ размѣрахъ сборъ брусники и черники производится только въ двухъ селеніяхъ—Березкиной и Нижне-Сѣченовой, гдѣ ягодный промыселъ при урожаѣ ягоды является существеннымъ подспорнымъ заработкомъ.

Вся собираемая въ Нелюбинской волости ягода продается исключительно въ Томскѣ, отчасти—въ раздробь, непосредственно потребителямъ, отчасти — городскимъ торговцамъ; въ томъ и другомъ случаѣ одинаково продажа производится на наличныя деньги, безъ задолженности, слѣдовательно на довольно выгодныхъ для продавцовъ-крестьянъ условіяхъ. Доставка ягоды въ городъ изъ южной части волости производится гужомъ. Изъ сѣверныхъ прирѣчныхъ селеній ягоду въ Томскъ возятъ на лодкахъ; обыкновенно женщины ѣздятъ чрезъ недѣлю: уѣзжаютъ изъ дому въ среду въ полдень, возвращаются въ субботу утромъ; на лодкѣ ѣдетъ обыкновенно артель изъ 6 — 8 женщинъ и увозитъ отъ 40 до 50 ведеръ ягоды, уложенной въ берестяныя корзинки разной величины.

Для *Спасской* волости важное значеніе имѣетъ только сборъ *малины* въ весьма обширныхъ малинникахъ, расположенныхъ вблизи д. Пѣтуховой, частью на землѣ этого селенія, а главнымъ образомъ въ чертѣ Алтайской казенной лѣсной дачи; когда родится малина, сюда съѣзжаются крестьяне со всей южной половины волости, а также много народу изъ самого Томска, къ большому неудовольствію Пѣтуховскихъ крестьянъ: „ежели въ тайгѣ пожаръ, говорятъ послѣдніе, такъ мы тушимъ, чужіе не пособляютъ; а родись ягода, сейчасъ наѣдутъ, да еще костры разведутъ“. Что касается до значенія сбора малины, то болѣе состоятельные и малосемейные крестьяне этимъ промысломъ занимаются мало — только по праздникамъ, а слѣдовательно и зарабатываютъ мало: „не бросать-же, основательно разсуждаютъ они, изъ за ягоды сѣнокосъ да хлѣбъ!“ Сборомъ малины занимаются больше всего такія семьи, въ которыхъ много старухъ и дѣтей, не пригодныхъ для другой работы: при 5—6 ребятахъ семья выручаетъ при хорошемъ урожаѣ малины до 100 р., и вообще для такихъ семей сборъ малины является существеннымъ подспорьемъ. Кромѣ малины въ селеніяхъ правобережной части Спасской волости собираютъ еще *землянику*, въ при-Том-

скихъ (с. Спасскомъ и д. Батуриной) — *смородину* и *черемуху*, въ заречныхъ (Головниной и Киселовой) — *бруснику* и *чернику*; но сборомъ ягоды во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ занимаются только такіе, преимущественно недостаточные дворы, которые вовсе или почти вовсе не пашутъ, заготовляютъ мало сѣна и потому имѣютъ избытокъ свободнаго времени; принадлежащія къ составу такихъ дворовъ женщины зарабатываютъ до 6—7 р. въ недѣлю, цѣлые дворы — среднимъ числомъ 20—30 рублей за лѣто, а слѣдовательно имѣютъ въ ягодномъ промыслѣ довольно существенный подспорный заработокъ.

Въ *Ишимской* волости ягодный промыселъ и въ частности—сборъ *малины* является однимъ изъ основныхъ источниковъ благосостоянія въ д. *Емельяновкѣ*, с. *Лебедянскомъ* и особенно въ д. *Митрофановкѣ*. Малинники расположены внутри крестьянскихъ дачъ, у самой окраины тайги; во всѣхъ трехъ селеніяхъ они очень обширны, но обширнѣе и лучше другихъ малинники д. Митрофановки. Урожаи малины бываютъ и здѣсь не ежегодно, но чаще, нежели въ Нелюбинской волости: за послѣднее десятилѣтіе было три хорошихъ урожая малины и одинъ или два плохихъ. Когда родится малина, на сборъ ея выходитъ въ названныхъ селеніяхъ почти все женское и дѣтское населеніе; въ день набираютъ, смотря по качеству малинника, урожаю ягоды и умѣнью, отъ 1 до 2 и даже болѣе ведеръ на человѣка, а въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, что продолжается сборъ, на человѣка добываютъ отъ 20 до 30 ведеръ. Дальнѣйшая судьба собранной ягоды двоякая: часть ея продается на мѣстѣ горожанамъ, наѣзжающимъ съ цѣлыми обозами сахара для варки варенья; цѣна ея не превышаетъ въ этомъ случаѣ 65—75 копѣекъ за ведро, а валовой заработокъ — 15 — 20 р. на человѣка. Другая, большая часть, не находящая себѣ сбыта въ свѣжемъ видѣ, сушится и въ сушономъ видѣ продается въ Томскѣ; пудъ сушоной малины выходитъ приблизительно изъ 7—8 пуд. (=ок. 17—20 ведеръ) свѣжей ягоды и продается въ Томскѣ по цѣнѣ отъ 6—10 рублей; валовой заработокъ въ этомъ случаѣ меньше, нежели въ первомъ, и можетъ при равномъ сборѣ колебаться отъ 6 до 15—17 рублей на человѣка. Общій размѣръ заработка, доставляемаго населенію поименованныхъ селеній ягоднымъ промысломъ, при хорошихъ урожаяхъ малины весьма значителенъ; для д. Митрофановки крестьяне прямо указываютъ на малиновый промыселъ, какъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ существованія. О размѣрахъ этого заработка мы можемъ судить по слѣдующему примѣру: въ 1889 году изъ д. Митрофановки было вывезено болѣе 400 пудовъ одной только сушоной малины (=3000 пуд. или ок. 7000 ведеръ свѣжей), давшихъ населенію, считая по средней цѣнѣ, болѣе 3000 рублей (въ д. Митрофановкѣ всего ок. 50 дворовъ!).

Кромѣ названныхъ селеній, сборъ малины производится и крестьянами нѣкоторыхъ другихъ селеній Ишимской волости, прилегающихъ къ тайгѣ, но въ далеко меньшихъ размѣрахъ; такъ въ д. *Кайлы* сборъ не превышаетъ 8 — 12 ведеръ малины (= 20 — 30 ф. сушеной), а слѣд. валовой заработокъ — 5 много 7 рублей на человѣка; въ д. *Мало-Жировой*, с. *Вороно-Пашенскомъ*, *двухъ Кусковыхъ* малины почти вовсе не продаютъ, а собираютъ ее почти исключительно для собственнаго потребленія. Прежде вблизи всѣхъ этихъ селеній тоже были обширные малинники, сплошною полосой окаймлявшіе, по всей вѣроятности, всю окраину тайги; въ настоящее время они частью распаханы, частью попорчены палами, такъ что сохранились въ нетронутомъ видѣ лишь на совершенно ничтожныхъ клочкахъ земли.

Изъ другихъ разновидностей ягоднаго промысла въ Ишимской волости можно указать: въ д. *Б. Жировой* — на сборъ „боровой“ ягоды — черники и брусники; ягода родится разъ въ 2—3 года, въ изобиліи, такъ что сборъ ея при урожаяхъ доставляетъ очень значительный заработокъ. Въ при-Чулымскихъ селеніяхъ — двухъ *Кусковыхъ*, *Троицкомъ*, *И. Дороховой*, *Боровой* — по лугамъ растетъ масса смородины и черемухи, но благодаря большимъ разливамъ, урожаи ягоды бываютъ не часто: послѣдній урожай былъ напримѣръ въ 1886 году. Когда ягода родится, сборы ея бываютъ очень значительны — по нѣсколько десятковъ ведеръ на человѣка. Продается она исключительно въ Томскѣ и притомъ не въ свѣжемъ, а въ сушономъ видѣ, по цѣнамъ: за пудъ сушоной смородины около 2 рублей, черемухи — около 1 рубля.

Что касается затѣмъ остальныхъ волостей Чулымскаго края, то ягодный промыселъ въ нихъ повидимому почти не существуетъ, что и очень понятно въ виду удаленности этихъ волостей отъ Томска и незначительности спроса, представляемаго Мариинскимъ рынкомъ. Во многихъ селеніяхъ, правда, есть отдѣльные дворы, по преимуществу бѣдные и многосемейные, занимающіеся сборомъ той или иной ягоды частью для мѣстнаго сбыта, главнымъ же образомъ — для продажи въ трактовыхъ селеніяхъ, — но въ общемъ значеніе ягоднаго промысла совершенно ничтожно. Въ нѣсколько большихъ размѣрахъ промыселъ этотъ существуетъ повидимому только на сѣверной окраинѣ Баимской волости — въ д. Рубиной и др.; здѣсь при урожаяхъ черники, случающихся разъ въ 3—4 года, сборомъ этой ягоды занимаются очень многіе, зарабатывая отъ 5 до 15 рублей на человѣка; продается ягода въ Мариинскѣ, среднимъ числомъ по 40 к. за ведро.

Б) *Сборомъ грибовъ* занимаются въ мѣстностяхъ чисто-пригороднаго характера: въ небольшихъ размѣрахъ — въ южныхъ селеніяхъ Не-

любинской волости, въ бо́льшихъ—въ сѣверной половинѣ Спасской и въ особенности въ двухъ зарѣчныхъ селеніяхъ послѣдней — Головинской и Кисловой. Свѣдѣнія наши о размѣрахъ и значеніи этого промысла представляются къ сожалѣнію весьма недостаточными. Мы можемъ только указать, что въ послѣднихъ двухъ селеніяхъ собираютъ по преимуществу грузди и рыжики, въ остальной части Спасской волости—грузди, бѣляки, иногда и боровики (бѣлые). Урожай грибовъ, при которомъ стоило-бы заниматься промысломъ, бываетъ не ежегодно: такъ за послѣднее пятилѣтіе урожаи грибовъ были два раза: въ 1887 г. — отличный, а въ 1889 — посредственный. При урожаѣ на сборъ выходятъ чуть не всѣ, „кто только на ногахъ держится“, но почти исключительно по воскресеньямъ и праздникамъ; сборы бываютъ очень значительны: два человѣка въ день могутъ набрать полную телѣгу грибовъ. Продаются грибы сырыми, сушоными и солеными; въ первомъ случаѣ берутъ

за грузди по 40—45 к. за ведро
„ рыжики „ 25—30 „ „

Общая сумма заработка при урожаѣ грибовъ бываетъ очень значительна, такъ что въ общемъ грибной промыселъ для крестьянъ Спасской волости является довольно существеннымъ подсобнымъ заработкомъ.

В) Въ ближайшихъ къ Кійско-Чулымской тайгѣ селеніяхъ Почитанской и Банмской волостей „бѣднота“ имѣетъ немаловажный заработокъ въ сборѣ „колбы“ или „черемши“ (allium victoriale)—лукообразной травы, растущей въ тайгѣ по „мочага́мъ“ и употребляемой въ видѣ приправы къ пищѣ. Сборъ колбы происходитъ въ самое рабочее время — въ теченіе примѣрно двухъ недѣль послѣ Троицы, — почему этотъ промыселъ доступенъ, разумѣется, только для вовсе не пашущихъ или имѣющихъ ничтожную запашку дворовъ, — но для такихъ дворовъ онъ является существенною поддержкой: „у насъ въ тайгѣ, говорятъ крестьяне, кабы не колба́, весной-бы безъ заработковъ пропасть можно!“

Колба́ продается пучками (на пудъ идетъ около 40 такихъ пучковъ), по 1 копѣйкѣ за пучокъ, или мѣшками, по 60—70 к. за мѣшокъ. Валовой заработокъ за двѣ недѣли сбора доходитъ до 10 рублей на человѣка.

§ 3. Бортевыя угодья и пчеловодство.

Первыя пасѣки въ изслѣдованномъ краѣ заведены были переселенцами-скопцами, поселившимися на арендномъ правѣ въ Чулымской

тайгѣ, въ разстояніи около 25 верстъ отъ города Томска. Въ настоящее время вся эта тайга усѣяна заимками, содержимыми лицами самыхъ разнообразныхъ состояній и достигающими иногда и весьма значительныхъ размѣровъ, и сравнительно очень высокой степени техническаго прогресса. Совершенно не имѣя въ числѣ нашихъ задачъ изслѣдованія арендаго хозяйства на земляхъ единственнаго владѣнія казны, мы совершенно не будемъ входить въ подробности относительно пчеловодства въ Чулымской тайгѣ, а перейдемъ непосредственно къ вопросу о распространенности этого промысла въ крестьянскихъ волостяхъ изслѣдованнаго края. Для того однако, чтобы выяснить себѣ причины, обусловившія такое, а не иное распространеніе, мы должны предварительно коснуться вопроса объ общемъ характерѣ мѣстнаго пчеловодства и въ частности—вопроса о томъ, чѣмъ именно питается въ изслѣдованной мѣстности пчела, откуда она беретъ свои взятки.

Пчеловодство въ изслѣдованномъ краѣ имѣетъ несомнѣнный бортевой характеръ: оно основано на эксплуатаціи не какихъ-либо спеціально разводимыхъ для пчелы растеній, а разныхъ видовъ дико растущей, частью древесной, частью травяной флоры. Главные взятки пчела беретъ съ разныхъ цвѣтущихъ травъ, главнымъ образомъ копѣвника (кипрея), иѵчки (борщовника), пытвы, осота и нѣк. др.. Изъ древесной растительности надо указать прежде всего на вербу, съ которой пчела беретъ взятки весной, до начала цвѣтенія травъ; затѣмъ, какъ на одно изъ важнѣйшихъ кормовыхъ растеній, на малинники: кромѣ того пчела беретъ съ акаціи, березы, тала, отчасти даже съ ели и пихты; иногда она падаетъ на осину или черемуху, но эти деревья не только не даютъ полезнаго для пчелы корма, но скорѣе являются даже вредными для ея развитія. Пересматривая приведенный перечень растеній, поставляющихъ для пчелы кормъ, мы видимъ, что всѣ поименованныя въ немъ, да и вообще всѣ крупныя цвѣтущія травы растутъ по преимуществу по междулѣснымъ сланямъ и въ особенности—на „гаряхъ"; малинники растутъ почти исключительно по окраинамъ тайги и на прогалинахъ внутри послѣдней; къ составу таёжной по преимуществу растительности принадлежатъ акація, пихта, ель, отчасти верба,—и т. д.. Вообще *таёжныя мѣстности представляютъ гораздо лучшіе корма для пчелы, нежели лѣсистыя мѣстности не таёжнаго характера, а тѣмъ болѣе—обезлѣсенныя и обращенныя въ болѣе или менѣе сплошныя культурныя площади, — а потому пригодность каждой данной мѣстности для развитія пчеловодства, можно сказать, обратно пропорціональна пригодности ея для развитія земледѣльческаго хозяйства и прямо пропорціональна ея таёжному характеру.* Въ самомъ дѣлѣ: районъ наибольшаго во всемъ

изслѣдованномъ краѣ развитія пчеловодства представляетъ собой вовсе не входящая въ сферу крестьянскаго землепользованія и мало удобная, вообще говоря, для земледѣлія Чулымская тайга, гдѣ, какъ мы уже упоминали, устроилось множество спеціально-пчеловодныхъ арендаторскихъ хозяйствъ. Немногимъ менѣе удобна для развитія пчеловодства и расположенная южнѣе Чулымской Алтайская тайга. И вотъ вдоль восточной окраины той и другой тянется районъ наибольшаго развитія собственно-крестьянскаго пчеловодства, заключающій въ себѣ всю группу западныхъ, притаёжныхъ селеній *Ишимской* волости (въ южной половинѣ волости с. Мазаловское, Данковское, Лебедянское, д. Кайла и особенно Емельяновка; въ сѣверной—Мало-Жирова, двѣ Кусковы и особенно с. Ворono-Пашенское и д. Митрофановка), а также селенія Подломскаго сельскаго общества Семилужной волости (гл. обр. д. Халдеева). Крестьянскія пасѣки расположены въ этой мѣстности частью внутри волостныхъ дачъ, частью же (а мѣстами и главнымъ образомъ) внѣ этихъ послѣднихъ, въ ближайшихъ урочищахъ казенной тайги. Въ восточной, при-Яйской части той-же Ишимской волости мѣста гораздо менѣе удобны „для пчелы“, и пчеловодство гораздо менѣе развито: число пасѣкъ здѣсь значительно меньше, во многихъ селеніяхъ и совсѣмъ ничтожно, и размѣры пасѣкъ очень невелики. По характеру растительности и обилію кормовъ для пчелы большія удобства для развитія пчеловодства должна-бы, повидимому, представлять и прилегающая къ изслѣдованному краю съ сѣверо-востока Кійско-Чулымская тайга, но за то климатическія условія и въ ней, и въ прилегающей къ ней мѣстности представляются гораздо менѣе благопріятными; поэтому пчеловодство въ прилегающихъ къ этой тайгѣ за-Чулымскихъ и при-Кійскихъ селеніяхъ четырехъ волостей Чулымскаго района и раньше никогда не достигало такого развитія, какъ на окраинахъ Алтайской и (Томско-)Чулымской тайги, а въ послѣднее время пришло въ полный упадокъ.

Второе мѣсто по развитію пчеловодства занимаетъ *Зырянская* волость, за исключеніемъ тѣхъ ея селеній, прилегающая къ которымъ мѣстность представляется сравнительно обезлѣсенною (напр. д. Цыгановка); особенно значительно развитіе пчеловодства въ окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ д. Дубровкѣ. *Баимская* волость по отношенію къ разсматриваемому вопросу можетъ быть разбита на двѣ части: съ одной стороны селенія трактоваго типа, сосредоточивающія въ себѣ бо́льшую половину населенія этой волости, съ другой — селенія внѣтрактовыя, расположенныя по преимуществу въ сѣверной, лѣсистой части волости. Въ селеніяхъ первой группы пчеловодство почти совсѣмъ не существуетъ: пасѣки здѣсь и очень малочисленны, и совер-

менно незначительны по своимъ размѣрамъ: напротивъ въ селеніяхъ второй группы (Тенгулы, Благовѣщенская, Рубина, Богданова, Ключевая) пчеловодство имѣетъ гораздо большее значеніе: „съ пасѣкъ прежде многіе въ ходъ пошли", говорятъ здѣсь крестьяне; пасѣки были и довольно многочисленны, и довольно велики, и только въ послѣдніе годы наступило сильное сокращеніе и ихъ количества, и размѣровъ. Сравнительно обезлѣсенная *Почитанская* волость по степени развитія пчеловодства должна быть поставлена позади всѣхъ прочихъ волостей Чулымскаго района: мы можемъ указать только на нѣсколько селеній (Благовѣщенская, Мало-Песчанское, Бекетъ, Нижнее и нѣк. др.), гдѣ число пасѣкъ доходитъ до десятка или болѣе, и гдѣ размѣры ихъ если не сейчасъ, то прежде были болѣе или менѣе значительны; въ большинствѣ селеній и число пасѣкъ, и размѣры ихъ очень незначительны, а значеніе пчеловодства можетъ быть признано совершенно ничтожнымъ.

Въ *Томскомъ районѣ*, разсматриваемомъ и какъ цѣлое, и болѣе детально, по волостямъ и частямъ волостей, пчеловодство нигдѣ не можетъ быть отнесено къ числу существенныхъ источниковъ благосостоянія. Въ каждой изъ волостей этого района можно отмѣтить цѣлый рядъ селеній, гдѣ пасѣкъ вовсе нѣтъ и пчеловодство совершенно не существуетъ; таковы въ Нелюбинской волости с. Нелюбинское, д. Позднякова, Попадейкина, Луговая, Чернильщикова; въ Спасской—д. Большанина, Жукова, Оловянишникова, Хайдукова; въ Семилужной—Лялина, Киргизка, Круглыхина. Въ другихъ, и даже въ значительномъ большинствѣ селеній, пасѣки имѣютъ лишь, у немногихъ — 2, 3, много 5 на селеніе—зажиточныхъ хозяевъ, и размѣры ихъ тоже совершенно незначительны: число колодокъ не превышаетъ въ каждой немногихъ десятковъ, а въ иныхъ пасѣкахъ падаетъ до десятка и ниже. Нѣсколько болѣе развито пчеловодство лишь въ немногихъ селеніяхъ, гдѣ развитію его благопріятствовала близость той или другой тайги; такъ въ Нелюбинской волости мы встрѣчаемъ болѣе многочисленныя и значительныя пасѣки въ селеніяхъ, расположенныхъ на верховьяхъ Пороса и примыкающихъ своими дачами къ небольшой Темерчинской тайгѣ (д. В. Сѣченова, Лаврова, Рыбалова, В. Петрова, Карбышева); въ Спасской волости пчеловодство болѣе развито на ея южной окраинѣ, наименѣе обезлѣсенной и примыкающей съ запада къ Алтанской тайгѣ (д. Батурина, Пѣтухова, Воронова); въ Семилужной пчеловодство „въ старые годы" было довольно развито въ лежащихъ у южной окраины Чулымской тайги селеніяхъ Конпинскаго с. о.,— но и во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ и селеніяхъ размѣры и значеніе пчеловодства совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ раз-

мѣрами и значеніемъ его не только въ Ишимской, но даже хотя-бы только въ Зырянской волости. Если затѣмъ отъ такого детальнаго обзора обратиться къ Томскому району, какъ цѣлому, то пчеловодство окажется стоящимъ здѣсь въ числѣ не только не первостепенныхъ, но даже и не второстепенныхъ источниковъ благосостоянія, — и причину или во всякомъ случаѣ одну изъ причинъ малаго развитія здѣсь пчеловодства можно, кажется намъ, усмотрѣть во вліяніи пригороднаго мѣстоположенія. Вліяніе это отчасти прямое: близость города не обезпечиваетъ пчеловоду достаточной безопасности: онъ слишкомъ подвергается риску похищенія меда, роевъ и цѣлыхъ колодокъ, а также злонамѣреннаго поврежденія пасѣкъ; независимо отъ этого близость города вліяетъ и косвенно: весь складъ жизни и занятій пригороднаго населенія, его подвижность, мало благопріятствуетъ развитію такого патріархальнаго занятія, какъ пчеловодство.

Въ сдѣланномъ на предыдущихъ страницахъ обзорѣ относительнаго значенія и развитія пчеловодства читателю могло броситься въ глаза почти полное отсутствіе хотя-бы приблизительныхъ числовыхъ данныхъ. Пробѣлъ этотъ представляется не случайнымъ: дѣло въ томъ, что цифровыя данныя, изображающія только современное состояніе крестьянскихъ пасѣкъ, совершенно не могли-бы дать понятія объ общемъ значеніи пчеловодства въ экономической жизни крестьянъ: какъ мы уже упоминали вскользь въ предыдущемъ изложеніи, размѣры пчеловодства въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ сократились, во многихъ мѣстахъ — въ нѣсколько разъ въ сравненіи съ ихъ прежнимъ уровнемъ.

Вопросъ о значеніи и размѣрахъ пчеловодства долженъ поэтому быть разсматриваемъ, такъ сказать, исторически: для каждой отдѣльной мѣстности слѣдуетъ выяснить значеніе этого промысла въ прежніе годы, во времена его наибольшаго развитія и процвѣтанія, и теперь, въ эпоху его упадка. По предварительно мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по вопросу о причинахъ, вызвавшихъ этотъ упадокъ. Къ сожалѣнію по этому вопросу мы не можемъ дать точныхъ и опредѣленныхъ указаній: недостатокъ у изслѣдователя спеціальной подготовки по пчеловодству не позволилъ ему произвести самостоятельнаго изслѣдованія по этому вопросу, а заставилъ его ограничиться опросами крестьянъ-пчеловодовъ, показанія которыхъ представляются весьма разнорѣчивыми. По однимъ показаніямъ, прежде всего, наблюдаемый въ настоящіе годы „уронъ" не представляетъ собою чего-либо небывалаго раньше: и раньше бывали „дурные годы", когда пчела не имѣла, хорошихъ взятковъ и когда благодаря этому размѣры пчеловодства или на убыль; нынѣшній „уронъ" ничѣмъ не отличается отъ

прежнихъ и вполнѣ дозволяетъ ожидать возвращенія болѣе благопріятныхъ годовъ. По большинству показаній, напротивъ, прежніе „уроны“ совершенно не могутъ идти въ сравненіе съ нынѣшнимъ: они никогда не бывали столь значительны и имѣли только преходящій характеръ,—почему на „уронъ“ послѣднихъ лѣтъ смотрятъ не какъ на временное явленіе, а какъ на проявленіе длящагося упадка пчеловодства. Относительно непосредственной, такъ сказать, причины, вызывающей „уронъ“, всѣ показанія согласно между собой: причина эта сводится къ недостаточности взятковъ; пчела не только не припасаетъ меда въ избыточномъ количествѣ, которое дозволяло-бы выбирать его для продажи,—она не можетъ обезпечить даже собственнаго продовольствія на зиму; такъ что непосредственною причиною гибели пчелъ является недостаточность корма, голодъ. Чтобы предупредить вымираніе пчелъ, многіе пчеловоды прибѣгаютъ къ подкармливанію; нерѣдко при наступленіи времени уборки пчелъ на зиму слабыя колодки убиваютъ и извлекаемый изъ нихъ медъ прибавляютъ къ накопленному болѣе сильными колодками; но и подкармливаніе далеко не является безошибочнымъ средствомъ: сплошь и рядомъ бываютъ случаи, когда не подкормленныя колодки выживаютъ, а въ подкормленныхъ пчела жирѣетъ и весной, по выставкѣ колодки, разлетается и не возвращается домой.

Итакъ, повторяемъ, непосредственною причиною гибели пчелъ являются недостаточные взятки и какъ слѣдствіе ихъ — недостаточность накопляемаго на зиму корма. Причину недостаточности взятковъ, по большинству показаній, надо видѣть въ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ послѣднихъ лѣтъ, которыя такимъ образомъ и являются коренною причиною упадка пчеловодства: указываютъ именно то на холодныя весны, то на холодныя ночи и заморозки во время лѣта, то на вредныя росы и на отсутствіе полезныхъ для пчелъ „медовыхъ“ росъ (не смѣшивать съ росою—„медянкой“!): „климатъ не тотъ сталъ“, „холода пчелу губятъ“, „съ самыхъ морозливыхъ годовъ хорошихъ взятковъ не стало“,—такія или приблизительно такія показанія записаны послѣдователемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Но въ сѣверной части Пшимской волости получены указанія другого рода,—указанія на свирѣпствующую на пасѣкахъ болѣзнь, признаки которой, описываемые крестьянами, позволяютъ намъ сдѣлать предположеніе, что болѣзнь эта—ничто иное, какъ гнилецъ.

Оставляя вопросъ о свойствѣ дѣйствительной коренной причины „урона“ открытымъ, мы можемъ однако указать на то, что причина эта далеко не вездѣ дѣйствуетъ съ одинаковою силой; если взять напримѣръ небольшой районъ, заключающій въ себѣ Пшимскую и Зырянскую волости, то мы увидимъ, что въ этой послѣдней и въ южной

части Ишимской пчеловодство въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не давало совершенно никакого дохода: въ притаёжныхъ селеніяхъ сѣверной части Ишимской волости, напротивъ, большинство пчеловодовъ и въ нынѣшніе „уронные“ годы получаетъ нѣкоторый, хотя и небольшой доходъ. Съ другой стороны въ Зырянской волости, въ южной части Ишимской и въ прирѣчныхъ селеніяхъ сѣверной ея части убыль пчелъ является незнающимъ исключенія правиломъ: всѣ пасѣки уменьшились, многія и совершенно прекратили свое существованіе, а въ общей сложности осталась лишь небольшая часть прежняго числа колодокъ: въ притаёжныхъ селеніяхъ сѣверной части Ишимской волости „уронъ“ былъ гораздо менѣе ощутителенъ: во многихъ пасѣкахъ, правда, число колодокъ значительно убыло; въ другихъ оно осталось на прежнемъ уровнѣ, а въ иныхъ даже возросло; въ общей сложности убыль пчелъ, хотя и весьма ощутительная, здѣсь далеко не такъ значительна, какъ въ другихъ названныхъ ранѣе мѣстностяхъ.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ перейти уже къ болѣе детальному, насколько позволитъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, обзору данныхъ о размѣрахъ и значеніи пчеловодства въ прошломъ и настоящемъ изслѣдованнаго края.

Остановимся прежде всего на притаёжныхъ селеніяхъ Ишимской волости, и въ частности на такихъ, какъ Емельяновка, Лебедянское, Ворono-Пашенское, Митрофановка, Кусковы, Мало-Жирова. Первое время „по приходкѣ“ поселенья (въ 50-хъ годахъ) пчеловодство было здѣсь чрезвычайно развито; для всей массы населенія оно являлось, особенно при дешевыхъ хлѣбныхъ цѣнахъ, главнымъ источникомъ благосостоянія; пасѣки въ 200—300 колодокъ были не въ рѣдкость, а у отдѣльныхъ хозяевъ численность колодокъ доходила до тысячи; медъ изъ этихъ селеній увозился на продажу цѣлыми обозами. Отдѣльные хозяева увозили свой медъ на 10—15 возахъ; доходъ извлекался изъ пчеловодства сотнями, у богатыхъ крестьянъ—тысячами рублей и послужилъ главнымъ основаніемъ быстро упрочившаго благосостоянія поименованныхъ селеній; въ виду высокой доходности пчеловодства, при незначительныхъ затратахъ труда и денегъ, крестьяне предпочитали это занятіе земледѣлію, и потому на немъ сосредоточивали главное вниманіе и не особенно стремились къ расширенію запашекъ; не мало было и такихъ крестьянъ, которые вовсе не занимались земледѣліемъ, а жили исключительно на деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ пчеловодства. И въ настоящее время, несмотря на „уровы“ послѣднихъ лѣтъ, размѣры пчеловодства въ селеніяхъ разематриваемой группы остались очень значительными: пасѣки имѣютъ отъ четверти до половины общаго числа домохозяевъ, и число колодокъ въ пасѣкахъ зажиточ-

ныхъ домохозяевъ доходитъ до 200 и 300 штукъ; доходъ отъ пчеловодства въ „уронные“ годы, хотя и совершенно ничтожный въ сравненіи съ прежнимъ, все-же составляетъ немаловажную статью крестьянскаго приходнаго бюджета: такъ, по даннымъ подворныхъ описей, въ 1890 г. отъ продажи продуктовъ пчеловодства выручили:

въ д. Емельяновкѣ	931 р.,	или въ среднемъ 36 р.	на каждую пасѣку
„ М. Жировой	329 „	„ 14 „	„
„ с. Ворово-Пашенск.	1804 „	„ 45 „	„
„ д. Старо-Кусковой	289 „	„ 19 „	„

На второмъ мѣстѣ по степени развитія пчеловодства стоятъ при-Китатскія селенія южной половины Ишимской волости, пасѣки которыхъ разбросались по западной окраинѣ Алтайской тайги (с. Данковское, д. Кайла, Баранцева, с. Мазалово, д. Нижне-Великосельская), а также три селенія Подломской сотни Семилужной волости; во всѣхъ этихъ селеніяхъ прежде были, а отчасти сохранились и до сихъ поръ большія пасѣки по 100, 200 и до 300 колодокъ въ каждой, пчеловодство до послѣднихъ „уроновъ“ давало очень значительный валовой доходъ, и были дворы, для которыхъ оно было единственнымъ или по крайней мѣрѣ главнымъ источникомъ существованія; въ настоящее время, благодаря „уронамъ“, масса пасѣкъ совсѣмъ прекратила свое существованіе, остальныя значительно уменьшились; въ общемъ размѣры пчеловодства сократились въ нѣсколько разъ, а доходность его упала до нуля. Такими-же чертами обрисовываются размѣры и значеніе пчеловодства и въ двухъ крайнихъ южныхъ селеніяхъ Ишимской волости — с. Жарковскомъ и Суджанскомъ. Во всѣхъ остальныхъ при-Яйскихъ селеніяхъ (кромѣ впрочемъ д. Спасо-Яйской) пчеловодство, благодаря отсутствію удобныхъ для устройства пасѣкъ угодій, никогда не достигало большого развитія; въ настоящее время размѣры его въ этой части Ишимской волости совершенно ничтожны: число пасѣкъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ не превышаетъ немногихъ единицъ, составъ ихъ — трехъ-четырехъ десятковъ колодокъ. Въ при-Чулымскихъ селеніяхъ пчеловодство въ настоящее время тоже имѣетъ ничтожные размѣры, не бо́льшіе, нежели въ селеніяхъ при-Яйской полосы; прежде, до „уроновъ“, число пасѣкъ и здѣсь было гораздо больше, а размѣръ ихъ доходилъ до 100 и болѣе колодокъ.

Въ *Зырянской* волости пчеловодство совсѣмъ мало развито и никогда не имѣло значительныхъ размѣровъ въ д. Цыгановой, а также въ глубоко вдавшихся въ „холодную“ Кійско-Чулымскую тайгу с. Чердатскомъ и д. Пловкѣ. Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ размѣры

пчеловодства въ „старые годы“ были болѣе или менѣе значительны: число пасѣкъ измѣрялось въ большихъ селеніяхъ нѣсколькими десятками, составъ ихъ доходилъ у нѣкоторыхъ хозяевъ-пчеляковъ до 150—200 колодокъ, и доставляемый пчеловодствомъ доходъ являлся въ бюджетѣ такихъ хозяевъ одною изъ главныхъ, у многихъ — и главною статьей, въ общемъ же бюджетѣ мѣстности занималъ хотя и второстепенное, но все же важное мѣсто. Убыль въ размѣрахъ пчеловодства, вызванная „уропами“, и здѣсь была очень значительна: размѣры эти вездѣ уменьшились на половину и даже болѣе; тѣмъ не менѣе пчеловодство въ Зырянской волости и въ настоящее время имѣетъ болѣе значительные размѣры, нежели напримѣръ въ при-Яйскихъ селеніяхъ Ишимской волости; наиболѣе развито пчеловодство въ д. Дубровкѣ, лѣсистое мѣстоположеніе которой весьма благопріятствуетъ устройству пасѣкъ; но и здѣсь размѣръ самыхъ большихъ пасѣкъ не превышаетъ въ настоящее время 75—100 колодокъ. Доходъ отъ пчеловодства за послѣдніе годы былъ совершенно незначителенъ, но все-же не падалъ, какъ въ при-Яйскихъ селеніяхъ Ишимской волости, до нуля; такъ напримѣръ въ 1890 г. получено было дохода:

22 пчеловодами д. Дубровки 218 р., или въ средн. по 10 р. на дворъ
7 „ „ Цыгановой 41 „ „ „ 6 „ „

Приблизительно такими-же чертами обрисовывается положеніе пчеловодства въ селеніяхъ сѣверной, лѣсистой окраины *Баимской* волости (Благовѣщенское, Тенгулы, Рубина, Богданова, Примѣткина, а также Ключевая). Во всѣхъ этихъ селеніяхъ пчелъ прежде держали довольно много; число пасѣкъ насчитывалось десятками, размѣры ихъ доходили до сотни колодокъ и болѣе, общая доходность исчислялась сотнями и тысячами рублей и имѣла большое вліяніе на экономическое положеніе крестьянства: „многіе съ пасѣкъ въ ходъ пошли“, говорятъ крестьяне; въ настоящее время размѣры пчеловодства вездѣ сократились въ нѣсколько разъ: уменьшилось и число пасѣкъ, и ихъ составъ, такъ что самыя большія пасѣки нынѣ заключаютъ въ себѣ не болѣе 30—40, много 50 колодокъ; доходность пчеловодства въ настоящіе „уропные“ годы значительно сократилась, но все-же не упала до нуля: въ д. Ключевой, напр., 6 пасѣкъ, въ составѣ всего 100 колодокъ, дали въ 1890 г. 97 рублей дохода. — Въ остальныхъ, трактовыхъ селеніяхъ Баимской волости размѣры пчеловодства, нынѣ совершенно ничтожны, никогда не были значительны: пчеловодство всегда имѣло характеръ не столько источника благосостоянія, сколько „забавы“ для болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяйствъ; число пасѣкъ всегда было невелико и численность ихъ — незначительна.

Въ *Почитанской* волости пчеловодство въ настоящее время не имѣетъ значенія: въ большей части селеній этой волости насчитывается не болѣе 3—4 пасѣкъ болѣе или менѣе ничтожнаго размѣра; нѣсколько больше число пасѣкъ въ д. Бекетѣ, с. Ижморскомъ и особенно Благовѣщенскомъ, но размѣры ихъ и здѣсь совершенно ничтожны, не превышая въ среднемъ 12—15 колодокъ. Въ сравненіи съ „хорошими годами“ размѣры пчеловодства и здѣсь замѣтно сократились; но и въ самые лучшіе годы оно никогда не имѣло здѣсь такого значенія, какъ въ Ишимской или даже Зырянской волости: пасѣки были и не многочисленны, и не велики, и даваемый ими доходъ никогда не игралъ въ общемъ бюджетѣ мѣстности сколько нибудь значительной роли. Какъ на исключеніе можно указать только на д. Бекетъ, гдѣ „до уроновъ“ было нѣсколько большихъ пасѣкъ, по 150—200 и болѣе колодокъ каждая.

Переходя затѣмъ къ *Томскому* району и останавливаясь сначала на *Семилужной* волости, мы можемъ указать на прилегающія къ Алтайской тайгѣ съ сѣвера с. Семилужное и д. Халдееву, какъ на такія селенія, въ которыхъ размѣры пчеловодства очень значительны; въ первомъ изъ этихъ селеній число пасѣкъ не велико, но за то размѣры отдѣльныхъ пасѣкъ, несмотря на „уроны“, доходятъ до нѣсколькихъ сотъ и даже до 1000 колодокъ; во второмъ преобладаютъ болѣе мелкія (не болѣе 150—200 кол.) пасѣки, но за то число ихъ, сравнительно съ величиною селенія, гораздо болѣе значительно. Довольно большое значеніе пчеловодство имѣло прежде и въ селеніяхъ прилегающей съ юга къ Чулымской тайгѣ Конинской сотни, особенно въ двухъ Кусковыхъ; прежде въ каждомъ изъ этихъ селеній было по десятку пасѣкъ, и нѣкоторыя изъ нихъ доходили до 100 и болѣе колодокъ. Въ остальныхъ, ближайшихъ къ городу сельскихъ обществахъ Семилужной волости размѣры пчеловодства и прежде, „до уроновъ“, были очень незначительны; пчеловодство всегда было не болѣе, какъ побочнымъ занятіемъ, „забавою“ болѣе зажиточныхъ дворовъ, и доставляемый имъ доходъ никогда не игралъ сколько-нибудь существенной роли; въ настоящее время пчеловодство не даетъ здѣсь никакого дохода, и самые размѣры пасѣкъ сократились въ нѣсколько разъ въ сравненіи съ прежними, тоже незначительнымъ уровнемъ.

Такими-же чертами обрисовывается значеніе пчеловодства и въ большей части селеній *Нелюбинской* волости: число пасѣкъ въ каждомъ отдѣльномъ селеніи не превышаетъ 3—4, размѣры пасѣкъ не болѣе 10—15 колодокъ. Въ прежнее время, „до уроновъ“, и число пасѣкъ было нѣсколько больше, и размѣры ихъ — въ нѣсколько разъ больше, нежели въ настоящее время, но все-же въ общемъ значеніе

пчеловодства было совершенно незначительно. Въ районѣ наибольшаго по волости развитія пчеловодства—въ юго-западномъ углу волости—число пасѣкъ и теперь довольно значительно — отъ 6 до 10 на селеніе, а размѣры отдѣльныхъ пасѣкъ доходятъ до 80—100 колодокъ; до „уроковъ“ число пасѣкъ было примѣрно вдвое больше, размѣры отдѣльныхъ пасѣкъ доходили до 300—400 колодокъ, и пчеловодство въ общемъ занимало въ числѣ источниковъ благосостоянія населенія одно изъ видныхъ мѣстъ.

Въ *Спасской* волости, вообще говоря, размѣры пчеловодства совершенно ничтожны и никогда не были сколько-нибудь значительны. Какъ уже было указано выше, пчеловодство нѣсколько болѣе развито въ нѣкоторыхъ селеніяхъ южной окраины волости: въ д. Батуриной и Пѣтуховой имѣется по 10—15 пасѣкъ въ каждой, въ д. Вороновой шесть, средній размѣръ пасѣкъ въ настоящее время составляетъ около 50—60 колодокъ; въ прежніе годы число пасѣкъ было, по всей вѣроятности, вдвое больше, а составъ отдѣльныхъ пасѣкъ доходилъ до 150—200 колодокъ и болѣе; большія пасѣки были также и въ трехъ зарѣчныхъ селеніяхъ (Головинской, Кисловой, Кондинской), гдѣ въ настоящее время размѣры пчеловодства совершенно ничтожны.

Перейдемъ теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію элементовъ, которыми опредѣляется доходность пчеловодства. Предварительно обратимъ однако вниманіе еще на то обстоятельство, что пчелы въ изслѣдованномъ краѣ содержатся исключительно въ простыхъ выдолбленныхъ изъ дерева колодкахъ. Никакихъ ульевъ мѣстные пчеловоды не употребляютъ, и примѣръ пасѣкъ Чулымской тайги, на нѣкоторыхъ изъ которыхъ введены ульи болѣе или менѣе усовершенствованныхъ системъ, между крестьянами не нашелъ послѣдователей; на разспросы изслѣдователя крестьяне объясняли свою склонность къ колодкамъ съ одной стороны изобиліемъ лѣса, удобнаго для выѣлки колодокъ, и дешевизною послѣднихъ при сравнительной дороговизнѣ ульевъ; съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что ульи при жестокихъ морозахъ мѣтной зимы не служили-бы для пчелъ достаточною защитой. Колодки употребляются стоячія и лежачія; послѣднія укладываются каждая на двухъ подставкахъ неравной высоты, такъ что лежатъ въ нѣсколько наклонномъ положеніи; колодки обоихъ типовъ могутъ считаться одинаково распространенными: только въ Зырянской волости и въ сѣверной части Нижнемской замѣчается сильное преобладаніе лежачихъ колодокъ надъ стоячими; въ ближайшихъ къ Томску и сибирскому тракту селеніяхъ первыя, напротивъ, менѣе употребительны, нежели вторыя. Каждый изъ двухъ типовъ колодокъ, по наблюденію крестьянъ, имѣетъ свои преимущества и недостатки: въ стоячихъ колодкахъ

пчела лучше роится, нежели въ лежачихъ; въ этихъ послѣднихъ зато она даетъ значительно больше меду, нежели въ первыхъ.

Количество продуктовъ, даваемыхъ пчеловодствомъ, въ послѣдніе 8—10 лѣтъ значительно сократилось въ сравненіи съ прежними годами. Прежде, какъ разсказываютъ крестьяне, соты подрѣзывались по 3 раза въ лѣто, и съ колодки получалось по пуду меда, а въ хорошіе годы и болѣе, такъ что пудъ съ улья можно принять для того времени за среднюю норму урожая меда. Теперь подрѣзка сотовъ производится не чаще 1 раза въ лѣто, и меду получается при лучшемъ урожаѣ не болѣе ½ пуда съ колодки, а если принять во вниманіе „уроны“ и вообще плохіе годы, то средняя производительность колодки окажется не выше 10 фунтовъ въ годъ. Количество воска находится, конечно, въ тѣсной зависимости отъ количества меда: фунтъ перваго получается примѣрно съ 18—20 фунтовъ второго; сверхъ того при подчисткѣ колодокъ получается примѣрно по фунту вощины съ каждой, а изъ фунта вощины—по полуфунту воску.

Такимъ образомъ средній размѣръ, такъ сказать, текущаго прихода съ опредѣленнаго числа—скажемъ 50—колодокъ выражался прежде и выражается въ настоящее время въ слѣдующемъ количествѣ продуктовъ:

	въ «старые годы»		въ послѣднее десятилѣтіе	
меду	ок. 50	пуд.	ок. 12½	пуд..
воску. . . .	„ 2½	„	„ 25	фунт..
вощины . . .	„ 1¼	„	„ 1¼	пуда.

Сверхъ того пчеловодъ получаетъ еще доходъ отъ убоя колодокъ, а иногда—и отъ продажи пчелы живьемъ; на убой идутъ съ одной стороны болѣе слабыя колодки, которыя въ теченіе зимы пришлось-бы подкармливать, съ другой—самыя сильныя и богатыя медомъ, способныя дать при убоѣ наибольшую сумму денежнаго дохода; въ послѣднемъ случаѣ изъ колодки получается пудъ или болѣе меду съ соотвѣтствующимъ выходомъ воска, да около 2 фунтовъ вощины.

Продукты пчеловодства—мёдъ и воскъ, а въ большинствѣ случаевъ и неочищенная вощина продаются въ Томскѣ, куда доставляются самими пасѣчниками, помимо какихъ-либо посредниковъ. Только въ „уронные годы“, когда за зиму вымираетъ масса пчелъ, по пчеловоднымъ районамъ разъѣзжаютъ скупщики, занимающіеся скупкою вощины изъ вымершихъ колодокъ; закупленную вощину они перетапливаютъ и уже въ видѣ воска доставляютъ на тотъ-же Томскій рынокъ.

Цѣны меда подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ. Обращаясь къ помѣщеннымъ въ приложеніи къ I тому настоящаго изслѣдованія („Матер.“, вып. XIV) помѣсячнымъ цѣнамъ, мы находимъ, что цѣна меда на Томскомъ рынкѣ колебалась въ слѣдующихъ предѣлахъ:

Въ пятилѣтіе съ	1851	по	1855 г.	отъ	3 р.	до	4	р. 50 к..
„	1856	„	1860 „	„	3 „ 50 к.	„	7	„
„	1861	„	1865 „	„	3 „ 30 „	„	6	„ 40 „
„	1866	„	1870 „	„	3 „ 20 „	„	6	„
„	1871	„	1875 „	„	4 „	„	10	„
за четыре года съ	1876	„	1879 „	„	4 „	„	8	„

За послѣднее десятилѣтіе среднія по временамъ года цѣны меда изобразятся въ слѣдующей таблицѣ *).

	зимой XII—II	весной III—V	лѣтомъ VI—VIII	осенью IX—XI	за годъ
	цѣна пуда въ копѣйкахъ				
1880 годъ.	717	675	692	725	702
1881 „	725	758	707	750	735
1882 „	767	742	738	743	748
1883 „	745	737	782	797	765
1884 „	1045	1017	750	652	866
1885 „	623	592	575	602	598
1886 „	603	625	545	425	549
1887 „	437	448	432	399	429
1888 „	422	440	437	450	437
1889 „	431	437	485	548	475
Средняя за 10 лѣтъ.					630.

Такимъ образомъ за послѣдніе 6 и даже 7 лѣтъ, съ 1884 по 1889 и 1890, цѣны меда значительно понизились, что конечно наряду съ паденіемъ количества получаемаго меда сильно содѣйствовало паденію доходности пчеловодства. Впрочемъ, насколько можно судить по многочисленнымъ показаніямъ, средняя цѣна, выведенная нами для Томскаго рынка за 10-лѣтній періодъ, едва-ли соотвѣтствуетъ средней для крестьянъ изслѣдованнаго края *продажной* цѣнѣ меда: *эта* средняя цѣна съ давнихъ временъ колеблется, повидимому, между 4 и 5 рублями, иногда падая и до 3 р. 50 к. за пудъ; до болѣе высокаго уровня

*) Среднія выведены лишеннымъ научной правильности, но единственно доступнымъ для насъ, при данной неполнотѣ матеріала, способомъ: для каждаго мѣсяца средняя выводилась путемъ суммированія и дѣленія на 2 высшаго и низшаго предѣла колебаній, и изъ трехъ такихъ среднихъ цифръ выводилась средняя за четверть года; послѣдній, для бо́льшаго соотвѣтствія четвертей временамъ года, считался съ 1 Декабря по 1 Декабря.

цѣна меда въ Томскѣ поднимается обыкновенно въ такое время, когда подвоза меда изъ волостей изслѣдованнаго района нѣтъ.

Что касается до *воска*, то цѣна его въ Томскѣ колеблется между 17—18 и 20 рублями за пудъ. Грязная *вощина* продается по цѣнамъ отъ 7 до 9 р. за пудъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ средняя текущая доходность пасѣки опредѣленнаго размѣра, напримѣръ въ 50 колодокъ, опредѣлится приблизительно слѣдующимъ образомъ:

	для прежнихъ лѣтъ.	для послѣдняго десятилѣтія.
меду на сумму	ок. 225 р. (50 пуд. по 4 р. 50)	ок. 57 р. ($12^1/_2$ пуд.)
воску „	45 „ ($2^1/_2$ „ „ 18 „)	„ 11 „ 25 к. (25 ф.)
вощины „	10 „ (1^1 „ „ 8 „)	„ 10 „ ($1^1/_4$ п.)
Того около	280 р.	ок. 78 р. 25 к..

При убоѣ колодки, считая примѣрно 1 пудъ меда и 2 фунта вощины, можно выручить среднимъ числомъ 4 р. 50 к. — 5 р.. Если къ этому прибавить еще доходъ отъ продажи пчелъ на выводъ, то ясно станетъ, что въ прежніе годы, при хорошихъ взяткахъ, при дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, пасѣка въ 50 колодокъ могла вполнѣ обезпечить безбѣдное существованіе не особенно большой семьи; она давала, съ гораздо меньшею, даже прямо ничтожною затратою труда столько-же валового дохода, сколько можно было получить съ посѣвной площади въ 10—12 десятинъ. Понятно послѣ этого, почему въ то время многіе находили возможнымъ жить одною только пасѣкой, да и вообще населеніе пчеловодныхъ мѣстностей не стремилось къ расширенію заимокъ. Въ настоящее время положеніе дѣлъ совершенно иное: сумма валового дохода отъ пасѣкъ въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія колебалась между 1 и 2 рублями на колодку, а въ послѣдніе „уронные" годы во многихъ мѣстахъ падала и до нуля: въ эти годы доходъ получался только отъ продажи вощины, получавшейся при подчисткахъ, отъ убоя самыхъ слабыхъ ульевъ, а также отъ продажи вощины изъ колодокъ, погибшихъ въ теченіе зимы,—но значительная часть этого дохода, а нерѣдко и весь доходъ поглощался расходомъ на покупку меда для подкармливанія. Но даже оставляя въ сторонѣ „уронные" годы, мы и то увидимъ, что доходность пасѣки принятаго нами размѣра въ 50 колодокъ не превышала въ послѣднее десятилѣтіе 75, много 100 р. въ годъ: при цѣнахъ на хлѣбъ, существовавшихъ въ это время, такой доходъ представлялся едва достаточнымъ для того, чтобы обезпечить продовольствіе хлѣбомъ сколько-нибудь многочисленной семьи, и далеко недостаточ-

нымъ для того, чтобы обезпечить удовлетвореніе всей суммы ея потребностей; онъ можетъ быть достаточнымъ только при исключительно—маломъ составѣ семьи, да и то—только при помощи какихъ-либо зимнихъ заработковъ. Если затѣмъ вспомнить, что размѣры пасѣкъ за послѣднее время значительно сократились, то понятно станетъ, что число чисто-пчеловодныхъ крестьянскихъ хозяйствъ должно было значительно уменьшиться; пасѣчникамъ пришлось частью завести новь, частью расширить запашку, а такое расширеніе, поглощая значительную часть лѣтняго времени на земледѣльческія работы, въ свою очередь должно было во многихъ случаяхъ вызвать дальнѣйшее сокращеніе сдѣлавшагося малодоходнымъ пчеловодства.

Въ заключеніе мы должны сказать еще нѣсколько словъ о цѣнахъ живыхъ колодокъ пчелъ и о стоимости ухода за ними.

Доходность хорошей колодки пчелъ при убоѣ достигаетъ, какъ мы уже указывали выше, 4 р. 50 к.—5 р.,—и этимъ размѣромъ доходности опредѣляется высшій предѣлъ цѣнъ колодокъ при продажѣ ихъ живьемъ, на выводъ. Цѣны эти въ ближайшихъ къ тракту мѣстностяхъ и въ пригородныхъ волостяхъ нѣсколько выше, нежели въ удаленныхъ отъ Томска и тракта пчеловодныхъ районахъ—Зырянской волости и сѣверной части Ишимской. Въ названныхъ только-что мѣстностяхъ цѣна колодки на выводъ обыкновенно стоитъ на уровнѣ 3 р. 50 к., но нерѣдко падаетъ до 3 рублей. Въ ближайшей къ тракту части Ишимской волости за пчелъ при покупкѣ цѣлыми пасѣками и вообще „подрядъ", безъ выбора, платятъ отъ 3 р. 50 к. до 4 р., за лучшія колодки на выборъ—по 5 рублей. Въ пригородныхъ волостяхъ цѣна не падаетъ ниже 4 рублей и колеблется между этимъ минимумомъ и 5 рублями.

Обращаясь затѣмъ къ уходу за пчелами, мы видимъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ уходомъ этимъ занимаются сами владѣльцы пасѣкъ, обыкновенно на пасѣкѣ проводитъ лѣто какой нибудь старикъ—отецъ, дѣдъ,—уже мало пригодный или вовсе неспособный къ земледѣльческому труду; если такого старика нѣтъ и вообще семья малочисленна, то уходомъ за пчелами занимается между дѣломъ самъ хозяинъ, только во время роенія пребывающій безотлучно на пасѣкѣ. Если пасѣка болѣе значительна, а составъ двора малъ, то нерѣдко прибѣгаютъ и къ наймy: иногда нанимаютъ простыхъ караульщиковъ, причемъ весь уходъ остается на отвѣтственности хозяина; иногда нанимаютъ такихъ лицъ, которыя умѣютъ снять рой и вообще исполнять нужныя при уходѣ за пчелами операціи, и помогаютъ во всемъ этомъ хозяину; иногда наконецъ пасѣка сдается на полную отвѣтственность пасѣчника, такъ что хозяинъ устраняется отъ всякаго участія въ уходѣ за пчелами. Плата за лѣто во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣляется слѣдующими нормами:

простому караульщику . . . . 5—10 р.
„кто можетъ роёвню сдѣлать“ и т. д. . . 15—20 „
„кто можетъ за хозяина доглядѣть“ . . . 25—30 „

Разсчетъ нанимать пасѣчника есть, по мнѣнію крестьянъ, только тогда, когда въ пасѣкѣ не менѣе 50 колодокъ. Если въ наёмномъ уходѣ нуждаются хозяева, имѣющіе небольшое число колодокъ, то они поручаютъ уходъ за послѣдними владѣльцамъ небольшихъ пасѣкъ, которымъ и платятъ за это 50—60, рѣдко до 70 копѣекъ съ колодки. Этими цифрами опредѣляется очевидно полная стоимость лѣтняго ухода за пчелами, включая ремонтъ и погашеніе колодокъ, но не считая стоимости содержанія пасѣчныхъ построекъ, составляющей въ разсчетѣ на каждую колодку совершенно ничтожную величину. Бываютъ затѣмъ и случаи найма подваловъ для помѣщенія колодокъ на зиму; за подвалъ на 40—50 колодокъ платятъ рубля 3, что̀ составляетъ отъ 6 до 8 к. на каждую колодку. Такимъ образомъ полная стоимость затратъ на содержаніе пчелъ и уходъ за ними составитъ никакъ не болѣе 70 к. съ колодки. Если затѣмъ принять, что валовая доходность колодки въ „старые годы“ составляла 5—6 р., въ послѣднее десятилѣтіе—всего 1—2 рубля, то окажется, что въ „старые годы“ затрата на содержаніе и уходъ поглощала не болѣе $^1/_8$—$^1/_7$ части валоваго дохода, въ настоящее-же время (не считая, опять-таки, „урожныхъ годовъ“) поглощаетъ отъ $^1/_3$ до $^2/_3$ послѣдняго; чистый доходъ въ прежнее время составлялъ $^6/_7$—$^7/_8$, въ настоящее время—отъ $^1/_3$ до $^2/_3$, среднимъ числомъ половину валового.

§ 4. Каменоломни. Водяныя мельницы.

I. Каменоломни.

Эксплуатація каменоломень въ видѣ промысла существуетъ только въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска и еще недавно существовала въ окрестностяхъ Маріинска; только въ этихъ мѣстностяхъ, слѣдовательно, каменоломни имѣютъ характеръ промысловыхъ угодій и нѣкоторую рентную цѣнность.

Лучшія каменоломни въ окрестностяхъ Томска находятся въ дачѣ д. Заварзиной и смежныхъ съ нею д. Бородиной и Хайдуковой Спасской волости, на правомъ обрывистомъ берегу р. Ушайки и ея правой вѣтви; выше по теченію этой послѣдней каменныя ломки принадлежатъ д. Корниловой и Родюковой (Семилужной волости); довольно обильныя ломки есть еще въ дачѣ д. Аникиной (Спасск. вол.) по правому бы-

сокому берегу Басандайки. Во всѣхъ этихъ ломкахъ добываются камень, извѣстный въ Томскѣ подъ названіемъ бута и представляющій собою повидимому ничто иное, какъ глинистые сланцы, но качество этого камня представляется не одинаковымъ: лучшимъ качествомъ отличается камень, добываемый въ дачѣ д. Заварзиной; нѣсколько хуже камень въ Аникинскихъ ломкахъ, еще хуже—въ ломкахъ д. Корниловой и Родіоновой; здѣсь камень настолько мягокъ и хрупокъ, что болѣе или менѣе значительныя партіи его нерѣдко бракуются городскими покупателями. Заварзинскія ломки, и вообще ломки по Ушайкѣ, представляются затѣмъ гораздо болѣе изобильными, нежели Аникинскія. Въ этихъ послѣднихъ, выбравъ весь камень изъ одной ямы, нерѣдко приходится затратить недѣлю и даже двѣ въ развѣдкахъ за новой; въ Заварзиной такія развѣдки продолжаются не долѣе 2—3 дней.

Наломать кубическую сажень камня можно при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ два дня, но при неудачѣ нерѣдко удается заготовить въ день не болѣе воза (около $^1/_{30}$ саж.); принимая во вниманіе затрату времени на развѣдки и на устройство подземной галлереи (въ 2—3 арш. длины) при переходѣ отъ одной ямы къ другой, крестьяне считаютъ средній размѣръ затраты труда въ 6 рабочихъ дней на куб. сажень камня.

Всѣ указанныя выше каменоломни находятся отъ Томска въ одинаковомъ разстояніи—въ 8—9 верстахъ. Поѣздки въ городъ съ камнемъ занимаютъ только часть дня, но могутъ повторяться не чаще раза въ день; лошадь, слѣдовательно, можетъ свезти въ недѣлю 6 грузовъ камня. Между тѣмъ на вывозку *сажени* послѣдняго нужно, смотря по корму и состоянію дороги, отъ 27 до 35, при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ до 40, среднимъ числомъ—30 лошадей, а слѣдовательно *въ недѣлю* (6 раб. дней) *сажень камня можно вывезти на пяти лошадяхъ.* Сопоставляя сказанное съ указанною выше нормою успѣшности заготовки камня, мы увидимъ, что человѣкъ въ теченіе даннаго времени можетъ заготовить столько камня, сколько можно вывезти во столько-же времени на пяти лошадяхъ, требующихъ въ свою очередь одного возчика — полнаго работника, производящаго нагрузку и выгрузку камня. Такимъ образомъ *полная успѣшность работы въ разматриваемомъ промыслѣ достигается только при совмѣстной работѣ двухъ человѣкъ и пяти лошадей.* Если въ составѣ даннаго домохозяйства, при данномъ числѣ рабочихъ, меньше лошадей, — оно вынуждено часть заготовляемаго камня продавать на мѣстѣ добычи; если вовсе нѣтъ лошадей — оно ломаетъ камень по найму отъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ; если, напротивъ, многолошадное хозяйство имѣетъ мало работниковъ, оно, чтобы занять избытокъ лошадей, по-

купаетъ камень у малолошадныхъ домохозяйствъ или нанимаетъ рабочихъ на ломку.

Камень заготовляется въ огромномъ большинствѣ случаевъ не на неопредѣленный рынокъ, а по заказамъ, „подрядамъ". Послѣдніе принимаются обыкновенно цѣлымъ обществомъ, чрезъ довѣреннаго или старосту, безъ всякихъ бумагъ, а по простому словесному уговору. Денегъ впередъ обыкновенно не забираютъ, а получаютъ разсчетъ еженедѣльно, по субботамъ, чрезъ довѣреннаго. Подряженное цѣлою деревнею количество камня не подвергается предварительному распредѣленію между домохозяевами: каждый изъ послѣднихъ заготовляетъ и доставляетъ въ городъ столько камня, сколько можетъ и хочетъ; всѣ хозяева свозятъ камень въ одно мѣсто, но укладываютъ каждый въ особую кладку; довѣренный получаетъ деньги отъ заказчика въ одной общей суммѣ, соотвѣтствующей количеству доставленнаго цѣлымъ обществомъ за недѣлю камня, и затѣмъ распредѣляетъ эту сумму соотвѣтственно количеству камня, заготовленному каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Заказы на камень даются обыкновенно въ декабрѣ; а такъ какъ возить камень можно только по самому лучшему зимнему пути, то вся работа продолжается не болѣе трехъ мѣсяцевъ; за это время, согласно указаннымъ выше нормамъ, можно вывезти въ городъ при пяти лошадяхъ до 13, при особенно хорошемъ кормѣ — до 15 сажень, на тройкѣ — до 8 — 9 сажень. Три мѣсяца, впрочемъ, рабочій періодъ продолжается не для всѣхъ заготовщиковъ: къ декабрю санный путь рѣдко успѣваетъ какъ слѣдуетъ проториться — „дорога убродна бываетъ" —, а потому многіе начинаютъ возить камень цѣлымъ мѣсяцемъ позже — съ масляницы, когда „дорога проторится и морозы полегче станутъ"; размѣръ заготовокъ въ этомъ случаѣ сокращается при 5 лошадяхъ до 8—10 саж., при трехъ—до 5—6 сажень.

Переходя затѣмъ къ вопросу о цѣнахъ камня въ Томскѣ, мы видимъ, что цѣны эти подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ. Нормальные предѣлы этихъ колебаній — 8 и 12 р. за куб. сажень; но при исключительной надобности цѣна за сажень поднимается и до 15 рублей, при заподрядѣ съ осени съ задачей денегъ впередъ падаетъ до 6—7 рублей. Какъ на среднюю норму крестьяне единодушно указываютъ на цѣну 9—10 р. съ сажени, и вѣрность этой нормы подтверждается, по крайней мѣрѣ для зимы 1889—1890 г., показаніями подворныхъ описей; въ эту зиму именно было заготовлено:

въ д. Заварзиной 173 куб. саж. на сумму 1571 р.,
въ д. Аникиной 58 куб. саж. на сумму 580 р.;

откуда для д. Заварзиной средняя продажная цѣна сажени камня

оказывается равною 9 р. 10 к., для д. Аникиной — ровно 10 рублямъ.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ указанныя цѣны покрываютъ стоимость заготовки камня и доставки его въ городъ. Заготовка сажени камня обходится при наймѣ въ 3, при заборѣ и въ 2 рубля; за три рубля продается на мѣстѣ ломки и готовый камень. Доставка, считая 30 лошадей по очень низкой цѣнѣ 25 к., обойдется въ 7 р. 50 к., а заготовка вмѣстѣ съ доставкой всего въ 10 р. 50 к.; *средняя продажная цѣна въ 10 рублей*, слѣдовательно, *не вполнѣ оплачиваетъ затрачиваемый трудъ;* при цѣнѣ въ 12 рублей, напротивъ, заготовка камня является очень хорошимъ заработкомъ. Такой выводъ вполнѣ подтверждается и показаніями крестьянъ, которые неоднократно заявляли изслѣдователю, что „по десяти рублей камень работать разсчета нѣтъ, при двѣнадцати — стоитъ". Тѣмъ не менѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, заготовка камня въ ближайшихъ къ ломкамъ селеніяхъ очень развита, а въ селеніяхъ, не имѣющихъ собственныхъ ломокъ, находится не мало крестьянъ, соглашающихся изъ указанной продажной цѣны отдѣлять еще часть — по 1 р. съ сажени — въ видѣ рентнаго платежа за право пользованія каменоломнями, — обстоятельство, объясняемое очевидно не полною оцѣнкою крестьянами своего труда.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о размѣрахъ и значеніи разсматриваемаго промысла, мы должны на первомъ планѣ поставить д. Заварзину и двѣ ближайшія къ ней маленькія деревни — Бородину и Хайдукову; заготовка камня стоитъ въ этихъ селеніяхъ на первомъ мѣстѣ среди источниковъ благосостоянія крестьянъ, которые являются главными поставщиками камня для городскихъ построекъ („мы на весь Томскъ камень возимъ", говорятъ крестьяне). При сравнительно небольшихъ заказахъ зимы 1889 — 1890 года 29 изъ 40 дворовъ д. Заварзиной заготовили 173 куб. саж. камня, за который выручили 1571 рубль, въ среднемъ по 54 рубля на каждый дворъ; изъ этихъ денегъ впрочемъ часть (185 р.) была уплачена работавшимъ по найму и продававшимъ камень на мѣстѣ ломки бѣднякамъ. — На второе мѣсто надо поставить д. Аникину; здѣсь въ зиму 1889 — 1890 года заготовкой камня занималось всего 14 дворовъ (изъ 35), которые заготовили 55 саж. камня и заработали 580 рублей, въ среднемъ по 41 рублю на каждый. Изъ владѣющихъ ломками селеній Семилужной волости въ д. Родіоновой разсматриваемый промыселъ тоже развитъ издавна; имъ занимается здѣсь большинство домохозяйствъ, нѣкоторыя изъ которыхъ заготовляютъ за зиму до десяти, одинъ хозяинъ — даже двадцать куб. сажень. Въ д. Родіоновой эксплуатировать каменныя ломки начали только съ зимы 1888 — 1889 года; заготовкой камня занимается пока только нѣсколько дворовъ, но

одинъ изъ которыхъ не заготовлялъ болѣе 10 сажень и слѣд. не зарабатывалъ болѣе 100 рублей.

Изъ селеній, не имѣющихъ въ своихъ дачахъ каменоломень, разсматриваемый промыселъ существуетъ въ небольшихъ размѣрахъ въ д. Просѣкиной, Исаревой, Жуковой, Протопоповой и с. Прогопоповскомъ; въ каждомъ изъ этихъ селеній заготовкой камня занимается по нѣсколько дворовъ; крестьяне первыхъ двухъ селеній берутъ камень въ ломкахъ д. Аникиной, крестьяне послѣднихъ трехъ —въ ломкахъ д. Заварзиной, причемъ за право пользованія ломками уплачиваютъ въ пользу соотвѣтствующихъ общинъ по 1 рублю съ сажени.

Въ окрестностяхъ г. Марінска заготовкой камня занимаются, или точнѣе, занимались, крестьяне д. Банмской (Банм. вол.). Песчаниковыя ломки расположены на противуположномъ высокомъ берегу Кія, въ разстояніи около 5 верстъ отъ г. Марінска. За заготовленный камень брали на мѣстѣ ломки по 2 р. 50 к., съ доставкой въ Марінскъ— отъ 4 до 5 рублей за кубическую сажень. При такихъ цѣнахъ не вполнѣ оплачивался даже трудъ, затрачиваемый на заготовку и особенно вывозку камня. Когда поэтому со вступленіемъ въ должность нынѣ служащаго лѣснича г. Иванова началось взиманіе съ заготовляемаго камня пошлинъ, то заготовки сразу прекратились, такъ какъ при дешевыхъ цѣнахъ камня и довольно высокой пошлинѣ заготовлять его не было разсчета.

Изъ другихъ минеральныхъ богатствъ въ изслѣдуемомъ краѣ эксплуатируется, сколько мы знаемъ, одинъ только песокъ, вывозимый на линію главнаго сибирскаго тракта для ежегоднаго ремонта дорожнаго полотна. Песокъ заготовляется преимущественно на обнаженіяхъ разныхъ рѣчныхъ долинъ, на разстояніи отъ подлежащихъ ремонту дорожныхъ участковъ, колеблющемся между 1—2 и 10—12 верстами. Значительная часть расходуемаго на ремонтъ дорожныхъ участковъ песку заготовляется натуральною повинностью, и лишь меньшая часть—наймомъ. На заготовку песку въ послѣднемъ случаѣ подряжаются преимущественно крестьяне расположенныхъ вблизи отъ подлежащаго ремонту участка трактовыхъ селеній.—въ каждомъ селеніи обыкновенно по нѣсколько дворовъ, но доставляемый разматриваемымъ промысломъ заработокъ никогда не бываетъ очень значителенъ. Болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ условіяхъ этого промысла въ нашихъ матеріалахъ не имѣется.

II. Водяныя мельницы.

Въ волостяхъ Томскаго района число водяныхъ мельницъ совершенно незначительно, что объясняется всею совокупностью мѣстныхъ условій; прежде всего въ этомъ районѣ незначителенъ самый спросъ на помолъ: значительная часть потребляемаго здѣсь хлѣба, какъ мы знаемъ изъ главъ I и II настоящаго изслѣдованія, пріобрѣтается покупкой и покупается въ Томскѣ не зерномъ, а уже перемолотая на муку: количество хлѣба, производимаго земледѣліемъ Томскаго района и подлежащаго перемолу, незначительно. Но и изъ этого количества лишь небольшая часть перемалывается на крестьянскихъ мельницахъ; главная масса хлѣба мелется на расположенныхъ въ чертѣ волостей Томскаго района крупчатныхъ заводахъ и большихъ частновладѣльческихъ мельницахъ (таковы: заводы Валгусова въ Нелюбинской и Семилужной волостяхъ, двѣ крупчатныя мельницы въ Спасской волости), которыя берутъ дешевле и работаютъ быстрѣе, нежели могли-бы небольшія крестьянскія мельницы. Число этихъ послѣднихъ, поэтому, очень невелико, ничтожны и размѣры доставляемаго имъ владѣльцамъ заработка.

Въ Чулымскомъ районѣ на крестьянскихъ водяныхъ мельницахъ сосредоточивается помолъ всего производимаго крестьянскимъ земледѣліемъ хлѣба, какъ потребляемаго самими крестьянами, такъ и вывозимаго ими на продажу: здѣсь совершенно нѣтъ ни вѣтряныхъ мельницъ, ни частновладѣльческихъ большихъ мельницъ или заводовъ, которые могли-бы составить конкурренцію крестьянскимъ водянымъ мельницамъ. По условіямъ работы эти послѣднія могутъ быть подведены подъ два главныхъ типа; къ одному отнесутся мельницы, стоящія на большихъ рѣкахъ и ихъ болѣе значительныхъ притокахъ, къ другому - мельницы, стоящія на небольшихъ, лѣтомъ совсѣмъ или почти совсѣмъ пересыхающихъ рѣчкахъ и ручьяхъ. Первыя работаютъ въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ только періода весенняго разлива и времени, нужнаго для починки разрушеннои послѣднимъ мельничной плотины; вторыя, напротивъ, работаютъ только въ теченіе весны и первой половины лѣта, пока теченіе ручьевъ оживляется стекающими снѣжными водами; рабочая способность мельницъ послѣдняго типа, при прочихъ равныхъ условіяхъ, меньше, нежели мельницъ перваго типа, но за то онѣ имѣютъ громадное преимущество въ томъ отношеніи, что работаютъ тогда, когда главная масса мельницъ прекращаетъ работу; онѣ поэтому въ теченіе весны завладѣваютъ работою и имѣютъ возможность поднимать цѣну на помолъ гораздо выше нормальнаго уровня. Цѣны эти въ обыкновенное время колеблются для ржи между 2 и 3 к.

съ пуда, для пшеницы — между 3 и 4 к., а весной поднимаются иногда до 5—6 к. и. и выше.

Общая сумма доставляемаго водяными мельницами заработка весьма различна въ зависимости отъ силы двигающей мельницу водной струи, отъ ея устройства, отъ разныхъ случайностей, обусловливающихъ большій или меньшій размѣръ затратъ на ремонтъ и возстановленіе плотины и т. п. обстоятельствъ. Бываютъ даже случаи, когда мельница „разоряетъ хозяина"; но въ большинствѣ случаевъ доходность водяныхъ мельницъ выражается въ сотняхъ рублей. Такъ напримѣръ по собраннымъ при подворныхъ описяхъ даннымъ водяныя мельницы дали:

въ д. *Спасоянской*	(Шишм. вол.)	2	мельницы,	всего	100 р..
въ с. *Вороно-Пашенскомъ*	„ „	1	„	„	100 р..
въ д. *Кайлѣ*	„ „	2	„	„	120 р..
въ с. *Жарковскомъ*	„ „	2	„	„	330 р..
въ д. *Бекетѣ*	(Почит. вол.)	1	„	„	100 р..
въ д. *В. Великосельской*	„ „	3	„	„	250 р..
въ с. *Ижморскомъ*	„ „	2	„	„	170 р..
въ д. *Больше-Песчанкѣ*	„ „	1	„	„	180 р..
въ д. *Калеулѣ*	„ „	1	„	„	200 р..
въ д. *Шиняевой*	(Зырян. вол.)	1	„	„	50 р..
въ д. *М. Антибесѣ*	(Баим. вол.)	1	„	„	200 р..
въ д. *Тенгулахъ*	„ „	1	„	„	250 р..

Но приведенныя цифры тоже не представляютъ высшихъ предѣловъ доходности крестьянскихъ водяныхъ мельницъ: въ д. Бекетѣ (Почит. вол.) изслѣдователемъ записано два случая сдачи водяныхъ мельницъ въ аренду; одна была сдана за 220, другая — за 225 рублей въ годъ, что позволяетъ предполагать по крайней мѣрѣ вдвое большую валовую доходность.

ГЛАВА VI.

НАЕМНЫЙ ТРУДЪ ВЪ КРЕСТЬЯНСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

§ 1. Степень развитія наемнаго труда въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго края; соотношеніе между спросомъ на рабочія руки и предложеніемъ ихъ; приливъ и отливъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Изученіе вопроса о наёмномъ трудѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ представляетъ двоякій интересъ: съ одной стороны работа по найму является однимъ изъ источниковъ благосостоянія недостаточной части крестьянъ, и потому высота заработной платы въ той или другой мѣстности является однимъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ степень благосостоянія болѣе или менѣе значительной части ея населенія. Съ другой стороны размѣръ заработной платы и въ особенности соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ наёмнаго труда, опредѣляющее собой приливъ рабочихъ рукъ въ одне мѣстности и отливъ ихъ изъ другихъ, представляютъ собой весьма существенные признаки, служащіе къ опредѣленію степени общаго благосостоянія тѣхъ или другихъ мѣстностей. Поэтому изученіе вопроса о наёмномъ трудѣ, представляющее собой одинъ изъ краеугольныхъ камней всего изслѣдованія, должно быть сгруппировано по двумъ категоріямъ вопросовъ: съ одной стороны — вопросы о спросѣ и предложеніи рабочей силы и о передвиженіяхъ ея,—съ другой—вопросы о формахъ найма и о размѣрахъ заработной платы. Предметъ настоящаго § составятъ вопросы первой изъ этихъ двухъ категорій.

Для того, чтобы дать опредѣленное понятіе о размѣрахъ спроса на тѣ или другіе виды наемнаго труда и предложенія ихъ, мы позволимъ себѣ начать съ ряда цифровыхъ данныхъ, извлеченныхъ изъ произведенныхъ изслѣдователемъ подворныхъ описей. Нижеслѣдующая таблица представляетъ сводъ данныхъ о размѣрахъ *спроса* на рабочую силу.

(Таблица на стр. 58—61).

Прежде, чѣмъ обратиться къ анализу этихъ цифръ, припомнимъ себѣ основныя черты, составляющія характеристику каждаго изъ двухъ районовъ изслѣдованнаго края; припомнимъ, что средній на дворъ размѣръ запашки въ Томскомъ районѣ втрое меньше, нежели въ Чулымскомъ, и что весьма значительная часть—въ переписанныхъ подворно селеніяхъ болѣе половины—общаго числа дворовъ въ Томскомъ районѣ вовсе не имѣетъ запашки; припомнимъ далѣе, что и количество заготовляемаго сѣна въ Томскомъ районѣ гораздо меньше (въ среднихъ по волостямъ цифрахъ 119, 163, 214, 233 копны на дворъ), нежели въ Чулымскомъ (242, 213, 305, 286 копенъ на дворъ), а соотвѣтственно этому и сумма труда, затрачиваемаго на земледѣльческія и сѣнокосныя работы, въ первомъ изъ названныхъ районовъ въ нѣсколько разъ меньше, нежели во второмъ. Предполагая полное равенство всѣхъ прочихъ условій, можно было-бы предполагать, поэтому, что въ Томскомъ районѣ спросъ на наемный земледѣльческій трудъ будетъ совершенно или почти совершенно отсутствовать: дворы, не имѣющіе запашекъ, а также засѣвающіе менѣе 5 десятинъ, какіе въ Томскомъ районѣ составляютъ въ общей сложности 95,^{5} % общаго числа дворовъ, должны-бы, казалось, обходиться исключительно или почти исключительно собственнымъ трудомъ и стоять не на сторонѣ спроса, а на сторонѣ предложенія наемнаго труда; въ Чулымскомъ районѣ такіе дворы составляютъ всего 57,$_{1}$%, а 42,$_{9}$% общаго числа дворовъ засѣваютъ болѣе 5, 25,$_{7}$ %—болѣе 8 десятинъ каждый, и слѣдовательно должны въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ прибѣгать къ найму земледѣльческихъ рабочихъ. Такимъ образомъ хозяйство, основанное почти исключительно на собственномъ трудѣ и поглощающее этотъ послѣдній, для главной массы дворовъ, далеко не въ полномъ объёмѣ, для Томскаго района, и напротивъ — значительное развитіе земледѣльческаго найма въ Чулымскомъ районѣ,—вотъ что можно было-бы ожидать встрѣтить при полномъ равенствѣ остальныхъ условій.

Обращаясь къ цифрамъ, мы видимъ однако совершенно другую картину: мы видимъ, что относительное количество дворовъ, пользующихся трудомъ наемныхъ рабочихъ, для обоихъ районовъ въ среднихъ выводахъ почти совершенно совпадаетъ, составляя для того и другаго одну треть (33,$_{13}$ и 34,$_{11}$) общаго числа дворовъ. Разница замѣчается только по отношенію къ размѣрамъ расхода на земледѣльческій наемъ, которые въ общемъ выводѣ для переписанныхъ подворно селеній Чулымскаго района почти вдвое меньше, нежели для Томскаго (60 и 32 р. на одинъ прибѣгающій къ найму дворъ), — но и въ этомъ случаѣ разница далеко не столь значительна, какъ можно было бы ожидать на основаніи изложенныхъ выше соображеній.

МѢСТНОСТИ (въ скобкахъ число переписанныхъ подворно селеній).	Общее число дворовъ.	Изъ нихъ принадлежатъ къ ранѣе видамъ найма.	Общая сумма наемныхъ платъ.	СРОЧ- Число дворовъ нанимающихъ работниковъ. Годовыхъ.	На короткіе сроки.
Нелюбинская волость: южная половина (2)	112	33	1.112	7	5
Нелюбинская волость: сѣверная » (4)	213	56	1.627	10	5
Нелюбинская волость: Итого (6)	325	89	3.039	17	10
Спасская волость: южная половина (3)	140	56	1.959	4	6
Спасская волость: сѣверная » (3)	134	47	1.635	7	5
Спасская волость: Итого (6)	274	103	3.594	11	11
Семилужная волость: южная половина (3)	146	51	1.181	10	6
Семилужная волость: сѣверная » (2)	81	32	580	2	—
Семилужная волость: Итого (5)	227	83	2.061	12	6
Всего по 17 сел. Томскаго района	826	275	8.694	40	27
Семилужная волость, восточн. окраина (1).	102	37	2.755	9	3
Пихтовская волость: южная половина (3)	261	113	5.192	17	18
Пихтовская волость: сѣверная » (5)	369	129	3.302	16	1
Пихтовская волость: Итого (8)	632	242	8.494	33	22
Почитаевская волость (7).	492	166	10.474	43	25
Зырянская волость (4)	326	115	8.626	35	16
Баимская волость: внѣтрактовыя селенія (5)	298	69	3.358	16	11
Баимская волость: трактовыя » (1)	97	35	7.060	10	8
Баимская волость: Итого (6)	395	104	10.358	26	19
Всего по 26 селеніямъ Чулымскаго района.	1.947	661	40.107	146	85

ЧЫЙ НАЕМЪ.			ПОДЕННЫЙ И ИЗДѢЛЬНЫЙ НАЕМЪ.						
Число нанимаемыхъ работниковъ.		Сумма наемныхъ платъ срочнымъ работникамъ.	На жнитво.		На покосъ.		На молотьбу.		Число дворовъ, занимающихъ подъ работу.
Годовыхъ.	На короткіе сроки.		Число дворовъ.	На сумму.	Число дворовъ.	На сумму.	Число дворовъ.	На сумму.	
		рублей.		рублей.		рублей.		рублей.	
12	11	970	9	57	29	385	—	—	6
16	6	752	5	57	62	818	—	—	—
28	17	1.722	14	114	91	1.203	—	—	6
4	12	530	30	411	54	986	7	32	4
8	6	630	8	91	43	914	—	—	—
12	18	1.160	38	502	97	1.900	7	32	4
10	6	618	31	399	38	459	2	8	6
3	—	160	20	210	26	210	—	—	—
13	6	778	51	609	61	669	2	8	6
53	41	3.660	103	1.225	252	3.772	9	40	16
17	6	900	32	960	27	560	25	335	14
28	34	1.648	96	2.269	81	1.035	36	240	27
22	5	931	113	1.463	90	908	—	—	51
50	39	2.579	209	3.732	171	1.943	36	240	78
65	52	3 700	153	5.020	77	1.297	43	457	?
46	29	2.503	106	3.792	70	1.231	?	ок. 500	?
23	20	1.636	59	1.268	41	474	1	10	?
39	41	2.957	31	1.876	31	1.738	21	489	8
62	61	4.493	90	3 144	72	2.212	22	499	—
240	187	14.175	590	16.648	417	7.243	?	2.041	?

Изъ изображенныхъ на стр. 58—59 абсолютныхъ величинъ мы

МѢСТНОСТИ.	На каждые 100 дворовъ приходится прибѣгающихъ къ найму.	На каждые 100 дворовъ	
		Срочныхъ работниковъ:	
		Годовыхъ	На короткіе сроки.
Полюбинская волость: южная половина (2)	29,4	6,3	4,5
Полюбинская волость: сѣверная » (4)	26,3	4,7	2,1
Полюбинская волость: Итого (6)	27,4	5,2	3,1
Спасская волость: южная половина (3)	40,0	2,8	4,9
Спасская волость: сѣверная » (2)	35,1	5,1	3,8
Спасская волость: Итого (6)	37,6	4,1	4,1
Семилужная волость: южная половина (3)	34,0	7,0	4,2
Семилужная волость: сѣверная » (2)	39,5	2,5	—
Семилужная волость: Итого (5)	36,5	5,3	2,7
Всего по 17 селеніямъ Томскаго округа	33,3	4,8	3,3
Семилужная волость, восточная окраина (1)	36,3	4,8	2,9
Пашинская волость: южная половина (3)	42,9	6,5	6,7
Пашинская волость: сѣверная » (5)	35,1	4,9	1,1
Пашинская волость: Итого (8)	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Почитанская волость (7)	33,7	8,7	5,1
Зырянская » (4)	35,3	10,8	4,9
Ганинская волость: внѣтрактовыя селенія (5)	23,2	5,4	3,7
Ганинская волость: трактовыя » (1)	36,1	10,3	8,3
Ганинская волость: Итого (6)	26,4	6,6	4,8
Всего по 27 селеніямъ Чулымскаго района	34,1	7,5	4,4

выведемъ слѣдующіе ряды процентныхъ отношеній и среднихъ величинъ:

приходится нанимающихъ:			Средній на 1 прибѣгающій къ найму дворъ размѣръ расхода на наемъ.	На каждые 100 рублей общей суммы платъ израсходовано на срочный наемъ.	На каждые 100 рублей общей суммы расхода на поденный и задѣльный наемъ по отдѣльнымъ родамъ работъ издержано:		
Поденно и задѣльно:							
На жнитво.	На покосъ.	На молотьбу.			На жнитво.	На покосъ.	На молотьбу.
			Рублей.	Рублей.	Рублей.	Рублей.	Рублей.
8.)	25.0	0	43	68,7	12,9	87,1	—
2.4	29,1	—	20	46,.	6,.	93,5	—
4,3	28.0	—	34	56,0	8,7	91..	—
21,1	38,0	5,.	55	27,1	28.7	69.1	2,2
6,.	32,1	—	35	38,5	9,1	90.9	—
13,0	35,4	2,0	35	32,1	20,0	78,1	1,3
21,2	26,1	1,4	29	41,2	46.4	52,7	0,9
24,5	32,1	—	18	27,0	50,.	50,0	—
22,0	28,2	0,0	25	37,8	47,	51,0	0,3
12,0	30,.	1,1	31,	42,1	21..	74,9	0,8
31,1	26 .5	24,5	74	32,2	51,7	30.2	18,1
36,4	30,.	13,8	45	31,3	61,1	29,2	6,8
30,7	24,4	—	26	27,0	61,2	38,3	—
33,1	27,1	5,1	35	30,4	63,1	32,8	4,1
31,1	15,0	8,7	63	35,	74,2	19,1	6,7
32,5	21,5	?	70	31,.	68,0	22,3	9,1
19,8	13,8	0,3	49	48,4	72,5	26,9	0,6
32,0	32,	21,7	202	41,0	45,2	42,4	11,0
22,8	18,.	5,0	99	43,.	50,1	40,7	9,2
30,3	21,4	?	60	35,0	63,.	28,.	8,0

Мы не будемъ пока входить въ разборъ причинъ, какими объясняется такое видимое несоотвѣтствіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ съ нашими апріорными соображеніями — мы разберемъ эти причины ниже, когда будемъ имѣть подъ руками уже и данныя о предложеніи наемнаго труда, — а пока разсмотримъ детальнѣе цифры, относящіяся къ спросу на этотъ послѣдній. Мы замѣтимъ прежде всего весьма существенную и въ то-же время весьма легко объяснимую разницу въ назначеніи наемнаго труда въ томъ и другомъ районѣ: отбросивъ суммы, израсходованныя на срочный наемъ, и слѣдовательно не предназначенныя для какихъ-либо опредѣленныхъ работъ, мы увидимъ въ распредѣленіи остальныхъ суммъ опредѣленно выраженную обратную пропорціональность: въ *Чулымскомъ, земледѣльческомъ* районѣ *три четверти* (73,5%) этихъ суммъ расходуются на работы, входящія въ составъ *земледѣльческаго* производства, и только $^1/_4$ на сѣнокосныя; напротивъ въ общемъ выводѣ по *Томскому* району уборка хлѣба и молотьба поглощаютъ всего $^1/_4$ (25,1), *сѣнокосныя* работы — *три четверти* (74,9%) общей суммы наемныхъ платъ.

Обращаясь затѣмъ къ цифрамъ по отдѣльнымъ волостямъ и частямъ волостей, мы не находимъ въ нихъ *полнаго* соотвѣтствія установленнымъ въ I томѣ настоящаго изслѣдованія различіямъ, относящихся главнымъ образомъ къ размѣрамъ запашекъ и урожайности пахатныхъ земель; наблюдаемыя отступленія отъ такого соотвѣтствія объясняются вѣроятно вліяніемъ погодныхъ колебаній урожаевъ и т. п. случайными обстоятельствами. Но въ общемъ, все-таки, соотвѣтствіе есть. По отношенію къ Чулымскому району оно отражается главнымъ образомъ на цифрахъ, показывающихъ средній размѣръ расхода на одинъ прибѣгающій къ найму дворъ: цифры эти по лучшимъ волостямъ района — Почитанской и Зырянской — (63 и 70 р.), при одинаково плохомъ урожаѣ хлѣбовъ, почти вдвое выше, нежели по сравнительно плохой Ишимской волости (35 р.); не высока эта цифра и по внѣтрактовымъ селеніямъ Баимской волости; если она здѣсь и выше, нежели въ Ишимской волости, то эта разница уравновѣшивается обратною разницей, представляемой $^0/_0$, цифрами числа прибѣгающихъ къ найму дворовъ. Очень характерно далѣе различіе между двумя половинами Ишимской волости: въ южной, лучшей половинѣ расходъ на наемъ составилъ въ среднемъ на каждый дворъ 45 р. — почти вдвое больше, нежели въ сѣверной, худшей половинѣ (26 р.). Поволостныя колебанія въ цифрахъ, показывающихъ распредѣленіе общей суммы наемныхъ платъ между различными видами работъ, не представляютъ значительнаго интереса; достойны замѣчанія только колебанія цифръ расхода на молотьбу: довольно развитый въ лучшихъ по состоянію земледѣлія мѣстностяхъ, а

также въ селеніяхъ трактоваго типа (на молотьбу расходуется $6_{,7}$, $6_{,8}$, $9_{,11}$, $11_{,9}$ и даже $18_{,1}$ % общей суммы наемныхъ платъ),—наёмъ на молотьбу въ худшихъ по урожайности пашень и въ то-же время лежащихъ въ сторонѣ отъ трактоваго движенія мѣстностяхъ Чулымскаго района (сѣв. половина Ишимской волости и Баимская, кромѣ трактовыхъ селеній) мѣстностяхъ почти совершенно не существуетъ. Любопытны далѣе и цифры, выражающія число дворовъ, нанимающихъ сроковыхъ работниковъ, какъ годовыхъ, такъ и на болѣе короткіе сроки; онѣ показываютъ, что распространенность найма батраковъ находится въ тѣсной прямой зависимости отъ качества пахатныхъ земель и общаго состоянія земледѣлія.

Переходя затѣмъ къ Томскому району и останавливаясь сначала на поволостныхъ итогахъ, мы изъ сопоставленія цифръ, показывающихъ % дворовъ, прибѣгающихъ къ найму, съ цифрами, показывающими средній на одинъ дворъ размѣръ расхода на плату наемнымъ рабочимъ, увидимъ, что наемъ болѣе всего развитъ въ Спасской волости, менѣе всего — въ Нелюбинской: что слѣдовательно распространенность найма находится въ прямомъ соотношеніи съ одной стороны съ развитіемъ въ каждой данной волости земледѣлія, а съ другой — со степенью близости связи каждой данной волости съ городомъ Томскомъ: болѣе всего наемъ развитъ въ наиболѣе земледѣльческой и притомъ въ наибольшей мѣрѣ пригородной Спасской волости, менѣе всего —въ наименѣе земледѣльческой и менѣе всего связанный съ городомъ Нелюбинской; Семилужная волость по всѣмъ тремъ признакамъ занимаетъ среднее положеніе. Если затѣмъ обратиться къ болѣе дробнымъ цифрамъ, то мы увидимъ, что въ южныхъ половинахъ всѣхъ трехъ волостей Томскаго района наемный трудъ играетъ нѣсколько бо́льшую, въ сѣверныхъ—нѣсколько меньшую роль; а такъ какъ во всѣхъ трехъ волостяхъ южныя половины характеризуются и большими размѣрами запашекъ, и большею производительностью пашень, то въ этомъ случаѣ, очевидно, распространенность найма находится, очевидно, въ тѣсной зависимости отъ характера и значенія земледѣлія. Обращаясь затѣмъ къ цифрамъ, показывающимъ распредѣленіе расхода на наемъ по разнымъ видамъ послѣдняго, мы по Нелюбинской и Спасской волостямъ можемъ убѣдиться въ полномъ соотвѣтствіи этихъ цифръ общимъ экономическимъ условіямъ каждой данной мѣстности: расходъ на уборку хлѣба по обѣимъ волостямъ незначителенъ, и доля этого расхода въ общей суммѣ издержекъ на наемъ находится въ тѣсной прямой зависимости отъ размѣровъ запашекъ: доля эта въ Спасской волости въ $2^1/_2$ раза больше, нежели въ Нелюбинской, и въ южныхъ, болѣе земледѣльческихъ половинахъ обѣихъ волостей въ 2—3 раза больше, нежели въ сѣвер-

ныхъ; по Семилужной волости мы встрѣчаемся съ нѣкоторою аномаліей: размѣръ затраты на уборку хлѣбовъ, при незначительныхъ въ этой волости размѣрахъ запашекъ, представляется несоразмѣрно большимъ, — и матеріалы наши не даютъ ключа для объясненія этой аномаліи.

Разсмотримъ теперь другую сторону медали —, именно заключающіяся въ произведенныхъ изслѣдователемъ подворныхъ описяхъ данныя о *предложеніи* наемнаго труда. Прежде, нежели привести эти данныя въ видѣ особой таблицы, мы должны однако сдѣлать одну весьма существенную оговорку, относящуюся къ степени ихъ достовѣрности. Дѣло въ томъ, что приводимыя ниже данныя о предложеніи наемнаго труда представляются въ значительно меньшей мѣрѣ достовѣрными и полными, нежели данныя о спросѣ на этотъ послѣдній. При подворной описи всѣ случаи найма на земледѣльческія и сѣнокосныя работы могутъ быть зарегистрированы *со стороны нанимателей* со всею полнотой и достовѣрностью: каждый хозяинъ съ точностью знаетъ, сколько „ему стала“ страда, сѣнокосъ, сколько овиновъ обмолочено наемными рабочими, и въ большинствѣ случаевъ охотно покажетъ полную цифру своихъ издержекъ на наемъ рабочихъ; если даже онъ сознательно извращаетъ истину, то дѣйствительный размѣръ расхода тутъ-же, при подворной описи, легко можетъ быть установленъ по соображенію съ другими данными. Совсѣмъ другое — размѣры заработка дворовъ, стоящихъ на сторонѣ *предложенія* наёмнаго труда: и здѣсь, правда, сумма заработка дворовъ, отпускающихъ своихъ членовъ въ срочной наёмъ, можетъ быть установлена со всею точностью; въ большинствѣ случаевъ удается достаточно точно зарегистрировать и размѣры заработка въ сѣнокосъ и страду; но весьма значительная часть показаній дается въ болѣе или менѣе неопредѣленной формѣ: „завсе (всегда) въ людяхъ рóбимъ“; „какъ день слишится, такъ и въ люди“; „когда помолотишь на хлѣбъ, а когда и нѣтъ работы“; „въ покосъ нó людямъ походили, да не много“; „весь хлѣбъ изъ людей заробляемъ“, и т. д. и т. д., — въ такомъ и подобномъ видѣ приходилось записывать весьма значительную часть показаній о предложеніи труда, и болѣе точныхъ показаній въ массѣ случаевъ и нельзя было получить. *Общіе итоги заработка въ нижеслѣдующей таблицѣ имѣютъ поэтому только приближенный характеръ:* въ итоги эти вошли съ одной стороны суммы, прямо показывавшіяся регистрированнымъ населеніемъ; съ другой — примѣрныя оцѣнки заработка, дѣлавшіяся уже при разработкѣ матеріала на основаніи записанныхъ неопредѣленныхъ показаній по соображенію съ всѣмъ содержаніемъ каждой данной подворной карточки. Вотъ эти итоги:

(Таблицы на стр. 66—69).

Приведенныя въ этихъ таблицахъ цифры указываютъ на существованіе по отношенію къ разсматриваемому вопросу коренного различія между двумя районами изслѣдованнаго края, указываютъ на то, что наемный трудъ, какъ источникъ благосостоянія бѣднѣйшей части населенія, играетъ въ Томскомъ районѣ гораздо меньшую роль, нежели въ Чулымскомъ. Но въ дѣйствительности различіе выражается гораздо рѣзче: въ нашей таблицѣ оно въ значительной мѣрѣ сглажено благодаря тому, во первыхъ, что въ числѣ видовъ наемнаго труда въ эту таблицу включена „конная работа", т. е. наемъ на разнообразные виды перевозокъ въ Томскъ (льда, сѣна, дровъ и пр.), по своему экономическому характеру представляющій коренное различіе отъ остальныхъ видовъ наемнаго труда; и во вторыхъ — что въ цифры по Спасской волости включена работа на лугахъ, принадлежащихъ г. Томску, доставляющая заработокъ крестьянамъ одной только дер. Головинной (въ 1890 г. 33 двора заработали 830 р.) и происходящая также на условіяхъ, отличныхъ отъ условій прочихъ видовъ наемнаго труда. Если мы захотимъ сравнивать между собой только соотвѣтственныя величины и для этого изъ цифръ по Томскому району выдѣлимъ тѣ, которыя относятся къ упомянутымъ двумъ видамъ найма, то итоговыя цифры получатъ слѣдующій видъ:

		Общее число дворовъ, предлагающихъ свой трудъ.	Общая сумма заработка.	Данныя о срочномъ наймѣ.	Число дворовъ, занимающихся исподенно и задѣльно.	Сумма ихъ заработка.
Нелюбинская вол.		68	952		60	583
Спасская вол.	южная половина .	27	644		20	322
	сѣверная половина.	37	1.102		18	315
	Итого. . .	64	1.746		38	637
Семилужная волость . .	южная половина .	38	940		23	459
	сѣверная половина.	26	820		17	378
	Итого. . .	64	1.760		40	837
Всего по району .		196	4.458		138	2.057,

а вмѣсто заключающихся въ предыдущей таблицѣ относительныхъ величинъ получимъ соотвѣтственно слѣдующія (стр. 70):

МѢСТНОСТИ (въ скобкахъ число переписанныхъ селеній).		Общее число дворовъ.	Изъ нихъ работающихъ по найму всего.	Общая сумма ихъ заработка, рублей.	Отпускъ сроковыхъ. Число дворовъ.	Отпускъ сроковыхъ. Число лицъ.
Пелюбинская волость	южная половина (2) . . .	112	18	315	2	2
	сѣверная » (4) . . .	213	50	637	3	6
	Итого (6) . .	325	68	952	5	8
Спасская волость	южная половина (3) . . .	140	33	759	6	10
	сѣверная » (3) . . .	134	68	2.268	10	12
	Итого (6) . .	274	101	3.027	16	22
Семилужная волость	южная половина (3) . . .	146	50	1.140	6	6
	сѣверная » (2) . . .	81	45	889	7	8
	Итого (5) . .	227	95	2.029	13	14
Всего по 17 сел. Томскаго района.		826	264	6.008	34	41
Чумымская волость	южная половина (3) . . .	264	113	2.578	13	14
	сѣверная » (5) . . .	368	185	5.086	26	30
	Итого (8) . .	632	298	7.664	39	41
Семилужная волость, вост. окр. (1).		102	49	2.092	15	17
Почитанская волость (5) [1] . . .		376	183	6.243	44	51
Зырянская волость [2]		153	68	2.476	14	14
Чумымская волость	внѣтрактовое селеніе (2) [1].	143	60	1.708	11	13
	трактовое селеніе (1). . .	97	34	1.062	10	13
	Итого (3) . .	240	94	3.370	21	26
Всего по 19 сел. Чумымск. района [1].		1.503	692	21.845	133	149

[1]) Данныя по 7 селеніямъ Маріинскаго округа не включены въ эту таблицу въ
[2]) Заработная плата хлѣбомъ усчитана въ этомъ столбцѣ особо въ виду важ-
хлѣбъ клался въ счетъ по средней для Чумымскаго района цѣнѣ 50 к. за пудъ.

выхъ рабочихъ. На короткіе сроки. Число дворовъ.	Число лицъ.	Сумма заработныхъ платъ сроковыхъ работниковъ рублей.	Число дворовъ, нанимающихся поденно и издѣльно. На жнитво.	На сѣнокосъ.	На молотьбу.	Заработано поденнымъ и издѣльнымъ наймомъ. Деньгами рублей.	Хлѣбомъ пудовъ.	Число дворовъ, забиравшихъ деньги подъ будущ. работу.
1	1	145	11		—	170	—	3
1	1	224	46		—	413	—	8
2	2	369	60		-	583	-	11
1	2	320	20			322	—	8
			конная работа 6			. . 1[illegible]		
9	14	787	48			1.135	-	6
			конная работа 18			. . 81		
10	16	1.107	68		—	1.457	—	14
			конная работа 24			. . . [illegible]		
9	12	481	23			459	-	13
			конная работа 18			. . [illegible]		
2	2	442	17			378	—	4
			конная работа 26			. . 247		
11	14	923	40			[illegible]57	—.	17
			конная работа 44			. . 447		
23	32	2.399	108			2.877	—	42
			конная работа 100			 943		
10	10	905	70	85	32	1.470	407	69
21	23	1.849	153	94	108	2.493	1.489	98
31	33	2.754	223	179	140	3.963	1.896	167
10	10	1.145	34		13	895	105	23
33	36	3.123	147	101	44	2.591	1.059	124
12	13	929	60	43	35	1.165	765	50
7	7	828	51	30	10	589	582	31
6	7	920	25	20	12	710	63	17
13	14	1.748	76	50	22	1.299	645	48
99	106	9.699	523	390	254	9.913	4.470 [2]	412

виду ихъ недостаточной точности и полноты.
наго значенія способа найма на хлѣбъ; для полученія общаго итога заработанныхъ суммъ

Изъ приведенныхъ на стр. 66—67 абсолютныхъ цифръ получимъ

МѢСТНОСТИ (въ скобкахъ число переписанныхъ селеній).			% дворовъ, продающихъ свой трудъ.	% дворовъ, отпускающихъ сроковыхъ работниковъ.	
				Годовыхъ.	На короткіе сроки.
Иезюбинская волость	южная половина (3)		16,1	1,8	0,0
	сѣверная » (3)		25,	1,4	0,5
		Итого (6)	20,9	1,8	0,6
Спасская волость	южная половина (3)		23,0	4,2	0,7
	сѣверная » (3)		50,7	7,5	6,7
		Итого (3)	36,9	5,9	3,8
Семилужная волость	южная половина (3)		34,2	4,1	6,-
	сѣверная » (2)		57,9	8,6	2,5
		Итого (5)	41,9	5,7	4,8
Всего по 17 селеніямъ Томскаго района			31,-	4,1	2,8
Семилужная волость (восточная окраина) (1)			48,0	11,3	9,9
Ишимская волость	южная половина (3)		12,9	4,9	3,8
	сѣверная » (5)		50,	7,1	5,7
		Итого (8)	47,1	6,2	4,9
Почитанская волость (5)			48,7	11,7	8,8
Зырянская волость (2)			44,4	9,2	7,8
Елимская волость	нетрактовыя селенія (2)		41,9	7,7	4,9
	трактовое » (1)		55,1	10,3	6,2
		Итого (3)	59,2	8,7	5,4
Всего по 19 селеніямъ Чулымскаго района			46,-	8,4	6,6

слѣдующія средвія величины и процентныя отношенія:

% дворовъ, работающихъ по подѣнному и задѣльному найму.				Средвій на 1 такой дворъ размѣръ заработка отъ всѣхъ видовъ найма въ р.		Средній на 1 дворъ размѣръ заработка въ рублях.			% дворовъ, задолженныхъ подъ работу.
Въ живо.	Въ сѣнокосъ	На молотьбу	На конную работу.	На все населеніе.	На населеніе, протакающее трудъ.	На отпускающихъ годовыхъ работниковъ.	На отпускающихъ работниковъ на короткіе сроки.	На нанимающихся поденно и задѣльно.	На работающихъ по найму съ лошадьми.	
12,5		—	—	3	18	48		12	—	2,7
21,6		—	—	3	13	75		9	—	3,8
18,1		—	—	3	14	53		10	—	3,4
14,3			4,3	5	23	46		15	19	5,7
35,8			13,3	17	33	41		24	21	4
21,8			8,7	11	30	13		21	20	5,1
15,8			12,3	8	23	32		20	11	8,9
20,9			32,1	11	20	49		22	9	4,1
17,6			19,4	9	21	38		21	10	7,5
20,3			12,1	7	23	42		17	9	5,9
32,4		12,7	—	21	43	46		28	—	22,6
26,5	32,2	12,1	—	10	23	40		20	—	26,1
41,6	25,5	29,4	—	11	27	40		21	—	26,6
33,7	28,3	22,1	—	12	26	40		21	—	26,4
39,1	26,9	11,7	—	17	34	41		21	—	32,9
39,2	28,1	22,9	—	16	37	36		26	—	32,7
35,7	20,9	7,1	—	12	28	46		17	—	21,7
25,8	20,6	12,4	—	17	49	58		28	—	17,5
31,7	20,9	9,2	—	14	36	51		21	—	20,9
34,8	25,9	16,9	—	15	32	42		21		27,4

		% дворовъ, продающихъ свой трудъ.	% дворовъ, работающихъ поденно и задѣльно.	Средній на 1 дворъ размѣръ заработка, рублей: на все населеніе.	на населеніе, продающее трудъ.	Средній размѣръ заработка дворовъ, работающихъ поденно и пр.
Нелюбинская вол.		20,9	18,5	3	14	10
Спасская вол.	южная половина .	19,3	14,3	5	20	16
	сѣверная половина.	27,6	13,4	8	30	18
	Итого. . .	23,4	13,8	6	27	17
Семилужная волость . .	южная половина .	26,1	15,8	7	25	20
	сѣверная половина.	32,1	20,9	10	32	22
	Итого. . .	28,2	17,6	8	28	21
Всего по району .		23,7	16,7	5	23	15

Сопоставленіе % и среднихъ величинъ по обоимъ районамъ дастъ намъ слѣдующіе два столбца цифръ:

		по Томскому району.	по Чулымскому району.
На каждые 100 дворовъ приходится дворовъ:	вообще продающихъ свой трудъ.	23,7	46,0
	отпускающихъ годовыхъ работниковъ.	4,1	8,2
	отпускающихъ краткосрочныхъ работниковъ	2,8	6,6
	работающихъ по поденному и издѣльному найму . . .	16,7	34,8
Общая сумма заработка этихъ дворовъ даетъ въ среднемъ на каждый дворъ *всего* населенія .		5 руб.	15 руб.
Средній заработокъ дворовъ:	продающихъ трудъ вообще. .	23 „	32 „
	отпускающихъ годовыхъ и срочныхъ работниковъ. . .	42 „	42 „
	работающихъ поденно и задѣльно.	15 „	21 „
На каждые 100 дворовъ приходится дворовъ, задолженныхъ подъ лѣтнюю работу		5,0	27,4.

Такимъ образомъ *число продающихъ свой трудъ дворовъ, какъ въ общемъ итогѣ, такъ и по отдѣльнымъ видамъ найма, въ Чулымскомъ районѣ вдвое больше, нежели въ Томскомъ; сумма заработныхъ платъ составляетъ въ первомъ, по сравненію съ общимъ числомъ дворовъ, втрое бо́льшую величину, нежели во второмъ, а средній заработокъ двора, продающаго трудъ, въ Чулымскомъ районѣ въ полтора раза больше, нежели въ Томскомъ*, — разница, которая всецѣло должна быть отнесена на счетъ разницы въ заработкѣ дворовъ, работающихъ по поденному и задѣльному найму.

Обращаясь затѣмъ къ болѣе детальнымъ даннымъ, мы можемъ для волостей Томскаго района констатировать нѣкоторую зависимость размѣровъ предложенія наемнаго труда отъ размѣровъ запашекъ и общаго состоянія земледѣлія: мы замѣчаемъ именно, что въ сѣверныхъ половинахъ всѣхъ трехъ волостей Томскаго района, характеризующихся меньшими размѣрами запашекъ и низшею урожайностью, предложеніе наемнаго труда значительно больше, нежели въ характеризуемыхъ противуположными признаками южныхъ половинахъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ и бо́льшій для сѣверныхъ половинъ процентъ дворовъ, продающихъ свой трудъ, какъ по всѣмъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ видамъ найма, — и бо́льшія сравнительно съ населенностью суммы заработныхъ платъ въ этихъ половинахъ, а для сѣверныхъ половинъ Спасской и Семилужной волостей — и бо́льшій средній размѣръ заработка продающаго свой трудъ двора.—Въ *Чулымскомъ* районѣ, благодаря, можетъ быть, вліянію такихъ случайностей, какъ погодныя колебанія урожаевъ, ни подобной, ни какой-либо иной зависимости нельзя замѣтить: на первомъ мѣстѣ по развитію продажи труда стоятъ лучшія волости района — Почитанская и Зырянская, гдѣ сумма заработныхъ платъ составляетъ въ среднемъ по 17 и 16 руб. на каждый дворъ; — въ худшихъ волостяхъ — Ишимской и Баимской — соотвѣтственныя величины равны всего 12 и 14 рублямъ, причемъ однако въ южной, лучшей половинѣ Ишимской волости продажа труда развита гораздо менѣе, нежели въ сѣверной, худшей.

Чтобы покончить съ извлеченными изъ подворныхъ описей данными, относящимися къ размѣрамъ пользованія наемнымъ трудомъ и спроса на послѣдній, мы должны теперь сдѣлать попытку сопоставленія данныхъ о спросѣ на наёмный трудъ съ данными объ его предложеніи. Для такого сопоставленія могутъ послужить намъ данныя о суммахъ, съ одной стороны, израсходованныхъ на наемъ, а съ другой—заработанныхъ наемнымъ трудомъ,—данныя, которыя и сгруппируются въ нижеслѣдующей таблицѣ:

МѢСТНОСТИ. (въ скобкахъ число переписанныхъ селеній).		ГОДОВОЙ И СРОКОВОЙ НАЕМЪ.			
		Задержано дворами, начинающими работниковъ.	Заработано дворами, принимающими трудъ.	Избытокъ спроса надъ предложеніемъ труда (+) или обратно (—).	Тоже въ % къ предложенію.
		Р У Б Л Е Й			
Шелобинская волость	южная половина (3)	970	145	+ 825	+ 569,0
	сѣверная » (3)	752	224	+ 528	+ 235,7
	Итого (6)	1.722	369	+ 1.353	+ 369,0
Спасская волость	южная половина (3)	530	320	+ 210	+ 65,6
	сѣверная » (3)	630	787	— 157	— 19
	Итого (6)	1.160	1.107	+ 53	+ 4,8
Семилужная волость	южная половина (3)	618	481	+ 137	+ 28,5
	сѣверная » (2)	160	112	282	6[illegible]
	Итого (5)	778	933	— 115	— 15
Всего по 17 селеніямъ Томскаго района.		4.460	2.599	+ 1.261	+ 72
Семилужная волость восточн. окраина (1).		900	1.145	— 245	— 21,4
Ишимская волость	южная половина (3)	1.648	905	+ 743	+ 82,1
	сѣверная » (5)	931	1.849	— 918	— 44,2
	Итого (8)	2.579	2.754	— 175	— 6,3
Почитанская волость (5).		2.620	3.123	— 503	— 18,0
Зарянская волость (2).		1.203	929	+ 274	+ 29.
Баимская волость	внѣтрактовыя селенія (2).	838	828	+ 10	+ 1,2
	трактовое селеніе (1)	2.957	920	+ 2.037	+ 221,4
	Итого (3)	3.795	1.748	+ 2.047	+ 117,1
Всего по 19 селеніямъ Чулымскаго района.		11.097	9.699	+ 1.398	+ 14,4
Отбрасывая дер. Подъельничную (тракт. сел. Баимской волости)		8.120	8.779	— 659	— 7,2

ПО ЦЕННЫЙ И ЗАДЕЛЬНЫЙ НАЕМЪ.				ВО ВРЕМЯ НАЙМА.			
Издержано дворами, нанимающими работниковъ.	Заработано дворами, продающими трудъ.	Избытокъ спроса надъ предложеніемъ труда (+) или обратно (—).	Тоже въ % къ предложенію.	Издержано дворами, нанимающими работниковъ.	Заработано дворами, продающими трудъ.	Избытокъ спроса надъ предложеніемъ труда (+) или обратно (—).	Тоже въ % къ предложенію.
рублей.				рублей.			
442	170	+ 272	+ 160,0	1.412	315	+ 1.097	+ 348,4
875	413	+ 462	+ 111,9	1.627	637	+ 990	+ 155,4
1.317	583	+ 734	+ 125,9	3.039	952	+ 2.087	+ 219,2
1.429	322	+ 1.107	+ 343,8	1.959	644	+ 1.315	+ 204,2
1.005	315	+ 1 320	+ 419,0	1,635	1.102	+ 533	+ 48,4
2.434	637	2 127	+ 381,	3.594	1.746	+ 1.848	+ 105,8
863	459	+ 404	+ 88,0	1.481	940	+ 541	+ 57,5
420	378	+ 42	+ 11,1	580	820	— 210	— 29,3
1.283	837	+ 446	+ 53,3	2.061	1 760	+ 301	+ 17,1
5.034	2.057	+ 2.977	+ 144,8	8.694	4.458	+ 4.238	+ 95,5
1.855	947	+ 908	+ 95,9	2.755	2.092	+ 663	+ 31,7
3.544	1.673	+ 1.871	+ 111,0	5 192	2.578	+ 2.614	+ 101,4
2.371	3.237	— 866	— 26,8	3,302	5.086	— 1.784	— 35,1
5.915	4.910	+ 1.005	+ 20,5	8.494	7.664	+ 830	+ 10,8
5.165	3.120	+ 2.045	+ 65,5	7.785	6,243	+ 1.542	+ 24,7
2.733	1.547	+ 1.188	+ 76,8	3.938	2.476	+ 1.462	+ 29,1
901	880	+ 21	+ 2,4	1.739	1.708	+ 31	+ 1,8
4.103	742	+ 3.361	+ 452,9	7.060	1.662	+ 5.398	+ 324,8
5.001	1.622	+ 3 382	+ 208,	8.799	3 370	+ 5.429	+ 161,1
20.674	12.116	+ 8.558	+ 70,	31.771	21.845	+ 9.926	45
16.571	11.404	+ 5.167	+ 45,3	24.711	20.183	+ 4.528	+ 22,4

Въ *Томскомъ* районѣ, такимъ образомъ, оказывается весьма значительное превышеніе спроса на наемный трудъ надъ предложеніемъ его: незначительное въ Семилужной волости, оно въ Спасской и особенно Нелюбинской достигаетъ уже весьма значительныхъ размѣровъ: въ первой мѣстное предложеніе труда покрываетъ только половину, во второй — менѣе трети спроса на такой трудъ; въ южныхъ половинахъ всѣхъ трехъ волостей превышеніе (+ 348,4, + 204,2 и + 57,5%) гораздо значительнѣе, нежели въ сѣверныхъ (+155,4, +48,4 и — 29,3%), что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ большему развитію и лучшему состоянію въ южныхъ половинахъ земледѣлія. Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ видамъ наемнаго труда, мы находимъ, что въ Нелюбинской волости спросъ на рабочія руки превышаетъ предложеніе по отношенію какъ къ срочному, такъ и къ поденному и издѣльному найму, и притомъ для перваго превышеніе въ обѣихъ половинахъ волости (+569,0 и 235,6%) гораздо больше, нежели для второго (+ 160 и + 111,9%); спросъ на рабочихъ по всѣмъ видамъ найма не покрывается мѣстнымъ предложеніемъ и въ южныхъ половинахъ Спасской и Семилужной волостей,— но здѣсь превышеніе спроса надъ предложеніемъ значительно, въ противуположность Нелюбинской волости, только для поденнаго и задѣльнаго найма (+ 343,8 и 88,0%); для срочнаго найма оно уже гораздо меньше (+ 65,6 и + 28,5%); и наконецъ въ сѣверныхъ половинахъ Спасской и Семилужной волостей недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, для первой очень значительный (+ 419%), для второй — ничтожный (+ 11,1), замѣчается только по отношенію къ поденному и задѣльному найму; что̀ касается до срочнаго найма, то здѣсь предложеніе труда превышаетъ спросъ (на 19,9 и 63,8%), и этотъ излишекъ направляется въ видѣ работниковъ, дворниковъ, прислуги и т. п. въ городъ Томскъ. Въ общемъ выводѣ для цѣлаго района спросъ на рабочія руки превышаетъ предложеніе по отношенію ко всѣмъ видамъ найма, но для найма поденнаго и задѣльнаго превышеніе это (+ 144,8%) почти втрое больше, нежели для срочнаго (+ 52,6%).

Въ общемъ выводѣ по *Чулымскому* району также замѣчается, по даннымъ нашей таблицы, нѣкоторое превышеніе спроса на рабочія руки надъ предложеніемъ ихъ, — но превышеніе это (всего 22,4%) составляетъ менѣе 1/4 части превышенія, оказавшагося для волостей Томскаго района. Если оставить въ сторонѣ трактовыя селенія, то окажется, что превышеніе спроса почти пропорціонально размѣрамъ земледѣлія и урожайности пахатныхъ земель: наиболѣе значительно оно (+ 29,1 и + 24,7%) въ двухъ лучшихъ волостяхъ района — Зырянской и Почитанской, значительно меньше въ Ишимской (10,[illegible]%), а въ Баимской спросъ на рабочія руки почти уравновѣшивается предложеніемъ ихъ

(разница всего $+1,_8\%$). Изъ ряда прочихъ мѣстностей Чулымскаго района выдѣляется только сѣверная половина Ишимской волости, гдѣ предложеніе наемнаго труда не только вполнѣ покрываетъ мѣстный спросъ, но даже даетъ излишекъ ($-35,_1\%$), который и выражается въ отходѣ земледѣльческихъ рабочихъ въ трактовыя селенія той-же Ишимской и Семилужной волостей. Обращаясь затѣмъ къ даннымъ о соотношеніи спроса и предложенія наемнаго труда по отдѣльнымъ видамъ послѣдняго, мы находимъ, что данныя, относящіяся къ поденному и задѣльному найму, вполнѣ соотвѣтствуютъ разобраннымъ только-что даннымъ относительно всѣхъ вообще видовъ наемнаго труда: избытокъ рабочихъ рукъ ($-26,_8\%$) оказывается и въ этомъ случаѣ только въ сѣверной половинѣ Ишимской волости; во всѣхъ остальныхъ, напротивъ, спросъ на поденную и задѣльную работу не покрывается мѣстнымъ предложеніемъ, и превышеніе спроса по отношенію къ этимъ видамъ найма (по цѣлому району $+45,_3$) гораздо значительнѣе, нежели по отношенію ко всѣмъ видамъ найма вообще. По отношенію къ срочному найму мы видимъ нѣсколько иное: здѣсь избытокъ рабочихъ рукъ оказывается не только въ сѣверной части Ишимской волости ($-44,_2\%$), но и въ зажиточной Почитанской (-18%), а также и въ общемъ выводѣ по всѣмъ 19 селеніямъ Чулымскаго района ($-7,_5\%$); затѣмъ въ Зырянской и въ южной части Ишимской волости спросъ на сроковыхъ рабочихъ опять превышаетъ мѣстное предложеніе, но превышеніе это уже гораздо менѣе значительно, нежели по отношенію къ поденному и задѣльному найму. Такое различіе между этими видами найма и сроковымъ наймомъ находится въ тѣсной связи съ экономическимъ характеромъ мѣстностей, о которыхъ идетъ рѣчь. Мѣстности эти имѣютъ чисто-земледѣльческій характеръ, а потому спросъ на рабочія руки достигаетъ здѣсь значительной напряженности только лѣтомъ, во время работъ по уборкѣ хлѣбовъ и травъ, — работъ, исполняемыхъ почти исключительно при помощи поденнаго и задѣльнаго найма. Трудъ годовыхъ и сроковыхъ работниковъ въ чисто-земледѣльческомъ хозяйствѣ не находитъ себѣ полной утилизаціи, а потому спросъ на такихъ работниковъ сравнительно незначителенъ; предложеніе срочнонаемнаго труда, идущее со стороны бѣднѣйшей части населенія, должно поэтому направляться на сторону и находитъ себѣ спросъ въ трактовыхъ селеніяхъ, гдѣ трудъ срочнаго работника можетъ быть использованъ и помимо земледѣлія—въ ямщинѣ и т. п. занятіяхъ, и гдѣ предложеніе срочнонаемнаго труда далеко меньше спроса на такой трудъ.

На этомъ мы можемъ закончить обзоръ цифровыхъ данныхъ о роли наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ изслѣдованнаго края.

Важнѣйшій выводъ, который можно сдѣлать изъ этого обзора, сводится къ тому, что въ Томскомъ районѣ, гдѣ земледѣліе требуетъ лишь ничтожныхъ затратъ труда, а заготовка сѣна — тоже значительно меньшаго количества работы, нежели въ Чулымскомъ районѣ, спросъ на наемный трудъ все-же оказывается довольно значительнымъ и во всякомъ случаѣ лишь въ болѣе или менѣе незначительной части покрывается мѣстнымъ предложеніемъ наемнаго труда, и слѣдовательно требуетъ прилива рабочихъ рукъ со стороны; въ Чулымскомъ районѣ, взятомъ какъ одно цѣлое, спросъ на наемный трудъ, несмотря на значительность запашекъ и обширность сѣнокосныхъ угодій, почти вполнѣ покрывается мѣстнымъ предложеніемъ; незначительная недостача этого послѣдняго въ значительной мѣрѣ можетъ быть сведена къ неточности регистраціи; несомнѣнный недостатокъ въ рабочихъ рукахъ оказывается только лѣтомъ, что же касается до годовыхъ и сроковыхъ работниковъ, то таковые во внѣтрактовыхъ мѣстностяхъ Чулымскаго района оказываются даже въ избыткѣ. Такое несоотвѣтствіе данныхъ о соотношеніи предложенія и спроса наемнаго труда съ размѣрами запашекъ и сѣнокосныхъ угодій не должно однако удивлять насъ: оно является необходимымъ слѣдствіемъ коренныхъ различій въ экономическомъ складѣ двухъ районовъ изслѣдованнаго края: Чулымскаго, какъ мѣстности почти исключительно земледѣльчески-скотоводческаго характера, Томскаго — какъ мѣстности по преимуществу пригородно-промысловой, а отсюда — и различій въ общемъ складѣ жизни и въ характерѣ населенія того и другого района. Но здѣсь мы должны уже обратиться къ описательнымъ даннымъ, имѣющимся въ собранныхъ изслѣдователемъ матеріалахъ.

Населеніе *Томскаго*, пригороднаго района, благодаря уже самому мѣстоположенію этого послѣдняго и развитію въ немъ разнообразныхъ промысловыхъ занятій, имѣетъ подъ руками множество способовъ „заработать копѣйку“, каждый изъ которыхъ болѣе выгоденъ, нежели земледѣльческій наемный трудъ; привыкнувъ къ такому положенію дѣлъ, пригородный крестьянинъ чувствуетъ къ земледѣльческому найму весьма мало склонности и идетъ жать, косить, молотить „въ люди“ не иначе, какъ въ самой послѣдней крайности. Въ районѣ наибольшаго развитія промысловой дѣятельности — въ *Нелюбинской* волости — мѣстный наемъ на земледѣльческія и сѣнокосныя работы, можно сказать, почти совершенно не существуетъ: только въ воскресные и праздничные дни здѣсь устраиваются такъ называемыя „поденщины“, которыя представляютъ собой однако не форму найма въ собственномъ смыслѣ этого слова, а переходную форму между наймомъ и помочью: приглашеніе сосѣдей „изъ чести“, нравственная обязательность для сосѣдей послѣдовать такому приглашенію; угощеніе „поденщины“,—

наконецъ самая работа по праздникамъ — всѣ эти черты сближаютъ „поденщины“ съ помочами; но въ отличіе отъ помочанъ „поденщики“ получаютъ плату въ установленномъ обычаемъ и не зависящемъ отъ колебаній спроса и предложенія размѣрѣ — 50 к. въ день. Несмотря на небольшіе размѣры, а въ сѣверной половинѣ волости — и на полное отсутствіе запашекъ, на незначительные размѣры сѣнокосныхъ угодій, есть, разумѣется, не мало дворовъ, которые, частью по абсолютной слабости своего рабочаго состава, частью — по невыгодности отрываться отъ промысловыхъ занятій, частью наконецъ — и прямо по своему малому навыку къ полевымъ работамъ, нуждаются въ наемныхъ работникахъ, — и исходящій со стороны такихъ дворовъ спросъ на трудъ лишь въ небольшой мѣрѣ уравновѣшивается мѣстнымъ предложеніемъ; недостающее количество рабочихъ рукъ на время сѣнокоса и уборки хлѣбовъ поставляетъ гор. Томскъ; эти руки вербуются главнымъ образомъ изъ многочисленнаго контингента неимущихъ ссыльнопоселенцевъ и мѣщанъ, а въ Августѣ къ нимъ присоединяются увольняемые на вольныя работы солдаты стоящихъ въ Томскѣ войсковыхъ частей. Въ *Спасской* волости мѣстное предложеніе наемнаго труда уже гораздо сильнѣе, нежели въ Нелюбинской: здѣсь кромѣ праздничныхъ „поденщинъ“ существуетъ и обыкновенный наемъ на земледѣльческія и сѣнокосныя работы; но и здѣсь мѣстное предложеніе такого наемнаго труда далеко меньше, нежели спросъ; на работы приходятъ изъ Томска различные представители городской „бѣдноты“, солдаты, но кромѣ того еще и „Тоболяки“ — крестьяне южныхъ округовъ Тобольской губерніи — особенно Тарскаго и Ишимскаго —, приходящіе сюда искать работы во время неурожаевъ; въ южной, болѣе удаленной отъ города, а слѣд. и отъ полицейскаго надзора, половинѣ волости сюда присоединяется и разный безпаспортный людъ изъ числа бродягъ и т. п.. Въ южной половинѣ волости превышеніе спроса на наемный трудъ надъ предложеніемъ его является правиломъ, не знающимъ исключеній; въ сѣверной такое соотношеніе замѣчается только лѣтомъ, во время спѣшныхъ полевыхъ работъ (гл. обр. сѣнокоса); въ остальное время года, когда почти совершенно непмѣющее земледѣльческаго характера населеніе занято почти исключительно разными видами промысловой дѣятельности, эта послѣдняя поглощаетъ лишь нѣкоторую часть рабочей способности населенія. Часть остающихся свободными рукъ находитъ себѣ работу въ городѣ, но это — только сравнительно болѣе состоятельные крестьяне, имѣющіе по нѣскольку лошадей и занимающіеся на разные виды „конной“ работы; пѣшіе рабочіе въ городъ не идутъ: „тамъ и безъ насъ, говорятъ пригородные крестьяне, бѣдноты много по кабакамъ сидитъ“; бо-

лѣе слабыя домохозяйства отпускаютъ не могущихъ найти дома приложенія для своего труда членовъ въ срочный наемъ: уходятъ въ городъ частью мужики, которые поступаютъ въ дворники, караульные и т. п., главнымъ же образомъ женщины и дѣвушки, которыя по зимамъ—рѣже въ теченіе цѣлаго года—живутъ въ городѣ въ качествѣ комнатной прислуги. Совсѣмъ обособенное положеніе занимаютъ по отношенію къ разсматриваемому вопросу двѣ зарѣчныхъ селенія Спасской волости — Головинина и Кислова: здѣсь наемъ на сѣнокосныя работы даетъ заработокъ - и притомъ значительный заработокъ — большинству населенія (изъ 58 дворовъ д. Головининой въ 1890 г. 33 двора заработали 830 р.); крестьяне этихъ селеній нанимаются именно на уборку принадлежащихъ г. Томску и арендуемыхъ частными лицами луговъ,—и нанимается не только „бѣднота“, но и среднесостоятельные и даже болѣе зажиточные дворы; эти послѣдніе берутъ „подряды“ на уборку большихъ участковъ луга и исполняютъ эти подряды помощью наемныхъ рабочихъ, получая иногда отъ такихъ подрядовъ значительные барыши, но нерѣдко, при неудачѣ, теряя и значительные убытки. Въ *Семилужной* волости спросъ на рабочія руки болѣе значителенъ въ южныхъ селеніяхъ (Лязгинское и Воронинское с. о), гдѣ онъ значительно превышаетъ мѣстное предложеніе и, какъ и въ Спасской волости, на время сѣнокоса и жатвы привлекаетъ рабочихъ изъ города и „Тоболяковъ“; въ сѣверныхъ селеніяхъ (Киргизское и Кошкинское с. о.) наемъ мало развитъ: по характерному выраженію крестьянъ здѣсь „нанимать не на что (нѣтъ надобности), не на чего (нѣтъ денегъ на наемъ) и некого“: уборка хлѣба производится почти безъ всякаго участія наемнаго труда; на сѣнокосъ нанимаютъ многіе, но въ настолько ничтожныхъ размѣрахъ, что спросъ на наемный трудъ вполнѣ покрывается мѣстнымъ предложеніемъ; осенью, зимой и весной ощущается въ рабочихъ рукахъ даже избытокъ, — который, какъ и въ сѣверной половинѣ Спасской волости выражается частью въ отпускѣ рабочихъ въ городъ въ срочный наемъ (въ прислуги и т. п.), частью — въ наймѣ у городскихъ обывателей на разные виды „конной“ работы.—Что касается до входящихъ также въ составъ Томскаго района большихъ трактовыхъ селеній Семилужной волости—с. Семилужнаго и д. Халдеевой,—то они по отношенію къ разсматриваемому вопросу приближаются къ типу трактовыхъ селеній Чулымскаго района, къ которому мы теперь и переходимъ.

Начнемъ именно съ характеристики трактовыхъ селеній. Какъ мы имѣли уже случай упоминать въ I томѣ настоящаго изслѣдованія, одною изъ основныхъ чертъ, характеризующихъ экономическій строй этихъ селеній, является крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи

благосостоянія: какъ это послѣднее вообще, такъ и запашка и сѣнокосныя угодья въ частности, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ рукахъ относительно небольшого числа зажиточныхъ домохозяйствъ, на низшемъ же концѣ общественной лѣстницы стоитъ многолюдная масса болѣе или менѣе безхозяйныхъ дворовъ; въ каждомъ трактовомъ селеніи отъ $^1/_{10}$ до $^1/_5$ части домохозяевъ имѣетъ запашки по нѣскольку десятковъ десятинъ и заготовляетъ сѣно для многихъ десятковъ головъ скота,—а въ каждомъ селеніи есть дворы, эксплуатирующіе подъ пашню и покосъ цѣлыя сотни десятинъ земли; всѣ такіе дворы занимаются въ крупныхъ размѣрахъ гоньбою, извозомъ, дворничествомъ и т. п.. Спросъ на рабочія руки, исходящій со стороны подобныхъ дворовъ, весьма великъ: каждый такой дворъ держитъ по нѣскольку годовыхъ и сроковыхъ работниковъ, исполняетъ наймомъ весь сѣнокосъ, всю уборку хлѣба и всю молотьбу, а въ сложности расходуетъ на наемъ по нѣскольку сотъ рублей; у богачей, держащихъ по десяти и болѣе годовыхъ работниковъ, засѣвающихъ по 70—80 и до 100 десятинъ, заготовляющихъ по 4—5 тысячъ копенъ сѣна, общая сумма расхода на наемъ доходитъ до 1000, 1500 и болѣе рублей. Другую, сравнительно малочисленную въ трактовыхъ селеніяхъ группу составляютъ дворы среднесостоятельные, размѣры земледѣльческаго хозяйства которыхъ, собственно говоря, сами по себѣ позволяли-бы обходиться собственнымъ трудомъ; въ трактовыхъ селеніяхъ и такіе дворы нанимаютъ рабочихъ: сами хозяева отвлекаются отъ земледѣльческихъ работъ гоньбою, дворничествомъ и т. п. занятіями, да и независимо отъ этого — трактовый мужикъ „любитъ и долго поспать“, и вообще „неспоръ на работу“. Остается затѣмъ бѣднѣйшая часть населенія. Это—съ одной стороны безлошадные и одно-лошадные дворы, всею своею рабочею силою стоящіе на сторонѣ предложенія наемнаго труда: одни—постоянно живущіе по срочнымъ наймамъ, другіе—имѣющіе главнымъ источникомъ своего существованія поденный и поздѣльный наемъ (объ этомъ см. въ слѣд. §). Но какъ только у трактоваго мужика завелась вторая лошадь — онъ начинаетъ „возить вольныхъ“ и уже крайне неохотно идетъ работать по найму: онъ предпочитаетъ два дня прождать „вольной“, нежели эти два дня молотить по найму у богатаго односельчанина, и только лѣтомъ, когда трактовое движеніе совершенно затихаетъ, онъ нанимается „въ люди“ на уборку хлѣба или сѣна. Въ результатѣ всего сказаннаго предложеніе наемнаго труда въ трактовыхъ селеніяхъ, хотя тоже значительное, покрываетъ лишь незначительную часть спроса на такой трудъ; несоотвѣтствіе предложенія со спросомъ рѣзче всего обнаруживается зимою, когда трактовое населеніе въ наибольшей мѣрѣ занято гоньбою, дворничествомъ

и т. п. занятіями, имѣющими связь съ мѣстоположеніемъ на трактѣ; напротивъ въ сѣнокосное и жатвенное время, когда, съ одной стороны, трактовое движеніе затихаетъ и перестаетъ отвлекать населеніе отъ полевыхъ работъ; когда, съ другой, спѣшность и крайняя важность этихъ послѣднихъ заставляетъ трактовое населеніе нѣсколько отрѣшиться отъ свойственной ему лѣни и несклонности къ тяжелому земледѣльческому труду,—предложеніе наемнаго труда значительно повышается и почти покрываетъ спросъ на подобнаго рода трудъ; къ тому-же въ лѣтнее время происходитъ передвиженіе по тракту бродягъ, которые время отъ времени останавливаются въ томъ или другомъ трактовомъ пунктѣ, чтобы заработать немного денегъ для дальнѣйшаго слѣдованія, и такимъ образомъ значительно подкрѣпляютъ мѣстное предложеніе наемнаго труда. Благодаря этому въ лѣтнее время заработная плата въ трактовыхъ селеніяхъ стоитъ не особенно высоко,—почти на одномъ уровнѣ „съ забошными“ мѣстностями, и движеніе рабочихъ изъ этихъ послѣднихъ на трактъ почти не замѣчается; напротивъ зимой, для молотьбы, а также для срочнаго найма, на трактѣ не находится достаточнаго количества рабочихъ рукъ, и становится необходимымъ приливъ послѣднихъ со стороны.

Сказанное въ полной мѣрѣ примѣнимо ко всѣмъ трактовымъ селеніямъ, кромѣ Турунтаевой, Халдеевой (Семилужн. вол.) и Больше-Песчанки (Почит. вол.); въ этихъ селеніяхъ средній уровень благосостоянія ниже, нежели въ другихъ; предложеніе труда не только покрываетъ, но даже нѣсколько превышаетъ спросъ на послѣдній, и потому селенія эти, привлекая, благодаря болѣе высокой рабочей платѣ, нѣкоторое количество рабочихъ рукъ изъ „забошныхъ“ мѣстностей, въ то-же время отпускаютъ рабочихъ—по преимуществу сроковыхъ—въ другія, болѣе зажиточныя трактовыя-же селенія.

Переходимъ затѣмъ къ обзору въ разсматриваемомъ отношеніи „забошныхъ“, внѣтрактовыхъ мѣстностей Чулымскаго района.

Ишимская волость должна быть въ этомъ отношеніи — какъ и во многихъ другихъ — разсматриваема отдѣльно по двумъ половинамъ — южной и сѣверной. Въ *южной* половинѣ Ишимской волости спросъ на наемный трудъ покрываетъ и даже нѣсколько превышаетъ мѣстное предложеніе послѣдняго, такъ что лѣтомъ, въ страдное и сѣнокосное время, ощущается нѣкоторый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, покрываемый по преимуществу предложеніемъ, исходящимъ со стороны разнаго пришлаго, бродячаго люда, отчасти - „Тоболяковъ“ (см. выше), а въ послѣднее время—и новоселовъ изъ вновь образуемыхъ поселковъ; исключенія составляютъ только сравнительно бѣдныя селенія — Кайла, с. Данковское и особенно Лебедянское; въ первыхъ двухъ

предложеніе наемнаго труда почти уравновѣшивается со спросомъ, и только небольшое число крестьянъ изъ этихъ селеній живетъ въ трактовыхъ селеніяхъ въ срочномъ наймѣ или ходитъ туда молотить; въ извѣстномъ плохимъ качествомъ своихъ пашень с. Лебедянскомъ избытокъ рабочихъ рукъ очень значителенъ и выражается въ движеніи на заработки, направляющемся частью въ другія селенія своей волости (гл. обр. въ с. Нижнее и д. Марьевку), частью—въ Томскъ и Спасскую волость.— Въ *сѣверной* половинѣ волости благопріятное соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ наемнаго труда мы находимъ въ меньшинствѣ селеній; сюда относятся прежде всего двѣ Кусковы, гдѣ не только нѣтъ отлива рабочихъ рукъ, но куда, напротивъ, рабочіе на страду и въ срочный наемъ приходятъ изъ с. Архангельскаго и инородческихъ селеній; затѣмъ—три за-Чулымскихъ селенія—с. Троицкое, д. Ниж.-Дорохова и Боровая; здѣсь, при малыхъ размѣрахъ запашекъ и плохомъ качествѣ земли, такое равновѣсіе является очевидно результатомъ значительнаго развитія рыболовства. Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ сѣверной половины волости предложеніе рабочихъ рукъ преобладаетъ надъ спросомъ; лѣтомъ это преобладаніе выражается очень слабо, такъ что въ это время лишь очень незначительное число рабочихъ уходитъ на трактъ на сѣнокосную и страдную работу; зимой число остающихся свободными рукъ болѣе значительно, и потому довольно большое число народа уходитъ наниматься на молотьбу въ трактовыя селенія—Нижне-Великосельскую, Турунтаеву, а главнымъ образомъ—с. Мазалово и Подломное; молотильщики обыкновенно соединяются въ небольшія артели, по 4 человѣка въ каждой, и нанимаются у богатыхъ мужиковъ молотить по попудному разсчету; кромѣ того, довольно много крестьянъ изъ той-же мѣстности живетъ въ тѣхъ-же трактовыхъ пунктахъ въ работникахъ—частью годовыхъ, а чаще—на зимнее полугодіе, а изъ селеній, лежащихъ у берега Яи, часть—впрочемъ небольшая— рабочихъ рукъ направляется и въ смежную Зырянскую волость; изъ с. Архангельскаго, гдѣ избытокъ рабочихъ рукъ особенно значителенъ, избытокъ этотъ направляется не на трактъ, а исключительно въ Зырянскую волость и въ расположенныя за Чулымомъ с. Ново-Кусковское и д. Старо-Кускову. — Во внѣтрактовыхъ мѣстностяхъ *Почитанской* волости спросъ и предложеніе рабочихъ рукъ находятся между собой, вообще говоря, въ почти полномъ равновѣсіи; въ огромномъ большинствѣ селеній лѣтомъ, во время сѣнокосныхъ работъ и жатвы, оказывается нѣкоторый недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, который и восполняется по преимуществу пришлымъ бродячимъ элементомъ и новоселами изъ вновь образованныхъ поселковъ,—въ другихъ спросъ и предложеніе въ это время вполнѣ уравновѣшиваютъ другъ друга; зи-

ков. благодаря почти исключительно земледѣльческому характеру мѣстности, не вся рабочая сила населенія находитъ себѣ приложеніе на мѣстѣ: недостатокъ въ рабочихъ рукахъ оказывается только въ немногихъ, очень зажиточныхъ селеніяхъ—д. Ср. и Ниж. Почитанкѣ и с. Мало-Песчанскомъ; въ остальныхъ селеніяхъ нѣкоторая часть рукъ зимой освобождается и отправляется на молотьбу или въ срочный наемъ въ названныя только-что селенія, а главнымъ образомъ—въ трактовые пункты той-же Почитанской волости — главнымъ образомъ въ с. Колыонъ, Почитанское, Постниково и Берикуль; размѣры этого движенія въ большинствѣ селеній Почитанской волости очень невелики, и только въ болѣе бѣдныхъ селеніяхъ, въ родѣ с. Ижморскаго, оно является болѣе значительнымъ. — То-же самое, въ общихъ чертахъ, можно сказать и о не имѣющихъ характера трактовыхъ пунктовъ селеніяхъ *Банской* волости; и здѣсь въ лѣтнее время спросъ и предложеніе рабочихъ рукъ вполнѣ уравновѣшиваются и даже оказывается нѣкоторый недостатокъ рабочихъ; этотъ недостатокъ и здѣсь восполняется разнымъ бродячимъ людомъ и вновь прибывшими новоселами, а въ ближайшихъ къ Марінску селеніяхъ — городскою „бѣднотою“ и солдатами Марінской мѣстной команды. Зимой во всѣхъ внѣтрактовыхъ селеніяхъ, кромѣ с. Константиновскаго, оказывается избытокъ въ рабочихъ рукахъ, который и направляется въ трактовые пункты—по преимуществу Подъельничную, Тюменеву, Суслово и Тяжинское; въ г. Марінскѣ Банскіе крестьяне совершенно не имѣютъ заработковъ, — не имѣютъ потому, что въ городѣ, благодаря изобилію ссыльныхъ и т. п., ощущается не недостатокъ, а напротивъ — избытокъ рабочихъ рукъ.—Что касается, наконецъ, до *Зырянской* волости, то здѣсь, вообще говоря, соотношеніе между спросомъ на рабочія руки и предложеніемъ ихъ представляется вполнѣ благопріятнымъ: спросъ на рабочія руки во всякое время года нѣсколько превышаетъ предложеніе ихъ, такъ что какъ лѣтомъ, такъ и зимою, въ Зырянскую волость приходятъ рабочіе изъ Пашинской волости, изъ за-Чулымскихъ инородческихъ селеній, а также изъ ближайшихъ новыхъ переселенческихъ поселковъ Почитанской волости. Единственный видъ наемнаго труда, спросъ на который въ Зырянской волости, благодаря весьма равномѣрному распредѣленію благосостоянія, сравнительно невеликъ — это срочный наемъ,—а потому нѣкоторое число работниковъ изъ этой волости „живетъ въ срокахъ“ въ трактовыхъ селеніяхъ Почитанской волости—особенно въ с. Колыонскомъ.

Закончивъ въ предыдущемъ изложеніи обзоръ данныхъ о спросѣ и предложеніи наемнаго сельскохозяйственнаго труда и объ обусловливаемомъ соотношеніемъ того и другого приливѣ и отливѣ рабочихъ рукъ въ разныхъ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ изслѣдованнаго края, мы должны теперь указать на распространенные въ этомъ послѣднемъ отхожіе, а отчасти и мѣстные заработки, не имѣющіе земледѣльческаго характера, но въ то-же время не могущіе быть отнесенными и къ разряду промысловыхъ.

На первомъ мѣстѣ между этими заработками надо поставить 1) работу на *золотыхъ пріискахъ*. Къ сожалѣнію изслѣдователь не имѣлъ возможности собрать болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній относительно этой важной отрасли народнаго труда, почему намъ и придется ограничиться относительно нея весьма неполными указаніями.

Наёмъ на пріисковыя работы въ прежнее время практиковался въ довольно значительныхъ размѣрахъ; помимо наносившагося пріисковою работою громаднаго косвеннаго вреда, выражавшагося въ развращеніи „пріискателей“, разрушеніи ихъ связи съ семьею, утратѣ ими способности и привычки къ земледѣльческому труду, — вреда, мало сознававшагося населеніемъ и потому никого не удерживавшаго отъ наёмокъ,—наемъ на пріиски приносилъ отпускавшимъ „пріискателей“ дворамъ значительныя непосредственныя, вполнѣ ощутительныя выгоды: правда, что несмотря на болѣе высокую во время процвѣтанія пріисковъ заработную плату, штрафы, начеты, обсчеты и т. п., съ одной стороны, крайній разгулъ при окончаніи сроковъ наемокъ, съ другой, приводили къ тому, что большинству „пріискателей“ почти не удавалось приносить домой денегъ; но уже задатки, выплачивавшіеся въ то время въ размѣрѣ 70—80 рублей на человѣка и полностью поступавшіе въ распоряженіе отпускавшихъ „пріискателей“ хозяйствъ, являлись для послѣднихъ весьма существеннымъ подспорьемъ, — давали возможность сразу раздѣлаться съ казенными платежами, подновить живой и мертвый инвентарь, расплатиться съ разными мелкими долгами и т. д.. Независимо отъ этого „пріискателями“ руководилъ еще и разсчетъ на „фартъ“—удачу, при которой нерѣдко удавалось принести съ пріисковъ по нѣскольку сотъ, а то и болѣе тысячи рублей, — и слѣдовательно наёмки на пріиски въ значительной мѣрѣ уподоблялись весьма рискованной азартной игрѣ.

Въ составъ района, отпускавшаго „пріискателей“, входили всѣ волости изслѣдованнаго края, причемъ въ общемъ наиболѣе склонности къ этого рода отхожимъ заработкамъ выказывалъ семьянный элементъ, затѣмъ—крестьяне старожилы; менѣе всего, напротивъ, — крестьяне-новоселы, если только ихъ не побуждали къ усиленному движенію на

пріиски слишкомъ неблагопріятныя условія земледѣльческаго труда. Главными центрами, отпускавшими рабочихъ на пріиски, были: въ Томскомъ районѣ—Нелюбинская волость, въ Чулымскомъ—Ишимская; изъ состава этой послѣдней ежегодно уходило или постоянно проживало на пріискахъ по нѣсколько сотъ человѣкъ; одни только села Лебедянское и Архангельское высылали на пріиски: первое до 45—50, второе—до семидесяти человѣкъ. Значительный контингентъ „пріискателей" давали также большія трактовыя села, какъ Колмонъ, Тяжин-Суслово, Ишимское и др.: въ такихъ селахъ всегда было значительное ское, количество „шатающагося" народа, который оказываетъ особое предпочтеніе такого рода занятіямъ, какъ пріисковыя работы.—Партіи „пріискателей", вербовавшіяся въ волостяхъ изслѣдованнаго края, направлялись главнымъ образомъ на пріиски Енисейской тайги; туда уходили на время одного только годового рабочаго періода, и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ—главнымъ образомъ при невозможности выбраться съ пріисковъ—оставались по нѣсколько лѣтъ подрядъ. Сравнительно небольшое число „пріискателей" шло на Олекму; благодаря удаленности Олекминскихъ пріисковъ, туда уходили не на одинъ рабочій періодъ, а на нѣсколько лѣтъ подрядъ, — но за то оттуда главнымъ образомъ приносились тѣ тысячные заработки, о которыхъ упоминалось выше. Наконецъ небольшая часть „пріискателей" направлялась на промыслы южной Мариинской тайги; сюда шли главнымъ образомъ крестьяне прилегающей къ этой тайгѣ юго-восточной окраины Почитанской волости.

Въ общемъ, повторяемъ, роль пріисковыхъ наёмокъ въ экономической жизни населенія изслѣдованнаго края была очень значительна: вносившіяся ими въ крестьянское хозяйство суммы измѣрялись, несомнѣнно, болѣе чѣмъ сотнею тысячъ рублей (одни только задатки на 1000 рабочихъ составляли около 75 тыс.), — но за то онѣ отрывали отъ земледѣлія, по всей вѣроятности, болѣе тысячи человѣкъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесли въ крестьянскую жизнь такую деморализацію, которая не можетъ быть оцѣнена никакими деньгами. — Въ настоящее время, благодаря общему упадку золотопромышленности, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: многіе промыслы совершенно прекратили добычу золота, другіе сократили свои операціи: въ результатѣ спросъ на „пріискателей" уменьшился въ нѣсколько разъ—„не стало наёмокъ", говорятъ крестьяне; соотвѣтственно этому значительно понизилась заработная плата и—что наиболѣе непосредственно повліяло на отношеніе населенія къ наемкамъ на пріиски—размѣры задатковъ упали съ 70—80 до 30, 25 и даже 20 рублей. Движеніе на пріиски въ изслѣдованномъ краѣ сократилось поэтому до ничтожной части своего

прежняго размѣра; въ Томскомъ районѣ, въ частности, оно совершенно прекратилось: какъ заявляли изслѣдователю крестьяне и какъ можно было убѣдиться при подворныхъ описяхъ,—на пріискахъ въ настоящее время проживаютъ только люди, ушедшіе туда 10, 15, 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ, успѣвшіе совершенно отстать отъ земли и деревни,—люди, для которыхъ поэтому возвращеніе съ пріисковъ не имѣло-бы ни цѣли, ни смысла; за послѣдніе нѣсколько лѣтъ на пріиски никто не уходилъ. Въ Чулымскомъ районѣ наёмки на пріиски продолжаются и до сихъ поръ; но тамъ, откуда прежде уходило по нѣскольку десятковъ „пріискателей", теперь ихъ набирается какихъ нибудь 3—5, много десять человѣкъ; изъ двухъ названныхъ выше селъ, дававшихъ особенно значительныя партіи „пріискателей", изъ с. Лебедянскаго вмѣсто прежнихъ 50 человѣкъ уходитъ не болѣе двадцати, изъ с. Архангельскаго вмѣсто прежнихъ 70—какихъ нибудь два-три человѣка, и только изъ татарской дер. Теплой-Рѣчки (Почин. вол.) на Олекминскіе и Енисейскіе пріиски до сихъ поръ ходитъ до 200 человѣкъ. Сравнительно много народу—по 10—15 человѣкъ изъ каждаго селенія—продолжаетъ ходить на пріиски Марінской тайги изъ юго-восточной части Починской и изъ нѣкоторыхъ селеній Баимской волости; особенно много „пріискателей" поставляетъ до сихъ поръ Кійское с. о., изъ состава котораго на пріискахъ живетъ до $^{2}/_{3}$ рабочихъ плательщиковъ; при невысокой заработной платѣ (12 р. въ мѣсяцъ лѣтомъ и 6 - 7 р. послѣ окончанія страды) сюда привлекаетъ близость пріисковъ къ селеніямъ, сокращающая до нуля расходы на передвиженіе на пріиски и обратно и связанную съ этимъ передвиженіемъ непроизводительную потерю времени; и на эти пріиски впрочемъ ходятъ исключительно крестьяне (и особенно—ссыльные), не имѣющіе собственной запашки.

2) Наемъ на работы по прорытію *Обь-Енисейскаго канала* (по крестьянской терминологіи наемъ „на перекопъ") *) для крестьянъ изслѣдованнаго края имѣетъ мало значенія: на „перекопѣ" работаютъ главнымъ образомъ крестьяне при-Обскихъ волостей—Уртамской и Богородской, въ изслѣдованномъ-же краѣ собственно на земляныя работы ходятъ только—и то въ небольшомъ числѣ—изъ крайнихъ сѣверныхъ селеній Нелюбинской волости. Наемъ „на перекопъ" происходитъ по полугодичнымъ контрактамъ, съ Февраля по Сентябрь, причемъ управленіе работъ принимаетъ доставку рабочихъ отъ сборнаго пункта до

*) Объ этомъ видѣ отхожихъ заработковъ мы будемъ говорить частью на основаніи свѣдѣній, собранныхъ лично изслѣдователемъ, частью — по даннымъ, заключающимся въ книгѣ г. Голубева «Алтай, историко-статист. сборникъ и т. д.». Томскъ, 1890 г., стр. 423 и сл.

мѣста работъ и обратно на свой счетъ. Плата опредѣляется помѣсячно, безъ вычетовъ за воскресенья и праздники; въ первые годы по начатіи работъ она была очень высока, доходя для землекоповъ „первой руки“ до 24 р. въ мѣсяцъ (= 90—95 к. въ день); съ 1889 года плата понижена, но все же равна: рабочимъ „первой руки“ 18 р., „второй“—14—15 р., „третьей“—12 рублей въ мѣсяцъ,—все на казенномъ содержаніи; это послѣднее представляется вполнѣ удовлетворительнымъ; нужные рабочимъ помимо содержанія продукты отпускаются имъ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ и хорошаго качества; штрафы взимаются въ умѣренныхъ размѣрахъ и не часто; самый разсчетъ производится ежемѣсячно, по производимому въ присутствіи рабочаго подсчету. Въ результатѣ почти весь заработокъ рабочихъ на каналѣ остается въ ихъ рукахъ и приносится ими домой, а не поглощается, какъ на пріискахъ, штрафами, начетами и обсчетами.

Независимо отъ изложеннаго, работы на „перекопѣ“ даютъ заработокъ еще крестьянамъ нѣсколькихъ расположенныхъ на пути отъ Томска къ мѣсту работъ селеній Пашинской волости—с. Ново Кусковскаго, д. Мало-Жировой, с. Ворово Пашенскаго и особенно д. Старо Кусковой (въ этой послѣдней въ 1890 году 17 дворовъ изъ 44 заработали 682 рубля, въ Мало-Жировой 15 дворовъ изъ 82—683 рубля, въ с. Ворово-Пашенскомъ 7 дворовъ изъ 83—177 р.), но это—заработокъ другого характера: крестьяне названныхъ двухъ селеній нанимаются на разнаго рода нужныя для администраціи работы перевозки, которыя могутъ быть разбиты на двѣ категоріи:

а) Перевозка провіанта и разныхъ другихъ предметовъ изъ Томска на мѣсто работъ (разстояніе 450 верстъ). Съ пуда платятъ по 60 к., на собственномъ содержаніи возчиковъ; овесъ приходится возить съ собой, для чего на каждыя 3—4 грузовыхъ лошади приходится брать по одной лишней; сѣно при проѣздѣ чрезъ необитаемую тайгу (на протяженіи 180 верстъ) приходится брать на казенныхъ „зимовьяхъ“, съ платой по 25 к. съ пуда, за тайгой—у инородцевъ по 10—12 к. за пудъ.—Вся поѣздка въ оба конца продолжается мѣсяцъ. *чистый* заработокъ за это время составляетъ (безъ риска) 5—6 рублей на лошадь,—а за зиму дѣлаютъ до трехъ такихъ поѣздокъ и слѣдовательно зарабатываютъ на лошадь до 15—18 рублей.

б) Перевозка на мѣстѣ работъ съ одной станціи на другую, съ платой, смотря по разстоянію, отъ 8 до 10 к. съ пуда груза, на полномъ содержаніи администраціи работъ. За эту работу берутся менѣе охотно, нежели за перевозку изъ Томска, такъ какъ администрація скупо кормитъ лошадей и даетъ имъ мало отдыха.

Въ общемъ „конная работа“ при работахъ по Обь-Енисейскому

капалу даетъ превосходный — значительный и вѣрный заработокъ; за нее охотно взялся-бы всякій не подгородный крестьянинъ, имѣющій 3 и даже 2 лошадей; но предложеніе работы очень ограничено и потому ея хватаетъ только для крестьянъ вышеупомянутыхъ селеній, которые пользуются довѣріемъ администраціи работъ и потому фактически монополизировали всѣ связанныя съ ними перевозки.

3) Выше мы упоминали уже о *конной работѣ* въ *городѣ Томскѣ*, какъ о довольно существенномъ для крестьянъ ближайшихъ къ городу селеній Спасской и Семилужной волостей заработкѣ. Теперь мы должны коснуться этого заработка нѣсколько обстоятельнѣе.—„Конною работой" въ Томскѣ занимаются: въ Спасской волости крестьяне всѣхъ 11 селеній Заварзинскаго сельскаго общества, а также, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ,—с. Спасскаго, Протопоповскаго и д. Протопоповой; въ Семилужной — крестьяне большинства селеній Лязгическаго с. о. (Аркашовой, Софроновой, Нехорошевой, Корниловой, Рѣдіоновой), а также всѣхъ трехъ селеній Киргизскаго общества. Какъ мы уже говорили выше, работа эта бываетъ въ свободное отъ спѣшныхъ полевыхъ и т. п. работъ время—зимой, весной и въ первой половинѣ лѣта; въ началѣ лѣта возятъ главнымъ образомъ дрова съ плотовъ и барокъ съ платой, смотря по разстоянію и степени сухости дровъ, отъ 15—20 до 35—40 копѣекъ съ сажени; дневной заработокъ отъ 60—70 к. до 1 р. на лошадь;

въ началѣ зимы возятъ сѣно съ арендуемыхъ горожанами зарѣчныхъ луговъ и суходольныхъ покосовъ, съ платой за вывозку воза: съ ближнихъ луговъ по 16—18 к., съ дальнихъ—до 30 и 40 к.; дневной заработокъ составляетъ 35—40 к. въ день, причемъ лошадь кормятся тѣмъ-же сѣномъ, а иногда и возчикъ получаетъ содержаніе отъ нанимателя;

въ концѣ зимы (въ Посту) возятъ ледъ для набивки ледниковъ; нанимаются поденно, съ платой отъ 70 — 80 к. до 1-рубля съ лошади.

Всѣ перечисленныя работы имѣютъ случайный характеръ: „когда есть, говорятъ крестьяне, а когда и нѣтъ; когда недѣлю и больше работаешь, а когда всего на два дня хватитъ"—но во всякомъ случаѣ заработокъ, доставляемый этими работами крестьянамъ, довольно значителенъ. Получивъ такую работу, крестьянинъ уже не выѣзжаетъ изъ города; онъ ночуетъ или даромъ у знакомыхъ, или на постояломъ дворѣ, съ платой за мѣсто по $^1/_2$ к. съ возчика и по 2 к. съ лошади, а хлѣбъ и сѣно привозитъ съ собой изъ деревни.

4) *Работа при заводахъ*. Изъ произведенныхъ изслѣдователемъ подворныхъ описей мы узнаемъ, что работа при расположенныхъ въ окрестностяхъ Томска заводахъ дала крестьянамъ заработокъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

	Общее число дворовъ.	Изъ нихъ имѣли заработокъ при заводахъ.	Общая сумма заработка.	Средній заработокъ на дворъ.
			рубли.	рубли.
въ с. Зоркальцевомъ, Нелюб. вол. . .	52	31	1.303	42
» д. Лучановой, Спасской вол. . . .	44	25	876	35
» » Аникиной, » » . . .	35	12	465	39
» » Заварзиной, » » . . .	40	6	246	41
» с. Кониниомъ, Семилужн. вол. . .	41	19	251	13

Обращаясь затѣмъ къ свѣдѣніямъ объ отдѣльныхъ заводахъ и роли ихъ въ экономической жизни населенія, заключающимся въ поселенныхъ описаніяхъ, мы узнаемъ нижеслѣдующее:

Крупчатная мельница *Валусова*, расположенная на землѣ д. *Кудриной* (Нелюб. вол.), даетъ *весьма значительный* заработокъ населенію этой деревни, а также с. *Зоркальцева* и — хотя и въ меньшей мѣрѣ — д. *П. Петровой*, *Коломиной* и *Быковой*. Главная работа — перевозка пшеницы съ пристани у д. Петровой на мельницу (6 верстъ): плата — по 2 к. за пудъ, за которую возчики обязаны и поднимать 6-пудовые кули въ верхній этажъ мельницы. Въ день можно дѣлать по 2 поѣздки; но такъ какъ на заводѣ при вѣсахъ мало людей, то очень долго приходится ждать пріемки, а потому дѣлаютъ не болѣе 3 поѣздокъ въ 2 дня. — Готовая мука доставляется въ Томскъ на собственныхъ заводскихъ лошадяхъ, и только изрѣдка нанимаютъ крестьянъ, за ту-же плату по 2 к. съ пуда. — Пѣшая работа при заводѣ бываетъ только временно, при пересыпкѣ пшеницы; нанимаютъ поденно, съ платой въ обыкновенное время по 50—70 к., въ сѣнокосъ — до 1 р. въ день (на своемъ содержаніи). — Постоянными рабочими крестьяне на мельницѣ не живутъ, а живутъ мѣщане, ссыльные и т. п.

Рядомъ съ этимъ заводомъ стоитъ винокуренный заводъ *Вытнова*, который однако приноситъ населенію гораздо болѣе вреда (благодаря кабаку), нежели пользы. Послѣдняя заключается главнымъ образомъ въ отпускѣ барды, заработокъ же очень невеликъ; заводъ именно нанимаетъ крестьянъ с. Зоркальцева и д. Кудриной на перевозку съ пристани ржи (всего около 20 тыс. пуд. въ годъ), за ту-же плату, по 2 к. съ

пуда, а Нелюбинскихъ и Губинскихъ крестьянъ закупаетъ довольно значительное количество дровъ. Довольно существенный источникъ дохода для крестьянъ с. Зоркальцева и д. Кудриной составляетъ еще сдача квартиръ разнымъ работающимъ на заводахъ мастеровымъ и пришлымъ рабочимъ: по даннымъ подворной описи въ с. Зоркальцевомъ 12 дворовъ заработали на сдачѣ квартиръ 247 рублей.

Заводъ *Минскаго*, стоящій вблизи с. *Пилакова* (Нелюб. вол.) доставляетъ бѣдной части населенію этого села и д. *Бѣлобородовой* лишь ничтожный заработокъ въ видѣ найма на заготовку и доставку дровъ *).

Изъ заводовъ, стоящихъ въ чертѣ *Спасской* волости, на первое мѣсто по значенію для крестьянъ надо поставить винокуренный заводъ *Ложникова*. Заводъ этотъ стоитъ на землѣ д. *Лучановой*, за что, кромѣ арендной платы, отпускаетъ крестьянамъ этого селенія безплатно барду и даетъ имъ довольно значительный заработокъ. Послѣдній получается главнымъ образомъ посредствомъ перевозки хлѣба изъ Томска на заводъ (16 верстъ); съ пуда платятъ зимой 2—2½, лѣтомъ — до 3 к. съ пуда (въ отличіе отъ упомянутаго выше завода Валгусова, груза здѣсь не приходится поднимать вверхъ, почему и цѣна дешевле); въ зимній день мужикъ съ тремя лошадьми заработываетъ (на одной поѣздкѣ) отъ 1 р. 50 к. до 2 рублей. Затѣмъ бѣднѣйшіе крестьяне нанимаются заготовлять для завода дрова въ казенныхъ лѣсахъ, по выбираемымъ заводомъ биletамъ; за сажень аршинныхъ или пятичетвертовыхъ пихтовыхъ и т. п. дровъ съ доставкой на заводъ платятъ отъ 1 р. 60 к. до 1 р. 80 к.. И наконецъ нѣсколько человѣкъ изъ бѣднѣйшихъ дворовъ зимой работаютъ на заводѣ помѣсячно, получая въ мѣсяцъ по 12 р. на своемъ содержаніи.

На крупчатной мельницѣ *Каменскихъ*, стоящей на землѣ д. *Просьякиной* и *Псаревой* крестьяне этихъ двухъ селеній, а отчасти и д. *Аникиной* имѣютъ хорошій заработокъ весной, при поправкѣ плотины; человѣку съ лошадью въ это время платятъ отъ 80 к. до 1 р. въ день. Въ среднемъ на дворъ заработываютъ около 40 рублей. Работа на плотинѣ бываетъ и въ лѣтнее время, но рѣдко, и притомъ въ такое время, когда крестьяне заняты покосомъ; человѣку съ лошадью въ это время платятъ до 1 р. 50 к.. Что̀ касается до перевозки изъ города на заводъ зерна (за 9 верстъ 2 к. съ пуда), то эту работу заводъ поручаетъ городскимъ возчикамъ.

Мельница *Иваницкаго*, расположенная у д. *Заварзиной*, нанимаетъ весной небольшое число крестьянъ на земляныя работы, платя человѣку

*) Цѣны и пр. см. въ I томѣ (вып. XIV, стр. 485).

съ лошадью по 1 р. 50 к. въ день или задѣльно,—съ сажени вынутой земли по 2 р. 50 к. и 3 рубля.

Въ *Семилужной* волости при д. *Кузовлевой* стоятъ: паточный заводъ *Бронникова*, винокуренный заводъ *Пастухова* и его-же крупчатная мельница. Первый имѣетъ для крестьянъ значеніе только, какъ мѣсто вѣрнаго и выгоднаго сбыта для картофеля; заводы Пастухова прежде доставляли крестьянамъ хорошій заработокъ на заготовкѣ дровъ, перевозкѣ хлѣба на заводы и вина съ завода, и пр.; въ настоящее время всѣ эти заработки прекратились: заводы возятъ и хлѣбъ, и вино на собственныхъ лошадяхъ, а дрова заготовляютъ въ казенныхъ дачахъ, нанимая для этого посторонній народъ. Крестьянамъ работа достается только случайно,—если заводскія лошади въ разгонѣ, и т. д.,—и въ общемъ заводы приносятъ крестьянамъ въ настоящее время не пользу (даже выговоренную въ контрактѣ барду заводъ отпускаетъ неисправно), а вредъ: запахъ барды разогналъ изъ Кузовлевой дачниковъ, а заводскій кабакъ содѣйствовалъ чрезмѣрному усиленію пьянства.

Вблизи с. *Конинина* стоитъ крупчатная мельница *Валусова*; она даетъ крестьянамъ названнаго села довольно хорошій заработокъ только весной, во время поправки плотины; нанимаютъ на доставку хвороста, съ платой по 70—80 к. съ куб. сажени, осиновыхъ бревенъ,—смотря по размѣру, по 7—10 и до 15 к. за штуку, и земли — поденно, причемъ плата человѣку съ лошадью не превышаетъ 60—80 к. въ день. Перевозка зерна, муки и т. п. производится на заводскихъ лошадяхъ и слѣдовательно крестьянамъ не доставляетъ заработка.

Въ *Чулымскомъ районѣ* есть только два винокуренныхъ завода, изъ которыхъ въ настоящее время дѣйствуетъ только одинъ заводъ *Чураницына*, расположенный въ 5 верстахъ отъ г. Мариинска, на землѣ д. *Баимской*. На заводѣ этомъ работаютъ помѣсячно изъ крестьянъ д. Баимской зимой до 20 человѣкъ, лѣтомъ — человѣкъ 6—7, получая на своемъ содержаніи зимой по 9 р., лѣтомъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Прежде заводъ нанималъ крестьянъ возить бочки съ виномъ (въ с. Тисуль и Итатъ по 3 р., въ Колмонъ — около 100 в. — по 3—4 р. съ бочки),— въ настоящее время перевозка вина исполняется заводскими лошадьми. При подвозкѣ хлѣба крестьяне тоже не имѣютъ работы, ибо хлѣбъ доставляется на заводъ самими продавцами.

Гораздо болѣе значенія — главнымъ образомъ для крестьянъ д. *Спасо-Яйской* (Ишимск. вол.) — имѣлъ расположенный у самой границы Ишимской и Зырянской волостей „Иннокентіевскій" винокуренный заводъ *Исаева*. Работа на и при этомъ заводѣ была для Спасо-Яйскихъ крестьянъ (а отчасти и для крестьянъ д. Дубровки, Зырянск. вол.) важнѣйшимъ подспорнымъ заработкомъ, благодаря которому деревня раз-

вела лошадей, обстроилась и т. д., и съ упадкомъ котораго сразу обнаружились признаки обѣднѣнія. Источникомъ заработка для бѣдной части населенія служили: срочный (помѣсячный) наемъ на собственно заводскія работы (8—9 и до 12 р. въ мѣс.) и наемъ на заготовку въ заводской дачѣ дровъ (по 35—40 к. съ саж.); для многолошадныхъ дворовъ — доставка на заводъ хлѣба изъ Томска (7—8 и до 10 к. съ пуда), а съ завода въ Томскъ—бочекъ съ виномъ (лѣтомъ по 4—5, зимой—по 3—4 рубля съ бочки). Въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ лѣтъ заводъ, какъ мы уже говорили, не дѣйствовалъ, и только въ 1890 г. подготовлялся къ возобновленію винокуренія.

Изъ сдѣланнаго обзора мы видимъ, что заводы и т. п. крупныя предпріятія и доставляемые ими населенію заработки въ Томскомъ, пригородномъ районѣ играютъ довольно значительную, въ Чулымскомъ — совершенно ничтожную роль. При этомъ достойно замѣчанія, что собственно — заводскія, постоянныя работы почти вовсе не исполняются крестьянами; для этихъ работъ вездѣ нанимается почти исключительно разный пришлый народъ — мѣщане, ссыльные и т. п.. Крестьяне нанимаются почти исключительно на работы, имѣющія характеръ чернаго труда, *при* заводѣ,—и притомъ по преимуществу на работы конныя, а также на разныя связанныя съ заводскимъ производствомъ перевозки. Заработокъ по этимъ послѣднимъ впрочемъ въ послѣднее время сильно сокращается, такъ какъ заводы стали содержать гораздо больше лошадей, нежели прежде, и стремятся производить всѣ перевозки на собственныхъ лошадяхъ.

§ 2. Формы найма на земледѣльческія работы. Размѣры заработной платы. Наемный трудъ, какъ основной источникъ существованія отдѣльныхъ домохозяйствъ.

Формы найма на земледѣльческія работы въ изслѣдованномъ краѣ, вообще говоря, тѣ-же, какія были уже описаны въ отчетахъ по изслѣдованію округовъ Тобольской губерніи; но относительная распространенность тѣхъ или иныхъ формъ какъ по отдѣльнымъ районамъ изслѣдованнаго края, такъ и при сравненіи ихъ съ округами Тобольской губерніи, представляется далеко не тождественною.

1) *Срочный* и въ частности — годовой наемъ въ обоихъ районахъ изслѣдованнаго края представляется весьма распространеннымъ, и притомъ въ Томскомъ районѣ, повидимому, еще болѣе распространеннымъ, нежели въ Чулымскомъ: въ переписанныхъ подворно селе-

ніяхъ перваго срочный наемъ поглотилъ 42,1% , въ селеніяхъ второго — всего 35,0% общей суммы наемныхъ платъ; при втрое меньшихъ въ Томскомъ районѣ размѣрахъ запашекъ, такое развитіе срочнаго найма объясняется очевидно, независимо отъ меньшей трудоспособности пригороднаго населенія, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что срочный работникъ въ полной мѣрѣ участвуетъ и во всѣхъ неземледѣльческихъ — въ частности и промысловыхъ занятіяхъ населенія. Что касается затѣмъ до Чулымскаго района, то срочный наемъ въ чистоземледѣльческихъ, внѣтрактовыхъ мѣстностяхъ сравнительно мало развитъ; напротивъ въ трактовыхъ селеніяхъ, характеризующихся, какъ мы знаемъ, крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ благосостоянія, число срочныхъ работниковъ весьма значительно: батраковъ здѣсь держатъ уже при такихъ размѣрахъ запашекъ, при которыхъ въ „заботныхъ" мѣстностяхъ обходятся почти безъ помощи наемнаго труда; у зажиточныхъ дворовъ число годовыхъ работниковъ часты поднимается до 4—5, богачи держатъ по 10, 15 и до 20 годовыхъ работниковъ.

Наемъ *работниковъ* производится чаще всего на годовой срокъ, сравнительно рѣже—на сроки меньшіе года; довольно часты при этомъ случаи, когда домохозяйство держитъ рабочихъ въ теченіи цѣлаго года, возобновляя однако наемъ по тѣмъ тремъ срокамъ, по которымъ производится краткосрочный наемъ: зимнему, весеннему и лѣтнему; дѣлается это очевидно съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ возможность перемѣнить работника въ случаѣ его дурнаго поведенія. Краткосрочный наемъ производится обыкновенно на слѣдующіе сроки.

зимній срокъ—съ Покрова до Пасхи;
весенній срокъ—съ Пасхи до Петрова (29. VI) или Прокопьева дня (8. VII);
лѣтній срокъ—съ Петрова или Прокопьева дня до Покрова.

Взрослыхъ мужиковъ-работниковъ чаще всего нанимаютъ на зимній срокъ, рѣже — на весенній, совсѣмъ рѣдко — на лѣтній (если только работникъ не живетъ весь годъ). На весну за то часто нанимаютъ полуработниковъ, служащихъ по преимуществу для бороньбы полей; на лѣто въ мѣстностяхъ съ развитымъ пчеловодствомъ нанимаютъ пасѣчниковъ, а богачи-заимочники—и пастуховъ.

Срочный наемъ *женщинъ*-работницъ встрѣчается во много разъ рѣже, нежели наемъ работниковъ: женщина нанимается уже не столько какъ земледѣльческая работница, сколько какъ прислуга, — а въ прислугѣ нуждаются конечно только очень зажиточные или ненормально бѣдные женщинами дворы. Работницы нанимаются чаще всего на круглый

годъ, рѣже—на зимнее полугодіе или лѣтнюю четверть. Кромѣ взрослыхъ женщинъ и даже чаще послѣднихъ на срокъ нанимаютъ дѣвочекъ—пятекъ,—чаще всего на лѣтнюю четверть, когда женщины заняты сѣнокосомъ и уборкой хлѣбовъ и нуждаются въ дешевомъ трудѣ для присмотра за дѣтьми.

2) *Помѣсячный* наёмъ въ изслѣдованномъ краѣ встрѣчается въ двухъ видахъ: на *календарный* мѣсяцъ („отъ числа до числа") и на *„рабочій* мѣсяцъ", т. е. на 30 послѣдовательныхъ рабочихъ дней. Первая форма помѣсячнаго найма встрѣчается главнымъ образомъ зимою рядомъ съ понедѣльнымъ и поденнымъ наймомъ и только въ Баимской волости — еще и въ сѣнокосное время; зимой помѣсячныхъ работниковъ нанимаютъ отчасти для молотьбы, отчасти—для дальняго извоза (въ этомъ послѣднемъ случаѣ впрочемъ чаще нанимаютъ „на сходку", т. е. на время одной поѣздки въ Иркутскъ и обратно, слѣд. примѣрно на $2^1/_2$ мѣсяца). Форма найма на „рабочій" мѣсяцъ очень употребительна во всемъ Томскомъ районѣ, а также—хотя въ меньшей мѣрѣ—въ Баимской волости; на рабочіе мѣсяцы нанимаютъ исключительно косцовъ, обыкновенно мущинъ, рѣдко — женщинъ, а иногда нанимаютъ и „парами"—мужика съ женою или сестрой.

3) *Понедѣльный* наемъ въ изслѣдованномъ краѣ гораздо употребительнѣе помѣсячнаго, а повидимому—и поденнаго найма. Понедѣльно нанимаютъ почти исключительно мужиковъ, и притомъ только въ нестрадное время: главнымъ образомъ понедѣльный наемъ имѣетъ мѣсто зимой, на работы по очисткѣ хлѣба, а также весной, во время спѣшныхъ работъ по посѣву яровыхъ или первой вспашкѣ паровъ.

Напротивъ 4) *Поденный* наемъ въ нестрадное зимнее или весеннее время, можно сказать, совершенно не встрѣчается; въ Томскомъ районѣ поденный наемъ мало практикуется и въ лѣтнее время: наемъ на уборку хлѣбовъ производится исключительно издѣльно, и только изрѣдка „прихватываютъ" поденщиковъ для кладки сжатаго хлѣба; случаи поденнаго найма на сѣнокосныя работы встрѣчаются довольно часто, но это — главнымъ образомъ такъ называемыя „поденщины" той средней между наймомъ и помочью формы, о которой мы упоминали въ предыдущемъ § *); поденный наемъ примѣняется при этомъ исключительно къ мѣстнымъ рабочимъ; пришлыхъ нанимаютъ либо помѣсячно, либо издѣльно. Въ Чулымскомъ районѣ, напротивъ, поденная форма найма по отношенію къ сѣнокоснымъ работамъ и уборкѣ хлѣбовъ едва-ли менѣе распространена, нежели издѣльная, и притомъ по отношенію къ послѣдней повидимому еще болѣе, нежели по отношенію къ первымъ.

*) Стр. 76—77.

5) *Формы издѣльнаго найма.*

а) По отношенію къ работамъ по *раздѣлкѣ земли, посѣву и задѣлкѣ сѣмянъ* задѣльная форма найма, вообще говоря, мало употребительна: бѣдняки, не имѣющіе собственнаго инвентаря и желающіе имѣть посѣвъ, чаще всего „приряжаютъ“ себѣ обработку $^1/_2$ или 1 десятины земли въ счетъ платы, условливаемой при наймѣ въ срочные работники, и лишь изрѣдка прибѣгаютъ къ подесятинному найму либо на каждую отдѣльную работу порознь, либо на всю совокупность операцій по обработкѣ земли и посѣву. Въ Томскомъ районѣ иногда нанимаютъ „сѣять гречиху попудно“, — т. е. нанимаютъ на всѣ операціи по обработкѣ земли, посѣву и задѣлкѣ сѣмянъ на такомъ пространствѣ, на какое въ данной мѣстности принято высѣвать одинъ пудъ сѣмянъ—слѣдовательно на $^1/_4$ десятины.

б) Наёмъ на *уборку хлѣба* производится въ слѣдующихъ формахъ:

аа) На уборку *серпомъ* издѣльный наемъ производится въ двухъ формахъ: въ Чулымскомъ районѣ единственною употребительною формою является *подесятинный* наемъ; въ Томскомъ, напротивъ, эта форма встрѣчается очень рѣдко и главнымъ образомъ—на болѣе удаленныхъ отъ Томска окраинахъ; господствующею же формою является здѣсь наемъ *„посотенно“*, — т. е. такая форма найма, при которой разсчетъ производится съ сотни пожатыхъ сноповъ. Какъ при подесятинномъ, такъ и при посотенномъ наймѣ жнецы только снимаютъ хлѣбъ, вяжутъ его въ снопы и ставятъ въ суслоны или кучи; кладка хлѣба остается на отвѣтственности нанимателя.

бб) На уборку яроваго *косою* наемъ производится всегда подесятинно; но въ однихъ случаяхъ, задѣльный наемъ распространяется на всѣ операціи до увязки въ снопы и постановки послѣднихъ въ суслоны включительно, въ другихъ—издѣльно нанимаютъ только скосить хлѣбъ; увязка въ снопы и установка въ суслоны производится либо собственною семьею нанимателя, либо нанимаемыми поденно женщинами. Первый, чистый видъ задѣльнаго найма въ изслѣдованномъ районѣ представляется значительно болѣе употребительнымъ, нежели второй, смѣшанный видъ.

б) Издѣльный наемъ на работы по *очисткѣ зерна* производится въ нѣсколькихъ формахъ: общераспространенною—по преимуществу у среднесостоятельныхъ хозяевъ, лишь въ незначительной мѣрѣ нуждающихся въ содѣйствіи наемныхъ рабочихъ, — является форма найма *„къ готовому овину“*; сущность ея состоитъ въ томъ, что работникъ является къ нанимателю рано утромъ (или послѣ обѣда), получаетъ отъ него цѣпъ и сейчасъ-же вмѣстѣ съ другими тремя приступаетъ къ молотьбѣ хлѣба, заранѣе высушеннаго и разостланнаго на току нанимателемъ; обмолотивъ овинъ, онъ получаетъ плату и обѣдъ (или

ужинъ) и уходятъ домой, а наниматель самъ вѣетъ хлѣбъ и ссыпаетъ его въ амбаръ. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ большихъ запашекъ нѣтъ, эта форма является единственною употребительною по отношенію къ молотьбѣ формою задѣльнаго найма. Въ Чулымскомъ районѣ хозяева, имѣющіе болѣе обширныя запашки, прибѣгаютъ къ найму *„на отчетъ“*, т. е. къ такому найму, при которомъ наемные рабочіе производятъ всѣ работы, начиная отъ сушки суповъ и кончая ссыпкой зерна въ амбаръ, безъ всякаго личнаго участія нанимателя; для молотьбы „на отчетъ“ малосемейные рабочіе соединяются въ небольшія артели по 4 человѣка въ каждой, которыя и берутъ на себя работу за круговою отвѣтственностью. — Еще недавно единственною употребительною формою найма „на отчетъ“ въ изслѣдованномъ краѣ былъ *„потысячный“* наемъ, при которомъ рабочіе принимаютъ снопы счетомъ и получаютъ условленную съ тысячи суповъ плату независимо отъ количества вымолоченнаго зерна; въ настоящее время эта форма почти совершенно вытѣснена *попудным*ъ наймомъ, при которомъ плата условливается съ пуда обмолоченнаго зерна; быстрое распространеніе этой формы найма является результатомъ ея выгодности для обѣихъ участвующихъ въ наймѣ сторонъ: для нанимателя —, такъ какъ рабочіе, заинтересованные въ возможно большемъ количествѣ зерна, чище вымолачиваютъ хлѣбъ; для рабочихъ —, такъ какъ заработокъ ихъ при попудномъ наймѣ выше, нежели при потысячномъ. — При сдачѣ молотьбы на отчетъ, доставка суповъ съ поля всегда производится самимъ нанимателемъ; онъ-же доставляетъ дрова для сушки, предоставляетъ въ распоряженіе молотильщиковъ свою ригу, а въ послѣднее время — и вѣялку.

г) *Сѣнокосныя* работы производятся въ гораздо большей мѣрѣ задѣльнымъ, нежели поденнымъ наймомъ. На огромной части территоріи изслѣдованнаго края единственною употребительною формою является наемъ *посотенный*, при которомъ плата условливается съ сотни выкошенныхъ копенъ, независимо отъ размѣровъ выкошенной площади: за условленную плату „сотенники“ обязаны выкосить сѣно, гдѣ принято —, переворошить, и сгрести въ копны; въ этомъ видѣ сѣно принимается нанимателемъ, который въ большинствѣ случаевъ уже самъ или при помощи поденнаго найма мечетъ сѣно въ стоги или зароды: лишь изрѣдка „сотенники“, по предварительномъ осмотрѣ копенъ нанимателемъ, мечутъ сѣно въ стоги, что конечно сопровождается соотвѣтственнымъ повышеніемъ посотенной платы. — Въ при-Томскихъ мѣстностяхъ Нелюбинской волости и особенно — на городскихъ лугахъ, практикуется подесятинный наемъ, иногда на одну только косьбу, иногда — и на всю дальнѣйшую уборку сѣна.

д) На *вывозку* сѣна наемъ въ ближайшихъ къ Томску мѣстностяхъ Томскаго района практикуется въ довольно значительныхъ размѣрахъ; наемъ производится *повозно*, причемъ на возъ грузятъ пять „мѣрныхъ“ копенъ, т. е. около 25 пудовъ сѣна.

И наконецъ е) Наемъ на *рубку дровъ* почти всегда производится *посаженно*: заготовленныя дрова почти всегда принимаются нанимателями-крестьянами на мѣстѣ рубки, „у пня“, и только заводы, пароходныя общества, церкви и т. п. нанимаютъ на заготовку дровъ вмѣстѣ съ доставкою ихъ на мѣсто потребленія.

Всѣ описанные виды какъ срочнаго, такъ и задѣльнаго найма въ Томскомъ районѣ имѣютъ исключительно *денежный* характеръ. То-же, если не считать разныхъ „придядковъ“, можно сказать о большинствѣ видовъ найма и по отношенію къ Чулымскому району. Исключеніе составляетъ въ этомъ районѣ задѣльный наемъ на уборку хлѣба, по отношенію къ которому натуральная форма является если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столь-же употребительною, какъ и денежная. Именно на жнитво (впрочемъ только для ржи) очень часто нанимаютъ „на хлѣбъ“, т. е. съ расплатой опредѣленнымъ количествомъ пудовъ хлѣба; наемъ въ этомъ случаѣ всегда имѣетъ кредитный характеръ, причемъ однако, въ противоположность другимъ случаямъ, при типичномъ наймѣ „на хлѣбъ“ кредиторомъ является не нанимающійся, а наниматель: онъ уплачиваетъ за жатье изъ выжатаго хлѣба, по обмолотѣ его, причемъ срокомъ расплаты обыкновенно назначается слѣдующій за временемъ уборки хлѣба Михайловъ (8. XI) или Николинъ день (6. XII). Понятно, что при такихъ условіяхъ заработокъ при наймѣ „на хлѣбъ“ всегда бываетъ больше, нежели при наймѣ на деньги; понятно далѣе, что къ этой формѣ найма прибѣгаютъ только такія не особенно сильныя хозяйства, которыя при болѣе или менѣе значительной запашкѣ имѣютъ мало оборотнаго капитала и потому затрудняются единовременною и своевременною уплатою той суммы денегъ, какая причиталась-бы за уборку хлѣба при денежномъ наймѣ; дѣйствительно сильные, зажиточные дворы нанимаютъ исключительно на деньги и къ найму на хлѣбъ никогда не прибѣгаютъ.

Что̀ касается до содержанія наемныхъ рабочихъ, то при долгосрочномъ, помѣсячномъ, понедѣльномъ и поденномъ наймѣ рабочіе въ крестьянскомъ обиходѣ всегда поступаютъ на продовольствіе нанимателя; при долгосрочномъ наймѣ рабочіе сверхъ того получаютъ „обутки и рукавицы“, остальная же одежда остается на ихъ собственной отвѣтственности. При издѣльномъ наймѣ встрѣчаются гораздо болѣе разнообразные порядки. При наймѣ на работы по воздѣлыванію земли и посѣву рабочіе всегда остаются на собственномъ содержаніи. Жнецы

при подесятинномъ наймѣ всегда поступаютъ на продовольствіе нанимателя (то-же бываетъ и при наймѣ на уборку хлѣба косою), при посотенномъ, напротивъ, всегда работаютъ на собственномъ содержаніи. Молотильщики при наймѣ „къ готовому овину" получаютъ до работы чай, послѣ работы, смотря по времени, обѣдъ или ужинъ; при наймѣ „на отчетъ", потьмячно или попудно, они въ большинствѣ случаевъ поступаютъ на продовольствіе нанимателя, и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ работаютъ на собственномъ содержаніи. При посотенномъ наймѣ на уборку сѣна встрѣчается и тотъ, и другой порядокъ, причемъ, повидимому, на наличныя деньги чаще нанимаютъ на содержаніи нанимателя, впередъ же задаютъ обыкновенно на собственномъ содержаніи нанимающагося; наемъ на вывозку сѣна всегда происходитъ этимъ послѣднимъ порядкомъ, и наконецъ при посаженномъ наймѣ на заготовку дровъ рабочіе обыкновенно остаются на собственномъ содержаніи и лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ (главнымъ образомъ въ Чулымскомъ районѣ) работаютъ на продовольствіи нанимателей.

Мы должны теперь обратиться къ вопросу о *размѣрахъ заработной платы*. Прежде однако, нежели сдѣлать детальный обзоръ данныхъ о цѣнахъ рабочихъ рукъ при различныхъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущемъ изложеніи видахъ и формахъ найма, мы считаемъ полезнымъ указать въ общихъ чертахъ на тѣ различія въ высотѣ заработной платы, какія замѣчаются между различными мѣстностями, входящими въ составъ изслѣдованнаго края, — различія, очевидно обусловленныя разнообразіемъ въ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ рабочихъ рукъ.

Прежде всего надо указать на то, что въ Чулымскомъ районѣ, разсматриваемомъ какъ одно цѣлое, заработная плата стоитъ значительно ниже, нежели въ Томскомъ; высокій уровень заработной платы въ этомъ послѣднемъ, какъ видно изъ изложеннаго въ предыдущемъ §, является результатомъ не значительности спроса на наемный сельско-хозяйственный трудъ, а ничтожности предложенія послѣдняго, обусловливаемой въ свою очередь развитіемъ разныхъ неземледѣльческихъ заработковъ и малою склонностью пригороднаго населенія къ тяжелому крестьянскому труду. Внутри Томскаго района заработная плата стоитъ на болѣе или менѣе одинаковомъ уровнѣ; по особенной высотѣ послѣдняго выдѣляется ближайшая къ Томску часть Спасской волости, что, по объясненію крестьянъ, обусловливается строгостью въ этой мѣстности полицейскаго надзора, не позволяющею прибѣгать къ найму бродягъ и безпаспортныхъ. Въ Чулымскомъ районѣ изъ общаго уровня выдѣляются трактовыя селенія, гдѣ заработная плата, особенно въ лим-

нее время и при срочномъ наймѣ, стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ „забошныхъ“ мѣстностяхъ. Высота заработной платы является здѣсь результатомъ съ одной стороны огромнаго спроса на наемный трудъ, исходящаго со стороны многочисленныхъ на „большой дорогѣ“ богачей, съ другой — сравнительно (при изобиліи „бѣдноты“) небольшого предложенія такого труда, что въ свою очередь объясняется изобиліемъ въ такихъ селеніяхъ разныхъ „большедорожныхъ“, неземледѣльческихъ заработковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и свойственною трактовой „бѣдотѣ“ лѣнью и отвращеніемъ къ тяжелому труду. Лѣтомъ „большедорожные“ заработки почти прекращаются, а спѣшность работъ заставляетъ населеніе напречь всѣ свои силы, и потому въ страдное время заработная плата на трактѣ стоитъ почти на одномъ уровнѣ съ „забошными мѣстностями“. Въ этихъ послѣднихъ, говоря вообще, наблюдается наименьшій для изслѣдованнаго края уровень заработныхъ платъ; колебанія размѣра послѣднихъ по болѣе мелкимъ территоріальнымъ группамъ обусловливаются уже колебаніями размѣровъ запашекъ и урожайности пахатныхъ земель.

Что касается до колебавій размѣровъ заработной платы *во времени*, то для Томскаго района мы имѣемъ только смутныя указанія, свидѣтельствующія о послѣдовавшемъ за послѣднее время пониженіи заработной платы. Для Чулымскаго такое пониженіе — и притомъ значительное — является несомнѣннымъ фактомъ; объясняется оно съ одной стороны рядомъ болѣе или менѣе плохихъ урожаевъ, съ другой — значительнымъ за послѣдніе 5—6 лѣтъ наплывомъ переселенцевъ, значительно усилившихъ предложеніе наемнаго труда и тѣмъ понизившихъ его цѣны.

Переходимъ теперь къ даннымъ о размѣрахъ заработной платы соотвѣтственно различнымъ разсмотрѣннымъ нами выше видамъ найма. Обзоръ нашъ мы находимъ наиболѣе удобнымъ распредѣлить по временамъ года.

На самомъ низкомъ уровнѣ заработная плата стоитъ въ теченіе *зимы* (а также поздней осени, послѣ окончанія полевыхъ работъ, и ранней весны, до начала послѣднихъ). *Въ Томскомъ районѣ* именно понедѣльная плата въ теченіе всей зимы колеблется между 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. (=20—25 к. въ день), падая иногда до 1 р. и лишь изрѣдка (въ Спасской волости) поднимаясь до 2 рублей; при помѣсячномъ наймѣ плата работнику колеблется между 4 и 5 рублями, а въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ поднимается до 6—7 рублей; при издѣльномъ наймѣ на молотьбу „къ готовому овину“ обычная плата составляетъ 10 копѣекъ, иногда встрѣчается 12 и даже 15 к. съ снопа (что опять-таки соотвѣтствуетъ поденной платѣ въ 20, 25

и 30 копѣекъ). *Въ Чулымскомъ районѣ* заработная плата значительно ниже. Обыкновенными предѣлами ея колебаній здѣсь являются:

	въ трактовыхъ пунктахъ:	въ «забошныхъ мѣстностяхъ»:	
понедѣльн. наймѣ	1 р. 20 к.—1 р. 50 к.	1 р.—1 р. 20 к.	
что составляетъ въ день.	20—25 к.	17—20 к.	на содержаніи нанимателя.
при помѣсяч. наймѣ. . .	5—6 руб.	4 р.	
при издѣльн. наймѣ:			
„къ готовому овину“ . .	10—12 к.	5—7 к.	
помѣсячно		2 р.	
попудно.	3—3¼	2—2½ к.	
то-же на содержаніи нанимающагося.	4—4½	3—3½ к.	

Цифры второго столбца не являются однако низшими предѣлами паденія заработной платы для „забошныхъ“ мѣстностей Чулымскаго района: въ такихъ малохлѣбородныхъ и въ то-же время удаленныхъ отъ тракта мѣстностяхъ, какъ сѣверная окраина Ишимской волости, заработная плата падаетъ еще ниже, составляя при понедѣльномъ наймѣ не болѣе 60—80 к. и рѣдко поднимаясь до 1 р. въ недѣлю.

Всѣ приведенныя данныя относятся однако только къ случаямъ простого земледѣльческаго найма. Въ обоихъ районахъ, однако, и особенно въ Чулымскомъ, во время зимы весьма часты случаи, такъ сказать, квалифицированнаго найма, именно наймъ рабочихъ въ извозъ, при которомъ наемная плата бываетъ гораздо выше, нежели при земледѣльческомъ наймѣ. Наемъ въ извозъ происходитъ, какъ мы знаемъ, либо „на сходку“ (=2 мѣс. и 6—15 дней), либо помѣсячно, и плата опредѣляется въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	«на сходку».	въ мѣсяцъ.
въ Спасской и Семилужной вол.	20—22 р.	9—11 р.
„ Ишимской и Почитанск. „	16—20 „	8—10 „
„ Баимской волости	14—18 „	7— 8 „ 50 к.

Весной, какъ только начинаются работы по взмету жнивъ подъ провые и т. п., заработная плата поднимается значительно выше зимняго уровня: при понедѣльномъ наймѣ въ волостяхъ *Томскаго* района уже въ маѣ платятъ 2 р. рѣдко 1 р. 50 к. въ недѣлю, что̀ соотвѣтствуетъ поденной платѣ 30—35, рѣдко 25 к.; въ Іюлѣ плата поднимается до 2 р. 50 к. и 3 р. въ недѣлю, что̀ равно поденной платѣ отъ 40 до 50 к. въ день; поденная плата человѣку съ лошадью доходитъ въ это время—впрочемъ на собственномъ содержаніи—до 1 рубля. Въ *Чулымскомъ* районѣ за среднюю понедѣльную плату для времени весеннихъ работъ можно принять 1 р. 50 к. (=25 к.

въ день); предѣлами колебаній являются 1 рубль и 2 рубля въ недѣлю. По окончаніи посѣва яровыхъ заработная плата обыкновенно опускается немного ниже указанныхъ нормъ, но иногда остается на одномъ уровнѣ въ теченіе всего періода обработки паровъ, т. е. до начала сѣнокосного времени.

Въ сѣнокосное время заработная плата въ *Томскомъ районѣ* поднимается до своего наивысшаго уровня: поденная плата мужику колеблется въ это время, смотря по колебаніямъ дневного спроса и предложенія рукъ, между 45—50 и 60 к., женщинѣ—между 40 и 45 к.; для сушки сѣна (грести) нанимаютъ полуработниковъ и женщинъ съ платой по 25—30 к. въ день. Самое правильное понятіе о нормальномъ размѣрѣ заработной платы въ сѣнокосное время дадутъ намъ цифры, показывающія размѣръ платы при наймѣ на „рабочіе" мѣсяцы (30 рабоч. дней): во всей Нелюбинской, Семилужной и большей части Спасской волости при такомъ наймѣ платятъ:

мужику . . . . . 15 руб. = 50 коп. въ день
женщинѣ . . . . . 12 „ = 40 „ „ „

а въ ближайшихъ къ Томску селеніяхъ Спасской волости помѣсячная плата поднимается до 18 рублей, т. е. до 60 к. (а при поденномъ наймѣ и до 80 к.) въ день. Въ *Чулымскомъ* районѣ при сравнительно мало употребительномъ для сѣнокосныхъ работъ поденномъ наймѣ колебанія заработной платы гораздо болѣе значительны: при наивысшемъ уровнѣ она нерѣдко поднимается до тѣхъ-же 50 к. въ день, что и въ Томскомъ районѣ. — но нерѣдко, особенно въ бѣдныхъ покосами мѣстностяхъ, падаетъ до 35 и даже 30 коп..

При распространенномъ въ Баимской волости помѣсячномъ наймѣ мужику-косцу платятъ: за календарный мѣсяцъ отъ 7 до 9 рублей, за рабочій (30 рабоч. дней)—отъ 12 до 14, рѣдко 15 р. въ мѣсяцъ (= 40 — 50 к. въ день). Въ Ишимской волости при подобномъ-же наймѣ платятъ отъ 10 до 12 рублей.

Издѣльный подесятинный наемъ существуетъ только въ Томскомъ районѣ. Плата въ этомъ случаѣ стоитъ на слѣдующемъ уровнѣ:

На арендуемыхъ горожанами лугахъ за одну косьбу 2 р. съ дес., на содерж. за косьбу съ уборкой 4 р. 50 к.—5 р. „ „ рабочихъ.

Въ прирѣчныхъ селеніяхъ Нелюбинск. волости:

за одну косьбу . . . . . 2 р. съ десятины, на хозяйскихъ
за косьбу съ уборкой . . . . 4 „ „ „ харчахъ.

Другой видъ издѣльнаго найма на сѣнокосныя работы -посотенный наемъ — въ Томскомъ районѣ довольно мало распространенъ; „посотенныя“ цѣны въ этомъ районѣ подвержены — въ зависимости главнымъ образомъ отъ свойства сѣнокосныхъ угодій и размѣра потребной на заготовку сѣна затраты труда—довольно широкимъ колебаніямъ, поднимаясь съ одной стороны до 12—13 и до 15 рублей и падая съ другой стороны до 7—8 рублей,—все это на содержаніи нанимателей. Въ Чулымскомъ районѣ,—гдѣ посотенный наемъ гораздо болѣе распространенъ, цѣны гораздо ниже: обычная плата не превышаетъ 7—8 рублей на продовольствіи нанимателя и 10—11 рублей на собственномъ содержаніи нанимающагося.

Въ тѣхъ сравнительно очень рѣдкихъ случаяхъ поденнаго найма на *жатье*, которые намъ пришлось зарегистрировать въ *Томскомъ* районѣ, поденная плата не падала ниже 50 к., но и не поднималась выше 60 к.; въ *Чулымскомъ* районѣ поденная плата въ жатвенное время подвержена довольно рѣзкимъ колебаніямъ: въ Ишимской волости она нерѣдко падаетъ до 40 и даже 35 к., въ Баимской и Зыряпской волостяхъ—не опускается ниже 45—50 к., часто поднимается до 60, а при исключительно хорошихъ урожаяхъ хлѣбовъ и „дружной“ страдѣ—иногда и до 80 копѣекъ; по Почитанской волости свѣдѣній о размѣрахъ поденной платы у насъ не имѣется, но едва-ли эта плата здѣсь ниже, нежели въ двухъ другихъ волостяхъ Маріинскаго округа.

При задѣльномъ подесятинномъ наймѣ въ волостяхъ *Томскаго* района плата за десятину не падаетъ ниже 5 рублей и, сколько намъ извѣстно, не поднимается выше 7 рублей за десятину. При „посотенномъ“ наймѣ съ сотни нажатыхъ сноповъ платятъ:

за рожь въ ближайшихъ къ Томску мѣстностяхъ	55—60 к.
„ „ „ болѣе отдаленныхъ „	50—55 „
„ „ при очень рѣдкомъ и спутанномъ хлѣбѣ.	до 65 „
за яровые	35—40 и до 45 к.

За полную уборку десятины овса косою здѣсь платятъ 3 р. 50 к., за одну косьбу безъ увязки въ снопы—отъ 1 р. 80 к. до 2 р. съ десятины. Въ *Чулымскомъ* районѣ цѣна за уборку десятины серпомъ только въ худшихъ мѣстностяхъ (худшая часть Ишимской и Баимская волость) и только при самыхъ плохихъ урожаяхъ падаетъ до 4 рублей; въ другихъ частяхъ этого района она, какъ и въ Томскомъ районѣ, не опускается ниже 5 рублей, а при очень хорошихъ урожаяхъ поднимается до 6, очень рѣдко—до 7 и 8 рублей. При наймѣ „на хлѣбъ“

колебанія размѣровъ подесятинной платы гораздо больше, что очевидно является результатомъ обратныхъ размѣрамъ урожаевъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ; а именно, подесятинная плата въ этомъ случаѣ опредѣляется слѣдующими нормами:

низшая плата (только въ 1870 и 1890 г.)	— 11 — 12	пудовъ ржи.
средняя „ „ „ „ „ „	15 — 17	„ „
при хорошихъ урожаяхъ „ „ „	20 — 22	„ „
наивысшая плата „ „ „	25 и до 30	„ „

во предѣловъ, указанныхъ въ двухъ послѣднихъ строкахъ, плата достигаетъ только въ мѣстностяхъ съ болѣе высокою урожайностью пахатныхъ земель. При уборкѣ ярового хлѣба косою за работу косца платятъ 1 р. 50 к. — 1 р. 80 к., рѣдко 2 р. съ десятины,—за уборку съ увязкой въ снопы — обыкновенно 3 р., — все на содержаніи нанимателя.

И въ лѣтнее время, хотя и значительно рѣже, нежели зимой, въ Чулымскомъ районѣ бываютъ случаи найма работниковъ для извоза: по имѣющимся въ нашихъ матеріалахъ даннымъ, плата въ этомъ случаѣ, при полномъ содержаніи нанимателя, поднимается въ Почитанской волости до 12—15 руб., въ Баимской — до 10—11 р. въ мѣсяцъ.

Мы должны теперь перейти къ вопросу о размѣрахъ заработной платы при срочномъ наймѣ. Къ сожалѣнію заключающіяся въ нашихъ матеріалахъ данныя по этому вопросу представляются очень скудными; въ частности у насъ почти совершенно нѣтъ данныхъ о размѣрахъ платы при наймѣ на сроки меньшіе года; мы можемъ установить только примѣрное отношеніе размѣра платы въ этомъ случаѣ къ платѣ при годовомъ наймѣ: мы знаемъ именно, что плата при наймѣ на зимній срокъ (съ Покрова до Пасхи) бываетъ среднимъ числомъ немного (на 5—10 р.) выше, плата при наймѣ на остальную часть года — примѣрно равна половинѣ обычной для каждой данной мѣстности годовой платы, и такимъ образомъ работникъ, нанимающійся на сроки меньшіе года, въ теченіе годового періода зарабатываетъ нѣсколько болѣе, нежели при наймѣ „въ обломъ“, на годовой срокъ.

Обращаясь затѣмъ къ платѣ при годовомъ наймѣ, мы находимъ существенное отступленіе отъ закономѣрности, наблюдавшейся нами по отношенію къ платѣ при всѣхъ другихъ видахъ наема: мы именно не находимъ превышенія размѣровъ платы годовымъ работникамъ для Томскаго района надъ размѣрами годовой платы въ Чулымскомъ районѣ. И если мы обратимся къ приведеннымъ въ предыдущемъ § даннымъ о соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ наемнаго труда, то най-

демъ для этого отступленія весьма простое объясненіе: дѣло въ томъ, что превышеніе спроса на рабочія руки надъ мѣстнымъ предложеніемъ ихъ, констатированное нами для Томскаго района, по отношенію къ срочному, и въ частности — годовому найму наблюдается въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели по отношенію къ другимъ видамъ найма; для цѣлаго ряда мѣстностей превышеніе это падаетъ до совершенно ничтожной величины, а для сѣверныхъ половинъ Спасской и Семилужной волостей оно замѣняется обратнымъ соотношеніемъ, — недостатокъ въ срочныхъ работникахъ смѣняется даже избыткомъ ихъ.

Обращаясь затѣмъ къ самимъ даннымъ о размѣрахъ годовой платы, мы находимъ, что плата эта для полнаго работника колеблется въ разныхъ мѣстностяхъ Томскаго района между 45—50 и 60 рублями; болѣе высокій въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ уровень годовой платы обусловливается либо близостью ихъ къ городу, либо болѣе значительнымъ развитіемъ извознаго промысла. Въ „забошныхъ“ мѣстностяхъ Чулымскаго района годовая плата, вообще говоря, не поднимается до высшей изъ приведенныхъ цифръ: 60 рублей въ годъ платятъ только лучшимъ работникамъ, — лучшимъ какъ по своей трудоспособности, такъ и по степени заслуживаемаго ими довѣрія, — такимъ работникамъ, „которые за хозяина править могутъ“; для средняго работника годовая плата колеблется между 40 и 50 рублями, причемъ за нормальную можно, повидимому, принять эту послѣднюю цифру. Въ трактовыхъ селеніяхъ, гдѣ благодаря, съ одной стороны, изобилію очень крупныхъ хозяйствъ, а съ другой —, благодаря развитію ямщины и вообще „большедорожныхъ“ заработковъ, спросъ на рабочія руки вообще и на срочныхъ работниковъ въ частности весьма великъ, годовая плата поднимается выше, нежели въ какомъ-либо другомъ разрядѣ селеній изслѣдованнаго края: средній уровень годовой платы обыкновеннаго работника здѣсь не ниже 60 рублей; хорошій „хозяйственный“ работникъ получаетъ отъ 70 до 80 рублей, работникъ, служащій по почтовой гоньбѣ — до 80 и 90 рублей въ годъ.

Какіе-же, спрашивается, выводы можно сдѣлать изъ приведенныхъ нами по вопросу о размѣрахъ заработной платы данныхъ? — Выводы эти въ общихъ чертахъ совпадутъ съ тѣми, которые мы могли сдѣлать на основаніи соотвѣтствующихъ данныхъ по Туринскому округу Тобольской губерніи. Какъ для этого округа, такъ и для описываемаго нами въ настоящее время края, мы можемъ констатировать весьма малую зависимость размѣровъ заработной платы, даже при чисто земледѣльческой наймѣ, отъ размѣровъ запашекъ, качества и производительности пахатныхъ земель; въ отличіе-поставленной въ этомъ отношеніи

Зырянской волости заработная плата гораздо ниже, нежели въ обладающихъ очень плохими пашнями сѣверной части Семилужной и восточной части Баимской волости, въ этой послѣдней — на одномъ уровнѣ съ черноземными мѣстностями Почитанской волости, и т. д.; основныя различія въ размѣрахъ заработной платы опредѣляются прежде всего степенью близости каждой данной мѣстности къ г. Томску и къ большому Сибирскому тракту: чѣмъ лучше выраженъ пригородный или трактовый характеръ какой-либо мѣстности, тѣмъ — независимо отъ размѣра запашекъ и качества пашень — выше въ ней размѣры заработной платы; чѣмъ мѣстность дальше отъ города и отъ тракта, тѣмъ заработная плата ниже, и только болѣе мелкія различія въ размѣрахъ заработной платы, при равныхъ въ смыслѣ близости къ городу или тракту условіяхъ, опредѣляются степенью плодородія пахатныхъ земель. — Исключеніе составляетъ только время уборки хлѣбовъ: въ это время, съ одной стороны, большая часть неземледѣльческихъ заработковъ сокращается, съ другой — спѣшность уборки вызываетъ большой спросъ на жнецовъ, — и соотвѣтственно этому размѣры платы въ это время стоятъ внѣ зависимости отъ мѣстоположенія той или другой мѣстности и зависятъ только отъ размѣровъ урожая хлѣбовъ. — Другой важный выводъ мы получимъ, сравнивая данныя о размѣрахъ заработной платы въ изслѣдованномъ краѣ съ соотвѣтственными данными по южнымъ, степнымъ округамъ Тобольской губерніи и въ частности — по Ишимскому. Приведемъ для сравненія въ нижеслѣдующей табличкѣ данныя о размѣрахъ заработной платы при важнѣйшихъ видахъ найма въ Ишимскомъ округѣ и въ изслѣдованномъ краѣ:

	Ишимскій округъ.		Изслѣдованный край		
			Пригородн. районъ.	Чулымскій районъ.	
	I районъ.	IV районъ.		трактов. селенія.	«заболот.» селенія.
Жать десятину. . .	3—8 и до 12 р.	2—4 р.	5—7 р.	5—8 р.	4—7 р.
» поденно мужч.	20—70 к.	15—35 к.	50—60 к.	40—80 к.	
Косить » » .	25—50 к.		50—60 к.	40—50 к.	35—50 к.
Молотить « » .	10—20 к.	5—15 к.	20—25 к.	20—25 к.	17—20 к.
» съ овина .	5—8 к.	5 к.	—	10—12 к.	5—7 к.
» помѣсячно.	2—6 р.	2—4 р.	4—7 р.	5—6 р.	4 р.
Весной поденно мужч.	—	10—15 к.	33—50 к.	17—33 к.	17—33 к.
Годовому работнику .	30—60 р.	20—40 р.	45—60 р.	ср. 60 р.	40—50 р.

Обращаясь сначала къ цифрамъ, относящимся къ Ишимскому округу, мы замѣчаемъ прежде всего, что размѣры заработной платы для каждаго отдѣльнаго вида найма подвержены, въ зависимости отъ урожая хлѣбовъ, чрезвычайно широкимъ колебаніямъ (maximum превышаетъ minimum въ 2, 3 и въ 4 раза); вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдная часть населенія Ишимскаго округа находитъ въ хозяйствахъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ удовлетворительный заработокъ только въ теченіе весьма малой части хозяйственнаго года: заработная плата болѣе или менѣе высока здѣсь только въ теченіе короткаго, менѣе чѣмъ трехмѣсячнаго періода сѣнокоса и уборки хлѣбовъ, когда она поднимается иногда до очень высокихъ, явно убыточныхъ для нанимателей размѣровъ, но при худыхъ урожаяхъ она даже и въ это время бываетъ иногда очень низка. Затѣмъ еще въ теченіе всей весны и первой половины лѣта заработная плата стоитъ на очень низкомъ уровнѣ, поднимаясь въ лучшихъ частяхъ округа не выше 15—20, въ худшихъ—10—15 копѣекъ въ день; зимой поденная плата падаетъ еще ниже—до 10 копѣекъ, и только въ лучшихъ мѣстностяхъ округа при хорошихъ урожаяхъ поднимается до 15 коп.. Совсѣмъ другую картину представляютъ собою изслѣдованныя мѣстности Томской губерніи: прежде всего весьма незначительны здѣсь размѣры колебаній заработной платы въ зависимости отъ урожаевъ: maximum заработной платы превышаетъ minimum на $^1/_{10}$, $^1/_4$, $^1/_2$, и только при поденномъ наймѣ весною колебанія заработной платы болѣе значительны; съ другой стороны заработная плата зимой и весной никогда не падаетъ такъ низко, какъ въ Ишимскомъ округѣ: хотя она и значительно ниже, нежели въ страдное время, но все-же значительно выше, нежели въ Ишимскомъ округѣ, и способна давать бѣдному классу населенія вполнѣ удовлетворительный заработокъ. Объясненіе очень просто: въ Ишимскомъ округѣ бѣдный крестьянинъ ничего не имѣетъ предъ собою, кромѣ наемнаго земледѣльческаго труда, и потому зимою, весною и осенью, когда спросъ на этотъ послѣдній незначителенъ, цѣна его падаетъ до чрезвычайно низкаго уровня. Изслѣдованный край поставленъ въ совсѣмъ иныя условія: не говоря уже о Томскомъ районѣ, гдѣ земледѣліе играетъ лишь второстепенную роль, а главными источниками благосостоянія являются разные заработки, доходъ отъ которыхъ получается главнымъ образомъ осенью и зимой (продажа сѣна, дровъ, кустарн. промыслы),—и въ Чулымскомъ районѣ трактъ и извозный промыселъ доставляютъ крестьянамъ существенный подсобный заработокъ; въ то время года, поэтому, когда незначительность спроса на земледѣльческій наемный трудъ вызываетъ паденіе заработной платы, значительная часть рабочихъ рукъ обращается къ тѣмъ или другимъ промысламъ, и являющееся отсюда сокращеніе пред-

ложенія земледѣльческаго наемнаго труда задерживаетъ пониженіе заработной платы и поддерживаетъ послѣднюю на болѣе или менѣе высокомъ уровнѣ. Съ наступленіемъ страднаго времени руки эти освобождаются, предложеніе земледѣльческаго труда увеличивается, и потому заработная плата въ это время не поднимается до особенно высокихъ размѣровъ.

До сихъ поръ мы говорили объ условіяхъ вознагражденія за трудъ исключительно при наймѣ „наручьё"—на наличныя деньги, т. е. съ уплатой вознагражденія за работу тотчасъ по ея исполненіи, а отчасти—и при такомъ наймѣ въ кредитъ, когда уплата вознагражденія производится по прошествіи нѣкотораго времени послѣ исполненія работы, и слѣдовательно наниматель становится въ роль должника, нанимающійся — въ роль кредитора (наемъ „на хлѣбъ"!). Между тѣмъ въ изслѣдованномъ краѣ—по крайней мѣрѣ въ одномъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ его районовъ—одною изъ наиболѣе распространенныхъ формъ кредита, какъ и въ Пишимскомъ округѣ, является „*задача подъ работу*". „Задаютъ" подъ работу обыкновенно ранней весной, когда бѣдняки нуждаются въ деньгахъ для уплаты податей за первое полугодіе, или когда у нихъ обнаруживается недостатокъ въ хлѣбѣ на продовольствіе или въ яровыхъ сѣменахъ. Сущность этой сдѣлки заключается въ томъ, что кредиторъ, ссужая деньги, выговариваетъ себѣ уплату послѣднихъ не деньгами-же, а тою или другою работой, причемъ эта послѣдняя принимается въ счетъ уплаты долга по извѣстной, заранѣе условленной цѣнѣ, которая, конечно, бываетъ ниже существующихъ при наймѣ на наличныя деньги среднихъ цѣнъ. Сдѣлка эта, такимъ образомъ, имѣетъ смѣшанный характеръ, являясь съ одной стороны кредитною сдѣлкой, съ другой—особою формою найма рабочихъ. Изъ тѣхъ четырехъ видовъ „задачи подъ работу", съ какими мы познакомились при изслѣдованіи Пишимскаго округа *), въ Чулымскомъ, земледѣльческомъ районѣ изслѣдованнаго края употребительны три: задача „въ копны" (чаще говорятъ „въ сотни"—100 копенъ), когда должникъ обязуется лѣтомъ заготовить въ погашеніе своего долга опредѣленное количество сѣна (этого рода сдѣлки иногда сливаются съ арендой покосовъ); „задача въ десятины", когда занимающій деньги обязуется выжать извѣстное количество десятинъ, и „задача въ дни", когда онъ обязуется отработать долгъ поденною работой въ страдное или сѣнокосное время. Въ Томскомъ районѣ изъ этихъ трехъ видовъ сравнительно чаще встрѣчается „задача въ дни"; случаи „задачи въ сотни" бываютъ здѣсь очень рѣдко, „задача въ десятины" вовсе не встрѣчается, но за то сравни-

*) См. «Матеріалы», вып. III, стр. 451—452.

тельно часты здѣсь случаи „задачи въ дрова“, когда должникъ въ счетъ уплаты долга занимается за опредѣленную посаженную плату рубкою дровъ. — Что̀ касается до степени распространенности „задашнаго“ найма вообще, то нѣкоторое понятіе объ этомъ могутъ дать нижеслѣдующія извлеченныя изъ таблицъ предыдущаго § цифры:

МѢСТНОСТИ (въ скобкахъ число селеній).	Число дворовъ		% общаго числа дворовъ въ переписанныхъ селеніяхъ.	
	«задающихъ» подъ работу.	«забирающихъ» подъ работу.	«задающихъ» подъ работу.	«забирающихъ» подъ работу.
Нелюбинская волость (6)	6	11	1,9	3,4
Спасская » (6)	4	14	1,4	5,1
Семилужная » (5)	6	17	2,8	7,5
Итого по 17 сел. Томскаго района . .	16	42	1,9	5,0
Семилужная волость, (вост. окраина) (1).	14	23	13,7	22,5
Ишимская волость: южная половина (3)	27	69	10,3	26,1
Ишимская волость: сѣверная » (5)	51	98	13,8	26,6
Ишимская волость: Итого (8)	78	167	12,9	26,4
Почитанская волость (5)	63	124	16,8	32,9
Зырянская волость (2)	33	50	21,8	32,7
Баимская волость: внѣтрактовыя селенія (2) . .	15	31	10,6	21,7
Баимская волость: трактовое » (1) . .	8	17	8,2	17,5
Баимская волость: Итого (3)	23	48	9,6	20,0
Всего по 19 сел. Чулымскаго района .	211	412	14,0	27,4

Уже эти цифры сами по себѣ показываютъ, что „задашный“ наемъ въ волостяхъ Чулымскаго района во много разъ болѣе развитъ, нежели въ Томскомъ: въ послѣднемъ „забираются“ подъ работу всего

$^1/_{20}$, въ первомъ—болѣе $^1/_4$ общаго числа дворовъ; число дворовъ, „задающихъ“ подъ работу, въ Чулымскомъ районѣ, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, въ семь разъ больше, нежели въ Томскомъ. Если къ этому прибавить, что и самые размѣры „забора“ каждаго отдѣльнаго двора въ Чулымскомъ районѣ, вообще говоря, гораздо больше, нежели въ пригородныхъ волостяхъ, то ясно станетъ, что „заданный“ наемъ въ этихъ послѣднихъ играетъ въ общемъ совершенно ничтожную роль, въ Чулымскомъ же районѣ, напротивъ, имѣетъ весьма существенное значеніе. Такой выводъ вполнѣ подтверждается и данными поселенныхъ опросовъ, изъ которыхъ явствуетъ, что во многихъ мѣстностяхъ Томскаго района „задача“ подъ работу вовсе не практикуется, въ остальныхъ—она захватываетъ лишь ничтожное число дворовъ и происходитъ въ небольшихъ размѣрахъ; въ Чулымскомъ, напротивъ, весьма значительная, а мѣстами и большая часть лѣтней работы производится въ отработку долговъ, и въ „заданныхъ“ сдѣлкахъ съ той или другой стороны участвуетъ треть, половина общаго числа дворовъ, а иногда и болѣе. Если затѣмъ обратиться къ вопросу о причинахъ такого различія между двумя районами, то этой причины надо будетъ искать прежде всего въ малой въ Томскомъ районѣ потребности въ земледѣльческомъ наймѣ вообще, являющейся результатомъ ничтожнаго размѣра запашекъ, а затѣмъ и главнымъ образомъ — въ пригородно-промысловомъ по преимуществу характерѣ этого района: заработки, составляющіе основаніе благосостоянія населенія, распредѣляются здѣсь болѣе или менѣе равномѣрно на весь годъ или даже по преимуществу сосредоточиваются на зиму; поэтому пригородный крестьянинъ въ теченіе цѣлаго года можетъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, обходиться текущимъ заработкомъ, не прибѣгая къ кредиту; если-же таковой понадобился, то онъ можетъ кредитоваться не только подъ лѣтнюю работу, но и подъ продукты своихъ промысловыхъ занятій и т. д.. Въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ Чулымскаго района, напротивъ, главная масса возможнаго для бѣднаго крестьянина заработка сосредоточивается на лѣто: если такой крестьянинъ не нанялся въ извозъ, онъ не находитъ себѣ другого заработка, кромѣ очень плохо оплачиваемой въ такихъ мѣстностяхъ молотьбы, и потому значительную часть зимы долженъ жить за счетъ будущей лѣтней работы; въ трактовыхъ селеніяхъ Чулымскаго района трактъ въ продолженіе зимы даетъ много случаевъ „заработать копѣйку“, да и самый зимній земледѣльческій трудъ оплачивается лучше,—а потому и къ „забору“ подъ лѣтнюю работу прибѣгаютъ, вообще говоря, въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ „забошныхъ“ мѣстностяхъ.

Сказанное не можетъ, разумѣется, не вліять и на размѣры оплаты

„задашнаго“ труда, и въ частности — той сбавки съ существующихъ при наймѣ „наручьё“ (на наличныя) цѣнъ, которая замѣняетъ ростъ на занятыя деньги. Въ Томскомъ районѣ спросъ на кредитъ подъ страдную работу очень не великъ, а потому и цѣна заемнаго капитала— ростъ — не поднимается высоко: „задашная“ цѣна поденной страдной работы не падаетъ здѣсь ниже 40—45 копѣекъ, за заготовку дровъ платятъ 35—40 к. съ саженп, — сбавка равна среднимъ числомъ 10 копѣйкамъ или, примѣрно за полугодичный кредитъ, 20% на занятый капиталъ. Въ Чулымскомъ районѣ, напротивъ, предложеніе „задашнаго“ труда (слѣд. спросъ на кредитъ) очень значительно, а потому, естественно, ростъ — очень великъ и оплата труда очень низка; при „задашномъ“ наймѣ именно платятъ обыкновенно:

за поденную работу въ страду .	30 к., иногда и 25 к.	на хоз. харч.
за подесятинную уборку хлѣба .	3 р., очень рѣдко 4 р.	„
или отъ .	9 до 11—12 пудовъ ржи.	„
за заготовку сотни копенъ сѣна .	6 р., рѣже 5 р.	на собств. содерж.
или . .	4 р.	на хоз. харч.

Сбавка съ обычной при наймѣ „наручье“ цѣны — слѣд. ростъ —, примѣрно за полугодичный кредитъ, равна:

на рабочій день . .	20—25 к.=66—100 %	или 132—200 % годов.
на выжатую десятину	2—3 р.=66—100 %	или 132—200 % „
на сотню копенъ сѣна	4—5 р.=66— 83 %	или 132—166 % „

Не можемъ однако не упомянуть здѣсь-же о томъ, что бываютъ случаи, когда задающіе подъ работу не дѣлаютъ сбавокъ съ платы, а разсчитываютъ „почемъ люди работать будутъ“, слѣдовательно не пользуются ростомъ на даваемыя взаймы деньги. Единичные зажиточные хозяева, разсчитывающіе, какъ выражаются крестьяне, „по совѣсти“ и при „задачѣ“ денегъ имѣющіе въ виду либо помочь нуждающимся, либо обезпечить себя руками на лѣто, попадаются вездѣ; особаго упоминанія заслуживаетъ только д. Емельяновка (Ишимск. вол.) гдѣ оплата полностью работы должниковъ является общимъ, не знающимъ исключенія правиломъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о значеніи наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ изслѣдованнаго края, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о значеніи его, какъ самостоятельнаго источника благосостоянія работающей по найму части населенія.

Какъ въ чисто-земледѣльческихъ, „забошныхъ“ мѣстностяхъ Чу-

лымскаго района такъ и въ особенности въ Томскомъ районѣ, наемный трудъ является основнымъ источникомъ благосостоянія только для весьма ничтожной части населенія, и именно попреимуществу для одиночекъ или малосемейныхъ крестьянъ, постоянно живущихъ въ срочномъ наймѣ. Для огромной массы бѣднаго населенія наемный трудъ является подсобнымъ заработкомъ: въ Томскомъ районѣ — при тѣхъ или другихъ промыслахъ, въ Чулымскомъ—при собственной запашкѣ: дворовъ, для которыхъ основнымъ источникомъ благосостоянія служилъ-бы поденный и задѣльный наемъ, можно сказать, совершенно нѣтъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ трактовыхъ селеніяхъ: здѣсь огромный спросъ на трудъ, который исходитъ со стороны многочисленныхъ богачей, засѣвающихъ по многу десятковъ, а то и по сотнѣ десятинъ, спросъ, притомъ, продолжающійся въ теченіе цѣлаго года, вызвалъ появленіе особаго довольно многочисленнаго класса населенія—именно дворовъ, которые, вовсе не имѣя собственной запашки и въ то-же время не отпуская никого изъ своихъ членовъ въ срочный наемъ, живутъ исключительно издѣльнымъ, поденнымъ, понедѣльнымъ наймомъ на земледѣльческія заботы, а также наймомъ въ извозъ. Классъ этотъ возникъ въ то время, когда, какъ было обстоятельнѣе показано въ I томѣ *), дешевыя хлѣбныя цѣны въ связи съ высокою заработною платою способствовали развитію весьма крупныхъ хозяйствъ и полному упадку среднихъ и мелкихъ,—когда бѣдняку, вынужденному продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, выгоднѣе было бросить запашку и зарабатывать нужные для существованія хлѣбъ и деньги наемнымъ трудомъ; въ то время хозяйства этой категоріи въ трактовыхъ селеніяхъ были весьма многочисленны. Въ настоящее время, когда цѣны на хлѣбъ въ общемъ значительно повысились, а заработная плата замѣтно упала, многіе изъ хозяевъ этой категоріи начали опять обзаводиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, и число дворовъ, живущихъ исключительно наймомъ, значительно сократилось. Тѣмъ не менѣе эта категорія еще и до сихъ поръ довольно многочисленна и упоминаніе объ ней необходимо для правильнаго пониманія экономическаго строя трактовыхъ селеній.

Размѣры заработка дворовъ, живущихъ исключительно наемнымъ трудомъ, разумѣется, весьма разнообразны въ зависимости и отъ общихъ экономическихъ условій даннаго года (урожая, цѣнъ и пр.), и отъ рабочей способности каждаго даннаго двора **), обусловливаемой

---

*) Стр. 302.

**) Приводимъ здѣсь нижеслѣдующіе два примѣра, извлеченные изъ разсчетной книги крестьянина д. Подъельничной Гр. С. Мейзерова,—примѣры замѣчательно высокой трудоспособности и значительнаго заработка:

въ свою очередь и числомъ состоящихъ въ немъ работниковъ, и числомъ дѣтей, и т. п. иногда чисто индивидуальными обстоятельствами. Но при средней рабочей способности и среднемъ потребительномъ составѣ семьи заработокъ при уборкѣ хлѣбовъ обезпечиваетъ продовольствіе такого двора хлѣбомъ въ теченіе цѣлаго года: „пара“— мужикъ съ бабой — можетъ выжать среднимъ числомъ $3^1/_2$—4 десятины, отъ. заработать, при среднихъ размѣрахъ заработной платы, отъ 50 до 70 пудовъ хлѣба, количество, достаточное для продовольствія въ теченіе круглаго года семьи въ 3—4 души,—а если члены двора и въ другое время года „работаютъ въ людяхъ“, то и гораздо болѣе многочисленной; осенью всѣ способные къ работѣ члены семьи нанимаются молотить попудно, и продолжаютъ работать до средины зимы, когда мужчины уходятъ, опять-таки по найму, въ извозъ; весной и въ началѣ лѣта заработки ничтожны и случайны, но въ іюлѣ наемъ на сѣнокосныя работы опять даетъ очень значительный заработокъ, такъ что въ общемъ не съющій дворъ, при благопріятномъ составѣ семьи, живетъ иногда лучше, чѣмъ могъ-бы жить, засѣвая доступную ему, при его экономической слабости, площадь въ 2—3 десятины.

1) Татаринъ д. Теплой рѣчки Вас. Каюповъ съ женой (бездѣтные):

вдвоемъ	выжали 6 дес.	30 р. — к. на хоз. харч.
	заготовили 550 коп. сѣна	32 » 50 » »
	городили стога (по 40 к. съ остожья).	2 » 50 » »
	съ 20-IX по 20-X заработали по мелочамъ	12 » — » »
	въ $2^1/_2$ зимнихъ мѣсяца обмолотили 2000 пуд. хлѣба.	70 » — » на своемъ содерж.
остальные 2 мѣсяца мужъ ходилъ въ извозъ . .		20 » — » на хоз. харч.
жена работала помѣсячно		7 » — » »
а весну вдвоемъ напилили 100 саж. дровъ . .		35 » — » на своемъ содерж.
Всего заработали вдвоемъ . .		209 рублей, не считая стоимости харчей, причемъ весь іюнь имѣли свободный.

2) Другой татаринъ, тоже съ женой, съ начала іюня до 20 сентября заработалъ:

въ іюнѣ мужъ работалъ поденно, всего 22 дня . . .	5 р. 50 к. на хоз. содерж.
вдвоемъ заготовили 500 копенъ сѣна	30 » — » »
за городьбу получили	2 » — » »
выжали 4 дес. 16(×50) саж.	25 » 60 » »
Всего за $3^1/_2$ мѣсяца заработали. . .	63 р. 10 к., не считая опять-таки стоимости харчей.

ГЛАВА VII.

ТЕХНИЧЕСКІЕ И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

§ 1. Механическая и химическая обработка дерева.

Въ § 5 главы I настоящаго изслѣдованія *), при общей характеристикѣ каждаго изъ тѣхъ двухъ районовъ, на которые мы распредѣлили изслѣдованный край, мы приводили уже данныя о территоріальномъ распредѣленіи промысловой дѣятельности населенія въ томъ изъ двухъ районовъ, въ которомъ промысловая дѣятельность играетъ болѣе существенную роль—именно въ Томскомъ, пригородномъ районѣ. Считая излишнимъ повторять здѣсь эти данныя, мы можемъ обратиться непосредственно къ описанію отдѣльныхъ промысловъ. Въ виду какъ цѣли настоящаго изслѣдованія, такъ и характера добытыхъ изслѣдователемъ матеріаловъ, описаніе это по необходимости будетъ нѣсколько односторонне: оно мало будетъ касаться техники различныхъ производствъ, а будетъ разсматривать послѣднія исключительно съ *экономической* точки зрѣнія: мы постараемся выяснить прежде всего, насколько цѣна, выручаемая крестьяниномъ за тотъ или другой продуктъ или за ту или другую работу при данномъ положеніи сбыта, можетъ оплатить затраченный имъ трудъ,—другими словами - является-ли данный промыселъ выгоднымъ или убыточнымъ; постараемся затѣмъ выяснить—насколько позволитъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, находится-ли каждый данный промыселъ въ фазисѣ процвѣтанія или въ упадкѣ, и въ послѣднемъ случаѣ—въ чемъ слѣдуетъ искать причину этого упадка.—Въ настоящемъ § мы дадимъ обзоръ тѣхъ производствъ, которыя сводятся къ такой или иной обработкѣ дерева, въ слѣдующемъ—тѣхъ немногочисленныхъ въ разсматриваемой мѣстности произ-

*) Матер., вып. XIV, стр. 67—81.

водствъ, которые оперируютъ съ другимъ матеріаломъ, кромѣ дерева, а также представимъ тѣ выводы, какіе окажется возможнымъ сдѣлать на основаніи этого обзора.

На первомъ мѣстѣ по количеству занятаго населенія надо поставить *санный* промыселъ—выдѣлку обозныхъ саней, т. е. саней простого крестьянскаго типа, но только достаточно прочныхъ и снабженныхъ „отводами", которые служатъ съ одной стороны для предупрежденія опрокидыванія саней, съ другой—для болѣе удобной укладки товара. Райономъ наибольшаго развитія саннаго промысла является *Нелюбинская* волость и въ частности — ея юго-западная окраина; болѣе всего занимаются этимъ промысломъ въ д. Губиной, В.-Сѣченовой, Лавровой, Рыбаловой, В.-Петровой, Карбышевой; во всѣхъ этихъ деревняхъ сани выдѣлываетъ почти поголовно все населеніе, и размѣры заготовокъ отдѣльныхъ дворовъ достигаютъ наибольшихъ размѣровъ; немногимъ менѣе развитъ санный промыселъ въ с. Нелюбиномъ, значительно менѣе—въ д. Березкиной, Нижне-Сѣченовой и с. Зоркальцевомъ: въ первыхъ двухъ селеніяхъ промысломъ занимается около половины домохозяевъ (изъ 60 дворовъ д. Березкиной 30 дворовъ съ заработкомъ въ 1182 р. т. е. по 39 р. на дворъ, въ с. Зоркальцевомъ изъ 52 дворовъ — 12 съ заработкомъ всего въ 234 рубля). Въ юго-восточной части волости санный промыселъ вовсе не существуетъ, въ сѣверной онъ существуетъ, и даже въ значительныхъ размѣрахъ, только въ небольшой д. Позднякової и въ ничтожныхъ размѣрахъ—въ д. Орловой.—Другимъ небольшимъ райономъ развитія саннаго промысла является сѣверная окраина *Баимской* волости; здѣсь выдѣлкой саней занимается большинство крестьянъ д. Тенгуловъ, до 20 дворовъ въ с. Благовѣщенскомъ и 11 дворовъ въ д. Богдановой, — но размѣры производства въ этихъ селеніяхъ значительно меньше, нежели въ Нелюбинской волости.

Потребный для выдѣлки саней лѣсной матеріалъ заготовляется въ непосредственной близости отъ селеній, въ растущихъ въ предѣлахъ крестьянскихъ дачъ лѣсахъ. Въ дачахъ нѣкоторыхъ селеній Нелюбинской волости — Рыбаловой, Петровой, Карбышевой, Н.-Сѣченовой, с. Зоркальцева—, однако, пригоднаго для заготовки полозьевъ березняка уже не осталось, и матеріалъ этого рода приходится покупать въ дачахъ другихъ селеній—Березкиной, Лавровой и др., съ платой вмѣстѣ съ вырубкою по 10 к. съ дерева (или пары полозьевъ).—Самое загибаніе полозьевъ производится весной, въ Маѣ или Іюнѣ; работа эта всегда дѣлается вдвоемъ; одиночки либо исполняютъ ее при содѣйствіи женщинъ, либо нанимаютъ поденщиковъ, платя имъ въ маѣ 25 — 30, позже—до 40 и 50 к. въ день. Работой этой никто не занимается исключительно, а всегда, каковъ-бы ни былъ составъ семьи, ею занимаются

между дѣломъ; самая бо́льшая заготовка саней не превышаетъ поэтому 100 паръ на семью. Дворы, изготовляющіе большее число саней, прикупаютъ готовыя полозья, платя за пару полозьевъ хорошаго качества отъ 40—50 к., плохого—по 25 копѣекъ.—Сборка саней производится въ теченіе зимы, по мѣрѣ продажи ранѣе собранныхъ саней. Въ большихъ семьяхъ одинъ изъ членовъ обыкновенно посвящаетъ этому дѣлу все свое время, а очень зажиточные дворы иногда держатъ для этого спеціальнаго работника; такой мастеръ-спеціалистъ обдѣлываетъ въ недѣлю саней лучшей отдѣлки 3, простой отдѣлки—до 5 штукъ; считая цѣнность рабочей недѣли, включая содержаніе, въ 2 р. 40 к. (1 р. 50 к. зар. плата и 90 к. харчи; мы беремъ высшую норму въ виду спеціальнаго характера работы), получимъ, что сборка саней перваго рода обойдется въ 80 копѣекъ, второго рода—около 50 копѣекъ. Работникъ-спеціалистъ выдѣлываетъ за зиму до 70—80 *хорошихъ* саней или хорошихъ пополамъ съ низкосортными; но большинство кустарей занимается санянымъ промысломъ не специально, а между дѣломъ; въ этомъ случаѣ работникъ за зиму можетъ обдѣлать:

въ составѣ довольно большой семьи („семейный“)	40—50 штукъ
„ „ одноработчаго двора („одинакій“)	20—30 „ .

Сани, выдѣлываемыя въ Нелюбинской волости, продаются исключительно въ Томскѣ; продажа ихъ производится на базарѣ, помимо какихъ-бы то ни было скупщиковъ и вообще посредниковъ; покупателями являются непосредственно потребители—обозные ямщики. Цѣны саней колеблются, въ зависимости отъ размѣровъ спроса, въ слѣдующихъ предѣлахъ:

для саней лучшей выдѣлки .	отъ 2 р. 50 к. до 3 р., рѣдко 2 р.
„ „ простой „ . .	„ 1 „ 50 „ „ 2 „ иногда 1 р. и ниже.

На наивысшемъ уровнѣ цѣны всегда стоятъ въ началѣ зимы, когда снаряжается въ путь главная масса обозовъ; затѣмъ онѣ постепенно падаютъ, и кустарь, не имѣющій возможности ждать до слѣдующей зимы, къ Февралѣ и Мартѣ продаетъ свой товаръ за безцѣнокъ. Характерная особенность рынка вытекаетъ далѣе изъ свойственной обознымъ ямщикамъ склонности къ щегольству сбруею и вообще „спастью“: самый дорогой—слѣдовательно лучше всего отдѣланный и снабженный рѣзьбою сортъ саней спрашивается всегда гораздо болѣе, нежели дешевый товаръ, и этотъ послѣдній чаще всего остается непроданнымъ. Обстоятельство это конечно вліяетъ и на самый характеръ производства: каждый кустарь стремится выдѣлывать, по возможности, сани высшаго сорта, а дешевыя дѣлаетъ только тогда, если не умѣетъ хорошо работать или не имѣетъ хорошихъ полозьевъ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о степени выгодности саннаго промысла, мы къ сожалѣнію не можемъ опереться на достаточно полныя данныя: относительно стоимости производства мы знаемъ именно только два, правда важнѣйшихъ элемента, а именно:

	для высшаго сорта	для низшаго сорта
стоимость полозьевъ . . .	50 к..	40 к. и менѣе
сборка и отдѣлка. . . .	80 „	50 „
Итого	1 р. 30 к..	90 к..
Средняя цѣна . .	2 „ 50 „	1 р. 50 „

Остатокъ—для дорогихъ саней въ 1 р. 20 к., для дешевыхъ—въ 60 к. на штуку—несомнѣнно съ значительнымъ излишкомъ покроетъ стоимость заготовки тѣхъ составныхъ частей, относительно которыхъ у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ (нащепы, копылья, вязья, отводы), а также стоимость провоза готоваго товара на рынокъ и падающую на каждыя сани ничтожную долю сборной пошлины, и слѣд. *весь затрачиваемый въ санномъ промыслѣ трудъ вполнѣ и даже съ избыткомъ оплачивается продажною цѣной.* Признаковъ упадка промысла не замѣчается, и ожидать такого упадка, пока существуетъ обозное движеніе, нѣтъ основанія.

Производство *тельжныхъ „одровъ"* (кузововъ особой формы, широкихъ спереди и узкихъ сзади, обрѣшеченныхъ сосновыми дранками) существуетъ только въ нѣсколькихъ селеніяхъ юго-западной части Нелюбинской волости и кромѣ того въ ничтожныхъ размѣрахъ — въ д. Аркашовой, Семлужной волости (всего 8 дворовъ съ заработкомъ въ 240 р., въ среднемъ на дворъ 30 р.). Въ Нелюбинской волости сравнительно бо́льшихъ размѣровъ этотъ промыселъ достигаетъ въ д. Рыбаловой, В.-Петровой и Карбышевой; въ этихъ селеніяхъ „одры" дѣлаетъ большинство населенія и извлекаетъ изъ этого промысла довольно значительный, хотя и меньшій, нежели отъ саннаго промысла, заработокъ; довольно много занимаются выдѣлкой „одровъ" и въ селѣ Нелюбинскомъ, значительно меньше—въ д. Березкиной и двухъ Сѣченовыхъ; въ первой заготовкою „одровъ" занимается всего 13 дворовъ, которые въ 1890 г. заработали всего 296 р. (въ среднемъ по 23 рубля на дворъ); въ Нижне-Сѣченовой „одры" выдѣлываетъ всего 10 дворовъ, въ д. Верхне-Сѣченовой, какъ мы знаемъ изъ общественной раскладки, въ 1890 г. было изготовлено всего 160 штукъ на сумму около 300 рублей.

Матеріаломъ для этого промысла служитъ березовый лѣсъ, для обрѣшетки—сосновыя дранки: первый заготовляется исключительно въ собственныхъ дачахъ селеній, гдѣ существуетъ промыселъ, вторыя —

въ борахъ вблизи южной границы Нелюбинской волости. Пошлина за матеріалъ уплачивается по „лѣтнимъ“ сборнымъ билетамъ, отдѣльнымъ отъ билетовъ на заготовку дровъ, полозьевъ къ саняхъ и т. п.; сколько можно судить по примѣру д. В.-Сѣченовой, пошлина составляетъ не болѣе 6—7 копѣекъ на каждый кузовъ (10 рублей на 160 шт. „отровъ“).

Заготовка „одровъ“—промыселъ исключительно весенній и лѣтній: работать начинаютъ съ самой ранней весны — съ Великаго Поста, и продолжаютъ до средины Іюня, рѣже—до наступленія сѣнокоснаго времени, — всего, слѣдовательно, около 3, рѣдко 3½ мѣсяцевъ. За это время работникъ, если ему приходится и заготовлять матеріалъ, и производить сборку и отдѣлку „одровъ“, можетъ изготовить:

„одинакій“	до 10	штукъ
„отъ семьи“	„ 20	„ .

Если заготовка матеріала производится отдѣльнымъ лицомъ, то работникъ можетъ собрать и отдѣлать до 30 „одровъ“.

„Одры“, какъ и сани, продаются въ Томскѣ на базарѣ, помимо какихъ-либо посредниковъ, непосредственно обывшимъ жищикамъ. Цѣны бываютъ выше всего въ началѣ лѣта, когда снаряжаются первые лѣтніе обозы; въ это время „одры“ продаются по 2 р. 50 к. и 3 р. за штуку; въ это только время, по мнѣнію кустарей, работа выгодна; въ Іюнѣ цѣна падаетъ до 2 р., и тогда заготовку „одровъ“ прекращаютъ, а уже изготовленные и оставшіеся непроданными продаютъ сначала по этой цѣнѣ, къ осени же распродаютъ по 1 р. 50 к. и даже по 1 р. за штуку. Чтобы узнать среднюю, по крайней мѣрѣ для 1890 г. продажную цѣну „одровъ“, обращаемся къ подворнымъ описямъ и извлекаемъ изъ нихъ слѣдующія данныя:

кустарями д. Аркашовой	продано	110	одровъ	на сумму	240 р.,
д. Березкиной	„	155	„	„	296 „
	Всего	265	„	„	536 р.,

откуда средняя продажная цѣна „отра“ оказывается равною всего 2 р. 2 к.. Заработокъ работника въ семьѣ, изготовляющаго за весну около 20 штукъ „одровъ“ будетъ, за вычетомъ пошлины, около 39 рублей, т. е. около 13 рублей въ мѣсяцъ или 50 копѣекъ на рабочій день—плата, значительно превышающая для большей части рабочаго періода обычную заработную плату. — Несмотря на такую очевидную выгодность, разсматриваемый промыселъ однако имѣетъ лишь незначительные, какъ видно изъ предыдущаго, размѣры, и не можетъ достигнуть

бо́льшихъ въ виду малаго развитія лѣтняго обоза движенія: напротивъ неминуемый, по мѣрѣ развитія пароходства по Чулыму и Обь-Енисейскому каналу, дальнѣйшій упадокъ лѣтняго извоза неминуемо повлечетъ за собой и упадокъ промысла.

Въ д. Рубиной и Богдановой (Баимск. вол.) довольно развито изготовленіе *плетеныхъ коробовъ* для зимнихъ и лѣтнихъ экипажей; короба плетутся изъ черемуховыхъ прутьевъ, которые заготовляются въ тайгѣ, въ 15—20 верстахъ отъ селеній. Работникъ можетъ выплести изъ готоваго матеріала по одному коробу въ день, а за весь рабочій періодъ, оставивъ всякое другое занятіе, рабочій заготовляетъ до 50 коробовъ. Сбытъ коробовъ производится въ Маріинскѣ и въ трактовыхъ селеніяхъ, причемъ за зимніе короба платятъ по 50—60 к. за штуку.

Въ д. Аркашовой (Семилужн. вол.) существуетъ въ небольшихъ размѣрахъ выдѣлка *оголовковъ* къ саняхъ, которые продаются по 20—25 к. за штуку. Какъ показала подворная опись, этимъ промысломъ занимается всего 4 двора, которые въ 1890 г. заработали всего 155 р., или въ среднемъ по 39 рублей на дворъ. Болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ промыслѣ у насъ нѣтъ.

Производство *тельжныхъ осей* существуетъ—и то въ незначительныхъ размѣрахъ, въ роли второстепеннаго подспорнаго заработка — только въ с. Нелюбиномъ и д. Губиной (Нелюб. вол.). Оси дѣлаются изъ крупнаго березоваго лѣса, заготовляемаго въ крестьянскихъ дачахъ. На заднія оси идутъ 8 вершковыя деревья, на переднія—4 и 5 вершковыя деревья; изъ дерева выходитъ, смотря по степени его доброкачественности, отъ 2 до 10 осей. Оси продаются въ Томскѣ, но въ большинствѣ случаевъ — не непосредственно потребителямъ, а торговцамъ, которые употребляютъ ихъ на сборку телѣгъ и продаютъ послѣднія въ готовомъ видѣ обознымъ ямщикамъ. Обыкновенныя продажныя цѣны:

заднихъ осей 1 р. 50 к. за десятокъ
переднихъ „ 1 „ „ .

Колеснымъ производствомъ въ наиболѣе значительныхъ размѣрахъ занимаются въ д. Нижне-Шубиной и Лошкутовой, Спасской вол.; кромѣ того колеса выдѣлываются въ той-же волости въ д. Большанинной, Федосѣевой, Кучумовой-Еркиной, Вороновой; въ Нишинской волости—въ с. Судженскомъ, въ Баимской—въ с. Благовѣщенскомъ. Въ первомъ изъ названныхъ селеній колеснымъ мастерствомъ занимается большая часть дворовъ, во второмъ—почти поголовно все населеніе; изъ прочихъ селеній сравнительно болѣе многочисленны колесники въ с. Судженскомъ,

въ остальныхъ селеніяхъ ихъ насчитывается по нѣсколько въ каждомъ: попадаются колесники и въ другихъ, не перечисленныхъ здѣсь селеніяхъ, но они работаютъ здѣсь исключительно на мѣстный сбытъ и слѣдовательно имѣютъ характеръ не кустарей, а ремесленниковъ.

Колеса выдѣлываются изъ мѣстнаго матеріала, заготовляемаго въ крестьянскихъ дачахъ безпошлинно; хорошій мастеръ можетъ сдѣлать въ недѣлю до 2 „скатовъ“ — полныхъ комплектовъ колесъ; но такъ какъ всѣ колесники занимаются и земледѣліемъ и потому могутъ заниматься мастерствомъ только въ свободное отъ полевыхъ работъ время, то общая годовая выработка колесника никогда не превышаетъ 50 „скатовъ“.

По характеру сбыта надо отличать колесниковъ, проживающихъ въ селеніяхъ отдаленныхъ отъ города волостей, отъ колесниковъ Спасской волости. Первые работаютъ для крестьянъ ближайшей „округи“; сдѣлавъ извѣстное количество колесъ, такой колесникъ укладываетъ ихъ на телѣгу и развозитъ на продажу по деревнямъ; обыкновенная цѣна „ската“ колеблется между 2 р. 50 к. и 3 р., а „по нуждѣ“, особенно въ неурожайные годы, колеса отдаютъ и по 2 рубля за „скатъ“. Колесники Спасской волости работаютъ для городского рынка и по преимуществу — для обозныхъ телѣгъ. Базарная цѣна колесъ этого рода колеблется, смотря по отдѣлкѣ, зимой между 2 р. и 2 р. 50 к., лѣтомъ—между 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к. за „скатъ“. Но кустари въ большинствѣ случаевъ продаютъ колеса скупщикамъ; послѣдніе берутъ колеса небольшими партіями „на сватъ“ (безъ браковки по сортамъ) и платятъ въ этомъ случаѣ: зимой по 2 р., лѣтомъ по 2 р. 50 к. за скатъ. По показанію крестьянъ-кустарей барыши скупщиковъ не превышаютъ 30—40 копѣекъ на каждый скатъ.

Что касается затѣмъ до размѣра годового заработка кустаря-колесника, то онъ, конечно, подверженъ широкимъ колебаніямъ въ зависимости отъ размѣра выработки, но при обычномъ порядкѣ сбыта скупщикамъ не превышаетъ 110—120 р. на мастера.

Дужный промыселъ [*]) существуетъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ пригороднаго района, а именно: въ д. Луговой, выс. Кижировскомъ и д. Чернавщиковой, Нельобинской волости, въ с. Спасскомъ, Спасской вол.; въ Чулымскомъ районѣ — въ д. Калеулѣ (Почитанск. вол.) и Тенгулихъ (Зырянск. вол.). Относительно размѣровъ промысла въ трехъ изъ этихъ селеній мы извлекаемъ изъ подворныхъ описей изслѣдователя слѣдующія данныя:

---

*) Нѣкоторыя данныя, главн. обр. по исторіи дужнаго промысла, см. въ книгѣ «Алтай», П. А. Голубева, стр. 90—91.

	Общ. число дворовъ	Число дужниковъ	Общ. число сдѣланн. дугъ	Общая сумма заработка
въ д. Луговой	44	14	2450	1237 р.
„ „ Чернильщиковой	60	21	3365	1322 „
„ „ Калеулѣ	43	7	2150	640 „

Затѣмъ въ каждомъ изъ остальныхъ поименованныхъ селеній дужнымъ промысломъ занимаются до половины общаго числа дворовъ.

Дуги гнутся изъ ивняка, растущаго въ поймахъ р. Томи и Кія. Дужники Нелюбинской волости, а также названныхъ выше селеній Чулымскаго района заготовляютъ ивнякъ либо внутри крестьянскихъ дачъ, либо, хотя и вблизи отъ своего мѣста жительства, но въ дачахъ постороннаго владѣнія; именно Нелюбинскіе дужники, заготовляя плохой ивнякъ въ своей дачѣ, хорошій покупаютъ въ Монастырской дачѣ въ устьѣ Томи, платя по 7—8 р. за сотню деревъ. Спасскіе дужники, напротивъ, вынуждены ѣздить за ивнякомъ на верховья Томи, въ Кузнецкій округъ; заготовка ивняка въ этомъ случаѣ производится зимой, по послѣднему пути; для сплава отправляются небольшими артелями (по 2—3 чел. въ каждой) въ концѣ Іюля; поѣздка продолжается отъ $1^1/_2$ до 2 мѣсяцевъ. Различіе это не остается безъ вліянія на общій характеръ дужнаго промысла: гдѣ матеріалъ заготовляется по близости и заготовка его не сопряжена съ большими потерями времени, тамъ дужники представляютъ собой самую зажиточную, „коренную“ часть населенія, и промыселъ этотъ служитъ только къ повышенію общаго уровня благосостоянія. Въ с. Спасскомъ, гдѣ поѣздки за ивнякомъ отнимаютъ почти все сѣнокосное время, дужнымъ промысломъ занимаются только самые многорабочіе или бѣдные скотомъ дворы, и промыселъ этотъ, сокращая размѣры заготовокъ сѣна, несомнѣнно вредно отражаются на общемъ уровнѣ благосостоянія населенія.

Какъ загибаніе дугъ, такъ и дальнѣйшая отдѣлка ихъ производится зимой, и дужники начиная съ осени и до Святой посвящаютъ этому занятію все свое время. Одни изъ нихъ, притомъ, ограничиваются загибаніемъ и очисткою дугъ отъ коры и продаютъ ихъ въ городѣ безъ всякой дальнѣйшей отдѣлки; другіе, загнувъ и очистивъ дугу отъ коры, отдаютъ ее особому мастеру, который за поштучную плату вырѣзываетъ на ней узоры; но большинство исполнятъ дуги болѣе высокихъ сортовъ, съ рѣзьбою, причемъ рѣзьбу эту исполняютъ сами; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дужникъ-спеціалистъ „отъ семьи“ заготовляетъ до 200 и 300 штукъ въ годъ. Но обыкновенные размѣры промысла бываютъ меньше этихъ предѣльныхъ величинъ; изъ помѣщенныхъ выше цифръ средній годовой размѣръ выработки оказывается:

въ д. Луговой	175	штукъ на дворъ
„ Чернильщиковой . .	160	„ „ „
„ Калеулѣ	307	„ „ „ .

Дуги, изготовляемыя въ селеніяхъ Калеулѣ и Тенгулахъ, продаются въ Маріинскѣ и ближайшихъ трактовыхъ селеніяхъ: изготовляемыя въ селеніяхъ Томскаго района продаются въ Томскѣ скупщикамъ, которые отправляютъ бо́льшую часть ихъ на продажу „на линію“—въ Семипалатинскую область; при-Томскіе жители лишь неохотно покупаютъ дуги мѣстнаго издѣлія, а предпочитаютъ болѣе доброкачественныя привозныя, такъ называемыя „харьковскія“ дуги. Дуги мѣстнаго издѣлія продаются кустарями по слѣдующимъ цѣнамъ:

простыя (безъ рѣзьбы)	по 25—30 р. за сотню
съ рѣзьбой третьяго сорта . . .	„ 25—30 „ „
„ „ второго „	„ 50—60 „ „
„ „ перваго „ . .	по 1 р. 50 к.—2 р. за штуку.

Скупщики, забирая дуги по этимъ цѣнамъ, отдаютъ ихъ въ окраску и затѣмъ перепродаютъ:

дуги третьяго сорта и гладкія . .	по 40—50 к. штуку
„ второго „	„ 80 к.—1 р. „
„ перваго „	„ 2 р. 50 к.—3 р. „ .

Дуги высшихъ сортовъ изготовляются однако лишь въ небольшомъ количествѣ, главная же масса дугъ принадлежатъ къ двумъ низшимъ сортамъ и продается по дешевымъ цѣнамъ; изъ тѣхъ-же помѣщенныхъ на стр. 119 цифровыхъ данныхъ мы получаемъ слѣдующія среднія за 1890 г. продажныя цѣны:

для д. Луговой	50 к. штука
„ Чернильщиковой . .	40 „ „
„ Калеула	30 „ „ ,

а средній годовой заработокъ занятаго промысломъ двора

для д. Луговой	88 рублей
„ Чернильщиковой . .	63 „
„ Калеула	91 „ .

Заработокъ отдѣльныхъ дворовъ нерѣдко достигаетъ 150, 200 и болѣе

рублей, и такимъ образомъ дужный промыселъ занимаетъ по размѣрамъ доставляемаго имъ кустарямъ заработка одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ промысловъ изслѣдованнаго края.

Выше мы упоминали о томъ, что нѣкоторые дужники сами не дѣлаютъ рѣзьбы на дугахъ, а отдаютъ ее дѣлать особымъ спеціалистамъ. Такіе спеціалисты-рѣщики или отдѣлывальщики дугъ, работающіе на кустаря, есть во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ развитъ дужный промыселъ. Но въ с. Протопоповскомъ и д. Протопоповой (Спасской вол.) *отдѣлка дугъ* является однимъ изъ господствующихъ или даже самымъ главнымъ изъ промысловыхъ занятій; въ этихъ селеніяхъ названнымъ промысломъ занимается большинство дворовъ, и работаютъ они уже не на кустарей, а на городскихъ скупщиковъ, которые, закупая гладкіе „болваны", отдаютъ ихъ сначала въ обдѣлку кустарямъ, а затѣмъ—въ окраску городскимъ мастерамъ.

Успѣшность работы спеціалиста по обдѣлкѣ дугъ и вырѣзкѣ на нихъ узоровъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: обдѣлывальщикъ можетъ вырѣзать въ день:

1-го сорта	$1^1/_2$— 2	дуги
2-го „	3— 4	„
3-го „	8—10	„ ,

а задѣльная плата за обдѣлку дугъ опредѣляется въ слѣдующихъ размѣрахъ:

за рѣзьбу 1-го сорта . . .	50	к. съ дуги,	
„ „ 2-го „ . . .	25	„	„
„ „ 3-го „ . . .	10	„	„ ,

и слѣдовательно дневной заработокъ обдѣлывальщика достигаетъ очень высокой при мѣстныхъ условіяхъ цифры—отъ 75 к. до 1 рубля.

Выдѣлкой такъ наз. „*щипцовъ*" (деревянныя части хомутовъ) занимаются въ д. Кучумовой-Еркиной (32 двора изъ 44; заработокъ въ 1890 г. 593 рубля или въ среднемъ по 19 рублей на дворъ) и въ меньшихъ размѣрахъ—въ Протопоповой (всѣ три Спасской вол.).

„Щипцы" дѣлаются изъ березовыхъ обрубковъ, которые вырубаются съ частью корня и затѣмъ на особомъ станкѣ (толстый сосновый обрубокъ съ двумя „рогами") обтесываются топоромъ по лекалу. Заготовка матеріала производится осенью; заготовить матеріалъ на 100 „паръ" (пара—двѣ деревяшки, идущія въ одинъ хомутъ) можно въ 4 дня. Обдѣлка производится зимой: бросивъ всякое другое дѣло, человѣкъ можетъ обдѣлать въ день до 15 „паръ", но обыкновенно

обдѣлываютъ не болѣе 10 „паръ“ въ день. Общій размѣръ производства за зиму доходитъ для кустарей, работающихъ въ составѣ большой семьи, до 300—400, для „одинакихъ“—до 100—150 „паръ“.

Стоимость производства 100 „паръ“ опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

заготовка матеріала	4 раб. дня осенью	по 40 к. (25 к.	1 р. 60 к.
обдѣлка „щипцовъ“	10 „ „ зимой	+ харчи)	4 „
		Итого . .	5 р. 60 к.

Сбытъ „щипцовъ“ — въ шорныя лавки въ Томскѣ, на наличныя деньги. Обыкновенная цѣна—15 р. за сотню „паръ“, лучшія на выборъ—до 20 рублей. Иногда цѣна падаетъ до 10 и даже 7—8 рублей за сотню. Даже въ этомъ худшемъ случаѣ затраченный на изготовленіе „щипцовъ“ трудъ, очевидно, вполнѣ вознаграждается, при сбытѣ же по обыкновенной, благопріятной цѣнѣ, промыселъ этотъ даетъ весьма выгодный заработокъ. Общая сумма послѣдняго за зиму на основаніи сказаннаго будетъ:

для „одинакаго“	12—15 и до 20 р.
для мастера въ большой семьѣ. . . .	45, 50 и до 60 рублей.

Что касается до скупщиковъ, то они перепродаютъ „щипцы“ обыкновенно по 30 к. за пару и слѣдовательно наживаютъ рубль на рубль.

Выдѣлка простой *крестьянской мебели* въ видѣ всеобщаго промысла существуетъ въ маленькой д. Копыловой (Конин. с. о. Семилуж. вол.); кромѣ того этимъ промысломъ занимается еще 5 дворовъ въ д. Благовѣщенской, Баимской волости.

Мебель изготовляется изъ березоваго и сосноваго лѣса, который рубится внутри крестьянскихъ дачъ или въ непосредственной близости отъ нихъ. Въ д. Копыловой дѣлаютъ главнымъ образомъ стулья съ деревянными сидѣньями, столы и такъ называемыя „канапеи“ — диваны съ рѣшетчатыми спинками. Работа производится исключительно зимой, причемъ занятые ею мастера, посвящая часть своего времени работамъ по хозяйству, однако воздерживаются отъ дальнихъ поѣздокъ, которыя могли-бы отвлечь ихъ отъ промысла на болѣе продолжительное время; поэтому напр. въ д. Копыловой, гдѣ заготовка сѣна и дровъ для г. Томска стоитъ въ числѣ основныхъ источниковъ благосостоянія, поѣздки съ сѣномъ и дровами въ городъ совершаются не мужиками, а женщинами. При такихъ условіяхъ кустарь-мебельщикъ можетъ сдѣлать:

6 стульевъ въ недѣлю
3 стола или дивана „ .

Мебель продается въ Томскѣ, на базарѣ, непосредственно потребителямъ, безъ посредства какихъ-либо скупщиковъ; обычныя цѣны стоятъ на слѣдующемъ уровнѣ:

стульевъ . . . по 35—40 к. за штуку
столовъ. . . . „ 70—80 „ „
диванов . . . „ 75—80 „ „ ,

и такимъ образомъ кустарь, посвящая значительную часть времени хозяйственнымъ работамъ, зарабатываетъ въ недѣлю отъ 2 р. 10 к. до 2 р. 40 к., что составляетъ въ день отъ 35 до 40 копѣекъ,— столько-же, сколько онъ заработалъ-бы, включая харчи, при наймѣ на поденныя работы, въ цѣлый рабочій день,—и слѣдовательно оплата труда въ разсматриваемомъ промыслѣ представляется вполнѣ удовлетворительною. Что касается до общей суммы заработка за цѣлую зиму, то она опредѣляется для кустаря, работающаго при указанныхъ выше условіяхъ, въ 30—35 рублей,—цифры, играющей въ бюджетѣ крестьянина очень видную роль.

Все сказанное относится къ мебельному промыслу только въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ д. Копыловой; въ с. Благовѣщенскомъ мебель производится лучшей отдѣлки и продается въ г. Марінскѣ по значительно болѣе высокимъ цѣнамъ: стулья по 50—70 к., столы—отъ 1 р. 40 к. до 1 р. 75 к. за штуку; но такъ какъ такая мебель требуетъ значительно большей затраты труда, то оплата послѣдняго представляется не только не большею, но скорѣе даже нѣсколько меньшею, нежели въ предыдущемъ случаѣ.

Производство *деревянной посуды* въ довольно крупныхъ размѣрахъ существуетъ въ д. Емельяновкѣ (Ишимской волости): изъ 92 дворовъ этого селенія выдѣлкой посуды занимается 48, которые въ 1889—1890 году заработали 1752 рубля или въ среднемъ по 37 рублей на каждый занятый промысломъ дворъ. Кромѣ того тѣмъ-же промысломъ занято нѣсколько дворовъ въ д. Позднякової (Нелюб. вол.), а также отдѣльные дворы—въ нѣсколькихъ другихъ селеніяхъ изслѣдованнаго края.

Главными предметами выдѣлки являются разные виды мелкой посуды: „покормушки“ (въ которыя засыпается обознымъ лошадямъ овесъ во время перегоновъ), „лагушки“ для дегтя, рѣже—ведра, ушаты и т. п... Матеріалъ заготовляется въ ближайшихъ казенныхъ лѣсахъ (Емелья-

новскими посудниками—въ Алтайской тайгѣ; такимъ матеріаломъ служитъ главнымъ образомъ сухоподстойный кедровый лѣсъ, но нерѣдко рубятъ и сырорастущіе кедры, которымъ путемъ „кашелія“ придаютъ видъ сухоподстойныхъ. Лѣсъ оплачивается повлинной, причемъ однако въ видахъ сокращенія размѣровъ послѣдней билеты обыкновенно берутся на сосновый лѣсъ (хотя послѣдняго, напр., въ близкихъ къ д. Емельяновкѣ дачахъ вовсе нѣтъ). Заготовляютъ по преимуществу обрубки 6 арш. длины и 9 вершк. толщины; изъ такого обрубка выходитъ, смотря по прямослойности и вообще доброкачественности лѣса, отъ 15 до 50 штукъ мелкой посуды, но случается и такъ, что дерево вовсе не колется, и тогда цѣлый обрубокъ пропадаетъ даромъ.

Заготовленная посуда сбывается въ Томскѣ торговцамъ, которые закупаютъ „на свалъ“ большія партіи посуды разныхъ родовъ. Обычаемъ установлено при этомъ, что разсчетъ за цѣлую партію производится по цѣнѣ, существующей на тотъ сортъ посуды, на который въ данное время существуетъ наибольшій спросъ. Болѣе бѣдные изъ кустарей забираютъ у прасоловъ деньги впередъ, но такіе заборы, по заявленіямъ кустарей, не сопровождаются сбавками съ цѣнъ: прасолы даютъ деньги впередъ не для того, чтобы пользоваться ростомъ, а только чтобы заранѣе обезпечить себя товаромъ.

Посудное производство существуетъ исключительно въ видѣ подспорнаго при земледѣліи (или другихъ основныхъ источникахъ благосостоянія) заработка. Значительное большинство кустарей-посудниковъ занимается промысломъ только зимой, и лишь немногіе продолжаютъ выдѣлывать посуду и лѣтомъ, до наступленія сѣнокоснаго времени. Размѣры заработка конечно весьма разнообразны въ зависимости и отъ степени умѣлости каждаго отдѣльнаго кустаря, и отъ состава его семьи, которымъ опредѣляется количество времени, которое кустарь можетъ посвящать своему промыслу; средній на одинъ дворъ размѣръ заработка, какъ мы видѣли, опредѣлился для д. Емельяновки въ 37 рублей; но въ то время, когда кустари, продолжающіе работать и лѣтомъ, зарабатываютъ за годъ до 60—70 и болѣе рублей; когда въ большихъ семьяхъ работникъ кустарь легко зарабатываетъ за зиму до 30—35 рублей, „одинакій“, которому „за работу какъ слѣдуетъ взяться некогда“, зарабатываетъ за зиму не болѣе 10—15 рублей.

Выдѣлка *берестяныхъ тулъевъ* (бураковъ), какъ кустарный промыселъ, въ настоящее время существуетъ только въ д. Пѣтуховой (Спасск. вол.); этимъ промысломъ занято здѣсь до 15 дворовъ, изъ нихъ нѣкоторые — въ крупныхъ размѣрахъ. Въ недавнее еще время выдѣлкою тулъевъ занимались еще въ трехъ селеніяхъ Семилужной волости — с. Копнинномъ, д. Копыловой и Щеголевой, но въ настоя-

щее время разсматриваемый промыселъ въ этихъ трехъ селеніяхъ совершенно не существуетъ; причиною прекращенія его послужило съ одной стороны исчезновеніе подходящаго лѣса, съ другой—уменьшеніе спроса на туясья, которые прежде вывозились въ Европейскую Россію, въ настоящее же время имѣютъ только мѣстный сбытъ въ предѣлахъ самой Томской губерніи.

Потребная для выдѣлки туясьевъ береста заготовляется Пѣтуховскими кустарями въ крестьянской дачѣ или по близости ея—въ Алтайской тайгѣ; заготовленіе ея возможно только въ теченіе весьма того непродолжительнаго времени, когда береста „отходитъ“ отъ дерева и легко отдирается отъ него—всего какихъ-нибудь 18—20 дней. За это время человѣкъ не можетъ заготовить болѣе 1.000, много—1.100 или 1.200 штукъ бересты, а такого количества бересты хватитъ для годового производства только самаго плохого мастера, изготовляющаго въ недѣлю 50 штукъ туясьевъ или менѣе; хорошій мастеръ можетъ заготовить изъ готовой бересты до 100—150 штукъ туясьевъ, а за все зимнее полугодіе (съ конца страды до начала весеннихъ полевыхъ работъ) можетъ передѣлать ихъ, не прибѣгая къ найму, до 3.000 штукъ. Размѣръ производства такого мастера въ значительной мѣрѣ зависитъ поэтому „отъ капитала“: довести свое годовое производство до указаннаго максимальнаго размѣра можетъ только такой кустарь, которому средства позволяютъ прибѣгнуть къ найму на заготовку бересты; нанимаютъ или потысячно, или понедѣльно; въ первомъ случаѣ платятъ отъ 8 до 10 рублей съ тысячи, во второмъ—отъ 3 до 4 р. въ недѣлю, на содержаніи нанимателя; береста при понедѣльномъ наймѣ обходится гораздо дороже - до 12—13 рублей и болѣе за тысячу; тѣмъ не менѣе туяснки предпочитаютъ этотъ способъ найма, такъ какъ работники, нанятые издѣльно, — „тысячники“ — заготовляютъ гораздо болѣе мелкую бересту, нежели заготовляютъ сами хозяева или работники при понедѣльномъ наймѣ.

Указанный выше предѣлъ выработки одного мастера — 3.000 штукъ — не является однако крайнимъ предѣломъ производства кустарнаго предпріятія: въ Пѣтуховой есть нѣсколько хозяевъ, держащихъ спеціально для промысла наемныхъ рабочихъ: такіе хозяева изготовляютъ въ годъ до шести, семи и даже 10 тысячъ штукъ.

Такимъ образомъ въ д. Пѣтуховой туясный промыселъ въ значительной мѣрѣ имѣетъ капиталистическій характеръ; напротивъ въ названныхъ выше селеніяхъ Семилужной волости промыселъ имѣлъ гораздо болѣе мелкіе размѣры и строго кустарный характеръ: каждый кустарь самъ заготовлялъ для себя бересту и притомъ лишь въ такомъ количествѣ, какое разсчитывалъ успѣть передѣлать въ туясья

до начала сѣнокоснаго времени; хорошій мастеръ успѣвалъ изготовить за это время не болѣе 150—200 штукъ, худой или одинокій — сотню, а нерѣдко и менѣе.

Сбытъ товара производится двоякимъ способомъ: крупные производители, держащіе для промысла наемныхъ работниковъ, сами увозятъ туясья на продажу въ волости Алтайскаго горнаго округа. Большинство продаетъ туясья въ Томскѣ скупщикамъ, которые, какъ показываютъ кустари, при перепродажѣ наживаютъ примѣрно отъ 15 до 30% на выплаченную за товаръ сумму. Цѣны, по которымъ кустари сбывали туясья прежде, въ эпоху наибольшаго процвѣтанія промысла, колебались, смотря по величинѣ туясьевъ и въ зависимости отъ колебаній спроса и предложенія, между 12—15 и 20 рублями, и Кониинскій туясникъ въ это время въ теченіе одного лѣтняго мѣсяца свободно зарабатывалъ до 25—30 рублей. Въ настоящее время, какъ мы уже говорили, спросъ на туясья значительно уменьшился, а потому и цѣны ихъ въ Томскѣ упали до сравнительно весьма низкаго уровня: туясья продаются потысячно, „на свалъ“, т. е. безъ сортованія; за тысячу платятъ, если въ числѣ туясьевъ есть ведерные — 70 рублей и дороже, если таковыхъ нѣтъ—до 60 рублей.

Размѣръ годового заработка кустаря-туяснпка опредѣлится на основаніи приведенныхъ данныхъ слѣдующимъ образомъ: плохой мастеръ или одиночка заготовитъ 1.000—1.100 шт., за которые выручитъ всего около 70 рублей; хорошій, выдѣлывающій туясья безъ помощи наемныхъ работниковъ, заготовитъ до 3.000 шт. и выручитъ около 200 рублей, изъ которыхъ однако около 25 руб. заплатитъ за заготовку 2.000 шт. бересты, а за свой трудъ получитъ, слѣдовательно, около 175 рублей. Такимъ образомъ выдѣлка туясьевъ по размѣрамъ доставляемаго заработка занимаетъ, несмотря на паденіе цѣнъ, одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ промысловъ изслѣдованнаго края.

Изъ изложеннаго видно уже, что *заготовка бересты* въ изслѣдованномъ краѣ имѣетъ значеніе и самостоятельнаго заработка: и дѣйствительно, въ названной уже д. Пѣтуховой этимъ дѣломъ въ теченіе короткаго періода линянья березы занимается довольно много дворовъ, получая по 3—4 р. (на хоз. харч.) въ недѣлю или 8—10 р. съ тысячи и слѣдовательно зарабатывая за 20-ти дневный періодъ до 12—14 рублей—сумма, по сравненію съ обычными размѣрами заработной платы, весьма значительная. Еще болѣе развитъ этотъ промыселъ въ смежной д. Вороновой; здѣсь бересту заготовляютъ частью по заказамъ Пѣтуховскихъ туяснпковъ, частью — за свой страхъ, и продаютъ ее въ Томскѣ сапожникамъ, въ деревняхъ — для обкладыванія завалинъ, и т. п.. О цѣнахъ при такой, обыкновенно мелочной

продажѣ, мы не имѣемъ свѣдѣній, но несомнѣнно, что цѣны эти — особенно въ Томскѣ—гораздо выше указанныхъ потысячныхъ цѣнъ.

Въ селеніяхъ Конпинскаго с. о. Семилужной волости, и именно главнымъ образомъ въ с. Конпинномъ, въ нѣсколько меньшей мѣрѣ— въ д. Большой и Малой Кусковыхъ, до недавняго времени однимъ изъ важнѣйшихъ подспорныхъ заработковъ являлась выдѣлка *ящиковъ для* сальныхъ *свѣчей*. Ящики эти, размѣромъ 16 вершк.×12 вершк.×8 вершк. дѣлались изъ 10 аршиннаго теса, который пилился изъ сухоподстойнаго ельника, заготовлявшагося въ крестьянской дачѣ и ближайшихъ урочищахъ тайги. Пилить тёсъ нанимали особыхъ рабочихъ, которымъ платили по 6 р. 50 к.—7 р. съ сотни. На выдѣлку сотни ящиковъ уходило 120 штукъ теса, а успѣшность выдѣлки у хорошаго работника доходила до 5 ящиковъ въ день. Ящики сдавались прямо на свѣчные заводы; цѣны колебались, смотря по спросу, между 17—20 и 25 рублями, а иногда доходили и до 30 р. за сотню,—дневной заработокъ равнялся среднимъ числомъ 60—70 копѣйкамъ. Въ настоящее время это производство совершенно прекратилось; причиной прекращенія его послужило съ одной стороны истребленіе удобнаго лѣса въ крестьянской дачѣ и прегражденіе доступа въ казенную тайгу, съ другой — уменьшеніе спроса на ящики и паденіе цѣнъ ихъ, обусловленное вытѣсненіемъ сальныхъ свѣчей керосиномъ.

Заготовкою *спичечной соломы* въ большихъ размѣрахъ занимаются въ чертѣ изслѣдованнаго края только въ д. Александровкѣ (Семилужн. вол.); сверхъ того промыселъ этотъ существуетъ еще въ нѣсколькихъ селеніяхъ сѣверной части Ишимской волости — въ с. Воронo-Пашенскомъ, Ново-Кусковскомъ и д. Ѳеоктистовой, но здѣсь это производство находится въ полномъ упадкѣ.

Заниматься разсматриваемымъ промысломъ въ названныхъ селеніяхъ начали съ 1877 и 1878 года; организація его имѣла переходный характеръ отъ кустарнаго типа къ типу домашней формы крупнаго производства: крестьянинъ бралъ съ фабрики строгальную машинку, за которую впослѣдствіи вычитался изъ его заработка 1 рубль. Матеріалъ для выдѣлки спичечной соломы,—лучшаго качества, прямослойный, сухой соснякъ („сѣряпочное“ дерево—синонимъ дерева отличной доброты),—заготовлялся въ крестьянскихъ дачахъ, и поиски за такимъ матеріаломъ, благодаря легкости ошибки при опредѣленіи на глазъ качества лѣса, вели за собой, какъ было указано въ I томѣ, усиленное лѣсоистребленіе и были одной изъ важнѣйшихъ причинъ безобразнаго состоянія въ сѣверной части Ишимской волости крестьянскихъ лѣсовъ. Заготовка лѣса производится непремѣнно зимой (лѣсъ осенней вырубки на солому не годится), и въ это-же время года про-

изводится самое строганіе соломы. Послѣдняя связывается въ пучки, по 500 штукъ въ каждомъ, а 200 пучковъ составляютъ обычную единицу счета спичечной соломы — „милліонъ“ (100.000 штукъ), который увозится на одной лошади. Самое строганіе „милліона“ требуетъ около недѣли рабочаго времени.

Въ первое время по возникновеніи промысла, оплата труда была весьма удовлетворительна: спичечные заводы платили отъ 6 до 8 р. съ „милліона“; хотя нѣкоторая часть этой платы поглощалась вычетами за машинки (которыя очень часто ломались), однако оставшаяся часть платы съ избыткомъ вознаграждала за затраченный трудъ. Въ настоящее время цѣна спичечной соломы упала до 2 р. 50 к.— 3 р., рѣдко 3 р. 50 к. за „милліонъ“; если сосчитать затрату труда на рубку лѣса, рабочую недѣлю на строганіе, да еще доставку готовой соломы на заводъ (изъ Ишимской волости за 80—100 верстъ), то ясно станетъ, что приведенныя цѣны не даютъ полной оплаты всего затраченнаго труда, чѣмъ и объясняется значительное сокращеніе размѣровъ промысла, а въ с. Воропо-Пашенскомъ и Ново-Кусковскомъ — и полное исчезновеніе его.

Изъ продуктовъ сухой перегонки дерева въ изслѣдованномъ краѣ добываются: *деготь*, *смола* и *древесный уголь*. Добыча послѣднихъ двухъ продуктовъ производится въ значительныхъ размѣрахъ и сравнительно усовершенствованными способами въ д. Чернильщиковой (Нелюбинск. вол.); здѣсь по данными подворной описи было выручено:

за уголь	12 дворами. .	658 р.
за смолу	11 „ . .	547 р.
	Итого . . .	1.205 р.,

или въ среднемъ болѣе 100 р. на каждый дворъ. Перегонка производится въ особыхъ сложенныхъ изъ кирпича „кубахъ“. На насадку такого куба идетъ отъ 15 до 20 сажень корья и 8 сажень дровъ; на заготовку того и другихъ требуется около 10 дней работы двухъ человѣкъ, а самая сидка продолжается 4 дня подъ присмотромъ 1 человѣка. Всѣ эти работы иногда сдаются на отрядъ, причемъ за заготовку корья и дровъ и самую сидку платятъ по 8 р. съ куба, а подвозъ матеріаловъ къ мѣсту сидки производится на лошадяхъ нанимателя. Кубъ даетъ при нормальныхъ условіяхъ:

смолы 70, чаще 80 ведеръ
угля 2 кубическ. сажени.

Промышленники выживаютъ въ годъ отъ 2 до 3, рѣдко по 4

куба. Сбытъ продуктовъ направляется: угля — въ г. Томскъ (мѣстнымъ кузнецамъ), смолы — на пароходы; продаются продукты по слѣдующимъ цѣнамъ:

смола по 35—40 и до 45 к. за ведро,
уголь по 10 р. за куб. саж..

Такимъ образомъ средняя валовая доходность съ куба будетъ:

75 вед. смолы по 40 к. . .	30 р.
2 саж. угля по 10 р.. . .	20 р.
Итого	50 р.,—

сумма, очевидно со значительнымъ излишкомъ оплачивающая весь затрачиваемый въ производствѣ трудъ. — а общій годовой валовой заработокъ, занятаго промысломъ двора — отъ 100 до 150, рѣдко до 200 руб. въ годъ.

Довольно много дворовъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, занимается *добычей смолы* еще въ д. Ишатовой и Лучановой (въ послѣдней 11 дворовъ — заработали 147 р.),—но сидка производится зѣсь уже болѣе примитивнымъ способомъ—въ ямахъ; при этомъ способѣ, прежде всего, получается только одинъ продуктъ — смола, а затѣмъ — и выходъ послѣдней гораздо меньше, нежели при сидкѣ въ кубахъ: изъ тѣхъ-же 15 возовъ корья, при затратѣ 20 рабочихъ дней (2 человѣка въ теченіе $1^1/_2$ недѣль), получается всего около 40 ведеръ смолы (вдвое меньше, чѣмъ при сидкѣ въ кубахъ), или при средней цѣнѣ по 40 к. за ведро — валовая выручка въ 16 рублей, — выручка, по мнѣнію крестьянъ, тоже вполнѣ оплачивающая затраченный трудъ. Размѣры производства очень незначительны, такъ какъ сидкой смолы въ названныхъ селеніяхъ занимаются только весной, между дѣломъ.

Кромѣ двухъ названныхъ селеній отдѣльные дворы занимаются въ небольшихъ размѣрахъ сидкой смолы, по преимуществу для мѣстнаго сбыта, и во многихъ другихъ селеніяхъ какъ Томскаго, такъ и Чулымскаго района; во многихъ селеніяхъ попадаются и отдѣльные дворы, занимающіеся *углежженіемъ*: сравнительно болѣе развитъ этотъ послѣдній промыселъ только въ с. Нижорскомъ (Почит. вол.), гдѣ имъ занято до десятка дворовъ; уголь вывозится въ трактовыя селенія и продается кузнецамъ либо посаженно, по 6—7 р. за сажень, либо съ короба, по цѣнѣ отъ 80 к. до 1 р.; заработокъ углежоговъ ничтоженъ, не превышая 15—20 р. за весну.

Сидкой дегтя отдѣльные дворы занимаются тоже въ довольно многихъ селеніяхъ; сравнительно болѣе развитъ этотъ промыселъ въ

Томскомъ районѣ въ д. Вороновой (Спасск. вол.), Березкиной и Ниж. Сѣченовой (Нелюб. вол.), въ Чулымскомъ — въ д. Больше-Песчанкѣ (Ночит. вол.), с. Благовѣщенскомъ и д. Тенгулахъ (Баим. вол.) и особенно—въ с. Архангельскомъ (Ишим. вол; здѣсь деготь сидятъ 16 дворовъ, которые въ 1890 г. заработали 297 рублей). Сидка дегтя всегда производится въ ямахъ, и размѣры производства никогда не бываютъ значительны. Достойно при этомъ замѣчанія, что въ д. Вороновой изготовляютъ болѣе доброкачественный, такъ называемый „товарный" деготь (употребляемый въ кожевенномъ производствѣ; этого дегтя изъ сажени бересты (цѣной при покупкѣ около 8—9 рублей) получается 25—30 ведеръ, и продается онъ въ городѣ скупщикамъ по 55—60 к. за ведро, а скупщиками перепродается по 70—80 копѣекъ. — Въ остальныхъ поименованныхъ выше селеніяхъ производится телѣжный деготь, имѣющій сбытъ на трактѣ и по деревнямъ по 25—30, рѣдко 35 к. за ведро. Изъ с. Архангельскаго деготь увозится на продажу въ Томскъ, причемъ однако условія сбыта его тоже весьма неблагопріятны: телѣжный деготь въ Томскѣ дорогъ (до 50—60 к. за ведро) только лѣтомъ; между тѣмъ лѣтомъ Архангельскимъ крестьянамъ, благодаря мѣстоположенію селенія „за рѣками", крайне неудобно возить деготь въ Томскъ; они возятъ его, поэтому, зимой, когда на деготь нѣтъ спроса, а потому отдаютъ свой деготь по 40, 30, а при неудачѣ—иногда и по 25 к. за ведро.

---

§ 2. Прочіе техническіе и кустарные промыслы; общіе выводы.

Гончарное производство существуетъ въ кустарной формѣ въ двухъ селеніяхъ изслѣдованнаго края: д. Батуриной (Спасск. вол.) и Примѣткиной (Баимск. вол.). Въ первомъ изъ названныхъ селеній это производство существуетъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ: здѣсь выдѣлываются главнымъ образомъ черныя крынки для молока, поливныя банки и лишь въ небольшихъ размѣрахъ—другіе виды посуды; производствомъ этимъ занято всего до 15 дворовъ. Для обжиганія посуды у каждаго горшечника имѣется особый горнъ, емкостью до 500—800 и болѣе штукъ посуды, а большинство имѣетъ и особыя избушки, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ операціи промысла. Одинъ человѣкъ при навыкѣ можетъ въ теченіе двухъ недѣль закончить всѣ работы (включая заготовку дровъ и т. д.) по изготовленію 800 шт. крынокъ, которыя продаются дома по 1 р. 50 к., а при заборѣ—по 1 р. 25 к. за сотню; слѣдовательно онъ получитъ валового зара-

ботка отъ 10 до 12 рублей, откуда надо вычесть расходъ на свинецъ, стекло и т. п.—всего около 2 р. 50 к.; отсюда чистый заработокъ кустаря—отъ 7 р. 50 к. до 9 р. 50 к. въ недѣлю или отъ 60 до 80 копѣекъ въ день — заработокъ, котораго нельзя не признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Сбытъ „товара" лишь въ ничтожной долѣ направляется въ Томскъ; главная масса посуды скупается на мѣстѣ производства двумя мѣстными скупщиками, причемъ за кредитъ на срокъ отъ недѣли до мѣсяца „смаривается" съ цѣны до 20%. Скупщики развозятъ посуду „по верху"—по Алтайскимъ волостямъ, зарабатывая на операціи рубль нарубль.

Въ д. Примѣткиной гончарнымъ производствомъ занимается всего 4 двора; здѣсь выдѣлываютъ по преимуществу горшки, размѣромъ отъ ведерныхъ до самыхъ маленькихъ, чашки и т. п.; каждый кустарь обжигаетъ въ годъ отъ 15 до 20 ямъ, въ каждой изъ которыхъ вмѣщается „товара", по мѣстнымъ цѣнамъ, рублей на 20, а половина этой суммы (слѣд. 150—200 р. въ годъ) составляетъ чистый заработокъ кустаря. Посуда лишь въ небольшой части сдается въ Маріинскъ, мѣстнымъ скупщикамъ, которые покупаютъ „на свалъ" и платятъ:

за горшки ведерные . .	8 р.	за сотню
„ 1/2 „ . .	6 „	„
„ 1/4 „ . .	4 „	„
менѣе 1/4 „ . .	3 „	„
„дѣтскіе" . .	2 „	„
за „латки" (?) . . .	отъ 3 до 8 р.	„
за чашки (полуштофныя)	отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к.	

Но бо̀льшая часть посуды развозится по деревнямъ самими кустарями; послѣдніе проникаютъ со своимъ „товаромъ" вглубь Енисейской губерніи и развозятъ горшки по всему побережью Чулыма, частью продавая ихъ за деньги, частью—обмѣнивая на хлѣбъ.

Кирпичное производство въ изслѣдованномъ краѣ весьма мало развито, такъ что напримѣръ въ огромномъ большинствѣ крестьянскихъ домовъ имѣются не кирпичныя, а глинобитныя печи. Въ болѣе значительныхъ размѣрахъ выдѣлкою кирпичей занимаются только въ д. Благовѣщенской (Баим. вол.) и с. Мало-Песчанскомъ (Почит. вол.): въ первой кирпичи выдѣлываетъ до 10 домохозяевъ, во второмъ — только двое, но зато размѣры производства этихъ двухъ довольно значительны. Кирпичи изготовляются для потребностей окружающаго крестьянства и продаются:

необожженные . . по 5—6 р. за тысячу
при работѣ за долгъ по 4 р. „
обожженные . . . по 7—8 р. „ и дороже,

слѣдовательно значительно дороже, нежели въ округахъ Тобольской губерніи (въ Ишимскомъ 5—6 р., въ Тюменскомъ 4 р. за тысячу), что и вполнѣ понятно въ виду ничтожнаго развитія въ изслѣдованномъ краѣ кирпичнаго производства, неспособнаго покрыть и малой части возможнаго спроса на кирпичи.

Производствомъ вѣялокъ занимаются въ д. Ключевой, с. Сусловомъ и особенно во всѣхъ селеніяхъ Теплорѣчинскаго с. о. Бапмской волости (Рубина, Богданова и Теплая-рѣчка съ выселками), а также въ с. Камышенскомъ, Почитанской вол.. Первымъ начатъ выдѣлывать вѣялки около 25 лѣтъ тому назадъ крестьянинъ-переселенецъ изъ Вятской губерніи, который первое время, пока не было конкурренціи, продавалъ ихъ по 45—50 р. за штуку; съ развитіемъ производства цѣна падала до 35, 25 р., а въ настоящее время, когда размѣры производства далеко превосходятъ мѣстный спросъ и „Мариинскія" вѣялки должны были искать себѣ сбыта въ Енисейской и даже Иркутской губерніяхъ. мѣстная цѣна ихъ упала до 16—18, рѣдко 20 рублей за штуку.

Производство вѣялокъ является въ значительной мѣрѣ организованнымъ на началѣ раздѣленія труда. Прежде всего механизмъ („модель") не изготовляется самими кустарями, а выписывается изъ Салаирскаго завода (Барнаульск. округа), по 6 рублей за экземпляръ. Затѣмъ барабаны дѣлаются особыми спеціалистами по 2 рубля за штуку; изготовленіе рѣшетъ опять-таки поручается особымъ спеціалистамъ, которымъ платится за работу изъ готоваго матеріала 25 копѣекъ за аршинъ. Если къ этому прибавить расходъ на оковку, на заготовку лѣса, на клей и т. п., то общая сумма расхода на вѣялку составитъ отъ 11 до 13 рублей, и слѣдовательно отъ 5 до 9 рублей останется на долю „мастера", выпускающаго въ продажу готовую вѣялку. Роль этого „мастера", очевидно, двоякая: онъ, съ одной стороны, предприниматель, капиталистъ, съ другой — дѣйствительно мастеръ, производящій сборку вѣялки. Впрочемъ и эта послѣдняя работа иногда поручается наёмнымъ лицамъ — поселенцамъ-финнамъ, которые берутъ за сборку по 3 рубля съ вѣялки, и такимъ образомъ собственно предпринимательская прибыль „мастера" равняется, смотря по условіямъ, отъ 2 до 6 р., среднимъ числомъ около 4 р. на вѣялку, или около 30% оборотнаго капитала (прежде чистый предпринимательскій доходъ доходилъ до 100% и болѣе). Общая сумма заработка „мастера" весьма различна въ зависимости, съ одной стороны, отъ размѣровъ производства.

а съ другой—отъ тѣхъ операцій производства, которыя мастеръ выполняетъ самъ: такъ какъ большинство „мастеровъ“ изготовляетъ отъ 15 до 20 вѣялокъ, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ сами заготовляютъ лѣсъ, производятъ оковку и вяжутъ рѣшета, то средній годовой заработокъ „мастера“ будетъ едва-ли ниже 120—150 рублей. Заработокъ лицъ, исполняющихъ второстепенныя операціи, опредѣлится слѣдующимъ образомъ: барабановъ можно изготовить въ недѣлю два; сборка вѣялки продолжается 4 дня. Слѣдовательно заработокъ будетъ:

для выдѣлывающаго барабаны $2 \times 2 = 4$ р. въ недѣлю = 67 к. въ день
для занимающагося сборкой . $\frac{3 \times 6}{4} = 4$ р. 50 к. „ = 75 „ „

и слѣдовательно оплата даже подчиненныхъ видовъ труда въ разсматриваемомъ промыслѣ представляется весьма удовлетворительною.

Что касается до сбыта, то значительное большинство производимыхъ вѣялокъ продается на мѣстѣ производства частью наѣзжающимъ изъ окрестностей крестьянамъ, пріобрѣтающимъ вѣялки для собственнаго хозяйства, частью—мѣстнымъ скупщикамъ, которые увозятъ вѣялки въ Енисейскую и Иркутскую губерніи. Болѣе зажиточные „мастера“ обходятся безъ посредства скупщиковъ и сами увозятъ вѣялки въ названныя только-что восточно-сибирскія губерніи.

Выдѣлкой *выѣздныхъ крестьянскихъ саней* занимается нѣсколько дворовъ въ д. Большанниной (Спасск. вол.); каждый изъ нихъ дѣлаетъ въ годъ отъ 10 до 15 санеи, которыя продаются отъ 6 до 10 рублей за штуку, и слѣд. заработокъ двора въ среднемъ не превышаетъ 90—100 руб.

Стекольное ремесло является существеннымъ подспорнымъ заработкомъ въ д. Емельяновкѣ (Ишим. вол.); оно существуетъ здѣсь въ двоякомъ видѣ: бо́льшая часть стекольщиковъ занимается ремесломъ только осенью, отъ конца страднаго времени до начала сильныхъ осеннихъ морозовъ; стекольщики выѣзжаютъ попарно и ѣздятъ по окрестнымъ деревнямъ и по Мариинскому округу, занимаясь главнымъ образомъ починками оконныхъ рамъ и т. п.. Чтобы выѣхать на работу, надо пріобрѣсти четвертной ящикъ стекла, цѣною въ 6—7 рублей, да примѣрно на 1 р. замазки и проволоки — всего издержать около 7—8 р. (алмазъ, стоющій отъ 4 до 7 р., служитъ неопредѣленное время). Израсходовавъ ящикъ стекла, стекольщикъ зарабатываетъ около 25 р., а за вычетомъ издержекъ на стекло и пр.—17 или 18 рублей: за мѣсяцъ работы (больше работать не удается) обыкновенно выходитъ два ящика, и слѣд. получается заработокъ около 35 р., а за вычетомъ издержекъ на продовольствіе, стекольщикъ привозитъ домой

около 30 рублей. Затѣмъ 5 хозяевъ занимаются стекольнымъ ремесломъ болѣе спеціально: они работаютъ всю зиму, изготовляя новыя оконныя рамы, преимущественно по заказамъ для Томскихъ городскихъ построекъ. Такіе мастера заработываютъ за годъ до 100 рублей и болѣе.

Вязаніемъ *рыболовныхъ сѣтей* („дѣли“) занимаются женщины въ д. Мало-Жировой (Ишимск. вол.); это—чисто женскій заработокъ, доходъ отъ котораго расходуется исключительно женщинами на ихъ одежду, сберегается дѣвушками на приданое и т. п.. Сѣти частью вяжутъ изъ своей конопли, частью же покупаютъ послѣднюю въ Томскѣ и по окрестнымъ деревнямъ. Женщина можетъ связать въ день изъ готовой пряжи отъ $1^1/_2$ до 2 сажень „дѣли“ въ 60 ячей, дѣтямъ задаютъ на урокъ по сажени въ день; если коноплю въ то-же время и прясть, то успѣшность работы уменьшается на $^1/_3$. Пудъ конопляного волокна покупается по 2 рубля, изъ пуда выходитъ около 40 саж. „дѣли“. Цѣна послѣдней колеблется между 18 (и даже 15)—20 и 25—30 копѣйками съ сажени; на низшемъ уровнѣ цѣны всегда стоятъ въ Петровки, когда всѣ женщины имѣютъ время работать, а спроса на сѣти нѣтъ; на высшемъ — осенью, когда сѣтей вязать некогда, а спросъ на нихъ великъ.

Среднимъ числомъ, считая по 25 к. за сажень, „дѣль“, получающаяся изъ пуда конопли, продается за 10 р.; за вычетомъ 2 р. на стоимость конопли, получается 8 рублей или 20 к. на сажень; имѣя въ виду затрату времени на пряжу, получимъ, что сажень „дѣли“ соотвѣтствуетъ среднимъ числомъ одному рабочему дню, и слѣд. поденный заработокъ окажется равнымъ 20 копѣйкамъ, заработокъ, которымъ, въ виду отсутствія для женщинъ другихъ заработковъ, пренебрегать нельзя. Что касается до общей суммы заработка, то изъ подворной описи мы узнаемъ, что въ 39 дворахъ (изъ 82) было переработано всего $76^1/_2$ пудовъ конопли; считая за работу 8 р. на пудъ, найдемъ общую сумму заработка равною 612 рублямъ или въ среднемъ по 16 рублей на дворъ.

Выдѣлка *конопляного масла* существуетъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развито разведеніе конопли (см. въ I томѣ, стр. 318), кромѣ, впрочемъ, сѣверной части Ишимской волости, гдѣ коноплеводство имѣетъ цѣлью почти исключительно полученіе волокна и потому для маслобойнаго промысла нѣтъ мѣста. Маслобойни работаютъ не за свой страхъ (въ виду указаннаго въ I томѣ, на стр. 319, соотношенія цѣнъ сѣмени и масла, это было-бы слишкомъ рискованно), а по заказамъ владѣльцевъ сѣмени, взимая за изготовленіе масла по 70 к. съ пуда послѣдняго (= 3—4 закладки = $4^1/_2$—6 пуд. сѣмени). Масло-

бойни дѣйствуютъ коннымъ приводомъ; существуя въ главныхъ центрахъ развитія конопледѣлства, онѣ получаютъ однако работу не только отъ крестьянъ даннаго селенія, но и отъ крестьянъ тѣхъ селеній, гдѣ меньшее развитіе конопледѣлства не обезпечиваетъ возможности существованія самостоятельныхъ маслобоенъ. Общій размѣръ заработка маслобоенъ подверженъ, въ зависимости отъ урожая коноплянаго сѣмени, значительнымъ колебаніямъ; за 1889—1890 г. двѣ маслобойни г. Михайловскаго (Зырян. в.) заработали 450 рубл., - въ среднемъ по 225 р., три маслобойни с. Нижорскаго (Почит. вол.), принадлежащія 9 пайщикамъ,— 360 рублей, въ среднемъ по 120 р. на маслобойню или отъ 30 до 60 р. на каждый пай.

Шерстобитно-*пимокатный* промыселъ существуетъ только въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ онъ является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ (по числу занятыхъ имъ дворовъ) промысловъ; особенно велико число пимокатовъ въ Ишимской волости, вообще же пимокатный промыселъ существуетъ почти исключительно въ селахъ и деревняхъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ крестьянъ новосельцовъ. О степени распространенности промысла могутъ дать понятіе нижеслѣдующія извлеченныя изъ подворныхъ описей цифры:

СЕЛЕНІЯ.	Общее число дворовъ.	Число пимокатовъ.	Общая сумма ихъ заработка.	Средній заработокъ двора.
			рубли.	рубли.
Кайла, Ишимской волости . . .	71	6	127	21
Емельяновка » » . . .	92	6	190	32
Спасо-Яя » » . . .	84	10	190	19
М. Жирова » » . . .	82	7	110	16
Благовѣщенское, Почитанской волости .	67	4	160	40
Нжморское » » .	102	6	370	62
Дубровка, Зырянской волости	92	5	125	25
Цыганова » »	61	4	?	?
Михайловское » »	93	4	100	25
Богданова, Баимской волости	30	4	130	32

Средній заработокъ пимоката по подворнымъ описямъ колеблется, такимъ образомъ, въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какъ 16 и 62 рубля, и эти широкія колебанія вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ то время именно, когда плохіе мастера, къ числу которыхъ относится большинство пимокатовъ, ходятъ по окрестнымъ деревнямъ и зарабатываютъ за осень по 10 — 15, много 20 рублей, хорошіе пимокаты, которымъ работу привозятъ на домъ изъ довольно обширнаго района (особенно „на славѣ“ пимокаты с. Ижморскаго), работая одни, зарабатываютъ за осень по 50—60 рублей. Есть и такіе—впрочемъ очень немногочисленные мастера, которые держатъ по 2—3 подручныхъ; такіе зарабатываютъ до 200 рублей, а за вычетомъ платы подручнымъ, до 100 рублей за осень.

Трудъ пимоката въ изслѣдованномъ краѣ оплачивается значительно лучше, нежели напр. въ Ишимскомъ округѣ Тобольской губерніи. За работу пары пимовъ пимокатъ получаетъ:

за пару мужскихъ 1 р.
женскихъ 70 к.
дѣтскихъ 30—60 к., смотря по величинѣ.

А такъ какъ хорошій пимокатъ дѣлаетъ въ день до 1 пары мужскихъ пимовъ, то размѣръ поденнаго заработка его доходитъ до весьма почтенной цифры — 1 рубля въ день.

Кожевенное и *овчинное* производства въ изслѣдованномъ краѣ имѣютъ лишь немногочисленныхъ представителей: въ Томскомъ районѣ эти производства вовсе не существуютъ; въ Чулымскомъ кожевники и овчинники встрѣчаются по одному, по два, по преимуществу въ трактовыхъ, рѣже въ удаленныхъ отъ тракта, „забошныхъ“ селеніяхъ. Болѣе развиты названныя производства въ одномъ только с. Суджепскомъ (Ишимской волости), гдѣ имѣется шесть кожевень и четыре овчинника, къ которымъ работа стекается изъ очень обширной „округи“; заказчиковъ привлекаетъ по преимуществу честность Суджепскихъ мастеровъ, въ то время какъ у трактовыхъ кожевниковъ заказчики ничѣмъ ни гарантированы отъ подмѣна кожъ и вообще отъ обмана.

Кожевники работаютъ главнымъ образомъ по заказамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ закупаютъ кожи и работаютъ на свой страхъ. Плата за выдѣлку кожи колеблется между 40 к. (за годовалаго „выростка“) и 1 р. 50 к. (за взрослую лошадь или быка). Большая часть кожевниковъ имѣетъ по 2 дубильныхъ и по 1 зольному чану, снаряды съ конными приводами для дробленія коры и особую избу для дубильныхъ чановъ; въ „передѣлъ“ идетъ до 200 кожъ разнаго раз-

мѣра, и самый „передѣлъ“ продолжается отъ 3 до 4 мѣсяцевъ. Расходъ на разные матеріалы опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Таловой коры 5 саж. по 1 рублю . .	5	р.	— к.
Извести 15 пуд. по 10—15 к. . ок.	2	„	— „
Золы осиновой или гречаной 32 пуда по 10 к.	3	„	20 „
Хлѣба (ржи) 10 пуд. по 50 к. . . .	5	„	— „
Соли 1 пудъ по 25 к.	—	„	25 „
Всего около	15	р.	45 к.

Такимъ образомъ припасы поглощаютъ лишь ничтожную часть получаемой за выдѣлку кожъ платы; собственно за трудъ остается отъ каждаго „передѣла“ среднимъ числомъ около 200 рублей или по 1 р. съ кожи всякаго размѣра. Кожевники работаютъ обыкновенно сами, при помощи членовъ своей семьи, но нерѣдко пользуются при этомъ и трудомъ годовыхъ и вообще срочныхъ работниковъ. За годъ исполняютъ отъ одного до трехъ „передѣловъ“ и слѣдовательно зарабатываютъ отъ 200 до 600 рублей.

При каждой кожевнѣ имѣетъ заработокъ нѣсколько бѣдныхъ дворовъ, заготовляющихъ для нея таловую кожу; за сажень послѣдней (длина связокъ по $^3/_4$ арш.; слѣд. сажень $= {}^1/_4$ кубич. саж. $= 4$ пудамъ) на наличныя деньги даютъ по 1 р. 20 к., а въ большинствѣ случаевъ задаютъ впередъ по 1 р., что соотвѣтствуетъ 25 к. за пудъ или 4 р. за куб. сажень. Заготовкой коры занимаются однако лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ, — большею частью „забираясь“ впередъ по мелочамъ, на разныя мелкія случайныя нужды.

Овчинники работаютъ исключительно по заказамъ, получая по 15 копѣекъ съ овчины, а при дорогой цѣнѣ хлѣба — и нѣсколько дороже; изъ этой платы 2—3 копѣйки уходятъ на разные припасы, а 12 — 13 копѣекъ остается за трудъ. Размѣры годовой выработки, а слѣдовательно и заработка, очень разнообразны: есть овчинники, выдѣлывающіе въ годъ не болѣе двухъ или трехъ сотень овчинъ, слѣд. зарабатывающіе какіе нибудь 25 — 35 рублей; другіе передѣлываютъ до 500—600 штукъ, а Суджанскіе овчинники зарабатываютъ въ годъ до 120 и до 150 рублей, слѣдовательно передѣлываютъ до 1000 и 1200 штукъ каждый.

Мы должны теперь сказать еще нѣсколько словъ о двухъ промыслахъ, имѣющихъ ясно выраженный характеръ домашней формы крупнаго производства, именно о выдѣлкѣ *заячьихъ мѣховъ* и *сапожныхъ коробокъ*, а также объ одномъ ремеслѣ, имѣющемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отхо-

жій характеръ и доставляющемъ населенію существенный заработокъ—о *плотничномъ*.

Выдѣлкой *заячьихъ мѣховъ* занимаются въ д. *Аникиной* (Спасск. вол.), гдѣ по данным подворной описи 10 дворовъ заработали на этомъ промыслѣ 410 рублей, или въ среднемъ по 41 рублю на дворъ. Операція выдѣлки заключается въ выдѣлкѣ шкурокъ въ собственномъ смыслѣ (способъ выдѣлки сходенъ со способомъ выдѣлки овчинъ съ тою разницею, что заячьи шкурки мокнутъ всего одну ночь), разрѣзкѣ шкурокъ на части соотвѣтственно употребительнымъ въ торговлѣ сортамъ мѣхъ (хребтовой, подбрюшный и пр.), и въ сшивкѣ изъ этихъ частей цѣлыхъ мѣховъ. Промысломъ занимаются однѣ только женщины; однѣ изъ нихъ ведутъ дѣло самостоятельно: закупаютъ за свой страхъ невыдѣланныя шкурки и продаютъ готовые мѣха; заработокъ вполнѣ трудоспособной женщины равенъ въ этомъ случаѣ 1 рублю въ недѣлю или 30 р. въ зиму, заработокъ двора опредѣляется числомъ въ немъ рабочихъ женщинъ. Бѣднѣйшія, не имѣющія ни денегъ, ни кредита, берутъ мѣхи на выдѣлку отъ томскихъ торговцевъ за издѣльную плату отъ 2 р. 50 к. до 3 р. съ сотни; заработокъ въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ вдвое меньше, нежели въ предыдущемъ,—тѣмъ не менѣе для женщинъ, не находящихъ себѣ зимой никакого заработка, и заработокъ въ 40—50 копѣекъ въ недѣлю представляется заманчивымъ.

Выдѣлкою бумажныхъ *спичечныхъ коробокъ* занимается большинство домохозяйствъ въ д. Киргизкѣ (Семилужск. вол.): этотъ заработокъ исключительно женскій и дѣтскій: при этомъ только дѣти работаютъ днемъ; женщины пользуются для этой работы по преимуществу вечерами, захватывая нерѣдко и болѣе или менѣе значительную часть ночи. — Коробки изготовляются для фабрики Ворожцовыхъ; фабрика даетъ нужныя для выдѣлки коробокъ печатную бумагу и клей (для приготовленія клейстеру), а также формы („болванки"), на которыхъ производится склеиваніе коробокъ. Бумага выдается отъ фабрики „дачками"; „дачка" состоитъ изъ 250 листовъ, по 84 коробка на каждомъ, всего 21.000 коробокъ; фабрика платитъ по 70 копѣекъ съ „дачки", изъ каковой суммы надо произвести расходъ на 3—5 фунтовъ муки для заварки клейстера. Работа можетъ идти успѣшно только при двухъ работающихъ, хотя-бы каждый изъ нихъ и не былъ полнымъ работникомъ: женщина съ ребенкомъ, двое дѣтей и т. п. могутъ, работая между дѣломъ, передѣлать въ недѣлю цѣлую дачку, слѣдовательно заработать, за вычетомъ расхода на муку, около 65 копѣекъ; семьи, въ которыхъ много женщинъ и дѣтей, вырабатываютъ въ недѣлю по двѣ и по три „дачки", слѣд. зарабатываютъ по 1 р. 30 к. и до 1 р.

95 к.; одинокія женщины дѣлаютъ дачку и слѣд. зарабатываютъ 65 к. въ 1½—2 недѣли. Что̀ касается до общей суммы доставляемаго промысломъ заработка, то по даннымъ подворной описи 28 дворовъ (изъ 40) заработали всего 349 р., или въ среднемъ по 12 р. 50 к. на каждый дворъ.

Что̀ касается наконецъ до *плотничьяго* ремесла, то занимающіеся имъ дворы существуютъ повсемѣстно, но занимаются ремесломъ только „времянно", весной и осенью, и работаютъ исключительно или преимущественно для мѣстныхъ потребностей. Въ рядѣ селеній число плотниковъ болѣе значительно; таковы напр. д. Кайла (Шиш. вол.), Благовѣщенская (Баим. вол.) и особенно с. Пжморское (Почит. вол.), въ этомъ послѣднемъ селеніи плотничнымъ ремесломъ занимается 11 дворовъ, и Пжморскіе плотники работаютъ по всей Почитанской волости. Плотники эти, какъ впрочемъ и во всемъ изслѣдованномъ краѣ, не отличаются особеннымъ искусствомъ; работаютъ они по преимуществу менѣе сложныя постройки; подряжаются иногда издѣльно, а чаще—помѣсячно; въ этомъ послѣднемъ случаѣ плотникъ на хозяйскомъ содержаніи получаетъ:

весной . . 10—12 р.
осенью . . 7— 8 р.,

а общій заработокъ плотника за весну и осень колеблется между 30 и 50 рублями.

Мы дали въ настоящемъ и предыдущемъ §-хъ обзоръ тѣхъ изъ промысловыхъ занятій населенія изслѣдованнаго края, которыя могутъ быть отнесены къ категоріи техническихъ и кустарныхъ промысловъ,—тѣхъ занятій, въ которыхъ, въ противуположность занятіямъ, разсмотрѣннымъ въ предыдущихъ главахъ, трудъ преобладаетъ надъ матеріаломъ. Мы должны теперь попытаться представить въ краткихъ словахъ тѣ выводы, которые окажется возможнымъ сдѣлать изъ упомянутаго обзора. Остановимся прежде всего на территоріальной группировкѣ промысловъ. Мы увидимъ здѣсь, что, какъ было уже указано при предварительной общей экономической характеристикѣ изслѣдованнаго края, промыслы сосредоточиваются по преимуществу въ Томскомъ, пригородномъ районѣ; но и внутри этого послѣдняго распредѣленіе промысловыхъ занятій не представляется равномѣрнымъ: наибольшее развитіе кустарныхъ промысловъ мы находимъ въ Нелюбинской волости и въ особенности—въ ея юго-западной части, являющейся по преимуществу райономъ развитія саннаго промысла; въ сѣверной части промыслы болѣе развиты только въ д. Позднякової, Луговой съ выс. Кижировымъ и Червильщиковой, въ юго-восточной они, можно сказать,

совершенно не существуютъ. Въ Спасской волости кустарные промыслы развиты по преимуществу въ южныхъ, болѣе удаленныхъ отъ города селеніяхъ; въ ближайшемъ къ городу Заварзинскомъ с. о. они уступаютъ мѣсто дачному промыслу и т. п. занятіямъ. Въ Семилужной волости кустарные промыслы уже мало развиты: въ селеніяхъ Лязгинскаго, Воронинскаго, Киргизскаго и Семилужнаго с. о. они, можно сказать, совершенно не существуютъ, и только въ селеніяхъ Коннинскаго с. о. они являются для населенія болѣе или менѣе существеннымъ подспорьемъ.—Что̀ касается затѣмъ до Чулымскаго, земледѣльческаго района, то здѣсь кустарные промыслы, говоря вообще, мало развиты и играютъ лишь ничтожную роль въ экономической жизни населенія; особенно ничтожнымъ развитіемъ, даже полнымъ отсутствіемъ кустарныхъ промысловъ отличаются прежде всего всѣ селенія, расположенныя по линіи Сибирскаго тракта отъ самого Томска до крайняго восточнаго пункта изслѣдованнаго края,—с. Тяжинскаго, а затѣмъ вся Зырянская волость и сѣверная половина Ишимской. Небольшой сплошной кустарный районъ представляетъ собой, напротивъ, вся сѣверная окраина Баимской волости (д. Тегульды, Благовѣщенская и три селенія Теплорѣчинскаго с. о.), гдѣ развитіе промысловъ было очевидно вызвано неудовлетворительностью пахатныхъ земель; въ остальныхъ волостяхъ подобныхъ районовъ вовсе нѣтъ, и значительнымъ развитіемъ промысловъ характеризуются только отдѣльныя селенія; таковы въ Почитанской волости с. Ижморское, въ Ишимской с. Суджинское и особенно д. Лебедянка.

Выводъ, который можно сдѣлать изъ приведеннаго краткаго обзора, представляется весьма существеннымъ; значеніе его сдѣлается вполнѣ яснымъ изъ сопоставленія его съ выводами г. Голубева, который въ своей книгѣ „Алтай“ говоритъ: „Какъ на особенность въ развитіи „кустарной промышленности можно указать на то, что центрами за„рожденія и развитія промысловъ здѣсь являются не города, около ко„торыхъ въ европейской Россіи по преимуществу группируются и изъ „которыхъ распространяются промыслы. Здѣсь подгородныя волости не „являются по преимуществу кустарными, за исключеніемъ развѣ алтай„скихъ волостей около г. Томска. Различныя производства совершенно „независимо отъ городовъ зарождаются въ глухихъ деревняхъ, ихъ „основателями почти исключительно являются переселенцы.“ *) Для изслѣдованнаго нами края *выводъ получается прямо противуположный: прежде всего въ главныхъ центрахъ развитія кустарныхъ промысловъ—во всемъ Томскомъ районѣ—промыслы возникли, какъ непо-*

*) «Алтай», стр. 69.

средственный результатъ близости къ г. Томску и исходящаго изъ этого послѣдняго спроса на кустарные продукты; съ другой стороны только въ Чулымскомъ районѣ насажденіе промысловъ можетъ быть приписано по преимуществу переселенческому элементу; во всемъ Томскомъ районѣ промыслы, можетъ быть первоначально и занесенные ссыльными, развитіемъ своимъ обязаны исключительно крестьянамъ-старожиламъ.

Если затѣмъ обратиться къ обзору характера самихъ промысловъ. то мы увидимъ, что продукты во всѣхъ этихъ промыслахъ (кромѣ отчасти дужнаго и вѣялочнаго) изготовляются изъ мѣстнаго матеріала и на мѣстный сбытъ; возникновеніе каждаго промысла явилось непосредственнымъ результатомъ появленія мѣстной потребности въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ — результатомъ потребностей трактоваго движенія и гор. Томска, какъ средоточія послѣдняго (санный, дужный, колесный промыслы; выдѣлка осей, телѣжн. кузововъ, дерев. посуды, производство дегтя и угля, и пр.). Эта черта— *работа на опредѣленный и притомъ мѣстный спросъ* является характернымъ отличіемъ кустарныхъ промысловъ изслѣдованнаго края отъ большинства промысловъ, хотя-бы напримѣръ Туринскаго округа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣющихъ въ виду дальніе рынки. Едва-ли не результатомъ именно этой отличительной особенности является, съ одной стороны, удовлетворительная оплата затрачиваемаго въ промыслахъ труда, съ другой — весьма благопріятный для кустарей характеръ сбыта продуктовъ. Въ изслѣдованномъ краѣ нѣтъ (кромѣ, можетъ быть, производства спичечной соломы, которое потому и пришло въ упадокъ) такихъ промысловъ, какіе являются преобладающимъ типомъ въ Туринскомъ округѣ, и въ которыхъ продажная цѣна продукта оплачиваетъ лишь часть затрачиваемаго кустаремъ на производство этого продукта труда, — промысловъ, самое существованіе которыхъ возможно лишь потому, что крестьянинъ не дѣлаетъ полной оцѣнки своего труда, и что онъ охотнѣе будетъ работать хотя-бы при неполной оплатѣ труда, нежели оставитъ послѣдній безъ всякаго приложенія; въ изслѣдованномъ краѣ *во всѣхъ безъ исключенія промыслахъ трудъ кустаря не только получаетъ полную оплату въ сравненіи съ трудомъ земледѣльческаго рабочаго, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ оплата кустарнаго труда оказывается лучшею, нежели оплата труда земледѣльческаго и вообще чернорабочаго.* Судя по бывшимъ примѣрамъ (упадокъ туснаго промысла въ Семлужи. вол., выдѣлки спичечной соломы, заготовки пиленнаго лѣса *), можно думать, что и въ

*) См. т. I, стр. 498.

будущемъ всякое длящееся пониженіе цѣнъ продуктовъ какого-либо промысла до уровня, при которомъ не будетъ полной оплаты труда, будетъ вести къ исчезновенію этого промысла, что, слѣдовательно промыслы, не вполнѣ оплачивающіе трудъ кустарей, не имѣютъ шансовъ на существованіе. Что̀ касается до сбыта, то характерною для изслѣдованнаго края особенностью является незначительность вліянія скупщиковъ и т. п. представителей посредничающаго между производителями и потребителями класса. Только въ двухъ мало распространенныхъ промыслахъ (выдѣлка „щипцовъ“ и деревянной посуды) весь продуктъ проходитъ черезъ руки скупщиковъ; въ производствахъ колесномъ, дужномъ, тулномъ, въ выдѣлкѣ каменной посуды и вѣялокъ болѣе или менѣе значительная часть продукта сбывается скупщикамъ, остальная часть продается производителями непосредственно потребителямъ; затѣмъ *въ большинствѣ кустарныхъ промысловъ*, въ томъ числѣ такихъ важныхъ, какъ производство саней, „одровъ“ и пр., *скупщики не играютъ совершенно никакой роли: издѣлія продаются непосредственно потребителямъ, и слѣдовательно производители получаютъ полную продажную цѣну изготовленнаго ими продукта*. Если мы припомнимъ, какъ ничтожна роль скупщиковъ и въ играющихъ въ Томскомъ районѣ такую важную роль отрасляхъ добывающей промышленности; если мы припомнимъ затѣмъ, что сбытъ продуктовъ хлѣбопашества изъ волостей Чулымскаго района происходитъ также мимо какихъ-либо посредниковъ, то для насъ выяснится общая весьма существенная для характеристики экономическаго строя изслѣдованнаго края черта: *весьма малая зависимость населенія этого края какъ въ его земледѣльческой, такъ и въ его промысловой дѣятельности отъ какихъ-либо скупщиковъ и вообще посредниковъ*. Возвращаясь затѣмъ къ роли скупщиковъ собственно въ кустарныхъ промыслахъ и въ частности — обращаясь къ вопросу о долѣ продажной цѣнности продукта, остающейся на долю скупщиковъ, мы находимъ, что только въ двухъ промыслахъ доля эта очень значительна: это именно „щипцы“ и гончарныя издѣлія, на которыхъ скупщики наживаютъ рубль на рубль. Въ другихъ промыслахъ, сколько можно судить по показаніямъ самихъ кустарей, барышъ скупщиковъ не очень великъ, не превышая 20—30% суммы, получаемой кустарями.

Что̀ касается наконецъ до экономической организаціи производства вообще, то въ изслѣдованномъ нами краѣ нами найдено три промысла — производство спичечныхъ коробокъ, отдѣлка дугъ и выдѣлка заячьихъ мѣховъ (послѣдній только отчасти) —, имѣющіе организацію, подходящую подъ типъ домашней формы крупнаго производства; переходную къ этой формѣ организацію имѣетъ еще и производство спичечной соломы;

кожевенное, овчинное и шмокатное производство, а также маслобойный промыселъ имѣютъ характеръ работы по заказамъ, изъ принадлежащаго заказчику матеріала. Всѣ остальные промыслы имѣютъ чисто кустарную организацію; это — подсорные къ земледѣлію промыслы, имѣющіе въ виду работу не на опредѣленнаго заказчика, а на болѣе или менѣе близкій рынокъ; при этомъ только въ двухъ промыслахъ капиталъ и наемный трудъ играютъ болѣе значительную роль; это именно тканый промыселъ и производство вѣялокъ; въ первомъ значительная часть работы производится наемнымъ трудомъ, во второмъ операціи производства являются расчлененными между нѣсколькими дворами, одинъ изъ которыхъ сосредочиваетъ въ своихъ рукахъ исполненные другими полуфабрикаты, собираетъ готовый продуктъ и продаетъ его уже отъ себя. Затѣмъ всѣ остальные промыслы имѣютъ организацію, типическую для мелкой промышленности: всѣ операціи производятся внутри семьи кустаря, безъ всякаго участія или лишь при ничтожномъ участіи наемнаго труда.

ГЛАВА VIII.

ИЗВОЗЪ И ДВОРНИЧЕСТВО.

§ 1. Дальній товарный извозъ.

Изъ обстоятельно описанныхъ въ 4 выпускѣ II тома „Матеріаловъ" по изслѣдованію Иркутской губерніи видовъ извознаго промысла тотъ видъ послѣдняго, который обозначенъ въ названныхъ „Матеріалахъ" названіемъ „безконнаго" или „ближняго" извоза, въ изслѣдованномъ краѣ почти вовсе не существуетъ: къ этой категоріи можно отнести здѣсь только перевозку слѣдующихъ изъ Иркутска товаровъ и въ частности — чая на перегонѣ отъ Маріинска до Томска, но и этимъ видомъ извоза занимается лишь ничтожное количество дворовъ въ ближайшихъ къ Маріинску селеніяхъ. Немного — и именно только въ одной изъ волостей пригороднаго района—Спасской -занимаются и извозомъ между Томскомъ и Минусинскомъ. Главная же масса извощиковъ изслѣдованнаго края занимается перевозкой „россійскихъ" товаровъ изъ Томска въ Иркутскъ и въ качествѣ обратнаго груза—чая изъ Иркутска въ Томскъ. Въ этой своей разновидности извозъ въ теченіе зимы даетъ занятіе весьма значительной долѣ населенія изслѣдованнаго края,— долѣ, размѣра которой въ виду неполноты нашихъ матеріаловъ мы не беремся опредѣлить въ точныхъ цифрахъ; чтобы дать понятіе о значеніи извознаго промысла для изслѣдованнаго края, мы должны обратиться къ относящимся къ этому вопросу описательнымъ даннымъ.

Въ *Томскомъ* районѣ извозный промыселъ, вообще говоря, не имѣетъ большого значенія: въ *Нелюбинской* волости этотъ промыселъ совершенно не существуетъ; почти совершенно не существуетъ онъ и въ сѣверныхъ сельскихъ обществахъ *Семилуженской* — Конвинскомъ и Киргизскомъ: въ селеніяхъ этихъ обществъ либо вовсе нѣтъ лицъ, занимающихся извознымъ промысломъ, либо такія лица встрѣчаются немногими единицами; мало развитъ извозъ и въ расположенныхъ по линіи Сибирскаго тракта селеніяхъ Воронинскаго и Подломскаго с. о.:

въ первомъ извознымъ промысломъ занимается въ каждомъ селеніи не болѣе 5—7 дворовъ, да и тѣ—съ небольшимъ числомъ лошадей; изъ селеній Подломскаго с. о. въ Турунтаевой извозомъ (напомнимъ, что мы говоримъ только о дальнемъ товарномъ извозѣ) занято всего 6 дворовъ, въ д. Халдеевой и с. Подломномъ—по десяти; лошадей выходитъ изъ перваго изъ названныхъ селеній не болѣе 40, изъ второго—болѣе 100, изъ третьяго—болѣе 150. Но болѣе всего—сравнительно съ размѣромъ селеній—развитъ извозный промыселъ въ д. Корниловой, Родіоновой и особенно Лязгиной, Лязгинскаго с. о.; въ послѣднемъ изъ названныхъ селеній, напримѣръ, изъ 29 дворовъ самостоятельно занимается извозомъ 18, которые въ 1889 — 1890 г. выѣзжали на 130 лошадяхъ; въ остальныхъ селеніяхъ Лязгинскаго с. о.—Аркашовой, Бражкиной и др. — лицъ, самостоятельно занимающихся извознымъ промысломъ, совсѣмъ мало, но за то довольно много такихъ, которые ходятъ въ извозъ безъ лошадей, работниками у многолошадныхъ извощиковъ изъ другихъ селеній. Въ *Спасской* волости по отношенію къ разсматриваемому вопросу сѣверная половина (съ зарѣчными селеніями) довольно рѣзко отличается отъ южной. Въ первой—къ которой относятся всѣ селенія Заварзинскаго с. о., большая часть селеній Кучумо-Еркинскаго с. о., а также д. Нижне-Шубина, Федосѣева и особенно Большанина, извозный промыселъ мало развитъ; во многихъ селеніяхъ извощиковъ совершенно нѣтъ, въ другихъ они встрѣчаются по 2—3 человѣка на селенія. Въ южной, удаленной отъ города половинѣ волости, напротивъ, извозный промыселъ является однимъ изъ существеннѣйшихъ подсобныхъ заработковъ: въ каждомъ изъ трехъ большихъ селеній — с. Спасскомъ, д. Батуриной и Пѣтуховой—самостоятельно ходятъ въ извозъ отъ 15 до 20 хозяевъ, да не мало другихъ ходятъ въ работникахъ при чужихъ лошадяхъ: изъ 52 дворовъ д. Вороновой самостоятельно ходятъ въ извозъ 18 (съ 75 лош.), изъ 44 дворовъ д. Лучановой—13 дворовъ; въ д. Бѣлоусовой, Ипатовой, Акеёновой извознымъ промысломъ занимаются поголовно всѣ дворы, имѣющіе достаточное для того число лошадей.

Въ *Чулымскомъ* районѣ изъ числа прочихъ выдѣляется *Зырянская* волость, въ которой извозный промыселъ, можно сказать, совершенно не существуетъ: во всей Зырянской волости не наберется, можетъ быть, и десятка дворовъ, самостоятельно занимающихся этимъ промысломъ, и лишь небольшое число лицъ изъ состава бѣднѣйшихъ дворовъ ходитъ въ извозъ работниками при лошадяхъ крупныхъ извощиковъ изъ селеній Почитанской волости. То-же самое можно сказать и объ всей сѣверной половинѣ *Ишимской* волости; здѣсь въ д. Мало-Жировой, с. Ворово-Шапеновомъ и двухъ Кусковыхъ существуетъ особый, уже

разсмотрѣнный нами въ главѣ VI *) видъ извознаго промысла — перевозка разныхъ припасовъ изъ Томска на мѣста работъ по прорытію Обь-Енисейскаго канала и содержаніе сообщеній между различными пунктами этихъ работъ; въ извозъ между Томскомъ и Иркутскомъ самостоятельно ходятъ лишь немногіе крестьяне, главнымъ образомъ изъ д. Спасо-Яйской (5 дв.) и Барнашовой; гораздо болѣе значительно въ названной мѣстности число лицъ, участвующихъ въ извозномъ промыслѣ въ качествѣ работниковъ по найму отъ крупныхъ хозяевъ-извозчиковъ изъ трактовыхъ селеній той-же Ишимской волости. В[illegible] половинѣ этой послѣдней извозный промыселъ болѣе развитъ только въ двухъ селеніяхъ — въ с. Жарковскомъ и Ольгинскомъ; въ первомъ самостоятельно занимается извозомъ 21 дворъ, запрягающій отъ 120 до до 150 лошадей, во второмъ — до 35 дворовъ; изъ прочихъ селеній южной половины въ с. Лебедянскомъ, Сергіевскомъ и д. Марьевкѣ извозный промыселъ вовсе не существуетъ, въ остальныхъ самостоятельно занимается извозомъ отъ 5 до 10 дворовъ въ каждомъ. Напротивъ въ трактовыхъ селеніяхъ Ишимской волости (с. Ишимское, д. Медвѣдчикова, П.-Великосельская и особенно с. Мазалово) извозъ можетъ быть признанъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ благосостоянія всего населенія: имѣющіе достаточное количество лошадей ходятъ въ извозъ самостоятельно, не имѣющіе или имѣющіе мало лошадей ходятъ въ работникахъ при чужихъ лошадяхъ, а въ общемъ извозъ является для названныхъ селеній тѣмъ источникомъ, изъ котораго главнымъ образомъ оплачиваются подати и повинности. — Еще больше размѣры и значеніе извознаго промысла въ трактовыхъ селеніяхъ *Почитанской* волости (кромѣ с. Почитанскаго, гдѣ извозомъ занято всего 10 дворовъ, запрягающихъ до 100 лошадей); здѣсь въ небольшой д. Больше-Песчанкѣ (всего 75 дв.) извозомъ занимается самостоятельно 30 дворовъ, которые въ 1889—1890 г. ѣздили въ извозъ на 290 лошадяхъ; изъ с. Постниковскаго и Верикульскаго въ извозъ уходитъ до 500 лошадей изъ каждаго, изъ татарской д. Теплой-Рѣчки — до 800, изъ с. Колюпскаго — болѣе 1000 лошадей. Изъ внѣтрактовыхъ селеній Почитанской волости извозъ болѣе всего развитъ въ небольшой д. Нижне-Почитанкѣ, откуда въ извозъ выходитъ до 300 лошадей, значительно менѣе — въ д. Верхне-Великосельской; въ послѣдней изъ 53 дворовъ извозомъ занимается 13, которые въ $18\frac{89}{90}$ г. запрягали до 95 лошадей. Довольно существенный заработокъ извозный промыселъ доставляетъ крестьянамъ д. Бекета и Пжморской; самостоятельно занимающихся этимъ промысломъ дворовъ въ этихъ селеніяхъ

*) См. выше, стр. 86.

почти нѣтъ, такъ что изъ каждаго изъ этихъ селеній въ извозъ уходитъ не болѣе 40 лошадей, но за то значительное число (изъ Бекета до 20, изъ Ижморской до 15) лицъ ходятъ въ извозъ въ работникахъ при лошадяхъ крупныхъ хозяевъ-ямщиковъ изъ трактовыхъ селеній. Изъ остальныхъ селеній Почитанской волости можно указать еще на юго-восточной окраинѣ ея на с. Тундинское и Летяжское, въ каждомъ изъ которыхъ самостоятельно занимается извозомъ до 20 дворовъ; затѣмъ во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ юго-восточной и по всей сѣверо-восточной окраинѣ волости извозный промыселъ, можно сказать, совершенно не существуетъ. Не развитъ этотъ промыселъ и въ рядѣ селеній Баимской волости—въ д. Ключевой, Комиссаровкѣ, Примѣткиной и въ трехъ селеніяхъ Теплорѣчинскаго с. о.; не очень развитъ извозъ и въ д. Баимской, с. Благовѣщенскомъ, Тяжинскомъ и д. Подъельничной: изъ первой въ извозъ выходитъ всего до 80 лошадей; во второмъ извозомъ занимается всего 5 дворовъ, запрягающихъ тоже до 80 лошадей; изъ огромнаго с. Тяжинскаго выходитъ не болѣе 200 лошадей. Болѣе развитъ извозный промыселъ въ с. Сусловскомъ, откуда выходитъ до 400 и болѣе лошадей, и въ д. Подъельничной; въ послѣдней извозомъ занимается, правда, всего 13 хозяевъ, но изъ нихъ три—въ крупныхъ размѣрахъ, такъ что въ $18\frac{89}{90}$ г. изъ этого селенія выходило всего до 320 лошадей. Но болѣе всего, сравнительно съ величиною селеній, извозный промыселъ развитъ въ д. Тюменевой, Тенгулахъ, и обоихъ Антибесахъ; во всѣхъ этихъ селеніяхъ въ извозъ ходятъ всѣ, у кого только есть 5 лошадей; изъ 78 дворовъ д. Тенгуловъ извозомъ занимается 20 дворовъ съ 160 лошадьми, изъ 56 дворовъ д. Малаго-Антибеса—25 дворовъ съ 200 лошадьми; изъ д. Большого-Антибеса въ извозъ уходитъ до 350, изъ Тюменевой — до 600 лошадей.

Организація извознаго промысла имѣетъ въ высокой степени капиталистическій характеръ: транспортировка кладей изъ Россіи на востокъ Сибири сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ: Кухтериныхъ, Каменскихъ, Королева, Корнилова, Пушниковыхъ, компаніи „Надежда“ и нѣк. др.; фирмы эти—такъ называемые „доставщики“—принимаютъ на свою отвѣтственность доставку товара за опредѣленную попудную плату, а для перевозки чая изъ Иркутска — за плату съ „мѣста“, но сами играютъ исключительно роль посредниковъ. „Доставщики“ сдаютъ кладь такъ называемымъ „подрядчикамъ“,—извѣстнымъ имъ лично на основаніи прежнихъ сношеній зажиточнымъ крестьянамъ, каждый изъ которыхъ беретъ на себя перевозку партіи товара на 40, 50 и до 60 подводъ, слѣдовательно примѣрно отъ 1100 до 1700 пудовъ. Каждый „доставщикъ“ подряжаетъ всегда однихъ и тѣхъ-же „под-

рядчиковъ", новымъ же лицамъ поручаетъ партіи товара не иначе, какъ по словесной рекомендаціи кого-либо изъ своихъ старыхъ „подрядчиковъ". „Доставщикъ" знаетъ только „подрядчика": ему онъ сдаетъ товаръ съ рукъ на руки, съ него-же взыскиваетъ, на основаніи особо-заключаемыхъ контрактовъ *), за пропажу товара, усыпку или подмочку его, за просрочку и т. п.. Но „подрядчикъ" лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ перевозитъ всю принятую имъ на свою отвѣтственность партію товара на своихъ лошадяхъ: обыкновенно онъ самъ запрягаетъ на болѣе 20—30, иногда—15 и даже 10 лошадей, на недостающее же число лошадей „присоглашаетъ" такъ называемыхъ „связочниковъ"—возчиковъ, слѣдующихъ каждый со своими пятью лошадьми. „Связочники" вмѣстѣ съ подрядчикомъ составляютъ артель, въ которой однако, какъ мы увидимъ ниже, „подрядчикъ" является въ значительной мѣрѣ привиллегированнымъ членомъ. „Связочники" обыкновенно слѣдуютъ со своими лошадьми сами; но нерѣдко они посылаютъ своихъ лошадей со спеціально нанимаемыми для того работниками, а „подрядчики" прибѣгаютъ къ найму работниковъ почти всегда.

Такимъ образомъ, не считая стоящихъ внѣ деревни „доставщиковъ", въ извозномъ промыслѣ принимаютъ участіе три категоріи лицъ: *„подрядчики"*, *„связочники"* или „связчики" и наемные работники.

Положеніе *„подрядчика"*, какъ мы уже сказали, представляется во многихъ отношеніяхъ привиллегированнымъ. Прежде всего „подрядчикъ" не идетъ при своихъ лошадяхъ, поручая каждую „связку" наемному рабочему, рѣже—кому-либо изъ членовъ своей семьи; самъ онъ исполняетъ обязанности „объѣздного", т. е. ѣдетъ, лѣтомъ верхомъ, зимой—на маленькихъ санкахъ, при обозѣ, наблюдая за цѣлостью товара отъ воровъ, и т. д.; при приближеніи къ каждой станціи онъ ѣдетъ впередъ, рядится съ тѣмъ или другимъ дворникомъ, затѣмъ выѣзжаетъ на встрѣчу обозу и проводитъ его „въ ограду" къ дворнику. Онъ-же производитъ всѣ разсчеты съ дворниками, записывая всѣ расходы въ книжку, по которой въ концѣ „дороги" производитъ разсчетъ со связочниками. Такимъ образомъ „подрядчикъ", какъ „объѣздной", исполняетъ при обозѣ обязанности караульщика (впрочемъ неотвѣтственнаго), цирикщика и бухгалтера. За это, равно какъ и за свое посредничество, „подрядчики" прежде получали со „связочниковъ" особую попудную плату, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 коп. съ каждаго пуда товара; въ настоящее время подрядчики такой платы не получаютъ: съ общимъ пониженіемъ провозныхъ платъ „не изъ чего пла-

*) Образецъ контракта см. Иркутск. Матеріалы, т. II, вып. 4, стр. 410.

тить стало", и выгоды, получаемыя подрядчикомъ, сводятся къ слѣдующимъ статьямъ: прежде всего онъ получаетъ плату за объѣздную лошадь, иногда въ размѣрѣ, равномъ чистому заработку грузовой лошади, чаще же въ опредѣленномъ размѣрѣ, а именно за каждый конецъ съ каждой „связки" по 1 р. 50 к.—2 р., а слѣд. всего за всю „сходку" отъ 30 до 40 рублей; затѣмъ онъ (вмѣстѣ съ объѣздною лошадью) продовольствуется на привалахъ безплатно, причемъ получаетъ гораздо болѣе изысканную пищу и лучшее помѣщеніе для ночлега, нежели „связчики". Но главный источникъ дохода для подрядчиковъ, это—возможность обсчитывать „связчиковъ", — возможность, которою они широко пользуются. Жалобы на мошенничества при „дорожныхъ разсчетахъ" изслѣдователю приходилось записывать повсемѣстно: „изъ ста развѣ одинъ не обманываетъ", говорятъ хозяева-„связочники"; обсчеты производятся главнымъ образомъ показаніемъ, по предварительному соглашенію съ дворниками, расходовъ по постою и прокорму лошадей и возчиковъ въ высшихъ противъ дѣйствительности размѣрахъ; „связчики", правда имѣютъ возможность провѣрки записей путемъ спроса дворниковъ, но, съ одной стороны, послѣдніе, дорожа расположеніемъ подрядчиковъ, дѣйствуютъ въ ихъ интересахъ; а съ другой—для „связчика" такая осмотрительность сопряжена съ значительнымъ рискомъ: „связчикъ", оказавшійся не достаточно „простымъ", рискуетъ въ слѣдующемъ году не получить груза не только отъ этого подрядчика, но и отъ другихъ: „тебя мнѣ не надо, иронически говорятъ такому неудобному связчику",—„ты считать умѣешь", и во избѣжаніе этого „связчики" терпѣливо переносятъ мелкіе обсчеты (изъ которыхъ однако для подрядчика составляются очень крупныя суммы) и рѣшаются на протестъ только въ случаяхъ слишкомъ крупныхъ, вопіющихъ мошенничествъ.

На концѣ противуположномъ тому, который занимаютъ „подрядчики", стоятъ *наемные работники*. Это иногда просто годовые работники, которыхъ хозяева посылаютъ въ извозъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—работники, нанимаемые спеціально для этой цѣли помѣсячно или „на сходку", т. е. на дорогу изъ Томска въ Иркутскъ и обратно, независимо отъ случайныхъ колебаній ея продолжительности. Состоя на полномъ продовольствіи извощиковъ-хозяевъ и получая одинаковую пищу съ хозяевами-связочниками, они получаютъ денежное вознагражденіе въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	въ мѣсяцъ	«на сходку»	за зиму (двѣ сходки)
зимой:			
въ Спасск. и Семилужн. вол.	9—11 р.	20—22 р.	40—45 р.
въ Ишимск. и Почитанск. вол.	8 р., чаще 9—10 р.	16—18 и до 20 р.	35—40 р.
въ Баимской вол.	7 р., чаще 8 р. 50 к.—9	15—17 р.	30—35 р.
лѣтомъ:			
въ Почитанской вол. . . .	12—15 р.	25—30 р.	
въ Баимской вол.	10—12 р.	20—25 р.	

Заработокъ рабочаго въ извозѣ значительно выше, такимъ образомъ, нежели въ соотвѣтствующее время года при наймѣ на земледѣльческія работы, и—что особенно важно—вся плата получается цѣликомъ при выѣздѣ „въ дорогу“ и такимъ образомъ служитъ для покрытія казенныхъ платежей и другихъ болѣе крупныхъ единовременныхъ расходовъ. Но этотъ значительный заработокъ достается не даромъ: благодаря необходимости совершать переходы днемъ и ночью, на морозѣ и т. п., работа въ извозѣ очень трудна и доступна только молодымъ и очень сильнымъ людямъ, на здоровье которыхъ несомнѣнно оказываетъ разрушительное вліяніе.

Кромѣ найма въ извозъ пѣшихъ рабочихъ передки случаи, когда бѣдные, но все-же имѣющіе одну или двухъ лошадей крестьяне нанимаются въ „обломъ“ вмѣстѣ со своими лошадьми: вмѣстѣ съ послѣдними они поступаютъ на всю „дорогу“ на полное содержаніе извозчика-„связчика“ или „подрядчика“ и получаютъ за свой трудъ и за работу лошадей „обломную“ плату въ размѣрѣ, независимомъ отъ риска предпріятія; случаи подобнаго рода найма бываютъ только зимой, причемъ плата „за сходку“ — повторяемъ, на полномъ содержаніи нанимателя—колеблется:

работнику съ 1 лошадью . . . отъ 25 до 30 руб.
„ „ 2 лошадьми . . „ 35 „ 40 и до 45 руб..

Главную массу лицъ, участвующихъ въ извозномъ промыслѣ, составляютъ „*связочники*“, т. е. извозчики, идущіе каждый со своими лошадьми и участвующіе во всемъ рискѣ предпріятія; со связочниками наравнѣ въ этомъ рискѣ участвуютъ и подрядчики, которые, пользуясь указанными выше преимуществами, во всемъ остальномъ, поскольку являются владѣльцами слѣдующихъ въ составѣ обоза грузовыхъ лошадей, являются такими-же равноправными и равнообязанными членами артели, какъ и каждый изъ связчиковъ; равноправность вы-

ражается при распредѣленіи оставшагося за покрытіемъ издержекъ и за вычетомъ доли, причитающейся „подрядчику“, какъ таковому, чистаго дохода; равенство обязанностей — въ круговой отвѣтственности какъ за обычные дорожные расходы, такъ и за убытки, являющіеся результатомъ просрочекъ, порчи товара и утраты послѣдняго: за порчи и утраты отвѣчаетъ *весь* обозъ пропорціонально числу лошадей; изъятіе допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, — напр. если у кого-нибудь изъ связчиковъ лошади слабы или нагрузка ихъ слишкомъ тяжела; въ такомъ случаѣ могущія случиться потери товара остаются на индивидуальной отвѣтственности связчика, — но такое изъятіе во всякомъ случаѣ оговаривается заранѣе особымъ соглашеніемъ *).

„Связка“, т. е. комплектъ лошадей, управляемыхъ однимъ возчикомъ, является обыкновенно единицей всѣхъ расчетовъ: на связку разсчитывается какъ обычный дорожный расходъ — плата дворникамъ за прокормъ лошадей —, такъ и экстренный расходъ, вызываемый утратой товара, и только провозная плата, а затѣмъ—и чистая прибыль, разсчитывается по числу пудовъ или „мѣстъ“ груза. Отсюда ясно, что выгодность извоза на каждую лошадь растетъ вмѣстѣ съ числомъ лошадей въ „связкѣ“, и слѣдовательно въ интересахъ владѣльцевъ лошадей составлять связки, изъ возможно бо̀льшаго числа подводъ; но съ другой стороны число это имѣетъ максимальную норму, опредѣляемую возможностью для возчика своевременно управляться съ запряжкой и уборкой лошадей и имѣть за ними постоянный присмотръ во время переходовъ; возчикъ легко можетъ „управить“ до пяти лошадей, шесть—уже съ трудомъ. „Связка“, поэтому, въ огромномъ боль-

*) Примѣръ подобнаго особаго соглашенія мы находимъ въ заявленіи, находящемся въ «Дѣлѣ» Семилужнаго воз. суда за 1886 годъ и поданномъ крестьяниномъ Ершуновымъ по спорному дѣлу съ крестьяниномъ Никитинымъ.

«Сынъ мой Гаврило Ершуновъ, читаемъ мы въ этомъ заявленіи, въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1885 года крестьянину села Семилужнаго Василію Никитину для отвоза изъ города Иркутска въ Томскъ наложилъ чаю счетомъ двадцать восемь мѣстъ имѣющихъ вѣсу 24 байковыхъ по 3 п. 20 ф. и 4 мѣста плиточнаго по 5 пуд. всего сто четыре пуда, что и обошлось на 4 лошадей по 26 пуд. на каждую, а на четвертую лошадь т. е. сѣдовую для ямщика 30 пудовъ. Сынъ мой, видя, что Никитинъ воза кладетъ не по силѣ лошадямъ, предупредилъ его въ этомъ, говоря, что лошади Никитина съ такимъ грузомъ должны отставать одна отъ другой на дальнее разстояніе и черезъ то можетъ быть потеря чаю, что и случилось на самомъ дѣлѣ. На этотъ вопросъ Никитинъ обязался какія-бы то въ пути слѣдованія встрѣтятся съ его лошадей убытки онъ всю отвѣтственность принимаетъ на себя; въ Красноярскомъ округѣ въ вѣдѣніи Зеледеевской волости дорогой у Никитина украдено одно мѣсто байховаго чаю, за которое доставщикъ Куренковъ взыскалъ съ меня сто пятьдесятъ пять рублей; по расчету Никитину причитается получить съ меня пятьдесятъ шесть рублей, за исключеніемъ которыхъ Никитинъ обязанъ доплатить мнѣ девяносто девять рублей»...

Надо впрочемъ замѣтить, что искъ Ершунова, по неуказаннымъ въ рѣшеніи мотивамъ, оставленъ судомъ безъ послѣдствій.

ншинствѣ случаевъ составляется изъ пяти подводъ, очень рѣдко — изъ шести, а еще рѣже въ извозъ выѣзжаютъ на четырехъ лошадяхъ. Самостоятельно заниматься извознымъ промысломъ въ качествѣ „связчиковъ“ можетъ поэтому только крестьянинъ, имѣющій пять лошадей, многолошадный хозяинъ выпускаетъ въ извозъ лишь число лошадей, кратное пяти, а не дѣлящійся на пять остатокъ оставляетъ для домашнихъ работъ (см. также ниже). Что касается до хозяевъ, имѣющихъ одну или двухъ лошадей, то они поступаютъ вмѣстѣ со своими лошадьми въ „обломный“ наемъ, на указанныхъ выше условіяхъ; четырехлошадные нанимаютъ работника съ лошадью или „принимаютъ“ одну только лошадь у какого-либо „одинокаго“ односельчанина; что касается наконецъ до трехлошадныхъ, то они либо прибѣгаютъ къ одному изъ двухъ только-что указанныхъ способовъ, либо чаще принимаютъ еще трехъ лошадей „отъ хозяина“ и идутъ со связкой изъ шести лошадей; при разсчетѣ такой связчикъ получаетъ изъ причитающейся на связку суммы чистой прибыли плату, равную платѣ наемнаго работника (16—18—20 р.), а остатокъ, причитающійся на лошадей, дѣлится поровну между нимъ и „хозяиномъ“.

Въ видѣ общаго правила связчикъ—владѣлецъ лошадей самъ идетъ съ обозомъ и нанимаетъ работниковъ только въ томъ случаѣ, если идетъ съ нѣсколькими связками. Но бываютъ и такіе случаи, когда владѣлецъ самъ не идетъ въ извозъ, а посылаетъ лошадей съ одними только наемными работниками, поручая надзоръ за послѣдними „подрядчику“: „крестьянинъ Коровинъ, читаемъ мы напр. въ рѣшеніи Ишимскаго волостнаго суда отъ 18 Іюня 1885 г. за № 55, поручилъ (подрядчику) Медвѣдчикову 15 лошадей при трехъ работникахъ для проѣзда въ г. Иркутскъ и обратно съ купеческими товарами; письменныхъ сдѣлокъ, довѣренностей или договоровъ между ними никакихъ не было“. Права и имущественная отвѣтственность связчика отъ замѣны себя работникомъ нисколько не измѣняются; увеличивается только плата работнику или старшему изъ работниковъ, которому вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляются нѣкоторыя „хозяйскія“ права, вродѣ напр. права продавать лошадей въ случаѣ необходимости покрытія какихъ-либо экстренныхъ расходовъ, и т. п..

Обращаясь затѣмъ къ условіямъ заподряда возчиковъ, упомянемъ еще разъ, что на послѣднихъ возлагается безусловная отвѣтственность за всякую пропажу или порчу товара — даже за такія поврежденія, какъ поврежденіе таможенныхъ печатей на тюкахъ съ чаемъ; для упаковки извозчики получаютъ отъ „доставщиковъ“ рогожи-циновки, которыя сдаютъ вмѣстѣ съ товаромъ. Взысканія за неисправности во всѣхъ этихъ отношеніяхъ производятся всегда безъ малѣйшаго послабленія. На доставку товара всегда назначается опредѣленный — отъ Томска

до Иркутска обыкновенно 28-дневный срокъ (въ дѣйствительности дорога продолжается отъ 25 до 30 дней, иногда и дольше); за просрочку въ договорѣ устанавливается неустойка: за каждыя сутки при возкѣ „россійскихъ“ товаровъ въ Иркутскъ по 10 к. съ пуда, при возкѣ чаевъ въ Томскъ—по 50 к. съ „мѣста“. Неустойка эта въ случаяхъ опозданія въ Иркутскъ очень часто прощается; напротивъ *всегда* взыскиваютъ неустойку при осенней доставкѣ чая въ Томскъ, когда грузъ долженъ поспѣть къ Ирбитской ярмаркѣ и когда „доставщику“ въ случаѣ опозданія обоза въ Томскъ приходится дороже платить за дальнѣйшую перевозку или же опоздать со своимъ товаромъ въ Ирбитъ и самому платить неустойку.—И наконецъ въ контракты *всегда* включается условіе объ обратномъ грузѣ изъ Иркутска,—условіе безусловно необходимое, такъ какъ при условіи возвращенія порожнемъ извозъ былъ-бы совершенно невозможенъ.

Обратимся затѣмъ къ вопросу о размѣрахъ провозныхъ платъ и путевыхъ издержекъ и по сопоставленію тѣхъ и другихъ — къ разрѣшенію вопроса о чистой доходности и значеніи извознаго промысла. При этомъ мы будемъ говорить только о наиболѣе распространенномъ видѣ этого промысла—объ извозѣ зимнемъ, впослѣдствіи предоставляя себѣ сказать особо о лѣтнемъ извозѣ. Предварительно укажемъ еще только на обычныя нормы нагрузки, за которыя для зимняго времени можно принять:

„россійскаго товара“ отъ 25 до 30,	въ среднемъ	28	пудовъ
кирпичнаго чая 7 мѣстъ	(по 4 пуда) вѣсомъ	28	„
фамильнаго „ 8 „	(по 3 п. 20 ф.) „	28	„

Провозныя платы за послѣднее десятилѣтіе значительно понизились; прежде обычная плата за пудъ „россійскихъ товаровъ“ зимой была отъ 2 р. 50 к. до 3 р., лишь изрѣдка падая до 2 рублей, а иногда поднимаясь и до 4 и даже 5 рублей; за „мѣсто“ кирпичнаго чая платили по 10—12 и до 14 рублей. Пониженіе провозныхъ платъ было вызвано съ одной стороны пароходнымъ движеніемъ по Чулыму, съ другой и главнымъ образомъ — чрезмѣрнымъ размноженіемъ извозчиковъ: прежде извозомъ занимались только сравнительно немногіе, зажиточные дворы, которые возили только тогда, когда находили цѣну для себя вполнѣ выгодною; въ настоящее время въ извозъ пошла масса болѣе или менѣе бѣднаго народу, и всѣ кругомъ въ долгу: связчики у подрядчиковъ, подрядчики у доставщиковъ,— „какую-бы цѣну ни давали, а ѣхать надо“. Въ результатѣ еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ обычная провозная плата понизилась

до 2 р. съ пуда, а въ концѣ 80-хъ годовъ цѣны провоза за все разстояніе колебались въ слѣдующихъ предѣлахъ:

за пудъ „россійскаго“ товара 1 р. 60 к.—1 р. 80 к.
за „мѣсто“ кирпичнаго чая 7 р. (= 1 р. 75 к.)
„ байховаго чая 5 р.—5 р. 50 к. (= 1 р. 45 к.—1 р. 60 к. за пудъ).

По той-же цѣнѣ возили товаръ въ первой половинѣ зимы 1889—1890 года; во второй половинѣ зимы („вторая дорога“) попудная плата упала до 1 р. 50 к., 1 р. 40 к. и даже 1 р. 30 к..

Независимо отъ такого абсолютнаго пониженія размѣровъ провозной платы въ послѣдніе годы „доставщики“ ввели крайне вредный для возчиковъ обычай—выдавать имъ часть провозной платы, обыкновенно отъ 20 до 30% ея, „товаромъ“. Такимъ товаромъ обыкновенно является „пунцовый ситчикъ“ — низкосортныя бумажныя матеріи, которыя „доставщики“ спеціально для этой цѣли закупаютъ на Ирбитской ярмаркѣ и навязываютъ подрядчикамъ, а чрезъ нихъ—и связчикамъ, по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ: ситецъ, стоющій въ Томскѣ 15 копѣекъ, ставится подрядчику въ счетъ по 35 копѣекъ; подрядчикъ навязываетъ товаръ въ той-же пропорціи (20—30%) дворникамъ, за что послѣдніе на 10—20% повышаютъ свои цѣны; остатокъ „товара“ распредѣляется между связчиками въ счетъ ихъ чистаго дохода по той-же цѣнѣ 35 к. за аршинъ; связчики же часть товара потребляютъ сами, большую же часть сбываютъ мѣстнымъ лавочникамъ по 8, много по 10 копѣекъ за аршинъ!...

На основаніи изложеннаго валовой заработокъ на одну лошадь и на „связку“ въ 5 лошадей опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

		на лошадь	на «связку»
до начала послѣдняго 10-лѣтія.	въ Иркутскъ по 2 р. 50 к.—3 р. съ пуда обратно, по 10—12 р. съ мѣста	70— 84 р.	350—420 р.
	Всего за „сходку“ . .	140—168 р.	700—840 р.
въ первой половинѣ 80-хъ годовъ.	въ Иркутскъ, по 2 р. съ пуда	56 р.	280 р.
	обратно по 8 р. съ мѣста	56 р.	280 р.
	Всего за „сходку“. .	112 р.	560 р.

во второй половинѣ 80-хъ годовъ.	въ Иркутскъ, по 1 р. 60 к.—1 р. 80 к. съ пуда.	45—50 р.	225—250 р.
	обратно, по 7 р. съ мѣста.	49 р.	245 р.
	Всего за „сходку“. .	94—99 р.	470—495 р.

Переходимъ теперь къ вопросу о *расходахъ* возчиковъ. Здѣсь надо прежде всего упомянуть объ ежегодномъ *ремонтѣ* „ямщицкой снасти“—саней, сбруи и т. п.. Сбруя для дальняго извоза непремѣнно должна быть въ отличномъ состояніи, такъ какъ иначе она не можетъ выдержать трудностей путешествія: главнымъ образомъ потому, что въ Енисейской губерніи есть мѣста, гдѣ не держится снѣгъ и потому санямъ приходится ѣхать по голой землѣ; ежегодно приходится заводить вновь среднимъ числомъ двое саней (цѣна саней съ оковкою отъ 5 р. до 7 р.); съ ремонтомъ оковки другихъ саней, веревокъ, сбруи, общая затрата на ремонтъ составляетъ въ годъ около 30 рублей на „связку“.

Самую крупную статью расходовъ въ извозномъ промыслѣ представляетъ расходъ на содержаніе лошадей и возчиковъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ пути. Расходъ этотъ, по показаніямъ ямщиковъ, въ настоящее время, вообще говоря, не измѣнился въ сравненіи съ прежнимъ: правда, цѣны припасовъ замѣтно возросли; но за то, благодаря пониженію доходности извознаго промысла и сокращенію размѣровъ послѣдняго, дворники дѣлаютъ гораздо меньшія набавки на цѣны, нежели прежде, и въ общемъ, поэтому, расходы возчиковъ по этой статьѣ остались тѣ-же, что прежде.

При постоѣ у дворниковъ прежде былъ установленъ обычаемъ такой порядокъ: овесъ для обозныхъ лошадей покупался вѣсомъ (въ годы наибольшей доходности извоза и дворничества—даже мѣрою) въ потребномъ по соображеніямъ каждаго отдѣльнаго возчика количествѣ; затѣмъ сѣно въ неопредѣленномъ количествѣ („сколько съѣдятъ“), водопой на всю „связку“, ночлегъ и продовольствіе возчика — все это входило въ составъ какъ называемаго „препона“, плата за который взималась въ размѣрѣ, равномъ цѣнѣ пуда овса. Въ настоящее время обнаруживается переходъ къ другому порядку, при которомъ обозъ беретъ у дворника овесъ попудно, сѣно — повозно (возъ идетъ на 25—30 лошадей), водопой дается лошадямъ безплатно, а за харчи возчиковъ разсчетъ производится съ „выти“ (обѣдъ, ужинъ и два раза чай), — но на размѣрахъ расходовъ это измѣненіе порядка разсчета почти не отразилось. Цѣны пуда овса у дворниковъ (а слѣд. и „препона“) колебались въ послѣднее десятилѣтіе въ слѣдующихъ предѣлахъ:

въ границахъ Томскаго округа . . . 50—60 к.
въ Маріинскомъ округѣ и до Ачинска 40—50 к.
отъ Ачинска до Канска . . . . . 50—60 к.

начиная отъ Канска цѣна непрерывно поднимается до 1 р., 1 р. 25 к., а на послѣдней станціи передъ Иркутскомъ—и до 1 р. 50 к. за пудъ овса и за „препонъ". Въ самомъ Иркутскѣ за овесъ платятъ 1 р. 25 к. и дороже, сѣно покупаютъ повозно по 7—8 и до 10 рублей за возъ.

Размѣръ расхода овса на „связку" опредѣляется извозчиками среднимъ числомъ около 3—4 пудовъ на каждой пряжкѣ (перегонъ въ 40—45 и до 50 верстъ); на первыхъ „пряжкахъ" отъ Томска, пока лошади свѣжи, овса расходуютъ мало—по 1—2 пуда на пряжку; чѣмъ болѣе устаютъ лошади, тѣмъ болѣе имъ скармливаютъ овса, расходуя на послѣднихъ „пряжкахъ" до 5 пудовъ на „связку".

Вычислить общую стоимость прокорма возчика со „связкой" лошадей отъ Иркутска до Томска, мы по имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ не можемъ; мы возьмемъ поэтому эту величину готовою изъ Иркутскихъ „Матеріаловъ", гдѣ она опредѣляется въ одинъ конецъ въ 136 р., за всю „сходку" слѣдовательно — 272 р. на „связку".

Дорожные сборы являются въ главной своей массѣ расходомъ, полвившимся въ самое послѣднее время; съ лошади взимается:

	сбора на поправку дорогъ.	городскаго сбора.	прорубныхъ.
при выѣздѣ изъ Томска. . . .	2 р. 23 к.	30 к.	5 к.
„ „ „ Иркутска . .	2 р. 23 к.	45 к.	—
въ Ачинскѣ въ оба пути . . .	—	15 к.	—
Всего . . .	5 р. 41 к.,	или со связки	27 р. 5 к.,

да ямщикъ при проѣздѣ въ каждый путь уплачиваетъ 4 раза за прописку паспорта по 10 к., и слѣд. общая сумма сборовъ доходитъ до 27 р. 85 к.

Мелкіе путевые расходы вызываются прежде всего разнообразными исправленіями перевозочнаго инвентаря: подковываніемъ лошадей, починками сбруи, саней и т. п.; далѣе на первыхъ станціяхъ отъ Томска и отъ Иркутска свѣжимъ лошадямъ дается „выстойка", взамѣнъ которой нерѣдко нанимаютъ на слѣдующій перегонъ подставныхъ лошадей, а обозныхъ лошадей ведутъ безъ груза; подставныхъ же лошадей приходится нанимать и во время дальнѣйшаго пути, когда

обозныя лошади начинаютъ „приставать"; въ Енисейской губерніи вблизи г. Красноярска нерѣдко вовсе не оказывается снѣга, и тогда нанимаютъ у мѣстныхъ жителей телѣги, ставятъ на нихъ сани и такимъ образомъ проѣзжаютъ безснѣжное мѣсто, и т. д... Всѣ эти расходы по своему случайному характеру не поддаются точному учету. За средній размѣръ ихъ труды Иркутской экспедиціи принимаютъ на каждую связку 10 р. въ конецъ или 20 р. за „сходку", но эта цифра несомнѣнно будетъ слишкомъ низка, и средній размѣръ этого рода расходовъ будетъ никакъ не ниже 40 р. за „сходку".

Наконецъ послѣднимъ обыкновеннымъ расходомъ является отчисленіе *„на объѣздную лошадь"* (см. выше, стр. 148), колеблющееся на связку между 30 и 40 р., въ среднемъ—35 рублей на „сходку".

Если затѣмъ обратиться къ вопросу о *чистой доходности* извознаго промысла, то изъ сказаннаго ясно будетъ, что доходность эта въ настоящее время должна оказаться значительно ниже, нежели прежде. И въ самомъ дѣлѣ: изъ показаній крестьянъ мы узнаемъ, что еще въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ обычный размѣръ чистой прибыли за одну „сходку" равнялся 100 рублямъ на „связку", а слѣд. за зиму (двѣ сходки) человѣкъ съ пятью лошадьми свободно зарабатывалъ до 200 рублей. Простой разсчетъ покажетъ намъ, что въ настоящее время такой размѣръ чистаго дохода немыслимъ. Въ самомъ дѣлѣ: общая сумма обыкновенныхъ издержекъ „на сходку и связку" изобразится слѣдующимъ образомъ:

Ремонтъ саней и сбруи (30 р. за зиму). .	15 р.	
Продовольствіе лошадей и возчика.	272 р.	
Дорожные и городскіе сборы.	27 р.	85 к.
Мелкіе путевые расходы.	40 р.	
Отчисленіе за объѣздную лошадь.	35 р.	
Итого за „сходку"	389 р.	85 к.

А такъ какъ валовой доходъ при существовавшихъ въ послѣднее пятилѣтіе фрахтахъ оказался равнымъ отъ 470 до 495 рублей, то *чистый* доходъ за „сходку", согласно сдѣланному разсчету, долженъ колебаться между 80 и 105 рублями на связку. Между тѣмъ цифры эти несомнѣнно значительно *выше* дѣйствительности: по вполнѣ единодушнымъ показаніямъ крестьянъ-извозчиковъ во всѣхъ районахъ развитія извоза, чистый доходъ въ послѣднее время при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ не превышаетъ 50 рублей на „связку" или 10 рублей на каждую лошадь. Въ подтвержденіе справедливости этихъ показаній мы можемъ привести любопытный документъ—удостовѣреніе

(отъ 22 октября 1889 г.) окольныхъ крестьянъ д. Лазгиной (Семил. вол.), представленное Семилужному вол. суду по спорному дѣлу, возникшему изъ „дорожнаго разсчета“; въ удостовѣреніи этомъ констатируется, что „дорога можетъ принести чистаго барыша не болѣе 10—12 рублей на лошадь, въ противномъ же случаѣ принесетъ убытокъ“.

Такимъ образомъ чистая прибыль въ 50, много 60 рублей за „сходку“ при благопріятныхъ условіяхъ, полное поглощеніе провозной платы дорожными расходами при неблагопріятныхъ,—таковы при условіяхъ послѣдняго пятилѣтія конечные результаты извознаго промысла.

Выводъ этотъ очевидно далеко не совпадаетъ съ выводомъ, сдѣланнымъ нами выше изъ сопоставленія цифръ прихода и расхода. Причины такого несоотвѣтствія очень легко выяснить: онѣ кроются въ томъ, прежде всего, что мы игнорировали въ нашихъ разсчетахъ вліяніе обычая выдавать часть платы „товаромъ“, и особенно — производимыхъ подрядчиками обсчетовъ; далѣе весьма вѣроятно, что норма стоимости прокорма ямщика и лошадей во время пути, взятая нами готовою изъ Иркутскихъ „Матеріаловъ“, нѣсколько ниже дѣйствительности; но главное — мы совершенно игнорировали ложащіяся на ту-же провозную плату экстренные расходы, обусловливаемые преждевременною порчею пути, неустойками за просрочки, взысканіями за усышку и подмочку товаровъ и т. п.; всѣ эти экстренные расходы очень часто сводятъ чистую прибыль возчиковъ къ минимальной величинѣ или къ нулю. Тѣ убытки, о которыхъ упоминалось выше,— „наѣзды на шею“, какъ говорятъ крестьяне,— и въ изслѣдованномъ краѣ, почти всегда являются результатомъ „утратъ“—покражъ перевозимаго товара; благодаря существованію на „большой дорогѣ“ особаго класса людей съ темными источниками существованія, — класса, къ которому нерѣдко принадлежатъ и богатые дворники, такія покражи—самое заурядное явленіе: чаще всего воры ограничиваются похищеніемъ („срѣзываютъ“) одного или нѣсколькихъ „мѣстъ“ съ товаромъ, но при удачѣ уводятъ и цѣлый возъ съ товаромъ. Насколько, благодаря вліянію всѣхъ этихъ обстоятельствъ усложняются „дорожные разсчеты“, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, документально извлеченныхъ изъ книгъ рѣшеній и „дѣлъ“ нѣкоторыхъ волостныхъ судовъ:

Рѣшеніе Ишимск. вол. суда 18. VI. 1885 г., № 55.

Ишимскій волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянина Григорія Коровина, въ которомъ онъ жалуется на таковаго же Семена Медвѣдчикова, что послѣдній по дорожному разсчету по доставкѣ купеческихъ товаровъ въ г. Иркутскъ и обратно съ нимъ, Коровинымъ, не расчитался, и кромѣ того продалъ

принадлежащихъ ему двухъ лошадей, стоющихъ 100 руб., и одну промѣнялъ. Изъ распросовъ дознано, что крестьянинъ Коровинъ поручилъ Медвѣдчикову 15 лошадей при трехъ работникахъ для проѣзда въ г. Иркутскъ и обратно съ купеческими товарами. Письменныхъ сдѣлокъ, довѣренностей или договоровъ между ими никакихъ не было. По произведенному между ними дорожному разсчету по книжкѣ имѣемой у Медвѣдчикова причлось за нимъ двадцать руб., лошадей же двухъ продавалъ работникъ Коровина—Василій Крапивниковъ, потому что недоставало денегъ на проѣздъ и прокормленіе прочихъ лошадей и проданы таковые за 41 р. и деньги вручилъ Медвѣдчикову, Крапивниковъ же и промѣнялъ одного коня, потому что таковой попуренъ такъ, что не могъ везти возъ, а потому соображаясь съ дознаніями Волостной Судъ *постановилъ*: На удовлетвореніе иска крестьянина Григорія Коровина взыскать съ таковаго же Медвѣдчикова всего двадцать рублей.

Другое рѣшеніе по тому-же дѣлу, вслѣдствіе отмѣны перваго постановленіемъ Томскаго по кр. дѣл. присутствія.

Ишимскій волостной Судъ, выслушавъ копію съ журнальнаго постановленія Присутствія по крестьянскимъ дѣламъ 15-го Іюля подъ № 30, и заявленіе крестьянъ Григорія Коровина и Семена Медвѣдчикова о дорожномъ ихъ разсчетѣ при проѣздѣ въ городъ Иркутскъ и обратно, по доставкѣ купеческихъ товаровъ, гдѣ Медвѣдчиковъ дорогою продалъ принадлежащихъ Коровину двухъ лошадей и одну промѣнялъ; изъ произведеннаго дознанія оказалось, что лошади были поручены Медвѣдчикову, всего 15 лошадей при работникахъ, и при проѣздѣ изъ г. Иркутска денегъ на прокормъ лошадей не достало и потому работникъ Григорія Коровина Крапивниковъ продалъ двухъ лошадей за 41 руб. и деньги передалъ для расхода Медвѣдчикову, онъ же, Красильниковъ, промѣнялъ и третью лошадь, какъ попуренную, немогущую вести возъ, вслѣдствіе чего Коровинъ и просилъ возвратить ему деньги, за проданныхъ лошадей 100 р.. Изъ произведеннаго между ними разсчета Коровину слѣдуетъ за доставку товаровъ изъ г. Томска въ Иркутскъ и обратно 1368 р. 85 к., а съ него слѣдуетъ за прокормъ лошадей и работниковъ 1327 р. 61 к., и кромѣ того дорожнаго расхода, какъ видно изъ расходной книжки: за объѣздную слѣдуетъ въ передній путь 24 р. 31 к. и особыхъ расходовъ при проѣздѣ 40 р., всего 1418 р. 2 к. Расчетъ этотъ подтвержденъ ямщиками, бывшими при обозѣ, Андреемъ .... и Андріаномъ Великосельскимъ, слѣдовательно причитается за Коровинымъ за исключеніемъ денегъ за проданныхъ его лошадей 41 р.—8 р. 17 к., а потому Волостной Судъ предложилъ тяжущимся примириться, но Коровинъ желанія на примиреніе не изъявилъ. *Постановлено*: Деньги, слѣдующія по разсчету, 8 р. 17 к. взыскать съ крестьянина Григорія Коровина.

Дѣло Семилужнаго вол. суда за 1887 годъ; заявленіе.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, живши вмѣстѣ сынъ мой со мной Андріанъ въ компаніи къ крестьянину деревни Лязгиной Степаномъ Андреевымъ Лязгинымъ и другими повезъ на пяти лошадяхъ отъ Томскаго купца изъ города Томска до г. Иркутска товары; весь обозъ компаніи состоялъ съ моими изъ сорока четырехъ лошадей; не доѣзжая до г. Канска пятнадцать верстъ изъ обоза у насъ угнали возъ съ товаромъ на сумму тысячу двѣсти двадцать во-

семь рублей. Далѣе въ Тулунской волости деревни Шебарты сынъ мой Андреянъ умеръ скоропостижно. Степанъ Лязгинъ, какъ подрядчикъ доставки товаровъ, нанялъ на моихъ коней работника до г. Иркутска и обратно въ Томскъ за 10 рублей. По прибытіи въ г. Иркутскъ Степанъ Лязгинъ самовольно отдалъ въ уплату долга за потерянный товаръ моего коня за 175 рублей и продалъ лошадь еще за пятнадцать рублей, которая мнѣ стоила пятьдесять, а на трехъ остальныхъ наложилъ чаи, двадцать два мѣста, которыя привезъ въ г. Томскъ мой работникъ. По прибытіи Лязгина изъ Томска домой я потребовалъ разсчетъ и онъ мнѣ уплатилъ только одинъ рубль и пятнадцать рублей за лошадь проданную, а больше, говоритъ, твои кони не заработали. Въ г. Иркутскъ было накладено товару 113 пуд. 13 ф., которые въ г. Иркутскъ доставлены въ цѣлости; плата за доставку товаровъ была два рубля за пудъ; въ г. Томскъ работникъ привезъ двадцать два мѣста чаю, доставка по семь рублей десять копѣекъ съ мѣста. Слѣдовательно заработано денегъ должно быть всего 382 р. 85 коп., на уплату потерянныхъ товаровъ причитается съ каждой лошади по 28 р., итого съ моихъ лошадей должно слѣдовать сто сорокъ рублей, на похороны сына употреблено 32 рубля, работнику уплочено 10 рублей и я получилъ одинъ рубль, и при отправкѣ въ г. Иркутскъ взято 36 руб. и 12 арш. ситцу по 30 к. арш., итого на 3 руб. 60 коп.. По моему счету, за исключеніемъ всѣхъ вышесказанныхъ расходовъ, изъ заработанныхъ конями денегъ остается 60 руб. 25 коп. и за коня 175 руб., итого 235 руб.

Заявляя о вышеозначенномъ покорнѣйше прошу Семилужное Волостное Правленіе крестьянина Степана Лязгина потребовать на Волостной судъ, гдѣ произвести учетъ расхода Лязгина на кормъ моихъ лошадей, а остальныя деньги взыскать съ него, которыми удовлетворить меня, кромѣ того за проданную самовольно лошадь взыскать денегъ 50 руб.

Дѣло Семилужн. вол. суда за 1886 г. заявленіе.

Въ Декабрѣ м-цѣ 1885 г. крестьянинъ села Семилужнаго Гаврила Андреевъ Ершуновъ пригласилъ меня на собственныхъ моихъ лошадяхъ съ купеческими товарами въ извозъ. Согласившись на предложеніе Ершунова я заклалъ своихъ шесть лошадей и до города Иркутска дошли благополучно. Прибывъ въ Иркутскъ, мы съ Ершуновымъ наложили обратно въ Томскъ чаи, я, Никитинъ, на 4-хъ лошадей, а Ершуновъ на 18 лошадей; такимъ образомъ и слѣдовали болѣе 1000 верстъ. Проѣхавъ городъ Красноярскъ съ моихъ лошадей ворами снято одно мѣсто байховаго чаю, за которое вычтено 155 р., за подмочку 4 мѣсть 65 р., за передѣлку мѣстъ 6 р., за китайскую бумагу 4 р. 80 к. и за караулъ 1 р. 50 к., а всего удержано 232 р. 30 коп., каковая утрата, по заведенному ямщицкому порядку, должна быть раздѣлена повозно и на моихъ 4 воза падаетъ, считая на каждую лошадь по 10 р. 55 к., всего 42 р. 20 к.; заработано мною до Томска 32 р. и дорогою я, Никитинъ, давалъ Ершунову (на)личными деньгами 24 р., всего слѣдовало мнѣ получить 56 р.; исключая изъ этого числа за потерю 42 р. 20 к., затѣмъ приходится 13 р. 80 к., которые мнѣ Ершуновъ, по многократнымъ требованіямъ моимъ, не уплачиваетъ.

Заявленіе противной стороны по тому-же дѣлу.

Крестьянинъ села Семилужнаго Василій Павловъ Никитинъ отъ сына моего Гаврилы Ершунова въ первыхъ числахъ Декабря м-ца прошлаго 1885 г. при-

нялъ 28 мѣстъ чаю доставить изъ г. Иркутска до г. Томска съ тѣмъ, что если въ пути слѣдованія послѣдуетъ порча чаю или утрата, то Никитинъ обязанъ уплатить ту сумму насколько послѣдуетъ убытокъ. Никитинъ, слѣдуя при обозѣ съ моими лошадьми, въ Красноярскомъ округѣ потерялъ одно мѣсто байковаго чаю, за которое я уплатилъ доставщику чаевъ Куренкову 155 р., и кромѣ того дорогой же на моихъ лошадяхъ подмочено четыре мѣста байховаго чаю, за что я уплатилъ Куренкову личными деньгами 73 р. 50 к., и на досылку моченыхъ и въ другіе мѣста представилъ Куренкову чаю 55 ф. по 1 р. 35 к. на 85 р. 25 к., а всего убытковъ на 313 р. 75 к. Никитинъ же принялъ изъ этого числа на раскладъ по числу бывшемъ въ нашемъ обозѣ лошадей моихъ 18-ти и Никитина 4-хъ только 228 р. 50 к., а остальныя 85 р. 25 к. разложить по лошадямъ не соглашается потому, что я до расчета не имѣлъ отъ доставщика Куренкова письменнаго удостовѣренія въ томъ, что представленный мною чай 55 ф. купивъ употребилъ на досылку моченаго чая и въ другія мѣста; объявляя о вышеизложенномъ Семилужному Волостному Правленію покорнѣйше прошу сдѣлать между мной съ Никитинымъ добросовѣстный расчетъ. Въ спорѣ Никитина пояснениаго 55 фунтовъ чая на 85 р. 25 к. въ употребленіи онаго, какъ выше сказаннаго, я имѣю отъ доставщика Куренкова письменное удостовѣреніе; въ противномъ случаѣ взыскать съ Никитина слѣдующіе мнѣ по расчету съ нимъ девяносто девять рублей и оными меня удовлетворить по уваженіи тому, что Никитинъ всѣ убытки за подмочку чая и прочія бывшія на моихъ лошадяхъ къ раскладу по лошадямъ не принялъ по этому и я за потерянное Никитинымъ мѣсто чаю платежъ на количество моихъ 18 лошадей принять не долженъ, а должны платить отдѣльно я за подмочку и другой недостатокъ чаю, а Никитинъ за потерянное имъ чай одного мѣста.

Рѣшеніе Семилужн. вол. суда 17 Февр. 1885 г.

1885 года, Февраля 17 дня разбиралъ дѣло по жалобѣ кр. Петра Агафонова съ кр. Еферія Скворцова въ суммѣ 29 р. 15 к. Передъ разборомъ дѣла оказалось: что Агафоновъ и Скворцовъ ходили въ дорогу и понесли убытокъ, по случаю кражи у нихъ товара, каковой въ суммѣ 29 р. 15 к. и падаетъ на долю Скворцова; принимая во вниманіе, что Скворцову слѣдуетъ получить съ Агафонова за водку лошадей 6 р. 60 к., въ томъ числѣ 2 р. 60 к. за свозъ мѣстъ чаю 1 р. 40 к. имъ въ Томскѣ за счетъ Агафонова всего 8 р. каковыя и слѣдуетъ исключить изъ денегъ убытка на долю Скворцова. Свидѣтель Григорьевъ, спрошенный, заявилъ, что расчетъ въ убыткахъ сдѣланъ вѣрно, такъ какъ онъ и самъ былъ товарищемъ съ Агафоновымъ и Скворцовымъ по доставкѣ товаровъ. Принимая все изложенное во вниманіе Волостной Судъ, на основаніи 96 ст. Общаго положенія о крестьянахъ, постановилъ въ пользу кр. Петра Агафонова взыскать съ кр. Скворцова денегъ 21 р. 15 к. двадцать одинъ руб. пятнадцать копѣекъ.

Рѣшеніе Ишимскаго вол. суда 1884 г. №

... разбирали счетъ доставленнымъ товарамъ изъ г. Томска въ г. Иркутскъ и приходо-расходъ деньгамъ, израсходованнымъ на пять лошадей крестьянина д. Медвѣдчиковой Ефрема Яковлева Елизарова, просятъ согласно представленнаго счета взыскать съ Елизарова перерасходованные дорогою 61 р. 20 к.

Обстоятельства настоящаго дѣла слѣдующія: Изъ представленнаго счета и

подписки Алькомъ видно: 11 Ноября 1883 года Елизаровъ подпискою, данною въ г. Томскѣ въ Воскресенской частной Управѣ обязался съ Иннокентіемъ Алькомъ расчитаться по прибытіи домой въ Присутствіи Нишмскаго волостнаго Правленія. Подпись засвидѣтельствована Приставомъ Воскресенской части. По счету оказывается, что Елизарову слѣдовало за доставку 27 ящиковъ пороху, вѣсомъ въ каждомъ по 4 п. 10 ф., всего 114 п. 30 ф., цѣною до г. Иркутска по 2 р. 50 к., на сумму 286 р. 87½ к. Израсходовано дорогою корму на лошадей 220 р., за объѣздную лошадь 10 р., рабочему Дмитрію дано деньгами 2 р. 90 к., прокормлено въ Иркутскѣ на 5 лошадей, въ теченіи 21 сутокъ 65 р., за ковку лошадей и за обтяжку колесъ 10 руб., выдано Елизарову деньгами 60 р. и товару провознаго на 6 р. 20 к., двѣ телѣги дали Елизарову цѣною въ 37 р., рабочему на обратномъ пути дано къ Томскѣ 7 р., всего забору 418 р. 10 к., за проданныя Алькомъ пять телѣгъ, принадлежащихъ Елизарову, выручено 70 р., а потому за Елизаровымъ остается переборъ 61 р. 22½ к., каковые Алькомъ проситъ взыскать съ Елизарова. При чтеніи Елизарову счета онъ не признаетъ лишь товару на 6 р. 20 к., а сознаетъ, что онъ въ счетъ 60 р. получилъ товару на 3 р. и деньгами 57 р., лошадей отправилъ съ работникомъ на личную отвѣтственность и совѣсть Алькова, долга за собою никакого не признаетъ и фактическихъ доказательствъ въ свое оправданіе не представилъ. Волостной Судъ, разсмотрѣвъ выше изложенное, находитъ, что Алькомъ, выдавая двѣ телѣги Елизарову, поставилъ въ счетъ 37 р., между тѣмъ три телѣги Елизарова принялъ въ счетъ по 14 р. А потому основываясь 107 ст. общ. полож. п. 199 ст. рѣш. 1 Департ. Правительствующаго Сената Опредѣлилъ: Смарать со счета Алькова не признанные Елизаровымъ за товаръ 6 р. 20 к. и за три телѣги Елизарова считать по 18 р. также смарать со счета Алькова по 4 р. за каждую — 12 р., взыскать всего съ Елизарова въ пользу Иннокентія Алькова сорокъ три руб. двѣ съ половиною коп.

Извозъ является, какъ видно изъ всего изложеннаго, однимъ изъ наиболѣе рискованныхъ доступныхъ крестьянину занятій; излюбленное уподобленіе у крестьянъ—это уподобленіе извоза азартной игрѣ: „извозъ — что̀ картежная игра“, „въ дорогу ходить, — что̀ въ карты играть“. Въ прежніе годы высокія провозныя платы дѣлали рискъ весьма незначительнымъ: за исключеніемъ случаевъ особо значительныхъ покражъ и т. п. всегда оставался чистый доходъ, размѣры котораго колебались отъ такихъ значительныхъ цифръ, какъ 100 и болѣе рублей на сходку и связку, до величинъ совершенно минимальныхъ,—убытковъ же почти не бывало; въ то время весьма многіе крестьяне „заправились“ съ извознаго промысла, и лишь въ видѣ очень рѣдкаго исключенія бывали случаи разоренія. Въ настоящее время, при низкихъ провозныхъ платахъ и низкомъ средней доходности извоза, перемѣстились ниже и предѣлы колебаній: при совокупности вполнѣ благопріятныхъ условій извозъ, какъ мы говорили, дастъ 50—60 р. на „сходку“ и „связку“; стоитъ только цѣнамъ кормовъ значительно подняться или случиться просрочкамъ, подмочкамъ и т. п.,—и чистая прибыль падаетъ до нуля; если же къ этимъ обстоятельствамъ присоединяется сколько-нибудь зна-

чительная „утрата", то вмѣсто чистой прибыли получается чистый убытокъ, иногда небольшой, но иногда—и весьма значительный: съ каждымъ годомъ учащаются случаи, когда возчики возвращаются только съ частью своихъ вышедшихъ изъ дому лошадей, а то и съ однимъ „бѣчикомъ", а не мало бываетъ случаевъ и полнаго разоренія; послѣднее, надо замѣтить, чаще всего случается съ „подрядчиками", которымъ приходится непосредственно отвѣчать передъ „доставщиками" и нерѣдко ничего (или мало) не удается получить со своихъ „связчиковъ".

Мы говорили до сихъ поръ о „чистой" доходности извознаго промысла, принимая во вниманіе только два элемента—съ одной стороны валовой доходъ, съ другой—совокупность собственно путевыхъ издержекъ и убытковъ, и совершенно игнорировали при этомъ стоимость труда возчиковъ и лошадей. Попытаемся теперь опредѣлить эту послѣднюю величину; данныя для этого мы можемъ найти въ предыдущемъ изложеніи (стр. 150); мы узнаемъ именно, что возчику при наймѣ платятъ отъ 16—18 до 20—22 рублей (не считая харчей, которые включены въ учетъ дорожныхъ расходовъ); мы знаемъ также размѣры платы работнику съ лошадью и двумя лошадьми (25—30 и 35—40 р.), откуда стоимость работы лошади (опять-таки не считая прокорма) окажется колеблющеюся между 7 и 10 рублями за „сходку". Принимая минимальныя нормы, получимъ, что стоимость работы участвующихъ въ „свозкѣ" возчика и 5 лошадей равна:

работникъ . . .	18 р..
5 лошадей по 7 р.	35 „
Всего .	53 р.,

если же принять болѣе высокія нормы, то стоимость эта окажется равною около 70 рублей.

Въ прежніе годы, во времена высокихъ провозныхъ платъ, чистая доходность извознаго промысла при среднихъ условіяхъ (100 р. за сходку) была очевидно значительно выше стоимости затрачиваемаго труда. Въ настоящее время *доходность эта даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не вполнѣ покрываетъ стоимость труда лошадей и возчика, при неблагопріятныхъ же условіяхъ этотъ трудъ нерѣдко остается безъ всякой оплаты.* Маловыгодность извознаго промысла вполнѣ сознается самими крестьянами, многіе изъ которыхъ въ самые послѣдніе годы перестали ѣздить „въ дорогу"; если число хозяевъ, отстающихъ отъ извознаго промысла, до сихъ поръ растетъ не особенно быстро, то это объясняется прежде всего всеобщею задолженностью извозчиковъ — „подрядчиковъ" и „связчиковъ", принуждающею ихъ

ѣхать въ дорогу хотя-бы и по явно маловыгоднымъ цѣнамъ; затѣмъ чисто-игрецкимъ разсчетомъ на удачу, на „фартъ“, а также и безсознательнымъ влеченіемъ, результатомъ привычки: „паѣздишь на шею, говорятъ извощики, такъ закаешься ходить въ дорогу; а пришла осень—не утерпишь и начнешь сани снаряжать“. Но независимо отъ этихъ, такъ сказать, отрицательныхъ причинъ, задерживающихъ сокращеніе извознаго промысла, есть еще и причины другаго порядка, которыя можно назвать положительными: къ извозному промыслу привлекаетъ прежде всего возможность получить сразу, въ видѣ задатка, значительную сумму денегъ (за двѣ сходки 70—80 р. на „связку“), часть этой суммы, правда, уходитъ на ремонтъ „снасти“ и т. п., но остатокъ (40—50 р.) даетъ возможность сразу заплатить подати и другіе сборы, — что въ крестьянскомъ быту, гдѣ доходы получаются обыкновенно по мелочамъ, весьма существенно; съ другой стороны, опредѣляя чистую доходность извознаго промысла, мы совершенно игнорировали значительную экономію на продовольствіи и особенно на сѣнѣ, являющуюся результатомъ почти пятимѣсячнаго (съ двѣ сходки) отсутствія человѣка и пяти лошадей. Даже въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ цѣнность сѣна ничтожна (заготовительная цѣна 120—130 коп. сѣна, которыя сберегутся, не превышаетъ 7—8 рублей), эта экономія имѣетъ большое значеніе и принимается крестьянами въ разсчетъ при оцѣнкѣ выгодности извознаго промысла. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ сѣно имѣетъ гораздо высшую цѣнность и продажа его даетъ хорошій доходъ, крестьяне вездѣ указывали изслѣдователю на экономію сѣна, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ, побуждающихъ ихъ заниматься извознымъ промысломъ; въ самомъ дѣлѣ: отъ пяти лошадей, два раза ходившихъ въ извозъ, остается здѣсь въ экономіи не менѣе 150 копенъ или около 40 возовъ лучшаго сѣна, которое притомъ продается не ранѣе зимой, во время самаго низкаго уровня цѣнъ (въ это время лошади въ извозѣ и сѣна не на чемъ везти въ городъ), а въ самомъ концѣ зимы и весной, когда цѣны сѣна стоятъ на относительно высокомъ уровнѣ: продажа сѣна даетъ хозяйству, поэтому, не менѣе 70—75 рублей, которые и должны быть положены на сторону прихода при общемъ учетѣ степени выгодности извознаго промысла.

Если затѣмъ отъ вопроса о степени выгодности извознаго промысла для отдѣльнаго домохозяйства перейти къ вопросу объ общемъ значеніи этого промысла въ экономической жизни населенія изслѣдованнаго края, то разрѣшеніе этого вопроса въ какую-либо опредѣленную сторону встрѣтится съ большими затрудненіями. Въ трудахъ Иркутской экспедиціи вопросъ этотъ опредѣленно разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ *);

*) См. Иркут. «Матеріалы», т. II, вып. 4, стр. 419—421.

здѣсь указывается прежде всего на развитіе, какъ слѣдствіе существованія извоза, особаго промысла — дворничества, дающаго жителямъ трактовыхъ селеній изрядный доходъ; указывается далѣе на то, что „ежегодно потребляется на протяженіи тракта около милліона пудовъ „сѣна и около $1^1/_2$ милліона пудовъ овса. Считая же на каждыя 5 ло„шадей по одному ямщику, получимъ, что число возчиковъ никакъ не „менѣе 15 тыс., и что потребленіе ихъ создаетъ значительный спросъ „на муку, крупу, рыбу, и пр. Несомнѣнно, что крестьянскія лошади „усиленно кормятся овсомъ и сѣномъ, лишь находясь въ трудномъ и „продолжительномъ пути, требующемъ особенно значительной затраты „силъ; безъ этого условія, т.-е., не ходи онѣ въ извозъ, имъ бы овса „почти никогда не давали, и общее потребленіе того и другого, а съ „тѣмъ вмѣстѣ и производство ихъ, понизилось-бы на приведенныя выше „цифры (1 и $1^1/_2$ милл.).

Этотъ разсчетъ уже самъ по себѣ приводитъ Иркутскую экспедицію „къ убѣжденію, что „извозный" промыселъ способствуетъ земледѣлію, „привлекая въ огромномъ количествѣ потребленіе сельско-хозяйствен„ныхъ продуктовъ. Что извозъ, съ другой стороны, отъ земледѣлія „почти не отвлекаетъ доказывается тѣмъ, что 80% всего числа обо„зовъ проходитъ въ теченіе мѣсяцевъ, безусловно отъ земледѣльческихъ „работъ свободныхъ (съ октября по февраль), и что въ страдное время „товарное движеніе прекращается почти совершенно. Наконецъ, извозъ „даетъ земледѣльцу возможность хорошо прокормить въ теченіе зимней „безработицы необходимыхъ для лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ ло„шадей. Дифференціація между возчикомъ и земледѣльцемъ почти вовсе „не имѣетъ мѣста, такъ-какъ держать лошадей круглый годъ для од„ного извоза совершенно невыгодно, въ виду размѣровъ получаемаго „отъ него дохода и въ виду того, что лѣтомъ онъ почти прекращается. „Извозомъ могутъ заниматься лишь хозяйства многолошадныя, а поло„жительное вліяніе на размѣры запашки числа рабочихъ лошадей по„ставлено внѣ сомнѣнія, какъ данными группового подсчета, такъ и „другими сопоставленіями. Наконецъ, это вліяніе подтверждается циф„рами распространенности извоза въ 3-хъ основныхъ группахъ населе„нія, въ связи съ размѣрами запашки и процентомъ „безпосѣвныхъ", изъ „котораго оказывается, что наиболѣе распространенъ извозъ въ группѣ „крестьянъ-старожиловъ, т.-е. въ группѣ наиболѣе земледѣльческой".

На этихъ основаніяхъ Иркутская экспедиція приходитъ къ тому окончательному заключенію, что „занятіе извозомъ не только не вліяетъ „на земледѣліе отрицательно, но наоборотъ — находится съ нимъ въ „близкой и тѣсной связи, значительно облегчая содержаніе необходи„маго для земледѣльческихъ работъ рабочаго скота; въ виду всего

„этого какія-либо измѣненія въ организаціи, доходности, распростра-„ненности и направленіи извоза, несомнѣнно, должны отразиться на „всемъ теченіи экономической жизни населенія вообще, а на земледѣ-„ліи — въ особенности....; паденіе и прекращеніе извознаго про-„мысла должно вызвать экономическій кризисъ, значительно сокративъ „площадь запашки; вслѣдствіе этого, легко можетъ произойти обѣдне-„ніе не только земледѣльческаго населенія, но и всего края, интересы „коего неразрывно связаны съ земледѣліемъ".

Мы не можемъ по этому вопросу присоединиться къ мнѣнію Иркутской экспедиціи. Мы считаемъ прежде всего недостаточно обоснованнымъ заключеніе о благопріятномъ вліяніи извознаго промысла на земледѣліе: соглашаясь вполнѣ, что существованіе извознаго промысла ведетъ къ нѣсколько усиленному потребленію овса и тѣмъ способствуетъ расширенію посѣвовъ послѣдняго, мы однако никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы съ паденіемъ извоза производство овса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общая площадь посѣвовъ должны были сократиться на все потребляемое нынѣ на трактѣ количество; съ одной стороны значительная часть овса ($^1/_3$, можетъ быть $^1/_2$) стала-бы потребляться лошадьми и безъ извоза: съ другой сокращеніе производства овса не было-бы еще равнозначуще сокращенію посѣвовъ вообще; оно повело-бы только къ вытѣсненію посѣвовъ овса посѣвами другихъ хлѣбовъ—гл. обр. ржи—болѣе дорогихъ и могущихъ благодаря своей болѣе высокой цѣнности выдержать доставку на болѣе отдаленные рынки. Еще менѣе можно согласиться съ другимъ приводимымъ въ доказательство полезнаго вліянія извоза на земледѣліе доводомъ, будто извозъ способствуетъ росту земледѣлія, давая возможность хорошо прокормить въ теченіе зимы нужныхъ для лѣтнихъ работъ лошадей. Въ подтвержденіе такого вліянія изслѣдованіе приводитъ между прочимъ цифры, показывающія, что „извозъ наиболѣе распространенъ въ группѣ наиболѣе земледѣльческой", —что % занятыхъ извозомъ дворовъ растетъ вмѣстѣ съ размѣрами запашки. Но можно-ли, спрашивается, изъ такихъ цифровыхъ соотношеній сдѣлать тотъ выводъ, какой дѣлаетъ изъ нихъ Иркутская экспедиція?... Намъ кажется, что нѣтъ. Соотношенія эти доказываютъ только совпаденіе двухъ явленій—значительности запашекъ и развитія извоза, но не доказываютъ, чтобы одно изъ этихъ явленій было причиною другаго; если извозъ болѣе развитъ у дворовъ съ большими запашками, то это потому, что и значительныя запашки, и занятіе въ большихъ размѣрахъ извозомъ, возможны только при условіи извѣстной степени общей зажиточности; а эта послѣдняя, вообще говоря, въ значительно большей мѣрѣ основывается на земледѣліи, нежели на извозѣ.—Существуетъ прямая связь между извозомъ, какъ причиной, и развитіемъ

земледѣлія, какъ слѣдствіемъ, по отношенію къ изслѣдованному краю положительно опровергается цифровыми данными: изъ четырехъ волостей Чулымскаго района наивысшій размѣръ запашекъ (12,3 дес. на дворъ) мы находимъ въ той волости, гдѣ извозъ вовсе не существуетъ—Зырянской, наинизшій (7,4 дес. на дворъ) — въ Баимской волости, по развитію извознаго промысла занимающей въ изслѣдованномъ краѣ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Мы думаемъ, что развитіе извознаго промысла способствуетъ (и прямо, и тѣмъ болѣе косвенно, чрезъ развитіе дворничества) не такому отрадному явленію, какъ ростъ размѣровъ запашекъ вообще, а другому, крайне нежелательному явленію: росту запашекъ отдѣльныхъ зажиточныхъ хозяевъ и дифференціаціи населенія на малочисленный зажиточный классъ и „бѣдноту“. Для кого, въ самомъ дѣлѣ, выгодно занятіе, дающее возможность содержать зимою нужныхъ для лѣтней работѣ лошадей?... очевидно, только для богатѣя, имѣющаго 10, 15, 20 лошадей и засѣвающаго 30, 40, 50 десятинъ, а не для хозяина „ровнячка“, имѣющаго 3—4 лошади и засѣвающаго площадь въ 7—8 десятинъ. Послѣдній, съ одной стороны, и не можетъ самостоятельно идти въ извозъ, такъ какъ у него нѣтъ лошадей на „связку“; съ другой—его 3—4 лошади въ теченіе зимы всегда найдутъ себѣ работу „по домашности“, а если и не найдутъ, а часть зимы простоятъ безъ дѣла, то онъ не пожалѣетъ съѣденныхъ даромъ 30—40 копенъ сѣна и изъ за этого не сократитъ числа своихъ лошадей. Напротивъ для зажиточнаго хозяина, ведущаго свое хозяйство на капиталистическихъ основаніяхъ, это обстоятельство весьма существенно: ему лишнихъ 300—400 копенъ сѣна стоятъ не труда, котораго крестьянинъ почти не цѣнитъ, а 20 — 25 рублей деньгами, которыя онъ уже конечно положитъ въ счетъ; у него 15, 20, 30 лошадей конечно не найдутъ себѣ зимой работы „по хозяйству“, а стоять даромъ въ теченіе $^2/_3$ зимы хозяинъ-капиталистъ конечно своимъ лошадямъ не дастъ.

Развитіе извознаго промысла способствуетъ, повторяемъ, росту отдѣльныхъ крупныхъ запашекъ. Что касается до вліянія его на размѣры запашекъ вообще, то намъ кажется, что вліяніе это скорѣе неблагопріятно, нежели наоборотъ. Объясненіе очень просто. Иркутская экспедиція совершенно упустила изъ виду вліяніе извоза на народную нравственность. Какъ на одно изъ *благопріятныхъ* послѣдствій развитія извознаго промысла, она указываетъ на развитіе въ трактовыхъ селеніяхъ дворничества — явленія, котораго нельзя не признать безусловно печальнымъ: дворничество съ его спутниками — вольнымъ извозомъ, возкою безконныхъ возовъ и пр., — это язва, разъѣдающая населеніе трактовыхъ селеній, создающая типъ пьяницы, лѣнтяя, склон-

наго ко всякимъ мошенничествамъ, а то и къ прямому воровству и грабежу трактоваго мужика, — типъ, столь рѣзко отличающійся отъ типа крестьянина-земледѣльца. Въ меньшей степени, но все-же язвою является и извозъ самъ по себѣ: крестьянинъ, зимами занимающійся извозомъ,—типъ тоже довольно рѣзко отличающійся отъ типа чистаго земледѣльца; извозчикъ или по мѣстному выраженію, „ямщикъ“, — это крестьянинъ, въ значительной мѣрѣ вкусившій цивилизаціи постоялыхъ дворовъ и городскихъ притоновъ, привыкшій считаться съ мошенничествомъ „объѣздныхъ“, дворниковъ и т. п., привыкшій наконецъ къ такимъ полукоммерческимъ, рисковапнымъ операціямъ, какими представляются поѣздки въ извозъ,—и въ немъ, въ результатѣ всего сказаннаго, несомнѣнно создается настроеніе, весьма мало благопріятствующее развитію земледѣлія. Этимъ то, хотя и въ значительной мѣрѣ неуловимымъ путемъ, кажется намъ, извозъ вліяетъ на развитіе земледѣлія задерживающимъ образомъ; наоборотъ *съ прекращеніемъ извознаго промысла слѣдуетъ*—по крайней мѣрѣ для изслѣдованнаго края—*ожидать не сокращенія запашекъ*, какъ ожидаетъ Иркутская экспедиція, *а расширенія ихъ*. При подворныхъ описяхъ и при производствѣ поселенныхъ опросовъ изслѣдователю нерѣдко приходилось встрѣчать прямыя указанія на то, что хозяева, переставшіе, благодаря пониженію провозныхъ платъ, заниматься извозомъ, сейчасъ-же расширяли свои запашки, — приходилось также слышать отъ крестьянъ предположенія, что „когда дорогъ (извоза) больше не станетъ, за пашню лучше примутся“.

Въ предыдущемъ изложеніи мы говорили только объ одномъ изъ существующихъ въ изслѣдованномъ краѣ видовъ извоза — о зимнемъ извозѣ между Томскомъ и Иркутскомъ. Въ изслѣдованномъ краѣ существуетъ еще и нѣсколько другихъ видовъ извоза, но значеніе ихъ въ общей экономіи края представляется совершенно ничтожнымъ. Въ виду этого мы не будемъ входить въ обстоятельное изслѣдованіе этихъ видовъ извознаго промысла, а ограничимся по отношенію къ нимъ лишь нѣсколькими общими указаніями.

Прежде всего надо указать на *лѣтній* извозъ между Томскомъ и Иркутскомъ. Въ изслѣдованномъ краѣ этотъ видъ извоза почти не существуетъ: крестьяне ѣздятъ лѣтомъ въ извозъ лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ; въ болѣе значительныхъ размѣрахъ лѣтній извозъ существуетъ только въ татарской д. Теплой-Рѣчкѣ (Почит. вол.), откуда лѣтомъ „въ дорогу“ выѣзжаетъ до 500 лошадей. Провозная плата лѣтомъ всегда значительно выше, нежели зимой: въ прежніе годы обычная плата лѣтомъ была отъ 4 до 5 р. съ пуда, и еще въ

1890 г. платили съ пуда по 3 рубля. Тѣмъ не менѣе чистая доходность лѣтняго извоза меньше, нежели зимняго, и—что особенно удерживаетъ крестьянъ отъ лѣтнихъ поѣздокъ—рискъ „наѣзда на шею“ лѣтомъ чрезвычайно значителенъ. Причины низкой доходности и рискованности лѣтняго извоза суть: 1) значительность расхода вслѣдствіе поломокъ и вообще затратъ на ремонтъ во время пути („за колесо случается 5 рублей заплатить, а зимой всѣ сани 5 руб стоятъ“); 2) значительный расходъ на смазку—ведро дегтя хватаетъ для пяти телѣгъ на двѣ пряжки; 3) плата за перевозы: на каждомъ приходится платить 30 к. съ лошади (не считая „па-водки“), а на перевозѣ чрезъ Ангару иногда берутъ и до 2 р. съ воза; 4) болѣе высокая плата работникамъ—25 и 30 р. „за сходку“; 5) частые и очень значительные вычеты за подмочку и наконецъ 6) и самое главное — покражи, которыя лѣтомъ случаются гораздо чаще, нежели зимой (зимой воровать неудобно—снѣгъ мѣшаетъ).

Извозъ изъ *Мариинска* въ *Томскъ* является послѣднимъ звѣномъ того вида извоза, который въ Иркутскихъ „Матеріалахъ“ *) обозначенъ названіемъ безконнаго, и при которомъ товаръ перевозится изъ Иркутска въ Томскъ послѣдовательнымъ рядомъ возчиковъ; каждый изъ послѣднихъ везетъ товаръ на перегонѣ отъ 114 до 381 версть (эти перегоны суть: Иркутскъ—Зима—Тулунъ—Нижнеудинскъ—Бирюса—Канскъ—Ачинскъ - Мариинскъ—Томскъ). Перевозкой отъ Мариинска до Томска занимаются въ изслѣдованномъ нами краѣ только крестьяне ближайшихъ къ Мариинску селеній Баимской волости, да и тѣ—лишь въ небольшихъ размѣрахъ. Провозная плата опредѣляется обыкновенно:

если есть обратный грузъ . . . въ 20 к. съ пуда (за 210 верстъ)
если нѣтъ обратнаго груза . . . „ 25—30 к. „ „ „ „

О размѣрахъ чистой доходности этого вида извоза у насъ свѣдѣній нѣтъ.

Сравнительно большее значеніе имѣетъ извозъ *между Томскомъ и Минусинскомъ*, которымъ въ Спасской волости занимаются если не больше, то столько-же, сколько перевозкою товаровъ въ Иркутскъ. Разстояніе отъ Томска до Минусинска—около 700 верстъ, и дорога въ оба конца продолжается около мѣсяца. Грузъ бываетъ обезпеченъ только въ передній путь, съ платой по 70—80 к. съ пуда; обратно ѣдутъ обыкновенно порожнемъ или берутъ грузъ за безцѣнокъ—отъ Минусинска до Томска отъ 15 до 20 к. съ пуда. Чистая доходность

*) Т. II, вып. 4, стр. 406—407.

извоза, благодаря отсутствію или крайней дешевизнѣ платы за обратный путь, очень не высока. Если, тѣмъ не менѣе, Спасскіе крестьяне охотно ѣздятъ въ Минусинскъ, то это потому, во-1-хъ, что главная часть пути совершается по коммерческому тракту, гдѣ не случается покражъ, а потому нѣтъ опасности „наѣздовъ на шею“, столь страшной при поѣздкахъ въ Иркутскъ, и во-2-хъ — что въ Минусинскъ, благодаря хорошему состоянію зимняго пути, можно идти со „всякою“ сбруей и вообще „снастью“, и послѣдняя требуетъ менѣе ремонта; если-же ѣхать въ Иркутскъ, то благодаря худому состоянію дорогъ въ Енисейской губерніи необходима очень крѣпкая сбруя и т. п., да и лошади утомляются гораздо сильнѣе.

§ 2. Виды извоза, связанные съ положеніемъ селеній на большомъ трактѣ.

1. „Безконный“ товарный и вольный пассажирскій извозъ.

„Безконный“ товарный извозъ и вольный пассажирскій извозъ являются тѣми видами извознаго промысла, которые представляются доступными для всей — за исключеніемъ только безлошадныхъ крестьянъ — массы населенія трактовыхъ селеній. „Возитъ воза“, при случаѣ, всякій, у кого имѣется хотя-бы одна лошадь, а для двулошадныхъ возка „возовъ“ и „вольныхъ“ является уже однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ благосостоянія. Мало того: бѣдные (какими въ трактовыхъ селеніяхъ являются дворы, имѣющіе по 2—3 лошади) и среднесостоятельные дворы являются даже главными возчиками возовъ и вольныхъ. Болѣе зажиточные дворы принимаютъ участіе въ этомъ видѣ извознаго промысла только во времена высокаго уровня провозныхъ платъ, а самые зажиточные, крупные дворники и почтовые ямщики — обыкновенно отъ возки „вольныхъ“ и „возовъ“ совершенно устраняются.

Какъ для среднихъ, такъ и для многихъ изъ бѣдныхъ дворовъ названные два вида извознаго промысла являются въ настоящее время подспорными, хотя и весьма существенными заработками; лишь немногіе изъ дворовъ бѣднѣйшей группы живутъ исключительно или главнымъ образомъ „съ бичика“, въ видѣ подспорнаго заработка занимаясь въ страдное время работой по найму. „Свезъ вольну за семь гривенъ, говорятъ про нихъ крестьяне, купилъ пудъ хлѣба себѣ, пудъ овса конямъ, да два дня и живетъ, да изъ того-же и податишку заплатитъ“.

Такіе дворы всегда живутъ крайне бѣдно: они-то поставляютъ главный контингентъ „забирающихся“ подъ страдную работу и вообще „то тѣмъ, то другимъ нагоняютъ“. Прежде, когда трактовое движеніе было гораздо значительнѣе, количество вольныхъ ямщиковъ-спеціалистовъ было гораздо больше; съ упадкомъ этого движенія значеніе безконнаго и вольнаго извоза съ каждымъ годомъ сокращается, и соотвѣтственно этому увеличиваются размѣры запашекъ и ихъ значеніе въ экономической жизни населенія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ обратиться къ обзору данныхъ, относящихся отдѣльно къ каждому изъ названныхъ видовъ извознаго промысла.

А) *Безконный товарный извозъ.* Подъ „безконницей“ или „безконнымъ“ товарнымъ извозомъ разумѣется способъ транспортированія кладей, противуположный способу перевозки „на протяжныхъ“, съ которымъ мы обстоятельно ознакомились въ предыдущемъ §: при „безконницѣ“ подрядчикъ, берущій на себя перевозку товара, не имѣетъ собственныхъ лошадей; онъ имѣетъ только сани или телѣги, да и тѣ нерѣдко беретъ на прокатъ. Погрузивъ товаръ, онъ везетъ его *на перекладныхъ*, запрягая на каждой „пряжкѣ“ новыхъ лошадей, принадлежащихъ мѣстнымъ крестьянамъ и слѣдующихъ подъ ихъ управленіемъ. Въ видахъ сбереженія на экипажахъ, на „безконные“ воза почти всегда навьючивается количество товара, соотвѣтствующее грузу пары лошадей, соотвѣтственно чему воза эти и запрягаются парой. Главное преимущество „безконнаго“ способа перевозки товаровъ заключается (независимо отъ большей безопасности товара отъ покражъ) въ большей быстротѣ перевозки: въ то время, когда при извозѣ „на протяжныхъ“ на каждой станціи дѣлается остановка въ нѣсколько часовъ, необходимая для того, чтобы лошади успѣли поѣсть и отдохнуть,—при „безконномъ“ извозѣ теряется не болѣе времени, нежели сколько нужно для перепряжки лошадей—какіе-нибудь $^1/_2$ часа, много часъ на станцію. Поэтому „безконный“ способъ перевозки употреблялся и употребляется преимущественно при необходимости спѣшной доставки товара.

Въ прежніе годы размѣры „безконнаго“ извоза и доставлявшійся имъ заработокъ были очень значительны: въ большихъ трактовыхъ селахъ останавливалось въ день по десятку „конвоевъ“ (обозовъ), по 50—60 двукопныхъ подводъ въ каждомъ — слѣдовательно запрягалось въ день до 1000—1200 лошадей; въ то время „одинъ конвой выходитъ, а два стоятъ — дожидаются; вернулся съ пряжки, покормилъ коней — хоть сейчасъ опять запрягай“; во время „свалки“ лошадей никогда не расхомутывали, и многолошадные дворы свободно зарабатывали по

15—20 рублей въ сутки. Въ общемъ возка „возовъ“ давала въ то время весьма значительный заработокъ, являясь для среднесостоятельной части населенія важнѣйшимъ изъ связанныхъ съ трактовымъ мѣстоположеніемъ источниковъ благосостоянія. Вопросъ о мѣстахъ остановокъ „безконныхъ обозовъ“ являлся потому для трактоваго населенія вопросомъ первостепенной важности и весьма опредѣленно регулировался исконнымъ мѣстнымъ обычаемъ. По обычаю этому, санкціонированному и мѣстною администраціей, право возки „безконныхъ“ было привиллегіей крестьянъ „станочныхъ“ селеній (Семилужное — Турунтаева — Нишнъ — Колмонъ Почитанка — Берикуль Подъельничная Суслово — Тяжинъ...), которымъ такая привиллегія присваивалась въ возмѣщеніе лежавшей на нихъ тяжелой „кормежной“ повинности (см. ниже, гл. X § 2), и привиллегія эта поддерживалась даже насильственными мѣрами: если „безконные“ воза запрягались въ промежуточномъ между „станкáми“ пунктѣ, то на „станкáхъ“ ихъ останавливали и выпрягали лошадей; если „безконные“ проѣзжали мимо „станкá“ ночью, то лошадей останавливали на возвратномъ пути, снимали съ нихъ хомуты, а возчиковъ нерѣдко и били. Въ принципѣ эта привиллегія станóчныхъ селеній существуетъ и до сихъ поръ. Но такъ какъ возка „безконныхъ“ въ настоящее время утратила, какъ мы сейчасъ увидимъ, свое значеніе, то ее охраняютъ уже не такъ тщательно; тѣмъ не менѣе большой „безконной“ партіи и теперь мимо „станкá“ ни за что̀ не пропустятъ *).

Такимъ образомъ, повторяемъ, нормальнымъ порядкомъ слѣдованія „безконныхъ“ обозовъ было (и до сихъ поръ осталось) слѣдованіе по „станкáмъ“, и „станочное“ населеніе извлекало изъ этого движенія наибольшій заработокъ. Часть послѣдняго доставалось впрочемъ и на

---

*) Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ относящагося къ подобному случаю заявленія, имѣющагося въ «дѣлѣ» Семилужнаго вол. суда за 1887 годъ: «Ночью съ 2-го числа на 3-е Февраля мѣсяца мы подрядились вести три воза отъ крестьянина одного съ нами округа Вершетской (?) волости села Бурлатскаго Якова Шапкина и товарищей его запасный батальонный писарь Егоръ Поповъ и потомственный почетный гражданинъ, проживающій въ Оящинской волости села Зеледѣевскаго Василія Кайданова, которыя лица означенныя возки препровождали изъ г. Иркутска до г. Томска отъ доставщика Томскаго купца Кухтерина. Означенныя возки мы подрядились доставить отъ д. Великосельской до деревни Халдѣевой доѣхали до дер. Турунтаевой гдѣ крестьяне посреди деревни начали останавливать и потомъ уже стали и стяжками бить, такъ что обступили кругомъ и у всѣхъ дубинки, то мы думали, что они насъ не отпустятъ живыхъ какъ насъ такъ и лошадей нашихъ потому, что они и по лошадямъ били. И потомъ всѣтаки отпрягли означенные возки и запрягли своихъ лошадей и отъѣхавъ отъ д. Турунтаевой полторы версты, означенныя возки повезли крестьяне Николай Турунтаевъ, Николай Дрожжагинъ, Константинъ Пѣтуховъ, Митрофанъ Турунтаевъ и Семенъ Сапчатовъ которые бросили возки на дорогѣ да и къ тому же Петръ Турунтаевъ и Семенъ Сапчатовъ на кучу песка и не могли его сдернуть и отпрягли лошадей, а потомъ мы ихъ опять запрягли и доѣхали до д. Халдѣевой».

долю промежуточныхъ между „станкàми“ селеній: это случалось съ одной стороны при особенно плохой дорогѣ, когда лошадямъ оказывалось не подъ силу вывезти возъ до слѣдующаго „станкà“, съ другой—при очень хорошей, когда для сбереженія времени данное разстояніе дѣлали вмѣсто трехъ въ двѣ „пряжки“. Въ общей сложности промежуточныя селенія получали благодаря такимъ случайностямъ тоже довольно значительныхъ, хотя и далеко меньшій, нежели на „станкàхъ“, заработокъ.

Въ настоящее время „безконный“ извозъ въ полномъ упадкѣ. Главною причиною послѣдняго надо считать возникновеніе пароходства по Чулыму, а затѣмъ—размноженіе „ямщиковъ“, занимающихся извозомъ „на протяжныхъ“. Благодаря пароходству все лѣтнее движеніе между Ачинскомъ и Тюменью происходитъ на пароходахъ, и лѣтній „безконный“ извозъ совершенно прекратился. Въ то-же время, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, благодаря „умноженію ямщика“, значительно упали фрахты, такъ что вмѣсто прежнихъ 2 р. 50 к.—3 р. средняя провозная плата между Томскомъ и Иркутскомъ теперь не выше 1 р. 70 к.—1 р. 80 к. съ пуда. Между тѣмъ ясно, что „безконная“ перевозка требуетъ болѣе высокихъ фрахтовъ, нежели перевозка „на протяжныхъ“: въ послѣднемъ случаѣ издержки, которыя должна покрыть провозная плата, сводятся (оставляя въ сторонѣ разные сборы и т. п.) къ *содержанію* лошадей и возчиковъ; разъ плата покрываетъ эти издержки,—извозъ уже не убыточенъ. При „безконномъ“ извозѣ надо оплатить еще и *трудъ* „безконныхъ“ возчиковъ и ихъ лошадей, — для того, чтобы не быть убыточнымъ, minimum платы очевидно долженъ быть выше, нежели при „протяжномъ“ извозѣ. Въ частности плата въ 1 р. 70 к. — 1 р. 80 к., при благопріятныхъ условіяхъ болѣе или менѣе выгодная для „протяжного“ извощика, явно убыточна при „безконномъ“, а потому этотъ послѣдній способъ перевозки и зимой почти совершенно вывелся изъ употребленія: „безконно“ провозятся въ настоящее время лишь небольшія партіи особенно дорогихъ и требующихъ спѣшной доставки товаровъ,—партіи, по своей незначительности дающія трактовому населенію въ общемъ лишь ничтожный заработокъ.

Такимъ образомъ „безконный“ извозъ въ собственномъ смыслѣ слова въ настоящее время, можно сказать, почти совершенно не существуетъ. Существуетъ однако еще другой видъ извознаго промысла, представляющій много общаго съ возкою „безконныхъ“ возовъ, это—такъ называемая *возка „конныхъ“ возовъ*, т. е. замѣна въ слѣдующихъ на „протяжныхъ“ обозахъ уставшихъ, захромавшихъ и вообще

почему-либо нуждающихся въ отдыхѣ лошадей. Такая замѣна, очевидно, можетъ понадобиться въ какомъ-угодно мѣстѣ пути, а потому этотъ видъ извознаго промысла, вообще говоря, не пріуроченъ ни къ какимъ опредѣленнымъ пунктамъ: „конные воза“ возятъ крестьяне всѣхъ селеній, расположенныхъ вдоль линіи тракта. Имѣя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершенно случайный характеръ, снабженіе обозовъ подставными лошадьми въ общей сложности доставляетъ населенію довольно существенный заработокъ. Для двухъ селеній этотъ заработокъ представляется даже очень значительнымъ—именно для стоящихъ на разстояніи одной „пряжки“ отъ Томска с. Семилужнаго и особенно д. Суровой (Семилужн. вол.): какъ мы уже указывали въ предыдущемъ §, свѣжія лошади, выходящія въ извозъ, необходимо нуждаются на первой станціи въ „выстойкѣ“, взамѣнъ чего онѣ обыкновенно замѣняются подставными лошадьми, а сами идутъ до слѣдующей станціи порожнякомъ; а такъ какъ названныя два селенія являются мѣстомъ первой отъ Томска остановки, то они и ставятъ подставныхъ лошадей для всей массы выходящихъ изъ этого города обозовъ, — выставляютъ слѣдовательно много десятковъ тысячъ лошадей въ годъ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о размѣрахъ провозныхъ платъ за перегоны между „станками“, мы по отношенію къ прежнему времени—къ годамъ наибольшаго развитія промысла—почти не имѣемъ точныхъ указаній. Мы можемъ указать только на данныя по с. Тяжинскому, д. Подъельничной (Ваим. вол.) и с. Ишимскому; изъ этихъ данныхъ видно, что провозная плата колебалась въ весьма широкихъ предѣлахъ: такъ въ с. Тяжинскомъ низшій ея предѣлъ былъ также низокъ, какъ и въ настоящее время, падая для пароконной подводы до 50 к. за 26-верстный перегонъ; обычный размѣръ платы во время главнаго движенія обозовъ колебался между 1 р. и 1 р. 50 к., а при худомъ состояніи дороги плата поднималась иногда до 2 р. 50 к. и даже 3 рублей,—поднималась впрочемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда пароконную подводу приходилось запрягать тройкой. Въ д. Подъельничной за провозъ до Мариинска—всего 15 верстъ—брали съ пароконнаго воза отъ 60—70 к. и до 1 рубля, съ одноконнаго—30, 40, рѣдко до 50 копѣекъ. Въ другихъ случаяхъ—именно при перевозкѣ чаевъ—плата устанавливалась не повозно, а „съ мѣста“; размѣръ ея для каждаго даннаго „станка“ колебался въ этомъ случаѣ въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ въ зависимости исключительно отъ размѣровъ спроса на лошадей и совершенно независимо отъ того, до какой станціи брались перевозить; такъ изъ с. Ишимскаго брались, смотря по состоянію дороги, провозить до с. Подломскаго (34 в.), до д. Турунтаевой (22 в.), а при

распутицѣ или снѣжныхъ запосахъ — иногда только до с. Мазалова (11—12 верстъ), и во всѣхъ этихъ случаяхъ получали „съ мѣста“ отъ 15 до 20 копѣекъ; и это очень понятно, такъ какъ до болѣе отдаленныхъ пунктовъ возили при отличномъ, до ближайшихъ — при очень плохомъ состояніи дороги.

Въ настоящее время провозная плата за „станокъ“ или перегонъ въ 22—25 верстъ колеблется въ зимнее время въ слѣдующихъ предѣлахъ:

при хорошей дорогѣ . . . 30—50 к. за одноконную подводу
„ худой „ . . . 70—80 „ и до 1 р. „ „

но въ этихъ случаяхъ подвода обыкновенно запрягается парой.

За 30—40 верстный перегонъ отъ д. Суровой и с. Семилужнаго до д. Турунтаевой платятъ:

за одноконную подводу 50—70 к. и до 1 р.—1 р. 20 к..
„ парококонную „ 80 к.—1 р. и до 1 р. 50 к.—1 р. 70 к..

Въ лѣтнее время провозная плата бываетъ значительно—на 60—70%—выше; такъ за одноконную подводу отъ д. Суровой до д. Турунтаевой (40 в.) въ это время платятъ не менѣе 80 к.—1 рубля.

Спеціальные заработки сходнаго съ изложеннымъ характера имѣютъ крестьяне с. Шишмскаго. Село это стоитъ у самого берега р. Ия; весной, предъ самимъ ледоходомъ и во время послѣдняго, идущіе изъ Иркутска обозы не могутъ переходить черезъ эту рѣку; подводы поэтому приходится разгружать и товаръ складывать во дворахъ; по очисткѣ Ия отъ льда товаровладѣльцы (или обозные „подрядчики“) нанимаютъ особыхъ людей довозить товаръ до берега рѣки, чрезъ эту послѣднюю перевозятъ товаръ на лодкахъ, а за рѣкой грузятъ на подводы, приводимыя изъ Мазаловой, Медвѣдчиковой и пр.; за доставку товара (чая) до берега платятъ, смотря по скопленію обозовъ, отъ 3—5 и до 10 копѣекъ „съ мѣста“, дневной заработокъ доходитъ до 2 р. на лошадь. Во время топкаго льда, когда чрезъ рѣку нельзя переѣзжать на лошадяхъ, крестьяне нанимаются переносить товаръ на себѣ, съ платой съ мѣста чая по 7—10 копѣекъ.

Б) *Волостные пассажирскіе извозы* въ гораздо большей мѣрѣ сконцентрированъ въ рукахъ населенія опредѣленныхъ пунктовъ, нежели „безконные“ товарные извозы. Въ лѣтнее время весь извозъ идетъ по почтовымъ

станціямъ (Семилужное — Халдеева — Турунтаева — Ишимъ - Колыонъ — Почитанское — Берикуль — Подъельничная — Маріинскъ - Суслово — Тяжинъ), причемъ только Халдеева нерѣдко остается въ сторонѣ: Семилужскіе ямщики обыкновенно провозятъ пассажировъ, ѣдущихъ отъ Томска, мимо Халдеевой прямо до с. Подломнаго (25 в.), а отсюда пассажиры проѣзжаютъ прямо до Ишима (34 в.); въ Халдеевой останавливаются по преимуществу пассажиры, ѣдущіе изъ восточной Сибири и подвозимые съ Турунтаевской станціи. На протяженіи между Тяжиномъ и Колыономъ все движеніе идетъ по почтовымъ станціямъ и зимой; между Колыономъ и с. Семилужнымъ движеніе въ зимнее время раздробляется; часть пассажировъ и зимой слѣдуетъ по почтовымъ станціямъ, но большинство выгадываетъ одну перепряжку и ѣдетъ на Колыонъ — Мазалову — Подломное — Семилужное или рѣже (отъ Томска) на Сурову — Халдееву — Мазалову — Колыонъ, а также (отъ Иркутска) на Колыонъ — Ишимъ — (или чаще Медвѣдчикову) — Подломное — Семилужки — Томскъ. На долю крестьянъ остальныхъ трактовыхъ селеній перевозка „вольныхъ“ достается главнымъ образомъ въ тѣхъ, довольно впрочемъ частыхъ, особенно при дурномъ состояніи дороги, случаяхъ, когда у везущихъ пассажировъ ямщиковъ „пристаютъ“ лошади, а въ пунктахъ значительнаго развитія дворничества (Тюменево, Постниково, Медвѣдчикова, Подломное) довольно значительный заработокъ доставляетъ провозъ прикащиковъ, „передовыхъ“ при безконныхъ обозахъ и другихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ обозному движенію.

Въ Тобольской губерніи „вольные ямщики“ въ трактовыхъ селеніяхъ связаны между собой такъ называемыми „веревочками“ — обязательствами, въ силу которыхъ каждый ямщикъ обязательно „ставитъ проѣзжающихъ“ къ своему „дружку“. При всей своей видимой симпатичности „веревочки“ эти суть ничто иное, какъ стачка, соединяющая между собой всѣхъ богачей-кулаковъ на станціяхъ отъ Тюмени до Томска, сосредоточивающая въ ихъ рукахъ всю перевозку вольнопроѣзжающихъ пассажировъ и лишающая бѣдную и среднесостоятельную массу населенія всякаго участія въ этомъ промыслѣ. — Въ предѣлахъ изслѣдованнаго края такихъ строго-организованныхъ „веревочекъ“ вовсе нѣтъ: каждаго проѣзжающаго на „вольныхъ“ ловятъ всѣ желающіе и рядятся съ нимъ, сбивая другъ у друга цѣну. Слѣдствія такого порядка съ одной стороны вполнѣ благопріятны для массы населенія, съ другой — невыгодны для него: благопріятнымъ слѣдствіемъ является отсутствіе монополизаціи промысла богачами и раздробленіе даваемаго имъ заработка между всею массой по преимуществу среднесостоятельныхъ дворовъ, имѣющихъ отъ 2 и болѣе лошадей; такъ по даннымъ подворныхъ описей возкой вольныхъ занимаются:

въ д. Суровой	38	дворовъ изъ	57,	т. е.	66,7%
„ „ Турунтаевой	52	„ „	102	„	51,0%
„ „ Подъельничной	9	„ „	97	„	59,0%

Съ другой стороны, благодаря неограниченной конкурренціи ямщиковъ, провозныя платы, при маломъ спросѣ на лошадей, падаютъ до такого низкаго уровня, до какого онѣ никогда не могли-бы упасть при господствѣ системъ „веревочекъ“.

Пассажирскій вольный извозъ на главномъ Сибирскомъ трактѣ въ настоящее время находится, какъ и товарный, въ полномъ упадкѣ. Въ прежнее время, прежде всего, по тракту проходило все пассажирское движеніе между Восточною Сибирью, съ одной стороны, Западною Сибирью и Европейскою Россіей, съ другой; весьма значительный заработокъ доставлялъ, съ другой стороны, во время процвѣтанія золотопромышленности, „когда Енисейская тайга гремѣла“, провозъ „пріискателей“, которые двигались „большими тысячами“: весной на востокъ, по направленію къ пріискамъ, осенью — на западъ, домой; этотъ послѣдній видъ пассажирскаго движенія былъ настолько значителенъ, что на одной только перевозкѣ „пріискателей“ за весну и осень можно было заработать себѣ деньги, нужныя на уплату податей и на продовольствіе на цѣлый годъ. Въ общемъ же наплывѣ проѣзжающихъ былъ такъ великъ, что спросъ на лошадей нерѣдко превышалъ предложеніе ихъ; „проѣзжающихъ всѣмъ хватало“, такъ что „ямщики и не знали, какъ вольны другъ у дружки отбивать да цѣну сбивать“; у почтовыхъ ямщиковъ не хватало лошадей для проѣзжающихъ, такъ что имъ нерѣдко приходилось часть послѣднихъ передавать вольнымъ ямщикамъ. Понятно, какъ такое изобиліе проѣзжающихъ должно было отразиться на провозныхъ платахъ: послѣднія въ это время были очень высоки, превышая обычный почтовый прогонъ: обычная цѣна за станцію въ 22—25 верстъ была въ это время не ниже 2 р.—2 р. 50 к. съ тройки лошадей, за перегонъ въ 30—32 версты—3 рубля, а во время распутицы поднималась до 4—5 рублей и дороже. На особыхъ условіяхъ возили „пріискателей“. Послѣдніе проѣзжали большими партіями, по 200—300 человѣкъ сразу; ямщики нанимались возить ихъ „съ десятка“, причемъ брали:

отъ с. Тяжинскаго до Сусловой или Итата (26 в.)	3 р.—3 р. 50 к..
отъ д. Подъельничной до г. Маріинска (15 в.)	2 рубля.
„ „ „ с. Сусловскаго (41 в.)	3 р. 50 к.—4 р..
„ „ „ с. Берикульскаго (29½ в.)	3 р.—3 р. 50 к..

и т. д..

Сажали „пріисκателей“ обыκновенно по 5 человѣκъ на парную подводу; „десятоκъ“, таκимъ образомъ, ѣхалъ въ двухъ ошевахъ, запряженныхъ каждая парой; ямщиκъ ѣхалъ только при передней парѣ, а заднею правилъ кто-нибудь изъ пассажировъ; при очень хорошей дорогѣ случалось, что цѣлый десятоκъ увозили и на одной тройкѣ. Во время обратнаго проѣзда съ пріисковъ плата, вообще говоря, бывала нѣсколько дешевле, нежели въ передній путь; но за то отдѣльные счастливцы, везшіе съ пріисковъ большія суммы, платили иногда и по 5 р. за станцію, лишь-бы ямщиκъ „весело везъ, да пѣсни пѣлъ“.

Въ настоящее время размѣры пассажирскаго движенія уменьшились противъ прежняго въ нѣсколько разъ. Съ одной стороны, какъ мы знаемъ изъ главы VI, въ нѣсколько разъ сократились наёмки на пріиски, да и заработки пріискателей, нынѣ совершенно ничтожные, не позволяютъ имъ платить за провозъ высокихъ цѣнъ; съ другой стороны, значительная часть пассажирскаго движенія — въ частности почти все лѣтнее движеніе — между Вост. Сибирью и Европейскою Россіей отвлечена отъ тракта недавно возниκшимъ пароходнымъ движеніемъ по Чулыму. Въ общемъ числѣ проѣзжающихъ, повторяемъ, уменьшилось въ нѣсколько разъ, а число вольныхъ ямщиковъ если и не увеличилось, то во всяκомъ случаѣ не уменьшилось, а потому предложеніе лошадей для вольной гоньбы въ настоящее время далеко превышаетъ спросъ на нихъ. Почтовые ямщики, которые прежде нерѣдко передавали пассажировъ вольнымъ или нанимали отъ себя вольныхъ лошадей, теперь сами иногда возятъ вольнопроѣзжающихъ, а вольнымъ, въ виду ограниченности числа проѣзжающихъ, приходится перебивать ихъ другъ у друга, нерѣдко прибѣгая для этого къ насильственнымъ дѣйствіямъ *). Въ результатѣ кромѣ сокращенія числа провозимыхъ всѣми вольными ямщиками вообще и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности явилось, конечно, и значительное пониженіе провозныхъ платъ. О нынѣшнихъ размѣрахъ послѣднихъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ нормальныхъ и высшихъ платъ за тройку лошадей:

---

*) Къ какому обостренію отношеній приводитъ охота за «вольными», можно видѣть изъ случая, излагаемаго въ заявленіи, имѣющемся въ «дѣлѣ Семилужн. вол.. суда за 1887 годъ»: 12 числа сего декабря, читаемъ мы здѣсь, на Кошевѣ пріѣхалъ къ дому моему проѣзжающій, который ѣхалъ по направленію въ г. Иркутскъ. Я началъ договариваться съ проѣзжающимъ, какъ въ это время подошелъ сосѣдъ мой Тимофѣй Дрожачихъ и сталъ перебивать мой договоръ, я Дрожачему замѣтилъ, что по сосѣдству не слѣдуетъ такъ дѣлать. Дрожачихъ пришелъ въ азартъ, схватилъ дугу и ударилъ меня три раза по лѣвому плечу, каковымъ ударомъ вышибъ мнѣ изъ плеча руку, и вотъ я по сіе время нахожусь больнымъ и пользуюсь домашнимъ леченіемъ; относя поступокъ Дрожачаго предусмотрительнымъ въ законѣ, покорнѣйше прошу Волостное Правленіе передать настоящее мое заявленіе на Волостной судъ, а съ виновнымъ поступить по закону о нанесенныхъ мнѣ оскорбленіяхъ».

Изъ с. Семилужнаго до д. Халдѣевой (14 в.) обычная цѣна 50—60 к.
въ распутицу 1 р.—1 р. 50 к.
„ д. Турунтаевой до Халдѣевой
„ и с. Ишимскаго (22 в.) обычная цѣна 80 к.—1 р..
„ до с. Семилужнаго (36 в.) „ „ 1 р.—1 р. 50 к..
„ с. Почитанскаго до Колыона (23 в.) низшая „ 70—80 к..
дорогая въ обыкн. время . . . 1 р.—1 р. 20 к..
въ распутицу . . . . . 1 р. 50 к.—2 р..
„ д. Подъельничной до с. Берикуля (29½ в.) обычн. цѣна 90 к.—1 р. 20 к..
въ распутицу . . . . . 1 р. 50 к.—2 р..
до с. Марінска (15 в.) обычная цѣна 50—70 к..
„ с. Суслова въ с. Тяжинъ (26 в.) „ „ 70 к.—1 р..
высшая „ 1 р. 50 к.—2 р..

и т. д..

Такимъ образомъ, сколько можно судить по приведеннымъ даннымъ, обычная провозная плата не превышаетъ 4 — 4½ копѣекъ, а иногда падаетъ и до 3 копѣекъ, только въ распутицу поднимаясь до 6—8 копѣекъ съ тройки и версты. Плата эта, такимъ образомъ, при среднихъ условіяхъ вдвое ниже платы, установленной для проѣзжающихъ на почтовыхъ лошадяхъ по частной надобности; эта послѣдняя норма является максимумомъ, до котораго вознагражденіе вольныхъ ямщиковъ поднимается — и то не вездѣ — только въ распутицу. Когда плата стоитъ на нанисшемъ уровнѣ, „вольныхъ" возить берутся только бѣдняки; но уже плата, составляющая 4—4½ копѣйки съ тройки и версты, въ настоящее время является удовлетворительною и привлекаетъ не только „бѣдноту", но и болѣе дорожащихъ своимъ временемъ среднесостоятельныхъ и умѣренно-зажиточныхъ крестьянъ.

Резюмируя все сказанное выше о безконномъ товарномъ и вольномъ пассажирскомъ извозѣ, мы можемъ сказать, что занятія эти даютъ заработокъ всей массѣ населенія трактовыхъ селеній; что размѣры этого заработка, въ нѣсколько разъ сократившіеся сравнительно съ размѣрами его въ блестящую эпоху жизни Сибирскаго тракта, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ очень значительны и измѣряются для всей трактовой линіи изслѣдованнаго края многими десятками тысячъ рублей.

Издержки, сопряженныя съ разематриваемыми видами извознаго промысла, очень незначительны: для „безконнаго" извоза вовсе не нужно даже экипажей, а нужна только достаточно прочная, чтобы выдерживать на выркахъ, сбруя; для пассажирскаго извоза нужны конечно и экипажи; зимой — это простыя кошевы съ оплетенными веревками остовомъ кузова; лѣтомъ — простыя телѣги (болѣе взыскательные проѣзжающіе

ѣдутъ въ собственныхъ экипажахъ), рѣже—такъ называемыя „долгія телѣги“, кузовъ которыхъ лежитъ на вездлинныхъ дрожинахъ. Издержки на ремонтъ всей этой „снасти“ совершенно ничтожны.—Что касается затѣмъ до лошадей, то для „безконнаго“ и „вольнаго“ извоза употребляются простыя, но крѣпкія крестьянскія лошади, не удовлетворяющія какимъ-либо особымъ требованіямъ. Кормятъ ихъ обыкновенно однимъ только сѣномъ, и только по возвращеніи съ перегона даютъ овесъ въ количествѣ около 1 пуда на 3—4 лошади; бѣднѣйшіе же крестьяне нерѣдко возятъ „воза“ и „вольныхъ“ на одномъ только сѣнѣ,—и такимъ образомъ лишь незначительная часть получаемой въ видѣ провозныхъ платъ суммы расходуется на издержки самого промысла, а все остальное составляетъ чистый заработокъ лошадей и возчика.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о вліяніи „вольнаго“ и „безконнаго“ извоза на общій уровень благосостоянія и нравственности занятаго имъ населенія, мы не можемъ не признать этого вліянія въ высокой степени вреднымъ. Мы указывали уже на то, что дворы, живущіе „однимъ бичикомъ“ и забросившіе пашню, представляютъ собой самую бѣдную, кругомъ задолженную группу населенія, и эта бѣдность, равно какъ и пониженіе уровня благосостоянія занятыхъ „возами“ и „вольными“ крестьянъ-пахарей — прямой результатъ пьянства, въ которое неминуемо втягиваютъ эти занятія, и которое поглощаетъ конечно гораздо бо́льшую долю валоваго заработка, нежели собственно издержки промысла. „Загляните въ будни въ кабакъ, разсказывали изслѣдова„телю крестьяне,—биткомъ набито; все сидятъ, да вольныхъ жгутъ, „разговариваютъ про то, да про другое; день просидѣли—ужъ каждый „два—три стаканчика выпилъ, и все въ долгъ. Потомъ дорвался до этой „самой вольной, привезъ на станокъ—съ морозу стаканчикъ выпить „надо; назадъ вернулся—пойдетъ въ кабакъ за прежнее разсчитаться,— „опять надо стаканчикъ выпить“. Въ результатѣ—безпробудное трактовое пьянство, рѣзко отличающее трактовое населеніе отъ „забошнаго“ и въ корнѣ подрывающее его благосостояніе.

II. Контрактная гоньба.

А) *Почтовая гоньба* по характеру доставляемаго ею заработка и распредѣленію послѣдняго между населеніемъ представляетъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, прямую противуположность вольному пассажирскому извозу. Она требуетъ значительныхъ какъ первоначальныхъ затратъ (на покупку подходящихъ лошадей, на экипажи, ременную сбрую и пр.), такъ и затратъ текущихъ, главнымъ образомъ,

на содержаніе лошадей, — а слѣдовательно и значительнаго капитала. Она сосредоточивается поэтому въ рукахъ самой зажиточной части населенія, а нерѣдко попадаетъ и въ руки постороннихъ мѣстному населенію лицъ.

Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ показаны почтовыя станціи, находящіяся въ чертѣ изслѣдованнаго края, съ указаніемъ по каждой числа „паръ", числа (и званія) содержателей и размѣра подрядной платы за „пару" въ 1890 г., а для нѣкоторыхъ станцій и въ прежнее время.

Ст. *Семилужная* (9 паръ); содержатъ 4 мѣстныхъ крестьянина; плата 600 р. съ пары.

Ст. *Халдеевская* (8 паръ); содержатъ 3 мѣстн. крестьянина; плата 550 р. съ пары (раньше держали артели по 8—9 человѣкъ).

Ст. *Турунтаевская* (8 паръ); содержатъ 5 мѣстн. крестьянъ; плата 550 р. съ пары.

Ст. *Ишимская* (9 паръ); содержатъ 4 мѣстн. крестьянина; плата 600 р. съ пары (прежде 900 р.).

Ст. *Колыонская.* Свѣдѣній нѣтъ

Ст. *Почитанская* (8 паръ); содержатъ 2 подрядчика изъ постороннихъ лицъ.

Ст. *Берикульская.* Свѣдѣній нѣтъ.

Ст. *Подгельничная* (9 паръ); содержатъ 4 мѣстныхъ крестьянина (изъ нихъ одинъ—6 паръ); плата 625 р. съ пары (прежде 1050 р.).

Ст. *Сусловская* (8 паръ); содержатъ 8 мѣстныхъ крестьянъ.

Ст. *Тяжинская* (8 паръ); содержатъ 8 мѣстныхъ крестьянъ по 595 р. за пару (прежде до 900 р.).

Такимъ-же образомъ на 8 станціяхъ, по которымъ мы имѣемъ свѣдѣнія, непосредственное участіе въ содержаніи почтовой гоньбы принимаютъ всего 38 лицъ,—всѣ принадлежащія къ высшему по благосостоянію разряду крестьянскаго населенія; кромѣ нихъ, разумѣется, получаютъ заработокъ отъ гоньбы представители бѣднѣйшей группы домохозяйствъ, живущіе у почтовыхъ ямщиковъ въ работникахъ „по ямщицкой части", въ станціонныхъ старостахъ и т. п., а также заготовляющіе для нихъ сѣно и пр.,—въ общемъ сфера, на которую такъ или иначе распространяется вліяніе почтовой гоньбы, довольно широка.

Подрядная плата, какъ видно между прочимъ и изъ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ цифръ, въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ, благодаря принятымъ почтовымъ вѣдомствомъ мѣрамъ и особенно благодаря учрежденію для производства торговъ на содержаніе станцій особыхъ смѣшанныхъ комиссій, значительно понизилась. Пониженіе обнаружилось по всѣмъ безъ исключенія станціямъ и дошло до 30—40% прежнихъ максимальныхъ размѣровъ подрядной платы. Вмѣстѣ съ тѣмъ требова-

ния, предъявляемыя къ почтовымъ ямщикамъ, значительно повысились: прежде почтовое вѣдомство было очень снисходительно къ экипажамъ, станціоннымъ помѣщеніямъ, сбруѣ, такъ что ямщики могли запрягать лошадей въ веревочную сбрую; въ настоящее время лошади, экипажи и сбруя подвергаются строгому освидѣтельствованію (требуются желѣзныя оси, ременныя вожжи и т. п.), станціонныя помѣщенія должны удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ и подвергаются надзору въ смыслѣ чистоты. Благодаря этому, крестьянину, впервые снявшему почтовую пару, приходится произвести очень значительную единовременную затрату; ямщики сами опредѣляютъ эту затрату въ 400—500 рублей на пару. Если даже считать эти цифры нѣсколько преувеличенными, если даже допустить, что вся „спасть“ пріобрѣтается подержанною отъ бывшихъ содержателей, то все-же единовременный расходъ въ 200—300 рублей очевидно подъ силу только вполнѣ зажиточнымъ крестьянамъ, и необходимость такой единовременной затраты исключаетъ отъ участія въ торгахъ не только среднесостоятельныхъ, но нерѣдко и довольно зажиточныхъ крестьянъ.

Для содержанія почтовой „пары“ содержателю гоньбы надо имѣть не менѣе 6, а лучше—7 лошадей (двѣ тройки и одна запасная лошадь). Лошади—по большей части доморощенныя—должны быть очень сильны и способны къ быстрому бѣгу, а потому почтовая лошадь въ крестьянскомъ обиходѣ цѣнится дороже всякой другой: за почтовую лошадь „на большой дорогѣ“ платятъ не менѣе 50—60 рублей. Ямщикъ-почтосодержатель почти всегда держитъ на „пару“ спеціальнаго работника, которому платитъ отъ 60 до 70 рублей и дороже.

Почтовыхъ лошадей кормятъ весьма изобильно: въ теченіе зимнихъ семи мѣсяцевъ на „пару“ расходуютъ около 3 пудовъ овса въ день, всего за 7 мѣсяцевъ около 630 пудовъ овса. Въ теченіе примѣрно пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ на овсѣ держатъ только одну очередную тройку, вторую же выпускаютъ на подножный кормъ, и такимъ образомъ расходъ овса въ это время сокращается на половину,—всего за пять мѣсяцевъ выходитъ около 225 пудовъ, а за годъ — около 855 пудовъ овса. Въ теченіе большей части года овесъ дается лошадямъ въ видѣ зерна, осенью—не обмолоченный, а изрубленный въ видѣ сѣчки и посыпанный мукой. Расходъ этой послѣдней тоже очень значителенъ—за годъ ея выходитъ на пару не менѣе 250 и до 300 пудовъ. Расходъ сѣна тоже больше, нежели для обыкновенныхъ рабочихъ лошадей: за годъ на лошадь выходитъ около 50, на „пару“—около 300 копенъ. Считая всѣ эти затраты кормовыхъ средствъ по довольно дешевымъ цѣнамъ, получимъ текущій расходъ на „пару“ равнымъ:

855 пудовъ овса по 25 к.	214	р..
250 пудовъ овса по 45 к.	112	р..
400 копенъ сѣна по 12 к.	48	р..
Итого . .	374	р..

Если къ этому прибавить расходъ на работника (60—70 р.), на наёмъ станціоннаго помѣщенія, старосты и писаря (на пару 30—40 р. въ годъ), на смазку, ремонтъ, на штрафы и т. п., то общая сумма затратъ на „пару“, не считая погашенія единовременныхъ затратъ, окажется никакъ не менѣе 500 рублей въ годъ, и слѣдовательно поглотитъ мѣстами до $^4/_5$ и $^5/_6$ подрядной платы, мѣстами же всю плату, и слѣдовательно остатокъ въ пользу содержателя сведется къ нулю или небольшой суммѣ 50, 100 и до 120 рублей въ годъ. Но кромѣ подрядной суммы почтосодержатели получаютъ еще прогонныя деньги съ проѣзжающихъ по казенной ($1^1/_2$ к.) и частной (3 к. съ лош. и версты) надобностямъ; прежде, въ эпоху процвѣтанія тракта, у почтосодержателей не хватало лошадей для вольнопроѣзжающихъ, и доходъ ихъ по этой статьѣ былъ очень значителенъ; въ настоящее время, когда вольные ямщики берутъ, какъ мы видѣли, почти вдвое дешевле почтовой таксы, число проѣзжающихъ на почтовыхъ по частной надобности, а слѣдовательно и общее число проѣзжающихъ, сократилось во много разъ, такъ что почтовымъ ямщикамъ иногда случается сбавлять цѣну и конкуррировать съ „вольными“. Сумма прогонныхъ платъ, хотя въ настоящее время и незначительная, тѣмъ не менѣе играетъ довольно видную роль въ балансѣ почтосодержателей. Чтобы выяснить себѣ истинное значеніе гоньбы для почтосодержателей, надо наконецъ имѣть въ виду, что большая часть идущихъ на кормъ лошадямъ продуктовъ получается ими изъ собственнаго хозяйства, и заготовительная цѣнность ихъ значительно (въ общемъ, можетъ быть, на треть) ниже сдѣланной нами оцѣнки.

Въ общей сложности, вообще говоря, доходность почтоваго извоза, включая и доходность потребляемыхъ лошадьми продуктовъ, несомнѣнно достаточна для покрытія погашенія первоначальныхъ затратъ. Остающійся за покрытіемъ послѣднихъ чистый доходъ несомнѣнно невеликъ; тѣмъ не менѣе почтосодержатели очень дорожатъ гоньбой, главнымъ образомъ потому, во 1-хъ, что подрядная сумма выплачивается крупными частями, что̀ даетъ имъ возможность расширять свои обороты и вообще „свободнѣе жить“, а во 2-хъ,—что почтосодержатели всегда пользуются кредитомъ, въ которомъ нерѣдко отказываютъ другимъ.

Б) *Земско-обывательская гоньба.* За исключеніемъ немногихъ, земскія станціи расположены на большомъ Сибирскомъ трактѣ въ тѣхъ-

же пунктахъ, что и почтовыя. По своему экономическому характеру земская гоньба существенно отличается отъ почтовой: она не требуетъ никакихъ первоначальныхъ затратъ (держать земскую гоньбу можно съ простыми крестьянскими лошадьми, телѣгами и сбруей), да и затраты текущія — на содержаніе лошадей, какъ мы увидимъ ниже, совершенно незначительны. Благодаря этому земская гоньба, въ противуположность почтовой, лишь въ немногихъ пунктахъ захвачена въ свои руки зажиточнымъ меньшинствомъ; въ большинствѣ случаевъ она такъ или иначе даетъ заработокъ болѣе или менѣе значительному числу по преимуществу среднесостоятельныхъ хозяевъ. Разнообразіе господствующихъ въ изслѣдованномъ краѣ по отношенію къ разематриваемому вопросу порядковъ лучше всего выяснится изъ краткаго обзора существующихъ въ изслѣдованномъ краѣ земскихъ станцій:

Семилужная ст. содержится за 1800 р. Семилужскимъ „обществомъ“, а фактически гоньба отбывается 60 домохозяевами, каждый изъ которыхъ получаетъ по 30 р. (главное значеніе такой суммы — что она сразу вносится въ подати и освобождаетъ отъ недоимки). Ямщики разбиты на 6 „десятковъ“, каждый изъ которыхъ гоняетъ „поочередно“ въ теченіе недѣли. Всѣ возможныя поѣздки разбиты въ видахъ уравненія очереди на 2 категоріи: ближнія (до 15 в.) и дальнія, каждая изъ которыхъ засчитывается за 2 ближнихъ. На „ближнія подводы“ при недостаткѣ лошадей нанимаютъ по 50 к., на дальнія — по 1 рублю.

Халдеевская ст. прежде содержалась мѣстнымъ обществомъ; въ 1889 г. она была снята артелью изъ 7 мѣстныхъ крестьянъ, а на 1890 г. снята подрядчикомъ за 1100 р. и передана имъ артели изъ 4 крестьянъ д. Турунтаевой; цѣна эта, въ виду большого разгона, невыгодна; при недостаткѣ лошадей нанимаютъ подводы по 1 р. (въ Турунтаеву) и 50 к. (въ Семилужки), а чаще берутъ обратныхъ „попутчиковъ“ по 15—20 и до 30 к.

Турунтаевская ст. еще въ 1889 г. содержались „обществомъ“ за 1500 р.,—сумма разверстывалась между всѣми лошадными дворами и сразу вносилась въ подати. Въ 1890 г. гоньба снята за 1300 р. артелью изъ 6 мѣстныхъ крестьянъ, которые гоняютъ каждый по 7 лошадей. Цѣна не убыточна только благодаря возможности нанимать обратныхъ попутчиковъ.

Ишимская ст., прежде тоже содержавшаяся мѣстнымъ обществомъ, на 1890 г. сдана подрядчику за 1070 р., а имъ передана отъ себя артели изъ 4 мѣстныхъ крестьянъ за 720 р.; одинъ изъ нихъ исполняетъ обязанности нарядчика, за что получаетъ отъ другихъ 36 рублей въ годъ.

На *Колыонской* ст. гоньба отбывается крестьянами приписанныхъ къ ней ближайшихъ селеній натурою, путемъ недѣльныхъ дежурствъ, по 14 душъ въ каждомъ. „Пиодеревенскіе“ нанимаютъ за себя на дежурства съ платой: въ рабочее время по 2 р.—2 р. 50 к., въ другое время — по 1 р. 50 к. въ недѣлю, а нѣкоторые дворы сдѣлали себѣ изъ такихъ дежурствъ спеціальный заработокъ. Дальнія деревни сдаютъ гоньбу подрядчикамъ.

На *Почитанской* станціи гоньба отбывается такимъ-же смѣшаннымъ способомъ; на недѣлѣ дежуритъ 16 душъ; нанимаютъ на дежурство въ рабочее время по 2 р., въ другое время по 1 р. 50 к., 1 р. 20 к. и по 1 р.; есть дворы, проводящіе въ такихъ дежурствахъ по найму весь годъ и слѣд. заработывающіе за годъ до 75—80 р.. Дальнія общества чаще нанимаютъ подрядчиковъ.

По ст. *Берикульской* свѣдѣній нѣтъ.

На *Подъельничной* станціи земскую гоньбу прежде содержало по найму отъ обязанныхъ содержаніемъ ея обществъ Алчедачской волости мѣстное общество, для котораго подрядная плата была значительнымъ подспорьемъ („тѣмъ подати платили“). Въ послѣдніе годы гоньбу постоянно снимаютъ 2—3 богача; такъ на 1890 г. гоньба на 74 дня была снята однимъ зажиточнымъ крестьяниномъ, на остальные 291 день—другимъ. Для исправнаго содержанія гоньбы нужно 12 лошадей.

Такимъ-же образомъ мѣстное общество вытѣснено изъ роли содержателя земской гоньбы и на *Сусловской* станціи, гдѣ гоньба отбывается „натурой“ и каждое обязанное отбываніемъ ея общество прибѣгаетъ къ найму независимо отъ другихъ.

На ст. *Тяжинской* гоньба въ теченіе 4 мѣсяцевъ отбывается мѣстнымъ обществомъ за себя. натурой; остальные 8 мѣсяцевъ гоньбу отбываетъ Дмитріевская волость, отъ которой ее снимаетъ мѣстное общество за 585 р; фактически въ гоньбѣ участвуетъ 50 дворовъ, которые распредѣляются на десятки и дежурятъ понедѣльно.

Такимъ образомъ лишь на нѣсколькихъ станціяхъ удержался прежде общераспространенный порядокъ, при которомъ подрядъ на содержаніе земско-обывательской гоньбы снимало цѣлое общество крестьянъ того селенія, гдѣ помѣщается земская станція, и гоньба фактически содержалась многолюдными артелями по преимуществу изъ среднесостоятельныхъ крестьянъ. На большинствѣ станцій такія артели вытѣснены малочисленными артелями изъ зажиточныхъ крестьянъ, либо отдѣльными богачами-кулаками. Послѣдніе всегда имѣютъ возможность сбить цѣну до такого уровня, который невозможенъ для „общества“; къ тому-же публикаціи о вызовѣ къ торгамъ очень часто получаются въ „обществахъ“ тогда, когда „богатѣи“, всегда получающіе свѣдѣ-

нія о торгахъ негласнымъ путемъ, успѣваютъ уже захватить „гоньбный“ подрядъ въ свои руки.

Цѣны, за которыя отбывается гоньба, въ настоящее время, благодаря значительно усилившейся конкурренціи, въ сравненіи съ прежними годами значительно понизились: такъ подрядная плата по ст. Халдеевской и Турунтаевской, въ 1890 г. равнявшаяся на первой 1100, на второй — 1300 рублямъ, въ „старые годы“ доходила, включая впрочемъ и плату за отбываніе „кормежной“ повинности, до 3000 рублей на каждой. При дешевизнѣ корма такая плата была очень выгодна для содержателей гоньбы — „станочныхъ обществъ“ и убыточна для плательщиковъ, держалась же она на такомъ уровнѣ главнымъ образомъ благодаря злоупотребленіямъ старшинъ, писарей и т. п., на взятки которымъ уходила довольно значительная часть подрядной суммы.

Издержки, связанныя съ отбываніемъ гоньбы, весьма различны въ зависимости отъ того, содержитъ-ли гоньбу многолюдная артель—„общество“, или подрядчики. Въ первомъ случаѣ издержки собственно промысла сводятся къ ничтожной величинѣ: лошадей, какъ и при вольномъ извозѣ, кормятъ овсомъ только при возвращеніи съ перегона, а бѣднѣйшіе изъ участниковъ въ артели нерѣдко „гоняютъ на одномъ сѣнѣ“. Во второмъ случаѣ лошади требуютъ хлѣбнаго корма, хотя и въ гораздо меньшихъ количествахъ, нежели почтовыя; такъ напр. на ст. Подъельничной на 12 лошадей скармливается въ зимнее время не болѣе 100 пудовъ овса въ мѣсяцъ, а въ лѣтніе мѣсяцы лошади вовсе не получаютъ овса; за годъ слѣдовательно, расходуется около 800—900 пудовъ овса на сумму по среднимъ цѣнамъ около 200—250 р.. Что касается до первоначальныхъ затратъ, то онѣ въ томъ и другомъ случаѣ сводятся къ нулю: для земской гоньбы пригодна обычная крестьянская „снасть“ и обыкновенныя крестьянскія лошади. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь не остается безъ вліянія на доходность разсматриваемаго промысла: для провоза болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ земскія лошади, какъ не крѣпкія отъ природы и не „хлѣбныя“, признаются непригодными, и потому при проѣздѣ подобныхъ лицъ содержателямъ (особенно если такими содержателями являются многолюдныя артели) приходится нанимать лошадей, обыкновенно у почтовыхъ ямщиковъ, уплачивая иногда и до 10 рублей за повозку.

В. *Этапная* гоньба—т. е. поставка подводъ для слѣдующихъ при партіяхъ больныхъ, семействъ ссыльныхъ и для вещей, въ прежнее время доставляла довольно выгодный заработокъ довольно большому числу дворовъ; въ настоящее время выгодность этого заработка значительно сократилась и въ то-же время онъ сконцентрировался въ сравнительно очень немногихъ рукахъ.

На каждой станціи, гдѣ помѣщается этапъ или полуэтапъ—слѣдовательно во всѣхъ тѣхъ трактовыхъ пунктахъ, гдѣ имѣются почтовыя станціи (таковыхъ въ чертѣ изслѣдованнаго района, не считая городовъ, десять), для отбыванія этапной гоньбы полагается по 8 „паръ", причемъ „пара" есть понятіе совершенно отвлеченное, не соотвѣтствующее ни двумъ, ни какому-либо другому опредѣленному числу лошадей. Въ прежніе годы этапныя „пары" вездѣ содержались артелями изъ крестьянъ каждаго даннаго селенія, каждый изъ которыхъ держалъ только одну „пару" или „полупару" вмѣстѣ съ кѣмъ-либо другимъ; возили не далѣе, чѣмъ до слѣдующаго этапнаго пункта. Такимъ образомъ въ каждомъ селеніи самостоятельно участвовало въ этомъ заработкѣ не менѣе восьми, а часто—десять, двѣнадцать дворовъ и болѣе, а по всей линіи—не менѣе 100 дворовъ. Плата за „пару" колебалась на всѣхъ станціяхъ около средняго уровня 150 р. въ годъ; за эту плату приходилось возить всего одну партію въ недѣлю, запрягая лѣтомъ по 4 — 5, зимой — по двѣ, а то и по одной лошади съ каждой „пары". Въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ иногда бывала добавочная, вторая партія, но за провозъ ея подрядчикамъ давалась и особая добавочная плата.

Въ настоящее время этапное движеніе значительно усилилось: въ теченіе цѣлаго лѣта приходится возить по двѣ большія партіи въ направленіи на востокъ и одну небольшую, обратную, цѣны же за содержаніе гоньбы хотя и возвысились, но далеко не въ соотвѣтствующей пропорціи. Этапная гоньба, поэтому, въ настоящее время сдѣлалась гораздо менѣе выгодна, нежели была прежде, хотя все-таки осталась болѣе выгодною, нежели при нынѣшнихъ упавшихъ цѣнахъ — земская гоньба. Вмѣстѣ съ тѣмъ — по крайней мѣрѣ на 1890 годъ — вся этапная гоньба отъ Томска до Колыона отдана съ подряда одному лицу,—зажиточному крестьянину с. Мазалова, и такимъ образомъ совершенно ушла изъ рукъ „рядовыхъ" крестьянъ; сократилось число участвующихъ въ гоньбѣ лицъ и на протяженіи между ст. Берикульскою и Тяжинскою: гоньба содержится здѣсь всего двумя артелями, одною изъ 7 крестьянъ д. Подъельничной, другою — изъ крестьянъ с. Суслова; каждая изъ этихъ артелей возитъ партію два перегона: первая—отъ с. Берикуля до г. Мариинска, вторая —отъ Мариинска до ст. Тяжинской, откуда дальше везутъ партію уже возчики изъ с. Итатскаго (Боготол. вол.). Въ прежнемъ положеніи отбываніе гоньбы осталось только на ст. Колыонской и Почитанской, гдѣ ее по прежнему содержатъ артели среднесостоятельныхъ крестьянъ, изъ 8—10 человѣкъ каждая, и возятъ партіи только на перегонахъ между двумя смежными этапами.

Всѣ разсмотрѣнные виды подрядной гоньбы даютъ заработокъ не однимъ только содержателямъ гоньбы или ихъ работникамъ и вообще экономически зависимымъ отъ нихъ лицамъ, но также, хотя въ небольшихъ размѣрахъ и случайно, и не принимающимъ въ ней постояннаго участія дворамъ: „то почту наймешься свезти, то земскую подводу сгоняешь, то съ партіей сходишь,—глядишь, все какая копѣйка и набѣжала.“

Есть еще доступный для всѣхъ имѣющихъ пару лошадей крестьянъ видъ гоньбы, носящій, собственно говоря, характеръ натуральной повинности, но въ то же время дающій и нѣкоторый заработокъ, — это именно *перевозка запасныхъ солдатъ*, слѣдующихъ на родину съ Амура и изъ Восточной Сибири. Перевозка солдатъ для населенія „станочныхъ“ селеній обязательна, но въ то-же время солдаты обязаны уплачивать прогоны изъ суммъ, которыя полагаются имъ при увольненіи въ запасъ. Прежде имъ не давали на руки денегъ, а выдавали особыя контрамарки по одной на двѣ семьи, по 75 к. каждая (независимо отъ длины перегоновъ?), которыми они и расплачивались съ возчиками; контрамарки эти затѣмъ сдавались въ волостное правленіе, которое и засчитывало ихъ въ подать. Нынѣ контрамарки отмѣнены и введена денежная плата: съ каждыхъ двухъ семей — слѣдовательно съ пары лошадей—по 3 к. съ версты; до настоящаго времени плата осталась на этомъ уровнѣ для солдатъ, слѣдующихъ съ Амура; для остальныхъ она понижена до весьма низкаго уровня — за каждыя двѣ семьи по $1^1/_2$ копѣйки съ версты.

§ 3. Дворничество.

Существованіе дворничества, какъ самостоятельнаго занятія, представляетъ собой, очевидно, необходимое условіе, но въ то-же время— и слѣдствіе существованія въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ извознаго промысла. Упадокъ извознаго промысла, на который мы указывали въ § 1 настоящей главы и который явился слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, развитія пароходнаго движенія по Чулыму, не могъ поэтому не отразиться и на дворничествѣ: значительно сократилось обозное движеніе — должно было сократиться и количество продуктовъ, необходимыхъ для потребленія обозовъ, и количество нужныхъ для послѣднихъ услугъ. Такое—если такъ можно выразиться— сокращеніе спроса на дворничество не сопровождалось однако соотвѣтственнымъ сокращеніемъ предложенія; напротивъ — число дворниковъ, вообще говоря, значительно возросло, и дворничество изъ фактической

монополіи малочисленной зажиточной группы населенія сдѣлалось занятіемъ группы, гораздо болѣе многочисленной, заключающей въ себѣ и сравнительно слабыя домохозяйства. Понятно, что въ результатѣ совокупнаго вліянія пониженія спроса и увеличенія предложенія доходность дворничества, слагающаяся изъ прибыли на продаваемые обозомъ продукты и платы за услуги, необходимо должна была значительно понизиться, и такимъ образомъ значеніе дворничества, какъ и значеніе извоза, понизилось не только экстенсивно, но и интенсивно. Независимо отъ указанныхъ обстоятельствъ, пониженіе доходности дворничества явилось слѣдствіемъ еще и другихъ причинъ: съ одной стороны — сокращенія доходности извоза, съ другой — конкурренціи поселившихся во многихъ трактовыхъ селеніяхъ постороннихъ лицъ. Сокращеніе доходности извоза, понизивъ платежную способность обозныхъ ямщиковъ, сдѣлало прежнія высокія цѣны продуктовъ и услугъ, предлагаемыхъ дворниками, прямо невозможными. Постороннія лица, благодаря большей ловкости и коммерческой сметкѣ, во многихъ пунктахъ отбили у крестьянъ значительную часть постоя и вынудили ихъ къ дальнѣйшему пониженію цѣнъ *).

---

*) Для характеристики роли постороннихъ лицъ по отношенію къ разсматриваемому вопросу приводимъ здѣсь извлеченія изъ двухъ приговоровъ Медвѣдчиковскаго с. о. (Ишимской волости).

Приговоръ 28 Января 1885 года, № 3.

...обсуждали обстоятельства относительно проживающаго по паспорту въ деревнѣ нашей крестьянина Пермской губерніи Екатеринбургскаго уѣзда Верхопежинской (?) волости деревни Рѣшотъ, Михаила Васильева Субботина, живя у насъ въ деревнѣ хотя не въ собственномъ домѣ, а на квартирѣ, и какъ онъ занимается дворничествомъ, т. е. пускаетъ обозы—торгуетъ овсомъ, мукой и сѣномъ, однимъ словомъ имѣетъ довольно значительный торговой оборотъ, по этому, судя по состоянію, мы обложили его въ 1884 году уплатить въ помощь намъ мірскихъ сборовъ 13 р. 65 к. с., т. е. суммой ровной платежу годового оклада годнаго работника, и чтобы онъ также принималъ постой проходящихъ солдатъ наравнѣ съ нами по расчисленію душъ. О семъ нашимъ Сельскимъ Старостою и было объявлено Субботину. Онъ же подъ разными предлогами уклонялся отъ платежа налога и наконецъ въ настоящее время прихода партій новобранцевъ не сталъ принимать постоя, поэтому сего 20-го приглашали мы Субботина на общественный сходъ, предложили ему уплатить 13 р. 65 к., при чемъ объяснили «что налогъ на него нами положенъ не самовольно, а на основаніи распоряженія правительства, да еслибы и не было даже такого распоряженія, то при его оборотѣ дѣла, онъ имъ можетъ отбить у насъ бо́льшую часть дохода, можно было-бы самому сдѣлать помощь обществу безъ всякаго налога». Субботинъ же (отвѣчалъ), что онъ изъ чести своей дастъ три рублика—а распоряженіе правительства не признаетъ. Слыша такіе отзывы Субботина, относящіеся къ правительству,—мы постановили:—составить сей приговоръ, который по утвержденіи рукоприкладствомъ нашимъ представить таковой въ Ишимское волостное правленіе и покорнѣйше просить сдѣлать распоряженіе на выдвореніе Субботина изъ общества нашего, не говоря уже какъ человѣка не приносящаго пользу, а какъ человѣка вреднаго, не признающаго распоряженій Правительства.

Приговоръ 28 Февраля 1885 года, № 4.

...обсуждали обстоятельство относительно сбора недоимки, оставшейся отъ 84-го года, недоимки въ мирскіе сборы. Большею частію (она) состоитъ на незаписанныхъ въ ре-

Параллельно съ общимъ сокращеніемъ доходности и значенія дворничества въ изслѣдованномъ краѣ, на части тракта, заключающейся между Томскомъ и с. Колыонскимъ, шло *перемѣщеніе* главныхъ пунктовъ развитія этого промысла изъ однихъ селеній въ другія. Прежде главная масса обозовъ шла отъ Томска и къ Томску по слѣдующимъ станціямъ:

Колыонъ — Мазалово — Халдеева — Томскъ,
33 в. 34 в. 44 в.

меньшая, но все же очень значительная часть обозовъ останавливалась въ Суровой, откуда при хорошей дорогѣ проходила до Турунтаевой (42 в.), и затѣмъ—въ Ишимское и Покровскую, при худой—до Подломнаго (32 в.) или даже до Халдеевой (20 в.), откуда затѣмъ слѣдовала въ Мазалово. Совсѣмъ небольшое число обозовъ шло на Семилужное,—оттуда на Подломное и Ишимское.

Въ настоящее время и Мазалова, и особенно Халдеева, обходятся Иркутскими обозами главнымъ образомъ потому, что изъ Халдеевой приходится либо дѣлать очень длинный переходъ до Томска (44 в.), либо идти къ Томску въ два перехода, что конечно увеличиваетъ и продолжительность пути, и дорожные расходы. Главное обозное движеніе идетъ въ настоящее время слѣдующими переходами:

Колыонъ—Медвѣдчикова (или рѣже—Ишимское)—Подломное —
28 в. 30 в.
—Семилужное — Томскъ.
26 в. 30 в.

Сравнительно ничтожное число обозовъ идетъ на
Покровскую—Нижне-Великосельскую—Семилужное—Томскъ
36 в. 38 в. 30 в.

визіи, и въ налогѣ на проживающихъ въ нашемъ обществѣ изъ другихъ обществъ, въ томъ числѣ и крестьянинѣ Пермской губерніи Иванѣ Степановѣ Левинѣ (13 р. 60 к.) годовой окладъ годнаго работника наложенные по состоянію его, какъ на человѣка занимающаго дворничествомъ, торгуетъ овсомъ сѣномъ, мукой (картофель) и всѣмъ этимъ имѣетъ обширнѣйшій оборотъ, приносящій хорошій процентъ, почему и предложили ему уплатить мирскихъ сборовъ 13 р. 60 к Левинъ же нанесъ цѣлому Обществу грубостей ругательными словами, и объявилъ что не дастъ не копѣйки и что насъ знать не хочетъ. Староста нашъ попросилъ Левина быть повѣжливье и замолчать, а нашъ сельскій писарь объяснилъ ему, Левину, что Законъ, но Левинъ не слушалъ никого и говорилъ, что всѣ эти законы и распоряженія правительства только для того чтобы лучше пріѣзжихъ людей грабить: На такое ругательство мы постановили приговоръ; который по утвержденіи рукоприкладствомъ нашимъ, представить въ Ишимское волостное Правленіе и просить его сдѣлать распоряженіе о выдвореніи Левина со всемъ его семействомъ изъ деревни нашей, какъ возмущающаго и совращающаго наше общество.

или по прежнему чрезъ Колыонъ, Мазалово и Халдееву. Что̀ касается до Суровой и Турунтаевой, то здѣсь обозы останавливаются при особенно хорошей дорогѣ, когда удлиняютъ переходы, чтобы выгадать остановку, и при очень худой, когда обыкновенный переходъ не подъ силу лошадямъ; такъ при очень хорошей дорогѣ обозы проходятъ: въ Сурову изъ Подломнаго (38 в.) и Нижне-Великосельской (44 в.), въ Турунтаеву — изъ Семилужковъ (36 в.), Суровой (42 в.) и Покровской (38 в.); при очень худой дорогѣ въ Сурову заходятъ обозы изъ Томска (24 в.) и Халдеевой (20 в.); въ Турунтаеву — изъ Халдеевой (22 в.), Мазалова (12 в.) и Медвѣдчиковой (22 в.).

На протяженіи отъ Колыона до крайней восточной границы изслѣдованнаго края относительное значеніе отдѣльныхъ селеній, какъ пунктовъ остановки обозовъ, осталось неизмѣннымъ. Главная масса обозовъ идетъ по слѣдующимъ пунктамъ:

Колыонъ — Постниково — Тюменева — Марінскъ — Суслово — Тяжинъ —
27 30 (?) 23 (?) 26 26
— Итатъ (Боготол. вол.).
25 (?)

Особенно важны первые два пункта, которые минуетъ лишь самая ничтожная часть обозовъ: въ Постникову заходятъ и обозы, слѣдующіе окольнымъ трактомъ чрезъ Емельяновку и Ольгинское (см. ниже); въ Колыонѣ сходятся обозы, слѣдующіе съ одной стороны и изъ Ишимскаго, и изъ Мазалова, съ другой — и изъ Постникова, и изъ Б. Песчанки.

При очень хорошемъ состояніи дорогъ цѣпь остановокъ обозовъ и здѣсь сильно измѣняется: обозы переходятъ изъ Колыона въ Б. Песчанку (34 в.), отсюда — прямо въ Подъельничную (31 в.) и дальше въ Суслово (41 в.); изъ Постниковой они проходятъ, минуя Колыонъ, въ Покровскую (39 в.), отсюда — въ Нижне-Великосельскую и т. д. Къ востоку отъ Марінска обозы, вмѣсто того, чтобы идти „по станкамъ“ (Суслова, Тяжинъ), слѣдуютъ нерѣдко по „половинкамъ“ (промежуточнымъ селеніямъ):

Марінскъ — Ключевая — Промежуточная (Боготольск. вол.),
27 30 (?)

благодаря чему опять-таки выигрываютъ одну остановку.

Такимъ образомъ на основаніи всего изложеннаго и другихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ поселенныхъ описаній, трактовыя селенія, какъ пункты остановки обозовъ и развитія дворничества, сгруппируются слѣдующимъ образомъ:

А) *Первостепенные пункты.*

Село *Семилужное* (Семил. вол.); дворничествомъ въ болѣе или ме-

нѣе значительныхъ размѣрахъ занимается до 60 дворовъ; не останавливается небольшая часть обозовъ.

С. *Подломское* (той-же вол.)—почти всѣ обозы изъ Семплужковъ и бо́льшая часть изъ Медвѣдчиковой; этотъ пунктъ страдаетъ только отъ недостатка воды: въ Подломскомъ нѣтъ рѣки, а только общественные колодцы; при сильномъ движеніи обозовъ въ нихъ не хватаетъ воды, и тогда часть обозовъ проходитъ мимо. Дворничаетъ около 20 дворовъ, изъ нихъ 12—въ крупныхъ размѣрахъ.

Д. *Медвѣдчикова* (Иткимск. вол.)—обозы сходятся изъ Колыона и Подломскаго; довольно много проходитъ мимо (на Покровскую, Мазалово, Н. Великосельскую); дворничаютъ почти всѣ зажиточные дворы (всего до 50).

С. *Колыонское* (Почит. вол.) — одинъ изъ крупнѣйшихъ пунктовъ; минуетъ его лишь ничтожная часть обозовъ. Дворничаетъ до 40 дворовъ, изъ нихъ нѣкоторые „пускаютъ обозы на два двора“, а въ „свалку“ въ одномъ дворѣ сходится до 5 обозовъ.

С. *Постниково* (той-же вол.) — очень важный пунктъ, минуетъ его ничтожная часть обозовъ. Дворничаетъ около 30 дворовъ, бо́льшая часть въ крупныхъ размѣрахъ; въ „свалку“ въ селеніи останавливается до 100 обозовъ въ день, въ одномъ дворѣ сходятся до 4—5 обозовъ.

Д. *Тюменева* (Баимск. вол.),—тоже изъ самыхъ крупныхъ пунктовъ, мимо котораго проходятъ только обозы, останавливающіеся въ Б. Песчанкѣ. Дворничаетъ не болѣе 20 дворовъ, — всѣ въ очень крупныхъ размѣрахъ.

С. *Суслово* (той-же вол.)—останавливается огромное большинство обозовъ (въ томъ числѣ и идущіе отъ Подъельничной). Дворничаетъ около 40 дворовъ.

С. *Тяжинское* (той-же вол.) дворничество весьма развито и число дворниковъ очень велико (60 двор. или болѣе): „у кого только 20—30 пудовъ овса есть, тотъ и пускаетъ обозы“.

Б. и *В. Второстепенные* и *третьестепенные пункты* мы будемъ разсматривать вмѣстѣ, въ виду невозможности установить между тѣми и другими точныя границы. Какъ общее замѣчаніе мы должны здѣсь-же сказать, что независимо отъ указанныхъ выше условій (разстоянія въ связи съ состояніемъ дороги), второстепенные и особенно третьестепенные пункты, обозначаемые названіемъ „половинокъ“, привлекаютъ обозы главнымъ образомъ дешевизною постоя сравнительно съ главными пунктами остановокъ обозовъ, а также сравнительною безопасностью отъ мошенничествъ и покражъ товара.

Д. *Воронина* (Семплужн. вол.). Останавливаются только изрѣдка

Томскіе обозы, именно при особенно худой дорогѣ, не позволяющей дойти въ одинъ переходъ не только до Семилужнаго, но и до Суровой (во время снѣжныхъ заносовъ). Спеціалистовъ-дворниковъ нѣтъ.

Д. *Сурова* (той-же вол.). Останавливаются Томскіе обозы при плохой дорогѣ, Иркутскіе -при очень хорошей, проходомъ изъ Турунтаевой и Подломнаго; Иркутскіе обозы для здѣшнихъ дворниковъ выгоднѣе, ибо недолго стоятъ и забираютъ много овса, между тѣмъ какъ Томскіе обозы стоятъ подолгу (лошади нуждаются въ выстойкѣ) и берутъ мало овса. Дворниковъ человѣкъ шесть, а операціи ихъ невелики (скармливаютъ обозамъ свой овесъ, да прикупаютъ по 100 — 200 пудовъ каждый).

Д. *Халдеева* (той-же вол.). Обозы проходятъ изъ Мазаловой и Томска (или Суровой). Дворничаетъ 5 дворовъ, да и на тѣхъ „дворни не хватаетъ“ (впрочемъ всѣ эти 5 дворовъ — „настоящіе“, крупные дворники).

Д. *Турунтаева* (той-же вол). Обозы останавливаются болѣе или менѣе случайно по знакомству, а также при очень хорошей или совсѣмъ плохой дорогѣ; дворничаетъ 4 — 5 домохозяйствъ, да и тѣ не имѣютъ большого заработка.

Д. *Нижне-Великосельская* (Ишимск. вол). Дворничество развито больше, нежели въ Турунтаевой; Иркутскіе обозы проходятъ при хорошей дорогѣ изъ Колыона, при плохой — изъ Ишимскаго; Томскіе, при хорошей погодѣ, — изъ Семилужнаго. Дворничаетъ до 10 дворовъ.

С. *Мазалово* (той-же вол.) — обозы приходятъ изъ Колыона и Халдеевой, главнымъ образомъ изъ послѣдней. Дворничаютъ 4 двора, всѣ въ большихъ размѣрахъ. — одинъ настолько, что засѣвая болѣе 100 дес., прикупаетъ еще тысячи пудовъ овса и другого хлѣба.

С. *Ишимское* (той-же вол.); обозы предпочитаютъ Медвѣдчикову. Въ Ишимскомъ всего одинъ очень крупный дворникъ и 4 — 5 человѣкъ не очень крупныхъ. Много обозовъ останавливается только весной, когда нѣтъ перехода черезъ Ю; тогда стоятъ не только у дворниковъ, но и у всѣхъ крестьянъ. во дворахъ у которыхъ можетъ помѣститься обозъ.

Д. *Покровская* (Почит. вол.). Обозы проходятъ изъ Мазалова и Б. Песчанки, но рѣдко. О числѣ дворниковъ свѣдѣній нѣтъ.

Д. *Теплая-Рычка* (той-же вол., татары). Постоянно останавливаются здѣсь только татарскіе, гл. обр. лѣтніе обозы; другіе обозы проходятъ сюда при особенно хорошей дорогѣ изъ Ишима и Медвѣдчиковой, минуя Колыонъ, и идутъ дальше на Берикуль или Тюменеву. Дворничаетъ не болѣе 3 — 4 дворовъ.

С. *Почитанское* (той-же вол.). Обозы останавливаются только слу-

чайно, если лошади, благодаря очень худой дорогѣ, не могутъ вывезти полную „пряжку“. Дворничаетъ всего 1 дворъ.

Д. *Большая-Песчанки* (той-же вол.). Обозы проходятъ при очень хорошей погодѣ изъ Колыона, чтобы слѣдовать далѣе прямо на Подъельничную. Дворничаетъ всего 5 дворовъ.

С. *Берикульское* (той-же вол.). Обозы останавливаются лишь изрѣдка, проходя изъ Подъельничной, Теплой Рѣчки, иногда и изъ гор. Мариинска. О числѣ дворниковъ свѣдѣній нѣтъ.

Д. *Подъельничная* (Баимск. вол.). При обыкновенныхъ условіяхъ обозы проходятъ мимо; останавливаются только при очень хорошей дорогѣ, когда они идутъ отъ Сусловой, минуя Мариинскъ, и отъ Берикуля, минуя Тюменеву. Дворничаетъ 3—4 двора.

Д. *Ключевая* (той-же вол.)—мѣсто остановокъ обозовъ, идущихъ по „половинкамъ“ (Мариинскъ — Ключевая — Промежуточная и пр.); число такихъ обозовъ очень незначительно. Дворниковъ 5 — 6 человѣкъ.

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ трактовыхъ селеній, какъ пунктовъ остановки обозовъ и развитія дворничества. Мы приводили въ этомъ обзорѣ, между прочимъ, приблизительныя данныя о числѣ занятыхъ дворничествомъ въ каждомъ селеніи дворовъ; мы должны оговориться здѣсь, что въ эти цифры мы включали только такихъ „настоящихъ“ дворниковъ, у которыхъ обозы стоятъ болѣе или менѣе постоянно и которые обозначаютъ свою профессію особымъ знакомъ - пучкомъ соломы, выставленнымъ у воротъ на высокомъ шестѣ. Мы не включали въ эти цифры такихъ случайныхъ дворниковъ, которые не обладаютъ ни достаточною хозяйственною состоятельностью, ни инвентаремъ и приспособленіями, нужными для „настоящей дворни“, и „пускаютъ“ обозы только во время „свалки“, когда во дворахъ „настоящихъ“ дворниковъ нерѣдко не хватаетъ мѣста. Такимъ дворникомъ по случаю является въ первостепенныхъ трактовыхъ пунктахъ каждый хозяинъ, имѣющій въ запасѣ два-три десятка пудовъ овса или нѣсколько рублей свободныхъ денегъ (нерѣдко замѣняемыхъ кредитомъ), на которые онъ можетъ купить овесъ, уже пустивши обозъ къ себѣ „въ ограду“.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается доходность разсматриваемаго промысла. Мы должны сдѣлать это отдѣльно по отношенію къ прежнему времени — къ эпохѣ процвѣтанія тракта вообще и дворничества въ частности, и къ нынѣшнимъ годамъ; должны потому, что въ послѣднее время, благодаря изложеннымъ въ началѣ настоящаго § обстоятельствамъ, сократилось какъ число этихъ элементовъ, такъ и размѣръ получаемаго по каждому изъ нихъ дохода. Предварительно однако мы должны сказать нѣсколько словъ

съ одной стороны о способахъ разсчета обозовъ съ дворниками, съ другой—о количествѣ потребляемыхъ ими продуктовъ.

Какъ было уже указано въ § 1 настоящей главы, разсчетъ обозовъ съ дворниками производится двоякимъ способомъ: иногда—по каждому изъ забираемыхъ продуктовъ отдѣльно, иногда—по системѣ „препоновъ". Въ первомъ случаѣ обозъ покупаетъ у дворника попудно овесъ, покупаетъ сѣно повозно и особо платитъ за харчи возчиковъ; во второмъ случаѣ овесъ также забирается попудно, а затѣмъ каждая „связка" платитъ за „препонъ"—въ составъ котораго входятъ: сѣно въ нужномъ для лошадей количествѣ, харчи для возчиковъ и водопой. При дорогихъ и среднихъ цѣнахъ овса плата за „препонъ" бываетъ равна цѣнѣ пуда овса, при дешевыхъ—на 10—20 копѣекъ дороже послѣдней. Оба эти способа разсчета встрѣчались и въ прежнее время, встрѣчаются и теперь; но прежде преобладалъ способъ разсчета съ „препона", теперь же этотъ способъ все болѣе вытѣсняется способомъ разсчета за отдѣльные продукты и услуги.

Что́ касается до количества потребляемыхъ обозами продуктовъ, то оно подвержено весьма широкимъ колебаніямъ; особенно широки эти колебанія по отношенію къ овсу на ближайшихъ къ Томску станціяхъ: свѣжія лошади, идущія отъ Томска, съѣдаютъ здѣсь по 2, $1^1/_2$, а то и по пуду на „связку", лошади идущія отъ Иркутска—по 4 и до пяти пудовъ; на болѣе удаленныхъ отъ Томска станціяхъ количество потребляемаго овса колеблется между $2^1/_2$ (рѣдко 2) и 3 (рѣдко $3^1/_2$) пудами на „связку". Возъ сѣна (мѣрный, въ 5 копенъ) расходуется на 20, 25 и до 30 лошадей,—на лошадь, слѣдовательно, забираютъ въ среднемъ по 1 пуду на „пряжку". Возчики получаютъ на „выть" чай съ „прикуской", стаканъ водки и обѣдъ изъ трехъ перемѣнъ, а при болѣе продолжительныхъ остановкахъ чай подается два раза; пищу ямщики требуютъ вполнѣ доброкачественную и вкусную и ѣдятъ очень много. „Объѣзднымъ" подается „господскій" обѣдъ и ужинъ съ графиномъ водки, а болѣе ловкіе дворники, чтобы заманить къ себѣ „объѣздныхъ", подаютъ имъ и „заграничныя" вина.

Главный источникъ дохода для дворниковъ какъ въ прежнее время, такъ и теперь, составляетъ продажа овса. Въ „старые годы" дворники брали на овсѣ не менѣе 100, а обыкновенно и до 150% барыша: овесъ продавали не мѣрными четвериками, а такъ наз. „маломѣрными" пудовками, которыхъ изъ пуда выходило двѣ, и обыкновенныя продажныя цѣны были:

при рыночн. цѣнѣ въ 40 к. за пудъ продавали

„пудовку" по 45—50 к. (=90 к.—1 р. за пудъ, откуда барышъ = 125—150%)

при рыночн. цѣнѣ въ 50 к. за пудъ продавали
„пудовку“ по 60 к. (=1 р. 20 к. за пудъ,
откуда барышъ = 140%).

Тѣ-же 50—60 копѣекъ брали за „препонъ“, т. е. примѣрно за одну копну сѣна и за харчи возчика; въ виду изобилія и доброкачественности пищи, на этой статьѣ получали лишь ничтожный барышъ, а то и не получали ничего. Сверхъ того въ прежнее время за продовольствіе „объѣзднаго“ брали по 1 рублю, да по 1 рублю за караулъ товара.

Въ настоящее время послѣднія двѣ приходныя статьи отпали: „объѣздныхъ“ приходится кормить даромъ, что же касается до караула во время постоя, то онъ содержится теперь самими возчиками; дворники въ настоящее время не берутъ на себя отвѣтственности за сохранность товара; мотивируется такое измѣненіе частыми при прежнемъ порядкѣ случаями, когда дворникамъ приходилось платиться за пропажи, случившіяся во время перегоновъ; но едва-ли не правильнѣе будетъ объяснить это измѣненіе дѣятельнымъ участіемъ, которое принимаютъ многіе изъ дворниковъ въ покражахъ товара, и при которомъ имъ конечно нѣтъ никакого разсчета брать на себя отвѣтственность за послѣдствія такихъ покражъ. — Такимъ образомъ въ настоящее время дворники могутъ получать доходъ только по тремъ статьямъ, изъ которыхъ главною остается продажа *овса*. Размѣръ получаемаго на послѣднемъ барыша подверженъ значительнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ того, „много-ли дворниковъ бѣжитъ рядиться“ — другими словами отъ размѣровъ наплыва обозовъ. Такъ въ зиму 1889—1890 года, при покупной цѣнѣ овса въ 17—19 к. за пудъ, брали:

въ главныхъ пунктахъ во время „свалки“ . . .	35 и до 40 к.
„ „ въ теченіе большей части зимы	25—30 к.
во второстепенныхъ пунктахъ цѣна не поднималась выше	30 к.,

и вообще барышъ дворника, сравнительно съ мѣстною рыночною цѣной, въ послѣдніе годы колебался около средняго уровня 10 копѣекъ на пудъ овса, поднимаясь въ „свалку“ до 15—20 копѣекъ, но въ болѣе глухое время нерѣдко падая и до 5 копѣекъ; во второ- и третьестепенныхъ пунктахъ барышъ очень рѣдко превышаетъ 10 копѣекъ на пудъ. — Барышъ на продажѣ *сѣна* въ настоящее время относительно больше, нежели на продажѣ овса: при средней для большинства трактовыхъ селеній цѣнѣ въ 12 к. за копну (= 60 к. за возъ), съ обозовъ берутъ обыкновенно по 1 рублю, чаще по 1 р. 20 к. съ воза, и только въ самое глухое время спускаютъ цѣну до 90 и 80 копѣекъ;

обыкновенный размѣръ барыша колеблется такимъ образомъ между 67 и 100% рыночной цѣны,— высота, до которой барышъ отъ продажи овса доходитъ только въ теченіе самаго горячаго времени. Тѣмъ не менѣе значеніе продажъ овса для дворниковъ гораздо больше, благодаря, разумѣется, значительнымъ размѣрамъ отпуска перваго изъ этихъ продуктовъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, взять для примѣра обозъ въ 50 лошадей (10 „связокъ"), то такой обозъ заберетъ среднимъ числомъ:

овса.	30 пудовъ
сѣна	2 воза,

а средній размѣръ полученнаго дворникомъ барыша будетъ:

на овсѣ (по 10 к. на пудъ). . .	3 рубля
на сѣнѣ (по 40 к. на возъ) . . .	80 коп.,

и слѣдовательно овесъ дастъ дворнику вчетверо болѣе, нежели сѣно.— Что̀ касается затѣмъ до *продовольствія возниковъ*, то взимаемая за послѣднее плата измѣняется, конечно, въ зависимости отъ цѣны припасовъ, но измѣненія эти не особенно значительны: превышеніе максимума надъ минимумомъ повидимому не болѣе 35—40% послѣдняго. Въ зиму 1889—1890 года на участкѣ тракта, заключенномъ въ предѣлахъ изслѣдованнаго края, взимали:

за одинъ чай съ „прикуской" . .	20 к. съ человѣка.
„ обѣдъ и чай.	40 „ „ „
„ „ и два чая	50 „ „ „

Цѣны эти повидимому довольно высоки; но такъ какъ, съ одной стороны, обознымъ ямщикамъ подаютъ ѣсть „вволю" и ѣдятъ они весьма много, а съ другой—въ счетъ той-же платы приходится кормить „по-господски" одного или двухъ „объѣздныхъ", то расходъ по этой статьѣ почти поглощаетъ плату, а чистый доходъ сводится къ нулю. За доходомъ по этой статьѣ дворники впрочемъ и не гонятся: ничего не выгадывая на харчахъ, они тѣмъ не менѣе щеголяютъ угощеніями, такъ какъ послѣднія являются лучшею приманкою для „объѣздныхъ" и возчиковъ, и такимъ образомъ лишній расходъ по этой статьѣ ведетъ къ общему увеличенію оборота дворника, а слѣд. и чистаго дохода его по другимъ статьямъ.

Какъ было уже указано въ § 1 настоящей главы, обозы обыкновенно оставляютъ дворникамъ, въ счетъ платы, „товаръ" въ той-же

самой пропорціи (20—30% всей суммы) и по той-же дорогой оцѣнкѣ, въ какой сами получаютъ отъ „доставщиковъ"; на „товарѣ" этомъ дворники конечно терпятъ убытокъ, такъ какъ продаютъ его по значительно низшей цѣнѣ (чай вм. 1 р. 30 по 80 к. за кирпичъ, ситецъ вм. 35 к. по 12—15 к. за арш.),—но это не отражается на размѣрахъ ихъ прибылей: если дворнику предлагаютъ получить часть платы „товаромъ", онъ повышаетъ на 10, 15, 20% плату за постой и въ результатѣ выручаетъ то-же, что выручилъ-бы при чисто денежной платѣ.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ общей относительной выгодности дворничества, т. е. о долѣ валовой выручки, остающейся при нынѣшнихъ условіяхъ за покрытіемъ расходовъ и составляющей чистый доходъ дворниковъ, мы должны установить различіе между „капитальными" хозяевами, имѣющими болѣе или менѣе значительный оборотный капиталъ, и „бѣднотою", перебивающеюся изо дня въ день. Если дворникъ имѣетъ достаточно денегъ для того, чтобы запастись съ осени овсомъ, сѣномъ, хлѣбомъ, скотомъ на убой и вообще припасами на цѣлую зиму; если у него есть свой овесъ, сѣно и т. п. или деньги для пріобрѣтенія ихъ хотя-бы не на цѣлую зиму, а на первую половину ея, то дворничество можетъ давать хорошую чистую прибыль: въ послѣднемъ случаѣ, выручивъ денегъ въ началѣ зимы, путемъ распродажи заготовленныхъ съ осени припасовъ, онъ можетъ для дальнѣйшихъ операцій пріобрѣтать припасы по выгоднымъ цѣнамъ, пользуясь для этого наступающимъ на трактѣ въ серединѣ зимы глухимъ временемъ, большими подвозами со стороны и т. п.. Если, напротивъ, у дворника нѣтъ ни собственныхъ припасовъ, ни свободныхъ денегъ для своевременной закупки ихъ, а приходится „когда обозъ пришелъ въ ограду, бѣжать къ лавочнику за овсомъ", да еще брать этотъ овесъ въ долгъ, — тогда избытокъ продажныхъ цѣнъ припасовъ надъ покупными дѣлается совершенно ничтожнымъ и оставляетъ чистый доходъ, совершенно не соотвѣтствующій массѣ связанныхъ съ дворничествомъ хлопотъ и безпокойства.

Такимъ образомъ постойная операція даетъ зажиточнымъ дворникамъ весьма значительный, бѣднымъ — лишь ничтожный доходъ. Но этого мало; самые размѣры операціи у первыхъ не только абсолютно, но и относительно гораздо больше нежели у вторыхъ: въ каждомъ трактовомъ пунктѣ огромное большинство обозовъ останавливается у крупныхъ, богатыхъ дворниковъ, къ бѣднякамъ же обозы идутъ неохотно. Объясняется это рядомъ причинъ, по своей очевидности не требующихъ болѣе детальнаго объясненія: возчики разсчитываютъ найти у зажиточнаго дворника и лучшее помѣщеніе себѣ и лошадямъ, и

лучшій столъ, и достаточные запасы фуража, разсчитываютъ также (хотя и не всегда основательны) на бо́льшую безопасность отъ покражъ, и т. д.. Но независимо отъ всего этого здѣсь вліяетъ необходимость въ кредитѣ, который можетъ оказать обозу конечно только зажиточный дворникъ; необходимость эта существуетъ для большинства идущихъ изъ Томска обозовъ и является результатомъ принятыхъ порядковъ расплаты съ возчиками: послѣдніе получаютъ въ Томскѣ только задатки, которые издерживаютъ цѣликомъ на подати, ремонтъ „снасти“ и т. д., и идутъ безъ денегъ до самаго Ачинска, гдѣ получаютъ остальную часть платы. Поэтому по пути къ Иркутску они обыкновенно вездѣ кормятъ въ долгъ и расплачиваются уже на возвратномъ пути. Кредитъ оказывается безъ всякихъ формальностей, подъ простую роспиську или даже на слово, и несмотря на это, дворники всегда, за самыми рѣдкими исключеніями, получаютъ свои деньги: „ямщикъ нагнетъ (обманетъ) дворника только если самъ въ пухъ разорится“; въ этихъ случаяхъ дворники почти никогда не обращаются къ суду, а выжидаютъ возможности взыскать долгъ частнымъ образомъ, въ чемъ обыкновенно, если только ямщику удается „поправиться“, и успѣваютъ.

Такимъ образомъ разсматривая доходность дворничества и интенсивно — съ точки зрѣнія доли выручки, остающейся въ чистый доходъ, и экстенсивно—въ смыслѣ размѣра оборотовъ, мы видимъ, что огромная часть доставляемой проходомъ обозовъ выгоды сосредоточивается въ рукахъ немногочисленныхъ зажиточныхъ дворниковъ, на долю же менѣе состоятельныхъ остаются только крупицы, падающія отъ накрытаго для богатыхъ мужиковъ стола. Не можемъ не упомянуть въ заключеніе, что многіе дворники для увеличенія своего дохода не брезгаютъ и нелегальными средствами — именно участіемъ въ покражѣ товаровъ какъ во время слѣдованія обозовъ (въ этомъ случаѣ онѣ являются укрывателями), такъ и въ особенности во время пребыванія послѣднихъ въ ихъ дворахъ: дворники, пользующіеся плохою репутаціею, есть во всякомъ трактовомъ селеніи; но особенно извѣстны по этой части дворники с. Семилужнаго и д. Нижне-Великосельской, гдѣ и вообще число лицъ, занимающихся темными профессіями, повидимому особенно значительно *).

---

*) Приводимъ въ извлеченіи характерное заявленіе по дѣлу, производившемуся въ Семилужномъ вол. судѣ въ 1886 г.. «Вчерашняго числа т. е. 2-го числа сего Февраля мѣсяца 1886 года ямщикъ отъ обоза по фамиліи Солдатова, Игнатій Степановъ Скороходовъ подъѣхалъ къ моему дому и въ отсутствіи моемъ родная моя мать Екатерина Григорьева начала съ нимъ рядиться изъ окна дома, на эту пору подъѣхалъ крестьянинъ деревни Суровой Ефстифѣй Александровъ и началъ перебивать цѣну рядки моей матери, выражая ямщику слова: что вы смотрите на крашеныя окна, вчера въ этомъ домѣ стоялъ обозъ и пропало мѣсто чаю, а у тебя смуть два,

Мы говорили до сихъ поръ только о дворничествѣ по линіи большого Сибирскаго тракта. Между тѣмъ и внѣ послѣдняго въ чертѣ изслѣдованнаго края есть селенія, гдѣ дворничество и связанныя съ нимъ занятія доставляютъ населенію болѣе или менѣе значительный заработокъ.

Мы должны упомянуть здѣсь прежде всего о д. Емельяновкѣ и с. Ольгинскомъ (Ишим. вол.), чрезъ которыя проходитъ прямой зимній трактъ, идущій отъ Томска чрезъ Спасскую, Ишимскую и Почитанскую волости и выходящій на большой Сибирскій трактъ у с. Постникова. Трактъ этотъ проторили главнымъ образомъ для того, чтобы на протяженіи болѣе 150 верстъ избѣжать столь частыхъ на большомъ трактѣ покражъ, но посѣщается онъ сравнительно мало главнымъ образомъ потому, что дорога узка и неудобна: главное движеніе по этому тракту бываетъ въ концѣ зимы, когда на большомъ трактѣ дорога совсѣмъ разбита, да и то ѣздятъ здѣсь больше возчики изъ „забошныхъ“ селеній Спасской и Семилужной волостей. Остановки на разсматриваемомъ трактѣ происходятъ, не считая содержимаго крестьянами д. Емельяновки на полупути отъ Томска „зимовья“, въ Емельяновкѣ и Ольгинскомъ. Въ каждомъ изъ этихъ селеній дворничаетъ по 5—6 дворовъ, да нѣкоторый доходъ доставляетъ замѣна въ проходящихъ обозахъ свѣжихъ лошадей. Дворники берутъ съ „препона“ отъ 35 до 50 к., да на овсѣ 5—10 к. на пудъ барыша; овса, впрочемъ, продаютъ мало, такъ какъ проѣзжающіе здѣсь возчики обыкновенно везутъ овесъ на первыя двѣ—три станціи съ собой.

Д. *Баимская* лежитъ на прямомъ трактѣ изъ Маріинска въ Минусинскъ; прежде и дворничество, и возка „вольныхъ“ доставляли населенію этой деревни большой заработокъ. Въ послѣднее время почти все товарное и пассажирское движеніе пошло чрезъ д. Инж.-Серту (Алчедат. вол.) по правому берегу Кіи, здѣсь же проходитъ только самая ничтожная часть его; дворничаютъ теперь всего 4 двора и 2—3 двора возятъ „вольныхъ“.

ямщикъ Скороходовъ отъѣхалъ отъ моего дома саженъ пять и воротился назадъ къ моему дому, а Александрову сказалъ Скороходовъ на его слова, что ежели мы не будемъ караулить можетъ пропасть и болѣе, но мы у этого дворника стояли по два года было благополучно, и остановился кормить лошадей у меня въ домѣ. Слѣдовательно можно по словамъ Александрова заключить такъ, что онъ по всей вѣроятности хорошо знаетъ и можетъ доказать вполнѣ, что я дѣйствительно этимъ занимаюсь, дѣйствительно накануѣ этого дня въ обозѣ не оказалось мѣсто чаю, но гдѣ оно похищено ямщики сами доказать навѣрно не могутъ; а у меня въ домѣ былъ сдѣланъ повальный обыскъ, за отсутствіемъ полицейскаго сотскаго Воронинскаго общества, отцомъ его Яковомъ Скопуринымъ при понятыхъ: крестьянахъ д. Суровой Семіонѣ Халдѣевѣ, Ларіонѣ Семеновѣ, Егорѣ Ивановѣ, и по учиненіи въ домѣ обыска у меня никакихъ слѣдовъ не оказалось.

Въ д. *Карбышевой* (Нелюб. вол.) останавливаются обозы съ хлѣбомъ, идущіе изъ Уртамской волости въ Томскъ и возвращающіеся назадъ. За постой берутъ: съ возчика за чай по 4 к., съ лошади за мѣсто по 1 к.; сѣно и овесъ у возчиковъ обыкновенно свои. О числѣ дворниковъ и размѣрахъ ихъ заработка у насъ нѣтъ свѣдѣній; но что размѣры эти довольно значительны, — это видно изъ того факта, что одинъ изъ крестьянъ д. Карбышевой перечислился сюда изъ Уртамской волости спеціально для того, чтобы заняться дворничествомъ.

Обозы съ хлѣбомъ изъ Зырянской волости и сѣверной части Ишимской останавливаются, если идутъ въ Томскъ, въ трактовыхъ селеніяхъ — обыкновенно въ Турунтаевой и Семилужномъ (или Суровой); они останавливаются не у „настоящихъ" дворниковъ, а у бѣдныхъ или среднесостоятельныхъ крестьянъ, которымъ платятъ за чай по 5—7 к., за мѣсто для лошадей по 1—2 к. и за сѣно копѣекъ 20—25 за копну.

Дополненіе. Дачный промыселъ.

Дачный промыселъ развитъ въ настоящее время исключительно въ *Спасской* волости. Еще недавно онъ былъ очень развитъ еще въ д. Кузовлевой, Семилужной вол.; это было самое любимое мѣстопребываніе Томскихъ дачниковъ: послѣдніе стояли во всѣхъ крестьянскихъ домахъ, занимая даже такія худыя избы, гдѣ самимъ крестьянамъ уже было неудобно жить („лишь-бы отъ грому да отъ дождя закрывало"); сами крестьяне лѣто нерѣдко проводили въ шатрахъ. Въ настоящее время дачники въ Кузовлевой вовсе не живутъ; главная причина — винокуренный заводъ Пастухова, который распространяетъ по всему селенію крайне непріятный запахъ барды, отбившій у горожанъ охоту брать здѣсь дачи.

Любимое мѣстопребываніе дачниковъ въ настоящее время — ближайшія къ Томску селенія Спасской волости — *Аникина*, *Бородина* и особенно *Заварзина*. Въ послѣднемъ изъ названныхъ селеній нѣсколько дачъ выстроено городскими обывателями, которые арендуютъ для этой цѣли у мѣстнаго общества участки съ платой:

за участокъ	№ 1 . . .	25	р.		въ годъ.
„ „	№ 2 . . .	7	„ 50	к.	„ „
„ „	№ 3 . . .	40	„		„ „
„ „	№ 4 . . .	20	„		„ „
„ „	№ 5 . . .	10	„		„ „

Сверхъ того дачи сдаютъ въ наемъ 26 хозяевъ (изъ 40), которые въ лѣто 1890 года выручили наемныхъ платъ, какъ показала подворная опись, на сумму 1.144 рубля или въ среднемъ около 44 рублей на дворъ. Плата за дачу колеблется между 15 и 50 рублями за лѣто, но нѣкоторые крестьяне имѣютъ по 2 и даже по 3 спеціально для того выстроенныхъ дачныхъ помѣщенія. При низкихъ наемныхъ платахъ постройка дачъ выгодна только потому, что дачи строятся изъ лѣса, выращеннаго въ поскотинѣ и, въ виду постановленнаго общиной запрещенія продавать строевой лѣсъ, не имѣющаго рыночной цѣны. *) Въ небольшой д. Бородиной дачники стоятъ почти во всѣхъ домахъ. Въ Аникиной дачи сдаютъ 18 домохозяевъ (изъ 35), которые въ 1890 г. получили наёмныхъ платъ всего на сумму 416 р. или въ среднемъ по 23 р. на дворъ. Наемная плата за дачу и здѣсь колеблется между 15 и 50 рублями, но въ отличіе отъ Заварзиной здѣсь преобладаютъ маленькія дачи, и къ тому-же ни одинъ крестьянинъ не сдаетъ болѣе одного дачнаго помѣщенія. — Много дачниковъ стоитъ также въ с. *Протопоповскомъ* и д. *Протопоповой*: въ 1890 г. здѣсь, по отзыву крестьянъ, „городскихъ мало было“, и тѣмъ не менѣе было занято болѣе 20 дачъ. Плата за дачи, въ виду большей удаленности отъ города, въ этихъ двухъ селеніяхъ ниже, нежели въ перечисленныхъ раньше: за самыя большія дачи (въ 4 комнаты) здѣсь платятъ не болѣе 30 рублей за лѣто; впрочемъ болѣе низкій размѣръ платы отчасти уравновѣшивается здѣсь тѣмъ, что для отдачи въ наёмъ ни у кого нѣтъ спеціальныхъ помѣщеній: крестьяне отдаютъ собственные дома, которые впрочемъ въ названныхъ селеніяхъ отличаются замѣчательно хорошею постройкой. — Изъ болѣе отдаленныхъ отъ Томска селеній можно указать еще на д. *Федосьеву* (Спасской вол.), *Аркашову*, *Кудрову* (Семил. вол.), въ каждой изъ которыхъ лѣтомъ 1890 г. жило по одному дачнику; болѣе развился въ послѣдніе 2—3 года дачный промыселъ въ д. *Вороновой* и *Пятуховой* (Спасской вол.), въ первой изъ которыхъ въ 1890 г. было занято дачниками 5, во второмъ—до 10 домовъ. Цѣны дачъ въ этихъ селеніяхъ очень низки, въ виду ихъ значительной отдаленности отъ Томска не превышая для самыхъ большихъ домовъ 20—25 рублей въ лѣто.

Дачный промыселъ представляетъ для крестьянъ ту-же выгоду, что̀, напримѣръ, дальній извозъ или подрядная гоньба: онъ даетъ дачевладѣльцамъ въ руки довольно крупныя суммы въ то самое время, когда деньги особенно нужны имъ для найма рабочихъ на сѣнокос-

*) Замѣтимъ, что для нѣкоторыхъ крестьянъ дачныя помѣщенія были выстроены самими дачниками на ихъ счетъ, и стоимость постройки въ 3—4 года покрывалась наемною платою.

ныя работы. Изъ за этой выгоды крестьяне главнымъ образомъ подвергаютъ себя той массѣ хлопотъ и потери времени, съ которою неразрывно связана отдача внаймы дачныхъ помѣщеній.—Впрочемъ и доходность дачнаго промысла далеко не ограничивается одною только наемною платою: крестьянинъ, отдавшій въ наемъ дачу, всегда имѣетъ массу побочныхъ заработковъ: онъ возитъ дачниковъ въ городъ и обратно (за поѣздку изъ д. Заварзиной или Аникиной въ Томскъ — всего 9 в.—берутъ 50, 70 к. и до 1 р.), перевозитъ ихъ мебель и вещи весной на дачу, осенью—въ городъ, продаетъ имъ по хорошей цѣнѣ яйца, молоко, овощи, ягоды и пр., доставляетъ песокъ или деревца для украшенія садика и т. п., и зарабатываетъ на всемъ этомъ по мелочамъ сумму, по крайней мѣрѣ равную наемной платѣ за самую дачу.

Кромѣ постоянныхъ дачниковъ, живущихъ въ деревняхъ цѣлое лѣто, въ нѣкоторыя изъ названныхъ селеній, главнымъ образомъ въ Заварзину, Аникину и Бородину, много народу наѣзжаетъ изъ города по праздникамъ „разгуляться", что тоже доставляетъ крестьянамъ довольно значительный, хотя и совершенно не поддающійся учету заработокъ.

§ 4. Сплавъ и судоходство.

Занятія по сплаву, судоходству и пароходству даютъ заработокъ населенію только одной небольшой мѣстности изслѣдованнаго края, именно при-Томскихъ селеній Нелюбинской волости. Занятія эти можно распредѣлить на слѣдующія категоріи:

а) Занятія по *пароходству*. По произведеннымъ изслѣдователемъ подворнымъ описямъ оказывается, что служба на пароходахъ дала заработокъ:

въ с. Иштанскомъ	11	дворамъ	на сумму	1400 р.
„ д. Луговой. . . .	4	„	„	870 „
„ д. Чернильщиковой.	2	„	„	238 „
„ с. Иглаковомъ . .	1	„	„	800 „

Уже эти цифры показываютъ, насколько разнообразны размѣры получаемаго на пароходной службѣ заработка. Первоначально поступаютъ на пароходную службу матросами на жалованье по 11—12 рублей въ мѣсяцъ, но довольно скоро переходятъ на окладъ отъ 14 до 17 р. въ мѣсяцъ. Лучшіе изъ матросовъ переходятъ въ штурвальные. на жалованье отъ 20 до 25 р. въ мѣсяцъ. Слѣдующая ступень—должность

помощника лоцмана на 400 рублей, затѣмъ — лоцмана — на 800 рублей. въ годъ. Разумѣется только немногіе доходятъ до болѣе высокихъ пароходныхъ должностей (такъ изъ с. Иштанскаго въ лоцмана вышло двое, изъ с. Иглакова — одинъ, изъ д. Луговой — одинъ въ помощники лоцмана). Большинство останавливается на старшемъ матросскомъ окладѣ по 17 р. въ мѣсяцъ. Изъ всѣхъ окладовъ надо вычесть стоимость содержанія, которая при бережливости и трезвомъ поведеніи равна около 6 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ чистый заработокъ равенъ:

для матроса младшаго оклада	5— 6 р.	въ мѣсяцъ
„ „ старшаго „	8—11 „	„
„ штурвальнаго	14—19 „	„

Независимо отъ постоянной платы матросы и штурвальные имѣютъ еще добавочный заработокъ: они производятъ грузку дровъ за плату по 25 к. съ сажени, а также перегрузку и выгрузку товаровъ съ платой за первую по 5 р., за вторую—по 8—9 рублей съ тысячи пудовъ. Заработанныя такимъ образомъ деньги выдаются матросской артели и ею уже дѣлятся между отдѣльными матросами. Размѣръ этого дополнительнаго заработка зависитъ отъ состоянія воды: при мелководьѣ онъ довольно великъ, доходя въ мѣсяцъ до 4—5 р. на человѣка, при большой водѣ, напротивъ, онъ совершенно ничтоженъ.

Самый наёмъ въ матросы происходитъ въ мартѣ, и навигація продолжается: на казенныхъ пароходахъ до 1 октября (около $6^1/_2$ мѣсяцевъ), на частныхъ—до 1 ноября (около $7^1/_2$ мѣсяцевъ). За это время (считая въ среднемъ 7 мѣсяцевъ) чистый заработокъ (за вычетомъ расходовъ на содержаніе) можетъ дойти до слѣдующихъ суммъ:

	при хорошемъ дополнит. заработкѣ.	безъ дополнительн. заработка.
для матроса на низш. окладѣ . .	70— 77 р.	35— 42 р.
„ „ на старшемъ . . .	91—112 „	56— 77 „
„ штурвальнаго	133—168 „	98—133 „

Нѣкоторые изъ матросовъ остаются на пароходной службѣ и на зиму, на пониженномъ приблизительно на одну треть окладѣ.

Нѣкоторый заработокъ крестьянамъ даютъ далѣе пароходныя пристани: крестьянамъ д. Бѣлобородовой — лѣтняя пристань Курбатова и Игнатова, крестьянамъ с. Иштанскаго и д. Луговой—ихъ-же зимняя пристань; заработки эти слагаются изъ заготовки для пристаней дровъ *),

*) Объ этомъ см. въ I томѣ настоящей работы, стр. 485.

строевого лѣса, въ наймѣ на работы по уборкѣ пароходовъ и чисткѣ ихъ, по чисткѣ снѣга, прорубанію льда и т. д.; затѣмъ въ возкѣ служащихъ на зимней пристани въ городъ, въ доставкѣ имъ припасовъ, и т. п.. Въ общемъ этого рода заработки незначительны и играютъ въ экономіи мѣстнаго населенія третьестепенную роль.

б) Занятія по сплаву на *пàузках*. Пàузками называются большія суда, служащія для дальнихъ рѣчныхъ плаваній и двигающіяся на заводныхъ якоряхъ или бечевою, на мелкихъ мѣстахъ—и шестами. Пàузки принадлежатъ частью купцамъ, частью зажиточнымъ крестьянамъ. Такъ напр. въ д. Луговой и Чернильщиковой по даннымъ подворныхъ описей оказалось принадлежащими крестьянамъ 6 пàузковъ, а именно:

въ Луговой	два вмѣстимостью кажд.	по 30.000 п.,	на 35	рабоч.
„	одинъ	„	въ 10.000	„ 15	„
„	одинъ	„	„ 6.000	„ 12	„
въ Чернильщиковой	одинъ	„	„ 20.000	„ 25	„
„	одинъ	„	„ 9.000	„ 15	„

Владѣльцы пàузковъ всегда соединяютъ судоходство съ торговыми оборотами: они плывутъ вверхъ по Оби въ „подзаводскія“ мѣста, закупаютъ тамъ хлѣбъ (рѣже соль, песокъ, известку) и доставляютъ его въ Томскъ. На доставку они берутъ иногда подряды отъ Томскихъ купцовъ или разныхъ учрежденій, но чаще дѣйствуютъ совершенно за свой страхъ, въ разсчетѣ на выгодное для нихъ повышеніе цѣнъ. Операція эта повидимому никогда не даетъ убытка; но размѣръ прибыли владѣльца пàузка подверженъ широкимъ колебаніямъ въ зависимости отъ соотношенія цѣнъ закупки и продажи, а также условій, опредѣляющихъ продолжительность плаванія.

Пàузки дѣлаютъ за лѣто по три „сходки“ (плаванія), каждая изъ которыхъ продолжается отъ 3 недѣль до одного мѣсяца (послѣднее чаще) и болѣе. Рабочихъ нанимаютъ не на опредѣленные сроки, а „на сходку“, съ платой (на содержаніи нанимателя):

за первую и вторую сходку (до начала сѣнокоса) . 10—12 р. за каждую,
за третью (въ сѣнокосное время) . . . . . 15—16 „ „ „

а за цѣлое лѣто можно заработать, не считая харчей, до 40—45 рублей. Рулевымъ платятъ гораздо дороже—отъ 20 до 25 и 30 рублей за сходку.

Въ рабочіе на пàузкахъ нанимаются крестьяне изъ с. Иштанскаго,

д. Луговой, Козюлиной, Орловой, Чернильщиковой — словомъ изовсего сѣвернаго угла Нелюбинской волости,—но только очень немногіе и то главнымъ образомъ до наступленія сѣнокоснаго времени, слѣд. на первыя двѣ сходки. Главный контингентъ рабочихъ на „паузки" поставляютъ крестьяне Николаевской волости и особенно — Эуштинскіе татары.

Гораздо большее значеніе для крестьянъ перечисленныхъ только-что селеній Нелюбинской волости имѣетъ в) наемъ на сплавъ лѣса и дровъ на небольшихъ *лодкахъ*, вмѣстимостью не болѣе 35—40 однополѣнныхъ сажень дровъ *). Сплавъ производятся отъ берега Томи у д. Луговой, Чернильщиковой и др. до Томска. Лодковладѣльцы-крестьяне платятъ рабочимъ за „сходку", смотря по величинѣ лодки, по 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., рѣдко до 3 р. 50 к. на содержаніи нанимателей, а землевладѣлецъ Кочуговъ — по 4 р. 50 к.—5 р. на собственномъ содержаніи рабочихъ,—все это — въ глухое лѣтнее время, предшествующее началу сѣнокоса. Съ наступленіемъ послѣдняго сплавъ прекращается, такъ какъ при низкихъ продажныхъ цѣнахъ дровъ и лѣса сплавщики не имѣютъ возможности платить рабочимъ такихъ цѣнъ, которыя могли-бы отвлечь ихъ отъ сѣнокосныхъ работъ.

„Сходка" въ разсматриваемомъ случаѣ продолжается отъ 3 до 5, среднимъ числомъ 4 дня. Большинство занимающихся сплавомъ по найму крестьянъ нанимается за лѣто не болѣе 4—5 разъ и слѣд. зарабатываетъ, не считая содержанія, не болѣе 15 р.; другіе плаваютъ цѣлое лѣто до начала сѣнокоснаго времени; такіе дѣлаютъ за лѣто по 10—12 „сходокъ" и зарабатываютъ по 30, 35 рублей и болѣе.

Объ общемъ значеніи найма на сплавъ, какъ дальній, на „паузкахъ", такъ и ближній, на лодкахъ, для крестьянъ перечисленныхъ выше селеній могутъ дать понятіе нижеслѣдующія извлеченныя изъ подворныхъ описей изслѣдователя данныя:

	Общее число дворовъ.	Изъ нихъ занималось на сплавъ.	Общая сумма ихъ заработка.	Средній заработокъ на 1 дворъ.
въ с. Пштанскомъ . .	64	10	122 р.	12 р.
„ д. Луговой . . .	44	14	—	—
„ д. Чернильщиковой .	60	33	652 р.	20 р..

*) Разсчетъ подобнаго сплава для владѣльцевъ лодокъ см. въ I томѣ настоящаго изслѣдованія, стр. 484—485.

ГЛАВА IX.

ОСНОВАНІЯ ВЛАДѢНІЯ И ФОРМЫ ПОЛЬЗОВАНІЯ ЗЕМЛЕЮ.

§ 1. Основанія владѣнія. Разграниченіе земельныхъ дачъ.

Въ виду крайней ограниченности бывшаго въ распоряженіи изслѣдователя времени, изслѣдованіе не имѣло возможности безусловно полнаго и всесторонняго изученія всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые могли послужить къ освѣщенію тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянской жизни. Въ частности оно совершенно не имѣло возможности заняться разысканіемъ и изученіемъ того документальнаго и особенно планового матеріала, который одинъ только и могъ-бы дать полное и правильное понятіе объ юридическихъ основаніяхъ владѣнія землей въ изслѣдованномъ краѣ. Въ виду этого мы находимъ себя вынужденными оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ и будемъ говорить только о фактическомъ положеніи мѣстнаго землевладѣнія, лишь при случаѣ упоминая, насколько это окажется возможнымъ на основаніи разспросныхъ и др. данныхъ, о послужившихъ ему основаніемъ межевыхъ дѣйствіяхъ.

Въ видѣ общаго правила можно сказать, что крестьянское населеніе изслѣдованнаго края живетъ на казенныхъ земляхъ, отведенныхъ въ его пользованіе и закрѣпленныхъ въ послѣднемъ съ отграниченіемъ какъ отъ земель единственнаго владѣнія казны, такъ и отъ земель инородческихъ, городскихъ и частновладѣльческихъ (какія имѣются въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска) межевыми знаками. Но изъ этого общаго правила мы находимъ цѣлый рядъ исключеній, къ обзору которыхъ мы и должны перейти.

Мы должны указать прежде всего на входящій въ составъ подлежавшаго изслѣдованію края участокъ, принадлежность котораго казнѣ представляется спорною. Это — южная окраина Спасской волости, въ составъ которой входятъ земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ

д. Батуриной и Кондинской, а отчасти также с. Спасскаго, д. Ипатовой, Лучановой, Бѣлоусовой, Нижне Шубиной и Аксеновой, прилегаемая съ одной стороны казною, съ другой—Кабинетомъ Его Величества. Если можно вѣрить показанію крестьянъ, то землевладѣніе двухъ вѣдомствъ до сравнительно недавняго времени разграничивалось межою, пройденною еще въ началѣ настоящаго столѣтія; межа эта проходила, между прочимъ, по р. Тугояковкѣ, южнѣе д. Батуриной, и оставляла какъ это, такъ и остальныя перечисленныя селенія въ районѣ земель казеннаго владѣнія. Въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ проведена была новая межа, которая прошла верстъ на 12 къ сѣверу отъ первой, сѣвернѣе с. Спасскаго, перерѣзавъ участки какъ этого селенія, такъ и д. Ипатовой, Лучановой, Аксеновой, Н.-Шубиной и Бѣлоусовой. Земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ д. Батуриной и Кондинской оказалась такимъ образомъ цѣликомъ принадлежащею Кабинету. Землепользованіе остальныхъ шести селеній распредѣлилось между двумя вѣдомствами слѣдующимъ образомъ:

		Въ чертѣ кабинетскихъ земель.		Въ чертѣ казенныхъ земель.	
Въ пользованіи	с. Спасскаго. . .	?		?	
„ „	д. Ипатовой. . .	2,245	дес.	112	дес.
„ „	„ Лучановой . .	146	„	2,379	„
„ „	„ Аксеновой . .	1,122	„	699	„
„ „	„ Бѣлоусовой. .	961	„	1,929	„
„ „	„ Н.-Шубиной .	389	„	1,321	„

Вопросъ о правильности той или другой межи, а слѣдовательно и о принадлежности земли, состоящей въ участкахъ поименованныхъ селеній, до сихъ поръ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія, а находится на разсмотрѣніи подлежащихъ учрежденій.

Что касается до крестьянъ этихъ селеній, то они продолжаютъ числиться въ разрядѣ государственныхъ, и до самаго послѣдняго времени возникшее по вопросу о принадлежности земли недоразумѣніе не сопровождалось для нихъ никакими непріятными послѣдствіями. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, со вступленіемъ въ должность нынѣшняго лѣсничаго Кабинетскаго вѣдомства г. Мальцева, съ заготовляемыхъ крестьянами на продажу лѣсныхъ матеріаловъ (дровъ, дугъ и пр.) стала взиматься пошлина въ пользу Кабинета Его Величества; было сдѣлано даже распоряженіе объ обложеніи сборомъ дровъ, заготовляемыхъ крестьянами для отопленія собственныхъ домовъ, — но это послѣднее распоряженіе въ силу состоявшагося въ началѣ 1889 г. по-

становленія Томскаго Губернскаго Совѣта было отмѣчено впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о принадлежности земли.

Довольно много недоразумѣній вызываютъ затѣмъ земельныя отношенія крестьянъ къ живущимъ по сосѣдству съ ними инородцами. Исключеніе составляютъ, повидимому, только инородцы-татары Эуштинской управы, пользующіеся землей въ точно отграниченныхъ отъ дачъ селеній смежной Нелюбинской волости дачахъ; никакихъ указаній на какіе-либо споры или недоразумѣнія между Нелюбинскими крестьянами и Эуштинскими инородцами въ нашихъ матеріалахъ, по крайней мѣрѣ, не имѣется. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сосѣдства крестьянъ съ инородцами мы имѣемъ дѣло либо со вторженіями первыхъ въ инородческія дачи, либо инородцевъ — въ дачи крестьянскихъ волостей.

Со случаемъ перваго рода мы встрѣчаемся въ рядѣ селеній сѣверной окраины Ишимской волости, — именно въ трехъ за-Чулымскихъ селеніяхъ: с. Троицкомъ, д. Нижн.-Дороховой, Боровой и Сергѣевой. Всѣ эти селенія, какъ видно, между прочимъ, изъ плана съемки 1867 года, расположены на землѣ, присваиваемой кочевыми инородцами, и въ смыслѣ фактическаго земленользованія составляютъ по отношенію къ собственно земельнымъ угодьямъ одно цѣлое съ инородцами юртъ Ежей, Ышкинскихъ и д. Сергѣевой, по отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ и къ праву охоты — со всѣмъ Троицкимъ приходомъ, т. е. съ инородческими юртами, расположенными на 100 верстъ внизъ по теченію Чулыма. Какимъ образомъ — на основаніи-ли добровольнаго соглашенія, захвата и т. п. — совершилось первоначальное поселеніе крестьянъ названныхъ селеній на инородческихъ земляхъ, мы не знаемъ. Но въ послѣднее время инородцы неоднократно обращались къ подлежащимъ учрежденіямъ съ ходатайствами о выселеніи крестьянъ; всѣ эти ходатайства оставлялись безъ послѣдствій, и въ настоящее время инородцы повидимому совершенно отказались отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Неясною представляется и граница крестьянскаго землевладѣнія въ двухъ крайнихъ сѣверныхъ изъ селеній Ишимской волости, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Чулыма — с. Ново-Кусковскомъ и д. Старо-Кусковой. Съ одной стороны не далѣе, какъ въ 1890 году, довольно значительная часть состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ этихъ селеній луговъ (на островѣ Ежовскомъ) оказалась принадлежащею инородцамъ юртъ Ежей и отошла въ ихъ пользованіе. Съ другой стороны фактическое земленользованіе крестьянъ этихъ двухъ селеній распространялось на западъ въ предѣлы Чулымской дачи единственнаго владѣнія казны; такое пользованіе очень долго не встрѣчало никакихъ препятствій или стѣсненій: нѣсколько лѣтъ тому назадъ за самовольное пользованіе землею, входящею въ составъ казенной дачи, стали брать штрафы, но избѣжавъ

которыхъ крестьяне, имѣвшіе въ чертѣ казенной дачи пасѣку или запашку, начали вносить въ казну арендную плату. Въ 1890 году на этой землѣ былъ вырѣзанъ участокъ для новаго поселка, образованнаго переселенцами изъ Казанской губерніи, причемъ между прочимъ оказалось, что даже часть усадебъ с. Ново-Кусковскаго стоитъ на землѣ, входящей въ составъ дачъ единственнаго владѣнія казны.

Этотъ случай былъ далеко не единственнымъ случаемъ самовольнаго пользованія землями, входящими въ составъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Землями этими безпрепятственно пользовались и до сихъ поръ (1890 г.) продолжаютъ пользоваться какъ для распашки, такъ и главнымъ образомъ для устройства пасѣкъ, крестьяне довольно многихъ изъ селеній, расположенныхъ по окраинамъ Алтайской и Чулымской лѣсныхъ дачъ. Въ особенности большіе самовольные захваты казенной земли произведены, повидимому, въ Ишимской волости крестьянами с. Воронo-Пашенскаго, д. М.-Жировой, Емельяновки и с. Лебедянскаго; въ Семилужной—селеній Копнинскаго с. о., въ Спасской—д. Пѣтуховой и нѣкоторыхъ другихъ. Что касается до рубки лѣса, то въ этомъ отношеніи вторженія въ дачи единственнаго владѣнія казны до весьма недавняго времени составляли общее правило, и только съ учрежденіемъ лѣсничествъ право безпошлинной рубки лѣса было ограничено предѣлами волостныхъ дачъ.

Мы должны затѣмъ сказать еще нѣсколько словъ о случаяхъ обратнаго порядка — именно о случаяхъ вторженія инородцевъ въ черту крестьянскихъ волостныхъ дачъ. Мы должны указать здѣсь прежде всего на 10 дворовъ инородцевъ Ичинской инородной управы, живущихъ въ с. Жарковскомъ (Ишимск. вол.) и пользующихся землей въ дачѣ этого селенія, платя въ то-же время подати и мірскіе сборы по своей инородческой управѣ. Еще въ срединѣ 80-хъ годовъ крестьяне, считая себя владѣльцами земли, дѣлали попытки за пользованіе таковою привлечь инородцевъ къ участію въ мірскихъ платежахъ и общественныхъ службахъ; они положили на нихъ „накладки" сначала по 3 р., затѣмъ—по 6 р. на душу; инородцы сначала платили; но когда „накладка" была удвоена, они категорически отказались платить что-бы то ни было: считая себя первоначальными обывателями мѣстности и основателями селенія, они начали ходатайствовать объ освобожденіи отъ обложенія въ пользу крестьянскаго общества. По жалобѣ ихъ дѣло разсматривалось чиновникомъ по кресг. дѣламъ Богородскаго участка, который рѣшилъ дѣло въ пользу крестьянъ: въ виду отсутствія у инородцевъ какихъ-либо документовъ на право владѣнія землею, онъ постановленіемъ отъ 31 Декабря 1885 г., за № 171, опредѣлилъ, „что „притязанія инородцевъ на право владѣнія земельными угодьями, отве-

„ленными“, какъ полагалъ чиновникъ, „обществу крестьянъ села Жар-„ковскаго, являются вполнѣ неосновательными: что хотя названное об-„щество не имѣетъ права облагать инородцевъ Ачинской Инородной „Управы повинностями, а равно избирать ихъ въ общественныя долж-„ности, какъ лицъ къ составу (его) непринадлежащихъ, но инородцы могутъ „пользоваться отведенными крестьянскому обществу угодьями не иначе, „какъ уплачивая за это обществу, по обоюдному согласію, арендную „плату, и если такого согласія не послѣдуетъ, то крестьянское обще-„ство имѣетъ право воспретить инородцамъ пользоваться сказанными „угодьями впредь до отвода имъ таковыхъ“.

Окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которому инородцы принесли жалобу на изложенное постановленіе чиновника по кр. д., предварительно разрѣшенія жалобы запросило свѣдѣнія отъ Управленія Гос. Имущ. въ Западной Сибири. Изъ полученнаго въ отвѣтъ на этотъ запросъ отношенія Управленія отъ 8 іюля 1886 г. за № 5890, оно усмотрѣло, что „земли Ишимской волости *не разграничены ни* „*между населеніемъ, ни между казною, и сельскія общества назван-„ной волости пользуются земельными угодьями въ общемъ районѣ*, „въ которомъ они обязаны сами разверстать между собою угодья на „основ. 1 и 3 пункта 54 ст. и 2 п. 78 ст. общаго положенія о „крестьянахъ“ и что такимъ образомъ „*крестьяне села Жарковскаго и* „*проживающіе въ этомъ селѣ инородцы Ачинской Инородной Управы* „*1 половины, впредь до окончательнаго земельнаго устройства, должны* „*совмѣстно пользоваться земельными угодьями въ участкѣ при селѣ* „*Жарковскомъ, снятомъ и обмежеванномъ въ 1860 году чинами быв-„шаго Сибирскаго межеванія* въ количествѣ 8003 десятинъ удобной „земли, достаточномъ для надѣла 381 ревизской души въ размѣрѣ уста-„новленной 21 десятинной пропорціи на душу“. Въ виду этихъ обстоя-тельствъ окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе постановле-ніемъ отъ 15 сентября 1886 г. за № 182 признало, что „инородцы „*должны имѣть одинаковыя съ крестьянами права по пользованію* „*земельными угодьями*, отбывая за нихъ повинности и уплачивая по-„дати инородцы по своей Управѣ, а крестьяне по своему сельскому „обществу“, и цитированное выше рѣшеніе чиновника по крестьянскимъ дѣламъ отмѣнило.

Вопросъ особенно обострился въ 1888 и 1889 годахъ, когда вблизи с. Жарковскаго было основано два переселенческихъ поселка, въ участки которыхъ отошла значительная часть состоявшей прежде въ пользованіи Жарковскихъ крестьянъ земли, и слѣдовательно въ значительной мѣрѣ сократился прежній земельный просторъ. 17 сен-тября 1889 года крестьяне постановили приговоръ, коимъ ходатай-

ствовали о „немедленномъ удаленіи отъ нихъ инородцевъ", ссылаясь на то, что „Управленіе Гос. Имущ. не признало, чтобы была земля на инородцевъ въ крестьянскомъ участкѣ" (?). Ходатайство это было повторено еще и въ декабрѣ, — но разсмотрѣніе этихъ ходатайствъ было, какъ видно изъ объявленія Управленія отъ 11 января 1890 г. № 162, отложено до будущаго общаго поземельнаго устройства сельскаго населенія Томской губерніи.

Подобный-же случай имѣлъ мѣсто въ д. Больше-Дороховой (тои-же Пашимской вол.). Въ селеніи этомъ проживаютъ 4 двора инородцевъ Тутальской волости (Мариинск. окр.); они пользуются всѣми угодьями вравнѣ съ крестьянами и имѣютъ большія запашки, но, какъ и Жарковскіе инородцы, несутъ платежи и повинности исключительно по своей инородческой управѣ. Не признавая за инородцами права на пользованіе угодьями, крестьянское общество уже давно начало облагать ихъ, взамѣнъ арендной платы, сборомъ по 5 руб. съ души въ мірскія суммы. Инородцы то платили этотъ сборъ, то переставали платить и подвергались принудительнымъ взысканіямъ, подавали жалобы, что имъ приходится платить подати вдвойнѣ, такъ что крестьянское общество приговоромъ отъ 15 іюня 1884 г. за № 4 должно было объяснить, что „сдѣлали накладъ на семейство Гусевыхъ частныхъ мірскихъ сборовъ, каковой сборъ уплачивается Гусевыми (фамилія инородцевъ) уже нѣсколько лѣтъ по 5 рублей,... а не какъ за подати; что же касается проданнаго у Гусева скота, то таковой проданъ единственно за неплатежъ частныхъ мірскихъ сборовъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне ходатайствовали, въ виду нежеланія инородцевъ платить сборъ, о разрѣшеніи отобрать угодья у инородцевъ. На нѣкоторое время распри были пріостановлены состоявшеюся 22 іюля 1885 г. мировою сдѣлкою, въ силу которой инородцы обязались платить сборъ. Но вскорѣ они опять отказались отъ платежа, ссылаясь на то, что „деревня—наши юрты", и накопили въ общей сложности до 200 р. недоимки. Вслѣдствіе усиленныхъ ходатайствъ общества въ 1890 году состоялось наконецъ рѣшеніе чиновника по крестьянск. дѣламъ, коимъ право общества на взиманіе съ инородцевъ платы за угодья было признано, и въ октябрѣ 1890 г. ожидался пріѣздъ въ д. Большую Дорохову земскаго засѣдателя для принудительнаго взысканія этой платы.

Нельзя наконецъ не указать на то, что землепользованіе крестьянъ Баимской волости не отграничено отъ земель, принадлежащихъ городу Мариинску. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, былъ образованъ сравнительно недавно изъ села Кійскаго, гдѣ помѣщалось и волостное правленіе Баимской волости. При этомъ преобразованіи часть крестьянъ

с. Кійскаго осталось въ крестьянскомъ званіи и, живя въ городѣ, образуетъ Кійское сельское общество; большинство крестьянъ перечислилось въ мѣщане, и эти послѣдніе, равно какъ и Кійскіе крестьяне, удержали за собой право на участіе въ захватномъ пользованіи землями Баимской волости. До самого послѣдняго времени городъ не имѣлъ даже отмежеваннаго выгона. Въ 1889 году выгонъ былъ отрѣзанъ ему старшимъ производителемъ работъ Розановымъ, но право на пользованіе землями Баимской волости повидимому было сохранено за мѣщанами.

Казенно-крестьянскія дачи ближайшихъ къ городу волостей изслѣдованнаго края разбиты на рядъ мелкихъ поселенныхъ землепользованій. Распредѣленіе это произведено было еще въ шестидесятыхъ годахъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ землемѣрами Томской губернской чертежной.

Въ *Нелюбинской* волости всѣ безъ исключенія селенія имѣютъ отдѣльные отъ другихъ участки земли: только выс. Кижировскій, образованный крестьянами д. Луговой, желавшими уйти со своихъ постоянно разоряемыхъ наводненіями усадебъ, пользуется землею въ одной общей дачѣ съ д. Луговою и составляетъ съ этою послѣднею одну нераздѣльную общину.

Въ *Спасской* волости въ отдѣльныхъ подеревенныхъ участкахъ пользуется землею бо́льшая часть селеній, и въ частности — всѣ безъ исключенія селенія южной части волости (с. Спасское, д. Батурина, Воронова, Пѣтухова и всѣ селенія Нижне-Шубинскаго с. о.). Землепользованіе селеній сѣверной половины распадается на слѣдующія дачи:

Д. *Аникина, Исарева, Проскина* — три отдѣльныхъ участка.

Д. *Кучумовой, Еркиной и Плотниковой* земля отведена въ одной общей дачѣ; фактически землепользованіе каждаго изъ трехъ селеній выдѣлилось въ особый участокъ; участки эти разграничиваются рѣчками и ручьями, и степень обезпеченности угодьями, являющаяся результатомъ такого разграниченія, представляется далеко неодинаковою: богаче другихъ угодьями д. Плотникова, бѣднѣе другихъ — д. Еркина.

С. *Протопопово* и д. *Протопопова* имѣютъ землю въ одной общей дачѣ и пользуются всѣми угодьями совмѣстно, составляя нераздѣльную составную общину.

Д. *Лошкутова* имѣетъ отдѣльный участокъ.

Д. *Заварзина и Хайдукова* имѣютъ землю въ одной общей дачѣ, но издавна пользуются угодьями отдѣльно, по установленнымъ обычаемъ межамъ.

Д. *Бородина* имѣетъ отдѣльный участокъ.

Д. *Савиной, Жуковой и Оловянишниковой* земля отведена въ одной общей дачѣ; фактически въ общемъ пользованіи состоитъ только поскотина д. Жуковой и Оловянишниковой; всѣми остальными угодьями каждое селеніе пользуется отдѣльно, въ отграниченномъ по взаимному соглашенію участкѣ.

Д. *Головина и Кислова* имѣютъ землю въ одной общей дачѣ и пользуются всѣми угодьями нераздѣльно, составляя одну составную общину.

Въ *Семилужной* волости с. *Семилужное*, три селенія *Подлом-ского* с. о., д. *Песочная*, *Александровка*, с. *Конинино*, д. *Больш. и Мал. Кускова*, *Постникова* (эти 4 сел.—Конин. с. о.), *Кузовлева и Кудрова* (послѣднія два—Киргизскаго с. о.) получили землю каждая въ отдѣльномъ отъ другихъ селеній участкѣ.

Д. *Киргизкъ* земля отведена въ одной общей дачѣ съ двумя маленькими селеніями Конининскаго с. о. — *Котловой* и *Щеголевой*; фактически земленользованіе каждаго селенія представляется обособленнымъ: каждое селеніе пользуется, по установившемуся молчаливо соглашенію, угодьями въ ближайшихъ къ его усадьбамъ урочищахъ.

Изъ четырехъ селеній *Воронинскаго* с. о. д. *Воронина* и *Суровой* сразу отведены были отдѣльные участки; д. *Филиповой* и *Кулаковой* земля первоначально отведена была въ одной общей дачѣ, и только впослѣдствіи, по ходатайству крестьянъ, дача эта раздѣлена была на особые для каждаго селенія участки.

Что̀ касается до селеній *Лязгинскаго* с. о., занимающихъ всю южную окраину волости, то по отношенію къ нимъ мы встрѣчаемся съ весьма существенно противурѣчивыми между собой данными: съ одной стороны мы имѣемъ въ приложеніи къ настоящей главѣ рѣшеніе Семилужскаго волостного суда, которое даетъ намъ полное право полагать, что всѣ семь селеній Лязгинскаго с. о. въ смыслѣ земленользованія представляютъ собою одно нераздѣльное цѣлое: въ рѣшеніи этомъ волостной судъ отказываетъ въ жалобѣ Аркашовскаго селеннаго общества на крестьянина д. Лязгиной Андрея Лязгина за самовольную порубку на томъ опредѣленно выраженномъ основаніи, что *„льсныя дачи, какъ и другія земельныя угодья по Семи-„лужной волости между селеніями не раздѣлены*, и что поэтому „Лязгинъ нарубилъ дрова тамъ, гдѣ нашелъ болѣе удобнымъ, совер-„шенно правильно, такъ какъ д. Аркашева и Лязгина *смежны и об-„щаго сельскаго общества*“; (правильность этого постановленія повидимому подтверждается содержаніемъ прошенія по другому дѣлу, которое

мы приводимъ въ выноскѣ *). Между тѣмъ, съ другой стороны, землепользованіе каждаго изъ семи селеній Лязгинскаго с. о. представляется обособленнымъ: каждому изъ этихъ селеній отведенъ участокъ, отграниченный вполнѣ сохранившимися межевыми знаками; только выс. Бадашковъ помѣщенъ „въ одинъ отрѣзъ“ съ д. Лязгиною и составляетъ съ нею одну составную общину, которой кромѣ того отведенъ въ общее пользованіе вмѣстѣ съ д. Бражкиной дополнительный сѣнокосный участокъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что каждая изъ трехъ волостныхъ дачъ волостей пригороднаго района распадается на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ дачъ, большая часть которыхъ отведена въ пользованіе крестьянъ какого-либо одного селенія, нѣкоторыя — группамъ по два или по три селенія въ каждой. Лишь въ двухъ случаяхъ (не считая выселковъ) такія группы селеній дѣйствительно представляютъ собою составныя общины и пользуются всѣми отведенными имъ угодіями особо; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ каждая изъ такихъ общихъ дачъ фактически, на основаніи обоюднаго соглашенія, распадается на столько отдѣльныхъ землепользованій, сколько въ общую дачу вошло селеній. Въ одномъ отношеніи однако, какъ мы увидимъ подробнѣе въ 4 § настоящей главы, сохранилось единство цѣлыхъ волостныхъ обществъ: это именно въ отношеніи порядковъ выпаса скота: какъ мы знаемъ уже

---

*) Его Высокородію г. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ Богородскаго участка, Томской губерніи и округа, Семилужной волости, дер. Пехорошевой, крестьянъ Тимофѣя Семенова Вашкевича и Ивана Васильева съ товарищи.

ПРОШЕНІЕ.

Будучи одного общества съ крестьянами дер. Аркашовой, имѣя съ ними одинъ планъ на участокъ пользованія земельными угодьями, мы обѣ деревни пользовались землею безъ раздѣла; нынѣ, съ увеличеніемъ въ деревняхъ нашихъ народонаселенія, въ особенности (въ) деревнѣ Аркашовой, это общество можно сказать такъ: не признавая наше почти общество состоящее въ общемъ съ нами владѣніи, несмотря на имѣющійся у насъ планъ, самопроизвольно, безъ согласія нашего, забрали себѣ самыя удобныя земли нашего участка, которыми пользуются сами въ должномъ количествѣ, на сколько каждому угодно, но кромѣ этого отдаютъ въ аренду сѣнокосныя хлѣбо-пахатныя земли; и отдаютъ тоже въ аренду подъ пастьбу скота мѣста хорошія для хлѣбопашества, взятую за аренду сумму обращаютъ въ пользу своего одного общества помимо нашего, а мы претерпѣваемъ вслѣдствіе ихъ самоволія и для своихъ потребностей совершенный недостатокъ въ землѣ. Чувствуя себя до крайности обиженными своими однообщественниками дер. Аркашевой въ захватѣ въ большомъ количествѣ общихъ нашихъ земельныхъ угодій въ одну свою собственность съ отдачею изъ этого числа въ аренду частнымъ лицамъ безъ согласія нашего общества, мы имѣемъ честь покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе предписать Семилужному Волостному Старшинѣ, чрезъ посредство Волостнаго суда между нами и обществомъ дер. Аркашовой сдѣлать по числу душъ раздѣлъ общей нами занимаемой земли, какъ годной такъ и негодной, по тѣмъ даннымъ, что общество деревни Аркашевой, стѣсняя насъ до крайности въ занятіи земель, должно быть думаетъ такъ, что мы совершенно одного съ ними общества въ силу имѣющагося у насъ плана, и о послѣдующемъ намъ объявить. Іюля 7-го Дня 1889 года.

изъ § 2 главы III настоящаго изслѣдованія, скотъ весною, до „запора" поскотины, и осенью, послѣ „отпора" ея, пасется частью на свободѣ (лошади), частью подъ надзоромъ пастуховъ, по всему пространству крестьянскаго землепользованія, и именно землепользованія не только даннаго селенія, но и цѣлой волости, совершенно игнорируя поселенныя межи.

Въ *Чулымскомъ* районѣ сходное съ описаннымъ устройство землевладѣнія мы находимъ только въ *Зырянской* волости. Здѣсь всѣ селенія пользуются землею въ отдѣльныхъ отрѣзахъ, нѣкоторые изъ которыхъ были образованы одновременно съ водвореніемъ на нихъ переселенцевъ (слѣдовательно въ началѣ 50-хъ годовъ), другіе — въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Достойно при этомъ замѣчанія нижеслѣдующее отступленіе отъ установленнаго межеваніями устройства крестьянскаго землепользованія: крестьяне-новоселы с. *Бощелакова*, получивъ при самомъ водвореніи своемъ отдѣльный участокъ и пользуясь этимъ участкомъ въ полномъ его объемѣ, поселились, однако, внѣ границы этого участка и такимъ образомъ пользуются гораздо большимъ количествомъ земельныхъ угодій, нежели было имъ отведено по межеванію.

Въ *Баимской* волости мы находимъ только два селенія, которымъ земля при самомъ образованіи ихъ была отведена въ отдѣльныхъ поселенныхъ участкахъ: это именно д. *Ключевая* и с. *Константиновское*. Первое изъ этихъ двухъ селеній дѣйствительно пользуется землей въ предѣлахъ отведеннаго ему участка; крестьяне с. Константиновскаго игнорируютъ ограничивающую ихъ участокъ межу и, не встрѣтивъ ни съ чьей стороны препятствія, захватили подъ пашню и сѣнокосъ довольно много земли, при отводѣ имъ участка не предназначенной въ составъ ихъ землепользованія. Всѣ остальныя 14 селеній Баимской волости (включая Кійское с. о.) вмѣстѣ съ мѣщанами г. Мариинска пользуются землей въ одной общей, не разграниченной никакими межами дачѣ; фактически сфера землепользованія каждаго отдѣльнаго селенія представляется, однако, довольно точно разграниченной: въ силу соображеній простого удобства крестьяне каждаго селенія захватили и эксплуатируютъ ближайшія къ селенію урочища,—и въ силу давности это фактическое распредѣленіе пріобрѣло какъ-бы санкцію обычая. Въ нѣсколько особенныя условія поставлены: съ одной стороны, д. Тюменева, съ другой—Кійское с. о.. Крестьянамъ д. Тюменевой издавна предоставлено право пользованія, совмѣстно съ нѣсколькими селеніями восточной окраины Почитанской волости, лѣсомъ и отъѣзжими покосами, расположенными уже въ чертѣ Почитанской волости (см. ниже). Крестьяне Кійскаго с. о., живя въ Мариинскѣ, не имѣютъ усадебной земли и за занятыя ихъ домами мѣста платятъ сборъ въ пользу го-

рода; они ходатайствовали объ освобожденіи ихъ отъ этого сбора; но городъ согласился уважить это ходатайство и освободить Кійскихъ крестьянъ отъ сбора не иначе, какъ подъ условіемъ переноса крестьянскихъ домовъ на особый участокъ, который предполагалось отвести подъ крестьянскія усадьбы. Крестьяне не согласились на это условіе и продолжаютъ платить сборъ и по настоящее время.

Почитанская волость представляетъ собою въ смыслѣ правъ на пользованіе землею одно цѣлое: волостная дача не разбита ни на поселенные, ни на какіе-либо иные участки; она обнесена только одною окружною межою, но и эта послѣдняя повидимому представляется не вполнѣ замкнутою: мы указывали уже выше на то, что землевладѣніе селеній Почитанской волости съ востока не отграничено отъ землепользованія одного изъ селеній Баимской волости — д. Тюменевой: крестьяне этого послѣдняго селенія пользуются именно покосами и лѣсомъ въ чертѣ Почитанской волости, по правому берегу р. Песчанки, вмѣстѣ съ крестьянами селеній Почитанской волости: Б. Песчанки, Берикули и Постникова. Съ другой стороны, на юго-западной окраинѣ волости землепользованіе ея не отграничено отъ землепользованія с. Жарковскаго (хотя этому послѣднему и отведенъ былъ особый участокъ): довольно значительное пространство угодій состоитъ въ общемъ захватномъ пользованіи этого селенія и д. Ниж.-Почитанки (Почит. вол.), а когда въ 1889 году, какъ видно изъ имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ документовъ (приговоръ Жарковск. с. о. 17. IX. 89, № 8) „въ Мариинскій округъ при д. Ниж. Починкѣ, границы земли кото„рой проходили около нашего (Жарковскихъ крестьянъ) владѣнія, вновь „прибыли переселенцы Курской губерніи", то имъ, кромѣ земли, вырѣзанной изъ непосредственнаго пользованія Нижне-Почитанскихъ крестьянъ, было отведено значительное количество земли изъ пользованія крестьянъ с. Жарковскаго. Что касается затѣмъ до фактическаго распредѣленія земли между селеніями Почитанской волости, то право пользованія лѣсомъ принадлежитъ здѣсь безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости: земельныя угодья фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе не было установлено не только какими-либо межевыми дѣйствіями, но даже и добровольными соглашеніями; оно установилось само „собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія запмочнаго пользованія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, — какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ запмокъ отъ усадебъ и особенно—съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другаго селенія. Каждое селеніе эксплоатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій, въ количе-

ствѣ, приблизительно, соотвѣтствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій, хотя и совершенно лишенное юридической санкціи, настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять, когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ. Намъ извѣстно только одно, упомянутое уже выше отступленіе отъ этой составляющей общее правило фактической раздѣльности землепользованія отдѣльныхъ селеній: это именно принадлежащее крестьянамъ с. Берикуля, Постникова и д. Больше-Песчанки общее право на пользованіе расположенными у окраины „Ижморскаго бора“ отъѣзжими покосами.

Устройство землепользованія въ *Ишимской* волости представляется намъ, въ виду полной противурѣчивости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, совершенно неяснымъ. Мы имѣемъ съ одной стороны опредѣленныя указанія на то, что селенія этой волости пользуются землею въ одной общей дачѣ; это именно свидѣтельство Управленія Гос. Имущ. въ Зап. Сибири, которое въ цитированномъ уже выше отношеніи отъ 8 Іюля 1886 г. за № 5899 опредѣленно констатировало, что „земли Ишимской волости не разграничены ни между населе„ніемъ, ни между казною, и селенія названной волости пользуются „землей въ общемъ районѣ, въ которомъ они обязаны сами разверс„тать между собой угодья на основ. 1 и 3 пункта 54 ст. и 2 пункта „78 ст. общ. полож. о крест.“. Справедливость этого отзыва косвенно подтверждена была и Омскимъ съемочнымъ отдѣленіемъ, которое въ данномъ на имя Ишимской инородной управы предложеніи отъ 27 октября 1885 г. за № 338 засвидѣтельствовало, что „было-ли когда „нибудь межеваніе земель, съ.дѣлній не имѣется“. Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается совершенно другое: уже въ упомянутомъ только-что предложеніи Омскаго съемочнаго отдѣленія констатируется, что „селеніе Жарковское Ишимской волости основано россійскими пе„реселенцами по лѣвой сторонѣ рѣки Ія и съ основаніемъ поселенія „этимъ переселенцамъ назначенъ земельный участокъ“, — а существованіе отграниченія крестьянскихъ земель отъ дачъ единственнаго владѣнія казны неопровержимо доказывается запрещеніемъ крестьянамъ рубить лѣсъ въ чертѣ Алтайской и Чулымской казенныхъ дачъ, а равно пріостановленіемъ со стороны крестьянъ нѣкоторыхъ селеній Ишимской волости самовольнаго пользованія земельными угодьями въ Чулымской дачѣ. Но этого мало: Ишимскій волостной районъ несомнѣнно разбитъ на рядъ болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ, пріуроченныхъ къ тѣмъ или другимъ болѣе мелкимъ группамъ населенія; мы не знаемъ, когда именно произведено было разграниченіе этихъ участ-

ковъ — даже отъ крестьянъ изслѣдователь не могъ получить сколько-нибудь опредѣленныхъ показаній; но межи несомнѣнно существуютъ, хотя и успѣли уже въ значительной мѣрѣ зарости и утратить свою ясность. Группы, къ которымъ пріурочено пользованіе земельными участками, слѣдующія:

Въ южной части волости всѣ селенія пользуются землею въ отдѣльныхъ подеревенныхъ участкахъ; такіе участки имѣютъ слѣдующія селенія: с. *Карковское, Судженское, Лебедянское, Данковское, Сергіевское, Ольгинское;* д. *Кайла, Марьевка и Емельяновка.* Землепользованіе каждаго изъ этихъ селеній отграничено отъ остальныхъ межами; но благодаря недостаточной отчетливости послѣднихъ, разграниченіе соблюдается далеко не строго, и изслѣдователемъ констатированъ былъ цѣлый рядъ захватовъ, произведенныхъ крестьянами однихъ селеній въ сферѣ землепользованія другихъ.

Въ остальной части волости преобладаютъ болѣе обширные участки, каждый изъ которыхъ отведенъ въ совокупное пользованіе крестьянамъ нѣсколькихъ селеній. Такъ три большія трактовыя селенія — *Ишимское, Медвѣдчикова,* и *Мазалово* пользуются землей въ одномъ общемъ участкѣ съ двумя маленькими „забошными“ селеніями — *Баранцевой* и *Усманкой;* четвертое трактовое селеніе — *Нижне-Великосельская* — въ одномъ участкѣ съ д. *Барнашовой.* Фактическое землепользованіе каждаго изъ этихъ селеній совершенно обособилось въ отдѣльные участки, границы которыхъ опредѣлились захватомъ и давностью *). Д. *Спасо-Яйская* съ выселкомъ *Бедриной* пользуется землей въ отдѣльномъ участкѣ. Далѣе къ сѣверу слѣдуетъ опять рядъ селеній, пользующихся землею въ одномъ общемъ участкѣ, — именно д. *Большая* и *Малая Жировы, Большая Дорохова* и *Воронина-Яя:* прежде въ той-же межѣ было заключено и землепользованіе крестьянъ с. *Вороно-Пашенскаго,* но вслѣдствіе ихъ просьбы имъ былъ выдѣленъ особый

*) Эта фактическая раздѣльность землевладѣній находитъ себѣ въ волостномъ судѣ и судебную охрану; объ этомъ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ нижеслѣдующее рѣшеніе Ишимскаго вол. суда (10. III. 86, № 17). «Ишимскій волостной Судъ слушалъ заявленіе кр-на села Ишима Михаила Прохорова о посѣвѣ на вспаханной имъ землѣ кр-номъ х. Усманки Егоромъ Тихоновымъ озимаго хлѣба. Явясь на сіе число въ судъ Тихоновъ заявилъ, что хлѣбъ посѣянъ имъ на своемъ участкѣ, принадлежащемъ Усманскому Обществу, и что Прохоровъ завладѣлъ этою землею невправѣ, такъ какъ онъ принадлежитъ къ Ишимскому Обществу, *а земли у каждаго общества отдѣльны.* Сторонамъ предложено было помириться, но мировой сдѣлки между ними не состоялось, отвода судей отъ разбирательства дѣла заявлено не было.—Разсмотрѣвъ вышеизложенное и основываясь на показаніи Тихонова, волостной судъ призналъ его невиновнымъ, такъ какъ онъ сѣялъ на своей землѣ, *а Прохоровъ вспахалъ таковую въ чужомъ обществѣ, а* потому *постановилъ:* заявленіе кр-на С. Ишимскаго Михаила Прохорова оставить безъ удовлетворенія».

участокъ и въ общемъ пользованіи остались только земли остальныхъ четырехъ селеній. Общность эта проявляется до нѣкоторой степени и въ фактическомъ пользованіи: районы пользованія пахатною землею, правда, успѣли уже совершенно обособиться; по отношенію къ покосамъ это обособленіе еще не совершилось и напр. крестьяне д. Больше-Жировой, вблизи которой луговъ мало, при плохихъ урожаяхъ травы косятъ себѣ траву на лугахъ д. Больше-Дороховой. Вблизи отъ послѣдняго селенія расположена далѣе маленькая д. *Феоктистова:* при самомъ ея образованіи ей былъ отмежеванъ особый участокъ: но межа совершенно не соблюдается и Феоктистовскіе крестьяне безпрепятственно косятъ внѣ черты своего участка, на лугахъ д. Больше-Дороховой.— С. *Ново-Кусковское* и д. *Старо-Кускова* пользуются землей въ одномъ общемъ участкѣ; фактически общность сохранилась только по отношенію къ пахатнымъ землямъ, лугами же крестьяне пользуются особо по каждому селенію, въ ближайшихъ къ послѣднему урочищахъ. Изъ за-Чулымскихъ селеній с. *Архангельское* пользуется всѣми угодьями въ отдѣльномъ участкѣ, обмежеванномъ при самомъ образованіи этого селенія; остальныя четыре селенія—с. *Троицкое*, д. *Нижне-Дорохова*, *Боровая* и *Сергѣева* стоятъ, какъ было уже упомянуто выше, на инородческой (или по крайней мѣрѣ признаваемой инородцами) землѣ и пользуются всѣми угодьями юридически и фактически нераздѣльно между собой и съ инородцами ближайшихъ юртъ.

Сдѣланный обзоръ позволяетъ, кажется намъ, констатировать крайнюю безпорядочность, обычность и неопредѣленность устройства землепользованія въ волостяхъ Чулымскаго района. И если эти неудобства не приводили къ печальнымъ послѣдствіямъ въ родѣ острыхъ поземельныхъ споровъ и даже прямыхъ столкновеній, для которыхъ всегда бываетъ при такой неопредѣленности земельныхъ отношеній масса поводовъ,—то это является слѣдствіемъ изобилія земли, запасы которой далеко превосходили настоятельную потребность населенія: имѣя массу свободной земли, крестьяне могли индифферентно относиться къ такимъ случайнымъ и намѣреннымъ нарушеніямъ межъ и обычныхъ границъ, которыя при нѣкоторомъ недостаткѣ въ землѣ неминуемо повели-бы къ крайнему обостренію отношеній.

Обзоръ этотъ въ настоящее время (1892 г.) является уже въ значительной мѣрѣ анахронизмомъ. Еще во второй половинѣ 80-хъ годовъ въ волостяхъ Чулымскаго района началъ дѣйствовать отрядъ по образованію переселенческихъ участковъ. Ко времени прибытія въ эти волости изслѣдователя (вторая половина 1890 г.), отрядъ успѣлъ уже нарѣзать довольно многимъ селеніямъ Ишимской, Почитанской и Баимской волостей участки согласно 15-десятинной на наличную душу

пропорціи, а изъ отрѣзанныхъ, какъ излишнія, земель образовать цѣлый рядъ переселенческихъ участковъ. За истекшіе два года число введенныхъ въ нормальныя границы старыхъ селеній и вновь образованныхъ переселенческихъ участковъ успѣло конечно значительно возрасти, и слѣдовательно устройство землепользованія—принять видъ, совершенно отличный отъ описаннаго въ сдѣланномъ нами очеркѣ.

§ 2. Формы землепользованія. Пахатныя и сѣнокосныя земли.

Въ настоящемъ §-ѣ мы будемъ говорить о болѣе старинныхъ формахъ пользованія пахатными и сѣнокосными землями—о заимочно-захватномъ владѣніи и вольномъ пользованіи и объ обнаружившихся въ изслѣдованномъ краѣ явленіяхъ перехода къ болѣе высокимъ формамъ общинно-земельной жизни — къ душевому пользованію угодьями. Соединяя въ одну статью обзоръ порядковъ пользованія обоими основными видами земельныхъ угодій—пашнями и сѣнокосами, мы руководствуемся не какими-либо соображеніями внѣшняго удобства и т. п., а обстоятельствами, относящимися къ самому существу дѣла,—именно невозможностью, при существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ, сколько-нибудь точно разграничить названные два вида земельныхъ угодій. Въ самомъ дѣлѣ: если взять участокъ пахатной земли, на которомъ ведется залежное хозяйство (а такое хозяйство, какъ мы знаемъ, ведется, за ничтожными исключеніями, на всей массѣ пахатныхъ земель изслѣдованнаго края), то этотъ участокъ, во время земледѣльческой обработки служащій пашнею, во время періодовъ залежности долженъ быть разсматриваемъ то какъ временное пастбище (о чемъ рѣчь будетъ въ § 4), то какъ сѣнокосъ. Съ другой стороны участокъ, служащій въ данное время сѣнокосомъ и никогда раньше не паханный, можетъ быть обращенъ къ пашню, — и такія измѣненія хозяйственнаго назначенія земли при господствующихъ въ изслѣдованномъ краѣ порядкахъ землепользованія ведутъ къ возбужденію цѣлаго ряда существенныхъ и весьма разнообразно разрѣшаемыхъ мѣстною общиною вопросовъ. Если-бы, поэтому, говорить отдѣльно о порядкахъ пользованія пашнями и о порядкахъ пользованія покосами, то пришлось-бы объ однихъ и тѣхъ-же земляхъ говорить въ двухъ мѣстахъ, что конечно было-бы сопряжено съ существенными неудобствами.

Первобытною формою землепользованія въ изслѣдованномъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, была несомнѣнно форма, ко-

торую труды Иркутской экспедиціи *) обозначаютъ названіемъ „захватно-родового владѣнія“, но которую мы, въ виду крайней важности для характеристики ея элемента „заимки“, предпочитаемъ обозначить названіемъ *„заимочно-захватной“ формы пользованія*. Форма эта, какъ справедливо говорится въ трудахъ Иркутской экспедиціи „представляетъ слѣдствіе вольнаго заселенія края, изобилующаго свободными „казенными землями. Благодаря массѣ свободныхъ земель, каждый желающій могъ выбирать себѣ наиболѣе удобное на его взглядъ мѣсто, „селиться и строиться, распахивать и косить по своему усмотрѣнію, большею частью никого не спрашивая и ничьихъ правъ не нарушая“. Въ чемъ-же, спрашивается, заключается сущность этой формы, въ чемъ заключаются тѣ признаки, которыми послѣдняя характеризуется въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, иногда по наружности сходныхъ формъ землепользованія?—Сущность ея несомнѣнно заключается въ неограниченномъ для каждаго отдѣльнаго общинника правѣ образовать себѣ *„заимку“*, т. е. захватить въ свое исключительное пользованіе количество земли, соотвѣтствующее степени его хозяйственной состоятельности. „Заимка“—это совокупность пастбищныхъ, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, обыкновенно (но не необходимо) окружающихъ строенія, служащія для лѣтняго (иногда и для постояннаго) пребыванія „заимщика“ и его скота, а на большихъ „заимкахъ“—и для работъ по очисткѣ хлѣба и для склада послѣдняго (совокупность этихъ строеній обыкновенно тоже обозначается названіемъ „заимки“). Захвативъ подъ „заимку“ то или другое количество земли, хозяинъ-заимочникъ по отношенію къ послѣдней осуществлялъ всѣ права, входящія въ составъ юридическаго понятія права собственности: право владѣнія, пользованія и распоряженія. Пользуясь правомъ владѣнія, онъ не допускалъ никого до пользованія ни однимъ клочкомъ входящей въ составъ его заимки земли, хотя-бы эта послѣдняя въ данный моментъ и оставалась безъ всякой утилизаціи: онъ — и онъ одинъ — пахалъ, косилъ, пасъ скотъ на своей заимкѣ. Въ силу права распоряженія онъ передавалъ свою заимку по наслѣдству и несомнѣнно пользовался правомъ отчужденія ея, хотя осуществлять это право, въ виду возможности для каждаго желающаго обзавестись подобною-же заимкою, и не бывало случаевъ. Община по отношенію къ „заимкѣ“ безусловно ни въ чемъ не проявляла своихъ правъ. Вотъ почему мы, въ отличіе отъ автора статьи о формахъ землевладѣнія въ „Трудахъ Иркутской экспедиціи“ **), г. Личкова, полагаемъ, что захватно-заимочная форма владѣнія въ

*) Ирк. «Матер.», гл. II, вып. 3, стр. 115 и слѣд.
**) Тамъ-же, стр. 117—122 и сл.

чистомъ ея видѣ не можетъ быть отнесена къ числу видовъ общиннаго землевладѣнія: всѣ тѣ доводы, которыми г. Личковъ доказываетъ общинный характеръ этой формы (сроки захвата, отводы, согласіе общины на отчужденіе), относятся уже не къ чистой формѣ заимочнаго владѣнія, а къ переходнымъ формамъ его, ведущимъ къ постепенному измѣненію самихъ основъ владѣнія землей. Пока заимочное владѣніе существуетъ въ чистомъ его видѣ, верховное право общины на землю осуществляется — и то впрочемъ не всегда — только по отношенію къ непринадлежащимъ къ составу общины лицамъ, которыхъ община не допускаетъ до пользованія землей. По отношенію къ членамъ общины права послѣдней находятся въ скрытомъ состояніи и, такъ сказать, выжидаютъ появленія такихъ условій, которыя способствовали-бы ихъ проявленію. Мы думаемъ поэтому, что *заимочная форма владѣнія есть такая первобытная форма владѣнія землею*, которая не имѣетъ еще опредѣленнаго общиннаго характера и изъ которой, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, могутъ развиться самыя противуположныя другъ другу формы владѣнія: проявятся наружу права общины и одержатъ верхъ надъ интересами заимочниковъ, — и мы будемъ имѣть дѣло съ формами общиннаго землевладѣнія; окажется община безсильною справиться съ заимочниками, — и изъ той-же первобытной формы разовьется подворное владѣніе.

Заимочное владѣніе, какъ вполнѣ справедливо объясняетъ г. Личковъ, является совокупнымъ результатомъ съ одной стороны и, главнымъ образомъ, права находки и захвата (occupatio), съ другой — права давности, съ третьей — права затраченнаго на созданіе удобной культурной площади труда *). Оно можетъ безпрепятственно существовать, очевидно, лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе чрезвычайно рѣдко и потому каждый имѣетъ возможность осуществлять свое право на захватъ и удержаніе за собой заимки, не стѣсняя въ томъ-же всѣхъ другихъ членовъ данной общины. По мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія прежняго простора заимочная форма владѣнія, выгодная для владѣльцевъ „заимокъ", которымъ позволяла несмотря ни на что вести на захватныхъ земляхъ очень экстенсивное залежное хозяйство, неминуемо должна была сдѣлаться крайне неудобною и стѣснительною для прибылого населенія, которое либо вовсе не находило свободныхъ земель, либо должно было довольствоваться землями самаго плохого качества. Какъ только это неудобство дѣлалось ощутительнымъ, въ средѣ общины должно было начаться движеніе противъ заимочной формы владѣнія, направленное къ превращенію послѣдней въ форму, кото-

*) Стр. 123—131, тамъ-же.

рую мы въ другомъ мѣстѣ *) обозначили названіемъ *вольнаго пользованія*: различіе этого способа отъ способа заимочно-захватнаго — коренное: оно заключается въ *отсутствіи права образованія заимокъ*. „Всякому общиннику, читаемъ мы въ цитированномъ въ выноскѣ мѣстѣ „Матеріаловъ", предоставляется право распахивать пашню на любомъ „мѣстѣ общинной территоріи; но эта пашня остается въ пользованіи распа„хавшаго лишь до тѣхъ поръ, пока онъ вкладываетъ въ нее свой трудъ: „разъ пашня три года пролежала въ залежи, —разъ слѣдовательно рас„пахавшій пересталъ вкладывать въ нее свой трудъ, она дѣлается обще„ственнымъ достояніемъ и можетъ быть захвачена и распахана всякимъ, кто „найдетъ для себя выгоднымъ ее воздѣлывать": по отношенію къ поко„самъ захватъ, какъ право устранять отъ пользованія занятымъ пространствомъ всякое другое лицо, совершенно исчезаетъ: „всякій можетъ косить траву, гдѣ ему угодно, и право это нѣсколько ограничивается только „тѣмъ повсемѣстно существующимъ правиломъ, въ силу котораго присту„пать къ сѣнокошенію дозволяется не раньше назначаемаго общиною дня; „но никто не можетъ занять въ свое *исключительное* пользованіе какой„либо части общинныхъ сѣнокосныхъ угодій: если одинъ общинникъ „началъ косить въ какомъ-либо урочищѣ, то это не можетъ помѣшать „другому начать косить рядомъ съ нимъ; если въ данномъ урочищѣ не „хватило травы для обоихъ, то оба, выкосивъ всю траву, переходятъ „на другое свободное урочище. Всякій, затѣмъ, имѣетъ право неогра„ниченнаго пользованія общинными пастбищами, но никто не можетъ „загородить и исключить какую-либо часть этихъ пастбищъ изъ общаго „пользованія" **).

---

*) См. «Матер.», вып. III, стр. 129 и сл.

**) Различіе между заимочнымъ и вольнымъ пользованіемъ хорошо видно изъ сопоставленія трехъ приведенныхъ въ приложеніи къ настоящему § рѣшеній: Ишимской вол. расправы 7. VI. 81 г., № 26, Ишимскаго вол. суда 20. IX. 83, № 53, и Челюбинскаго вол. суда 1. VII. 1885, № 53. Въ первомъ, по поводу спора двухъ заимочниковъ объ обоюдныхъ захватахъ земли, расправа, имѣя въ виду, что «Альковъ въ 50 саженяхъ «отъ посѣтины и въ одной верстѣ отъ заимки Шумилова распахалъ и посѣялъ хлѣбъ. «Шумиловъ же никакихъ стѣсненій Алькову не дѣлалъ, а распахиваетъ землю вблизи «своей заимки....», постановила: «распаханную землю Шумиловымъ оставить во владѣ«ніи его, Шумилова, а Алькову сдѣлать внушеніе, *чтобы онъ не распахивалъ впредь вблизи «заимки Шумилова*, такъ какъ Альковъ имѣетъ около своей заимки много пустопорож«ней земли». Въ рѣшеніи Челюбинскаго вол. суда читаемъ: «болѣе 30 лѣтъ проситель «занимается пашней, на которой сынъ его вспахалъ 8 загоновъ; но на второй день вне«редъ его сына прибылъ на пашню крестьянинъ той-же деревни Бахтіаровъ и усплился «пахать принадлежащую просителю землю. Отвѣтчикъ показалъ, что.... если и пахалъ, «то потому, что земли недѣлены и *онъ могъ пахать гдѣ удобно*»—разсужденіе, съ кото-рымъ волостной судъ и согласился, оставивъ жалобу, какъ не основательную, безъ послѣдствій; а Ишимскій судъ въ рѣшеніи 20. IX. 83 г. № 53 признанъ, что «пашня...., «*какъ уже давно не вспахиваемая* Семеновымъ (заимочникомъ), должна остаться въ пользованіи» тѣхъ, кто вложилъ въ нее свой трудъ.

Изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается заимочная форма пользованія, въ той формѣ, основныя черты которой мы только-что намѣтили, мы не находимъ права владѣнія и давности, а тѣмъ болѣе вытекающаго изъ нихъ права распоряженія землею; остается только право занятія пустолежащей земли и право вкладываемаго въ послѣднюю труда, и сущность формы *вольнаго* пользованія заключается слѣдовательно въ томъ, что *община предоставляетъ каждому изъ своихъ членовъ право въ неограниченныхъ размѣрахъ влагать свой трудъ въ свободную землю*; какъ только хозяинъ перестаетъ влагать свой трудъ въ землю, (что̀ для пашни наступаетъ съ обращеніемъ ея въ залежь, для покоса — съ окончаніемъ сѣнокоснаго періода), послѣдняя становится „вольною" и можетъ послужить объектомъ приложенія труда для каждаго другого члена общины. — Различіе между двумя формами землепользованія очевидно сводится не къ какимъ-либо второстепеннымъ, случайнымъ признакамъ, а имѣетъ коренной, принципіальный характеръ: вольное пользованіе, въ противуположность заимочному, имѣетъ уже опредѣленно выраженный характеръ формы *общиннаго* землевладѣнія. Правда, община и здѣсь, какъ и при заимочномъ владѣніи, не проявляетъ своей власти, какъ верховнаго распредѣлителя земли между общинниками; но за то, въ противуположность заимочной формѣ, каждый изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ одинаковое право на каждый клочокъ невоздѣлываемой общинной земли, но стѣсняемое уже, какъ при заимочной формѣ, принадлежащимъ заимочникамъ правомъ владѣнія.

Борьба между тѣми двумя формами землепользованія, сущность которыхъ мы очертили въ предыдущемъ изложеніи, — между заимочнымъ владѣніемъ и вольнымъ пользованіемъ и постепенное вытѣсненіе перваго послѣднимъ составляютъ главное содержаніе земельнаго быта изслѣдованнаго края. „Утѣсненіе", этотъ могущественнѣйшій факторъ, обусловливающій смѣну однихъ формъ землепользованія другими, въ изслѣдованномъ краѣ еще почти нигдѣ не зашло такъ далеко, чтобы потребовать всеобщаго перехода къ слѣдующей, высшей формѣ общинно-земельныхъ отношеній — къ душевому пользованію угодьями: по отношенію къ пахатнымъ землямъ душевое пользованіе почти нигдѣ не существуетъ; сравнительно большія завоеванія оно сдѣлало по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ и къ одному виду промысловыхъ угодій — къ кедровникамъ, — но во всякомъ случаѣ оно является въ изслѣдованномъ краѣ исключеніемъ, общимъ же правиломъ являются захватно-заимочное и вольное пользованіе, — лишь нерѣдка одно совершенно независимо отъ другаго, обыкновенно же оба имѣютъ, въ тѣхъ или другихъ разнообразныхъ комбинаціяхъ между собой.

По отношенію къ *пахатнымъ землямъ* заимочная форма владѣнія

въ чистомъ ея видѣ сохранилась только въ одной изъ самыхъ многоземельныхъ волостей исслѣдованнаго края — въ Почитанской, гдѣ общее количество состоящей (или точнѣе — состоявшей до произведенныхъ переселенческимъ отрядомъ отрѣзокъ) въ пользованіи крестьянъ земли составляетъ на наличную душу мужескаго пола 52 десятины. Здѣсь „займки" существуютъ не только фактически, но и, если можно такъ выразиться, юридически: „займочное" право совершенно живо въ сознаніи массы общинниковъ, и живо именно потому, что при изобиліи земли право это можетъ существовать, не стѣсняя никого: земли хватаетъ всѣмъ, и потому нѣтъ надобности ограничивать займочниковъ въ ихъ исключительномъ правѣ владѣнія разъ занятыми землями. Единственный, сколько намъ извѣстно, случай перехода по отношенію къ пахатнымъ землямъ къ способу вольнаго пользованія относится къ д. Бекетской. И въ этомъ селеніи, по разсказамъ крестьянъ, еще сравнительно недавно — до послѣдовавшаго въ 1863 году водворенія Пензенскихъ переселенцевъ — „мѣста много было", а потому пользованіе землей имѣло займочную форму: каждый держалъ свою „займку", — „тамъ пахалъ, тамъ косилъ и никого больше не пускалъ"; съ прибытіемъ новоселовъ „стало тѣсно", этотъ порядокъ „нарушился" и замѣнился другимъ, сущность котораго крестьяне резюмировали въ правилѣ: „пока пашешь — ты хозяинъ, а бросилъ — земля вольная", — слѣдовательно способомъ вольнаго пользованія. Кромѣ Почитанской волости займочный принципъ во всей своей силѣ сохранился еще въ нѣсколькихъ селеніяхъ весьма богатой землею восточной половины Баимской волости, именно въ с. Суловскомъ и Константиновскомъ и въ д. Ключевой. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ Баимской волости, во всей Зырянской и Пишмской и во всѣхъ трехъ волостяхъ пригородняго района община перестала признавать права займочниковъ и перешла къ принципу: „пока хозяинъ пашетъ — онъ хозяинъ, броситъ пахать — земля вольная", — къ принципу вольнаго пользованія. Но только въ пригородныхъ волостяхъ — Спасской, Нелюбинской и Семилужной (въ послѣдней — кромѣ трехъ селеній Подломскаго с. о.) — фактическая организація земленользованія дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому принципу: займки дѣйствительно изчезли, и пашня, оставленная въ залежь, дѣйствительно распахивается каждымъ желающимъ, которому лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія приходится встрѣчаться съ сопротивленіемъ со стороны прежняго ея захватнаго владѣльца. При относительномъ просторѣ, являющемся результатомъ ничтожнаго въ волостяхъ Томскаго района развитія земледѣлія, почти закончившійся уже переходъ отъ займочнаго пользованія къ вольному на первый взглядъ представляется, съ точки зрѣнія намѣченной выше схемы развитія формъ землевладѣнія, нѣсколько

прежде ремеслимъ; и въ самомъ дѣлѣ: здѣсь причины подворенія формы вольнаго пользованія надо искать не въ „утѣсненіи“, а вѣроятно въ обстоятельствахъ иного рода: съ одной стороны — во второстепенной роли земледѣлія, благодаря которой землей слишкомъ мало дорожатъ и я что, чтобы принимать мѣры къ ея заимочной неприкосновенности: съ другой — въ возможности распахивать совершенно свѣжія земли, благодаря которой мощные хозяева перѣдко предпочитаютъ переходить на новыя мѣста, нежели возвращаться на свои залежи, и охотно оставляютъ эти послѣднія бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности производить расчистку свѣжихъ земель; наконецъ во многихъ случаяхъ — и продолжительностію сроковъ залежности, благодаря которой залежи имѣютъ для крестьянъ мало притягательной силы: недавно заброшенныя — „молодыя“ — вслѣдствіе своего малаго плодородія, „старыя“ — потому, что распашка ихъ лишь немногимъ легче распашки новыхъ земель. Мы не можемъ ручаться за справедливость и полноту даннаго нами объясненія: но самый фактъ полнаго исчезновенія въ Томскомъ районѣ заимочнаго владѣнія и замѣны его вольнымъ пользованіемъ остается несомнѣннымъ. Въ Чулымскомъ районѣ такая окончательная замѣна одной формы другою наступила лишь въ немногихъ общинахъ: кромѣ названной выше д. Бекета (Почит. вол.) — еще въ д. Дубровкѣ (Зырянской вол.), въ д. Кайлѣ, Спасо-Яйской и всѣхъ за-Чулымскихъ селеніяхъ (с. Троицкое, Архангельское, д. Нижне-Дорохова, Боровая, Сергѣева) Ишимской волости. Господство формы вольнаго пользованія является здѣсь очевидно результатомъ отсутствія крупныхъ хозяевъ-пахарей, которые были-бы сильно заинтересованы въ поддержаніи своихъ заимочныхъ притязаній и пользовались-бы въ общинѣ достаточнымъ вліяніемъ для отраженія направленныхъ въ противоположную сторону притязаній „бѣдныхъ“. Затѣмъ на всемъ протяженіи Ишимской, Зырянской и Баимской волостей, за исключеніемъ поименованныхъ только-что и въ предыдущемъ изложеніи общинъ, заимочная форма владѣнія, въ принципѣ замѣненная формою вольнаго пользованія, фактически еще далеко не изчезла: всѣ болѣе или менѣе зажиточные хозяева имѣютъ „заимки“, на которыя смотрятъ, какъ на свою исключительную принадлежность. Въ однихъ случаяхъ существованіе этихъ заимокъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и не вызываетъ никакихъ неудовольствій: это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сферу земленользованія данной общины входятъ дальнія земли (за 20, 25 и бол. верстъ отъ селенія), на которыя бѣднякамъ, да и среднесостоятельнымъ хозяевамъ, засѣвающимъ по 5—7 десятинъ, „ѣхать не изъ за чего“: такія дальнія земли, слѣдовательно, не привлекаютъ на себя вниманія массы общинниковъ и потому спокойно остаются въ заимоч-

номъ пользованіи зажиточныхъ крестьянъ въ то время, когда на ближайшихъ урочищахъ уже совершился переходъ къ вольному пользованію. Но такіе случаи составляютъ лишь меньшинство случаевъ фактическаго, вопреки установившемуся въ общинѣ трудовому принципу, существованія „займокъ"; большинство случаевъ является результатомъ успѣшнаго сопротивленія займочниковъ всякимъ попыткамъ вторженія въ предѣлы ихъ займокъ. Орудіе для такого сопротивленія займочники находятъ въ самомъ принципѣ вольнаго пользованія: обыкновенный пріемъ ихъ въ борьбѣ за исключительное обладаніе займками заключается въ стѣсненіи для лица, вторгающагося въ предѣлы ихъ займки, возможности распахивать себѣ пашню: „подъѣзжай къ нему (богачу) на одной сохѣ, говорятъ бѣдняки, — а онъ на четырехъ, а то и на шести, выѣдетъ да вокругамъ тебя опашетъ и забороннтъ, — такъ ты на одной лѣхѣ и останешься; хоть-бы они-то къ намъ не лѣзли, а намъ — бѣдноте гдѣ ужъ у нихъ пашню отбивать!.." Такимъ образомъ займочникъ какъ будто-бы не отрицаетъ за другими общинниками права пахать въ предѣлахъ его займки: но стоитъ кому-либо попытаться осуществить это право, — и онъ также осуществляетъ свое право „пахать, гдѣ угодно", опахиваетъ со всѣхъ сторонъ распаханный пришельцемъ загонъ и такимъ образомъ фактически „выживаетъ" его изъ предѣловъ своей займки. Этотъ порядокъ борьбы усвоенъ, какъ-бы по безмолвному соглашенію, богачами-займочниками во всемъ Чулымскомъ районѣ, а изрѣдка пускается въ ходъ и въ волостяхъ Томскаго района; онъ оказался настолько дѣйствительнымъ, что бѣдняки, пашущіе „въ одну соху", и не осмѣливаются приближаться къ займкамъ. Если-же этотъ пріемъ оказывается недостаточнымъ, то займочники иногда прибѣгаютъ и къ еще болѣе энергическимъ мѣрамъ: въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ есть не мало указаній на драки, самовольные захваты земли, ложные доносы „по злобѣ" и т. п., вызванные стремленіемъ богачей оградить „займки" отъ посягательствъ посторонннхъ лицъ; нѣкоторыя изъ этихъ указаній приведены ниже, въ приложеніи къ настоящей главѣ. Самое отношеніе общественной совѣсти крестьянъ и въ частности ея носителя — волостного суда къ разематриваемому вопросу тоже едва-ли представляется установившимся. Ишимскій волостной судъ, напр. (см. ниже, рѣш. 20. IX. 1883. № 53), по спорному дѣлу о захватѣ земли и займки признадъ съ одной стороны право общинниковъ на захватъ и распашку лежащей вблизи займки земли, „какъ уже давно не вспахиваемой", но съ другой призналъ, что отвѣтчики не должны были занимать пашни въ непосредственной близости отъ займки, которыя остаются въ пользованіи займочника.

Такимъ образомъ фактически существующій въ Ишимскомъ, Зырян-

ской и Баимской волостяхъ порядокъ пользованія пахатными землями имѣетъ переходный, смѣшанный характеръ: съ одной стороны у зажиточныхъ крестьянъ вездѣ имѣются фактически недоступныя для посторонняхъ лицъ, иногда весьма обширныя „заимки", на которыхъ они одни пашутъ, косятъ, а нерѣдко — и пасутъ свой скотъ (у нѣкоторыхъ богачей подъ пашню, покосъ и выгонъ занято по 500 и болѣе десятинъ!) съ другой — бо́льшая часть общинной земли, занятая запашками среднесостоятельныхъ крестьянъ и „бѣдноты", состоитъ въ вольномъ пользованіи не только юридически, но и фактически; и хотя въ большинствѣ случаевъ крестьяне распахиваютъ, послѣ достаточно продолжительнаго отдыха, собственныя „выпашки", но нерѣдки и случаи распашки одними крестьянами „выпашей", оставшихся послѣ пахоты другихъ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такой двойственный порядокъ пользованія пахатными землями имѣетъ лишь временный характеръ и въ близкомъ будущемъ смѣнится безраздѣльнымъ господствомъ способа вольнаго пользованія, если только, однако, рѣзкое сокращеніе прежнихъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, которое повело (а отчасти уже повело) за собою дѣятельность отряда по образованію переселенческихъ участковъ, не вызоветъ рѣзкаго скачка непосредственно къ болѣе или менѣе совершеннымъ формамъ душеваго пользованія.

Какъ мы знаемъ изъ I тома настоящаго изслѣдованія, пахатныя земли въ теченіе болѣе или менѣе значительной части періода залежности служатъ временными сѣнокосными угодьями. Вопросъ о правѣ на „выпаша", „пырьи", разрѣшается въ изслѣдованномъ краѣ далеко не единообразно, и при томъ внѣ какой-либо видимой зависимости отъ права на занятіе тѣхъ-же „выпашей" подъ новую распашку. Значеніе вопроса о правѣ на „пырьи" особенно важно въ волостяхъ Томскаго района, какъ въ виду бо́льшей вообще цѣнности сѣнокосныхъ угодій, такъ и въ виду бо́льшаго значенія выпашей, какъ сѣнокосныхъ угодій. Въ двухъ изъ волостей этого района — Семилужной и Спасской — право на растущую на „выпашахъ" траву признается исключительно за владѣльцемъ „выпаши", т. е. за тѣмъ хозяиномъ, который пахалъ землю до заброса ея въ залежь, и это право продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-либо другой не захочетъ осуществить принадлежащее каждому общиннику право на распашку залежи; это лицо пріобрѣтаетъ тогда исключительное право на пользованіе землею, какъ пашней, а затѣмъ — по новомъ забросѣ ея — и какъ сѣнокосомъ. „Ежели кто лѣсокъ почистилъ, да распахалъ, — такъ объясняютъ крестьяне допускаемое по отношенію къ праву на „выпаши" раздѣленіе, — тому конечно и травку на выпаши покосить хочется; а ежели другой съ сохой поѣхалъ, то какъ-же его не пустишь?.." По Нелюбинской

волости мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ разспросныхъ данныхъ по разсматриваемому вопросу; но ниже мы приведемъ опредѣленіе волостного суда (25 Іюня 1887 г., № 96), изъ котораго можно усмотрѣть, что въ этой волости право на пользованіе растущею на „выпашахъ“ травою не составляетъ монополіи пахавшаго землю хозяина, а принадлежитъ всѣмъ общинникамъ на правѣ вольнаго захвата: по жалобѣ на самовольный захватъ чужого покоса (очевидно „выпашного“) волостной судъ усмотрѣлъ, что „просителемъ поясненное мѣсто было брошено и лежало пустошью два года, вслѣдствіе чего отвѣтчикъ и выкосилъ оное мѣсто“, и на этомъ основаніи призналъ за отвѣтчикомъ право на накошенное на захваченномъ участкѣ сѣно. Въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, „выпаши“, благодаря изобилію постоянныхъ сѣнокосныхъ угодій, косятся мало, вопросъ о правѣ на пользованіе растущею на нихъ травою имѣетъ мало значенія; разрѣшается здѣсь этотъ вопросъ довольно разнообразно въ нѣкоторой зависимости отъ того порядка, который господствуетъ по отношенію къ праву на распашку „выпашей“: гдѣ удержалась заимочная форма пользованія пахатными землями, тамъ трава на „выпашахъ“ обыкновенно составляетъ собственность заимочниковъ (хотя есть случаи, когда въ этомъ отношеніи дѣлается уступка требованіямъ „бѣдноты“ и трава на „выпашахъ“ признается доступною вольному захвату); тотъ-же порядокъ можетъ быть признанъ господствующимъ и въ тѣхъ многочисленныхъ общинахъ, которыя по отношенію къ собственно-пахатнымъ землямъ находятся въ періодѣ борьбы между захватно-заимочнымъ и вольнымъ пользованіемъ; гдѣ напротивъ это послѣднее уже окончательно упрочилось, тамъ и трава, растущая на „выпашахъ“ признается общимъ достояніемъ и можетъ коситься всѣми желающими.

Переходимъ теперь къ порядкамъ пользованія постоянными сѣнокосными угодьями, причемъ замѣтимъ здѣсь-же, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ способъ душевого пользованія имѣлъ гораздо больше успѣховъ, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ и всѣмъ другимъ угодьямъ, кромѣ, можетъ быть, кочковниковъ. Въ особенности распространилось душевое пользованіе въ Томскомъ районѣ, гдѣ напримѣръ въ Спасской волости лишь въ немногихъ селеніяхъ, удаленныхъ отъ Томска, удержались старые способы пользованія сѣнокосами: упрочилось душевое пользованіе и въ нѣкоторыхъ и въ ближайшихъ къ Томску селеніяхъ Семилужной волости, а въ остальныхъ селеніяхъ этой волости (кромѣ трехъ селеній Подломской сотни) замѣчаются уже признаки перехода къ нему; въ Нелюбинской волости повсемѣстно переѣлены по душамъ поемные луга. Такіе значительные успѣхи душевого пользованія по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ являются понятнымъ слѣдствіемъ сравни-

тельной ограниченности количества этихъ угодій и особенно высокихъ, обусловливаемыхъ городскимъ спросомъ, цѣнъ на сѣно, дающихъ сѣнокоснымъ угодьямъ (главнымъ образомъ поемнымъ лугамъ, а другимъ видамъ покосовъ — въ ближайшихъ окрестностяхъ города) довольно высокую рентную доходность. Напротивъ въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ сѣнокосныхъ угодій много, а цѣны на сѣно дешевы, успѣхи душевого порядка пользованія и по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ были лишь незначительны: во всемъ районѣ переходъ къ душевому пользованію совершился въ какомъ-нибудь десяткѣ селеній, и притомъ исключительно по отношенію къ болѣе цѣннымъ, благодаря легкости заготовки сѣна, поёмнымъ лугамъ.

Обращаясь затѣмъ къ порядкамъ пользованія сѣнокосными угодьями въ общинахъ, еще не перешедшихъ къ душевому пользованію, и останавливаясь сначала на Томскомъ районѣ, мы должны начать съ *Нелюбинской* волости, — единственной изъ волостей этого района, гдѣ болѣе первобытные способы пользованія сѣнокосными угодьями сохранились въ чистомъ видѣ. Въ противуположность пахатнымъ землямъ сѣнокосы (именно *мьсныге*,—луга, какъ мы говорили, передѣляются по душамъ) состоятъ здѣсь по преимуществу въ заимочномъ владѣніи: мы можемъ назвать только два селенія: Рыбалову и Карбышеву,—гдѣ вся масса сѣнокосныхъ земель состоитъ въ вольномъ пользованіи и ежегодно открыта для свободнаго захвата каждаго отдѣльнаго общинника. Порядокъ этотъ, смѣнившій здѣсь прежнее заимочное владѣніе благодаря вліянію ссыльныхъ и переселенцевъ, едва-ли представляется выгоднымъ для массы населенія: по заявленію крестьянъ, богачи пользуются имъ для того, чтобы „окашивать“ бѣдняковъ и, такимъ образомъ, „выживать“ ихъ съ лучшихъ сѣнокосныхъ урочищъ. Кромѣ двухъ названныхъ селеній, вольное пользованіе по отношенію къ покосамъ существуетъ еще въ д. Березкиной, Нижне-Сѣченовой, Быковой, Коломиной, Иглаковой, Бѣлобородовой, но только по отношенію къ самымъ дальнимъ сѣнокоснымъ урочищамъ, на которыхъ и косятъ всѣ, не имѣющіе „своего“ покоса или не могущіе удовлетвориться послѣднимъ. Всѣ ближніе, лучшіе по качеству покосы въ названныхъ шести селеніяхъ, равно какъ и вся масса непоемныхъ покосовъ въ остальныхъ селеніяхъ Нелюбинской волости, состоятъ въ заимочномъ пользованіи—„по старымъ занятіямъ“, по „чищеніямъ“. Это послѣднее, весьма употребительное у крестьянъ разсматриваемой мѣстности и вообще Томскаго района выраженіе даетъ намъ ключъ къ объясненію причинъ господства здѣсь по отношенію къ покосамъ заимочнаго владѣнія: оно основывается на правѣ затрачиваемаго на расчистку покосныхъ мѣстъ труда, который не могъ-бы окупиться при ежегодномъ переходѣ

покосовъ къ другимъ хозяевамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на общинномъ интересѣ, требующемъ расчистки покосовъ и охраненія ихъ отъ дальнѣйшаго зарастанія, а слѣдовательно требующемъ для лицъ, производящихъ расчистки, возможности пользованія покосами въ теченіе достаточно продолжительнаго періода времени; даже на лугахъ, которые, вообще говоря, передѣлены по душамъ, производимыя изъ-подъ ивовой заросли „чищобы" не входятъ въ число передѣляемыхъ пространствъ и остаются въ займочномъ пользованіи расчистившихъ *). Какъ-бы то ни было, но вольное пользованіе по отношенію къ сѣнокосамъ не только въ Нелюбинской волости, но и во всемъ Томскомъ районѣ имѣетъ лишь третьестепенное значеніе и совершенно не является необходимымъ звѣномъ въ цѣпи развитія формъ пользованія сѣнокосными угодьями: переходъ къ душевому пользованію частью совершился, а частью совершается въ Спасской и Семилужной волостяхъ непосредственно отъ формы владѣнія по „чищеніямъ", слѣд. отъ формы займочной, минуя форму вольнаго пользованія, которая по отношенію къ пахатнымъ землямъ является, повидимому, при нормальномъ, постоянномъ ходѣ вещей, необходимою переходною ступенью. Въ частности, въ *Спасской* волости остатки прежнихъ формъ пользованія покосами сохранились лишь въ четырехъ общинахъ: въ с. Спасскомъ и д. Батуриной по отношенію къ части (поемные луга передѣлены по душамъ), къ д. Вороновой и Плухиной — по всей массѣ покосовъ: въ с. Спасскомъ не передѣленные по душамъ еланные и дубровные покосы состоятъ въ вольномъ пользованіи, въ остальныхъ трехъ селеніяхъ — въ захватномъ, съ явными признаками начала перехода къ душевому пользованію. Въ *Семилужной* волости вольное пользованіе существуетъ только въ одномъ случаѣ—именно въ д. Лязгиной и Бражкиной по отношенію къ сост ящему въ общемъ пользованіи крестьянъ этихъ двухъ селеній дальнему сѣнокосному участку; въ трехъ селеніяхъ Лязгинскаго с. о. (Нехорошевой, Корнѣловой и Родіоновой) и во всемъ Киргизскомъ с. о. уже совершился переходъ къ душевому пользованію; во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ Семилужной волости сѣнокосныя угодья состоятъ въ займочномъ владѣніи, причемъ однако везъ, кромѣ только

*) Сущность и основанія займочнаго пользованія покосами хорошо видны изъ мотивовъ рѣшенія Спасскаго вол. суда отъ 2. IX. 88, № 55, по дѣлу о захватѣ покоса Жуковымъ у Вострова. Судъ констатировалъ именно, что «покосное мѣсто, на которомъ было накошено Жуковымъ 20 копенъ, принадлежало отцу его, который его чистилъ; по смерти, владѣла этимъ покосомъ мать его. по смерти матери Жуковъ былъ малолѣтній, косить не могъ, почему косилъ Востровъ; Жуковъ нынѣ достигъ 20-лѣтняго возраста, занялся хозяйствомъ, обложенъ полнымъ окладомъ податей, поэтому сталъ косить расчищенные отцомъ его покосы; покосы въ д. Батуриной не раздѣлены *кто какое мѣсто владѣлъ, тотъ и коситъ*,» — и на основаніи этихъ соображеній призналъ Жукова правымъ и оставилъ за нимъ накошенное на спорномъ покосѣ сѣно.

не принадлежащихъ къ составу Томскаго района д. Турунтаевой и с. Подломнаго, обнаружились уже явленія перехода къ душевому порядку пользованія.

Переходя затѣмъ къ порядку пользованія сѣнокосными угодьями въ *Чулымскомъ* районѣ, мы должны сперва упомянуть отдѣльно о покосныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ существующимъ, какъ мы знаемъ, почти на всемъ протяженіи района юридически или фактически „заимкамъ“ и входящихъ, такъ сказать, въ сферѣ притяженія послѣднихъ. Такіе покосы всегда слѣдуютъ судьбѣ самихъ заимокъ; пока заимочникъ такъ или иначе поддерживаетъ свои исключительныя притязанія, такіе покосы остаются въ его исключительномъ пользованіи, и это послѣднее чрезвычайно ревниво охраняется: въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ есть не мало дѣлъ о дракахъ, возникшихъ изъ за того, что заимочники запрещали косить траву „по близости ихъ пашни“ и, въ случаѣ отказа подчиняться ихъ требованіямъ, не задумывались прибѣгнуть и къ силѣ,—есть и дѣла по ложнымъ обвиненіямъ, возникшимъ „по злобѣ“ за то, что кто-либо осмѣливался косить траву вблизи какой-либо заимки (см. напр. рѣшеніе Ишимскаго вол. суда 7. III. 83, № 72 и 2. X. 85, № 77).

Что касается затѣмъ до сѣнокосныхъ угодій, не входящихъ въ сферу притяженія заимокъ, то по отношенію къ *поемнымъ лугамъ* въ значительной мѣрѣ успѣлъ совершиться переходъ къ душевому пользованію; именно, луга передѣляются: въ Ишимской волости — въ д. Марьевкѣ, Спасо-Яйской, въ с. Жарковскомъ, Ишимскомъ, Сергіевскомъ и Мазаловскомъ; въ Почитанской — въ д. Средней и Нижней Почитанкѣ; въ Зырянской — въ с. Богословскомъ, д. Шиняевой и Тундатѣ, а также отчасти („домашніе“ луга) въ с. Зырянскомъ и Красноярскомъ; въ Баимской — въ д. Благовѣщенской, двухъ Антибесахъ и Баимской и нѣк. друг.; кромѣ того надо указать еще на с. Ольгинское (Ишимской вол.), состоящій во владѣніи котораго лугъ сдается общиною въ аренду съ обращеніемъ платы въ пользу частныхъ мірскихъ суммъ. Болѣе старинныя формы пользованія лугами сохранились: во всѣхъ при-Яйскихъ (кромѣ д. Спасо-Яйской) и при-Чулымскихъ селеніяхъ сѣверной половины Ишимской волости, а въ южной половинѣ ея — въ с. Судженскомъ; въ Зырянской — въ д. Цыгановой, Тавлинской, Окунеѣ и отчасти (дальніе луга) въ с. Зырянскомъ и Красноярскомъ, въ Баимской — въ д. Тенгулахъ и Примѣткиной. Въ одной только изъ перечисленныхъ общинъ луга состоятъ въ заимочномъ пользованіи: это именно въ с. Судженскомъ, состоящій въ пользованіи котораго небольшой лужокъ занятъ нѣсколькими дворами на заимочномъ правѣ. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не передѣленные луга состоятъ не въ заимочномъ, а въ вольномъ пользованіи, и притомъ въ сѣверной части Ишимской воло-

сти—въ общемъ вольномъ пользованіи цѣлыхъ группъ селеній: одну такую группу составляютъ 4 за-Чулымскихъ селенія (безъ с. Архангельскаго) вмѣстѣ съ тремя инородческими юртами, другую — четыре при-Яйскихъ селенія: Больше Дорохова, Воронина-Яя, Ефимстова и Больше-Жирова. — По отношенію къ поемнымъ лугамъ, однако, вольное пользованіе встрѣчается въ двоякой формѣ: въ сравнительно бѣдныхъ лугами селеніяхъ (каковы при-Яйскія селенія Ишимской вол. и нѣк. др.)—въ той типичной своей формѣ *), когда „никто не можетъ“ „занять въ свое исключительное пользованіе (хотя-бы на время одного „сѣнокоснаго періода) какой-либо части общинныхъ сѣнокосныхъ угодій: если одинъ общинникъ началъ косить въ какомъ-нибудь урочищѣ, „то это не можетъ помѣшать другому начать косить рядомъ съ нимъ“. Въ очень богатыхъ поемными лугами общинахъ,—каковы при-Чулымскія и за-Чулымскія селенія Ишимской и Зырянской волостей,—пользованіе этими лугами иногда облекается въ форму, которая имѣетъ переходный характеръ отъ типическаго „заимочнаго“ къ типическому вольному пользованію, и которую можно обозначить названіемъ способа *ежегоднаго свободнаго захвата*; форма эта имѣетъ то общее съ формою вольнаго пользованія, что каждому общиннику предоставляется производить сѣнокошеніе на любомъ участкѣ общинныхъ угодій, не стѣсняясь тѣмъ, кто гдѣ косилъ въ прежніе годы; съ заимочною формой—то, что общинникъ можетъ на время одного сѣнокоснаго періода захватить въ свое исключительное пользованіе такой участокъ, какой онъ считаетъ для себя нужнымъ и посильнымъ; дѣлается это путемъ „закоса“: въ опредѣленный общиною день всѣ общинники выходятъ на луга, и всякій пріобрѣтаетъ на данный годъ исключительное право на все то пространство, какое успѣваетъ „закосить“ кругомъ въ теченіе этого дня **). Возможная, очевидно, только при чрезвычайномъ изобиліи луговъ, эта форма пользованія въ названныхъ мѣстностяхъ ни для кого не является стѣснительною: какъ было уже указано въ I томѣ настоящаго изслѣдованія, значительная часть луговъ въ этихъ мѣстностяхъ остается невыкошенною: косятъ только лучшую траву, которой однако съ избыткомъ хватаетъ для всѣхъ, и слѣдовательно право свободнаго захвата каждаго общинника можетъ осуществляться здѣсь, не причиняя никому ущерба. Если при такихъ условіяхъ по отношенію къ лугамъ не установилось типическое заимочное владѣніе, какое во многихъ мѣстностяхъ существуетъ по отношенію къ лѣснымъ покосамъ, то это объясняется,

*) Ср. «Матеріалы», вып. III, стр. 129.

**) Эта форма пользованія сравнительно недавно существовала въ Ишимскомъ округѣ Тобольск. губ.; см. тамъ-же, стр. 131.

кажется имъ, отсутствіемъ важнаго элемента, на которомъ только и можетъ установиться заимочное право — элемента трудового: поемные луга были для крестьянина даромъ природы, не требуя затраты труда на первоначальную расчистку: въ то-же время, благодаря изобилію ихъ и малой ихъ доходности, не ощущается потребности въ дальнѣйшихъ расчисткахъ или мѣрахъ для предупрежденія ихъ заростанія и, слѣдовательно, установленіе заимочнаго владѣнія лугами не имѣло-бы за себя никакого разумнаго основанія.

Формы пользованія не-поемными покосами въ Чулымскомъ районѣ, вообще говоря, стоятъ на низшей ступени развитія, нежели формы пользованія поемными лугами: душевое пользованіе по отношенію къ первымъ еще нигдѣ не существуетъ, что впрочемъ и вполнѣ понятно въ виду ихъ повсемѣстнаго изобилія и совершенно ничтожной доходности. Что касается до предшествующихъ душевому пользованію формъ, то онѣ представляютъ по отношенію къ поемнымъ покосамъ гораздо болѣе разнообразія, нежели по отношенію къ поемнымъ лугамъ. Въ цѣломъ рядѣ особенно богатыхъ дубровными и еланными покосами общинъ до сихъ поръ сохранилось еще типичное заимочное владѣніе сѣнокосными угодьями, причемъ въ большинствѣ случаевъ „заимочные“ покосы каждаго общинника расположены по близости отъ его заимочныхъ пашень; такой порядокъ ненарушимо господствуетъ до настоящаго времени, напр., въ Лебединской, Ворово-Пашенской, Усманской и Мало-Жировской общинахъ Ишимской волости; въ Почитанской волости — въ д. Больше-Песчанкѣ, въ Баимской — въ с. Константиновскомъ и д. Ключевой, и т. д., причемъ однако въ нѣкоторыхъ изъ этихъ общинъ въ составъ сѣнокосныхъ „заимокъ“ вошла далеко не вся масса общинныхъ покосовъ: болѣе или менѣе значительная часть послѣднихъ не захвачена никѣмъ и косится всѣми желающими на началахъ полной свободы. Въ большинствѣ общинъ, напротивъ, существовавшее прежде заимочное владѣніе уступило уже мѣсто вольному пользованію, основанному на принципѣ: „кто первый пришелъ, тотъ и коситъ“. Этотъ порядокъ пользованія примѣняется напримѣръ къ непоемнымъ покосамъ во всей Зырянской волости, въ Благовѣщенской, Антибесскихъ, Тенгулинской, Суслонской, Тяжинской, Примѣткинской общинахъ Баимской вол.; въ Ишимской волости въ д. Марьевкѣ, Кайлѣ, Спасо-Яйской, Больше-Дороховой; въ Почитанской — въ с. Бекетѣ, Средне- и Нижне-Почитанской, с. Ижморскомъ и др.; по многимъ изъ этихъ общинъ мы имѣемъ прямыя указанія на господство въ прежніе годы „заимочнаго“ порядка пользованія покосами и на то, что этотъ порядокъ уступилъ мѣсто вольному пользованію подъ непосредственнымъ вліяніемъ „утѣсненія“, явившагося результатомъ размноженія населенія. Наконецъ въ нѣкоторыхъ об-

шинахъ пользованіе покосами стоитъ на переходной ступени отъ захватнаго къ вольному пользованію; переходъ этотъ совершается въ различныхъ общинахъ различнымъ путемъ: какъ на примѣры переходнаго состоянія мы можемъ указать на с. Мазаловское (Ишимской волости) и Почитанское. Въ первомъ господствуетъ порядокъ, который сами крестьяне признаютъ „безобразнымъ": община не признаетъ ни за кѣмъ заимочнаго права на покосы; но фактически крупные пахари не допускаютъ никого до сѣнокошенія на участкахъ, прилегающихъ къ ихъ заимкамъ; у кого къ пашнямъ прилегаетъ мало покосовъ или кто вовсе не имѣетъ пашни, тѣмъ вовсе не удается косить на общинныхъ земляхъ, а приходится ѣхать косить въ богатыя покосами д. Турунтаеву, Усманку и т. п.. Въ с. Почитанскомъ мы видимъ совершенно иное: здѣсь часть покосовъ именно тѣ, къ расчисткѣ которыхъ сравнительно недавно былъ приложенъ трудъ, — осталась неприкосновенною въ заимочномъ владѣніи: форма пользованія остальною массою покосовъ имѣетъ неопредѣленный характеръ: обыкновенно каждый остается косить на своихъ старыхъ мѣстахъ; но бываютъ нерѣдко и случаи „заѣзда" на чужія мѣста, — такіе случаи иногда ведутъ къ спорамъ, но чаще оканчиваются мирно: бывшій заимочникъ и пришлецъ остаются оба на спорномъ мѣстѣ и только раздѣляютъ его между собой: „ты по сю сторону коси, я по ту буду"...

Резюмируемъ сказанное о порядкахъ пользованія сѣнокосными угодьями: въ Томскомъ районѣ всѣ поемные луга уже передѣлены по душамъ; передѣлена и значительная часть непоемныхъ покосовъ, на другой части въ настоящее время совершается переходъ къ душевому пользованію; остальная часть, за ничтожными исключеніями, находится въ заимочномъ владѣніи, переходъ отъ котораго къ душевому совершается непосредственно. Въ Чулымскомъ районѣ передѣлена по душамъ только часть луговъ, а остальная часть состоитъ либо въ вольномъ, либо въ свободно-захватномъ пользованіи. Непоемные покосы, прежде состоявшіе въ заимочномъ пользованіи, постепенно переходятъ въ вольное пользованіе, душевое же пользованіе по отношенію къ нимъ еще не появлялось.

Чтобы покончить съ формами владѣнія землею, въ основаніи которыхъ, такъ или иначе, лежитъ не регулированный захватъ, мы должны остановиться еще на одномъ вопросѣ именно на вопросѣ о правѣ захвата сѣнокосныхъ мѣстъ съ цѣлью обращенія ихъ въ пашню. Въ виду повсемѣстнаго изобилія сѣнокосныхъ угодій и отсутствія признаковъ, свидѣтельствующихъ о необходимости охраненія сѣнокосовъ, община совершенно не вмѣшивается въ этотъ вопросъ, и послѣдній возникаетъ только съ точки зрѣнія интересовъ страдающихъ отъ подоб-

ныхъ захватовъ отдѣльныхъ лицъ. Вопросъ этотъ поэтому имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ сѣнокосныя мѣста (мы говоримъ здѣсь только о постоянныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, — о правѣ на „выпашки" была рѣчь выше) — состоятъ въ чьемъ-либо заимочномъ владѣніи, и совершенно отпадаетъ въ тѣхъ многочисленныхъ въ Чулымскомъ районѣ общинахъ, гдѣ покосы состоятъ въ вольномъ пользованіи и слѣдовательно распашка ихъ не нарушаетъ интересовъ никакого отдѣльнаго лица. Съ другой стороны, вопросъ этотъ самъ собой разрѣшается и въ тѣхъ изобилующихъ въ Чулымскомъ-же краѣ общинахъ, гдѣ юридически или фактически продолжаютъ существовать типичныя „заимки": заимочникъ, не допускающій въ предѣлахъ своей заимки постороннихъ лицъ распахивать залежи или косить сѣнокосныя мѣста, тѣмъ болѣе не позволитъ никому распахивать тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ ему для сѣнокошенія. Такимъ образомъ разсматриваемый вопросъ имѣетъ значеніе только для тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ типическаго заимочнаго владѣнія, а покосы состоятъ въ то-же время въ пользованіи „по чищеніямъ", по „старому завятію",—словомъ къ пользованію отдѣльныхъ домохозяевъ.—П общимъ, не знающимъ исключенія правиломъ является въ этомъ случаѣ полная свобода производства распашекъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ: „сохѣ, говорятъ крестьяне, препятствовать нельзя"... Но въ то время, какъ одни общины (для примѣра назовемъ Батурпинскую, Лучановскую, Спасск. вол.; Киргизскую, Халдеевскую. Семил. вол.; Вороно-Пашенскую. Ишимск. вол.) въ случаѣ распашки чужого покоса освобождаютъ распахавшаго отъ всякой обязанности вознаградить владѣльца покоса,—въ другихъ (напр. Жуковская, Спасск. вол.; Суровская, Семилужн. вол.) распахавшій обязывается вознаградить владѣльца распаханнаго сѣнокоса равнымъ по производительности и качеству травы количествамъ сѣнокоса изъ своего „занятія"; въ нѣкоторыхъ общинахъ по окончаніи періода обработки распаханной изъ подъ покоса земли „выпашь" возвращается къ первоначальному владѣльцу, который возвращаетъ полученный въ видѣ вознагражденія покосъ. Обязательность вознагражденія въ случаяхъ распашки чужого покоса признаютъ повидимому и волостные суды: изъ четырехъ имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ и относящихся къ этому вопросу рѣшеній въ одномъ *) (Спасск. в. с., 6. IX. 86, № 41 и 1. VII. 86, № 16) судъ прямо призналъ обязательность вознагражденія (которой впрочемъ не отрицалъ и отвѣтчикъ); въ остальныхъ двухъ судъ отказалъ въ искахъ о вознагражденіи, но по основаніямъ, вовсе не отрицающимъ права на вознагражденіе за распаханный покосъ, а наобо-

*) См. приложеніе къ этой главѣ.

рѣть заключающимъ въ себѣ косвенное признаніе этого права: въ одномъ (Ишимск. в. с. 11. VI. 89, № 60)—„за бездоказательностью“, въ другомъ (тоже, 6. IX. 86, № 41)—на томъ основаніи, что истецъ (ссыльный) „въ подтвержденіе того, что захваченный покосъ былъ имъ купленъ..., фактическихъ доказательствъ не представилъ, въ общество никакихъ налоговъ за пользованіе землей не уплачиваетъ и разрѣшеній отъ него на пользованіе сѣнокосными мѣстами не имѣетъ“.

Мы переходимъ теперь къ обзору констатированныхъ въ изслѣдованномъ краѣ случаевъ *душевого пользованія*. По отношенію къ *пахатнымъ землямъ* мы можемъ указать всего на два такихъ случая, стоящихъ совершенно обособленно и не имѣющихъ тѣсной связи съ общимъ ходомъ развитія формъ землевладѣнія въ изслѣдованномъ краѣ.

Первый случай относится къ д. *Марьевкѣ*, Ишимской волости (новоселы—мордва изъ Пензенской губ.). Здѣсь ближнія пашни (дальнія состоятъ въ вольномъ пользованіи) сейчасъ-же по основаніи селенія были *разбиты на три поля* (единственный случай во всемъ изслѣдованномъ краѣ!) и передѣлены по душамъ. Передѣлъ повторяется примѣрно чрезъ десятилѣтніе промежутки времени. Пашни въ каждомъ полѣ распредѣлены на 3 сорта, а въ каждомъ сортѣ разбиваются десятидушевые паи: послѣдніе нарѣзываются на глазомѣръ такимъ образомъ, чтобы размѣръ каждаго пая былъ обратно пропорціоналенъ качеству земли. Паи разбираются по жребію между „десятками“ душъ, а внутри каждаго десятка земля распредѣляется по разсмотрѣнію участвующихъ въ нихъ хозяевъ. *).

Другой случай относится къ самому послѣднему времени — къ 1890 году. Крестьяне д. *Тюменевой* (Ишимск. вол., старожилы) рѣшили передѣлить землю, въ виду предстоящей отрѣзки излишнихъ зе-

*) Мы имѣемъ 2 рѣшенія Ишимскаго вол. суда (23. V. 83, № 21 и 23. V. 84, № 21), въ которыхъ говорится о спорахъ между крестьянами с. Сергіевскаго, возникшихъ вслѣдствіе захвата «отведенной обществомъ» земли, — что даетъ основаніе предполагать существованіе въ с. Сергіевскомъ если не передѣловъ, то какой-либо переходной къ душевому пользованію формы: къ сожалѣнію по с. Сергіевскому мы вовсе не имѣемъ разспросныхъ данныхъ и потому не можемъ по этому вопросу ничего сказать.

Сходное указаніе мы имѣемъ въ рѣшеніи Спасскаго вол. суда отъ 1 Іюля 1882 г. № 16; по поводу иска о захватѣ пашни судъ констатируетъ, что «по заведенному въ обществахъ порядку временное владѣніе землей дозволяется съ согласія обществъ, истецъ же завладѣлъ землею самовольно и на право пользованія ею не представилъ никакихъ доказательствъ», — и на этомъ основаніи отказываетъ въ охранѣ владѣнія землей. Рѣшеніе это даетъ основаніе предполагать существованіе здѣсь «отводовъ» земли, какъ переходной къ душевому пользованію формы. Но это категорически опровергается разспросными данными, да при данной степени относительнаго простора появленіе отводовъ было-бы и преждевременно. Мы едва-ли ошибаемся поэтому, если отнесемъ приведенную мотивировку рѣшенія насчетъ фантазіи писавшаго рѣшеніе волостного писаря.

мель подъ переселенческіе участки, для того, чтобы каждый имѣлъ возможность своевременно сѣсть на „свою“ землю. Для передѣла былъ выбранъ „земляной староста“ съ жалованьемъ въ 25 р. въ мѣсяцъ; пашни были разбиты на два сорта (третій сортъ—неудобныя для пахоты земли) и въ каждомъ сортѣ разрѣзаны на „верстовыя“ стекла (квадраты мѣрой въ 500×500 саж.), каждое изъ которыхъ должно было быть отведено „десятку“—артели изъ 16 душъ; въ 1890 году разобраны были только „стекла“ 1-го сорта; разборъ какъ „стеколъ“ между „десятками“, такъ и частей стеколъ между отдѣльными душами производился по жребію.

Этими двумя случаями ограничиваются по отношенію къ пахатнымъ землямъ всѣ попытки перехода къ душевому пользованію. Это и понятно, такъ какъ такой переходъ, при огромномъ земельномъ просторѣ, совершенно не вызывался необходимостью. Съ отрѣзкою всѣхъ излишнихъ земель въ составъ переселенческихъ участковъ положеніе дѣлъ, конечно, радикально измѣнится и переходъ къ душевому пользованію, какъ отлично сознаютъ и сами крестьяне, въ весьма скоромъ времени совершится если не вездѣ, то въ весьма значительной части общинъ изслѣдованнаго края и въ частности — Чулымскаго, земледѣльческаго района.

Формы пользованія *сѣнокосными угодіями* въ изслѣдованномъ краѣ представляютъ совсѣмъ другую картину: какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія, въ душевомъ пользованіи состоитъ здѣсь уже весьма значительная часть сѣнокосовъ. Въ особенности значительные успѣхи душевое пользованіе сдѣлало въ *Томскомъ* районѣ, что обусловливается съ одной стороны ограниченностью количества сѣнокосныхъ угодій, съ другой — довольно высокою рентною доходностью—результатомъ близости къ Томску и развитія промысловаго сѣнокошенія. Какъ велико вліяніе этихъ обстоятельствъ на развитіе формъ пользованія покосами, можно видѣть уже изъ сдѣланнаго выше обзора географическаго распространенія душевого пользованія: послѣднее окончательно вытѣснило прежнія формы пользованія почти во всей Спасской волости и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ближайшихъ къ городу обществъ Семилужной—слѣд. въ районѣ наибольшаго развитія промысловыхъ заготовокъ сѣна, гдѣ даже сравнительно малодоходные лѣсные покосы имѣютъ довольно высокую рентную цѣнность; въ тѣхъ изъ селеній Семилужной волости, гдѣ сѣнокосы еще не передѣлены, наблюдаются уже явленія, свидѣтельствующія о близкомъ переходѣ къ душевому пользованію. Въ Нелюбинской волости, гдѣ сѣнокошеніе, какъ промыселъ, почти не существуетъ, вся масса непоемныхъ покосовъ осталась въ захватномъ или вольномъ пользованіи; передѣлены на души только по-

емные луга, имѣющіе для крестьянъ, благодаря дешевизнѣ уборки и высокому качеству сѣна, болѣе высокую цѣнность. Въ *Чулымскомъ* районѣ, гдѣ сѣнокосныя угодья чрезвычайно обширны, а излишки сѣна не имѣютъ сбыта, не было почвы для развитія душеваго пользованія: передѣлена только часть поемныхъ луговъ, что опять-таки является результатомъ сравнительной ограниченности ихъ количества и ихъ болѣе высокой цѣнности для населенія. Отрѣзка излишнихъ земель въ переселенческіе участки послужитъ, конечно, и по отношенію къ этимъ угодьямъ толчкомъ, который вызоветъ быстрый и почти повсемѣстный переходъ къ душевому владѣнію.

Поемные луга, какъ видно изъ сказаннаго, начали передѣляться гораздо раньше лѣсныхъ и вообще непоемныхъ покосовъ; послѣдованіе застало по отношенію къ нимъ душевую форму владѣнія вполнѣ упрочившеюся и нигдѣ не констатировало момента перехода къ этой формѣ отъ прежнихъ формъ пользованія. Напротивъ по отношенію къ *лѣснымъ покосамъ* переходъ къ душевому пользованію начался весьма недавно; въ однихъ общинахъ онъ уже болѣе или менѣе завершился (хотя еще нигдѣ не выработано сколько-нибудь точныхъ способовъ передѣла), въ другихъ еще происходитъ борьба душевого принципа съ прежнимъ захватнымъ владѣніемъ и постепенное вытѣсненіе послѣдняго первымъ.

При заимочномъ пользованіи въ его чистомъ видѣ (какой наблюдается въ волостяхъ Чулымскаго района и Нелюбинской) община безусловно не вмѣшивается въ вопросы владѣнія покосами: прибылому населенію предоставляется „захватывать" себѣ сѣнокосныя мѣста въ урочищахъ, оставшихся незахваченными никѣмъ, садиться на вымороч-ныя „заимки" и т. п.. И вотъ первымъ, очень робкимъ, нерѣшительнымъ шагомъ къ душевому владѣнію является отводъ *) властью общины прибылымъ душамъ сѣнокосовъ изъ пустолежащихъ или освобождающихся за выбытіемъ прежнихъ владѣльцевъ мѣстъ, съ полнымъ признаніемъ въ то-же время общей неприкосновенности права на занятые покосы; община тутъ еще не вноситъ ничего новаго; она только санкціонируетъ своею властью ранѣе существовавшій порядокъ первоначальнаго завладѣнія покосами.—но уже эта санкція сама по себѣ имѣетъ существенное значеніе: она показываетъ, что въ общинѣ пробудилось сознаніе ея правъ, какъ верховнаго распорядителя земли.—и это сознаніе уже неминуемо должно повести къ дальнѣйшему преобразованію порядковъ землевладѣнія. На этой ступени изслѣдованіе застало формы пользованія покосами въ двухъ общинахъ: Софроновской (Семилужн.

*) Форму такого отвода см. въ приложеніи къ настоящей главѣ — пригов. Аркаш. с. о. (Семил. в.) 20. VII 86 г..

вол.) и Батуринской (Спасск. вол., въ послѣдней по отношенію къ одвимъ лѣснымъ покосамъ).

Но остановиться на этой ступени община не можетъ: съ одной стороны для прибылой души не всегда оказывается въ наличности освободившаяся сѣнокосная „занимка", съ другой — такая душа скоро перестаетъ довольствоваться отводомъ изъ пустопорожнихъ мѣстъ, гдѣ покосъ приходится разрабатывать подъ постояннымъ страхомъ, что расчищенное мѣсто будетъ захвачено кѣмъ-либо другимъ подъ пашню; наконецъ и удобныхъ для обращенія въ покосъ пустопорожнихъ мѣстъ можетъ не оказаться въ наличности. Между тѣмъ „малолѣтъ", видѣвшій, какъ другимъ „малолѣтамъ" отводили хорошій покосъ, и для себя начинаетъ требовать такого-же отвода, и община переходитъ уже къ слѣдующей ступени въ развитіи порядковъ пользованія покосами — къ ступени, которую изслѣдованіе застало въ Батуринской и Пѣтуховской общинахъ (Спасской вол.), во всѣхъ селеніяхъ Конинпнскаго и Воронинскаго с. о., въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Лязгинскаго с. о. и въ д. Халдеевой (Семилужной вол.): она *начинаетъ отбирать часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общинниковъ, „занятія" которыхъ, сравнительно съ числомъ платимыхъ ими душъ, особенно обширны*: „Выѣдемъ въ Петровъ день, разсказывали изслѣдователю Халдеевскіе „крестьяне, увидимъ у кого покосовъ больно много,—ну и скажемъ: „ты, братъ, отдай сколько-нибудь, а то крестьянину косить негдѣ „будетъ, — да такъ и назначимъ: по сю сторону лога ты коси, а онъ „по ту сторону"; отрѣзки дѣлаются такимъ образомъ не на основаніи какихъ-либо обмѣровъ, а „на глазъ", на основаніи точнаго знакомства общины съ размѣрами фактическаго землепользованія каждаго изъ ея членовъ. — Первые шаги общины на этомъ пути очень не легки: владѣльцы покосовъ — „старожилы" — нерѣдко отказываются отдавать свою „отцовщину", свои „чищобы", ссылаясь то на право давности, то на право затраченнаго на расчистку покоса труда; они „галдятъ" на сходѣ, обсуждающемъ вопросъ объ отрѣзкѣ, и нерѣдко, благодаря своей зажиточности и связанному съ нею вліянію, успѣваютъ воспрепятствовать постановленію сходомъ неудобнаго для нихъ рѣшенія; если такое рѣшеніе состоялось, они пытаются отстоять свои притязанія путемъ жалобъ начальству, волостному суду и т. п., — наконецъ нерѣдко останавливаются и предъ насильственными мѣрами для того, чтобы не допустить получившаго отъ общины отводъ лица до пользованія „своимъ" покосомъ. Приведемъ здѣсь характерный отрывокъ изъ заявленія, имѣющагося въ „дѣлѣ" Семилужнаго вол. суда за 1886 годъ: „крестьянами д. Арка„шовой былъ данъ мнѣ покосъ, которымъ раньше пользовался кре„стьянинъ В. П. Сафроновъ, на этотъ покосъ на пользованіе имъ мнѣ

„дана обществомъ бумага; и когда я пришелъ косить его, то В. Са„фроновъ не допустилъ меня косить его, угрожая сжечь его, и бро„сился первоначально на косившаго вмѣстѣ со мной крестьянина И. Си„ротина съ литовкой (косой), а потомъ бросился съ нею на меня, уда„ривъ меня въ грудь; хотя таковой (покосъ) и былъ мною скошенъ „по приказанію сельскаго старосты, но тѣмъ не менѣе В. Сафроновъ „вопреки приказанію старосты сгребъ его и сметалъ и теперь взялъ „это сѣно въ свое пользованіе, и мнѣ таковое не отдаетъ". Случаи, подобные описанному, повторяемъ, вначалѣ случаются не рѣдко, и лишь постепенно заимочники примиряются съ необходимостью и отказываются отъ сопротивленія уравнительной дѣятельности общины.

Сначала рѣдкія, „глазомѣрныя" отрѣзки отъ чрезмѣрно большихъ заимокъ постепенно учащаются и приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что сѣнокосныя „занятія" всѣхъ общинниковъ оказываются приблизительно пропорціональными числу лежащихъ на каждомъ изъ нихъ платежныхъ душъ,—*приблизительно* потому, что дѣлаемыми „на глазъ" отрѣзками нѣтъ возможности достигнуть вполнѣ точной пропорціональности. Во всякомъ случаѣ отрѣзки эти приводятъ къ такому распредѣленію покосовъ, при которомъ ни у кого нѣтъ явныхъ, на глазъ видныхъ излишковъ сравнительно съ другими. — *приводятъ*, слѣдовательно, *къ опредѣленному*, хотя и не удовлетворительно организованному *пользованію*.—Когда эта цѣль достигнута, то задача общины при появленіи вновь подлежащихъ надѣленію покосомъ душъ становится еще труднѣе: она не находитъ уже ни у кого явнаго излишка, который можно было-бы отрѣзать для прибылой души, и потому, если не оказывается случайно освободившейся „жертвой" или „солдатской" сѣнокосной души, должна прибѣгать къ *равномѣрнымъ отрѣзкамъ отъ всѣхъ сѣнокосныхъ душъ* съ цѣлью составленія надѣла для „малолѣтка". Отрѣзки эти опять-таки дѣлаются „на глазъ": отрѣзываютъ отъ каждой души на „стожокъ", на „полстожка", смотря по числу подлежащихъ образованію душевыхъ участковъ, и подгоняютъ отрѣзки „къ одному мѣсту" такимъ образомъ, чтобы вновь образуемыя „души" были по возможности менѣе разбросны. Такимъ порядкомъ ежегодно производится передѣлъ — если только есть подлежащія надѣленію прибылыя души — во всей средней и въ большей части селеній сѣверной части Спасской волости, а также въ Кирилловскомъ и отчасти въ Лязгинскомъ с. о. Семилужной волости.

Порядокъ этотъ по существу очевидно вполнѣ подходитъ подъ тотъ типъ передѣловъ, который былъ уже описанъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи и обозначенъ названіемъ передѣла „отрѣз-

кою излишковъ", передѣла „по старшинству" или по „вотчинамъ" *).— способъ, въ наибольшей мѣрѣ способный обезпечить интересы „старожильскихъ" душъ и весьма плохо служащій интересамъ „малолѣтковъ"; но наблюдаемый въ изслѣдованномъ краѣ порядокъ является очевидно самою несовершенною разновидностью этого типа: здѣсь нѣтъ ни распредѣленія на сорта, которое обезпечивало-бы качественное равенство паевъ, ни даже обмѣра послѣднихъ, который обезпечивалъ-бы равенство количественное. Нечего удивляться, что при такихъ условіяхъ при передѣлахъ господствуетъ изрядный безпорядокъ: „старожительныя" души могутъ отрицать наличность у нихъ излишка, „малолѣты"—считать себя обдѣленными; отсюда, конечно, масса споровъ и „галдѣнія", и передѣлъ ежегодно затягивается на очень продолжительное время: „дѣлятъ съ Петрова и до Ильина дня, говорятъ кресть-„яне, — каждый реветъ: мнѣ мало, — а начнутъ косить — у всѣхъ „остается". Но независимо отъ неудовлетворительности самихъ способовъ передѣла, не вездѣ оказывается сломленнымъ сопротивленіе и старыхъ заимочниковъ: мы можемъ указать напр. на д. Аникину, Просѣкину (Спасской вол.), Корнилову, Родіонову (Семилужн. вол.), гдѣ, при общемъ господствѣ душевого порядка, нѣкоторыя крупныя „занятія" до сихъ поръ остаются нетронутыми, чѣмъ соотвѣтственно уменьшаются, конечно, доли остальныхъ душъ.

Сравнительно болѣе совершеннымъ порядкомъ организовано пользованіе покосами только въ д. *Заварзиной* (Спасск. вол.). Покосы передѣлены здѣсь довольно давно, хотя и безъ мѣры, а „глазомѣрно",— но съ распредѣленіемъ на два сорта (въ „логахъ" и „на елани"); при передѣлѣ оставленъ былъ въ каждомъ сортѣ довольно значительный запасъ; прибылыя души надѣляются или участками убылыхъ душъ, или, если свободныхъ участковъ не оказывается, имъ нарѣзаются паи изъ запаснаго участка; надѣлы, состоящіе въ пользованіи „старыхъ" душъ, со времени передѣла остаются совершенно неприкосновенными.

Порядки передѣла, примѣняемые къ *поемнымъ лугамъ*, представляются въ общемъ гораздо болѣе совершенными, нежели порядки передѣла поемныхъ покосовъ. Въ частности въ Томскомъ районѣ они, въ свою очередь, гораздо совершеннѣе, нежели въ Чулымскомъ. Въ этомъ послѣднемъ передѣлъ луговъ производится почти исключительно „глазомѣрнымъ" способомъ, между тѣмъ какъ въ Томскомъ районѣ—почти исключительно съ предварительнымъ обмѣромъ. Затѣмъ внутри каждой изъ этихъ двухъ крупныхъ группъ порядки передѣла представляются весьма разнообразными и не подходятъ ни подъ какія общія характе-

*) См. «Матер.», вып. V, стр. 207—210 и др.

ристики, почему мы и должны дать хотя-бы краткій обзоръ порядковъ употребительныхъ въ отдѣльныхъ перешедшихъ къ душевому пользованію общинахъ:

А) *Чулымскій районъ*. Наименѣе совершенный порядокъ передѣла мы находимъ въ д. *Спасо-Яйской* (Ишимск. вол.) и *Тундать* (Зырянск. вол.): раздѣлъ луговъ производится здѣсь ежегодно по урочищамъ, по простому неоформленному соглашенію.

Въ с. *Богословскомъ* (Зырянск. вол.) ежегодно нарѣзываютъ душевые участки, „глядя по травѣ“, и распредѣляютъ ихъ между общинниками по жребію.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ Чулымскаго района, по которымъ мы имѣемъ свѣдѣнія о техникѣ передѣла луговъ, послѣдній производится двухъ- или даже трехстепеннымъ порядкомъ:

Въ д. *Марьевкѣ* (Ишимск. вол.) луга передѣляются ежегодно; они разбиты на десятидушевые „паи“, мѣста которыхъ намѣчены издавна; границы паевъ при общихъ хорошихъ урожаяхъ травы обозначаются обычными межами, при худыхъ — къ паямъ съ худою травой дѣлаются прирѣзки отъ паевъ съ хорошею травой. Разборъ паевъ между „десятками“, а внутри послѣднихъ — между душами производится жеребьевкой.

Сходенъ въ принципѣ порядокъ ежегоднаго передѣла въ д. *Шиняевой* (Зырянск. вол.); разница въ томъ, что луга ежегодно разбиваются здѣсь на участки разной величины: община опредѣляетъ число душъ, могущихъ помѣститься въ каждомъ изъ нихъ; жребій указываетъ каждой душѣ тотъ участокъ, гдѣ она должна косить, а внутри участковъ души распредѣляютъ между собой покосъ вторичной жеребьевкой.

Въ д. *Ср.* и *Нижн. Почитанкахъ* (Почит. вол.) луга, какъ въ д. Марьевкѣ, разбиты „на глазъ“ на 10-душевыя „стекла“, размѣръ которыхъ обратно пропорціоналенъ качеству травы. Общинники соединялись въ „десятки“ и брали за себя „стекла“ въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены усадьбы въ селеніи. Передѣлъ между „десятками“ былъ произведенъ на неопредѣленный срокъ и полнаго передѣла съ тѣхъ поръ не было: если какой-либо „десятокъ“ жаловался на свой участокъ, то его обмѣнивали мѣстами съ какимъ-либо другимъ, по усмотрѣнію общины, если такихъ жалобъ не было — все оставалось по старому. Внутри „десятковъ“ души обмѣниваются мѣстами: въ однихъ „десяткахъ“ ежегодно; въ другихъ — разъ въ три года.

Въ д. *Большомъ* и *Маломъ Антибесахъ* (Ишимск. вол.) луга разбиты на „десяточные“ участки такимъ-же порядкомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ; „десятки“ обмѣниваются мѣстами разъ въ три года, а

внутри „десятковъ" развертка дѣлается по жребію. „Прибылыя души" причисляются одиннадцатыми къ тѣмъ „десяткамъ", которые „сидятъ" на лучшихъ урочищахъ.

Въ д. *Благовѣщенской* (той-же вол.) луга передѣляются разъ въ 2—3 года, трехстепеннымъ порядкомъ: они разбиты на три большихъ стекла, въ каждое изъ которыхъ души записываются по своему усмотрѣнію („на любки")—въ каждое стекло тѣмъ больше душъ, чѣмъ въ немъ лучше трава (отъ 50 до 80 душъ въ каждое). Въ каждомъ „стеклѣ" по жребію отбираются „десятки", которые дѣлятъ „стекло" на „десяточные пан", а затѣмъ въ каждомъ десяткѣ общинники „конаются" на душевые пан.

Въ. с. *Зырянскомъ* и *Красноярскомъ* (Зырянск. вол.) передѣлены только небольшіе „домашніе" луга, которые необходимы каждому „для осени", когда еще нельзя перевезти сѣна съ дальнихъ луговъ. Порядокъ передѣла такой: на душу полагается по полосѣ въ 5 саж. ширины (длиной во всю ширину луга); община издавна нарѣзала „десяточныя" полосы въ 50 саж. ширины; эти полосы ежегодно разбираются между „десятками" по жребію, а внутри „десятковъ" „дѣлятъ какъ знаютъ": одни—длинными 5-саженными полосами, другіе—„круглыми" участками, безъ всякаго вмѣшательства общины.

Б) Въ *Томскомъ* районѣ *„глазомѣрный"* способъ передѣла принятъ по отношенію къ лугамъ только въ одной общинѣ — *Поздняковской* (Нелюб. вол.): луга раздѣлены здѣсь безъ распредѣленія на сорта (въ чемъ не было надобности въ виду однокачественности луговъ) паями, разбитыми „по числу копенъ"; разборъ паевъ производился по простому соглашенію. Передѣлъ произведенъ на долгій срокъ; если кому случится накосить менѣе другихъ, то тотъ жалуется обществу, и послѣднее, провѣривъ справедливость претензіи, дѣлаетъ прирѣзку.

Передѣлъ съ нарѣзкой *полосъ опредѣленнаго поперечника* (длина= ширинѣ луга) производится въ двухъ общинахъ—*Ивановской* и *Козюлинской* (Нелюб. вол.). Передѣлъ былъ произведенъ уже давно, безъ распредѣленія на сорта, полосами по 20 саж. ширины; прибылымъ душамъ либо даютъ полосы убылыхъ, либо, если такихъ полосъ нѣтъ, отъ всѣхъ полосъ дѣлаются равномѣрныя отрѣзки, которыя сводятся къ одному мѣсту посредствомъ передвижки.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ Томскаго района, имѣющихъ въ своемъ пользованіи пахотныя луга, послѣдніе передѣланы *полосами опредѣленной квадратной мѣры*, причемъ въ деталяхъ передѣлъ производился весьма разнообразными способами:

Въ д. *Чернильщиковой* (Нелюб. вол.) на душу подѣлено по 1 десятинѣ такимъ образомъ, что каждой душѣ отводятъ „неполную де-

сятину и прирѣзку въ другомъ мѣстѣ". Паи отводятся обществомъ такимъ образомъ, что „старыя" души получаютъ лучшія десятины, „малолѣтки" — худшія, а затѣмъ получившимъ лучшія десятины даются худшія прирѣзки, и обратно.

Въ д. *Попадейкиной*, *Петровой* (Нпж.), с. *Иглаковомъ* и д. *Луговой* съ выс. *Княжировскомъ* луга передѣлены однимъ общимъ порядкомъ.

Передѣлъ произведенъ былъ очень давно, причемъ на душу первоначально отводилось: въ д. Попадейкиной по 6 десятинъ, въ Петровой — по 5, въ Иглаковомъ — по 3, въ Луговой — по 4 десятины; о способѣ первоначальной раздачи полосъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Съ тѣхъ поръ новаго общаго передѣла не бывало; но для прибылыхъ душъ производились, по мѣрѣ ихъ поступленія въ окладъ, отрѣзки по $^1/_8$ или по $^1/_4$ дес. съ каждой души, причемъ эти отрѣзки путемъ передвижки сводились въ довольно большія полосы, которыя и отводились прибылымъ. Благодаря этимъ отрѣзкамъ въ настоящее время на душу приходится:

въ *Попадейкиной* . . .	4	десятины	въ	4	сортахъ
„ *Петровой*.	$3^1/_4$	„	„	4	„
„ *Иглаковомъ*	2	„	„	2	„
„ *Луговой*	2	„	„	3	„

Наконецъ въ с. *Спасскомъ* на душу подѣлено по 4 десятины въ 4 сортахъ, причемъ въ счетъ луговъ 4-го сорта, чтобы дополнить душевой пай до полной десятины, включена была часть лучшихъ покосовъ „въ логахъ"; къ худшимъ десятинамъ при этомъ дѣлались прирѣзки небольшихъ полосокъ отъ лучшихъ. Полосы разныхъ сортовъ комбинировались въ душевые паи по усмотрѣнію „общества", а паи разбирались между душами по жребію. Передѣлъ былъ произведенъ на неопредѣленный срокъ и съ тѣхъ поръ для прибылыхъ душъ всегда хватало паевъ, освобождавшихся за смертью, уходомъ въ солдаты и т. п., такъ что ни въ какихъ коренныхъ измѣненіяхъ распредѣленія паёвъ надобности не было *).

О способѣ передѣла луговъ въ д. *Батуриной* (Спасск. вол.) у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Резюмируя сказанное по вопросу о порядкахъ передѣла сѣнокосныхъ угодій, мы видимъ, что по отношенію къ *дубровнымъ* и вообще

*) Приговоръ о надѣленіи лугами прибылыхъ душъ см. въ приложеніи къ этому § (Спасск. с. сх., 8. VII. 90).

непоемнымъ покосамъ развитіе этихъ порядковъ идетъ со строгою и притомъ вездѣ одинаковою—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ — послѣдовательностью; развитіе это до настоящаго времени нигдѣ не пошло дальше самыхъ несовершенныхъ, такъ сказать, первобытныхъ пріемовъ передѣла, которымъ надо пройти еще довольно длинный путь, чтобы дойти до тѣхъ пріемовъ, которые практикуются въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи; и едва-ли можно сомнѣваться, что именно въ этихъ пріемахъ, основанныхъ на началѣ субъективнаго равенства и на принципѣ обратной пропорціональности размѣра и качества „душевого пайка“ *), лежитъ та цѣль, къ которой стремятся въ своемъ развитіи порядки пользованія непоемными сѣнокосами въ изслѣдованномъ краѣ.—Что̀ касается до *поемныхъ* луговъ, то по отношенію къ нимъ мы не могли установить того процесса, путемъ котораго совершился переходъ къ душевому пользованію и послѣдовательности развитія формъ этого послѣдняго. Мы можемъ только съ увѣренностью утверждать, что первоначальными формами передѣла луговъ были тѣ, которыя мы наблюдаемъ и нынѣ въ Чулымскомъ районѣ, — формы двустепеннаго передѣла, основанныя на глазомѣрномъ принципѣ, и уже позже появились формы передѣла, связанныя съ болѣе или менѣе точнымъ измѣреніемъ общаго пространства луговъ и площади отдѣльныхъ душевыхъ надѣловъ. На болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, далѣе, какими несомнѣнно являются порядки, наблюдаемые въ Чулымскомъ районѣ, передѣлъ производится ежегодно или чрезъ весьма краткіе сроки, жеребьевымъ или инымъ способомъ, ведущимъ къ постоянному обмѣну полосъ между общинниками; на болѣе позднихъ, въ Томскомъ районѣ, основной передѣлъ совершается на весьма продолжительный или даже неопредѣленный срокъ, и только при невозможности обезпечить прибылыя души полосами убылыхъ дѣлаются для нихъ отрѣзки отъ надѣловъ „старыхъ душъ“; такимъ образомъ обезпечивается продолжительность пребыванія полосъ въ однихъ рукахъ, а слѣдовательно и возможность затраты труда на поддержаніе луговъ въ хорошемъ состояніи **).

Чтобы покончить съ порядками душевого пользованія въ ихъ при-

---

*) См. «Матер.», вып. V, стр. 242—244.

**) Къ сказанному добавимъ еще, что переходъ по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ къ душевому пользованію, обусловливаясь, какъ было уже указываемо выше, причинами естественно-экономическаго характера, никоимъ образомъ не можетъ быть приписано вліянію пришлаго и въ частности—переселенческаго элемента: въ Томскомъ районѣ, гдѣ душевое пользованіе сдѣлало такіе значительные успѣхи, этотъ элементъ почти совершенно отсутствуетъ. Въ Чулымскомъ изъ тѣхъ 12 общинъ, въ которыхъ мы констатировали душевое владѣніе лугами, только пять (Красноярская, Благовѣщенская, Спасо-Яйская, Марьевская и Богуславская) оказались состоящими изъ новоселовъ, населеніе остальныхъ семи составляютъ старожилы, безъ всякой примѣси переселенческаго элемента.

мѣненіи къ сѣнокоснымъ угодьямъ, мы должны сказать еще, что община въ изслѣдованномъ краѣ и въ частности въ Томскомъ районѣ (въ Чулымскомъ, благодаря изобилію покосовъ, вопросъ не возникалъ), относится весьма бережно къ затрачиваемому отдѣльными общинниками на расчистку земли подъ покосъ труду: „чищобы", т. е. сѣнокосныя мѣста, расчищенныя отдѣльными общинниками въ сравнительно недавнее время и въ особенности — послѣ послѣдняго передѣла, пигдѣ не включаются въ число передѣляемыхъ угодій, а остаются въ исключительномъ пользованіи тѣхъ, кто ихъ расчищалъ. Въ случаѣ нарушенія со стороны общины, права на „чищобы" находитъ себѣ весьма энергическую охрану со стороны волостного суда, который признаетъ это право даже за лицами, не въ полной мѣрѣ участвующими или даже вовсе не участвующими въ платежахъ и повинностяхъ и потому, собственно говоря, не имѣющими права на пользованіе общинными угодьями *).

§ 3. Порядки пользованія лѣсами и кедровниками.

I. Способы пользованія лѣсами и мѣры къ сбереженію ихъ.

При господствѣ по отношенію ко всѣмъ видамъ земельныхъ угодій захватно-заимочнаго владѣнія, а также и нѣсколько позднѣйшей формы — вольнаго пользованія, каждому общиннику, — мало того, даже каждому проживающему въ общинѣ постороннему лицу предоставляется ничѣмъ не ограниченное право рубки общиннаго лѣса: община не стѣсняетъ никого ни въ отношеніи размѣровъ лѣсныхъ заготовокъ, ни цѣли ихъ, ни избираемаго мѣста: каждый можетъ рубить лѣсъ въ произвольномъ количествѣ, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ найму рабочихъ для заготовки лѣса и лошадей для вывозки его; онъ можетъ рубить лѣсъ и для потребностей собственнаго хозяйства, и на

*) Приводимъ для примѣра характерное рѣшеніе Спасскаго вол. суда отъ 2.VII 88, № 31: «Волостной судъ слушалъ жалобу крестьянина Филиппа Батрацкаго о томъ, что об«щество с. Спасскаго, отобрало у него расчищенный имъ покосъ, находящійся на острову «противъ д. Калтайской; мѣстность эта была заросщена и никому не была надѣлена; сель«скій староста Васильевъ объяснилъ, что отобрано у него покосное мѣсто расчищенное «имъ, потому что онъ платитъ половину противъ другихъ подати. Волостной судъ, имѣя «въ виду, что покосное мѣсто расчищалъ Филиппъ Батрацкій, почему и должно принад«лежать ему, а потому постановилъ: расчищенное Филиппомъ Батрацкимъ на острову «противъ юрть Калтайскихъ покосное мѣсто оставить въ его пользованіи, о чемъ объя«вить Батрацкому и старостѣ Васильеву, который долженъ о настоящемъ рѣшеніи объя«вить обществу с. Спасскаго».

продажу, можетъ рубить вездѣ, „куда топоръ ходитъ“, не стѣсняясь даже границами недоступныхъ въ другихъ отношеніяхъ для вторженія постороннихъ лицъ заимокъ.

Эта неограниченно-вольная форма пользованія лѣсами до сихъ поръ безраздѣльно господствуетъ въ изслѣдованномъ краѣ на всемъ протяженіи Чулымскаго района, какъ въ наиболѣе богатыхъ лѣсахъ, такъ и въ сравнительно обезлѣсенныхъ частяхъ этого послѣдняго, причемъ къ уже перечисленнымъ здѣсь присоединяется еще одна характерная черта: свобода пользованія лѣсомъ не ограничивается даже юридическими и обычными границами землевладѣнія отдѣльныхъ селеній и группъ селеній, а распространяется на всю территорію волости, иногда даже и за предѣлы этой послѣдней. Если вспомнить изложенное въ I томѣ настоящаго изслѣдованія по вопросу о лѣсахъ Чулымскаго района, то существованіе здѣсь неограниченной свободы пользованія лѣсами представляется совершенно понятнымъ: въ виду полнаго, вообще говоря, отсутствія сбыта для лѣсныхъ матеріаловъ и крайней дешевизны послѣднихъ, община не видитъ необходимости стѣснять эту свободу: чрезмѣрно большихъ заготовокъ лѣса и въ частности — заготовокъ на продажу никто не производитъ, лѣса, не смотря на вырубки и пожары, много („на нашъ вѣкъ хватитъ“), — слѣдовательно мѣръ къ охраненію лѣса принимать не стоитъ; съ другой стороны — лѣсъ на корню совершенно не имѣетъ цѣны, слѣдовательно никто не заинтересованъ въ установленіи по отношенію къ нему порядковъ дуневаго пользованія.

Совсѣмъ другія условія мы видимъ, благодаря близости города, въ Томскомъ районѣ. Выгодный сбытъ, который находятъ себѣ на городскомъ базарѣ лѣсные матеріалы, съ одной стороны повышаетъ цѣны этихъ послѣднихъ выше заготовительной стоимости и слѣдовательно создаетъ для лѣса рентную цѣнность, съ другой — побуждаетъ крестьянъ, имѣющихъ къ тому средства, къ усиленнымъ лѣснымъ заготовкамъ, другими словами — къ усиленному лѣсоистребленію: „дай богатому волю,—говорятъ крестьяне,—онъ изъ нашей дачи весь лѣсъ повывозитъ!“ Понятно, что община въ Томскомъ районѣ не можетъ уже относиться индифферентно къ порядкамъ пользованія лѣсами: видя въ растущемъ лѣсѣ нѣкоторую цѣнность, она прежде всего вспоминаетъ о своемъ правѣ на исключительное пользованіе всѣми угодьями, въ томъ числѣ и лѣсами, и перестаетъ допускать постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и „чужедеревенскихъ“ крестьянъ, къ пользованію ея лѣсомъ: во всемъ Томскомъ районѣ, дѣйствительно, волостное единство въ пользованіи лѣсами исчезло, и крестьяне пользуются правомъ рубки лѣса исключительно въ дачахъ своихъ селенныхъ общинъ. Нѣкоторыя особенно богатыя лѣсомъ общины (напр.,

Нелюбинская и Губинская Нелюб. вол.), правда, пускаютъ безпрепятственно рубить въ своей дачѣ лѣсъ крестьянъ ближайшихъ бѣдныхъ лѣсомъ селеній, но дѣлаютъ это исключительно „изъ чести", вполнѣ сознавая свое право не допускать посторонннихъ крестьянъ. Въ большинствѣ же случаевъ общины допускаютъ чужихъ—хотя-бы и одноволостныхъ — крестьянъ рубить лѣсъ не иначе, какъ за опредѣленную поденную или посаженную плату (такіе случаи особенно распространены въ южной части Нелюбинской волости).

Итакъ, повторяемъ, первое слѣдствіе усиленнаго спроса на лѣсъ, обусловливаемаго близостью города,—это полное обособленіе, въ смыслѣ пользованія лѣсомъ, отдѣльныхъ селенныхъ общинъ, прежде сливавшихся въ этомъ отношеніи въ одно волостное цѣлое. Какъ только совершилось это обособленіе, община сейчасъ-же сознаетъ себя заинтересованною въ охранѣ лѣсовъ отъ чрезмѣрно быстраго истребленія. Она далеко не сразу приходитъ, однако, къ мысли о необходимости измѣненія самихъ основъ прежняго порядка пользованія лѣсами: онъ долго оставляетъ принципъ вольнаго пользованія неприкосновеннымъ и только принимаетъ мѣры противъ злоупотребленій этимъ принципомъ со стороны зажиточныхъ общинниковъ: не стѣсняя ихъ, сначала, въ правѣ прибѣгать къ найму рабочихъ для заготовки лѣсныхъ матеріаловъ, она въ то-же время запрещаетъ прибѣгать къ найму лошадей для доставки этихъ матеріаловъ на рынокъ, чѣмъ, разумѣется, кладется нѣкоторый, хотя и весьма растяжимый, предѣлъ размѣрамъ лѣсныхъ заготовокъ зажиточныхъ крестьянъ. Въ то-же время община отчасти выходитъ и изъ прежняго безучастнаго отношенія къ самому способу производства порубокъ лѣса: въ Чулымскомъ районѣ, какъ мы имѣли случай указывать въ I томѣ настоящаго изслѣдованія, порубки производятся самымъ безпорядочнымъ способомъ: почва засоряется сучьями и обрубками деревьевъ, дающими превосходную пищу для лѣсныхъ пожаровъ: вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко заваливаются сучьями и мѣста, годныя для сѣнокошенія, что въ виду изобилія и малоцѣнности покосовъ никого не смущаетъ. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ сѣнокосовъ гораздо меньше, цѣнность ихъ довольно значительна, а многіе изъ нихъ въ значительной мѣрѣ созданы трудомъ, затраченнымъ на ихъ расчистку, община требуетъ къ нимъ болѣе бережнаго отношенія: если производится порубка лѣсныхъ насажденій на мѣстахъ, служащихъ въ то-же время для сѣнокошенія, она заставляетъ порубщика очищать такія мѣста отъ сучьевъ и т. п., вообще—приводить ихъ въ такой-же удобный для сѣнокошенія видъ, въ какомъ они были раньше.

Дальше этого развитіе формъ пользованія не пошло въ значительной, сравнительно удаленной отъ г. Томска, части Томскаго района, а

именно во всей Нелюбинской волости, кромѣ с. Иглакова, въ Семилужной — кромѣ нѣсколькихъ селеній ближайшаго къ Томску Лязгинскаго с. о., а въ Спасской волости въ д. Пѣтуховой, Головинной и Кисловой. Здѣсь, слѣдовательно, лѣса состоятъ въ вольномъ пользованіи крестьянъ каждой данной селенной общины; право на рубку лѣса, совершенно независимое отъ участія въ платежѣ податей и сборовъ, ограничивается только запрещеніемъ возить на продажу заготовленный лѣсъ на нанятыхъ подводахъ; въ выборѣ мѣста для порубокъ общинникамъ предоставляется полная свобода, но при заготовкахъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ на нихъ возлагается обязанность очистки вырубленныхъ мѣстъ отъ сучьевъ.

Пользованіе лѣсами въ Спасской волости и въ нѣсколькихъ названныхъ выше общинахъ Семилужной и Нелюбинской волостей облекается уже въ гораздо болѣе совершенныя формы, представляющія собой проявленіе двухъ совершенно различныхъ принциповъ: принципа передѣла на душевые участки и принципа вырубки по лѣсосѣкамъ. Крайнее разнообразіе комбинацій этихъ двухъ принциповъ вмѣстѣ съ высокимъ теоретическимъ и практическимъ интересомъ вопроса о порядкахъ пользованія лѣсами заставляетъ насъ дать подробный обзоръ порядковъ пользованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсохраненія, выработанныхъ всѣми отдѣльными общинами указанной небольшой пригородной области.

С. *Иглакова* (Нелюб. вол.). Въ 1877 году „запрещено“ около половины всѣхъ общинныхъ лѣсовъ — участокъ около 4 верстъ длины и 1 версты ширины, срокомъ до 1891 года, когда запрещеніе съ этого участка имѣло быть снято и перенесено на остальную часть лѣсовъ. Въ не состоящемъ подъ запрещеніемъ лѣсу каждый общинникъ можетъ рубить безъ ограниченія.

Д. *Нехорошева* (Семилуж. вол.). Лѣсъ передѣленъ на постоянные душевые участки въ двухъ сортахъ: хвойный лѣсъ особо, березнякъ — особо. Душевые участки въ каждомъ сортѣ нарѣзывались „глазомѣрно“ и границы ихъ опредѣлялись тропинками или „засѣками“. Разборъ участковъ производится по обоюдному соглашенію: „ты здѣсь бери, а не глянется — я возьму“.

Д. *Корнилова* и *Родіонова* (Семилуж. вол.). Лѣсъ передѣленъ на постоянные участки тѣмъ-же способомъ, что и въ предыдущемъ случаѣ; часть лѣса, ближайшая къ Сибирскому тракту, осталась не раздѣленною, такъ какъ постоянныя самовольныя порубки, производимыя горожанами, дѣлаютъ охраненіе лѣса въ этихъ урочищахъ невозможнымъ.

Въ д. *Лязгиной*, *Бражкиной* и *Круглыхиной* (той-же вол.) лѣсъ по способу пользованія можетъ быть разбитъ на три категоріи: а) въ *добавочномъ* общемъ *участкѣ*, отведенномъ всѣмъ тремъ селеніямъ,

онъ остался въ вольномъ пользованіи, благодаря чему въ настоящее время онъ почти совершенно истребленъ; б) лѣсъ, растущій въ *поскотинахъ* въ д. Лязгиной и Круглыхиной также остался въ вольномъ пользованіи и тоже почти истребленъ; въ д. Бражкиной этотъ лѣсъ (хвойный) состоитъ подъ запрещеніемъ, которое снимается разъ въ 10 лѣтъ: для вырубки заказной лѣсъ раздѣляется на мѣрные участки (10 × 1 десятисаженныхъ веревокъ = 1000 кв. саж. на душу), которые разбираются по жребію; в) лѣсъ, растущій *внѣ поскотины* — „по сланямъ", передѣленъ на души тѣмъ-же способомъ, что и въ названныхъ ранѣе селеніяхъ Семилужной волости.

Въ с. *Спасскомъ* (Спасск. вол.) пользованіе лѣсомъ также организовано двоякимъ порядкомъ: а) лѣсъ въ *поскотинѣ* съ 1850 по 1860 г. былъ подъ безусловнымъ запрещеніемъ; въ 1860 г. его передѣлили на душевые участки, которые нарѣзывались безъ мѣры такимъ образомъ, чтобы пространство каждаго участка было обратно пропорціонально качеству; въ 1889 году лѣсъ былъ передѣленъ вновь, но на этотъ разъ уже мѣрными участками, по $2^1/_2$ десятины на „годную душу", „а старикамъ и вдовицамъ по одной съ четвертью десятины, и по передѣлкѣ всего лѣса по согласію между собою, что если у кого окажется излишекъ, то рощенный лѣсъ не отбирать, а взять вырубленный безобидно" (пригов. Спасскаго с. сх. 16. V. 1889); передѣлъ былъ такимъ образомъ произведенъ способомъ отрѣзки излишковъ [*]) въ той его формѣ, которая наиболѣе благопріятствуетъ выращиванію лѣса на душевыхъ надѣлахъ. — б) По „сланямъ", *внѣ поскотины*, лѣсъ передѣленъ душевыми участками, нарѣзанными „глазомѣрно", съ соблюденіемъ обратной пропорціональности размѣра участковъ качеству лѣса; разбирались участки тоже отрѣзкой излишковъ.

Душевые участки въ с. Спасскомъ не предоставляются, однако, какъ въ большинствѣ другихъ общинъ, въ неограниченное распоряженіе надѣляемыхъ ими общинниковъ: лѣсъ *не дозволяется вырубать до тла*, а деревья толщиною „въ оглоблю" и менѣе должны оставаться на выростъ — и въ случаѣ намѣреннаго нарушенія этого запрещенія, община не останавливается предъ довольно энергическими мѣрами, какъ видно изъ слѣдующаго случая: незадолго до 1889 года одинъ крестьянинъ, имѣя сдать „въ общество" участокъ своего сына, взятаго на военную службу, предварительно вырубилъ на немъ весь лѣсъ до тла; за это община при передѣлѣ 1889 г. „посадила его самого на эти вырубки". Благодаря такому порядку „малолѣтки" при переѣлѣ получали такую

*) См. «Матер.», вып. V, стр. 265—269.

заросль, которая уже чрезъ 5 — 6 лѣтъ можетъ обратиться въ порядочный дровяной лѣсъ.

Д. *Батурина* (той-же вол.); лѣсныя заросли въ смыслѣ порядка пользованія распадаются на четыре разряда: 1) *березовый* лѣсъ, а) въ *поскóтинѣ* находился 15 лѣтъ подъ запрещеніемъ; теперь его вырубаютъ ежегодно по 10 сажень(однополѣнн.) на платежную душу, — количество, по заявленію крестьянъ, не ведущее къ замѣтной убыли лѣса; б) „на *сланяхъ*“ — въ вольномъ пользованіи, причемъ, однако, деревья толщиною въ оглоблю и менѣе рубить воспрещается; 2) *сосновый* лѣсъ, а) въ *поскотинѣ* лѣтъ 20 тому назадъ запрещенъ на неопредѣленный заранѣе срокъ и до сихъ поръ состоитъ подъ запрещеніемъ; б) „на *сланяхъ*“ — въ вольномъ пользованіи; но рубка его на продажу и на дрова воспрещена общиной, такъ что онъ служитъ исключительно для крестьянскихъ построекъ.

Въ д. *Вороновой* лѣсъ передѣленъ лѣтъ 15 тому назадъ—около 1875 г.; о способѣ передѣла крестьяне разсказывали такъ: „выѣхали верхами и расповытили (разграничили): это твоя грива, это моя; а не хочешь ты, такъ я на нее сяду“. При передѣлѣ оставили для „прибылыхъ“ душъ довольно большой запасной участокъ, благодаря чему съ 1875 г. не пришлось возобновлять передѣла.

Въ д. *Ипатовой* и *Лучановой* лѣса распредѣлены въ каждой на двѣ лѣсосѣки, которыя запрещаются поочередно: „запрещеніе“ каждой лѣсосѣки продолжается отъ 5 до 7 лѣтъ („дольше бѣдноте не терпится“!), по истеченіи которыхъ лѣсосѣка раздѣляется „глазомѣрно“ на душевые участки, которые отводятся общинникамъ по соглашенію или по жребію и вырубаются по усмотрѣнію.

Въ д. *Аксеновой*, *Ниж.-Шубиной* и *Бѣлоусовой* лѣсъ, растущій *внѣ поскóтины*, былъ передѣленъ лѣтъ 30 тому назадъ на „глазомѣрные“ душевые участки, размѣръ каждаго изъ которыхъ было обратно пропорціоналенъ качеству лѣса; съ тѣхъ поръ общаго передѣла не было; „малолѣтовъ“ сажаютъ на „убылыя души“ или образуютъ для нихъ „пайки“ изъ заросшихъ лѣсомъ „выпашей“. Въ *поскóтинѣ* лѣсъ въ Бѣлоусовой оставался въ вольномъ пользованіи, благодаря чему въ настоящее время его совершенно не осталось; въ Н.-Шубиной онъ запрещается цѣликомъ и запрещеніе снимается чрезъ 7—8 лѣтніе періоды, и лѣсъ вырубается на началахъ вольнаго захвата; въ Аксеновой онъ уже давно передѣленъ на постоянные душевые участки; послѣдніе нарѣзывались съ мѣры, по 2 десятины на душу, но къ тѣмъ участкамъ, гдѣ лѣсъ былъ плохъ, дѣлались прирѣзки изъ „закрайковъ“; новаго передѣла съ тѣхъ поръ не было, и „малолѣты“ „поскòтинныхъ пайковъ“ не получаютъ.

Въ д. *Большаниной* и *Федосѣевой* всѣ лѣсныя заросли разбиты въ каждой на 2 лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются и пускаются въ рубку: въ первой – чрезъ 35 — 40 лѣтніе, во второй — чрезъ 7 — 8 лѣтніе промежутки времени; разница въ продолжительности сроковъ запрещенія зависитъ отъ того, что въ Федосѣевой въ окладъ поступаетъ больше „малолѣтовъ", которые и настаиваютъ на болѣе скоромъ снятіи запрещенія. Пускаемая въ рубку лѣсосѣка дѣлится „глазомѣрно" на душевые участки (по величинѣ обратно пропорціонально качеству лѣса), которые разбираются по жребію: „малолѣты", вписанные въ окладъ въ промежуткѣ между двумя запрещеніями, остаются безъ лѣса до ближайшаго снятія запрещенія.

Въ д. *Просѣкиной* лѣсъ, растущій въ поскотинѣ состоитъ подъ постояннымъ запрещеніемъ („ростится"), и только время отъ времени назначается въ вырубку отъ 3 до 5 сажень дровъ на душу. Остальные лѣса этого селенія, равно какъ и всѣ лѣса д. *Аникиной* и *Исаревой* разбиты на двѣ лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются на 10 —15 лѣтній срокъ; но такъ какъ, съ одной стороны, лѣсъ въ пущенной въ рубку лѣсосѣкѣ истощается скорѣе, а съ другой—благодаря установленному общиною обычаю не рубить лѣса до тла (оставляютъ даже 2 - 3 вершковыя деревья), лѣсъ въ запрещенной лѣсосѣкѣ весьма скоро подростаетъ до довольно крупныхъ размѣровъ (4—5 в.), то запрещеніе всегда снимается раньше срока, обыкновенно по истеченіи 6—7 лѣтъ. Пускаемая въ рубку лѣсосѣка передѣляется „глазомѣрными" душевыми участками, которые разбираются по обоюдному соглашенію или по жребію.

Въ д. *Кучумовой*, *Еркиной* и *Плотниковой* лѣса передѣлены въ 1863 г. на постоянные душевые „глазомѣрные" участки, размѣръ которыхъ былъ обратно пропорціоналенъ качеству лѣса. Общаго передѣла съ тѣхъ поръ не было. „Малолѣтамъ", по мѣрѣ ихъ поверстанія въ окладъ, отводятъ пайки „убылыхъ" душъ или образуютъ для нихъ душевые участки путемъ „глазомѣрныхъ" отрѣзокъ отъ пайковъ „старыхъ" душъ; отрѣзки эти захватываютъ по преимуществу вырубленныя мѣста, оставляя „рощенныя" „старымъ" душамъ, и по мѣрѣ возможности сводятся къ однимъ мѣстамъ.

Въ с. *Протопоповомъ* и д. *Протопоповой* лѣсъ раздѣленъ на 2 лѣсосѣки и „запрещается" черезъ 7 — 8 лѣтніе промежутки времени; въ рубку лѣсосѣки пускаются „глазомѣрными" душевыми участками.

Въ д. *Заварзиной*, *Бородиной* и *Хайдуковой* общинные лѣса въ смыслѣ порядковъ пользованія распадаются на нѣсколько категорій: 1) лѣсъ *въ поскотинахъ*; а) *березовый* во всѣхъ трехъ селеніяхъ былъ въ теченіе около 10 лѣтъ подъ заказомъ; когда онъ подросъ — за-

казъ спяли и начали ежегодно производить вырубки дровъ въ количествѣ, опредѣленномъ общиною (въ Заварзиной и Хайдуковой по 5 саж., въ Бородиной по 2 саж. на душу, „полудушки“—въ половину); б) *словый* и *мачтовый* выросшенъ путемъ продолжительнаго запрещенія до крупныхъ размѣровъ; его рубятъ только на постройки (изъ этого лѣса выстроены всѣ дачи), каждый разъ съ особаго разрѣшенія общины, которое дается ежегодно одному или двумъ хозяевамъ; продажа этого лѣса безусловно воспрещена. Оберегая лѣса въ поскотинѣ, общины преслѣдуютъ цѣлью, между прочимъ, привлеченіе дачниковъ, которые ѣздятъ въ названныя селенія главнымъ образомъ изъ-за здороваго лѣснаго воздуха. 2) Лѣсъ *внѣ поскотины* въ Заварзиной остается въ неограниченномъ вольномъ пользованіи, благодаря чему теперь почти совершенно истребленъ; въ Бородиной и Хайдуковой лѣсъ передѣленъ на постоянные душевые участки, которые, въ видахъ обезпеченія лучшей очистки отъ сучьевъ и т. п., отводились каждому общиннику въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ сѣнокосный пай („гдѣ покосъ, тамъ и лѣсъ“); душевые участки нарѣзывались „глазомѣрно“: гдѣ лѣсъ рѣже, отводилось больше мѣста, и обратно. При передѣлѣ былъ оставленъ запасъ на прибылыя души, благодаря чему душевые участки „старыхъ душъ“ остаются неприкосновенными безъ нарушенія интересовъ „малолѣтовъ“.

Въ д. *Оловяшниковой* двѣ лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются и пускаются въ рубку каждые 3—4 года („дольше нужда не терпитъ“!): для вырубки лѣсосѣка дѣлится на „глазомѣрные“ душевые участки.

Въ д. *Савиной* и *Жуковой* всѣ лѣса раздѣлены на постоянные душевые участки неопредѣленнаго размѣра („гдѣ лѣсъ хуже, тамъ пай побольше“), которые отводились каждому общиннику въ однихъ мѣстахъ съ сѣнокосными паями. Прибылыя души садятся на участки убылыхъ.

Приведенный обзоръ показываетъ, что въ ближайшей къ Томску части пригороднаго района, населенной, замѣтимъ здѣсь-же, исключительно старожилами, безъ малѣйшей примѣси переселенческаго элемента, встрѣчаются, несмотря на малочисленность входящихъ въ составъ этой части общинъ, крайне разнообразные порядки пользованія лѣсами. Если сосчитать всѣ разновидности этихъ порядковъ и всѣ комбинаціи ихъ, то число тѣхъ и другихъ окажется, вѣроятно, больше числа самихъ общинъ!... Чтобы разобраться въ разнообразіи этихъ порядковъ, мы должны попробовать сгруппировать ихъ согласно основнымъ положеннымъ въ основаніе каждаго отдѣльнаго порядка принципамъ. Группировка эта приметъ слѣдующій видъ:

А) *Вольное пользованіе:*

1) безусловно неограниченное (если не считать запрещенія нанимать лошадей для вывозки заготовленнаго лѣса на продажу и обязанности убирать сучья съ покосныхъ мѣстъ).
2) съ запрещеніемъ заготовокъ для продажи (сосн. лѣсъ въ д. Батуриной).
3) съ запрещеніемъ вырубки молодыхъ деревьевъ (берез. лѣсъ вне посѣтины въ д. Батуриной).

Б) *Единовременное запрещеніе всего лѣса на промежутокъ времени, достаточный для приведенія его въ удовлетворительное состояніе:*

1) періодическое съ безпорядочною вырубкою по истеченіи срока (лѣсъ въ посѣтинѣ д. Нижне-Шубиной).
2) съ послѣдующими ежегодными вырубками опредѣленныхъ (на душу) количествъ дровъ (берез. лѣсъ въ посѣтинахъ д. Батуриной, Заварзиной, Бородиной, Хайдуковой).
3) съ такими-же вырубками, но не ежегодными, а по мѣрѣ подроставія лѣса (д. Просѣкина).
4) съ разрѣшеніемъ вырубокъ только по мѣрѣ надобности (хвойный лѣсъ въ д. Заварзиной, Бородиной и Хайдуковой).
5) съ послѣдующимъ передѣломъ на постоянные душевые участки (с. Спасское).
6) періодическое съ вырубкой лѣса по временнымъ душевымъ участкамъ (хвойный лѣсъ въ д. Бражкиной).

В) *Поочередное періодическое запрещеніе лѣса по частямъ.*

1) Пускаемая въ рубку лѣсосѣка поступаетъ въ вольное пользованіе (с. Иглаково, д. Нижне.-Шубина).
2) Пускаемая въ рубку лѣсосѣка раздѣляется на время до слѣдующаго запрещенія на душевые участки; послѣдніе всегда нарѣзываются „глазомѣрно“ (пространство обратно пропорціонально качеству лѣса) и разбираются по соглашенію или по жребію (д. Ипатова, Лучанова, Федосѣева, Большанина, Аникина, Псарева, Просѣкина, Протопопова, с. Протопопово, д. Оловянишникова).

Г) *Пользованіе лѣсомъ въ постоянныхъ душевыхъ участкахъ* (передѣлъ).

1) Передѣлъ мѣрными участками съ отводомъ ихъ по „старинѣ“ — отрѣзкою излишковъ (с. Спасское).
2) Передѣлъ „глазомѣрными“ участками, пространство каждаго

изъ которыхъ тѣмъ больше, чѣмъ хуже качество лѣса. Различаются слѣдующія разновидности:

а) по способу первоначальнаго отвода душевыхъ участковъ:
   аа) отводъ по неоформленному соглашенію „это твой пай — а это мой; не глянется тебѣ — я возьму“ (д. Нехорошева, Корнилова, Родіонова, Воронова; внѣ поскотинъ лѣсъ въ д. Лязгиной, Бражкиной, Круглыхиной).
   бб) отводъ по принципу „гдѣ покосъ, тамъ и лѣсъ“ (д. Бородина, Хайдукова, Савина, Жукова).
   вв) отводъ по принципу „старшинства“—отрѣзкою излишковъ (с. Спасское)
   гг) во многихъ общинахъ способъ первоначальнаго отвода участковъ, за продолжительностью истекшаго съ тѣхъ поръ времени, не могъ быть выясненъ.

б) по способу обезпеченія лѣсомъ прибылыхъ душъ (если не хватаетъ пайковъ убылыхъ душъ)
   аа) прибылыя души вовсе не получаютъ лѣса (поскотинный лѣсъ въ д. Аксеновой)
   бб) „старыя“ души пользуются лѣсными пайками неприкосновенно; прибылымъ душамъ пайки отводятся изъ запасныхъ участковъ (д. Воронова, Бородина, Хайдукова, Савина, Жукова)
   вв) „старыя“ души пользуются лѣсомъ неприкосновенно; для прибылыхъ душъ пайки формируются изъ заросшихъ лѣсомъ „выпашей“ (лѣса „по славямъ“ въ Н.-Шубинной, Бѣлоусовой, Аксеновой)
   гг) пайки для прибылыхъ душъ образуются путемъ „глазомѣрныхъ“ отрѣзокъ отъ пайковъ старыхъ душъ (Кучумова-Еркина, Плотникова).
   дд) Въ остальныхъ общинахъ для прибылыхъ хватало свободныхъ пайковъ, оставшихся отъ убылыхъ душъ, и разсматриваемый вопросъ не возникалъ.

Разобраться въ этомъ чрезвычайномъ разнообразіи формъ пользованія лѣсами не легко; въ частности мы совершенно не имѣемъ никакихъ данныхъ для выясненія причинъ, почему общины въ видахъ достиженія нѣкоторой равномѣрности въ пользованіи общинными лѣсами, а также и въ видахъ предохраненія послѣднихъ отъ истребленія, въ однихъ случаяхъ обращались къ однимъ, въ другихъ — къ другимъ порядкамъ, иногда — къ лѣсосѣчной системѣ къ той или другой ея формѣ, иногда къ передѣлу лѣсовъ на постоянные душевые участки:

мы не можемъ даже сказать, какого рода порядки стали возникать ранѣе, какіе—позже: съ одной стороны мы имѣемъ указанія на случаи „запрещеній“, имѣвшіе мѣсто въ началѣ 50-хъ годовъ и даже ранѣе, съ другой — есть указанія на передѣлы, произведенные столь давно, что крестьяне успѣли забыть о порядкѣ, какимъ эти передѣлы были произведены. Мы не имѣемъ также никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли-бы попытаться представить будущій ходъ развитія формъ пользованія лѣсами и способовъ охраненія ихъ: ни лѣсосѣчная система не обнаруживаетъ, сколько мы знаемъ, никакой тенденціи къ переходу въ систему передѣла на постоянные участки, ни, наоборотъ, не наблюдается случаевъ перехода отъ этихъ послѣднихъ къ системѣ лѣсосѣкъ и запрещеній.

Если затѣмъ поставить себѣ вопросъ, какая изъ двухъ системъ представляется болѣе желательною въ интересахъ лѣсоохраненія, то отвѣтъ будетъ, кажется намъ, въ пользу постоянныхъ душевыхъ участковъ. Въ самомъ дѣлѣ: система поочередныхъ запрещеній и вырубокъ по лѣсосѣкамъ можетъ привести лѣса въ хорошее состояніе только при продолжительныхъ срокахъ запрещеній: въ 25, 20, 15 лѣтъ „запрещенный“ лѣсъ можетъ, конечно, достаточно подрости; если, напротивъ, какъ мы это видѣли во многихъ общинахъ, лѣсъ запрещается на 7, 5, даже на 3 года, то такія запрещенія могутъ, очевидно, обезпечить общину развѣ только плохимъ дровянымъ лѣсомъ, а никакъ не могутъ привести общинныхъ лѣсовъ въ удовлетворительное состояніе. Между тѣмъ условія, дѣйствующія рѣшительно въ каждой общинѣ, неуклонно ведутъ къ сокращенію сроковъ запрещеній. Съ одной стороны этого требуютъ интересы зачисляемыхъ въ окладъ въ промежутокъ времени между двумя запрещеніями „малолѣтовъ“, которые впредь до назначенія въ рубку находящагося въ данный моментъ подъ запрещеніемъ участка остаются совершенно безъ лѣснаго довольствія; съ другой—на сокращеніи сроковъ настаиваетъ деревенская „бѣднота“, которая, побуждаемая нуждой, въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ вырубаетъ достающіеся ей въ свободной отъ запрещенія лѣсосѣкѣ найки и затѣмъ, при продолжительномъ срокѣ запрещенія, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ остается безъ лѣса. Весьма сильныя въ общинѣ группы „малолѣтовъ“ и „бѣдноты“, такимъ образомъ, крайне заинтересованы въ сокращеніи сроковъ запрещеній, и настоянія ихъ не находятъ себѣ достаточнаго противувѣса, такъ какъ въ продолжительности сроковъ явно и положительно не заинтересована ни одна изъ существующихъ въ общинѣ группъ. Совсѣмъ другое при существованіи постоянныхъ душевыхъ участковъ: мы не знаемъ, какъ производился во многихъ случаяхъ первоначальный отводъ такихъ участковъ при переходѣ

отъ вольнаго пользованія къ душевому, — да это для интересующаго насъ въ настоящую минуту вопроса и не имѣетъ значенія; но какъ только произошелъ этотъ переходъ, — сейчасъ-же является сильная группа общинниковъ, которые „ростятъ“ свой лѣсъ и потому заинтересованы въ охранѣ неприкосновенности своихъ душевыхъ участковъ; и опираясь на свои вполнѣ законныя права, эта группа всегда имѣетъ на установляемые по отношенію къ пользованію лѣсами порядки преобладающее вліяніе: почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ разъ произведенный коренной передѣлъ общинныхъ лѣсовъ больше не возобновлялся, и производилось только частичное надѣленіе лѣсомъ вновь верставшихся въ окладъ „малолѣтнихъ“ душъ; огромное большинство послѣднихъ надѣлялось лѣсными участками убылыхъ душъ или, при недостачѣ такихъ участковъ, участками, вновь образовывавшимися изъ заросшихъ лѣсомъ „выпашей“ или нарѣзанными изъ оставленнаго при передѣлѣ запаса; только въ трехъ общинахъ, пользующихся землею въ одной общей дачѣ, для надѣленія прибылыхъ душъ дѣлались отрѣзки отъ душевыхъ участковъ „старыхъ“ душъ, и всего въ одной общинѣ былъ повторенъ общій передѣлъ, почти чрезъ 30 лѣтъ послѣ перваго. Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ и при частичныхъ отрѣзкахъ для надѣленія прибылыхъ душъ, интересы владѣльцевъ душевыхъ участковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы лѣсоохраненія, были въ полной мѣрѣ обезпечены: во владѣніи ихъ оставлялись всегда лучшія, „рощенныя“ части состоявшихъ въ ихъ пользованіи участковъ, и только сравнительно вырубленныя, плохія мѣста отрѣзывались и отводились въ пользованіе „малолѣтамъ“; имъ предоставлялась такимъ образомъ возможность воспользоваться плодами выразившейся въ „выращиваніи“ лѣса бережливости, а отдавать „на общество“ приходилось такія части своихъ прежнихъ участковъ, изъ которыхъ они уже успѣли извлечь соотвѣтствующій доходъ; и мы едва-ли ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что и будущіе передѣлы общинныхъ лѣсовъ будутъ произведены тѣмъ-же порядкомъ, сущность и основная мысль котораго заключается въ томъ, что *„всякій продолжаетъ пользоваться тѣмъ „лѣсомъ, какой онъ для себя выростилъ*: кто, слѣдовательно, до пе„редѣла берегъ свой лѣсъ, не рубилъ его, тотъ сохраняетъ хорошій „лѣсъ и послѣ передѣла; кто напротивъ вырубилъ свой лѣсъ, тотъ „(какъ-бы въ наказаніе) и послѣ передѣла остается на своихъ вы„рубкахъ“ *); что́ касается до „малолѣтовъ“, то они не принимали участія въ „рощеніи“ лѣса и потому не имѣютъ права на надѣленіе хорошимъ лѣсомъ; община, отводя имъ участки сравнительно вырублен-

*) См. «Матер.», вып. V, стр. 263 и сл.

наго или молодого лѣса, имѣетъ въ виду, съ одной стороны, снабдить ихъ на ближайшее время топливомъ, съ другой—дать имъ возможность заняться „рощеніемъ“ лѣса и слѣдовательно создать для себя и для своихъ потомковъ возможность пользоваться лѣсомъ болѣе крупныхъ размѣровъ и хорошаго качества.

Ясно, что порядокъ, которымъ организовано въ описываемой мѣстности душевое пользованіе лѣсами, представляется въ высокой степени соотвѣтствующимъ интересамъ лѣсоохраненія. Онъ погрѣшаетъ, можетъ быть, въ другую сторону, слишкомъ сурово наказывая бѣдняковъ и нерадивыхъ хозяевъ, не смогшихъ или не съумѣвшихъ уберечь отведеннаго имъ при передѣлѣ лѣса, а также недостаточно обезпечивая интересы „малолѣтовъ“, принужденныхъ довольствоваться, безъ всякой вины съ ихъ стороны, чужими вырубками. Но если, какъ можно ожидать, установленное уже нѣкоторыми общинами ограниченіе безграничной свободы вырубки лѣса на душевыхъ надѣлахъ сдѣлается общимъ правиломъ въ всѣхъ общинахъ разематриваемой мѣстности, то—независимо отъ еще болѣе полнаго достиженія цѣлей лѣсоохраненія—и указанная погрѣшность будетъ въ значительной мѣрѣ устранена: если будетъ запрещена вырубка молодыхъ деревьевъ („въ оглоблю“), то съ одной стороны бѣдняки и нерадивые хозяева утратятъ возможность до тла истреблять лѣсъ на своихъ надѣлахъ, а слѣдовательно и при слѣдующихъ передѣлахъ не останутся безъ лѣса; съ другой—„малолѣты“ будутъ получать не одни „поньки“, а молодой лѣсъ, способный чрезъ нѣсколько лѣтъ подрости до достаточно крупныхъ размѣровъ, а топливо давать съ самого момента его отвода.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы и позволяемъ себѣ думать, что порядокъ передѣла лѣсовъ на постоянные душевые участки, въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуя духу общиннаго пользованія угодьями, обѣщаетъ въ смыслѣ лѣсоохраненія гораздо болѣе благопріятныя послѣдствія, нежели способъ періодическихъ запрещеній по лѣсосѣкамъ. Едва-ли не еще лучше былъ-бы способъ нормировки ежегодныхъ заготовокъ лѣса, принятый нѣсколькими общинами Спасской волости,—но этотъ способъ могъ-бы обѣщать хорошіе результаты только въ случаѣ строгаго соотвѣтствія размѣровъ ежегодныхъ вырубокъ размѣрамъ ежегоднаго прироста,—соотвѣтствія, установить которое община едва-ли въ состояніи.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ вопросъ объ относительныхъ достоинствахъ того или другого изъ выработанныхъ Томскою пригородною общиною способовъ организаціи пользованія лѣсами, мы должны однако сказать въ заключеніе, что общее вліяніе на состояніе казенно-крестьянскихъ лѣсовъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ общиною для урегулиро-

ванія пользованія лѣсами и сбереженія послѣднихъ, представляется въ высокой степени благотворнымъ: исключительно благодаря этимъ мѣрамъ ближайшая къ городу часть Спасской волости сохранила свой лѣсистый характеръ, а Спасская волость вообще осталась одною изъ наиболѣе изобилующихъ лѣсомъ волостей изслѣдованнаго края. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проѣхать по дачамъ общинъ, примѣнившихъ передѣлъ или систему запрещеній только къ части своихъ лѣсовъ, а остальную часть оставившихъ въ вольномъ пользованіи (д. Заварзина, Бѣлоусова, Лязгина, Бражкина, Круглыхина): въ то время, какъ передѣленный или вошедшій въ составъ запрещаемыхъ лѣсосѣкъ лѣсъ сохранился въ удовлетворительномъ, а отчасти и въ хорошемъ состояніи, оставшійся въ вольномъ пользованіи лѣсъ совершенно истребленъ и оставилъ вмѣсто себя одни пни или мелкую заросль.

II. Способы пользованія кедровниками.

Какъ мы знаемъ уже изъ § 2 пятой главы настоящаго изслѣдованія *), кедровники въ составѣ крестьянскихъ дачъ имѣются только въ волостяхъ Томскаго района. Кедровый промыселъ, правда, существуетъ и въ Чулымскомъ районѣ, а мѣстами даже въ весьма крупныхъ размѣрахъ, но сборъ орѣховъ производится здѣсь въ кедровникахъ, не состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а растущихъ въ дачахъ единственнаго владѣнія казны. Какъ было указано тамъ-же, дѣятельность общины по отношенію къ состоящимъ въ общинной дачѣ кедровникамъ выражается прежде всего въ охраненіи ихъ отъ порубокъ; послѣднія безусловно воспрещены, и изъ этого воспрещенія община допускаетъ только одно изъятіе: срубить кедръ позволяется на гробъ („домовище“) для умершаго общинника. Запрещеніе поддерживается всѣмъ авторитетомъ общины, и въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ его нарушенія виновные наказываются волостнымъ судомъ въ высшей мѣрѣ предоставленной ему карательной власти. Далѣе общины принимаютъ мѣры и къ поддержанію кедровника въ хорошемъ состояніи: онѣ производятъ время отъ времени (артельнымъ трудомъ или наймомъ) сборы валежника, вырубаютъ мѣшающую росту кедровъ поросль посторонихъ породъ, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы сборъ орѣха, во избѣжаніе поврежденія деревьевъ, производился съ осторожностью, и т. д.. Этого мало: кедровники въ нѣсколькихъ случаяхъ являются прямымъ созданіемъ общины, которая вырубала цѣлыя рощи, гдѣ между деревьями лист

*) См. выше, стр. 15—24.

венныхъ породъ были разсѣяны отдѣльные кедры; послѣдніе, получивъ свободу, разрослались, появлялся свѣжій подростъ, и въ результатѣ общины пріобрѣтали прекрасные, густые, чистые кедровники.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ организаціи пользованія общинными кедровниками, мы нигдѣ не находимъ по отношенію къ нимъ формъ захватнаго и вольнаго пользованія, столь распространенныхъ еще по отношенію ко всѣмъ прочимъ видамъ общинныхъ угодій. Это и понятно: размѣры кедровниковъ настолько ограничены, а доходность ихъ при урожаяхъ орѣха настолько значительна, что община не можетъ отнестись индифферентно къ той крайней неравномѣрности распредѣленія, которая явилась-бы необходимымъ слѣдствіемъ существованія какого-либо изъ названныхъ порядковъ пользованія, и которая особенно обострилась-бы благодаря соблазну, представляемому высокою прибыльностью кедроваго промысла; короче сказать — переходъ по отношенію къ кедровникамъ къ тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго пользованія былъ необходимымъ слѣдствіемъ ихъ высокой рентной доходности.

Мы сказали, что „нигдѣ не находимъ“ въ примѣненіи къ кедровникамъ старыхъ формъ нерегулированнаго пользованія. Но это не совсѣмъ точно: мы не находимъ этихъ формъ только тамъ и тогда, гдѣ и когда сборъ орѣховъ имѣетъ промысловое значеніе. Тамъ, гдѣ кедровники, по своему ничтожному размѣру, дурному качеству или другимъ условіямъ даютъ лишь ничтожное количество орѣха, могущее служить только „дѣтямъ на забаву“ (д. Жукова, Оловянишникова, Аникина, Заварзина, Спасск. вол., д. Лязгина, Семилуж. вол.), тамъ община не интересуется ихъ судьбою (хотя тоже не допускаетъ порубокъ) и предоставляетъ желающимъ „забавляться шишкой“ по ихъ усмотрѣнію. Точно также и тамъ, гдѣ кедровники при хорошихъ урожаяхъ даютъ болѣе или менѣе значительный доходъ и соотвѣтственно этому подвергаются въ смыслѣ сбора регулирующему вмѣшательству общины, — при очень худыхъ урожаяхъ, когда сборъ имѣетъ только характеръ „забавы“ или въ лучшемъ случаѣ только оплачиваетъ работу сборщика, не давая никакого остатка на долю рентнаго дохода, община не вмѣшивается въ порядокъ сбора, предоставляя каждому собирать орѣхъ по его усмотрѣнію.

Обращаясь затѣмъ къ формамъ, въ которыя облекается регулированное пользованіе кедровниками, мы находимъ только въ одной общинѣ сравнительно очень несовершенную форму; именно въ д. *Нижне-Сыновой* (Нелюб. вол.) все вмѣшательство общины въ организацію пользованія кедровниками ограничивается назначеніемъ дня начала сбора и запрещеніемъ прибѣгать при этомъ послѣднимъ къ услугамъ наемныхъ рабочихъ; затѣмъ въ назначенный для сбора день семьи вы-

ходятъ, по усмотрѣнію, хотя-бы въ полномъ составѣ, и производятъ сборъ на началѣ вольнаго захвата; въ противуположность — какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго — всѣмъ остальнымъ общинамъ, право на пользованіе кедровникомъ не приведено здѣсь ни въ какую связь съ разверсткой платежей, а исключительно — съ рабочимъ составомъ семьи. Во всѣхъ остальныхъ общинахъ, гдѣ только существуетъ кедровый промыселъ, право на пользованіе кедровниками поставлено въ зависимость отъ участія въ раскладкѣ платежей, и въ частности — не столько податного оклада, сколько мірскихъ платежей: право на равномѣрное съ другими участіе въ сборѣ орѣха присваивается какъ всѣмъ ревизскимъ плательщикамъ, такъ и платящимъ „накладку“ „малолѣтамъ“, солдатамъ и даже проживающимъ въ селеніяхъ посторонимъ лицамъ. Напротивъ старики, платящіе „свою душу“, равно какъ и безподатные или платящіе только податной окладъ ссыльные считаются за „полудушки“ и пользуются правомъ на половинное участіе въ сборѣ орѣха.

Въ трехъ общинахъ Нелюбинской волости—*Зоркальцевской, Коломинской* и *Ниж.-Петровской*—соотвѣтствіе пользованія сборомъ орѣха размѣрамъ платежей достигается наиболѣе совершеннымъ способомъ—посредствомъ производимаго для каждаго сбора [illegible] на душевые участки; передѣлъ производится всегда въ то время, когда орѣхъ уже начинаетъ созрѣвать. Въ с. Зоркальцевомъ кедровникъ разбивается на „пятидушные“ участки; границы послѣднихъ опредѣляются общиною „глазомѣрно“, причемъ принимаются во вниманіе не только размѣры ожидаемаго сбора, но и различныя облегчающія или затрудняющія послѣдній условія; затѣмъ участки разбираются по жребію между „пятками“ (артелями по 5 разверсточныхъ душъ въ каждой), а внутри каждаго „пятка“ дѣлятся на душевые участки, которые разбираются между участниками „пятка“ по соглашенію или опять-таки по жребію. Жеребьевымъ-же способомъ производится разборъ душевыхъ участковъ въ д. Коломиной и Н.-Петровой; но здѣсь община нарѣзываетъ — „глазомѣрнымъ“-же порядкомъ — непосредственно душевые участки, и притомъ каждый изъ послѣднихъ—въ трехъ пайхъ: лучшемъ, среднемъ и худомъ.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ какъ Нелюбинской, такъ и остальныхъ двухъ волостей Томскаго района, гдѣ только существуетъ кедровый промыселъ, соотвѣтствіе сбора орѣховъ платежной раскладкѣ достигается способомъ, который можно обозначить названіемъ способа *регулированнаго захвата*. Община именно назначаетъ, прежде всего, день начала сбора, а затѣмъ — опредѣляетъ число работниковъ, какое каждая раскладочная „душа“ можетъ выпустить на сборъ. На

„душу“ всегда полагается одинъ полный работникъ — „лазакъ“, „сбивальщикъ“ или „колотильщикъ“, число же лицъ, занимающихся подъемомъ сбрасываемой этимъ работникомъ шишки, укладкой ея въ мѣшки и т. д. опредѣляется общиною въ зависимости отъ урожая даннаго года: въ огромномъ большинствѣ общинъ при худыхъ урожаяхъ „съ души выходитъ по сбивальщику со сборщикомъ“, при хорошихъ — „сбивальщикъ и два сборщика“. Гдѣ кедровники особенно обширны (напр. въ д. Губиной Нелюб. вол., Бобьевой Спасск. вол.), тамъ число вспомогательныхъ работниковъ доходитъ и до трехъ, а иногда къ нимъ присоединяется и четвертый — спеціально для вывозки собранной шишки въ усадьбу *). Когда общиной постановленъ приговоръ о числѣ имѣющихъ выйти съ каждой души на сборъ работниковъ, то каждый общинникъ можетъ распорядиться съ принадлежащимъ ему правомъ на участіе въ сборѣ по своему усмотрѣнію: онъ можетъ произвести сборъ самъ при помощи своихъ домашнихъ; можетъ, если находитъ это болѣе удобнымъ или не имѣетъ въ составѣ своей семьи соотвѣтствующихъ работниковъ, нанять и „сбивальщиковъ“ (или „лазаковъ“), и „сборщиковъ“ **); можетъ наконецъ продать свой „душевой пай“, т. е. передать за вознагражденіе свое право выпустить на сборъ установленное общиною число работниковъ другому лицу, хотя-бы и не принадлежащему къ составу общины. Въ назначенный для начала сбора день „сбивальщики“ и „сборщики“ въ соотвѣтствующемъ установленной общиною нормѣ числѣ выходятъ на сборъ, который и производится захватнымъ порядкомъ, такъ что количество добытаго на душу орѣха въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ умѣнья выбрать хорошее мѣсто и въ особенности — отъ ловкости „сбивальщика“: „который удалой, говорятъ крестьяне, тотъ вдвое противъ другого соберетъ“, — чѣмъ и объясняется весьма высокій размѣръ (до 5 р. въ день) получаемаго ловкими „сбивальщиками“ при наймѣ вознагражденія.

Подъ понятіе душевого пользованія кедровниками до нѣкоторой степени подходятъ наконецъ и тѣ случаи, когда община сдаетъ сборъ плохо родившейся шишки на откупъ, обращая полученныя деньги въ пользу мірскихъ суммъ, чѣмъ соотвѣтственно уменьшается размѣръ относимаго каждаго „годною душой“ на мірскіе расходы сбора.

---

*) Въ рѣшеніи Спасскаго вол. суда 16. IX. 86, № 26 мы читаемъ относительно сбора шишки въ д. Бобьевой въ 1886 г.: «одинъ долженъ лазить на кедры, три человѣка подбирать шишки, а четвертый возить домой».

**) «Приговоромъ постановленнымъ обществомъ», читаемъ мы въ томъ-же рѣшеніи, «относительно утвержденнаго имъ порядка для сбора шишекъ сказано [такъ равно и «создаты], должны, которые не лазятъ, вмѣсто себя нанять».

§ 4. Порядки пользованія пастбищами, усадьбами, огородами и т. п..

I. Порядки пользованія пастбищами.

Въ то время, когда захватно заимочная форма пользованія господствовала по отношенію къ пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ, дѣйствіе заимочнаго принципа до нѣкоторой степени распространялось и на пастбища: каждый заимочникъ имѣлъ право захватить въ свое исключительное пользованіе часть общинныхъ пастбищъ, и отдѣльная поскòтина составляла необходимую составную часть всякой крупной, хорошо устроенной заимки; что касается до скота мелкихъ заимочниковъ и той „бѣдноты", которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ „общественныя" стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе „деревенской" поскòтинѣ, частью—но не вошедшимъ въ составъ заимочныхъ поскòтинъ неогороженнымъ пастбищамъ.

Вступивъ въ борьбу съ заимочнымъ пользованіемъ вообще, община конечно не могла не отнестись отрицательно и къ заимочному праву на пастбищныя угодья. Крупные заимочники во многихъ общинахъ волостей Чулымскаго района и до сихъ поръ удерживаютъ свои поскòтины въ своемъ исключительномъ пользованіи *), но такого рода случаи въ настоящее время представляютъ собой не общій порядокъ, а злоупотребленіе со стороны богатыхъ мужиковъ, основанное на сознаніи того могущества, которое имъ дастъ ихъ богатство. Общины борются противъ отдѣльныхъ заимочныхъ поскòтинъ прямыми запрещеніями, а въ случаѣ ослушанія иногда — если только богачи „не взяли засилія" въ общинныхъ дѣлахъ —прибѣгаютъ и къ насильственнымъ мѣрамъ; такъ въ рѣшеніи Ишимскаго волостного суда отъ 8 Октября 1886 г. за № 55 мы находимъ указаніе на случай, когда отдѣльная поскòтина одного крестьянина „была разобрана обществомъ крестьянъ с. Ишимскаго, какъ самовольно имъ загороженная", и волостной судъ, отказавъ владѣльцу поскòтины въ искѣ противъ лицъ, явившихся исполнителями рѣшенія общины, тѣмъ самымъ призналъ неосновательность заимочной претензіи.

Какъ-бы то ни было, заимочныя поскòтины въ волостяхъ Чулымскаго района доживаютъ свои послѣдніе дни; въ Томскомъ онѣ— если вообще когда-либо существовали—исчезли очень давно, и типическою формою пользованія по отношенію къ пастбищнымъ угодьямъ

*) Такъ въ д. Турунтаевой (Семил. вол.) отдѣльныя поскотины имѣютъ четыре хозяина, въ д. Мало-Жировой (Ишим. вол.)—одинъ, въ с. Жарковскомъ (Иш. вол.)—трое, и т. д..

является форма *вольнаго* пользованія, при которой *ни одинъ общинникъ не имѣетъ права на захватъ какой-либо части общинныхъ пастбищъ въ свое исключительное пользованіе, но каждый имѣетъ право выпускать на общинныя пастбища*, въ установленномъ общиною порядкѣ, *все имѣющееся у него количество скота*. Самый порядокъ выпаса, какъ было подробнѣе изложено въ I томѣ *), не вездѣ одинаковъ. Вездѣ, правда, (кромѣ только трехъ лежащихъ на правомъ берегу Томи селеній Нелюбинской волости) вокругъ селеній загорожени „домашніе“ выгоны — поскотины, которыя „запираются“ со времени всхода травъ (конецъ Мая) и до окончанія уборки хлѣбовъ (1 — 15 Сент.). Но по отношенію къ размѣрамъ и значенію поскотинъ замѣчается существенное различіе между Спасскою и Семилужною волостями, съ одной стороны, и остальными пятью волостями изслѣдованнаго края, съ другой. Въ первыхъ двухъ поскотины довольно обширны и въ теченіе всего лѣта (съ конца Мая до начала Сентября) служатъ единственнымъ выпасомъ для всего крестьянскаго скота. Въ Нелюбинской волости и въ четырехъ волостяхъ Чулымскаго района поскотины очень невелики и составляютъ лишь небольшую часть общаго количества состоящихъ въ пользованіи той или другой общины пастбищъ; въ нихъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ пасутся лошади, маленькія телята и — гдѣ есть — свиньи; весь остальной скотъ состоитъ подъ надзоромъ пастуховъ и пасется внѣ поскотины: въ нѣсколькихъ общинахъ Нелюбинской волости — на особо отведенныхъ подъ пастбище, хотя и не огороженныхъ, сплошныхъ пространствахъ, въ остальныхъ общинахъ этой волости и во всемъ Чулымскомъ районѣ — „гдѣ попало“, по всему протяженію земленользованія даннаго селенія, вездѣ выбирая участки, не засѣянные хлѣбомъ и не предназначенные общиной или отдѣльными общинниками подъ сѣнокосъ. Осенью поскотины отпираются и весь скотъ пасется по жнивамъ, отавамъ и вообще по неогороженнымъ пастбищамъ: рогатый скотъ и овцы — „за пастухами“, лошади — „на волѣ“, причемъ по отношенію къ выпасу скота въ это время границы поселенныхъ землевладѣній утрачиваютъ свое значеніе: „весь скотъ, читаемъ мы въ одномъ рѣшеніи Спасскаго волостного суда **), въ это время „пасется на полѣ, переходя изъ одной деревни въ другую“; это продолжается до времени выпаденія снѣга: „по заведенному въ здѣшней „мѣстности обычаю, читаемъ мы въ другомъ рѣшеніи [illegible], весь скотъ, „находящійся на полѣ, загоняется во дворы, какъ только выпадетъ снѣгъ,

*) Стр. 354—366.
**) 2. XII. 85, № 50.
***) 7. XI. 84, № 38.

„и съ того времени по волѣ скотъ не пускается, потому что крестьяне „возятъ хлѣбъ и сѣно съ полей [и] разгораживаютъ остожья". Пока не выпалъ снѣгъ, лошади, хотя никому и неизвѣстныя, пасутся совершенно свободно; какъ только снѣгъ выпалъ, „пришатившіяся", неизвѣстно кому принадлежащія лошади признаются пригульными и по заявкѣ объ нихъ волостному правленію остаются, впредь до востребованія владѣльцами, во временномъ пользованіи поймавшихъ ихъ: „пригульныя лошади есть тѣ, которыя по собраніи съ поля скота „останутся неизвѣстными" *).

Право пользованія общинными пастбищами не находится, вообще говоря, ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежною раскладкой. Какъ мы уже говорили, количество скота, которое каждый общинникъ можетъ выпустить на пастбище, не подвержено никакому ограниченію; полная свобода простирается до того, что въ Чулымскомъ районѣ, „мясники" — торговцы скотомъ — безпрепятственно пасутъ на общинныхъ угодьяхъ даже купленный съ коммерческою цѣлью — „наборный" скотъ; общины допускаютъ это очевидно, въ виду, чрезвычайнаго изобилія въ этомъ районѣ пастбищныхъ угодій, благодаря чему совершенно неограниченное вольное пользованіе можетъ продолжать существовать, не нарушая чьихъ-бы то ни было интересовъ.

Право пользованія общинными пастбищами обусловливается — и то впрочемъ не вездѣ и не въ полной мѣрѣ — участіемъ въ отбываніи одной спеціальной повинности — городьбы поскóтинъ. Въ Чулымскомъ районѣ эта повинность вездѣ раскладывается на скотъ, принадлежащій какъ общинникамъ, такъ и живущимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ; при этомъ однѣ общины производятъ раскладку городьбы на весь крупный скотъ, другія — только на лошадей; въ Томскомъ районѣ порядокъ раскладки по скоту постепенно вытѣсняется другимъ, душевымъ порядкомъ: въ довольно многихъ общинахъ городьбу продолжаютъ раскладывать по скоту, но есть уже довольно много такихъ общинъ, которыя оставили этотъ способъ раскладки и раскладываютъ городьбу по душамъ; — есть и такія, гдѣ раскладка производится смѣшаннымъ способомъ: на каждую душу назначается опредѣленное число сажень городьбы, а остатокъ раскладывается поровну на весь крупный скотъ или на лошадей.

Устройство городьбы въ значительной мѣрѣ зависитъ, съ одной стороны, отъ рода содержимаго крестьянами скота и организаціи надзора за нимъ, съ другой — отъ мѣстоположенія поскóтины по отношенію къ другимъ видамъ общинныхъ угодій. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ почти не держатъ свиней, а овцы во время пребыванія въ поскóтинѣ

*) Рѣш. Спасск. вол. суда 7. XI. 84, № 38.

состоятъ „за пастухами“, нѣтъ надобности въ особенно частой городьбѣ, а потому здѣсь городятъ „отъ лошадей“—въ 5—6 жердей, заботясь не столько о густотѣ, сколько о крѣпости городьбы. Въ Чулымскомъ районѣ свиней держать довольно много; гдѣ поэтому пахатныя поля близко подходятъ къ усадьбамъ, тамъ поскóтины городятся „отъ свиней“ — очень часто,—въ 8, 9 и даже 10 горизонтальныхъ жердей; гдѣ пашни расположены въ удаленныхъ отъ усадебъ урочищахъ и потому опасность потравы свиньями незначительна,—тамъ тоже городятъ „отъ лошадей“, не болѣе чѣмъ въ 5 или 6 жердей.

За исправностью поскóтинныхъ изгородей въ большинствѣ общинъ изслѣдованнаго края существуетъ лишь весьма слабый надзоръ: „общество“ обходитъ весной всю городьбу и указываетъ тѣ мѣста, которыя по своей ветхости и т. п. требуютъ ремонта. За исполненіемъ указаній „общества“ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакого наблюденія,—но несмотря на это изгороди вездѣ содержатся весьма удовлетворительно. Стимуломъ, побуждающимъ крестьянъ заботиться объ исправномъ состояніи изгородей, является существующій въ изслѣдованномъ краѣ порядокъ отвѣтственности за *потравы*: если только установлено, что потрава произведена скотомъ, вышедшимъ изъ поскóтины, и выяснено, что этотъ скотъ прошелъ въ поле чрезъ неисправную городьбу, то вся отвѣтственность за потраву возлагается на лицо, обязанное содержаніемъ этой городьбы и совершенно снимается съ владѣльцевъ скота; для волостного суда достаточно знать, что потрава совершена „лошадьми, вышедшими въ поле чрезъ огородъ по„скотины, принадлежащій крестьянину П. В Болтовскому“ рѣш. Сласск. в. с. 2. VII. 87, № 44), „скотомъ, вышедшимъ изъ поскотины чрезъ „неисправную городьбу, принадлежащую крестьянину К. Аксенову“ (то-же 17. VIII. 87, № 52); что „кр-нинъ С. Ананьевъ за лѣностью „своею и нерадѣніемъ огородить поскотину, принадлежащую къ раз„дѣлу на его душу, чрезъ что произошла потрава выходомъ лошадей „въ поскóтину“ (то-же 16. IX. 82, № 26); что „лошади, потра„вившія овесъ у Стулова зашли чрезъ поскотину посредствомъ изло„манной городьбы въ одномъ мѣстѣ на разстояніи 2 сажень принад„лежащей рядовому Ермину“ (то-же 1. IX. 85, № 42); что „истецъ „Ульяновскій не осмотрѣлъ поскотины крестьянина Золотарева, за „коего поручился уплачивать подати и отбывать общ. повинности“ (рѣш. Ишим. в. с. 10. III. 86, № 16),—чтобы признать Болтовскаго, Аксенова, Ананьева, Ермина, Ульяновскаго единственно отвѣтственными за потраву и даже не освѣдомляться о владѣльцахъ произведшаго потраву скота, о которыхъ въ цитированныхъ рѣшеніяхъ даже не упоминается. Мы имѣемъ указанія на одинъ случай, когда крестья-

нивъ, уплатившій деньги за слѣланную его лошадьми потраву, затѣмъ обращается съ обратнымъ требованіемъ къ владѣльцамъ „худой поскотины", чрезъ которую прошли его лошади; судъ призналъ, что истецъ потерпѣлъ убытокъ по винѣ отвѣтчиковъ, и потому опредѣлилъ взыскать съ послѣднихъ въ пользу перваго всю уплоченную имъ за потраву сумму (рѣш. Пшим. в. с. 21. IX. 88, № 57). Отвѣтственность за потраву, произведенную содержащимся въ поскотинѣ скотомъ благодаря неисправности городьбы, снимается съ владѣльца послѣдней только въ одномъ случаѣ, именно если общиною избранъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чулымскаго района, особый „поскóтинный староста"; на послѣдняго возлагается непрерывный надзоръ за исправностью городьбы поскóтины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за всѣ потравы, могущія явиться слѣдствіемъ ея неисправности. Такъ Пшимскій волостной судъ возложилъ отвѣтственность за одну потраву на „поскóтиннаго старосту" д. Медвѣдчиковой, Алькова; напрасно Альковъ пытался снять съ себя отвѣтственность, объясняя, „что раз„гороженная поскóтина, куда прошли лошади, обществомъ осталась „нераздѣленной, такъ что некому было ее исправлять, почему и упла„чивать за потраву онъ не считаетъ себя обязаннымъ"; судъ не призналъ этихъ объясненій уважительными; онъ нашелъ, что „поскóтин„ный староста долженъ былъ-бы наблюдать за исправностью поскó„тины и, если-бы она оказалась худая, онъ долженъ распорядиться „исправленіемъ таковой" (очевидно посредствомъ наряда общественниковъ или найма за счетъ общественныхъ суммъ),—почему и постановилъ взыскать съ него слѣдовавшую за потраву сумму. Что́ касается до владѣльцевъ скота, произведшаго потраву, то на нихъ отвѣтственность возлагается, сколько можно судить по записаннымъ въ книги рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, очень рѣдко, и то—не въ полномъ размѣрѣ: мы имѣемъ напр. рѣшеніе Спасскаго вол. суда отъ 15 Сентября 1889 г. за № 62, коимъ постановляется „за потраву овса взыскать съ крестьянъ: „Варлама приходится, какъ пустившаго въ худую поскотину своихъ „лошадей, восемь руб.; — съ остальныхъ по 1 р. 50 к. съ каждой „лошади, всего 16 р. 50 к., а остальныя 5 р. 50 к. съ Любовича" (владѣльца оказавшейся сломанною городьбы); другимъ рѣшеніемъ (3. IX. 89, № 61) постановлено „половину слѣдующей за потраву суммы, „11 р. 75 к., взыскать съ 5 человѣкъ, у которыхъ поскóтина ока„залась изломана, половину, 11 р. 75 к., съ хозяевъ лошадей". Къ сожалѣнію, нѣкоторая неполнота разсмотрѣнныхъ данныхъ не позволяетъ намъ выяснить истиннаго характера приведенныхъ двухъ случаевъ: идетъ-ли здѣсь рѣчь о потравахъ, причиненныхъ, при полной исправности городьбы жеребцомъ „ломуномъ" или „скакалемъ" (за такія по-

травы въ Тобольской губерніи владѣлецъ изломанной городьбы вовсе не отвѣчаетъ *), или-же эти два рѣшенія являются симптомами — какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной части Тобольской губерніи **) — упадка института поскóтины, упадка общиннаго духа и, какъ слѣдствія его, неспособности общины настоять на исправной городьбѣ поскóтинъ и заставить виновныхъ въ ея неисправности всецѣло нести на себѣ послѣдствія этой послѣдней. Въ пользу перваго предположенія говоритъ усиленное взысканіе, возложенное въ первомъ изъ приведенныхъ рѣшеній, на владѣльца одной изъ лошадей („ломуна“?), въ пользу второго — то обстоятельство, что оба рѣшенія постановлены въ 1889 году, между тѣмъ какъ бóльшая часть рѣшеній, возлагающихъ всю отвѣтственность на владѣльцевъ изгородей, относится къ болѣе раннимъ годамъ. Мы думаемъ, однако, что первое предположеніе болѣе основательно; мы думаемъ это во первыхъ потому, что различіе въ отвѣтственности между двумя видами потравъ (потравы благодаря неисправности городьбы и потравы „ломунами“) вполнѣ соотвѣтствуетъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Тобольской губерніи, и во-вторыхъ потому, что ни на чемъ другомъ мы не замѣчали ослабленія общиннаго духа; напротивъ, существующіе въ Спасской волости (къ которой относятся приведенныя рѣшенія) порядки пользованія лѣсами и кедровниками свидѣтельствуютъ, что община здѣсь весьма сильна и не проявляетъ никакихъ признаковъ упадка.

Что́ касается затѣмъ до скота, въ лѣтнее время пасущагося внѣ поскотины подъ надзоромъ пастуховъ, то отвѣтственность за произведенныя имъ потравы всецѣло ложится на этихъ послѣднихъ; изслѣдователю впрочемъ совершенно не приходилось слышать о случаяхъ потравъ, произведенныхъ „пастушными“ стадами; да это и вполнѣ понятно, такъ какъ пастухи, подъ страхомъ денежной отвѣтственности, конечно дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы не допускать скота до потравъ. И наконецъ весной, до „запора поскóтины“, и осенью, съ „отпора“ ея и до снѣга, вопросъ объ отвѣтственности за потраву совершенно не существуетъ: весной — потому, что въ это время „травить нечего“ — скотъ ходитъ на волѣ внѣ поскóтины только до тѣхъ поръ, пока онъ, по мнѣнію крестьянъ, не можетъ вредить ни всходамъ озимей, ни травамъ; осенью — потому, что ко времени отпора поскóтины не только заканчивается уборка хлѣбовъ и травъ, но сѣно и скирды должны быть огорожены на столько крѣпко, чтобы сдѣлать всякое поврежденіе скотомъ невозможнымъ; если, несмотря на это,

*) См. «Матер.» вып. XI, стр. 72.
**) См. вып. III, стр. 308.

случается поврежденіе стоговъ и кладей, то оно приписывается неисправности остожья и возлагается на отвѣтственность самого пострадавшаго владѣльца сѣна или хлѣба; владѣльцы скота отвѣчаютъ за потраву только въ томъ случаѣ, если потрава является послѣдствіемъ злого съ ихъ стороны умысла *).

Нѣсколько особое положеніе по отношенію къ вопросу о потравахъ занимаютъ свиньи. Благодаря своей „пакостливости“ и способности пробираться и сквозь очень крѣпкія изгороди, эти животныя требуютъ со стороны хозяевъ особаго надзора или мѣръ, способныхъ лишить ихъ возможности производить потравы: хозяинъ, предупрежденный о томъ, что свиньи его „повадились“ ходить въ чужой хлѣбъ или огородъ, долженъ либо держать ихъ „взаперти“, либо одѣть на нихъ „вилки“ (иначе „рога“), — приспособленія, лишающія ихъ возможности пролѣзать сквозь изгороди; если онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, то — какъ можно заключить изъ приведенныхъ въ приложеніи рѣшеній волостного суда (Спасск. 16. IX. 87. № 66 и 16. X. 87. № 80) — на него всецѣло падаетъ отвѣтственность за произведенныя свиньями потравы.

Тѣ-же два рѣшенія бросаютъ свѣтъ еще на одну существенную сторону вопроса: они показываютъ, что волостной судъ не допускаетъ со стороны страдающихъ отъ потравъ хозяевъ самоуправства, выражающагося въ убіеніи „повадившихся“ производить потравы свиней: въ обоихъ рѣшеніяхъ судъ, признавая за пострадавшимъ право на вознагражденіе со стороны владѣльца свиней, въ то-же время заставляетъ его заплатить этому послѣднему за убитыхъ свиней, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ гражданской отвѣтственности за убытокъ.

II. Порядки пользованія усадебными и огородными землями, пасѣками и проч..

По отношенію къ *усадебнымъ землямъ* въ изслѣдованномъ краѣ существуетъ троякій порядокъ пользованія. Съ одной стороны — владѣніе усадьбами по старымъ „занятіямъ“, расположеннымъ безъ всякаго порядка и не находящимся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежными общинными раскладками, а состоящимъ въ заимочно-наслѣд-

*) Въ одномъ заявленіи, имѣющемся въ дѣлѣ Семилужнаго вол. суда 1887 г., мы находимъ указаніе на одного зажиточнаго крестьянина с. Семилужнаго, А. Ершунова, который «имѣетъ болѣе 50 штукъ скота, никогда не хватаетъ у него на зиму корма, онъ выпущаетъ ихъ до растаянія снѣга на поле и самъ ѣздитъ разгораживать чужія остожья съ хлѣбомъ или сѣномъ».

ственномъ пользованіи отдѣльныхъ общинниковъ; вновь образующіеся дворы въ селеніяхъ, пользующихся достаточнымъ просторомъ, сами захватываютъ себѣ землю подъ усадьбу, гдѣ „потѣнье“,—обращаются за усадебной землей къ обществу, которое либо „сажаетъ“ ихъ къ отцовской усадьбѣ, либо отводитъ мѣсто, освободившееся за убылью какого-либо двора, либо наконецъ прирѣзываетъ усадебное мѣсто изъ поскотинной земли. Съ другой стороны въ рядѣ селеній (по преимуществу трактовыхъ) усадебная осѣлость уже подверглась расланированію; всѣ дворы размѣщены на отведенныхъ имъ по плану мѣстахъ, а вновь образующіеся дворы садятся на приготовленные при расланированіи запасные участки. И наконецъ во многихъ селеніяхъ расланированіе усадебной земли хотя и произведено, но усадьбы остались по старымъ „занятіямъ“, и только вновь строющіеся дворы водворяются на обмежеванныхъ при расланированіи участкахъ. Власть общины надъ усадебной землей во всѣхъ трехъ случаяхъ крайне ограничена и сводится не болѣе, какъ къ праву распоряженія еще незанятыми никѣмъ (и не предназначенными никому по расланированію) землями и къ отводу изъ нихъ усадебной осѣлости прибылымъ дворамъ. Разъ усадьба кѣмъ-либо занята—община уже „не вступается“ въ нее и только косвеннымъ образомъ можетъ побуждать къ дробленію слишкомъ крупныхъ усадебъ: она отказываетъ въ отводѣ новыхъ усадебъ вновь образующимся дворамъ, выдѣляющимся отъ дворовъ, владѣющихъ большими усадьбами, и заставляетъ ихъ приселяться къ „отцовскимъ“ усадьбамъ. Что касается затѣмъ до права отчужденія усадебныхъ земель, то по этому вопросу мы не имѣемъ данныхъ: изслѣдователю встрѣтилось нѣсколько случаевъ продажи посторонимъ лицамъ усадебныхъ земель, но у насъ нѣтъ указаній, произведены-ли были эти продажи самовольно или съ разрѣшенія общины.

Огороды, какъ и усадьбы, сколько намъ извѣстно, вездѣ состоятъ въ заимочно-наслѣдственномъ пользованіи. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ пригороднаго района, гдѣ огородничество играетъ въ экономической жизни населенія большую роль, гдѣ огороды очень обширны и даютъ болѣе или менѣе значительный рентный доходъ,—гдѣ поэтому можно было-бы ожидать встрѣтиться по отношенію къ нимъ съ тѣми или иными формами душевого пользованія, переходъ къ этому послѣднему еще не начинался, и огороды по прежнему состоятъ въ заимочномъ владѣніи; власть общины, какъ и по отношенію къ усадьбамъ, проявляется только въ отводѣ вновь образующимся домохозяйствамъ изъ огороды свободной земли.

По отношенію къ *пасѣкамъ* захватно-заимочное владѣніе сохранилось до сихъ поръ въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно въ старину существовало по отношенію ко всѣмъ вообще угодьямъ. Это и

вполнѣ понятно: пасѣки занимаютъ мало мѣста и всегда устраиваются гдѣ-нибудь на окраинѣ тайги, въ глухомъ мѣстѣ, не могущемъ служить ни для кого ни покосомъ, ни пашней, а потому могутъ безпрепятственно существовать, не причиняя никакого ущерба интересамъ земледѣльческо-скотоводческой массы населенія,—на лицо имѣется слѣдовательно важнѣйшее условіе, обезпечивающее возможность существованія захватно-заимочнаго владѣнія. Соотвѣтственно этому занятіе мѣстъ подъ пасѣки предоставляется неограниченному вмѣшательствомъ общины усмотрѣнію отдѣльныхъ общинниковъ; разъ устроенная пасѣка передается по наслѣдству, продается и т. д., словомъ является въ полной мѣрѣ предметомъ гражданскаго оборота. — Устройство пасѣкъ подчиняется только одному ограниченію, съ необходимостью вытекающему изъ потребностей пчеловоднаго хозяйства: вновь устраиваемая пасѣка не должна быть расположена слишкомъ близко отъ уже существующихъ пасѣкъ, такъ какъ при чрезмѣрномъ сближеніи пасѣкъ болѣе сильная пчела легко можетъ уничтожить болѣе слабую. Но и за соблюденіемъ этого ограниченія община совершенно не слѣдитъ, предоставляя это инициативѣ отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ и волостному суду: мы имѣемъ одно относящееся сюда рѣшеніе Ишимскаго вол. суда (4. XI. 85, № 80), по обоюднымъ жалобамъ крестьянъ д. Медвѣдчиковой—Никулина и Медвѣдева, „въ которыхъ они жалуются, первый – Медвѣдевъ, что его пчелу истребляетъ пчела Никулина, а Никулинъ жалуется наоборотъ, что Медвѣдева пчела истребляетъ его“; судъ по безпоказательности отказалъ обоимъ въ ихъ искахъ, но въ то-же время по собственной инициативѣ постановилъ: „обязать Никулина, чтобы онъ пасѣку свою, устроенную послѣ Медвѣдева и въ очень близкомъ разстояніи, перенесъ въ другое болѣе отдаленное мѣсто, дабы между ними не происходило никакихъ пререканій“. До какого обострѣнія отношеній можетъ довести близость двухъ пасѣкъ, видно изъ другого рѣшенія (Спасс. вол. суда 1. VII. 88, № 29) по дѣлу о „замореніи пчелы сѣрою“: обвинитель пояснилъ суду, что „подозрѣнія имѣетъ въ замореніи пчелы на крестьянина Р. Евстигнѣева потому, что Евстигнѣеву непріятно, что онъ имѣетъ пасѣку отъ его пасѣки въ 2 верстахъ“.

Въ захватно-заимочномъ владѣніи состоятъ и устраиваемыя общинниками на протекающихъ по общинной территоріи водахъ *мельницы*: каждый общинникъ имѣетъ право устроить мельницу,—право, ограниченное лишь постольку, поскольку устройство мельницы могло-бы повести къ нарушенію интересовъ владѣльцевъ ранѣе устроенныхъ мельницъ. Разъ устроенная мельница передается по наслѣдству, можетъ отчуждаться цѣликомъ или частями, и только нѣкоторыя общины взи-

мают съ болѣе доходныхъ мельницъ небольшой сборъ въ размѣрѣ 3—5 рублей въ годъ. Общинныхъ мельницъ въ изслѣдованномъ краѣ нѣтъ.

Владѣльцы мельницъ иногда — какъ видно изъ помѣщеннаго въ приложеніи рѣшенія Спасскаго волостного суда отъ 11 Іюня 1887 г. за № 42 — присваиваютъ себѣ исключительное право на ловлю рыбы въ мельничныхъ прудахъ, прибѣгая даже къ отнятію рыболовныхъ снарядовъ у лицъ, посягающихъ на это ихъ мнимое право; но общины — а за ними и волостной судъ — не признаютъ этихъ притязаній и приравниваютъ мельничные пруды по отношенію къ ловлѣ рыбы ко всѣмъ другимъ протекающимъ въ сферѣ пользованія общины водамъ.

Рыболовныя угодья во всѣхъ общинахъ, имѣющихъ такія угодья, состоятъ въ вольномъ пользованіи, право ловли рыбы принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ каждому общиннику или постороннему лицу, платящему мірскіе сборы, а размѣры пользованія этимъ правомъ не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежною раскладкой; попытокъ организаціи рыболовнаго промысла на началахъ общины-артели въ изслѣдованномъ краѣ не было.

И наконецъ общинныя *каменоломни* (въ Спасской и Семилужной волостяхъ) состоятъ въ вольномъ пользованіи всѣхъ общинниковъ: каждый изъ нихъ можетъ производить ломку камня въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ размѣрѣ, причемъ каждая устроенная для добычи камня яма въ силу права затраченнаго труда считается принадлежащею исключительно тому, кто ее устраивалъ. — Съ посторонняхъ лицъ общины за право ломки камня берутъ посаженную пошлину.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IX.

Рѣшенія волостныхъ судовъ и т. п. документы, относящіяся къ формамъ землепользованія въ четырехъ волостяхъ Томскаго округа.

I. ПАХАТНЫЯ И СѢНОКОСНЫЯ ЗЕМЛИ.

1. Захватное и вольное пользованіе.

Рѣшеніе Ишим. вол. суда 20 Октября 1885 г. (№ 77). 1885 года, Октября 14 дня, Ишимскій волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянина д. Барнашевой Василія Степанова Никитина о нанесеніи ему удара коломъ крестьяниномъ Иваномъ Галактіоновымъ Барнашевымъ. Проситель Никитинъ въ заявленіи своемъ пишетъ: 26 числа Іюня мѣсяца сего года онъ занимался сѣнокошеніемъ на своемъ покосѣ вблизи д. Барнашевой, куда заявилась крестьянская жена Афанасія Григорьева Барнашева съ сыномъ Степаномъ и стала говорить, *чтобы онъ некосилъ траву по близости ихъ пашни*, а когда онъ отвѣтилъ, что *покосомъ владѣетъ уже нѣсколько лѣтъ, самъ расчищалъ его и не позволитъ имъ косить*, то Афанасія Барнашева послала сына за своимъ мужемъ Иваномъ Галактіоновымъ Барнашевымъ, который, придя на покосъ, бросился на просителя съ коломъ и нанесъ по спинѣ одинъ ударъ, но отъ дальнѣйшаго онъ избавился тѣмъ, что вырвалъ у Барнашева изъ рукъ колъ. Проситель Никитинъ заявленіе свое повторилъ на Судѣ. Отвѣтчикъ крестьянинъ Иванъ Барнашевъ объяснилъ, что онъ Никитину никакого удара ненаносилъ, а напротивъ самъ Никитинъ наносилъ женѣ его побои вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Степаномъ и братомъ Петромъ Никитиными.

Изъ книги сдѣл. и договор. Ишим. вол. правл. за 1881 г. 9-го Марта 1881 г. (№ 45). Я нижеподписавшійся Томской губерніи и округа Ишимской волости и села государственный крестьянинъ Алексѣй Никитинъ Лапшинъ далъ сіе отпорное письмо Томскому мѣщанину проживающему въ селѣ Ишимѣ въ собственномъ домѣ Петру Иванову Иванову (онъ же Рогопъ), въ томъ, что я, Лапшинъ, *продалъ ему*, Иванову, *собственно мнѣ принадлежащую*

заимку, состоящую отъ села Ишима въ 7-ми верстахъ, а именно избу съ сѣнями, дворъ, конюшню, сарай, баню, амбаръ, ригу и пчельникъ, загороженный кругомъ отъ рѣки Шустуюлъ и до рѣки Ая, въ четыре жерди, при этомъ строеніи пасѣка и лѣса нарубленнаго сто штукъ и землю приготовленную для распашки посѣва за цѣну сто двадцать рублей.

Рѣш. Ишим. вол. суда 20-го Сентября 1883 г. (№ 53). Крестьянинъ с. Ишимскаго Осипъ Семеновъ Семеновъ жалуется на крестьянъ односельцевъ Матвѣя Миронова и Михаила Прохорова *о захватѣ ими принадлежащей ему земли и заимки*, за что не желаютъ его ничѣмъ удовлетворить. Волостные судьи, желая убѣдиться въ дѣйствительности жалобы Семенова, нашли необходимымъ выбыть на мѣсто, на заимку Семенова, и при осмотрѣ полей, вспахиваемыхъ Семеновымъ, Мироновымъ и Прохоровымъ, нашли слѣдующее: *пашня, близълежащая около заимки за рѣчкой* Боровушкой, *какъ уже давно не вспахиваемая* Семеновымъ, Мироновымъ и Прохоровымъ, *должна остаться въ пользованіи Миронова и Прохорова*, а за гумно Мироновъ обязуется уплатить Семенову 10 р. сер. съ тѣмъ, *что по сію сторону рѣчки какъ Мироновъ, такъ равно и Прохоровъ не должны занимать пашню, которая остается въ пользованіи Семенова.* На это предложеніе крестьянинъ Семеновъ согласился, а потому волостной судъ *опредѣлилъ:* такъ какъ на вышеизложенное условіе крестьянинъ Семеновъ согласился, то обязать крестьянина Матвѣя Миронова уплатить Осипу Семенову за гумно 10 р. и вмѣстѣ съ симъ предложить Прохорову съ Мироновымъ не занимать по сію сторону рѣчки пашни, которая остается въ пользованіи Семенова.

Рѣш. Ишим. вол. суда 8-го Октября 1886 г. (№ 55). Волостной судъ въ составѣ судей: Елизарова, Соболева и Верейкина разобралъ дѣло по иску крестьянина Попова къ крестьянину Смолкину и другимъ денегъ за *срубленную ими у него на пашнѣ городьбу.* При разборѣ дѣла оказалось, что *поскотина у Попова разобрана обществомъ крестьянъ с. Ишима, какъ самовольно имъ загороженная.* Въ виду изложеннаго волостной судъ *постановилъ:* крестьянину Попову въ искѣ денегъ съ Смолкина и другихъ въ суммѣ пятнадцати рублей *отказать.*

Рѣш. Ишим. вол. расправы 24-го Мая 1884 г. (№ 22). ....Жалобу мѣщанина Иванова изложилъ въ присутствіи волостнаго суда такъ: во вчерашній день онъ съ сыномъ вспахивалъ поле, которое онъ обработываетъ, по прожиданію своему въ селѣ Ишимѣ, — въ это время крестьянинъ этого села, Семенъ Верхоланцевъ, бывшій также на пашнѣ неподалеку отъ Иванова, бросилъ работу, взялъ топоръ, срубилъ имъ березу и бросился съ нею на Иванова, чтобъ ударить его, но въ первый разъ не попалъ, а во второй разъ ударилъ его по плечу правой руки такъ сильно, что рука и по сіе время не можетъ дѣйствовать, при чемъ Верхоланцевъ *требовалъ, чтобъ онъ оставилъ пахать его землю.* Въ подтвержденіи своей жалобы Ивановъ представилъ и самый стягъ.

Противъ этой жалобы Верхоланцевъ отозвался, что онъ увидѣлъ мѣщанина Иванова *пашущимъ землю поперекъ пояса, которую распахивалъ онъ, Верхоланцевъ,* дѣйствительно подбѣжалъ къ нему съ стягомъ, потребовавъ, чтобъ онъ *пересталъ вспахивать поперегъ ему,* но когда Ивановъ не послушалъ

его, то, дѣйствительно, онъ былъ вынужденъ ударить его и ударилъ по лѣвой рукѣ, виновнымъ же себя въ этомъ не признаетъ, потому что сдѣлалъ это по ослушанію Иванова.

По свидѣтельству мѣщанина Петра Иванова на плечѣ правой руки оказался багровый знакъ, даже съ истеченіемъ крови.

А потому волостной судъ опредѣлилъ: такъ какъ крестьянинъ села Ишима Семенъ Верхоланцевъ по собственному сознанію обвиняется въ нанесеніи удара стягомъ мѣщанину Петру Иванову, уже человѣку пожилому, то подвергнуть его, Верхоланцева, на основ. 102 ст. общ. полож. объ устр. сел. хозяйст. и обществ. управленія наказанію розгами 20-ю ударами. Рѣшеніе это объявить тяжущимся сторонамъ.

Рѣш. Ишим. вол. расправы 7-го іюня 1881 г. (№ 26). Крестьянинъ села Ишимскаго Федосѣй Семеновъ Альковъ въ поданномъ имъ въ волостное правленіе заявленіи пишетъ, что крестьяне деревни Медвѣдчиковой Кирило и Романъ Шумиловы *распахали принадлежащую ему* (Алькову) *землю* для посѣва хлѣба не спросясь его, Алькова, каковую землю онъ пахалъ ранѣе, и проситъ воспретить Шумилову, и что распаханную землю Альковъ засѣетъ своими сѣменами. Крестьянинъ Романъ Тимофѣевичъ Шумиловъ жалуется во своемъ заявленіи, что *крестьянинъ Альковъ близъ его поскотины распахалъ землю, каковая земля была ранѣе пахана крестьяниномъ деревни Медвѣдчиковой, Степаномъ Медвѣдчиковымъ, который и отдалъ ему на дальнѣйшее пользованіе, почему и проситъ воспретить Алькову пахать сказанную землю.*

По разсмотрѣніи жалобъ Алькова и Шумилова, волостной судъ нашелъ нужнымъ осмотрѣть хлѣбопахатныя мѣста Алькова и Шумилова для болѣе правильнаго рѣшенія ихъ жалобъ. Судьи, осмотрѣвъ захваченную у обоихъ просителей землю съ понятыми деревни Медвѣдчиковой Михайлой Архиповымъ и Степаномъ Михайловымъ Медвѣдчиковымъ, нашли, что Шумиловъ распахалъ землю въ 1½ вер. отъ заимки Алькова старыя выпашки, паханныя ранѣе Степаномъ Медвѣдчиковымъ, а не Альковымъ, Альковъ же въ 50 саженяхъ отъ поскотины и въ одной верстѣ отъ заимки Шумилова распахалъ и посѣялъ хлѣбъ, который захватилъ только земли, что *достаточно будетъ пахать вблизи своей заимки, а не приближаться къ заимкѣ Шумилова, Шумиловъ же никакихъ стѣсненій Алькову не дѣлаетъ, распахалъ землю находящуюся вблизи своей заимки*, а потому волостной судъ постановилъ *распаханную землю Шумиловымъ оставить во владѣніи его, Шумилова, а Алькову сдѣлать внушеніе, чтобы онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки Шумилова, такъ какъ Альковъ имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли*; о чемъ имъ и объявить.

Рѣш. Ишим. вол. суда 6-го Сентября 1886 г. (№ 41). Волостной судъ въ составѣ судей: Елизарова, Соболева и Верейкина разбиралъ жалобу крестьянина изъ ссыльныхъ с. Мазальскаго Степана Пустынникова о томъ, что крестьяне того-же селенія Степанъ Петровъ, Семенъ Демидовъ и Иннокентій Корель *самовольно захватили въ настоящемъ году принадлежащій просителю покосъ и таковой распахали подъ полосы хльба.* Въ заявленіи своемъ проситель Пустынниковъ объясняетъ, что отобраннымъ отъ него вышеозначенными крестьянами покосомъ онъ *владѣетъ уже восемь лѣтъ, пріобрѣлъ таковой покупкой у* крестьянки Варвары Ерминой, а во время

пользованіи собственными трудами *расчищалъ купленное мѣсто и привелъ въ хорошее состояніе*, а въ настоящемъ году Петровъ, Демидовъ и Корель, вопреки заявленія, самовольно распахали и оставили его безъ покоса. Вызванные по заявленію Пустынникова Петровъ, Демидовъ и Корель объяснили, что *земля въ ихнемъ обществѣ нераздѣльна, и каждый крестьянинъ усадебныя мѣстами пользуется по собственному усмотрѣнію. А такъ какъ указанное* Пустынниковымъ *сѣнокосное мѣсто находится вблизи пашенъ означенныхъ* Петрова и товарищей *и по своему положенію годно къ хлѣбопашеству, то они и распахали его.* Пустынниковъ въ подтвержденіе того, что покосъ свой купилъ у Ерминой фактическихъ доказательствъ не представилъ никакихъ, поборовъ въ общество не уплачиваетъ и отъ него разрѣшенія на пользованіе угодьями не имѣетъ. Отвода противъ судей предъявлено не было. Предложенная мировая сторонами не принята. Волостной судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, *постановляетъ: такъ какъ Пустынниковъ въ подтвержденіе того, что захваченный покосъ купленъ у Ерминой, фактическихъ доказательствъ не представилъ, въ общество никакихъ налоговъ за пользованіе землею не уплачиваетъ и разрѣшеній отъ него на пользованіе сѣнокосными мѣстами не имѣетъ, то жалобу его оставить безъ послѣдствій* и въ искѣ ему отказать, если же онъ желаетъ пользоваться покосными угодьями, то *объ отводѣ сѣнокосныхъ мѣстъ долженъ обратиться съ просьбою къ сельскому обществу.*

Рѣш. Ишим. вол. суда 24-го Сентября 1885 г. (№ 74). Ишимскій волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянина д. Усманки Аверьяна Михайлова Черникова въ томъ, что въ 3 верстахъ отъ сказанной деревни онъ имѣетъ *пасѣку, близъ которой расчистилъ мѣсто для покоса и пользовался таковымъ 30 лѣтъ. Нынѣ этотъ покосъ выкосили* крестьяне с. Мазаловскаго Федоръ Алексѣевъ Воскобойниковъ и Иннокентій Корель, когда же онъ предупредилъ ихъ не косить, они его не послушали. Когда сѣно было подкошено, то онъ, Аверьянъ Черниковъ, поставилъ онаго 30 копенъ, но Воскобойниковъ и Корель эти копны измегали, а всего накосили у него сѣна числомъ до 100 копенъ, почему и просилъ передать ему скошенное сѣно. При разбирательствѣ дѣла Черниковъ объяснилъ, что все сѣно накошено собственно Воскобойниковымъ. Воскобойниковъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно накосилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ Черниковъ, 100 копенъ сѣна и дѣйствительно смегалъ 30 копенъ, скошенныя Черниковымъ, считая таковыя своими, *и согласенъ уплатить какъ стоимость травы, такъ и заработку при складкѣ копенъ.* Примиренія между сторонами не состоялось, а потому волостной судъ *постановилъ:* имѣя въ виду, что стоимость травы для накошенія ста копенъ самое большое 1 р. 50 к., а чтобы сложить 30 копенъ стоитъ не болѣе 1 р. 5 к., т. е. по $3^1/_2$ к. съ копны, взыскать съ крестьянина села Мазалова Федора Алексѣева Воскобойникова въ пользу крестьянина Аверьяна Черникова 2 р. 55 копѣекъ.

Рѣш. Нелюб. вол. суда 6-го Сентября 1887 г. (№ 98). Крестьянка вдова села Иглакова Авдотья Григорьева Пересадилова жалуется волостному суду на крестьянина того же села Осипа Акимова Сидоренкова, который въ полѣ *на покосѣ нанесъ ей побои, за то, что она невѣльла ему косить на своемъ покосѣ траву.*

Свидѣтели: Иванъ Федоровъ Яковлевъ, Иванъ Ивановъ Собакинъ и Макрина Николаева. *По жалобѣ этой состоялось рѣшеніе:* Нел. вол. судъ по выслушаніи жалобы просительницы Пересадиловой спрашивалъ отвѣтчика Сидоренкова, который въ нанесеніи побоевъ несознался, на мировую сдѣлку тяжущіяся несогласились, свидѣтели жалобу просительницы вполнѣ подтвердили, волостной судъ *приговорилъ:* за нанесеніе побой крестьянкѣ Пересадиловой крестьянина Сидоренкова подвергнуть наказанію розгами *двадцатью ударами.* О чемъ и объявить тяжущимся съ правомъ обжалованія въ 30 дневный срокъ въ Томское окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Рѣш. Нелюб. вол. суда 28-го Іюня 1889 г. (№ 97). Крестьянинъ д. Губиной Лука Коняевъ жалуется на крестьянина той-же деревни Петра Павлова Губина, что онъ *запахалъ въ середину его запаханной пашни и вспахалъ 2 загона* на 12 сажень и забороналъ его пахоты 5 загоновъ. Свидѣтели: Павелъ Вейкинсъ и Аверьянъ Старковъ. *По жалобѣ этой постановлено рѣшеніе:* Нелюб. вол. судъ выслушалъ жалобу Луки Коняева, спрашивалъ отвѣтчика Петра Павлова Губина, который сознался, что онъ *началъ пахать съ нимъ, Коняевымъ, рядомъ;* спрошенные свидѣтели подтвердили, что по освидѣтельствованію дѣйствительно пахота Коняева была забороненa Губинымъ, а потому судъ *постановилъ:* Крестьянина д. Губиной Петра Павлова Губина признавъ виновнымъ въ перепаханіи и забороненіи чужой пашни, принадлежащей и вспаханной крестьяниномъ Коняевымъ, *взыскать съ Губина въ пользу Коняева пять рублей, предоставивъ запаханную землю въ пользованіе Губина, а за поступокъ, что Губинъ запахалъ распаханную пашню подвергнуть его, Губина, аресту при* волостномъ правленіи на трое сутки. О чемъ имъ и объявить съ правомъ отзыва въ 30 дневный срокъ. Коняевъ и Губинъ при объявленіи рѣшенія остались довольны. За примиреніемъ ихъ и за прощеніемъ Коняевымъ Губина рѣшеніе осталось безъ приведенія въ исполненіе.

Рѣш. Нелюб. вол. суда 1-го Іюля 1885 г. (№ 53). Нелюбинскій волостной судъ выслушалъ заявленіе крестьянина д. Губиной Архипа Губина слѣдующаго содержанія: *болѣе 30 лѣтъ проситель занимается пашнею, на которой сынъ его вспахалъ* 8 загоновъ, но на второй день впередъ его сына прибылъ на пашню крестьянинъ той-же деревни Михаилъ Бахтіаровъ и *самовольно отобралъ вспаханную землю и затѣмъ усилился пахать принадлежащую просителю землю.* Отвѣтчикъ показалъ, что онъ земли у просителя не отбиралъ, а если и пахалъ, то потому, что *земли не дѣлены и онъ могъ пахать, гдѣ удобно.* Судъ 25 Іюня за № 2,752 вызывалъ просителя и отвѣтчика повѣстками, но проситель не явился и потому *постановилъ:* жалобу крестьянина Архипа Губина, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій.

Рѣш. Нелюб. вол суда 25-го Іюля 1887 г. (№ 96). Крестьянинъ д. Березкиной Феопентъ Константиновъ Бѣлкинъ жалуется волостному суду, что однодеревенецъ его крестьянинъ Яковъ Васильевъ Смольниковъ *выкосилъ принадлежащій ему покосъ на 100 копенъ,* почему и проситъ воспретить ему уборку сѣна. *По жалобѣ этой состоялось рѣшеніе:* Нелюбинскій волостной судъ по выслушаніи жалобы просителя Бѣлкина и заявленія отвѣтчика Смольникова усмотрѣлъ, что *просителемъ поясненное мѣсто было брошено и лежало пустошью два года, вслѣдствіе чего отвѣтчикъ и*

выкосилъ оное мѣсто, а потому волостной судъ приговорилъ: *накошенное сѣно оставить въ пользу отвѣтчика Смольникова, а Бѣлкину вступанье въ оное воспретить.* О чемъ и объявить тяжущимся съ правомъ обжалованія въ 30 дневный срокъ Томскому окружному по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія. Волостные судьи: Никита Иглаковъ, Егоръ Карбышевъ, а за него и за себя расписался Ефимъ Петровъ, Федоръ Коганенъ.

Приговоръ этотъ объявленъ того-же числа. Бѣлкинъ и Смольниковъ остались довольны.

Рѣш. Спасск. вол. суда 1-го Іюля 1882 г. (№ 16). Крестьянинъ Кононъ Тимофѣевъ Аксеновъ въ заявленіи своемъ объяснилъ, что однодеревенецъ Илья Большанинъ *началъ запашку на мѣстѣ, которымъ онъ владѣетъ* и для огороженія котораго онъ уже приготовилъ 150 паръ кольевъ и 130 штукъ жердей, а потому и *проситъ воспретить* Большанину запашку и подвергнуть его отвѣтственности. Спасскій волостной судъ при разбирательствѣ этого дѣла принялъ во вниманіе, что *по заведенному въ обществахъ порядку временное владѣніе землею дозволяется съ согласія общества. Аксеновъ же завладѣлъ землею самовольно и на право пользованія ею не представилъ никакихъ доказательствъ.* Постановилъ жалобу Аксенова на крестьянина Большанина оставить безъ послѣдствій, о чемъ и объявить Аксенову съ росписью.

Рѣш. Спасск. вол. суда 1-го Іюля 1886 г. (№ 16). Волостной судъ выслушалъ заявленіе крестьянина Дмитрія Иванова, которымъ онъ жалуется, что крестьянинъ Мошкевичъ *захватилъ подъ пашню принадлежащій ему покосъ*, на которомъ ставилъ 35 копенъ, почему и проситъ, чтобы Мошкевичъ отдалъ ему таковой покосъ. *Мошкевичъ показалъ, что онъ отдастъ Иванову свой покосъ, на которомъ ставится до 50 копенъ*, но Ивановъ не желаетъ его взять, а требуетъ болѣе лучшій. Волостной судъ, сообразивъ вышеизложенное, находитъ, что жалоба Иванова несправедлива и притязательна, а потому постановилъ: объявить Иванову, чтобы онъ взялъ покосъ, который отдалъ ему Мошкевичъ и Мошкевичу приказать отдать безпрепятственно, о чемъ объявить какъ Иванову, такъ и Мошкевичу съ роспиской насемъ-же.

Приговоръ Спасскаго с. схода 7 Мая 1883. Мы нижеподписавшіяся, крестьяне села Спасскаго, бывъ на сельскомъ сходѣ при нашемъ сельскомъ старостѣ для назначенія изъ среды себя лицъ на исправленіе дороги, какъ приближается время распутицы, и когда былъ назначенъ къ исправленію дороги сынъ крестьянина Осипа Яковлева Каргашова, Антипъ Осиповъ Каргашовъ, онъ поднялъ шумъ и началъ оскорблять многихъ лицъ изъ общества, тѣмъ самымъ и возбудилъ вопросъ *о самовольно загороженной въ большомъ количествѣ заросли лѣсной, приблизительно около восьми десятинъ*, а равно присвоить къ своему пользованію и вокругъ загороженной земли; кромѣ этого постоянно въ обществѣ производитъ шумъ, безпорядки и наноситъ каждому почти оскорбленія, почему мы, имѣя въ виду неравенство размѣра занимаемой имъ земли, какъ лѣсной такъ и сѣнокосной, постановили сей приговоръ въ слѣдующемъ, а именно *лѣсную заросль и покосъ раздѣлить между обществомъ поровну для уровненія къ отбытію въ равенствѣ повинностей*, не измѣняя каждаго изъ насъ въ томъ и подписуемся.

Рѣш. Спасск. вол. суда 16-го Іюня 1886 г. (№ 14). Волостной судъ, выслушавъ заявленіе крестьянина д. *Батуриной* Якова Мошковича, въ которомъ онъ жалуется, что 27 числа Мая *занимаясь онъ хльбопашествомъ, въ полѣ, куда пріѣхалъ крестьянинъ* Дмитрій Ефремовъ Ивановъ, *началъ сгонять съ поля, говоря, что это его покосъ* (на которомъ дѣйствительно ставится 15 копенъ, а остальное мѣсто заросшее березникомъ). Ивановъ началъ его ругать, а потомъ, придя въ азартъ, вблизи изъ телѣги взялъ изъ нея кистень и началъ бить его и разбилъ указательный палецъ и нанесъ ударъ по лѣвой рукѣ. Ивановъ отозвался, что онъ Мошковичу побои не наносилъ. Батуринскій сельскій староста въ томъ удостовѣряетъ, что крестьянинъ д. Батуриной Аниснмъ Маметьевъ, находящійся въ настоящее время въ отлучкѣ, при немъ говорилъ, что Дмитрій Ивановъ при немъ высказывался, что онъ мало билъ Якова Мошковича, и что намѣренъ его еще бить; волостной судъ признавая Иванова виновнымъ, предложилъ тяжущимся помириться, что между ними несостоялось, а потому постановилъ: крестьянина Дмитрія Иванова за нанесеніе побоевъ таковому-же Мошковичу арестовать при волостномъ правленіи на пять сутокъ, о чемъ и объявить тяжущимся съ росписков.

Рѣш. Спасск. вол. суда 2-го Сентября 1884 г. (№ 55). Волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянина д. Батуриной Луки Петрова Жукова, поданное имъ г. чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ 1 уч. Томскаго округа, а имъ передано на распоряженіе волостнаго суда, который жалуется, что общественникъ его, Петръ Востровъ, сгребъ (сѣно) поименованную траву въ количествѣ 20 коп., которыми и завладѣлъ. Крестьянинъ Петръ Востровъ показалъ, что покосное мѣсто, гдѣ косилъ траву Жуковъ, принадлежитъ ему, на которомъ мѣстѣ онъ косилъ траву около 15 лѣтъ; по дознанію оказалось, что *покосное мѣсто*, на которомъ было накошено Жуковымъ 20 коп., *принадлежало отцу его, который его чистилъ; по смерти владѣя этимъ покосомъ мать его, а по смерти матери Жуковъ былъ малолѣтній и косить не могъ, почему косилъ Востровъ. Жуковъ нынѣ достигъ 20 лѣтняго возраста, занялся хозяйствомъ, обложенъ полнымъ окладомъ податей, поэтому сталъ косить расчищенные отцомъ его покосы*, а въ деревнѣ Батуриной покосы *не раздѣлены—кто какимъ мѣстомъ владѣлъ, тотъ и коситъ*. Волостной судъ, сообразивъ вышеизложенное, находитъ, что Востровъ накошеннымъ Жуковымъ сѣномъ завладѣлъ неправильно, почему на основ. 107 ст. общ. пол. о крестьянахъ предложено тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: съ крестьянина Петра Вострова взыскать сгребенное имъ сѣно, накошенное Жуковымъ, въ количествѣ 20 коп. и взятыя имъ же 7 копенъ, всего 27 коп., и отдать и нхъ Лукѣ Жукову, о чемъ объявить тяжущимся съ росписков на семъ-же.

Рѣш. Ишим. вол. суда 7-го Августа 1883 г. (№ 72). Крестьянинъ изъ ссыльныхъ Ишимской волости, д. Медвѣдчиковой, Халметгула Рахматуллинъ (по крестному отцу Николай Мѣлковъ) словесно заявилъ, что онъ сего Августа пасъ скотину у крестьянина д. Медвѣдчиковой Николая Степанова Алькова на заимкѣ, въ то время подошелъ къ нему крестьянинъ изъ ссыльныхъ с. Ишима, Ефимъ Сучковъ, котораго покосъ находился вблизи того мѣста и неизвѣстно по какой причинѣ нанесъ ему тяжелые побои, а потому проситъ судъ за нанесенные побои поступить съ Сучковымъ по закону. Свидѣтелей, кто-бы могъ подтвердить справедливость его жалобы, не выставилъ.

Вызванный въ присутствіе суда Ефимъ Сучковъ объяснилъ, что онъ Рахматулина никогда не билъ, не имѣлъ къ этому никакой причины, а полагаетъ, что Рахматулинъ это дѣлаетъ *по наущенію хозяина Алькова, который имѣетъ злобу къ нему, потому что онъ коситъ сѣно вблизи заимки Алькова.* Знаковъ на тѣлѣ отъ ударовъ при судѣ Рахматулинъ никакихъ не предъявилъ, доказательствъ также не представилъ, а потому волостной судъ, не находя данныхъ къ обвиненію Сучкова, *опредѣлилъ:* отказать въ искѣ Рахматулину (онъ-же Мѣлковъ).

Рѣшен. Ишим. вол. суда 23 го Мая 1883 г. (№ 21). 23-го Мая 1883 года Ишимскій волостной старшина Непомнящій передалъ на разсмотрѣніе волостного суда заявленіе крестьянина с. Сергіевскаго Тимофѣя Харитонова Парамашина, жалующагося *на захватъ* таковымъ Дементьемъ Шишковымъ *принадлежащей ему земли.*

Волостной Судъ, вызвавъ истца и отвѣтчика, находитъ, что крестьянинъ с. Сергіевскаго Тимофѣй Парамашинъ въ заявленіи своемъ, поданномъ въ Волостное Правленіе 20 сего Мая, жалуется на захватъ у него *отведенной ему обществомъ земли* крестьяниномъ же Дементіемъ Шишковымъ, который весною настоящаго года самовольно запахалъ и засѣялъ его землю, чѣмъ и причинилъ ему убытки, причемъ Парамашинъ представилъ удостовѣреніе крестьянъ села Сергіевскаго; затѣмъ отвѣтчикъ Шишковъ на судѣ ничего отрицательнаго противъ этой жалобы не объяснилъ, а потому Волостной Судъ, на основаніи вышеизложенныхъ данныхъ, *опредѣляетъ:* Съ крестьянина с. Сергіевскаго Дементія Шишкова, за причиненные имъ таковому же Тимофѣю Парамашину убытки чрезъ самовольчую запашку у него земли, *взыскать* въ пользу послѣдняго три рубля.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 7-го Октября 1886 г. (№ 50). Волостной Судъ, въ составѣ судей: Елизарова, Соболева и Верейкина, разобралъ дѣло по обоюднымъ заявленіямъ крестьянъ Инокентія Алькова и Василія Танцырева *о распашкѣ 2½ десят. спорной земли.* Отвода противъ судей предъявлено не было, предложенная мировая сторонами не принята. При разборѣ дѣла оказалось: *земля*, распаханная Танцыревымъ въ количествѣ 2½ д., принадлежитъ Ишимскому сельскому обществу и *находилась во владѣніи крестьянина Алькова*, а нынѣ *самовольно распаханная и засѣянная Танцыревымъ* съ тѣмъ условіемъ, что вспахана она была Танцыревымъ. *а боронена Альковымъ и затѣмъ самовольно, но безъ предупрежденія Танцырева, чтобы онъ не сѣялъ, засѣяна Танцыревымъ.* Въ виду изложеннаго Волостной Судъ, руководствуясь 96 ст. об. пол. о кр., *опредѣлилъ:* Урожай, могущій быть на спорныхъ 2½ д. въ будущемъ 1887 г. озимаго хлѣба *признать принадлежащимъ обоимъ*—Алькову и Танцыреву по равной половинной части, и что Альковъ долженъ выдать теперь-же Танцыреву сѣмянъ въ количествѣ пятнадцати пудовъ ржи.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 4-го Ноября 1885 г. (№ 81). Ишимскій Волостной Судъ слушали заявленіе отставнаго унтеръ-офицера с. Воронo-Пашенскаго Степана Попова о томъ, что проживающій близъ Воронo-Пашенскаго на пасѣкѣ Парымскій мѣщанинъ Иванъ Смагинъ *самовольно засѣялъ вспаханную просителемъ землю* въ количествѣ полторы десятины. Вызванный на

судъ мѣщанинъ Смагинъ на спросъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно самовольно засѣялъ хлѣбомъ вспаханную Поповымъ землю и согласно предложенія Судей *желаетъ уплатить Попову за вспашку четыре рубля.* На предложеніе Смагина Поповъ изъявилъ согласіе и желаетъ получить съ него за работу 4 руб., а потому Волостной Судъ *опредѣляетъ:* такъ какъ Смагинъ добровольно изъявилъ согласіе добровольно уплатить Попову за вспаханную землю 4 р., то дѣло это дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 17-го Іюля 1883 г. (№ 66). Предлагаю Ишимскому Волостному Суду разобрать жалобу, изложенную въ заявленіи, поданномъ крестьяниномъ с. Ишима Иннокентіемъ Альковымъ о захватѣ крестьянином д. Медвѣдчиковой Павломъ Черновымъ сѣнокоса на 200 копенъ, причемъ изложенъ актъ свидѣтельства Ишимскаго старосты объ осмотрѣ мѣстности на запимкахъ Алькова и Чернова.

Волостной Судъ, разсмотрѣвъ жалобу Алькова и актъ осмотра полей и сѣнокосовъ, находящихся въ мѣстности, занимаемой крестьянами с. Ишима Иннокентіемъ Альковымъ и дер. Медвѣдчиковой Павломъ Черновымъ, находитъ, что по точному смыслу 6 п. 51 ст. общ. полож. о крест. *дѣла относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, какъ-то: передѣлъ земель и пр., подлежитъ вѣдѣнію сельскаго схода,* а потому *опредѣлилъ:* отказать въ просьбѣ Иннокентію Алькову, предоставивъ ему право, на основ. 51 ст. п. в. общ. пол. о кр. предложить свою жалобу сельскому сходу.

---

2) Отводы и начатки душевого пользованія.

Приговоръ Аркашовскаго (Семилуж. вол.) с. сх. 20 Іюля 1886 г. Мы нижеподписавшіеся Государственные крестьяне Томской губерніи и округа Семилужной волости д. Аркашовой бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ въ присутствіи нашего сельскаго старосты Кострыгина, куда явился крестьянинъ нашей деревни Макаръ Кованцевъ, и *просилъ насъ, общественниковъ, дать ему покосъ; по обсужденіи настоящаго обстоятельства* принимая во вниманіе просьбу означеннаго Кованцева, *мы приговорили дать ему въ вѣчное владѣніе принадлежащій ранѣе польскому переселенцу Ульяну Меркусу* по договору покосъ, въ томъ и подписуемся.

Дѣло Семилуж. вол. суда 1886 г. Заявленіе. Имѣю честь заявить оному Правленію, что крестьянами д. Аркашовой былъ данъ мнѣ покосъ раньше которымъ пользовался крестьянинъ Василій Ивановъ Сафроновъ, на этотъ *покосъ на пользованіе имъ мнѣ дана обществомъ крестьянъ бумага,* и когда я пришелъ косить его, то *Василій Сафроновъ не допустилъ меня косить его,* угрожая сжечь его и бросился первоначально на косившаго со мною вмѣстѣ крестьянина Ивана Сиротина съ литовкою, а потомъ бросился съ него на меня, ударивъ меня въ грудь, хотя таковой и былъ мною скошенъ по приказанію сельскаго старосты, но тѣмъ не менѣе Василій Сафроновъ вопреки приказанія старосты сгребъ его и смѣталъ и теперь взялъ это сѣно въ свое пользованіе, и мнѣ таковое не отдаетъ, о чемъ заявляя, имѣю честь покорнѣйше просить заявленіе мое разобрать на Волостномъ Судѣ, и приказать

крестьянину Василію Сафронову возвратить принадлежащее мнѣ сѣно, при этомъ присовокупляю, что получивши этотъ покосъ я его вычистилъ, что стоило мнѣ не мало труда.

Приговоръ Спасск. с. схода. 8 іюля 1890 г. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Томскаго округа Спасской волости и села Спасскаго бывъ въ общемъ собраніи на сельскомъ сходѣ въ присутствіи нашего сельскаго старосты Васильева постановили настоящій приговоръ въ томъ, что оставшіеся у насъ *луговые сѣнные покосы отъ крестьянъ умершихъ, поступившихъ въ военную службу и за старостію лѣтъ, каковымъ надѣляемъ вновь платящимъ ими по уравненію*, а именно: Степана Захарова Карташева пай противъ юрть Калинскихъ Дмитрію Антонову, его-же пай за рѣкою Томью — Кузьмѣ Темнову, его-же десятина на лугу Федору Карташову, Василія Конева кабанскій Павлу Карташеву за большой пай и за зарѣчный и за десятину, его-же десятина на лугу Варфоломею Коневу, Андрея Шубина противъ юрть Петру Ларину, Андрею Карташову и Михайлѣ Савельеву Карташеву, Ивана Бондаренко десятина на лугу Александру Самсонову Карташеву Андрея Шихова на такомъ свѣтломъ Ивану Дементьеву, Дмитрія Дмитр. Карташева на большомъ острову Никифору Пахандрину и Василію Карташеву за два пая большихъ, Федора Петрова Карташева десятина на лугу Фокѣ Коневу, Алексѣя Елизарова пай противъ юртъ по достоинству его надѣлить двухъ человѣкъ Александру Самсонову Карташеву и Михайлѣ Одинцову пополамъ, Ефима Маметьева противъ юртъ Ивану Денисову Карташеву, Антона Карташева противъ юрть Кузьмѣ Темнову, Лаврентія Ларина противъ юрть Александру Васильеву Портнягину и Степану Михѣеву Карташеву, кулига противъ юрть на верхней изголовьи Николая Дементьева отдается Фирсу Дементьеву за два пая за большой и за-зарѣчный, Ильи Семенова противъ юрть Николаю Петрову Дементьеву, Варфоломея Конева десятина рядомъ съ шолошкомъ (?) Арефью Щетову, островъ Афониха Прокопію Кудрявцеву и Федору Некрасову, Василія Иван. Конева противъ юртъ Ивану Логинову, Ивану Ларину и Алексѣю Непомнящему, Павла Карташева десятина на лугу Степану Герасименкову, на большомъ свѣтломъ кулига Степана Герасименкова Кириллѣ Карташеву за зарѣчный пай, Федора Карташева десятина на лугу Михайлѣ Портнягину, Арефья Щетова десятина рядомъ съ шолошкомъ (?) Алексѣю Елизарову, Никифора Пахандрина противъ юрть Филину Ларину, Василія Карташева противъ юртъ Алексѣю Игнат. Коневу, Михаила Портнягина пай за рѣкою Томью у нижняго спуска прикладъ къ Спасской церкви, кулига противъ юртъ Константина Конева и Ивана Денис. Карташева Артемію Карташеву за два пая за большой и за зарѣчный, Артемія Карташева противъ юртъ Константину Коневу, его-же за рѣкой пай Владиміру Коневу, въ пятомъ десяткѣ противъ юртъ изъ общаго сѣннаго покоса удѣлить Степану Ларину за зарѣчный пай, Степана Ларина десятина на лугу Андрею Петр. Карташеву, Фоки Конева десятина на лугу Кириллѣ Карташеву, Александра Самсонова десятина на лугу Борису Коюкону, на елани отъ десятины Александры Балахина въ правую руку на просѣкинской дорогѣ Андрею Портнягину за зарѣчный пай въ размѣрѣ полторы десятины, подъ Пилатовой у Пановаго ключа залавокъ (?) Ивану Денисову Карташеву за зарѣчный пай, на елани отъ межи Андрея Портнягина кверху поперекъ дороги до втораго водянаго колка Лаврентію Ларину, за камнемъ отъ десятины Мина Одинцова отдѣлить въ ширину десять сажень къ деся-

тинѣ Василія Непомнющаго и включить его сына Алексѣя въ надѣлъ за десятину имѣстѣ съ его отцомъ Василіемъ, Фирса Дементьева десятина на душу Михайлѣ Дорофѣеву Карташеву, вмѣсто зарѣчнаго пая, на 1890 годъ, Ивана Бондаренко противъ иска Василію Иван. Коневу, въ томъ подписуется.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 4-го Августа 1888 г. (№ 50). Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянской вдовы Парасковьи Захаровой Ларионой, которая жалуется, что назадъ тому три года общество села Спасскаго *надѣлило ее покосомъ* на межѣ съ Аникинскими крестьянами, покосъ этотъ *самовольно выкосилъ* крестьянинъ с. Спасскаго, Дорофѣй Яковлевъ Карташевъ. Спрошенный на судѣ Карташевъ показалъ, что отводимое обществомъ Парасковьѣ Ларионой покосное мѣсто онъ выкосилъ съ дозволенія общества, а изъ приговора, постановленнаго крестьянами с. Спасскаго 8 Іюля 1886 года, за № 5, усматривается, что покосное мѣсто, которое съ дозволенія выкосилъ Дорофѣй Карташевъ, надѣлено обществомъ крестьянкѣ Парасковьѣ Ларионой. Волостной Судъ, признавая Карташева виновнымъ въ захватѣ чужого покоса, на основ. 104 ст. общ. полож. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, соглашенія между ними не произошло, а потому постановилъ: за самовольное выкошеніе покоса принадлежащаго крестьянкѣ Парасковьѣ Ларионой съ крестьянина Дорофѣя Карташева взыскать *шесть* руб. въ пользу Ларионой, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Рѣшен. Спасск. вол. суда. 2-го Сентября 1888 г. (№ 57). Волостной Судъ слушалъ прошеніе крестьянина села Спасскаго, Филиппа Васильева Батрацкаго, поданнаго г. чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ 1 уч. Томскаго округа, который жалуется, что *кандидатъ сельскаго старосты* Иванъ Алексѣевъ Карташевъ *отобралъ у него участокъ покосной земли*, а изъ приговора, постановленнаго 29 Іюня сего года сельскимъ сходомъ с. Спасскаго, усматривается, что *отъ Батрацкаго сѣнокосный пай отобрало общество и надѣлило имъ положенныхъ вновь окладомъ податей крестьянскихъ дѣтей* Михаила Карташева и Елисѣя Чупахина. Батрацкій, какъ платящій неполный крестьянскій окладъ податей, и надѣленъ однимъ сѣнокоснымъ паемъ. Волостной Судъ, имѣя въ виду, что отъ Батрацкаго отобранъ пай обществомъ, а не кандидатомъ старосты Карташевымъ, а потому постановилъ: жалобу крестьянина Филиппа Батрацкаго *оставить безъ послѣдствій*, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Приговоръ Нижне-Шубинскаго с. схода 4 Іюля 1888 г. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Томской губерніи и округа Спасской волости Нижне-Шубинскаго участка дер. Вороновой, бывъ сего числа на сходѣ, имѣли сужденіе *объ отобраніи покосовъ у лицъ пользующихся несоразмѣрно въ большемъ количествѣ*, чѣмъ многіе изъ общественниковъ, и потому, дабы уравнопѣлить соразмѣрно съ количествомъ душъ каждаго семейства присудили: *отобрать покосы*: 1) у крестьянъ изъ ссыльныхъ Ефима Шереденко *за неповиновеніе обществу* и неплатежъ мірскихъ повинностей и *взамѣнъ этихъ дать ему другой нечищенный*; 2) у крестьянина Андрея Иванова Агафонова находящійся за поскотиной у плотинки, и 3) у крестьянина Никанора Губанова лугъ у Мироновой мельницы.

Приговоръ Нижне-Шубинскаго с. схода. 15-го Іюня 1888 г. Мы нижеподписавшіеся Томскаго округа Спасской волости Нижне-Шубинскаго участка государственные крестьяне дер. Вороновой, бывъ сего числа на сходѣ, имѣли сужденіе о неплатежѣ частныхъ мірскихъ повинностей лицами, причисленными къ обществу безъ нашего общественнаго согласія, т. е. поселенцами, и единогласно положили: *чтобы никто изъ нашихъ общественниковъ не имѣлъ права продать лицу, уклоняющемуся отъ платежей мірскихъ повинностей, ни покосовъ, ни лѣсныхъ дачъ, вообще никакихъ полевыхъ надѣловъ*, въ противномъ же случаѣ общество имѣетъ полное право отобрать проданное.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 18-го Іюня 1884 г. (№ 21). Волостные судьи Спасской волости, Шевелевъ, Ефимовъ и Вороновъ, выслушавъ заявленіе крестьянина изъ ссыльныхъ деревни Трубачевой Ивана Погребниченко, приписаннаго по предписанію Томской Казенной Палаты отъ 30 Апрѣля сего года за № 6223, *о недачѣ ему надѣла крестьянскихъ угодій* обществинниками д. Трубачевой, находятъ, что *Погребниченко приписанъ по предписанію Казенной Палаты и всякое сопротивленіе воль начальства сопряжено съ отвѣтственностью* неисполнителей, а также выслушавъ словесное заявленіе Погребенки о требованіи общества относительно взысканія съ него податей и всѣхъ мірскихъ повинностей, постановилъ: обязать крестьянина д. Трубачевой Илью Калинова Ширямова, Степана Николаева Соколова и Михаила Петрова Трубачева исполнить распоряженія Томской Казенной Палаты *надѣлить крестьянскими угодьями Погребенко безъ всякихъ отлагательствъ*, а въ случаѣ сопротивленія съ виновнымъ поступить на основаніи существующихъ законовъ. Судьи; Шевелевъ, Ефимовъ и Вороновъ.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 2-го Октября 1888 г. (№ 66). Волостной Судъ слушалъ словесное заявленіе запаснаго рядоваго Ивана Дементьева, который жалуется, что крестьянинъ Власъ Яковлевъ Карташевъ *выкосилъ принадлежащій ему покосъ на 25 копенъ; по приговору о раздѣлѣ покосовъ, значится, что покосъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ Дементьеву*, Власъ Карташевъ показалъ, что выкосилъ покосъ принадлежащій Дементьеву по ошибкѣ, предполагалъ то, что мѣсто это переходѣленное. Волостной Судъ на основ. 107 ст. общ. пол. о крестьянахъ предложилъ тяжущимся примириться, что между ими несостоялось, а потому постановилъ: закошенное сѣно Власомъ Карташевымъ на покосѣ принадлежащемъ солдату Ивану Дементьеву *отобрать* отъ Карташева въ пользу Ивана Дементьева, о чемъ объявить тяжущимся съ росписки на семъ-же.

II. ПАСТБИЩА, ПОТРАВЫ И Т. Д.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 2-го Іюля 1887 г. (№ 44). Волостной Судъ слушалъ словесное заявленіе крестьянина д. Лучановой Никиты Алексѣева Болтовскаго, который жалуется, что лошадьми вышедшими въ поле чрезъ огородъ посботины, принадлежащей крестьянину Ивану Васильеву Болтовскому, *вы-*

травлено поле пшеницы; по свидѣтельству мѣстнымъ сельскимъ старостой съ понятыми потравы пшеницы опредѣлено въ 700 сноповъ; изъ приговора постановленнаго крестьянами д. Лучановой видно, что *поскотину, чрезъ которую прошолъ скотъ, долженъ былъ городить Иванъ Васильевъ Истровъ*. Волостной Судъ на основаніи 107 ст. общ. пол. о крестьянахъ предложилъ тяжущимся примириться, что между ними и состоялось, *Истровъ обязался уплатить Болтовскому за потраву хлѣба* двадцать пять руб., остатокъ хлѣба долженъ быть Болтовскаго, а потому постановилъ: жалобу крестьянина Никиты Болтовскаго за примиреніемъ оставить безъ послѣдствій, о чемъ объявить тяжущимся съ росписки.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 3-го Декабря 1885 г. (№ 94). Ишимскій Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянъ д. Медвѣдчиковой, Степана Медвѣдева и Архипа Щерба, въ которомъ они пишутъ, что лѣтомъ настоящаго года принадлежащія имъ *лошади, бывши на подножномъ корму, зашли въ хлѣбъ* къ крестьянину села Мазаловскаго Тихону Максимову, за что они уплатили ему пять руб.. *А такъ какъ лошади ихъ попали въ поле чрезъ разломанную поскотину, то въ этомъ долженъ отвѣчать поскотинный староста* Алексѣй Альковъ, почему просятъ *взыскать съ старосты Алькова въ возвратъ уплаченныхъ ими* Максимову пять руб.. Вызванный на Судъ поскотинный староста Альковъ объяснилъ, что *разгороженная поскотина*, куда прошли лошади просителей, *обществомъ осталась не раздѣленной*, такъ что некому было ее исправлять, почему и уплачивать за потраву 5 р. онъ не считаетъ себя обязаннымъ. Разобравъ настоящее дѣло Волостной Судъ приходитъ къ тому заключенію, что виновнымъ въ этомъ дѣлѣ является Альковъ, такъ какъ онъ, *поскотинный Староста, долженъ былъ-бы наблюдать за исправностью поскотины и если-бы она оказалась худая, онъ долженъ распорядиться исправленіемъ таковой*; и такъ какъ между сторонами миролюбивой сдѣлки не состоялось и отвода судей отъ разбирательства не было, *Опредѣляетъ*: уплоченные Медвѣдевымъ и Щербой крестьянину Максимову за потраву 5 рублей, къ чемъ они представили росписку, *взыскать съ поскотиннаго Старосты* Алькова.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 10-го Марта 1886 г. (№ 16). Ишимскій Волостной Судъ слушалъ заявленіе поселенческаго сына с. Сергіевскаго Ивана Ульяновскаго о *потравѣ у него хлѣба*; какъ видно изъ приложеннаго общественнаго удостовѣренія, около 50 пудовъ. На сіе число были вызваны истецъ Ульяновскій и бывшій въ 1885 году сельскій староста Опанасъ Яковлевъ, который явясь на судъ представилъ удостовѣреніе крестьянинъ с. Сергіевскаго о томъ, что въ потравѣ хлѣба былъ виновенъ самъ истецъ Ульяновскій, который *не осмотрѣлъ поскотины крестьянина* Захара Богатырева, *за кого поручился уплачивать подати и отбывать общественныя повинности* до прихода съ пріисковъ Богатырева. Волостной Судъ призналъ виновнымъ въ потравѣ самаго Ивана Ульяновскаго, а потому *постановилъ*: заявленіе поселенческаго сына Ивана Ульяновскаго *оставить безъ удовлетворенія*.

Рѣшен. Ишим. вол. суда 21-го Сентября 1888 г. (№ 57). Волостной Судъ въ составѣ 3-хъ Судей разобралъ дѣло по иску крестьянина Николая Алькова денегъ 14 р. съ крестьянъ Ивавана Загрядскаго и Ефима Алькова.

При разборѣ дѣла оказалось: что лошади Николая Алькова чрезъ *худую поскотину,* принадлежащую Ефиму Алькову и Загрядскому, вошли въ поле и сдѣлали *потраву хлѣба*, за которую Николай Альковъ заплатилъ денегъ 14 р. Предложенная мировая сторонами не принята. Отвода противъ судей не предъявлено. Изъ изложеннаго видно, что убытокъ Николай Альковъ понесъ виня Загрядскаго и Ефима Алькова. Въ виду изложеннаго и руководствуясь 96 ст. общ. полож. Волостной Судъ *опредѣлилъ*: въ пользу Николая Алькова *взыскать* съ крестьянъ Ивана Загрядскаго и Ефима Алькова денегъ 14 руб., поровну съ обоихъ.

Дѣло Семилуж. вол. суда 1887 г. Заявленіе. Въ 7-ми верстахъ отъ с. Семилужскаго на принадлежащей мнѣ пашнѣ оставлено на сѣмена озимаго хлѣба снопами въ клади семьсотъ сноповъ, огорожена весьма крѣпкой городьбой; крестьянинъ одного со мной села Андрей Устиновъ Ершуновъ *выпустилъ двадцать лошадей съ начала Апрѣля мѣсяца безъ пастуха, которыя отъ голоду ломаютъ остожья, съѣли у меня изъ сказанной клади четыреста сноповъ, которые* мнѣ стоятъ двадцать пять рублей; Ершуновъ имѣетъ болѣе пятидесяти штукъ скота, *никогда не хватаетъ у него на зиму корма, онъ выпускаетъ ихъ до растаянія снѣга на поле, и самъ ѣздитъ разгораживать чужія остожья съ сѣномъ или хлѣбомъ*; заявляя вышеизложенное, покорнѣйше прошу Волостное Правленіе передать настоящее заявленіе на Волостной Судъ и взыскать съ Ершунова за понесенные мной убытки двадцать пять руб. и о послѣдующемъ мнѣ объявить; при семъ представляю актъ о осмотрѣ хлѣба.

Актъ 1887 года, 19-го Августа. Составленъ сельскимъ старостой Подломскаго общества Шишкинымъ, полицейскимъ сотскимъ деревни Халдѣевой и понятыми вслѣдствіе возвращеннаго заявленія Семилужнымъ Волостнымъ Правленіемъ за № 429 крестьянина деревни Халдѣевой Ефима Бѣлянкина и Якова Рахманова *о вытравленномъ у нихъ на совмѣстномъ овсяномъ полѣ хлѣба лошадьми* крестьянина Афанасья Лукьянова, прибывъ на поле съ вышеописанными лицами пригласивъ Бѣлянкина, Рахманова и виновнаго Лукіанова, осматривали всю мѣстность потравленнаго овсянаго поля; оказалось, хлѣбъ избитъ и поѣденъ такъ, что нельзя никакъ его и собрать; потравы 3-мя лошадьми Лукіанова сдѣлано не менѣе какъ на 15 руб. и не болѣе 20 руб.; но по всеобщему обсужденію и добровольному согласію присуждено взыскать съ Лукіанова *по бѣдному его положенію по 2 руб. съ лошади*, что и составитъ 6 руб.. Бѣлянкинъ и Рахмановъ на это согласились, но Лукіановъ не согласился, говоря «не отдамъ» и «мнѣ вашъ Волостной Судъ непочемъ, я уже вышелъ изъ годовъ» болѣе переговоровъ промежъ ихъ не происходило, что и записавъ въ настоящій актъ, который и представить въ Семелужное Волостное Правленіе вмѣстѣ съ заявленіемъ для передачи на волостной судъ. Подломскій сельскій староста Шишкинъ, полицейскій сотскій деревни Халдѣевой Давыдовъ и крестьянинъ Дмитрій Фамильцевъ, а за ихъ по личной просьбѣ росписался крестьянинъ Василій Митровинъ. .

Дѣло Семилуж. вол. суда 1887 г. 30-го Августа. Заявленіе. *Лошади* принадлежащіе крестьянину деревни Халдѣевой Семену Иванову въ ко-

личествѣ 16 штукъ, мною были *найдены на принадлежащемъ мнѣ овсяномъ полѣ*, гдѣ сбили до основанія 180 суснопов, 1080 снопов овса. По удовлетворительной доброкачественности овса, признано вышеупомянутыми лицами, что этого овса въ неповрежденномъ видѣ обязательно должно намолотиться съ каждой сотни снопов не менѣе 15 пудовъ, что составляетъ всего 1080 снопов, еще въ уменьшенномъ противъ этого числа 150 пудовъ, по существующимъ въ настоящее время мѣстнымъ цѣнамъ на сумму 60 руб.; въ удостовѣреніи сего представляю при семъ актъ, составленный Старостой Шишкинымъ съ понятыми и сотскимъ д. Халдѣевой. Заявляя о вышеизложенномъ, покорнѣйше прошу Семилужный Волостной Судъ сдѣлать надлежащее взысканіе по закону съ крестьянина Семена Иванова за понесенные мною упомянутые убытки. Присемъ совокупляю, что впредь до окончанія судомъ, по этому предмету дѣла съ общаго нашего согласія съ нимъ при понятыхъ: десятскаго Федора Вѣрова, крестьянъ Романа Петрова, Михайла Бѣлянкина и сотскимъ Ивана Давыдова, въ обезпеченіе платежа за потравленный овесъ, *я оставляю у себя изъ числа загнанныхъ въ потраву 2-хъ лошадей.*

Рѣшен. Нелюбин. вол. суда 27-го Августа 1886 г. (№ 49). По разбирательству дѣла оказалось: хотя пастухъ и объясняетъ, что нетель была выгнана въ поскотину, но доказательство вины его то, что нетель была задавлена за поскотиной, навѣрно она была оставлена тамъ, *а хозяинъ Губинъ неправъ въ томъ, [что] признанный скотъ не встрѣчаетъ* своевременно; согласно 107 ст. общ. полож. судьи тяжущіяся стороны склоняли къ миру, но таковыя отказались, но предоставили вѣдѣнію Суда; постановилъ: утерянную нетель пастухомъ Андреевымъ по стоимости цѣны *половинную часть 5 рублей взыскать съ пастуха Андреева и удовлетворить Губина, а вторую часть 5 руб. долженъ принять на себя самъ хозяинъ* Губинъ, за то, что долженъ скотъ отъ пастуха встрѣчать и загнать въ свой дворъ. О чемъ и объявить тяжущимся.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 7-го Ноября 1884 г. (№ 38). Отвѣтникъ Прокопій Вагинъ показалъ, что около 1 числа іюля онъ *поймалъ пришатившихся къ его лошадямъ двухъ лошадей* неизвѣстно кому принадлежащихъ; заявивши о томъ Сельскому Старостѣ д. Батуриной и Волостному Правленію, *сталъ на нихъ работать*; около 15 Іюля лошади эти были опознаны крестьянами д. Ярковой Иваномъ и Андреемъ Никулиными на перевозѣ черезъ р. Томь и были выпущены въ ихъ дачахъ. Никулины проживаютъ въ д. Ярковой; телѣга и сбруя остались у Никулиныхъ, а Андреянъ Никулинъ онъ сошелся, телегу и сбрую отъ него взялъ, а съ Иваномъ Никулинымъ миролюбиво и самая телега и сбруя остались у него, гдѣ и попастоящее время находится; спрошенный на судѣ бывшій Сельскій Староста Яковъ Васильевъ Егоровъ показалъ, что дѣйствительно около Петрова дня, т. е. 29 Іюня, придя къ его скоту крестьянинъ д. Батуриной Прокопій Васильевъ *заявилъ ему, что онъ со своимъ жеребцомъ загналъ двухъ кобылъ неизвѣстно кому принадлежащихъ и хочетъ ихъ поймать*; Егоровъ на это сказалъ, что *если хочешь ихъ поймать, долженъ заявить о томъ въ Волостное Правленіе.* Въ книгу Волостного Правленія на записку явокъ заявленія о пойманныхъ лошадяхъ Прокопомъ Вагинымъ записаннымъ незначится.

Волостной Судъ, сообразивъ вышеизложенное, находитъ, что крестьянинъ

д. Батуриной Прокопій Карповъ Вагинъ пришатившихся къ его лошадямъ поймалъ лошадь принадлежащую Ивану Никулину около 21 Іюня, тогда какъ *въ это время весь скотъ пасется на полѣ переходя изъ одной деревни въ другую, поэтому Вагинъ не долженъ былъ ловить не принадлежащихъ ему лошадей, пригульныя лошади есть тѣ, которые по собраніи онаго съ поля скота, окажутся неизвѣстными*, Вагинъ же поймалъ лошадей Никулиныхъ съ единственной цѣлью, чтобы на нихъ работать, но не съ цѣлью воровства. Волостной Судъ на основаніи 107 ст. Общ. Полож. постановилъ: за употребленіе въ работу лошади, принадлежащей крестьянину Ивану Никулину (около 3-хъ недѣль), взыскать съ Вагина 10 рублей и выдать ихъ Ивану Никулину съ тѣмъ, чтобы онъ находящіяся у него телѣгу и сбрую возвратилъ Вагину.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 17-го Августа 1887 г. (№ 52). Волостной Судъ слушалъ словесное заявленіе крестьянина Ильи Афанасьева Аксенова, который жалуется, что принадлежащій ему хлѣбъ пшеничный и ржаной въ количествѣ 300 сноповъ *стравленъ скотомъ, вышедшимъ изъ поскотины чрезъ неисправную городьбу, принадлежащую крестьянину Конону Аксенову*; потрава была освидѣтельствована Сельскимъ Старостой Большаниннымъ съ понятыми д. Нижне-Шубиной и Аксеновой. *Волостной судъ, признавая Конона Аксенова виновнымъ*, на основ. 107 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ, предложилъ тяжущимся помириться, что между ними и состоялось. Кононъ Аксеновъ обязанъ уплатить Ильѣ Афанасьеву Аксенову *пятнадцать руб.*, а потому постановилъ: жалобу Ильи Афанасьева за примиреніемъ оставить безъ послѣдствій, о чемъ объявить тяжущимся съ росписки на семъ-же.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Сентября 1882 г. (№ 26). Крестьянинъ Спасской волости, д. Заварзиной, Степанъ Ананьевъ *за лѣностію своей и нерадѣніемъ огородить поскотину, принадлежащую къ раздѣлу на его душу*, чрезъ что произошла потрава выходомъ лошадей чрезъ поскотину; поясненное поле одной десятины овса, по сдѣланному удостовѣренію Полицейскимъ засѣдателемъ Даниловымъ 2 Сентября. Спасскій Волостной Судъ, признавая крестьянина Степана Ананьева виновнымъ въ потравѣ *одной десятины овса чрезъ неисправность содержимой имъ поскотины* отъ зашедшихъ лошадей въ поле крестьянина Андрея Толмачева, по сдѣланному же удостовѣренію Полицейскимъ Засѣдателемъ Даниловымъ, постановилъ: *взыскать* съ крестьянина Степана Ананьева въ пользу Андрея Толмачева, согласно сдѣланной оцѣнкѣ, пятнадцать руб.; а такъ какъ по вызову Ананьевъ не явился въ Волостной Судъ, то также взыскать съ него за нарочнаго посланнаго одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ, каковое рѣшеніе и объявить тяжущимся сторонамъ.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 1-го Сентября 1885 г. (№ 42). Волостной Судъ, выслушавъ словесное заявленіе крестьянской жены д. Осодоѣвой Маремьяны Стуловой, жалующейся что *лошадьми, вышедшими изъ поскотины чрезъ городьбу*, принадлежащую уволенному въ запасъ арміи рядовому Александру Ермину вытравлено $^3/_4$ десятины овса; виновнымъ въ потравѣ этого овса признанъ рядовой Александръ Ермінъ на томъ основаніи, что лошади, потравившія овесъ у Стулова зашли чрезъ поскотину посредствомъ изломан-

ной городьбы, въ одномъ мѣстѣ на разстояніи 2-хъ саженей, принадлежащей рядовому Ермину; между прочимъ жители д. Оедосѣевой показали, что *самъ Стуловъ пускалъ своихъ лошадей за поскотину, почему они полагаютъ, что и лошади Стулова травили его овесъ.* Изъ всего вышеизложеннаго Волостной Судъ находитъ, что *лошади, сдѣлавшія потраву, вышли чрезъ городьбу рядоваго Ермина, въ чемъ онъ признался виновнымъ, не правъ и Андрей Стуловъ въ томъ, что за поскотину пускалъ своихъ лошадей, которыя тоже могли сдѣлать потраву*; посему на основаніи 107 ст. Общ. Пол. предложилъ тяжущимся примириться, но таковое между ними не состоялось, а потому постановилъ: такъ какъ потрава овса, принадлежащаго Стулову, оцѣнена въ 42 руб., изъ которыхъ *половину, т. е. 21 руб., взыскать съ рядоваго Ермина и удовлетворить Стулова, а вторую половину оставить безъ вниманія* на томъ основаніи, что и самъ Стуловъ пускалъ лошадей за поскотину, оставшійся же на полѣ овесъ Стуловъ и Ерминъ должны раздѣлить по равной части.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Октября 1884 г. (№ 37). Спасскій Волостной Судъ, выслушавъ заявленіе крестьянина с. Спасскаго Игнатія Конева объ удовлетвореніи его *за потравленный овесъ* въ Августѣ настоящаго года *лошадьми, вырвавшимися чрезъ поскотину крестьянина с. Спасскаго Дорофея Карташева*, приступилъ къ разбирательству этой жалобы, по которой и оказалось: крестьянинъ Игнатій Коневъ, узнавшій о потравѣ принадлежащаго ему овса, заявилъ хозяйственному засѣдателю Коневу, который, пригласивъ съ собой понятыхъ крестьянъ Василья Степанова и Ефема Конева, освидѣтельствовавъ потраву нашли, что поле овса, примѣрно съ $^1/_4$ десятины, совсѣмъ истоптано и объѣдено лошадьми, вырвавшимися чрезъ поскотину Дорофея Карташева; Волостной Судъ на основаніи 107 ст. Общ. Пол. предложилъ тяжущимся примириться и опредѣлить цѣну о потравѣ обоюдно, но по несогласію Карташева примиреніе не состоялось, почему постановилъ: *взыскать съ крестьянина Дорофея Карташева* за потраву поля овса примѣрно $^1/_4$ десятины, сдѣланную лошадьми, вырвавшимися чрезъ поскотину Карташева, три руб. и удовлетворить ими Конева. Постановленіе это объявить сторонамъ въ присутствіи суда и затѣмъ въ установленный срокъ привести въ исполненіе.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 15-го Сентября 1889 г. (№ 62). Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянина д. Плотниковой Василья Соколова, который жалуется, что лошади, принадлежащія крестьянамъ д. Федосѣевой Варламу Проходину 2 лош., д. Пѣтуховой Сергѣю Матвѣеву 2 лош., Савелью Попову 2 лош. и Егору Метенину 2 лош., Семену Андрееву 1 лош. и одна невзвѣстному, *вытравили пять десятинъ овса*, потрава эта хотя и оцѣнена въ 52 р. но хозяинъ хлѣба Василій Соколовъ соглашается взять 24 руб.. *Поскотина, чрезъ которую прошли лошади, принадлежитъ Могилевскому мѣщанину Льву Станиславову Любовичу.* Волостной Судъ, *признавъ виновными какъ хозяевъ лошадей, такъ и Любовича*, на основаніи 107 ст. Общ. Пол. о крестьянахъ предложилъ тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: за потраву овса, принадлежащаго Василью Соколову, *взыскать съ крестьянъ: Варлама, какъ пустившаго въ худую поскотину своихъ лошадей* 8 руб., съ Сергѣя Матвѣева 1 р. 50 к., Савельи

Попова 1 р. 50 к., Егора Метенина 1 р. 50 к., Семена Андреева 1 р. 50 к. *съ каждой лошади*, всего 18 р. 50 к., *а остальныя 5 р. 50 к. съ Любовича*, и удовлетворить ими Василья Соколова, о чемъ объявить тяжущимся съ росписко̀ю на семъ-же.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 3-го Сентября 1889 г. (№ 61). Волостной Судъ слушалъ словесное заявленіе крестьянъ с. Спасскаго Степана и Егора Маметьевыхъ, Ивана Петрова Карташева и Александра Портнягина, которые жалуются, что лошади однообщественниковъ ихъ, а именно Семена Карташева 5 лошадей, Ивана Одинцева 2, Матрены Семеновой 1, всего восемь лошадей, *вытравили у нихъ на поляхъ овса*, по свидѣтельству понятыхъ, у Степана Маметьева на 7 р. 50 к., Егора Маметьева на 3 р., Ивана Петрова Карташева на 10 руб. и Александра Портнягина на 3 руб., всего на 23 руб. 50 к.; по свидѣтельству понятыхъ *огородовъ оказалось изломанныхъ:* у Ивана Агафонова Щанова, Лаврентья Ларина, Власа Яковлева Карташева и Егора Иванова Егорова. Волостной Судъ на основ. 107 ст. Общ. Пол. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, коего между ними не состоялось, а потому постановилъ: *половину суммы за потоптаніе и потраву* (11 р. 75 к.) *взыскать съ сказанныхъ выше 5 чел., у которыхъ поскотина оказалась изломанною, и половину* (11 р. 75 к.) *съ хозяевъ лошадей* и удовлетворить потерпѣвшихъ, о чемъ объявить тяжущимся съ росписко̀ю.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Сентября 1887 г. (№ 66). Волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянки Елены Ивановой Пономаревой, которая жалуется, что крестьянинъ Иванъ Платоновъ Вагинъ, *заставъ въ своемъ овсѣ 5 свиней* принадлежащихъ просительницѣ, одну изъ нихъ приказалъ крестьянину Лукѣ Жукову *застрѣлить*. Иванъ Вагинъ показалъ, что свиньи Елены Пономаревой повадились ходить въ поле, дѣлали неоднажды потраву въ хлѣбахъ; о томъ, чтобы свиней Пономарева держала въ запертѣ, нѣсколько разъ была предупреждена Вагинымъ и многими другими жителями д. Батуриной; свиньи въ хлѣбѣ Вагина жили болѣе недѣли, что подтверждаютъ многіе жители д. Батуриной. Въ силу этой необходимости Вагинъ приказалъ застрѣлить свинью. Свидѣтельствовали потраву овса Вагина крестьяне д. Батуриной; Иванъ Мольковъ, Константинъ Андреевъ и помощникъ Волостного Старшины Лузинъ, оцѣнка *причиненнаго убытка свиньями Пономаревой въ 10 руб., а свинья убитая стоитъ 6 руб.*, слѣдовательно Вагинъ потерпѣлъ болѣе чѣмъ Пономарева. Свинья убитая поступила въ пользу Вагина. Волостной Судъ на осн. 107 ст. Общ. Пол. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: хотя Вагинъ понесъ отъ потравы болѣе убытковъ, чѣмъ Пономарева, но искать не желаетъ, поэтому жалоба Пономаревой остается безъ послѣдствія, о чемъ объявить тяжущимся съ росписко̀й.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Октября 1887 г. (№ 80). Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянъ с. Спасскаго 1-е) Александра Дементьева о томъ, что Степанъ Савельевъ *застрѣлилъ принадлежащихъ ему 6 поросятъ*; 2-е) Степана Савельева о томъ, что *поросята, принадлежащіе Дементьеву, вытравили почти всѣ овощи въ огородѣ его*; на спросъ Степанъ Савельевъ показалъ, что свиньи Александра Дементьева повадились ходить

къ нему въ огородъ и портить овощи, почему онъ *просилъ Дементьева надѣть на свиней вилки*, чтобы онѣ не могли ходить въ огородъ, но Дементьевъ на просьбу его не обратилъ вниманія, вслѣдствіе чего Савельевъ вынужденъ былъ застрѣлить одного поросенка, что и сдѣлалъ. Свидѣтельствовавшій огородъ сотскій Степанъ Карташевъ съ понятыми показалъ, что поросята Дементьева въ числѣ 6 штукъ испортили въ огородѣ Савельева около двухъ возовъ брюквы, Савельевъ дѣйствительно застрѣлилъ одного поросенка, двухъ закололъ самъ Дементьевъ, а 3 въ настоящее время живы. Показанный Дементьева поросенокъ былъ около 30 фун. вѣсу, что по существующей цѣнѣ стоитъ не болѣе 1 р. 50 к., два же воза брюквы стоятъ 4 р.. Волостной Судъ на основаніи 107 ст. Общ. Пол. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: крестьянина Александра Дементьева *за причиненный убытокъ, сдѣланный свиньями его Степану Савельеву слѣдовало взыскать 4 руб., но за исключеніемъ 1 р. 50 к. за убитую свинью* Савельевымъ, взыскать только 2 р. 50 коп. и удовлетворить ими Савельева; о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 2-го Декабря 1885 г. (№ 50). Спасскій Волостной Судъ, выслушавъ заявленіе крестьянина Спасской волости, д. Кандинской, Алексѣя Кандинскаго въ томъ, что выршавшіяся изъ двора молодыя лошади, принадлежащія уволенному въ запасъ арміи рядовому Егору Карташеву въ количествѣ 10 головъ *съѣли сѣно*, находившееся на елани, принадлежащее Кандинскому, четыре воза. Отвѣтчикъ рядовой Егоръ Карташевъ показалъ, что дѣйствительно жеребята вырвались изъ двора, убѣжали на елань и поѣли сѣно, принадлежащее Кандинскому, и что Кандинскій, загоняя жеребятъ въ деревню, напоилъ съ жару и тѣмъ испортилъ ихъ, и будто-бы одна кобыла выкинула. Волостной Судъ, сообразивъ вышеизложенное, находитъ, что *по заведенному въ здѣшней мѣстности обычаю, весь скотъ, находящійся на волѣ, загоняется во дворы какъ только выпадетъ снѣгъ, и съ того времени на волю скотъ не пускается, потому что крестьяне возятъ хлѣбъ и сѣно съ полей, разгораживаютъ остожья. Карташевъ вырвавшихся своихъ жеребятъ долженъ былъ сейчасъ-же поймать, недопуская чтобы они могли сдѣлать кому-либо вредъ*; пробывшихъ нѣсколько дней на елани Кандинскова загоняя жеребятъ не могъ ихъ испортить если они напились, и въ этомъ виновнымъ Кандинскаго признать нельзя, почему на основ. 107 ст. Общ. Пол. предложено тяжущимся примириться, но примиренія между ними не состоялось, а потому постановилъ: съ рядоваго Егора Карташева взыскать за съѣденное сѣно его жеребятами, принадлежащее крестьянину Кандинскову за четыре воза по одному руб. за каждый, всего четыре руб. и удовлетворить ими Кандинскаго, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ жс.

Приговоръ Нижне-Шубинскаго с. схода 14 Іюня 1888 г. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Томской губерніи и округа Спасской волости Нижне-Шубинскаго общества дер. Вороновой, бывъ на сельскомъ сходѣ сего числа, въ присутствіи сельскаго нашего старосты Коновова, гдѣ имѣли сужденіе *о раздѣлѣ нашей поскотины* и приговорили: раздѣлить оную на каждую душу годнаго работника, считая съ 15 лѣтъ возраста, *по 15 саж., и остальную оставшуюся поскотину раздѣлить по числу скотины* наличной: *въ жалыхъ лошадей и дойныхъ коровъ*; въ чемъ постановили сей приговоръ.

III. ЛѢСА.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Декабря 1888 г. (№ 83). Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянки д. Лучановой Арины Ивановой Барановой, которая жалуется, что отставной рядовой Иванъ Романовъ Петровъ *увезъ изъ ограды ея 18 возовъ березовыхъ дровъ, нарубленныхъ будто-бы въ его дачѣ.* Спрошенный на судѣ Петровъ показалъ, что *дѣйствительно сынъ Арины Барановой Семенъ вырубилъ дрова изъ его дачи, почему онъ перевезъ ихъ домой.* Волостные судьи осматривая дачи, принадлежащія Барановой и Петрову, нашли, что Семенъ Барановъ вырубилъ изъ дачи Петрова только 4 воза, а 14 возовъ принадлежатъ Барановой—слѣдовательно Петровъ увезъ ихъ самовольно. Волостной Судъ на основ. 107 ст. Общ. Пол. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: увезенные 14 возовъ дровъ изъ двора Барановой солдатомъ Петровымъ возвратить Барановой, которые Петровъ обязанъ свозить обратно въ ограду Барановой, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Рѣшен. Спасск. вол. суда 16-го Сентября 1886 г. Волостной Судъ слушалъ заявленіе крестьянина с. Спасскаго Михѣя Ларина, въ которомъ онъ жалуется, что во время отсутствія его въ г. Иркутскъ, гдѣ онъ проживалъ 10 лѣтъ, крестьянинъ одного съ нимъ села Петръ Яковлевъ Карташевъ вырубилъ изъ лѣсной его дачи 70 сосновыхъ лѣсинъ и рубилъ березовыя дрова, и представилъ *общественное удостовѣреніе* крестьянъ с. Спасскаго въ томъ, что *лѣсной участокъ, принадлежащій по надѣлу Михѣю Ларину, въ пользованіе Петра Карташева они не давали,* и что Карташевъ показалъ, что участокъ лѣса, за отсутствіемъ Ларина общество отдало въ пользованіе ему, каковой и былъ отведенъ Кандидатомъ Старосты Портвагиныхъ; ранѣе того участокъ этотъ назначался для отдачи въ пользованіе крестьянину Дмитрію Савельеву, но былъ отъ него отобранъ и передапъ ему, Карташеву; кандидатъ Филиппъ Темныхъ и крестьянинъ Савельевъ показали, что *общество села Спасскаго лѣсной участокъ, находящійся въ пользованіи у Ларина, за отсутствіемъ его изъ мѣста жительства болѣе 10 лѣтъ, отдало въ пользованіе Петру Карташеву;* въ справедливости этихъ показаній Волостной Судъ убѣждается, что дѣйствительно участокъ лѣса былъ отданъ Карташеву—чрезъ распросы по одиночкѣ жителей с. Спасскаго, а потому постановилъ: жалобу крестьянина Михѣя Ларина *оставить безъ послѣдствій, предоставить ему просить у общества о надѣлѣ его участкомъ лѣса,* о чемъ объявить ему и Карташеву съ росписью.

Приговоръ Спасскагосельск. схода 16 Мая 1889 г. Мы нижеподписавшіеся, крестьяне Томскаго округа, Спасской волости, села Спасскаго, бывъ въ общемъ собраніи на сельскомъ сходѣ, гдѣ имѣли сужденіе о томъ, что *лѣсныя дачи,* находящіяся въ нашей поскотинѣ, заблагоразсудили *передѣлить вновь;* опредѣляемъ *на каждаго годнаго работника по двѣ съ половиною десятины,* а также *старикамъ и вдовицамъ по одной съ четвертью десятины,* и по передѣлѣ всего лѣса, по соглашенію между собою, что *если у кого окажется излишекъ, то рощенный лѣсъ не отбирать, а взять порубленный безобидно,* и на основаніи сего приговора *въ дѣлежъ записы-*

ваемся участками: въ 1-мъ уч. 5 душъ годныхъ: Егоръ Егоровъ, Анисимъ Шубинъ, Александръ Портнягинъ, Степанъ Портнягинъ, Иванъ Матвѣевъ. Во 2-мъ 4 годныхъ и 4 полудушковъ: Семенъ Коневъ, Николай Коневъ, Варооломей Коневъ, Алексѣй Рябининъ, Лаврентій Ларинъ, Матвѣй Абросимовъ, Прасковья Ларина и Аграфена Полѣнова. Въ 3-мъ 7 душъ годныхъ и 2 полудушка: Иванъ Петровъ Карташевъ, Андрей Маметьевъ, Иванъ Волокитинъ, Ефимъ и Михаилъ Маметьевы, Василиса Глотова, Яковъ Ларинъ, Тимофѣй и Дмитрій Ларины. Въ 4-мъ 3 души: Сидоръ Ларинъ, Алексѣй Семеновъ и Андрѣй Шубинъ. Въ 5-мъ 2 годныхъ и 1 полудушекъ: Константинъ Коневъ, Василій Неномнящій и Михаилъ Родзеевъ. Въ 6-мъ 6 душъ годныхъ: Ефимъ Коневъ, Ефимъ и Михаилъ Логиновы, Егоръ и Иванъ Одинцовы и Герасимъ Коневъ. Въ 7-мъ 4 годн. и 2 полудушка: Иванъ и Викторъ Щетовы, Филиппъ Батрацкій, Павелъ и Оедотъ Васильченковы, Алексѣй Елизаровъ. Въ 8-мъ 5 годн. и 2 полудушка: Михаилъ, Филиппъ и Иванъ Ларины, Артемій Карташевъ, Матрена Семенова, Прасковья Шихова и Андрей Васильевъ..... Въ 23-мъ 1 годн.: Филиппъ Тѣстовъ. Въ 24-мъ 3 годн.: Василій Ларинъ, Лаврентій Карташевъ и Николай Дементьевъ. Въ 25-мъ 2 годн. Иванъ Ивановъ и Денисъ Дмитріевъ Карташевы. Въ 26-мъ 3 годн.: Иванъ Дмитр. Карташевъ, Никаноръ Маметьевъ и Кузьма Темновъ. Въ 27-мъ одинъ годн. Василій Карташевъ. Въ 28-мъ 6 годн.. Иванъ Ларинъ, Петръ Карташевъ, Александръ, Петръ и Фирсъ Дементьевы и Михаилъ Стефановскій. Въ 29-мъ 1 годн. Михаилъ Васильевъ. Въ 30-мъ 1 годн. Алексѣю Неномнящему, у Ипатовскихъ заворъ. Въ 31-мъ 3 годн. и 3 полудушка: Степанъ Геращенко, Михаилъ Яковлевъ, Михаилъ Елизаровъ, Михаилъ Яковлевъ и Тимофѣй Михайловъ Карташевы и Екатерина Пахандрина.

Рѣш. Спасск. вол. суда 16 го Мая 1888 г. (№ 27). Волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянской вдовы с. Спасскаго, Марфы Портнягиной, которая жалуется, что крестьянинъ Ефимъ Афонасьевъ Коневъ *вырубилъ изъ принадлежащей ей дачи три сажени березовыхъ дровъ* безъ дозволенія ея. Спрошенный на судѣ Ефимъ Коневъ объяснилъ, что дѣйствительно онъ нарубилъ въ дачѣ Портнягиной 3 сажени дровъ *потому будто-бы, что дачей этой былъ надѣленъ обществомъ.* По дознанію оказалось, что *Ефиму Коневу дозволено обществомъ рубить дрова изъ дачи Михаила Портнягина* свекра Марфы. Волостной судъ, признавая Конева виновнымъ, предложилъ тяжущимся, на основ. 107 ст. общ. пол. о кр., примириться, на что обѣ тяжущіяся стороны согласились на слѣдующемъ условіи: Коневъ обязанъ нарубить въ своей дачѣ три сажени, которыя Портнягина должна получить въ лѣсу, а потому постановилъ: жалобу Марфы Портнягиной, за примиреніемъ, оставить безъ послѣдствій, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Рѣш. Спасск. вол. суда 16-го Апрѣля 1888 г. (№ 22). Волостной судъ слушалъ заявленіе крестьянина Егора Алайцева, который жалуется, что односоцественники его (Спасской волости) Степанъ Васильевъ и Сергѣй Дементьевъ Поповы *вырубили въ его дачѣ около 20 возовъ березовыхъ дровъ.* Спрошенные на судѣ показали: Степанъ Поповъ, что онъ дѣйствительно вырубилъ 4 воза на подать, но общественный, а не его Алайцева, по уличается очевидцами, что рубилъ въ дачѣ Алайцева. Сергѣй Поповъ сознался, что ру-

былъ одинъ возъ въ дачѣ Алайцева. Волостной судъ, признавая виновными Степана и Сергѣя Поповыхъ въ порубкѣ дровъ въ дачѣ Алайцева, на основ. 107 ст. общ. пол. о кр., предложилъ тяжущимся примириться, что между ними не состоялось, а потому постановилъ: съ крестьянъ Поповыхъ, за вырубленные ими изъ дачи Алайцева 5 возовъ дровъ, взыскать по 60 коп., а именно: со Степана Попова 2 р. 40 к. и Сергѣя Попова 60 к., а за кражу арестовать при волостномъ правленіи каждаго на трое сутокъ; о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Приговоръ Вороновск. с. схода 3 Мая 1888 г. Мы нижеподписавшіеся крестьяне Томской губерніи и округа Спасской волости Нижне-Шубинскаго участка, бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ въ дер. Вороновой, имѣли между собой сужденіе *объ отобраніи лѣсной дачи* у нижепоименованнаго лица, *какъ пользующагося несоразмѣрно въ большемъ количествѣ лѣсомъ*, чѣмъ многіе изъ крестьянъ дер. Вороновой; а потому единогласно положили отобрать у крестьянина Никонора Губанова, надѣленнаго ранѣе лѣсными участками на семь душъ, а нынѣ выбывшими: средній братъ Никонора Губанова, съ Капитономъ и Василіемъ умерли, сынъ же Никонора Губанова Михаилъ изъ его семейства въ солдаты, а за всѣхъ этихъ лицъ Губановъ пользуется въ настоящее время лѣсными участками. Лѣсные участки на три умершихъ души и поступившаго въ солдаты, предположенные къ отобранію, находятся на лѣвой сторонѣ озерной дороги по рѣчкѣ Щербачихѣ.

IV. ОГОРОДЫ, КЕДРОВНИКИ, НАСѢКИ.

Рѣшеніе Спасск. вол. суда 1-го Ноября 1882 г. (№ 30). Спасскій волостной судъ, заслушивая двѣ докладныя записки крестьянина д. Пѣтуховой Ивана Андреева Большанина *о завладѣніи* уволеннымъ въ запасъ арміи рядовымъ Андреемъ Карташевымъ *земли въ огородѣ* и приговоръ общественниковъ д. Пѣтуховой, гдѣ они *приговорили: огородъ, находящійся при домѣ Карташева раздѣлить пополамъ и одну половину, ближайшую къ дому Карташева, отдать ему, Карташеву, а другую оставить во владѣніи крестьянина Большанина съ тѣмъ, что по смерти сего послѣдняго половина должна перейти во владѣніе Карташева*; опредѣляетъ: огородъ крестьянина Большанина, согласно представленному приговору, раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ ближайшую половину одну Карташеву оставить, а вторую половину крестьянину Большанину и послѣ смерти сей послѣднюю отдать во владѣніе Карташеву.

Рѣшеніе Спасск. вол. суда 2-го Іюля 1888 г. (№ 46). Волостной судъ слушалъ докладную записку, поданную крестьянкою д. Ѳедосѣевой Никола-

емъ Стуловымъ 1-мъ Г. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ 1 участка Томскаго округа, а имъ переданную на рѣшеніе волостного суда, который жалуется, что крестьяне д. Ѳедосѣевой въ 1886 г. *обложили податями сына его Афонасія, но сборами кедровыхъ шишекъ воспретили.* Спрошенные на судѣ крестьяне д. Ѳедосѣевой: Никандръ, Ѳедоръ, Сафонъ, Варламъ, Анкудинъ, Гавріилъ, Ефимъ Приходкины, Платонъ, Филиппъ Шевелевы, Иванъ Ивановъ, Тимофѣй Кратковичъ, Иванъ Пермитинъ показали: что они сыну Николая Стулова Афонасію *не дали сбивать кедровыя шишки потому, что Николай Стуловъ отказался платить подати* за сына своего Афонасія. Волостной судъ, имѣя въ виду, что *пай кедровыхъ шишекъ въ 1886 году давалъ прибыли отъ 40 до 80 руб.*, смотря по расторопности сборщика; *сынъ же Стулова Афонасій обложенъ былъ податьми около 10 р. въ годъ, почему нельзя дать вѣроятія, чтобы Стуловъ отказался платить за сына подати;* общество, не дозволяя сбивать Стулову шишки, поступило неправильно; на основаніи 107 ст. общ. пол. о крестьянахъ, предложилъ вышесказаннымъ крестьянамъ д. Ѳедосѣевой помириться со Стуловымъ, на что они не согласились, а потому постановилъ: *за недозволеніе сбирать кедровыя шишки* крестьянину Афонасію Стулову съ наемнымъ для лазки на кедры человѣкомъ *взыскать съ общества крестьянъ д. Ѳедосѣевой тридцать руб.* и удовлетворить имъ Афонасія Стулова, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ же.

Рѣшеніе Спасск. вол. суда 16-го Сентября 1886 г. (№ 26). Волостной судъ слушалъ заявленіе отставного рядового Феофила Никитина Туркина, который жалуется, что во время сбора кедровыхъ шишекъ крестьянами д. Батьевой, гдѣ онъ состоитъ на причисленіи, и онъ Туркинъ, отправился *въ кедровникъ въ четверомъ, какъ и прочіе, одинъ долженъ лазить на кедры, три человѣка подбирать шишки, а четвертый возить домой.* Набивши шишки одинъ возъ, хотѣлъ ѣхать домой; въ это время прибѣжали къ нему крестьяне д. Ботьевой: Елисѣй и Григорій Ботьевы, Игнатій Айкинъ и уволенный въ запасъ рядовой Василій Айкинъ, кричали: какое онъ имѣетъ право сбирать шишки, а затѣмъ всѣ четверо наносили ему побои и на крикъ его пріѣхалъ крестьянинъ Степанъ Айкинъ, который и отнялъ Туркина. Въѣхавъ въ деревню съ шишками, напалъ на него крестьянинъ Елисей Ботьевъ, вывалилъ изъ телѣги шишки среди улицы, почему онъ отправился домой съ пустой телѣгой. Виновные на судѣ крестьяне Елисей и Григорій Ботьевы и уволенный въ запасъ рядовой Василій Айкинъ показали, что они дѣйствительно отняли шишки у Туркина на томъ основаніи, что *общество недозволяло ему сбивать шишки*, побой ему не наносили. *Приговоромъ, постановленнымъ обществомъ* относительно утвержденнаго имъ порядка для сбора шишекъ *сказано: такъ равно и солдаты должны, которые не хотятъ, вмѣсто себя нанять одного сбойщика и затѣмъ 3-хъ сборщиковъ и одного возчика.* На основаніи этого приговора Туркину, какъ отставному солдату, не воспрещалось сбивать шишки. Волостной судъ, сообразивъ вышеизложенное, находитъ, что крестьяне Елисѣй и Григорій Ботьевы, Игнатій Айкинъ и уволенный въ запасъ рядовой Василій Айкинъ отобрали отъ Туркина шишки самопроизвольно, а потому постановилъ: за отобраніе самопроизвольно отъ отставного солдата Туркина кедровыхъ шишекъ взыскать съ крестьянъ Елисѣя и Григорія Ботьевыхъ, Игнатія Айкина и уволеннаго въ запасъ арміи Василія Айкина двад-

цать пять руб. и за самоуправство оштрафовать каждаго по два рубля въ мірской капиталъ.

Рѣшеніе Спасск. вол. суда 1-го Іюля 1888 г. (№ 29). Волостной судъ слушалъ словесное заявленіе крестьянина д. Аксеновой Василія Иванова Денисова, который жалуется, что 17 числа мая, придя на пасѣку, нашелъ *замореннюю горячей сѣрой пчелу въ пяти ульяхъ*. На спросъ его работавшій на пасѣкѣ плотникъ крестьянинъ Ѳедоръ Лебедевъ объяснилъ ему, что на пасѣку приходилъ крестьянинъ д. Аксеновой Родіонъ Евстигнѣевъ, ходилъ по пасѣкѣ, останавливаясь около ульевъ, заглядывалъ въ нихъ; Денисовъ *подозрѣнія имѣетъ въ замореніи пчелы на крестьянина д. Аксеновой Родіона Евстигнѣева потому, что Евстигнѣеву непріятно, что онъ имѣетъ пасѣку отъ его пасѣки въ 2 верстахъ* На отравленныхъ ульяхъ найдена накапавшая сѣра горюча, кромѣ того еще на двухъ колодкахъ найдена сѣра. Пчелы въ нихъ едва только живы и много уже пропало. Спрошенный на судѣ Евстигнѣевъ не отрицалъ и того, что былъ на пасѣкѣ Денисова, на пасѣкѣ ходилъ около ульевъ, но сѣрой пчелу не морилъ. Лебедевъ заявленіе Денисова подтвердилъ. Волостной судъ, находя Родіона Евстигнѣева виновнымъ въ умореніи пяти улей окончательно, а въ двухъ части пчелъ, на основ. 107 ст. общ. пол. о кр. предложилъ тяжущимся примириться, на что они не согласились, а потому постановилъ: съ крестьянина д. Аксеновой Радіона Евстигнѣева за отравленные пять ульевъ съ пчелами взыскать по пяти руб. за каждый улей а всего двадцать пять руб. для уплаты Денисову за убытки, понесенные имъ, а за злоумыселъ наказать Евстигнѣева двадцатью ударами розгами, о чемъ объявить тяжущимся съ росписью на семъ-же.

Рѣшеніе Ишимск. вол. суда 4-го Ноября 1885 г. (№ 80). Ишимскій волостной судъ слушалъ два заявленія крестьянъ д. Медвѣдчиковой Степана Медвѣдева и Константина Никулина, въ которыхъ они жалуются: первый Медвѣдевъ — что его *пчелу истребляетъ пчела* Никулина, а Никулинъ жалуется наоборотъ, *что Медвѣдева пчела истребляетъ его*. Явившіеся на судъ Медвѣдевъ и Никулинъ заявленія свои подтвердили, которымъ судъ предложилъ помириться, но отъ этого они отказались. Спрошенные по этому обстоятельству понятые, производившіе осмотръ пчелъ, принадлежащихъ какъ Медвѣдеву, такъ и Никулину, крестьяне д. Медвѣдчиковой Ларіонъ Егоровъ, Михаилъ Медвѣдчиковъ и Николай Алькинъ, объяснили, что пчела Медвѣдева гораздо сильнѣе, нежели Никулина, почему и не должно быть, чтобы пчела Никулина могла истреблять пчелу Медвѣдева. Пасѣки Медвѣдева и Никулина устроены у себя въ огородахъ на задахъ д. Медвѣдчиковой, разстояніемъ одна одна отъ другой чрезъ четырнадцать дворовъ. Первоначально пасѣка устроена Медвѣдевымъ, а затѣмъ послѣ того спустя годъ поставилъ пасѣку и Никулинъ. Волостной судъ опредѣляетъ: крестьянамъ Медвѣдеву и Никулину въ искѣ ихъ объ удовлетвореніи ихъ за произведенные пчелами убытки по бездоказательности отказать, а между тѣмъ *обязать Никулина, чтобы онъ пасѣку свою, устроенную послѣ Медвѣдева и въ очень близкомъ разстояніи, перенесъ въ другое болѣе отдаленное мѣсто*, дабы между ними не происходило никакихъ пререканій.

ГЛАВА X.

ПОДАТНОЕ ОБЛОЖЕНІЕ.

§ 1. Казенные окладные платежи; общіе размѣры податного обложенія и недоимка.

Въ отношеніи размѣра оклада казенныхъ платежей населеніе изслѣдованныхъ семи волостей должно быть разбито всего на двѣ категоріи: къ одной относятся участвующіе въ круговой порукѣ крестьяне-старожилы, а также нѣсколько группъ, не входящихъ въ круговую поруку — такъ называемыхъ причисленныхъ безъ согласія общества: крестьяне изъ ссыльныхъ полнаго оклада, польскіе переселенцы, сыновья ссыльныхъ и солдатскіе дѣти; другую, весьма малочисленную группу составляютъ крестьяне изъ ссыльныхъ половиннаго оклада.

Окладъ *крестьянъ-старожиловъ* и разныхъ видовъ *причисленныхъ безъ согласія общества*, входящихъ въ составъ *первой категоріи*, состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ частей, три изъ которыхъ имѣютъ постоянный размѣръ, а двѣ остальныя — размѣръ, измѣняющійся по трехлѣтіямъ сообразно измѣненіямъ въ количествѣ расходовъ, подлежащихъ удовлетворенію на счетъ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ средствъ. *Постоянныя* части податного оклада суть:

1) *Подушная* подать, размѣръ которой установленъ для разныхъ волостей различно въ зависимости отъ принадлежности каждой волости къ тому или другому изъ установленныхъ по губерніи разрядовъ. Именно, съ души взимается въ волостяхъ:

Ишимской и Семилужной . . .	1 р. 83 к..
Почитанской и Зырянской.. . .	1 р. 78 к..
Спасской, Нелюбинской и Баимской	1 р. 70 к..

2) *Оброчная* подать взимается въ одномъ опредѣленномъ размѣрѣ—по 3 р. 25 к. съ души,

и 3) Сборъ на *межеваніе земель*, во всѣхъ волостяхъ по 3 копѣйки съ души.

Измѣняющіяся части податного оклада суть:

1) Сборъ на *частныя волостныя повинности*, взимаемый въ одномъ опредѣленномъ для всѣхъ волостей общемъ размѣрѣ; на трехлѣтіе 1887—1889 г. этотъ размѣръ былъ установленъ въ 40 копѣекъ, на трехлѣтіе 1890—1892 г. онъ былъ пониженъ до 22½ копѣекъ.

2) Сборъ на *губернскія повинности* (иначе—губ. земск. сборъ) установляется въ различныхъ по разрядамъ мѣстностей размѣрахъ, причемъ разряды, установленные для обложенія этимъ сборомъ, не совпадаютъ съ разрядами, по которымъ измѣняются размѣры подушной подати.

Именно, въ трехлѣтіе 1887—1889 года на губернскія повинности взималось съ души въ волостяхъ:

Ишимской и Семилужной	74 коп.
Нелюбинской, Спасской, Почитанской и Зырянской	16 „
Баимской	31 „

На трехлѣтіе 1890—1892 сбора размѣры этого сбора также были понижены, но всего на 2 копѣйки съ души, такъ что съ души назначено было взимать: въ волостяхъ первой группы по 72 к., второй—по 44 к., третьей—по 29 копѣекъ. *)

На основаніи приведенныхъ данныхъ общій размѣръ душевыхъ окладныхъ платежей изобразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ волостяхъ	Ишимской и Семилужной . .	6 р. 25 к..
„ „	Почитанской и Зырянской . .	5 р. 92 к..
„ „	Нелюбинской и Спасской . .	5 р. 84 к..
„ „	Баимской	5 р. 69 к..

Цифры эти относятся, собственно говоря, къ трехлѣтію 1887—1889 года. На трехлѣтіе 1890—1892 года онѣ должны были повизиться. Но такъ какъ смѣта земскихъ повинностей на трехлѣтіе всегда запаздываетъ и выходитъ въ свѣтъ около середины перваго года этого трехлѣтія, то въ разосланныхъ на 1890 годъ окладныхъ ли-

*) Эти послѣднія три цифры взяты изъ источника, за точность котораго изслѣдователь не можетъ ручаться.

стахъ, на основаніи которыхъ производилась и самая раскладка податей, размѣры оклада были установлены еще въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ нормамъ предыдущаго трехлѣтія; только въ волостяхъ Ишимской и Семилужной ссыльные и вообще причисленные безъ согласія общества были обложены уже по пониженному окладу: въ первой по 6 р. 7¼ к., во второй — по 6 р. 6 к. съ души.

Крестьяне изъ ссыльныхъ половиннаго оклада не платятъ ни мѣстныхъ сборовъ (губернскаго и волостного), ни сбора на межеваніе земель; душевой платежъ ихъ слагается изъ половиннаго оклада податей подушной и оброчной, и слѣдовательно равенъ въ волостяхъ:

Ишимской и Семилужной	2 р. 54 к..
Почитанской и Зырянской.	2 р. 51½ к..
Нелюбинской, Спасской и Баимской.	2 р. 47½ к..

Если сопоставить цифры размѣровъ душевого оклада съ данными о качествѣ земельныхъ угодій, изложенными въ I томѣ настоящаго изслѣдованія, — то сдѣлается ясно, что распредѣленіе изслѣдованныхъ волостей по разрядамъ, установленное для обложенія ихъ подушною податью и губернскимъ сборомъ, не представляетъ никакого соотвѣтствія съ качествомъ угодій: на первомъ мѣстѣ въ смыслѣ размѣровъ душевого оклада стоятъ Ишимская и Семилужная волости, которыя по качеству угодій занимаютъ вмѣстѣ съ Баимскою послѣднія мѣста; напротивъ лучшія волости изслѣдованнаго края — Почитанская и Зырянская — принадлежатъ къ числу сравнительно мало обложенныхъ.

Общая сумма окладныхъ казенныхъ и земскихъ платежей, причитавшаяся съ населенія изслѣдованныхъ семи волостей по окладнымъ листамъ 1890 года, выражалась въ нижеслѣдующихъ цифрахъ:

(См. таблицу на слѣд. страницѣ).

Такимъ образомъ шестидесятипятитысячное населеніе изслѣдованныхъ семи волостей уплачиваетъ почти 109 тысячъ рублей окладныхъ сборовъ, изъ которыхъ около 14 тысячъ лежитъ на крестьянахъ изъ ссыльныхъ и вообще лицахъ „некругового ручательства", остальныя 94½ тысячи — на полномочныхъ крестьянахъ-старожилахъ или новоселахъ, связанныхъ общинною круговою порукой.

Посмотримъ теперь, какъ относится лежащій на сельскомъ населеніи изслѣдованнаго края податной окладъ (включая окладъ лицъ „некругового ручательства") съ одной стороны — къ общему количеству удобныхъ земель *), съ другой — къ общей площади запашекъ **) (эту послѣднюю величину мы беремъ, въ виду отсутствія

*) См. въ I томѣ изслѣдованія, стр. 22.
**) Тамъ-же, стр. 237.

(Къ предъидущей страницѣ).

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Съ крестьянъ, связанныхъ круг. порукой		Съ разныхъ категорій ссыльн. и вообще причисленныхъ безъ согл. общ.		ВСЕГО	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.	рубли.	коп.
Нелюбинская	8.389	89	1.530	82	9.920	71
Спасская	10.856	56	478		11.334	56
Семилужная	9.525	10	2.466	42	11.991	52
Ишимская	20.737	50	3.378	67	24.116	17
Всего по 4 вол. Томск. округа	49.509	05	7.853	91	57.362	96
Почитанская	20.486	49	3.793	20	24.279	69
Зырянская	8.915	82	1.827	90	10.743	72
Бапмская	15.613	36	762	29	16.375	65
Итого по 3 вол. Маріинскаго округа	45.015	67	6.383	39	51.399	06
Всего по 7 волостямъ . . .	94.524	72	14.237	30	108.762	02

въ нашихъ матеріалахъ данныхъ объ общемъ количествѣ пахатныхъ земель). Соотношеніе это изображено въ табличкѣ на стр. 303.

По размѣру доли окладной платежной суммы, падающей на десятину удобной земли, изслѣдованныя волости, такимъ образомъ, распадаются на двѣ группы, границы которыхъ совпадаютъ съ границами округовъ: въ четырехъ волостяхъ Томскаго округа десятина удобной земли обложена суммою, колеблющеюся между 12 и 19 копѣйками, въ трехъ волостяхъ Маріинскаго округа — всего 6 копѣйками. По размѣру обложенія десятины запашки, какъ и можно было ожидать, замѣчается рѣзкое различіе между тѣми двумя районами, на которые изслѣдованный край раздѣляется на основаніи главнымъ образомъ различій въ размѣрахъ и продовольственномъ значеніи земледѣлія: въ

(Къ предъидущей страницѣ).

	ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.	Окладныхъ платежей падаетъ	
		на десятину удобн. земли, копѣекъ.	на десятину запашки, копѣекъ.
Томскій округъ.	Нелюбянской	14	406
	Спасской.	17	405
	Семилужной.	12	233
	Въ итогѣ по 3 пригородн. вол.	14	320
	Ишимской	19	119
Мариинск. округъ.	Почигапской	6	76
	Зырянской		73
	Баимской	6	104
	Въ итогѣ по 4 земледѣльч. вол.	8	92

Томскомъ, промысловомъ районѣ десятина запашки обложена такою совершенно непосильною, при существующихъ условіяхъ, суммой, какъ 3 р. 20 к., а въ двухъ волостяхъ — даже 4 рубля съ копѣйками; въ Чулымскомъ, земледѣльческомъ районѣ обложеніе десятины запашки колеблется между 73 к. и 1 р. 19 к., а въ общемъ выводѣ по району составляетъ всего 92 копѣйки, — въ $3^1/_2$ раза меньше, нежели въ среднемъ по волостямъ Томскаго района. Ясно, что только въ Чулымскомъ районѣ пашня способна дать и дѣйствительно даетъ населенію средства для оплаты казенныхъ сборовъ; въ Томскомъ районѣ источникомъ для покрытія послѣднихъ является не земледѣліе, а тѣ или другія промысловыя занятія.

Но податной окладъ представляетъ собою лишь меньшую часть лежащаго на населеніи изслѣдованнаго края платежнаго бремени. Въ составъ послѣдняго входятъ еще самыхъ разнообразныхъ наименованій сборы и натуральныя повинности — земскія, волостныя, приходскія и сельскія. Въ слѣдующемъ § представлена будетъ обстоятельная — на-

сколько позволилъ матеріалъ—разработка данныхъ о размѣрахъ всѣхъ этихъ сборовъ и повинностей. Опредѣлить *полную* сумму тѣхъ и другихъ намъ, по неудовлетворительности матеріала, не удалось; но мы имѣемъ основаніе думать, что допущенная при подсчетѣ общей ихъ суммы ошибка—во всякомъ случаѣ ошибка въ сторону уменьшенія—незначительна и никакъ не можетъ существенно повліять на возможные выводы.

На основаніи приведенныхъ въ слѣдующемъ § данныхъ, общіе итоги сборовъ и оцѣнокъ натуральныхъ повинностей изобразятся въ слѣдующихъ минимальныхъ цифрахъ:

сборы и повинности:	
волостныя и земскія	79.901 р.
приходскія	16.437 „
сельскія.	43.042 „
всего сборовъ и повинностей.	139.380 р.,

а вмѣстѣ съ казенными окладными платежами податное обложеніе населенія изслѣдованнаго края изобразится суммою—опять-таки минимальною— въ 248.142 рубля, что составитъ:

на наличную душу мужескаго пола . . .	7 р. 96 к..
„ десятину удобной земли	$20,_5$ к..
„ десятину запашки	2 р. 67 к..

Для того, чтобы узнать размѣръ обложенія, падающаго на платежную единицу — на ревизскую душу крестьянъ-старожиловъ и новоселовъ, состоящихъ въ круговой порукѣ, которые собственно говоря одни являются плательщиками мірскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей,—мы должны взять другой итогъ, прибавивъ сумму сборовъ и повинностей къ суммѣ лежащаго на *этихъ* категоріяхъ населенія податного оклада — 94.525 рублей. Тогда общая сумма лежащаго на нихъ податного бремени окажется равною 233.905 рублямъ, что въ среднемъ на каждую изъ 15.514 ревизскихъ душъ составитъ по 15 рублей 8 копѣекъ. Изъ этой общей суммы на ревизскую душу приходятся:

податного оклада	6 р. 10 к..
волостныхъ и земскихъ повинностей	5 р. 15 к..
приходскихъ „	1 р. 08 к..
сельскихъ „	2 р. 77 к.,

и такимъ образомъ податной окладъ составляетъ всего 40,4% податного бремени, а остальные 59,6% — почти три пятыхъ — слагаются изъ волостныхъ (и земскихъ), приходскихъ и сельскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей.

Провѣрить этотъ выводъ опытными данными мы не имѣемъ возможности: мы имѣемъ, правда, въ нашемъ распоряженіи массу раскладочныхъ приговоровъ, но съ одной стороны въ нихъ идетъ рѣчь только о денежныхъ расходахъ, да и по отношенію къ послѣднимъ не рѣдко оказываются существенные пробѣлы; съ другой — размѣръ оклада вездѣ выводится на „годную“ душу и „полудушки“ и потому не можетъ служить провѣркой полученной нами средней на *ревизскую* душу цифрѣ,— тѣмъ болѣе не можетъ, что значеніе „годной души“ въ зависимости отъ принятаго порядка раскладки и различій въ приростѣ населенія, является не постоянною, а въ высшей степени измѣнчивою величиною. Тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ привести здѣсь тѣ случаи, въ коихъ мы могли съ полною точностію опредѣлить размѣры обложенія „годной“ души. Такихъ случаевъ всего пять, изъ коихъ два относятся къ внѣтрактовымъ, три—къ трактовымъ селеніямъ.

Въ д. *Спасо-Яйской* и *Усманкѣ* (Шишм. вол.—обѣ внѣтрактовыя) приговорами *) постановлено съ лицъ, находящихся въ отлучкахъ, „прибавлять за натуральныя повинности по 5 рублей съ каждаго“; а такъ какъ размѣръ душевого оклада денежныхъ платежей въ Спасо-Яйской равенъ былъ въ 1890 г. 10 р. 53 к., въ Усманкѣ—13 р. 80 к., то общій размѣръ обложенія равенъ въ первой 15 р. 53 к., во второй—18 р. 80 к..

Въ с. *Тяжинскомъ и Сусловскомъ* (Бапм. вол., оба трактовыя), бываютъ случаи найма на отбываніе всѣхъ натуральныхъ повинностей, вмѣстѣ съ „кормежами“, за сумму отъ 8—10, въ среднемъ за 9 рублей. Прибавляя эту цифру къ суммѣ денежныхъ платежей (12 р. 78 к. и 12 р. 35 к.), получимъ полный размѣръ обложенія „годной души“ равнымъ: въ с. Тяжинскомъ 21 р. 78 к., въ Сусловскомъ— 21 р. 35 к..

И наконецъ въ с. *Колыонскомъ* (Почит. вол., трактовое) крестьяне, живущіе на пріискахъ, для полученія паспорта должны высылать по 20 р. въ годъ за „годную“ душу.

Перейдемъ теперь къ вопросу о *податной недоимкѣ*. Состояніе послѣдней къ 1 января 1890 года изобразится въ слѣдующей таблицѣ:

---

*) Спасо-Яйск. с. с. 24. III. 90 и Усман. 3. III. 90.

ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.	Общая сумма недоимки къ 1 Января 1890 г.					
	у крестьянъ, связанныхъ кругов. порукой.		у семьныхъ и вообще несвязан. кругов. порукой.		ВСЕГО.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.	рубли.	коп.
Нелюбинской	2.872	17	10.026	23	12.898	40
Спасской	820	34	2.343	40	3.163	74
Семилужной	9.956	80	15.478	37	25.435	17
Ишимской	50.377	31	18.149	25	68.526	56 *
Итого. . .	64.026	62	45.997	25	110.023	87
Почитанской	2.636	12	7.974	56	10.610	68
Зырянской	310	27	4 030	67	4.340	94
Банмской	18.466	53	14.352	54	32.819	07
Итого. . .	21.412	92	26.357	77	47.770	69
Всего по 7 волостямъ . . .	85.439	54	72.355	02	157.794	56

Чтобы составить себѣ правильное понятіе о значеніи этихъ цифръ, посмотримъ, какія доли годичнаго податного оклада состоятъ въ недоимкѣ, по каждой волости и категоріи плательщиковъ особо. Процентныя отношенія, изображающія эти доли, сведутся въ слѣдующей таблицѣ: (Таблица на слѣд. страницѣ)

Такимъ образомъ, прежде всего, почти половина всей числящейся за сельскимъ населеніемъ изслѣдованнаго края недоимки состоитъ за крестіянами изъ семьныхъ и вообще лицами, не состоящими въ общественной круговой порукѣ. Въ общемъ выводѣ для волостей Томскаго округа недоимка лицъ этой категоріи почти въ шесть разъ превышаетъ годовой окладъ причитающихся съ нихъ платежей, а по отдѣльнымъ селеніямъ недоимка лицъ, состоящихъ на личной отвѣтственности, составляетъ отъ 490 до 654% годового оклада. Еще гораздо

*) По другимъ свѣдѣніямъ всего 59.780 р. 58 к.

(Къ предыдущей страницѣ).

ВЪ ВОЛОСТЯХЪ:	На 100 рублей оклада приходится недоимки у населенія:		
	связаннаго круговою порукою.	не связаннаго круговою порукою.	у всего населенія.
Мелюбинской.	34,2	654,8	130,0
Спасской	7,6	490,3	27,9
Семилужной	104,7	627,5	212,1
Ишимской.	242,9	537,2	284,2
Итого по 4 вол. Томск. окр. .	129,3	585,7	191,8
Почитанской	12,9	210,2	43,7
Зырянской	3,5	220,5	40,4
Баимской	118,3	1883,5	201,0
Итого по 3 вол. Мар. окр. .	47,3	412,9	90,9
Всего по 7 волостямъ.	90,4	508,2	145,1

больше — 1883 % оклада! — недоимка на лицахъ „некругового ручательства" въ одной изъ волостей Маріинскаго округа — Баимской; по остальнымъ двумъ волостямъ этого округа крестьяне изъ ссыльныхъ и т. п. платятъ подати относительно исправнѣе, такъ что недоимка здѣсь лишь немногимъ больше двойного податнаго оклада. Въ общемъ все-таки можно сказать, что лица, входящія въ составъ разсматриваемой категоріи, лишь въ видѣ исключенія являются плательщиками податей; въ видѣ общаго правила различіе между ссыльными льготными, исключенными изъ оклада, состоящими на полномъ и на половинномъ окладѣ, фактически не существуетъ: окладные ссыльные, пользуясь отсутствіемъ надъ собою давленія общины (которая, не будучи обязана за нихъ круговою отвѣтственностью, относится къ платежу или неплатежу ими окладныхъ сборовъ совершенно индифферентно), въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно не платятъ числящихся на нихъ по окладнымъ листамъ сборовъ.

Что́ касается затѣмъ до полноправныхъ крестьянъ-общинниковъ, старожиловъ и новоселовъ, связанныхъ взаимною круговою порукой, то у нихъ недоимка является, можно сказать, не общимъ правиломъ, а исключеніемъ. Останавливаясь на поволостныхъ цифрахъ, мы видимъ прежде всего, что недоимка въ двухъ лучшихъ по изобилію земель и почвеннымъ условіямъ волостяхъ земледѣльческаго района совершенно ничтожна (всего 12,4 и 3,5% оклада); она очень невелика (7,6 и 34,2%) и въ двухъ изъ волостей пригороднаго района; въ третьей — Семилужной — она достигаетъ уже очень почтеннаго размѣра, превышая годовой податной окладъ, но, какъ мы увидимъ ниже, она цѣликомъ или почти цѣликомъ является результатомъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ и потому не можетъ служить симптомомъ ослабленія платежной способности населенія, которое въ дѣйствительности и здѣсь платитъ подати съ полною исправностью. Такимъ образомъ *платежная способность населенія*, насколько объ ней можно судить по размѣрамъ недоимокъ, въ *пяти изъ семи волостей изслѣдованнаго края можетъ быть признана вполнѣ удовлетворительною;* опирается она въ земледѣльческихъ волостяхъ — Почитанской и Зырянской — на весьма еще высокую, несмотря на первобытность хозяйственныхъ порядковъ, производительность пахатныхъ земель, въ трехъ пригородныхъ волостяхъ — на обусловливаемое близостью города изобиліе выгодныхъ промысловыхъ заработковъ: и это послѣднее основаніе платежной способности должно быть признано едва-ли не болѣе прочнымъ и устойчивымъ, нежели зависящее отъ огромной массы случайностей земледѣліе. Затѣмъ *въ двухъ изъ волостей земледѣльческаго района* -Ишимской и Баимской, — *характеризуемыхъ и меньшимъ изобиліемъ, и гораздо слабѣйшею производительностью пахатныхъ земель, платежная способность населенія представляется въ значительной мѣрѣ подорванною:* въ Баимской волости лежащая на связанномъ круговою порукой населеніи недоимка достигаетъ 118,3%, въ Ишимской — даже 242% годичнаго податного оклада; въ Ишимской волости, правда, довольно значительная часть (2/5, а то и половина) недоимки должна быть отнесена на счетъ случайныхъ причинъ (см. ниже), но во всякомъ случаѣ и тотъ остатокъ, который является прямымъ результатомъ упадка платежной способности, не ниже полуторнаго размѣра годичнаго податного оклада.

Чтобы составить себѣ правильное понятіе о значеніи недоимки, представляется весьма полезнымъ не только изучить ее въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась въ моментъ изслѣдованія, но и прослѣдить колебанія ея размѣровъ за болѣе или менѣе длинный рядъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, мы можемъ сдѣлать это только по отношенію

къ пяти изъ изслѣдованныхъ семи волостей, и то не ко всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ: по тремъ изъ нихъ – Спасской, Нелюбинской и Баимской—мы имѣемъ данныя за 21-лѣтній періодъ, по каждой категоріи населенія особо; по Семилужной волости мы имѣемъ свѣдѣнія только съ 1879 г. (за болѣе ранніе годы документы сгорѣли), по Ишимской—съ 1872 года, но не за всѣ года, а съ большими перерывами, и притомъ по обѣимъ послѣднимъ волостямъ—безъ раздѣленія по категоріямъ населенія. Сводъ этихъ данныхъ представленъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года (къ 1 Января).	категоріи населенія.	Размѣры недоимки въ волостяхъ:				
		Баимской.	Нелюбинской.	Спасской.	Семилужной.	Ишимской.
		р	у	б	л	е й
1870	крестьяне . .	5939	371	7638		983
	ссыльные и пр.	7643	7850	1859		
1871	крестьяне . .	5705	1623	7363		
	ссыльные и пр.	7364	13598	2370		
1872	крестьяне . .	5220	1908	5824		
	ссыльные и пр.	8198	15674	1810		
1873	крестьяне . .	6419	2122	6863		
	ссыльные и пр.	6993	14952	702		
1874	крестьяне . .	6490	2772	6813		
	ссыльные и пр.	6325	18093	762		
1875	крестьяне . .	9433	2886	6924		
	ссыльные и пр.	7123	18270	738		
1876	крестьяне . .	8502	3293	3057		
	ссыльные и пр.	7254	20594	740		
1877	крестьяне . .	5868	3525	2726		
	ссыльные и пр.	6645	17321	552		

Года (къ 1 Января.)	категоріи населенія.	Размѣры недоимки въ волостяхъ:				
		Баимской.	Челябинской.	Спасской.	Семилужной.	Шишмской.
1878	крестьяне . .	5927	5226	2328		31639
	ссыльные и пр.	5537	24493	1049		
1879	крестьяне . .	6986	3627	2698	22336	
	ссыльные и пр.	6529	15367	1051		
1880	крестьяне . .	6996	2471	—	15943	
	ссыльные и пр.	7327	12066	1882		
1881	крестьяне . .	6976	2634	—	29135	
	ссыльные и пр.	5594	11976	1592		
1882	крестьяне . .	8637	2867	—	30271	
	ссыльные и пр.	6750	12886	1436		
1883	крестьяне . .	11904	3118	—	36483	47805
	ссыльные и пр.	8547	13118	1616		
1884	крестьяне . .	7799	2845	1118	10901	
	ссыльные и пр.	3641	9455	1022		
1885	крестьяне . .	14472	2896	580	21827	
	ссыльные и пр.	4552	10166	1131		
1886	крестьяне . .	17228	2867	681	15174	57020
	ссыльные и пр.	6989	14205	1578		
1887	крестьяне . .	14010	2955	450	18867	59916
	ссыльные и пр.	8173	12869	1715		
1888	крестьяне . .	17948	2938	558	18016	61746
	ссыльные и пр.	10714	11878	1692		

Года (къ 1 Января.)	категоріи населенія.	Размѣры недоимки въ волостяхъ.				
		Баимской.	Нелюбинской.	Спасской.	Семилужной.	Ишимской.
1889	крестьяне . .	17427	2872	720	23957	58860
	ссыльные и пр.	12429	13226	1935		
1890	крестьяне . .	18467	2872	820	25435	59781
	ссыльные и пр.	14353	10026	2343		

Колебанія погодныхъ цифръ недоимки въ разныхъ волостяхъ имѣютъ далеко не одинаковый характеръ. Въ *Спасской* волости крестьянская недоимка, въ началѣ 70-хъ годовъ довольно значительная, безпрерывно убываетъ до 1880 года; въ этомъ году она совершенно исчезаетъ, и съ 1880 по 1883 г. окладъ взыскивается безнедоимочно. Въ 1884 г. недоимка появляется вновь и до самаго 1890 года колеблется въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ 558 р. и 1118 р. на цѣлую волость. Въ *Нелюбинской* волости недоимка на крестьянахъ появляется, повидимому, въ самомъ началѣ 20-лѣтняго періода и непрерывно растетъ до 1878 г., когда размѣръ ея доходитъ до 5226 рублей. Въ 1879 году она уменьшается на половину и съ тѣхъ поръ стоитъ почти на одномъ уровнѣ 2800 — 2900 р.; податной окладъ, такимъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ 12 лѣтъ вносился вполнѣ исправно, и только маленькая недоимка прежнихъ лѣтъ безпрерывно переходила изъ одного года въ другой,—что позволяетъ сдѣлать предположеніе о случайномъ характерѣ этой недоимки (см. ниже). Въ *Семилужной* волости цифры за послѣднія 12 лѣтъ представляютъ собой неправильно колеблющійся рядъ, гдѣ рѣзкія повышенія цифръ чередуются съ еще болѣе рѣзкими пониженіями; особенно велико было пониженіе отъ 1883 къ 1884 г. (съ 36 тыс. до 11 тыс.) — очевидно подъ вліяніемъ дѣйствія Всемилостивѣйшаго манифеста 15 Мая 1883 года; цифры эти относятся однако ко всѣмъ категоріямъ платежнаго населенія; если-бы была возможность выдѣлить цифры собственно крестьянской недоимки, то несомнѣнно (почему—увидимъ изъ дальнѣйшаго), что эти цифры обнаружили-бы безостановочное, прер-

ванное лишь вліяніемъ Манифеста 1883 г., стремленіе къ повышенію. Съ полною рѣзкостью это стремленіе обнаруживается по отношенію къ *Ишимской* волости: здѣсь въ 1870 году недоимки почти не было (всего 983 рубля со всѣхъ категорій населенія). Возникнувъ, очевидно, подъ вліяніемъ неурожаевъ начала 70-хъ годовъ, недоимка уже къ 1878 году дошла до 31 тысячи, къ 1888 году — до 60, а къ 1890 году, какъ видно изъ помѣщенныхъ на стр. 306 болѣе точныхъ данныхъ,—до 68 тысячъ. Наконецъ въ *Баимской* волости недоимка тоже растетъ, хотя и съ меньшею быстротой, нежели въ Ишимской: начавшись въ 1870 г. съ 6 тысячъ рублей, крестьянская недоимка къ 1875 г. доходитъ до $9^1/_2$ тысячъ; къ 1878 г. она опять опускается до 6 тысячъ, но съ 1879 г. опять начинаетъ расти и къ 1890 году доходитъ до $18^1/_2$ тысячъ.

Обращаемся затѣмъ къ вопросу о *причинахъ* возникновенія и роста недоимокъ. Причины эти могутъ быть разбиты на двѣ категоріи. Съ одной стороны—причины, такъ сказать, общаго характера, ясныя уже изъ предыдущаго изложенія и вообще не требующія, въ силу самой своей общности, обстоятельнаго разъясненія: по отношенію къ крестьянамъ старожиламъ и новоселамъ это — упадокъ платежной способности населенія, обусловливаемый плохими урожаями хлѣбовъ отчасти — падежами скота, вообще, какъ констатируется въ приговорѣ Ишимскаго волостнаго схода отъ 28 Мая 1883 г. за № 9, слѣдствія „постигавшихъ упадковъ скота, неурожаевъ хлѣба, пожаровъ, наводненій и тому подобныхъ несчастныхъ случаевъ“. Этими причинами появленіе и ростъ недоимокъ на крестьянахъ-старожилахъ были вызваны въ Баимской волости, въ очень значительной мѣрѣ—въ Ишимской, и лишь въ самой небольшой мѣрѣ — въ Семилужной. Причины, вызывающія ростъ недоимокъ на лицахъ, не входящихъ въ общественную круговую поруку, опять таки понятны безъ подробныхъ объясненій, почему мы и ограничимся приведеніемъ характернаго отрывка изъ того-же приговора Ишимскаго вол. схода, заключающаго въ себѣ довольно обстоятельное разъясненіе этихъ причинъ: недоимка, какъ констатируется въ приговорѣ, „накопилась.... „б.) на крестьянахъ изъ *ссыльныхъ* и ссыльно-поселенцахъ большею „частью потому, что хотя нѣкоторые и занимаются хлѣбопашествомъ, „но по лѣности своей не занимаются сельскимъ хозяйствомъ, а по „привычкѣ своей употребляютъ рабочіе дни болѣе на пьянство и „праздношатательство....; остальныя же затѣмъ лица этой категоріи, „не имѣющія осѣдлости, шляются по разнымъ мѣстамъ безъ письмен„наго вида и занимаются мошенничествомъ: хотя полицейскія власти „въ случаѣ ихъ задержанія и высылаютъ, но они во время слѣдова„нія до мѣста причисленія дѣлаютъ побѣги, и такимъ образомъ по-

„стоянно находятся въ отлучкахъ; в) на *поселенческихъ дѣтяхъ* — „какъ лицахъ свыкшихся съ характеромъ своихъ родителей: [изъ нихъ] „также самая малая часть имѣютъ хозяйство и хлѣбопашество, остальные также на мѣстахъ причисленія ихъ родителей не живутъ, и многіе изъ нихъ находятся на промыслахъ безъ видовъ, гдѣ ихъ по „неизвѣстнымъ намъ причинамъ продерживаютъ; г) изъ числа *польскихъ переселенцевъ* хотя и занимаются нѣкоторые сельскихъ хозяйствомъ, но въ самомъ незначительномъ количествѣ; бо́льшая часть „изъ нихъ также въ мѣстахъ причисленія не находится, а въ разныхъ „мѣстахъ въ прислугахъ у торгующихъ лицъ, и какъ характеромъ „своимъ заслуживаютъ довѣріе, то проживаютъ также безъ видовъ, „почему мѣста ихъ жительства неизвѣстны, а безъ требованія видовъ „и накопляется каждогодно на нихъ недоимка".

Независимо отъ этихъ причинъ общаго характера, коренящихся въ основныхъ условіяхъ жизни отдѣльныхъ категорій крестьянскаго населенія, недоимка въ весьма значительной мѣрѣ является продуктомъ причинъ, которыя можно обозначить, какъ случайныя. Такими причинами являются неправильные *начеты излишняго податного оклада* и *растраты* податныхъ суммъ, совершаемыя сельскими, а иногда и волостными должностными лицами.

Начеты излишняго податного оклада мы можемъ констатировать въ волостяхъ Ишимской и Семилужной. Въ Ишимской волости, какъ видно изъ цитированнаго уже приговора волостного схода отъ 28 Мая 1883 г. за № 9, „при повѣркѣ въ Маѣ 1879 года счетовъ волостного правленія со счетами Томскаго губернскаго казначейства, оказалось слѣдующее: по окладнымъ листамъ Томской каз. палаты въ „1874 г. показано 5388 душъ, тогда какъ за послѣдовавшими въ „1873 г. причисленіями и исключеніями къ 1874 г. состояло только „5115 душъ, слѣдовательно по окладному листу показано болѣе на „273 души и на нихъ окладныхъ сборовъ 1550 р. 96 к.. Въ 1875 г. „по окладному листу показано также болѣе на 256 душъ и на нихъ „окладныхъ сборовъ 1452 р. 13 к.; въ 1876 г. показано болѣе на „228 душъ и на нихъ окладныхъ сборовъ 1294 р. 47 к.; въ 1877 г. „показано болѣе на 229 душъ и на нихъ сборовъ 1300 р. 14 к., „въ 1878 г. показано болѣе тоже на 229 душъ и на нихъ болѣе „1300 р. 14 к., и въ 1879 году показано болѣе на 253 души и „на нихъ сборовъ 1534 р. 44½ к., почему казенною палатою было „обложено окладныхъ сборовъ болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало по числу „дѣйствительно состоявшихъ душъ 8432 р. 15 к.; кромѣ этого также „не исключено согласно распоряженія казенной палаты съ крестьянъ „Ишимской волости въ 1876 году 282 р. 71 к., съ переселенцевъ

„Великороссійскихъ губерній 366 р. 53 к. и польскихъ переселен-„цевъ 727 р. 12 к.. Равнымъ образомъ губернское казначейство по „полугодовой вѣдомости казенной палаты отъ 12 Августа 75 года за „№ 14451 не доисключило недоимки и оклада 1875 г. съ убылыхъ „душъ слѣдовавшіе въ губернскія повинности 127 р. 82 к., какъ „таковой вовсе не имѣлось; въ 1875 г. Губ. казначейство показы-„вало хозяйств. капитала къ 1876 году 427 р. 25 к., тогда какъ „слѣдовало только 281 р. 9½ к., т. е. болѣе на 146 р. 15½ к.,— „такимъ образомъ къ 1879 году исчислено на Ишимскую волость не-„правильной недоимки 8548 р. 5 к., оклада 1534 р. 44½ к., ко-„торая и подлежитъ сложенію". Въ 1879 и 1880 годахъ по этому поводу происходила переписка съ казенною палатой, и по произведен-ной 7 Апрѣля 1880 г. новой провѣркѣ вся сумма излишне насчитан-ной къ 1879 недоимка оказалась равною 10.624 р. 36, почему во-лостное правленіе и ходатайствовало „о сложеніи неправильно насчи-„танной податной недоимки 1) съ госуд. крестьянъ 10.624 р. 36 к., „2) 1534 р. 44½ к. за 253 души излишне обложенныхъ палатою „въ 1879 г.; 3) 540 р. 56 к. за крестьянъ, проживающихъ въ Се-„мирѣченской области. 4) 1617 р. 2 к. за крестьянъ, проживаю-„щихъ въ Благовѣщенскомъ заводѣ Уфимской губ. [illegible], и 5) 1557 р. „42 к. оклада 1880 г. за 257 душъ излишне обложенныхъ, а всего „15873 р. 89½ к.." Несмотря на повторныя ходатайства „никакого распоряженія" по этому предмету не послѣдовало, и неправильными начетъ податнаго оклада продолжался и дальше; всего за 2½ года было насчитано лишнихъ еще 3893 р. 55 к., такъ что приговоромъ 28 Мая 1883 г. Ишимскій волостной сходъ ходатайствовалъ о сложеніи неправильно насчитанной недоимки въ размѣрѣ уже 19767 рублей 44½ к.. Ходатайство это, сколько намъ извѣстно, и до настоящаго времени не получило удовлетворенія.

Въ Семлужной волости, какъ видно изъ ежегодно постановлявшихся волостнымъ сходомъ приговоровъ [illegible]), „по счетамъ волостного „правленія и сельскихъ старостъ числится менѣе [на] 113 душъ про-„тивъ окладного листа казначейства неправильно причисленныхъ казен-„ною палатой съ 1876 года"; что это за души—трудно сказать: въ одномъ приговорѣ говорится о „душахъ, возвратившихся въ Уфим-скую и другія губерніи" (18. 1. 90 г.); въ другомъ—о „крестьянахъ

*) Это переселенцы, причислившіеся къ д. Б. Дороховой и скоро вернувшіеся обратно; къ 1890 г. недоимка съ нихъ дошла уже до 2903 р. 92 к.

**) Напр. прот. 20. 1. 82, 20. 1. 88, 18. 1. 90 и др.

изъ ссыльныхъ со льготою, вводимыхъ въ податной окладъ" (20. 1. 82), въ третьемъ о душахъ „какихъ именно неизвѣстно" (20. 1. 88),— но самый фактъ наличности излишне насчитываемыхъ душъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Уже 23 Апрѣля 1881 года составленный объ этомъ актъ „представленъ въ Томское губ. казначейство, а 27 Апрѣля „представленъ г. Томскому окр. исправнику съ просьбой ходатайство-„вать о сложеніи съ оклада излишне и неправильно обложенныхъ „113 душъ старожилъ крестьянъ ....недоимки прежнихъ лѣтъ 3302 руб-„ля 3 к., за оклады 1881 г. 685 р. 35 к., а всего 3987 р. 38 к.." И въ этомъ случаѣ ходатайства остались безъ всякихъ послѣдствій, и лишнія 113 душъ включались ежегодно, вплоть до самаго 1890 года. Волостные сходы систематически исключали эти души изъ раскладки (да и не могли поступать иначе, разъ эти души не значились по реестрамъ сельскихъ обществъ), и такимъ образомъ весь причитавшійся съ нихъ окладъ (около 700 р. въ годъ) полностью поступалъ въ недоимку.

Вторую группу случайныхъ причинъ возникновенія недоимокъ составляютъ *растраты*. О размѣрахъ послѣднихъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, да получить ихъ было-бы даже невозможно, такъ какъ многія мелкія затраты прощаются обществами и не оставляютъ по себѣ никакихъ документальныхъ слѣдовъ. Но на основаніи многочисленныхъ бесѣдъ какъ съ рядовыми крестьянами, такъ съ волостными начальниками и писарями, мы можемъ положительно утверждать, что растраты податныхъ суммъ сельскими старостами, а иногда—и волостными должностными лицами, происходятъ весьма часто и въ общей сложности составляютъ весьма солидныя суммы. Особенно многочисленны были растраты въ Семилужной волости, гдѣ на счетъ ихъ должна быть, по всей вѣроятности, отнесена вся та часть лежащей на крестьянахъ-старожилахъ недоимки, которая не является результатомъ неправильнаго начета лишнихъ окладныхъ душъ. Мы имѣемъ документальныя данныя о растратахъ по двумъ сельскимъ обществамъ этой волости: Лязгинскому и Подломскому. По первому изъ нихъ учетъ, утвержденный приговоромъ 14 Апрѣля 1886 г. № 88, констатировалъ растраты, совершенныя четырьмя служившими одинъ за другимъ сельскими старостами; а именно растратили:

Ермилъ Аркашовъ			136 р. 59 к..
Андрей Лязгинъ (служилъ съ	24. II. 82.	по 29. X. 82)	203 „ 52 „
Андрей Назаровъ („	29. X. 82	„ 26. II. 84)	116 „ 93 „
Афанас. Романчуковъ („	26. II. 84	„ 15. V. 85)	111 „ 79 „
		Итого.	568 р. 63 к..

Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ пятилѣтній промежутокъ времени было растрачено 568 р., а вся недоимка по обществу составляетъ всего рублей! Въ Подломскомъ обществѣ *вся* недоимка, числящаяся на крестьянахъ-старожилахъ, явилась результатомъ растратъ двухъ старостъ—Голышева и Федотова: перваго въ размѣрѣ 268 р. 54 к., второго—въ размѣрѣ 499 р. 87 к., а всего на сумму 768 р. 41 к.. Тѣ-же самые старосты, Федотовъ и Голышевъ „не завели" (не списали) сложенную по Высочайшему манифесту 15 Мая 1883 г. недоимку въ размѣрѣ 807 р. 49 к.: по счетамъ волостного правленія недоимка значится сложенною, а между тѣмъ деньги были взысканы старостами и растрачены. Въ Нижне-Шубинскомъ обществѣ (Спасск. вол.) староста Дорошенко растратилъ 239 р. 62 к.). Въ Баимской и Нелюбинской волостяхъ населенію пришлось отвѣчать за растраты, совершенныя уже по сдачѣ денегъ въ волостное правленіе: въ Баимской въ 1887 г. было растрачено всего 195 р. 57 к. **), въ Нелюбинской въ началѣ 80-хъ годовъ „волостными начальниками было употреблено въ позаимствованія и растрачено 1725 р. 69 к." ***), и т. д.. Другихъ документальныхъ данныхъ о растратахъ мы не имѣемъ; но—повторяемъ еще разъ—не подлежитъ сомнѣнію, что растраты бывали—и нерѣдко—вездѣ, и что въ тѣхъ волостяхъ и обществахъ, гдѣ недоимокъ нѣтъ, крестьяне переплатили суммы, значительно превышающія слѣдовавшее по окладнымъ листамъ и дѣйствительно поступившее въ казну.

Независимо отъ прямыхъ растратъ волостные начальники и особенно писаря имѣли прежде не мало и другихъ способовъ производить злоупотребленія: они страшно наживались при наймѣ подрядчиковъ для отбыванія земской гоньбы, для содержанія земскихъ квартиръ, для исправленія дорогъ,—благодаря чему всѣ эти повинности обходились вдвое дороже, нежели въ настоящее время; много мошенничествъ производилось и при производствѣ раскладки податей и суммъ на „волостное содержаніе" между сельскими обществами, и въ результатѣ съ души сходило однихъ податей и волостныхъ сборовъ по 10—11 рублей въ полугодіе, между тѣмъ какъ теперь, благодаря строгому контролю, съ души сходитъ не болѣе 5—6 рублей.

---

*) См. пригов. Н.-Шуб. с. сх. 28. I. 86.
**) Пригов. Суслов. с. сх. 28. I. 90.
***) Приг. Нелюб. вол. схода 29. XI. 86, № 15.

§ 2. Предметы мірскихъ сборовъ и натуральныя повинности *).

А. *Волостные сборы и земскія повинности.*

Общая сумма денежныхъ волостныхъ сборовъ, разложенная волостными сходами изслѣдованныхъ семи волостей на 1890 годъ, изобразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ волостяхъ:	Общая сумма вол. сбора, рублей.	Число ревизскихъ душъ крестьянъ связанн. круг. порукой.	Въ среднемъ на ревизскую душу вол. расходы составляютъ:
Нелюбинской . .	1623	1446	1 р. 12 к.
Спасской. . . .	2141	1543	1 „ 39 „
Семилужной. . .	3642	1565	2 „ 33 „
Ишимской . . .	5405	3129	1 „ 72 „
Почитанской . .	4280	3582	1 „ 20 „
Зырянской . . .	1940	1505	1 „ 29 „
Баимской . . .	3479	2744	1 „ 27 „
Всего по 7 волостямъ	22510	15514	1 р. 45 к..

Цифры послѣдняго столбца представляются однако не вполнѣ удобосравнимыми между собой, такъ какъ въ составъ общихъ итоговъ волостныхъ расходовъ по однимъ волостямъ вошли расходы на меньшее, въ другихъ — на большее число предметовъ: въ нѣкоторыхъ волостяхъ именно въ общій раскладъ на волостные расходы входятъ суммы, расходуемыя на отбываніе наймомъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей. Чтобы имѣть возможность сравнивать, сдѣлаемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ сопоставленіе денежныхъ расходовъ по тѣмъ предметамъ, по которымъ расходъ производился деньгами во всѣхъ волостяхъ и которые собственно только и могутъ быть признаны предметами волостныхъ расходовъ въ отличіе отъ предметовъ натуральныхъ повинностей:

---

* Въ настоящемъ § мы отступаемъ отъ порядка изложенія, который держались въ нашихъ прежнихъ работахъ (см. «Матер.,» вып. V и XIII): тамъ мы разсматривали денежные сборы отдѣльно отъ натуральныхъ повинностей; здѣсь мы разсматриваемъ ихъ и другія совмѣстно, слѣдуя въ этомъ вполнѣ рациональному пріему «Матеріаловъ» по изсл. Иркутск. губерніи.

ПРЕДМЕТЫ РАСХОДОВЪ.	ВЪ ВОЛОСТЯХЪ:					
	Челябинск.	Спасской.	Семилужн.	Ишимской.	Почтанск.	Баимской. *)
	Р	у	б	л	е	й.
Жалованье вол. старшинамъ	50	60	60	60	150	60
» ихъ помощникамъ, вол. засѣдателямъ и пр. . . .	55	100	60	110	300	170
Жалованье вол. судьямъ	—	—	—	20	—	—
На поѣздки должностныхъ лицъ въ городъ и т. п.	—	—	—	100	—	—
За наемъ помѣщеній для волостныхъ правленій.	**)	**)	140	**)	125	**)
Ремонтъ ихъ.	25	—	—	—	—	—
Содержаніе вол. писаря, его помощниковъ и расходы по вол. дѣлопроизводству ***).	1349	1105	1255	1853	2303	2066
Жалованье оспопрививателямъ . . .	—	16	24	30	96	36
Квартирныя фельдшеру и акушеркѣ .	—	—	—	—	60	—
Покупка медикаментовъ.	—	—	—	—	50	—
Мелкіе и случайные расходы. . . .	—	—	48	16	183	150
Всего собственно денежныхъ расходовъ.	1479	1281	1587	2189	3267	2482

*) По Зырянск. вол. свѣдѣній нѣтъ.
**) Имѣютъ собственныя помѣщенія.
***) Прежде—еще въ началѣ прошлаго 10-лѣтія—волостной сходъ ассигновалъ отдѣльно опредѣленное жалованье вол. писарю и его помощникамъ и опредѣленныя суммы на канцелярскіе расходы. Какъ на примѣръ можемъ указать на приговоръ Челяб. вол. сх. 29. XII. 81 № 1, гдѣ расходы на содержаніе вол. канцеляріи исчисляются слѣдующимъ образомъ:

Жалованье писарю: . . .	288	р. — к.	
» 2 помощникамъ.	435	» — »	
Отопленіе.	50	» — »	(на 40 саж. дровъ)
Освѣщеніе.	36	» — »	(6 п. сальн. свѣчъ)
Бумага № 7 и 5 на . . .	33	» — »	

Всего денежныхъ расходовъ по шести волостямъ 12.285 рублей или въ среднемъ по 87 копѣекъ на ревизскую душу. Изъ этой суммы всего 312 рублей ($2^1/_2$ %) расходуется на медицинскую часть; вся остальная сумма идетъ цѣликомъ на потребности волостного управленія.

Въ отдѣльныхъ поволостныхъ итогахъ волостные денежные расходы составятъ:

въ Нелюбинской волости . .	97	копѣекъ	на ревизскую душу.
„ Спасской „ . .	83	„	„
„ Семилужной „ . .	1 р. 04	„	„
„ Ишимской „ . .	70	„	„
„ Почитанской „ . .	91	„	„
„ Баимской „ . .	90	„	„

Собственно денежные волостные сборы въ изслѣдованномъ краѣ, такимъ образомъ, очень незначительны: для четырехъ изъ шести волостей они колеблются между 80 к. и 1 рублемъ, въ одной поднимаются немного выше этой послѣдней цифры, въ одной—падаютъ до 70 копѣекъ съ ревизской души, — и распредѣленіе тягости этихъ сборовъ между волостями можетъ очевидно быть признано довольно равномѣрнымъ.

Затѣмъ мы должны обратиться къ обзору и оцѣнкѣ волостныхъ и земскихъ *натуральныхъ повинностей*. Самыми крупными и тяжелыми изъ нихъ являются земско-обывательская гоньба и дорожная повинность.

Земско-обывательская гоньба въ изслѣдованномъ краѣ отбывается довольно разнообразными способами: въ *Ишимской, Семилужной* и *Спасской* волостяхъ она фактически переложена на деньги. Въ 1890 г. расходъ на вознагражденіе содержателей земской гоньбы составилъ:

Чернилъ	5 р. — к.
Перьевъ	8 › 75 ›
Нитокъ.	1 › 25 ›
Сургучу	5 › — ›
Карандашей	2 › — ›
Резины.	1 › — ›
Заготовка книгъ	40 › — ›
Мытье половъ	12 › — ›
Всего . . .	917 р. — ›

Въ настоящее время содержаніе вол. писарю всегда ассигнуется въ одной общей суммѣ съ жалованьемъ помощниковъ и расходами на «волостное содержаніе». Отдѣльно отъ этой суммы обыкновенно дѣлается ассигновка на заготовленіе книгъ и бланокъ, иногда—на отопленіе и освѣщеніе вол. управленія и на тѣ или другіе мелкіе расходы.

въ *Семилужной* волости . .	1650 р.	или 1 р. 05 к. на рев. душу
„ *Спасской* „ . .	693 „	или — 45 „ „ „ „
„ *Ишимской* „ . .	2707 „	,
да „въ подмогъ“ междудворной гоньбѣ въ д. *Спасо-Яйской* . .	125 „	
„ *Б. Жировой* . .	30 „	
Всего по Ишимской вол. . .	2862 р.	или — 96 к. на рев. душу.

Наймомъ-же земская гоньба отбывается и въ *Зырянской* волости, но о размѣрахъ расхода по этой волости мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній *).

Въ остальныхъ трехъ волостяхъ земская гоньба отбывается натурой: въ Нелюбинской волости отбываніе ея устроено такимъ образомъ, что каждое селеніе обязано отбывать гоньбу на Нелюбинской станціи въ теченіе числа сутокъ, пропорціональнаго числу въ этомъ селеніи „годныхъ“ душъ; затѣмъ только крестьяне с. Нелюбинскаго дѣйствительно отбываютъ гоньбу натурой, посредствомъ поочередной выставки лошадей; крестьяне всѣхъ остальныхъ селеній волости нанимаютъ для отбыванія гоньбы подрядчиковъ изъ Нелюбинскихъ крестьянъ, которые за условленную въ одной огульной суммѣ плату отбываютъ гоньбу въ теченіе всего числа сутокъ, причитающагося на долю нанявшаго ихъ общества. Въ 1890 году гоньба обошлась крестьянамъ Нелюбинской волости всего въ 1863 р., что составитъ по 1 р. 29 к. на ревизскую душу.

Въ *Почитанской* волости гоньба отбывается инымъ порядкомъ: къ каждой земской станціи здѣсь приписано опредѣленное, соотвѣтствующее ея значенію и величинѣ разгона число „годныхъ душъ“, а именно:

на трактовыхъ станціяхъ	Колыонской	763	души
	Почитанской	832	„
	Беликульской	731	„
на „забошныхъ“ „	Тундинской	141	„
	Красноярской	118	„ ;

сверхъ того нѣкоторое количество „душъ“ назначено волостью „въ помощь“ обществамъ тѣхъ селеній, гдѣ нѣтъ земскихъ станцій, а междудворная гоньба, благодаря большому разгону, является слишкомъ обременительною; такъ Бекетскому обществу дано въ „подмогъ“ 12 душъ, Больше-Песчанскому 20, Мало-Песчанскому — 10. Гоньба на

*) Сборъ на гоньбу производился въ размѣрѣ 1 р. 29 к. на «годнаго работника»; но не зная точно числа послѣднихъ, мы не можемъ опредѣлить и общей стоимости гоньбы.

каждой станціи отбывается прежде всего жителями того селенія, гдѣ станція помѣщается. Поэтому названнымъ только-что тремъ обществамъ назначены въ „подмогъ“ души изъ своихъ-же крестьянъ, съ которыхъ общества и берутъ по 2 р. съ каждой, обращая деньги на мірскіе расходы. Остальныя души изъ этихъ селеній причислены къ большимъ станціямъ. На ст. Тундинской гоньба лежитъ на отвѣтственности 141 души изъ мѣстнаго общества (въ которомъ числится всего 207 душъ), которыя и нанимаютъ за себя подрядчика за 219 р. въ годъ, а остающіяся свободными 66 душъ приписаны къ трактовымъ станціямъ; на ст. Красноярской гоньба содержится 79 душами изъ мѣстнаго общества и 39 душами крестьянъ смежнаго с. Летяжскаго и отбывается наймомъ за 177 р. въ годъ. Къ большимъ трактовымъ станціямъ приписаны души изъ всѣхъ остальныхъ селеній Почитанской волости, причемъ къ каждой изъ нихъ приписаны крестьяне тѣхъ селеній, которыя расположены къ ней ближе; затѣмъ на каждой изъ этихъ станцій гоньба отбывается путемъ недѣльныхъ дежурствъ; каждая душа „гоняетъ“ одну недѣлю въ году, а на каждую недѣлю вступаетъ на дежурство: въ Колыонѣ и Берикулѣ по 14 душъ $\left(\frac{764}{52}\right)$ и $\left(\frac{731}{52}\right)$, въ Почитанкѣ 16 $\left(\frac{832}{52}\right)$. Очередь дежурствъ между селеніями, весьма важная въ виду различія въ стоимости рабочаго времени въ разное время года, опредѣляется по жребію и ежегодно измѣняется такимъ образомъ, что каждое селеніе отбываетъ одну за другою подрядъ всѣ приходящіяся на его долю недѣли. Затѣмъ тѣ общества, гдѣ помѣщаются станціи, и еще 9 селеній — всего 1307 „годныхъ“ душъ, дѣйствительно отбываютъ повинность натурой: каждый общинникъ отбываетъ причитающіяся на его души недѣльныя дежурства самъ или, если находятъ это для себя невыгоднымъ, нанимаетъ за себя на дежурство кого-либо изъ мѣстныхъ крестьянъ. Плата за недѣльное дежурство (а слѣд. и размѣръ стоимости повинности для „годной“ души) въ рабочее лѣтнее время не падаетъ, при наймѣ на наличныя, ниже 2 рублей, а иногда поднимается и выше; въ остальное время года она колеблется между 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к., а иногда падаетъ и до 1 рубля; за среднюю за годъ цифру можно принять 1 р. 50 к., и такимъ образомъ повинность на 1307 душъ, отбывающихъ гоньбу натурой, обойдется около 1960 рублей. Остальныя приписанныя къ большимъ станціямъ селенія (—всего 896 годн. душъ) нанимаютъ за себя на всѣ лежащія на ихъ отвѣтственности недѣли подрядчиковъ, которымъ въ 1890 г. было переплочено 1466 рублей—что составитъ тѣ-же полтора рубля на ревизскую душу. Въ общей сложности повинность въ Почитанской волости обошлась въ 1890 году 3966 рублей или около 1 р. 11 к. на ревизскую окладную крестьянскую душу.

Крестьяне *Баимской* волости отбываютъ земскую гоньбу двоякимъ способомъ: съ одной стороны вся волость содержитъ наймомъ земскую станцію въ Маріинскѣ, и уплачиваемыя за эту станцію деньги (въ 1890 г. 565 р.) раскладываются вмѣстѣ съ денежными волостными расходами; съ другой стороны на содержимыхъ волостью сельскихъ станціяхъ гоньба отбывается натурой тѣмъ-же порядкомъ, что и въ Нелюбинской волости; о расходахъ на отбываніе ея мы свѣдѣній не имѣемъ.

Такимъ образомъ изъ трехъ волостей Маріинскаго округа мы могли опредѣлить стоимость земской гоньбы только по одной Почитанской. Но принимая во вниманіе, что гоньба въ Маріинскомъ округѣ, благодаря сравнительно окружнымъ ставкамъ, распредѣлена между волостями весьма уравнительно, мы едва-ли ошибемся, если распространимъ полученную для Баимской волости норму стоимости гоньбы и на остальныя волости Маріинскаго округа. Что касается до Томскаго округа, то для него мы знаемъ стоимость земской гоньбы по всѣмъ четыремъ волостямъ; она оказывается равною 7068 рублямъ, а съ приложеніемъ цифры, найденной для трехъ волостей Маріинскаго округа, общая стоимость гоньбы изобразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 4 волостяхъ Томскаго округа	7068	рублей
„ 3 „ Маріинскаго округа (7831 рев. душа по 1 р. 11 коп.)	8692	„
Всего на 15514 рев. душъ . .	15760	рубля,
или на ревизск. душу по 1 р. 1 к..		

Къ этому надо прибавить расходъ на содержаніе помѣщеній для проѣзжающихъ чиновниковъ — такъ называемыхъ *земскихъ квартиръ*, — прибавить впрочемъ только по нѣкоторымъ волостямъ, такъ какъ въ волостяхъ Баимской и Зырянской содержаніе земскихъ квартиръ возлагается на содержателей земской гоньбы. Въ Спасской, Ишимской и Нелюбинской волостяхъ содержится всего по одной квартирѣ (при волостныхъ правленіяхъ) съ платою въ первой 39, во второй—45 р., въ третьей—49 р. въ годъ. Въ Почитанской волости содержится 4 земскихъ квартиры съ платой за всѣ 738 р., да два арестантскихъ помѣщенія за 75 рублей. Въ Семплужной волости квартиры содержатся кромѣ тѣхъ селеній, гдѣ есть земскія станціи, еще и во всѣхъ сельскихъ обществахъ („управахъ"), по одной въ каждомъ, а всего Семплужная волость заплатила въ 1890 году за 11 квартиръ 384 рубля.

Прибавляя эти цифры къ итогу въ 15.760 р., получимъ *полную* стоимость гоньбы и вышесть равною 17.030 рублямъ или 1 р. 10 к. на ревизскую крестьянскую душу.

Переходимъ теперь къ другой важнѣйшей изъ земскихъ натуральныхъ повинностей — къ *дорожной* повинности. Повинность эта въ Томскомъ округѣ отбывается въ послѣднее время на основаніяхъ, разъясненныхъ въ Циркулярѣ Томскаго окружнаго исправника отъ 3 Іюля 1889 года за № 2106. Для исправленія дороги (Московско-Иркутскаго тракта) „*на дорогахъ должна находиться* $^1/_5$ *часть годныхъ ра-*„*ботниковъ* съ необходимыми инструментами *при сельскихъ и волост-*„*ныхъ, начальникахъ*, которые и будутъ отвѣтственными лицами въ „случаѣ найденныхъ какихъ-либо неисправностей". Тѣмъ-же циркуляромъ крестьянамъ и инородцамъ дозволено *исправлять дорогу и наймомъ*, но съ предупрежденіемъ, что „исправное содержаніе дороги „и ремонтъ ея должны всецѣло оставаться *на отвѣтственности об-*„*щества*, которое уже со своей стороны должно слѣдить за исправ-„ностью нанятаго лица, и что наемъ подрядчиковъ нисколько не осво-„бождаетъ общества отъ обязанности содержать дороги въ исправности, а „потому въ *случаѣ несостоятельности подрядчиковъ, нанявшія ихъ* „*общества обязаны тотчасъ-же выслать на дорожные участка рабочихъ* „*людей* съ инструментами, необходимыми для исправленія дороги, а съ под-„рядчиками своими могутъ съ'ѣзжаться судомъ указаннымъ въ законѣ поряд-„комъ". Рабочіе должны находиться на дорогѣ въ теченіе всего установленнаго для дорожныхъ работъ времени, а именно съ 20 Мая до 20 Іюня, хотя-бы имъ даже удалось исполнить работу — какъ это вполнѣ возможно въ теченіе гораздо менѣе продолжительнаго времени. И мы имѣемъ въ нашихъ матеріалахъ указанія на случаи, когда крестьяне-подрядчики, исполнившіе удовлетворительно работы и получившіе въ томъ удостовѣреніе, принуждались къ вторичному выѣзду на томъ основаніи, что уѣхали съ дороги раньше назначеннаго для окончанія работъ срока.

Въ 1889 году было сдѣлано распоряженіе, которое должно было значительно увеличить тягость дорожной повинности, — именно распоряженіе „объ оставленіи на дорожныхъ участкахъ Иркутскаго тракта „рабочихъ людей для регулярнаго исправленія дороги въ теченіе всего лѣт-„няго времени" (предпис. Томск. огр. исправн. 9 Іюля 1889 г. № 1306). Предписаніе это, какъ и можно было ожидать, возбудило въ крестьянахъ крайнее неудовольствіе, и напр. Нелюбинскій волостной старшина, представляя предписаніе исправника чья чинку по крестьянскимъ дѣламъ, доносилъ ему (рапортъ 16 Іюля 1889 г. № 2256), что онъ „объѣхалъ всѣ „управы (с. общества), объявивъ требованіе г. Исправника, но полу-„чилъ повсемѣстно одинъ отвѣтъ, — что до окончанія уборки сѣна и „хлѣба рабочіе на дорогу не поѣдутъ". Мы не имѣемъ свѣдѣній о

томъ, какое дальнѣйшее теченіе получила эта переписка, но имѣемъ основаніе предполагать, что изложенное распоряженіе было отмѣнено; по крайней мѣрѣ ни въ 1889, ни въ 1890 г. рабочіе люди въ теченіе всего лѣтняго времени на дорогѣ не оставались.

Труднѣйшая составная часть дорожныхъ работъ — это заготовка нужныхъ для послѣднихъ матеріаловъ и въ особенности—рѣчной гальки, служащей для укрѣпленія грунта дорожнаго полотна. Гальки этой полагалось прежде доставлять по 12 возовъ (въ возу не менѣе 20 пудовъ) на „годную" душу, и доставка ея до 1882 года производилась постоянно весной, предъ самымъ приступомъ къ ремонту полотна. Въ 1882 году, циркулярнымъ предписаніемъ Томскаго окружнаго исправника отъ 15 октября за № 18862 (такое же предписаніе было и по Маріинскому округу), предписано было произвести заготовленіе гальки заблаговременно, въ зимнее время, съ тѣмъ, чтобы оно было закончено къ 20 декабря. Нововведеніе это, разумѣется, значительно возвысило стоимость повинности и вызвало единодушныя ходатайства крестьянъ о возвращеніи къ старому порядку: крестьяне ссылались прежде всего на то, что при исполненіи работъ зимой „требуется значительное продо„вольствіе какъ для себя, такъ равно и для лошадей, [а потому] по„требуются значительныя издержки имѣть квартиры и кормъ для ло„шадей" (приг. Спасск. вол. сх. 20 XI. 82 № 47; см. также приговоръ Семилуж. вол. сх. 25. X. 82 и Нелюб. вол. сх. 26. X. 82 № 21); затѣмъ пригородные крестьяне промышленники ссылались на то, что „такъ какъ лишь зимняя пора доставляетъ намъ средства къ жизни, „то отрываясь отъ домашнихъ работъ для возки матеріаловъ на исправ„леніе Иркутскаго тракта, мы должны крайне разориться" (приг. Нелюб. вол. сх. 6. XI. 82, № 94); крестьяне земледѣльцы — на то что въ зимнее время „производятся молотьба хлѣба для сбыта на ба„заръ и многіе изъ нашихъ обществениковъ отправились уже въ из„возъ" (приг. Ишим. вол. сх. 30. X. 82 № 7); Нелюбинскіе крестьяне высказывали въ цитированномъ уже приговорѣ соглашались „для „того, чтобы матеріалы были доставлены въ томъ самомъ количествѣ, „какое назначено.., и работы производились безостановочно,.. выставить „(вместо) рабочихъ поля въ большемъ количествѣ противъ назначаемыхъ „всегда $^1/_5$ части годныхъ работниковъ". Несмотря на всѣ эти и подобныя ходатайства, порядокъ зимней заготовки гальки удержался вплоть до 1886 года, и за это время крестьяне, вынужденные обращаться къ помощи подрядчиковъ, переплатили послѣднимъ весьма значительныя суммы: такъ Нелюбинская волость заплатила въ 1883 году за заготовку 6.840 возовъ гальки, считая по 33 коп. съ воза (галька доставлялась за 12 верстъ), 2.257 р. 20 к., т. е. почти по 4 рубля

съ каждой изъ 570 „годныхъ“ душъ *), а затѣмъ пришлось, очевидно, сдѣлать еще приплату, потому что въ общемъ заготовка гальки обошлась по 6 р. на „годную“ душу: въ 1884 году исполненіе дорожной повинности было сдано съ подряда за 3.797 р., что составляетъ на каждую изъ 529 „годныхъ“ душъ по 7 р. 18 к. **).

Въ 1886 году была нѣсколько измѣнена норма заготовки: вмѣсто прежнихъ 12 возовъ на „годную“ душу приказано было заготовлять гальку по разсчету кубической сажени на каждыхъ трехъ „годныхъ“ работниковъ, причемъ было подтверждено „окончить эти работы непремѣнно къ 1 марта“ ***). Крестьяне Нелюбинской волости снова настоятельно ходатайствовали о разрѣшеніи производить заготовку гальки весной. „Если мы по примѣру прежнихъ лѣтъ, такъ мотивировали они свое ходатайство, „приступимъ въ зимнее время къ возкѣ гальки, „какъ это было сдѣлано нами въ 1883 году, которая намъ обошлась „на каждаго годнаго работника до 6 р. на душу, чрезъ что мы не „въ состояніи были заплатить 1-ую половину 1884 года государствен„ной подати, которая осталась въ недоимкѣ по настоящее время. А „на трехъ годныхъ работниковъ заготовить въ зимнее время кубиче„скую сажень будетъ стоить 28 рублей, что на каждаго годнаго ра„ботника обойдется по 9 руб. тридцать три коп.; на всѣхъ же год„ныхъ работниковъ 751 душу составитъ сумму 6.991 руб. 83 коп., „а въ маѣ мѣсяцѣ по окончаніи полевыхъ работъ мы должны так„же явиться для разсыпки гальки и исправленія полотна не менѣе мѣ„сяца, работа эта для насъ будетъ стоить по 4 рубля на каждаго „работника. Зимнюю работу для себя считаемъ двойною, которая для „насъ будетъ совершенно отяготительна и раззорительна въ быту на„шемъ собственно потому, что мы, какъ заѣхавшіе въ другую волость „на разстояніи 80 верстъ отъ жительства должны имѣть квартиру „какъ для себя, такъ и для лошадей, на которой должны заплатить „за содержаніе себя и лошадей, а вывезти въ одну кубическую са„жень пойдетъ гальки за семьдесятъ возовъ, возка гальки за полотно „дороги имѣетъ разстояніе на 12 верстъ, каждый возъ будетъ стоить „на мѣстѣ 40 коп.; а если мы будемъ исправлять въ лѣтнее время „отъ четырехъ пятый работникъ, тогда для насъ квартиры не нужны, „кормъ для лошадей также не нуженъ, и возка будетъ двойная по „продолжительности дня; въ случаѣ усталости лошадей тутъ-же для „нихъ и самый кормъ“.

---

*) Пригов. вол. сх. 12. I. 83, № 3 и 18. XII. 85 № 20.
**) Тоже 1. II. 84, № 10.
***) Пригов. 18. XII. 85, № 20

Ходатайства эти въ концѣ концовъ возымѣли дѣйствіе, и съ 1887 года, сколько мы знаемъ, предписанія вывозить гальку и другіе матеріалы зимой не возобновлялись, и заготовка этихъ матеріаловъ производится весной, предъ самымъ началомъ работъ по ремонту дорожнаго полотна.

Въ настоящее время дорожная повинность слагается изъ четырехъ родовъ операцій: 1) Весенняя или „большая“ поправка, продолжающаяся отъ 20 мая до 20 іюня; на эту работу выѣзжаетъ въ Томскомъ округѣ, по человѣку съ 5, въ Маріинскомъ—съ 5, 4 и даже 3 „годныхъ“ душъ; эти люди заготовляютъ гальку (по 1 саж. на каждыя три души), засыпаютъ ею дорожное полотно, исправляютъ пробѣги, водосточныя трубы и откосы, и т. д.; 2) осенняя или „малая“ поправка заключается въ выравниваніи полотна, испорченнаго дождями и лѣтнимъ движеніемъ; на эту поправку рабочіе высылаются въ меньшемъ числѣ и на меньшее время, нежели весной; число рабочихъ и продолжительность работы измѣняются въ зависимости отъ того, насколько дорога испорчена; 3) починка и возобновленіе на дорожныхъ участкахъ мостовъ, если только послѣдніе не исправляются казной на счетъ дорожнаго сбора, и 4) зимняя поправка пути — т. е. выравниваніе ямъ и ухабовъ и постановка, гдѣ нужно, вѣхъ. Послѣднія двѣ операціи всегда исполняются наймомъ: зимняя поправка сдается съ подряда, иногда цѣлою волостью, иногда—каждымъ селеніемъ отдѣльно для его дорожнаго участка. Мосты, если они не велики, находятся на отвѣтственности тѣхъ волостей, внутри участковъ которыхъ они находятся; болѣе значительные мосты содержатся, на основаніи особо дѣлаемаго окружнымъ съѣздомъ распредѣленія, группами волостей, иногда—одною волостью съ „подмогомъ“ большаго или меньшаго числа душъ отъ другой; поправки и перестройки мостовъ всегда сдаются съ торговъ, и условленная сумма раскладывается по числу ревизскихъ душъ. Что касается до исправленія полотна дороги (операціи 1-ая и 2-ая), то онѣ всегда отправляются, такъ или иначе, натурой: каждому селенію отведенъ особый участокъ, пропорціональный числу „годныхъ“ работниковъ, и отвѣтственность селенія ограничивается исключительно этимъ участкомъ; но затѣмъ въ однихъ случаяхъ селенныя общества сдаютъ поправку съ подряда; другія раздѣляютъ свои участки на душевые участки, такъ что каждый „годный работникъ“ исправляетъ только одинъ свой участокъ; третьи, высылая рабочихъ, не дѣлятъ дороги на душевые участки, такъ что рабочіе работаютъ всѣ вмѣстѣ, артелью.

Данныя для опредѣленія, при настоящихъ условіяхъ, стоимости

дорожной повинности для населенія изслѣдованнаго края мы имѣемъ, къ сожалѣнію, далеко не по всѣмъ, а лишь по нѣкоторымъ волостямъ.

Въ *Семилужной* волости повинность до недавняго времени отбывалась натурою: полагалось высылать на мѣсяцъ по одному человѣку съ 5 годныхъ душъ, но для уравненія повинности на дорогу выходила *каждая* годная душа на недѣлю (съ проходомъ 9 дней); наемъ на недѣлю обходился по 2 р. 50 к. съ годной души. Съ 1889 года общества стали сдавать поправку полотна подрядчикамъ „на отрядъ". Въ 1890 г. было уплочено:

Семилужнымъ с. о.	216 р..
Воронинскимъ	240 „
Подломскимъ.	330 „
Лязгинскимъ.	98 „
Конининскимъ	150 „
Киргизскимъ.	180 „
Песочнымъ	70 „
Александровскимъ	80 „
Всего	1.364 р.,

да около 100 рублей обошлась поправка зимняго пути, а всего дорожная повинность (безъ поправки мостовъ) обошлась въ 1.464 р. или по 94 копѣйки на ревизскую душу,—т. е. очевидно гораздо дешевле, чѣмъ при прежнемъ, натуральномъ способѣ исполненія дорожныхъ работъ.

Въ *Нелюбинской* волости на зимнюю поправку издержано изъ суммъ волостныхъ сборовъ 95 рублей. На поправку полотна дороги всѣ общества нанимали подрядчиковъ. Точныя данныя о размѣрахъ расхода на наемъ послѣднихъ мы имѣемъ только по одному Рыбаловскому сельск. обществу. Здѣсь именно въ 1889 году на дорожную повинность сборъ производился три раза: по 1 р. 53 к., по 90 к. и по 50 к., а всего по 2 р. 93 к. съ „годной души". При тождествѣ всѣхъ условій нельзя предполагать большой разницы въ стоимости повинности для отдѣльныхъ селеній волости, а потому мы не сдѣлаемъ большой ошибки, принявъ приведенную цифру за среднюю по всей волости сумму падающаго на годную душу расхода. Тогда на всю волость (721 годн. душа) расходъ на поправку полотна дороги составитъ 2.113 рублей, а съ зимнею поправкой—2.208 рублей или по 1 р. 53 к. на ревизскую душу.

Въ *Почитанской* волости дорожная повинность—за исключеніемъ зимней поправки — отбывается натурой: на дорогу весной полагается

высылать по одному человѣку съ пяти, иногда—съ четырехъ и даже трехъ душъ. Но обыкновенно на дорогу выѣзжаетъ поочередно каждая годная душа, такъ какъ инымъ способомъ было-бы слишкомъ трудно достигнуть равномѣрнаго распредѣленія повинности между отдѣльными общинниками. Только меньшинство, однако, выѣзжаетъ на дорогу лично: это—бо́льшею частью слабые, однолошадные хозяева, вовсе не пашущіе или имѣющіе ничтожную запашку; чуть кто позажиточнѣе, тотъ уже нанимаетъ за себя кого-либо изъ тѣхъ, кто ѣдетъ для отбывания повинности за самихъ себя: повинность за одну годную душу можетъ быть исполнена въ 5—6 дней, а такъ какъ „жить“ на дорогѣ приходится около мѣсяца, то въ теченіе этого періода работникъ можетъ свободно исполнить повинность за 5 душъ. Такимъ образомъ отбываніе дорожной повинности организуется фактически такъ, что „на дорогу“ выѣзжаетъ $^1/_5$ часть годныхъ душъ, а остальные платятъ имъ деньгами. Размѣры этой платы измѣняются въ зависимости отъ разстоянія, съ одной стороны, между залежами гальки и дорожнымъ участкомъ, съ другой — между этимъ послѣднимъ и деревнею. Такъ напр. крестьяне с. Колыонскаго и д. Больше-Песчанки за „дорожный наемъ платятъ не болѣе 1 р. съ годной души; въ д. Бекетѣ плата не превышаетъ 1 р. 25—1 р. 30 к.; въ с. Ижморскомъ она поднимается уже до 1 р. 50 к., въ д. Верхневеликосельской—до 1 р. 50 к. — 2 р., въ д. Нижне-Почитанкѣ и с. Верикульскомъ до 1 р. 80 к.—2 р., и только при задачѣ съ зимы плата падаетъ въ послѣднихъ двухъ селеніяхъ: въ первомъ до 1 р., во второмъ—до 1 р. 20 к.—1 р. 30 к.. За *среднюю* наемную плату, повидимому, можно принять 1 р. 50 к. съ годной души, а слѣдовательно, считая въ волости около 2.300 годныхъ душъ, общая стоимость весенней поправки составитъ около 3.450 рублей. — На осеннюю поправку высылается среднимъ числомъ половинное число рабочихъ и остаются они на работѣ не болѣе 7—10 дней; затрата рабочаго времени на осеннюю поправку не превышаетъ, слѣдовательно $^1/_5$, много $^1/_4$ части весенней затраты; а такъ какъ осенняя поправка производится уже въ глухое время, когда заработная плата вдвое ниже, чѣмъ весной, то общая стоимость ея будетъ никакъ не болѣе одной восьмой части стоимости весенней поправки—слѣдовательно около 430 рублей.—Наконецъ о размѣрахъ суммы, уплачиваемой за зимнюю поправку, въ нашихъ матеріалахъ свѣдѣній нѣтъ; но по аналогіи съ разсмотрѣнными ранѣе двумя волостями надо думать, что эта работа обходится никакъ не дороже 10 копѣекъ на ревизскую душу,—слѣд. не дороже 360 рублей, а слѣдовательно вся дорожная повинность обходится населенію Почитанской волости въ 4.240 рублей, или по 1 р. 18 копѣекъ на ревизскую душу.

Въ *Зырянской* волости повинность отбывается тѣмъ-же порядкомъ, что и въ Почитанской, но благодаря большей удаленности дорожныхъ участковъ наемъ обходится здѣсь значительно дороже — не менѣе 2 рублей съ „годной“ души, а слѣдовательно и полная стоимость дорожной повинности на ревизскую душу будетъ не ниже 1 р. 55 к.—1 р. 60 копѣекъ.

Только по этимъ четыремъ волостямъ мы и имѣемъ свѣдѣнія. Свѣдѣнія эти, очевидно, представляются въ значительной мѣрѣ неполными, а выведенныя на основаніи ихъ среднія цифры стоимости повинности далеко не вполнѣ достовѣрными. Стоимость повинности, по этимъ свѣдѣніямъ, колеблется примѣрно между 94 к. и 1 р. 60 к. на ревизскую душу; но въ виду вѣроятности ошибки, и притомъ ошибки въ меньшую сторону; въ виду, далѣе, зависимости затраты времени и труда отъ усмотрѣнія полицейскаго и волостного начальства („засѣдатель ѣдетъ—велитъ гальку въ кучки класть хоть и рѣже, да большія; другому хоть по малости въ кучу, а частыя кучи клади“), мы едва-ли ошибемся, если примемъ среднюю для изслѣдованнаго края норму стоимости дорожной повинности ближе къ высшей изъ приведенныхъ цифръ — въ 1 р. 50 копѣекъ на ревиз. душу, а для всего населенія (15.514 рев. душъ) повинность по этой нормѣ обойдется въ 23.270 рублей.

Въ эту цифру не вошла однако стоимость содержанія на большомъ трактѣ *мостовъ*. На этотъ предметъ въ 1890 году было издержано:

въ	Спасской	волости	100 р..
„	Нелюбинской	„	— „
„	Семилужной	„	20 „
„	Ишимской	„	— „
„	Почитанской	„	200 „
„	Зырянской	„	— „
„	Баимской	„	— „
		Всего	320 р..

Но цифры эти далеко не выражаютъ собою полной стоимости повинности для населенія изслѣдованнаго края. Для болѣе точнаго сужденія о расходахъ на содержаніе мостовъ мы имѣемъ по Спасской волости свѣдѣнія, извлеченныя изъ волостного архива и относящіяся къ 10-лѣтнему періоду съ 1881 по 1890 г.. За это время было израсходовано:

въ 1881	году	100 р..
„ 1882	„	100 „
„ 1883	„	385 „
„ 1884	„	200 „
„ 1885	„	100 „
„ 1886	„	100 „
„ 1887	„	1.035 „
„ 1888	„	714 „
„ 1889	„	150 „
„ 1890	„	100 „
	Всего за 10 лѣтъ .	2.984 р.,

что составляетъ въ среднемъ на каждый годъ по 298 рублей или почти по 20 к. на ревизскую душу. Принимая во вниманіе, что мостовая повинность распредѣляется между волостями, благодаря дѣятельности окружныхъ съѣздовъ, весьма уравнительно, мы не сдѣлаемъ замѣтной ошибки, если примемъ тѣ-же 20 к. за среднюю для всего изслѣдованнаго края норму стоимости мостовой повинности на ревизскую душу; тогда для всего населенія мостовая повинность обойдется въ годъ около 3.100 рублей, а *вся дорожная повинность — включая мостовую — въ 26.370 рублей* или около 1 р. 70 к. на ревизскую душу.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ существуетъ далѣе расходъ на содержаніе *мостовъ* и *переволовъ*, служащихъ для *внутренняго сообщенія* между селеніями волости. Большинство подобныхъ мостовъ и перевозовъ содержится крестьянами тѣхъ селеній, которыя заинтересованы въ ихъ существованіи, слѣдовательно — на счетъ *сельской* натуральной повинности. На волостной счетъ они принимаются только въ томъ случаѣ, если связываютъ между собой крупныя части волости, и вообще — если существованіе ихъ необходимо для цѣлой волости или въ интересахъ администраціи. Въ 1890 г. на этотъ предметъ было издержано:

въ Спасской волости	на ремонтъ мостовъ . .	100 р..
	на перевозъ	25 „
въ Ишимской „	на 4 перевоза. . . .	185 „
	на ремонтъ мостовъ . .	55 „
въ Баимской на передѣлку одного моста единовременно		272 „
	Всего	637 р..

По остальнымъ волостямъ этого рода расходовъ, сколько намъ извѣстно, не производится, и напримѣръ даже поддержаніе сообщеній за-Томскихъ селеній Нелюбинской волости относится на счетъ сельской натуральной повинности.

Въ волостяхъ, чрезъ которыя проходитъ Сибирскій трактъ, существуютъ еще двѣ довольно обременительныя, но къ сожалѣнію совершенно не поддающіяся учету и оцѣнкѣ повинности,—это именно *кормежи* и *ночные разъѣзды*.

Кормежная повинность въ прежнее время отбывалась населеніемъ въ составѣ цѣлыхъ волостей такимъ образомъ, что обязанность кормить всѣхъ лицъ, имѣющихъ на то право, брали на себя земскіе ямщики, которые и получали за то вознагражденіе въ опредѣленномъ за каждаго накормленнаго человѣка размѣрѣ; сумма, нужная на этотъ предметъ, раскладывалась по всей волости, по числу въ каждомъ селеніи „годныхъ“ душъ.—Въ настоящее время, уже съ конца 60-хъ годовъ, этотъ порядокъ измѣненъ: кормежная повинность лежитъ исключительно на населеніи „станочныхъ“ селеній (гдѣ почтовыя станціи), обязанность котораго отбывать эту повинность основывается на томъ, что оно „станкомъ пользуется“ — извлекаетъ выгоды изъ своего трактоваго мѣстоположенія.

Въ силу кормежной повинности крестьяне трактовыхъ селеній обязаны продовольствовать партіи *новобранцевъ*, слѣдующія въ Восточную Сибирь; такихъ партій бываетъ до 18 (въ 1890 г. ихъ было, впрочемъ, только 13) въ годъ, численностью отъ 250—300 до 400 человѣкъ каждая,—всего за годъ проходитъ не менѣе $4^1/_2$—5 тысячъ; б) возвращающихся изъ Восточной Сибири запасныхъ нижнихъ чиновъ; число послѣднихъ неизвѣстно, но если даже считать, что возвращается только половинная часть поступающихъ на службу, то все-же число продовольствуемыхъ нижнихъ чиновъ возрастетъ до 7—8 тысячъ. Нижніе чины обязаны, правда, уплачивать кормовыя деньги—по 5 к. съ человѣка на каждой станціи; но эти деньги покрываютъ лишь небольшую часть стоимости ихъ продовольствія. Стоимость эта измѣняется, конечно, въ зависимости отъ цѣнъ на продукты, но независимо отъ этого она подвержена колебаніямъ въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ; если напримѣръ взять четыре ближайшихъ къ Томску станціи, то окажется, что дороже всего кормежи обходятся въ д. Турунтаевой, гдѣ дѣлается дневка и слѣд. ѣдятъ 2 раза; въ Халдѣевой и Ишимскомъ дневки нѣтъ, ѣдятъ только разъ, и слѣд. каждый солдатъ обходится вдвое дешевле; въ Семилужномъ — еще дешевле, такъ какъ новобранцы обыкновенно выходятъ изъ Томска съ какимъ нибудь запасомъ и потому на пер-

вой станціи часто не пользуются кормежомъ.—Установить точно стоимость повинности въ виду изложеннаго нѣтъ возможности; но за минимумъ ея мы можемъ, очевидно, принять размѣръ приплаты (къ кормовымъ деньгамъ), дѣлавшейся прежде, когда въ повинности участвовали цѣлыя волости,—именно 20—25 к. на человѣка. Если принять низшую изъ этихъ цифръ, то стоимость повинности для каждаго „станка" дойдетъ при 18 партіяхъ новобранцевъ до 2.000, при 13 партіяхъ—примѣрно до 1.600 р., а для всѣхъ десяти „станковъ", имѣющихся въ предѣлахъ изслѣдованнаго края будетъ колебаться между 16 и 20 тысячами, — цифры, которыя во всякомъ случаѣ не выше, а скорѣе ниже дѣйствительности. — Тягость повинности для отдѣльныхъ селеній зависитъ, очевидно, отъ величины послѣднихъ: чѣмъ больше селеніе, тѣмъ повинность въ среднемъ для каждаго отдѣльнаго двора легче, чѣмъ селеніе меньше, тѣмъ она труднѣе. Повинность отбывается натурой, а раскладка ея дѣлается по благосостоянію, оцѣнка котораго предоставляется усмотрѣнію завѣдующихъ раскладкою сотскихъ и десятскихъ: изъ прибывшей партіи въ зажиточные дома „ставятъ" по 5 — 6 и болѣе человѣкъ, въ бѣдные—по одному и по два, а круглые бѣдняки („кто не можетъ солдата накормить") и вовсе освобождаются отъ кормежей.

Въ селеніяхъ, гдѣ квартируютъ земскіе засѣдатели (Ишимское и Кольонъ), существуетъ особый видъ кормежной повинности: населеніе ихъ обязано продовольствовать полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ, вызываемыхъ засѣдателями по дѣламъ службы; этихъ лицъ набирается иногда одновременно до 25 — 30 человѣкъ, но чаще число ихъ выражается въ единицахъ и продовольствіе ихъ производится натурой, всѣми жителями села, въ томъ числѣ и посторонними лицами, поочередно. Для оцѣнки этого вида кормежной повинности мы совершенно не имѣемъ данныхъ, но думаемъ, что стоимость ея не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ.

Относительно *разъѣздной* повинности, отбываемой всѣмъ населеніемъ волостей, чрезъ которыя проходитъ трактъ, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы можемъ только предположительно сказать, что повинность эта, отбываемая въ зимнее время, въ видахъ предупрежденія столь частыхъ на трактѣ разбоевъ и грабежей, довольно обременительна для населенія; на такое предположеніе даетъ намъ право то обстоятельство, что крестьяне—по крайней мѣрѣ въ одной изъ притрактовыхъ волостей—Семилужной—неоднократно ходатайствовали объ отмѣнѣ этой повинности. Мы имѣемъ по этому поводу приговоръ Семилужнаго волостного схода отъ 25 Октября 1882 г. и другой такой-же приговоръ отъ 20 Ноября того-же года: крестьяне ссылаются въ первомъ изъ этихъ приговоровъ на то, что „при ночныхъ

разъѣздахъ ни грабежей, ни воровства не случалось", и что „нѣкоторые изъ крестьянъ въ зимнее время не имѣютъ нужной теплой одежды и бѣдствуютъ на морозѣ"; во второмъ приводятся подобные-же, въ сущности очень мало убѣдительные доводы.

Наконецъ населеніе притрактовыхъ-же волостей отбываетъ еще одну повинность—такъ называемые „*подзгонки*", то есть повинность по перевозкѣ партій запасныхъ нижнихъ чиновъ. Фактически, однако, повинность эта сливается съ земско-обывательскою гоньбой: гдѣ послѣдняя стала съ подряда, тамъ земскіе ямщики обязываются за условленную плату содержать гоньбу вмѣстѣ съ „подзгонками". Гдѣ гоньба отбывается натурой, тамъ „подзгонки" возятъ тѣ-же лица, которыя въ теченіе данной недѣли возятъ земскія подводы; при этомъ однако „подзгонкамъ", какъ сопряженнымъ съ нѣкоторою, хотя и небольшою прогонною платою, ведется особая очередь, независимая отъ очереди по перевозкѣ земскихъ, безпрогонныхъ чиновъ. Въ томъ и другомъ случаѣ стоимость „подзгоночной" повинности уже вошла въ составъ общихъ цифръ стоимости земской гоньбы, приблизительно вычисленныхъ нами въ предыдущемъ изложеніи.

Отдѣльный видъ волостныхъ и земскихъ повинностей составляютъ *службы*. Эти послѣднія могутъ быть распредѣлены на двѣ категоріи: собственно *волостныя* и *полицейскія* службы; первыя въ свою очередь распадаются на службы, въ которыхъ *не допускается замѣщеніе по найму*, и такія, гдѣ такое *замѣщеніе допускается* и даже является обычнымъ способомъ отбыванія.

Къ *первой* группѣ отнесутся должности волостныхъ старшинъ, ихъ кандидатовъ, помощниковъ, волостныхъ засѣдателей, волостныхъ судей, а также полѣсовщиковъ и смотрителей хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Въ тѣхъ пяти изъ изслѣдованныхъ семи волостей, по которымъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, число лицъ, состоящихъ въ этихъ должностяхъ, опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

(См. таблицу на слѣд. стр.).

Такимъ образомъ число душъ, поставляющихъ одно волостное должностное лицо, колеблется между 107 и 173, причемъ небольшія волости, имѣющія каждая около 1½ тысячъ ревизскихъ душъ, рѣзко отличаются отъ большихъ, имѣющихъ болѣе 3.000 душъ: въ первыхъ волостныя службы (одна на 107—118 душъ) значительно тяжелѣе, нежели во вторыхъ (одна на 163 и 173 д.).

Не допуская замѣщенія по найму, должности, перечисленныя въ составѣ разсматриваемой группы, не поддаются и оцѣнкѣ. Изъ предыдущаго мы знаемъ однако, что должностямъ вол. старшинъ, ихъ помощниковъ, волостныхъ засѣдателей, а иногда и кандидатовъ, вездѣ присвоено содержаніе; хотя послѣднее и не вполнѣ вознаграждаетъ эти

(Къ предъидущей стр.)

НАЗВАНІЯ ДОЛЖНОСТЕЙ.	ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.				
	Нелюбинской.	Спасской.	Ишимской.	Почитанской.	Зырянской.
Вод. старшины	1	1	1	1	1
кандидаты ихъ . . .	1	1	1	4	1
помощники ихъ . . .	1	1	1	1	2
Вол. засѣдатели	2	2	2	2	2
» судьи	4	4	4	6	5
Смотрители магазиновъ . .	3	1	7	6	1
Полѣсовщики	1	2	2	2	2
Всего. . .	13	14	18	22	14
Одинъ служащій приходится на сколько ревизск. душъ?	111	118	173	163	107

лица за связанную, напр., съ должностями старшинъ и засѣдателей весьма значительную потерю времени,—однако она покрываетъ довольно значительную часть этой затраты. Что касается до должностныхъ лицъ, не получающихъ никакого содержанія—судей, полѣсовщиковъ, смотрителей магазиновъ, то и самыя службы ихъ представляются довольно легкими, требуя отъ занимающихъ должности лицъ затраты какихъ-нибудь 15—20 дней въ году.

Волостныя службы, допускающія наемъ, суть: должности караульныхъ при волостномъ правленіи и каталажныхъ камерахъ и „сотниковъ“ (разсыльныхъ при волостномъ правленіи). Число нужныхъ волостному правленію для караульной и разсыльной службы лицъ не велико: сотниковъ въ каждой волости содержится отъ 3 до 4 хъ, караульныхъ одинъ или два; но чтобы облегчить отбываніе этихъ службъ, разверстка ихъ между селеніями, а затѣмъ и самое избраніе, обыкновенно производится по частямъ: сотниковъ выбираютъ на 5, на 6, на 4 мѣсяца, иногда выбираютъ на полгода шесть человѣкъ, которые чередуются помѣсячно. Избранные почти никогда не отправляютъ службы сами, а пользуются своимъ правомъ и избираютъ замѣстителей, обыкно-

венно изъ очень небольшого контингента лицъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ службы по найму нѣчто въ родѣ спеціальности и служащихъ безотлучно при волостномъ правленіи, иногда по многу лѣтъ подрядъ. Размѣры платы при наймѣ замѣстителей довольно разнообразны въ зависимости отъ общаго уровня заработной платы въ той или другой волости.

Ниже всего размѣры платы стоятъ въ волостяхъ Чулымскаго района. Здѣсь именно платятъ:

сотникамъ . . . . . 60, иногда и 55 р. въ годъ
караульнымъ . . . . . 70—75 рублей „

Въ Томскомъ районѣ плата сравнительно дешевле въ Семилужной волости; здѣсь платятъ:

сотникамъ . . . . . 65—70 р..
караульнымъ. . . . . 75—80 „ ,

въ волостяхъ Нелюбинской и Спасской плата еще выше и поднимается:

для сотниковъ . . . до 70—75, а въ Нелюбинской и до 80 р..
„ караульныхъ . . . 85—90 р..

Число содержимыхъ такимъ образомъ сотниковъ и караульныхъ и общая сумма расхода на ихъ содержаніе по тѣмъ шести волостямъ, по которымъ у насъ есть свѣдѣнія, изобразится въ слѣдующей табличкѣ:

ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.	СОТНИКОВЪ.		КАРАУЛЬНЫХЪ.		Общая сумма расхода на обѣ службы
	Число.	Сумма наемныхъ платъ	Число.	Сумма наемныхъ платъ	
		рублей.		рублей.	рублей.
Нелюбинской	3	240	1	90	330
Спасской	3	210	1	90	300
Ишимской	4	240	2	150	390
Почитанской	4	240	2	150	390
Зырянской	3	180	1	75	255
Баимской	1	240	2	160	400
Всего по 6 волостямъ .	21	1.350	9	715	2.065

Такимъ образомъ 13.949 ревизскихъ душъ, составляющихъ населеніе шести волостей, ставятъ всего 30 человѣкъ служащихъ разсматриваемой группы, и службы эти обходятся всего въ 2.065 рублей; одинъ служащій, слѣдовательно приходится на 465 ревизскихъ душъ, а въ среднемъ на каждую изъ послѣднихъ стоимость этихъ службъ составляетъ около 15 копѣекъ, откуда для всѣхъ 15.514 ревизскихъ душъ, числящихся въ изслѣдованномъ краѣ, годовая затрата на службы дойдетъ приблизительно до 2.327 рублей.

Наконецъ къ третьей категоріи — низшихъ полицейскихъ должностей — относятся должности полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ. Какъ общее число ихъ на каждую данную волость, такъ и распредѣленіе ихъ между селеніями производится полицейскимъ начальствомъ, а самое избраніе въ эти должности происходитъ на сельскихъ сходахъ, причемъ должность сотскаго приравнивается въ смыслѣ соблюденія очереди службъ къ должности сельскаго старосты и т. п., служба десятскаго — къ низшимъ общественнымъ должностямъ въ родѣ сельскаго десятника. Замѣщеніе по найму въ разсматриваемыхъ должностяхъ, вообще говоря, не допускается; но десятскимъ разрѣшается нанимать себѣ замѣстителей на то время, когда они вызываются для полицейской службы въ мѣсто жительства земскаго засѣдателя или „на большую дорогу“; наемъ въ этомъ случаѣ происходитъ понедѣльно, причемъ плата въ недѣлю колеблется:

въ рабочее время между . . . 2 р.—2 р. 50 к. и 3 р..
„ зимнее и осеннее между . . 1 „ 50 к. и 2 р..

Свѣдѣнія о числѣ полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ мы имѣемъ по пяти волостямъ, въ которыхъ въ 1890 г. на полицейской службѣ состояло:

ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.	Сотскихъ.	Десятскихъ.	На сколько ревизск. душъ приходится одна полиц. должность.
Челябинской	4	21	58
Спасской	9	38	33
Ишимской	16	52	46
Почитанской	20	20	89
Зырянской	13	13	58
Всего по 5 волостямъ. .	62	144	54

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ по 5 волостямъ одинъ низшій полицейскій служащій приходится на каждыя 54 ревизскихъ души, распредѣленіе же полицейскихъ должностей между волостями представляется довольно неравномѣрнымъ. Приведенныя цифры вѣрны, впрочемъ, только для двухъ послѣднихъ лѣтъ (1889 и 1890 г.), когда составъ сельской полиціи былъ значительно усиленъ; такъ въ Ишимской волости, гдѣ въ настоящее время числится 16 сотскихъ и 52 десятскихъ, еще въ 1888 было всего 11 сотскихъ и 26 десятскихъ, слѣд. общее число полицейскихъ должностей увеличилось почти вдвое.

Службы сотскихъ и десятскихъ, какъ не допускающія замѣщенія по найму, не поддаются оцѣнкѣ; оцѣнить можно было-бы только дежурства десятскихъ при земскомъ засѣдателѣ и на трактѣ, но о числѣ такихъ дежурствъ мы имѣемъ свѣдѣнія только по одной волости — Ишимской. Изъ этой волости въ теченіе всего нерабочаго времени на службѣ находилось: въ с. Ишимскомъ 6 человѣкъ, по тракту — отъ 5 до 8; лѣтомъ — въ сѣнокосное и жатвенное время въ с. Ишимскомъ постоянно находилось по 10 человѣкъ. Считая лѣто въ 12 недѣль, остальное время — въ 40, получимъ примѣрную стоимость отбываемой десятскими и допускающей замѣщеніе по найму службы слѣдующимъ образомъ:

въ нерабочее время (ср. числ. 12 чел. по 1 р. 75 к.). .	840 р..
въ рабочее „ (10 чел. по 2 р. 50 к.)	300 „
Всего	1.140 р.,

что въ среднемъ на каждаго десятскаго составитъ около 22 рублей, а слѣдовательно для всѣхъ 144 десятскихъ, служившихъ въ 5 волостяхъ,—около 3.168 рублей. Въ среднемъ на каждую изъ числящихся въ этихъ волостяхъ душъ это составитъ по 28 копѣекъ, а для всѣхъ 7 волостей (15.514 душъ) стоимость службы полицейскихъ десятскихъ опредѣлится приблизительно въ 4.344 рубля.

Этимъ исчерпываются всѣ тѣ сборы и повинности, которые подходятъ подъ рубрику волостныхъ и земскихъ. Общая сумма этихъ сборовъ и оцѣнки повинностей (не считая не допускающихъ найма, а слѣд. и оцѣнки, службъ) опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

собственно денежныхъ волостныхъ расходовъ. . .	14.225 *)	рублей
оцѣнка натуральныхъ повинностей:		
земской гоньбы.	15.760	„
дорожной повинности	26.370	„

*) По Зырянской волости взята общая цифра, вошедшая въ раскладку волостныхъ сборовъ — 1.940 р.; мы не имѣли возможности выдѣлить расходы по исполненію натуральныхъ повинностей, но ничтожный размѣръ общей цифры показываетъ, что такіе расходы въ этой волости очень невелики.

мостовъ и перевозовъ внутр. сообщенія. . .	637	рублей.
кормежей (новобр. и запасн.) не менѣе. . .	16.000	„
„ (полиц. десятскихъ и пр.) около .	500	„
службъ, допускающихъ замѣщеніе по найму:		
волостныхъ	2.065	„
полицейскихъ	4.344	„
	79.901	рубль.

Цифра эта, разумѣется, никакъ не можетъ претендовать на точность, а имѣетъ лишь характеръ приблизительной оцѣнки. Мало того: если вспомнить, что для оцѣнки кормежей мы приняли самыя низшія нормы; что дорожную повинность и гоньбу мы оцѣнивали — гдѣ онѣ не отбываются наймомъ—по размѣрамъ платы замѣстителямъ, которая всегда бываетъ ниже дѣйствительной стоимости повинности при отбываніи натурой; что наконецъ мы совершенно не можемъ ручаться за отсутствіе въ исчисленіи сборовъ и повинностей какого-либо пропуска, — то ясно станетъ, что эта цифра несомнѣнно должна быть *нѣсколько ниже* дѣйствительности. Такимъ образомъ 79.901 р.—это *минимумъ, не ниже* котораго обходятся населенію волостные сборы и натуральныя повинности, а въ среднемъ на каждую изъ 15.514 ревизскихъ душъ стоимость этихъ сборовъ и повинностей будетъ не ниже 5 р. 15 к.,— лишь немногимъ меньше оклада казенныхъ платежей.

Б. Церковные сборы и повинности.

По количеству церквей и приходовъ изслѣдованный край довольно рѣзко отличается отъ извѣстныхъ намъ мѣстностей Тобольской губерніи. Въ то время, когда напримѣръ въ Туринскомъ округѣ Тобольской губерніи, при исключительно православномъ населеніи въ 60 съ лишнимъ тысячъ душъ, имѣется всего 23 церкви, въ изслѣдованномъ краѣ, при приблизительно такомъ-же населеніи, церквей имѣется 43—почти вдвое больше. Особенно богаты церквами волости Чулымскаго района, гдѣ изъ общаго числа 85 селеній церкви имѣются въ 34 селеніяхъ—въ двухъ пятыхъ. Особенное рвеніе къ построенію церквей проявляли новоселы: многія церкви у этихъ послѣднихъ основаны и содержатся на средства какого-нибудь одного селенія, которое вымачиваетъ весь слѣдующій причту оклать ржаного хлѣба (175 пудъ), несетъ всѣ прочіе расходы на содержаніе церкви и духовенства, а иногда (въ с. Сусловскомъ и Константиновскомъ) платитъ причту и денежное содержаніе, гдѣ такового не полагается отъ правительства. Кромѣ собственно сельскихъ

приходовъ, часть населенія изслѣдованнаго края и именно—Баимской волости (Рубино-Богдановское с. о., Примѣткина, Баимъ, Подъельничная, Кійская и два Антибеса) приписана къ приходу городского Маріинскаго собора, а нѣкоторыя селенія Спасской волости (зарѣчныя—Головинина, Кислова и Канцилская) принадлежатъ къ приходамъ двухъ селъ, не принадлежащихъ къ составу изслѣдованнаго края — Ярскаго (Батурина) и Калтайскаго.

Важнѣйшею и въ то-же время повсемѣстно существующею изъ церковныхъ повинностей является повинность *ружная*, которая въ однихъ приходахъ отбывается натурой, посредствомъ взноса установленнаго количества ружнаго хлѣба, въ другихъ — переложена на деньги. Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны размѣры ружныхъ взносовъ, причемъ оцѣнка хлѣбныхъ взносовъ сдѣлана для трехъ волостей Томскаго района, гдѣ въ ругу вносится покупной хлѣбъ, по средней рыночной цѣнѣ въ 60 к. за пудъ, для четырехъ волостей Чулымскаго района—по дешевой мѣстной цѣнѣ въ 40 к. за пудъ.

ВЪ ВОЛОСТЯХЪ.	ХЛѢБОМЪ		Деньгами	Всего	Что на ревизскую душу составитъ копѣекъ.
	пудовъ.	на сумму рублей.	рублей.	рублей.	
Пелюбинской	135	81	474	555	38
Спасской	—	—	628	628	41
Семилужной	—	—	641	641	41
Ишимской	1.697	679	906	1.575	50
Почитанской *)	3.752	1.501	90	1.591 *)	49
Зырянской	2.347	939	—	939	62
Баимской	2.775	1.100	75	1.175	43
Всего по 7 вол. . .	10.706	4.300	2.814	7.114 *)	47

*) Безъ татаръ д. Теплой-Рѣчки — 292 рев. души.

Ружная повинность составляетъ такимъ образомъ, 47 копѣекъ на каждую ревизскую душу. Колебанія поволостныхъ цифръ не особенно значительны сравнительно съ колебаніями цифръ другихъ сборовъ и повинностей. Въ частности бросается въ глаза разница въ тягости ружной повинности между волостями, входящими въ составъ Томскаго и Чулымскаго районовъ. Общая сумма этой повинности составляетъ именно:

въ Томскомъ районѣ . . . 1.824 рубля или 40 к. на рев. душу
въ Чулымскомъ „ . . . 5.290 „ „ 50 „ „ „ „

и это при цѣнѣ хлѣба, въ Томскомъ районѣ примѣрно на 50% высшей, нежели въ Чулымскомъ, — разница, очевидно, являющаяся результатомъ многочисленности въ Чулымскомъ районѣ церквей, а слѣдовательно — малаго размѣра приходовъ.

Денежное содержаніе причту производится, сколько намъ извѣстно, только въ двухъ селеніяхъ Баимской волости — въ с. Сусловскомъ и Константиновскомъ; въ первомъ — въ размѣрѣ 280, во второмъ — 270, въ обоихъ — 550 р., въ годъ, что́ составляетъ по 86 к. на каждую изъ числящихся въ этихъ селеніяхъ 639 ревизскихъ душъ.

Другими предметами церковныхъ расходовъ являются: *отопленіе* церквей и церковн. сторожекъ; уплата жалованія *просвирнямъ*; постройка и *ремонтъ самихъ церквей, домовъ* для священно-и церковнослужителей; наемъ для нихъ и для церковныхъ старостъ *подводъ*. Но расходы на эти предметы производятся далеко не вездѣ: отопленіе, содержаніе просвирень, ремонтъ построекъ и т. п. очень часто производятся на счетъ церковныхъ суммъ, а такъ называемая церковная гоньба въ огромномъ большинствѣ случаевъ отправляется междудворными ямщиками и не является, слѣдовательно, предметомъ какого-либо особаго расхода. Общее количество расходовъ на эти предметы, по имѣющимся у насъ, впрочемъ едва-ли полнымъ даннымъ, изобразится въ нижеслѣдующей табличкѣ:

(См. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Такимъ образомъ по этой рубрикѣ расходовъ въ 1890 г. было издержано *не менѣе* 3.619 рублей, что составляетъ около 24 копѣекъ на ревизскую душу. Въ смыслѣ размѣровъ расхода на эти предметы опять-таки можно замѣтить между двумя районами изслѣдованнаго края довольно существенное различіе; именно въ общихъ суммахъ по районамъ было израсходовано:

въ Томскомъ районѣ . . 668 рублей,
въ Чулымскомъ „ . . 2.951 „ ,

(Къ предъидущей страницѣ).

ВОЛОСТИ	Отопленіе церквей.	Ремонтъ строеній и наемъ помѣщеній для причта	Плата просвиры.	Наемъ подводъ.	Всего.
Нелюбинская	241	—	—	—	241
Спасская	113	159	12	—	284
Семилужная	58	50	--	35	143
Ишимская	197	437	178	9	821
Почитанская	493	—	154	—	649
Зырянская	156	511	152	—	819
Баимская	178	425	69	—	672
Итого. . .	1.438	1.582	565	44	3.619

то есть въ среднемъ на ревизскую душу расходъ въ Томскомъ районѣ составилъ менѣе 15, въ Чулымскомъ—по 27 копѣекъ, что опять-таки является прямымъ результатомъ многочисленности въ Чулымскомъ районѣ церквей и малаго размѣра приходовъ.

Кромѣ денежныхъ расходовъ и патуральной ружной повинности крестьяне избираютъ въ каждомъ приходѣ церковнаго старосту и трапезниковъ, обыкновенно двухъ; на трапезникахъ обыкновенно лежитъ и обязанность ночного караула при церквахъ, и только къ одномъ извѣстномъ намъ случаѣ эта обязанность возлагается на особое наемное лицо. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть училища, далѣе, приходскіе сходы избираютъ къ послѣднимъ попечителей, но должность эта является совершенною синекурой, почему мы и не будемъ вводить попечителей въ общій счетъ должностныхъ лицъ.

Должность церковнаго старосты имѣетъ вполнѣ почетный характеръ и, конечно, не допускаетъ замѣщенія по найму; это единственная должность, избраніемъ въ которую крестьяне не тяготятся и отъ занятія которой не уклоняются, несмотря на трудность для малограмотнаго крестьянина вести счеты по церковному хозяйству; счеты эти нерѣдко фактически ведутся кѣмъ-либо изъ причта, который за это получаетъ отъ старосты возна-

ражіе въ разм. 2—3 рублей въ мѣсяцъ. Церковные старосты вездѣ служатъ безъ жалованья; только въ одномъ приходѣ (Подломскомъ Семил. вол.) староста получаетъ содержаніе въ размѣрѣ 37 р. 30 к. въ годъ.

Должности трапезниковъ замѣщаются двоякимъ порядкомъ: по найму и по выбору. Наемные трапезники служатъ во всѣхъ трехъ приходахъ Семилужной волости, гдѣ въ 1890 году наемъ ихъ обошелся въ 414 рублей: кромѣ того нанимала трапезника для Маріинскаго собора еще и д. Банская, которая израсходовала на этотъ предметъ 80 рублей. Во всѣхъ остальныхъ приходахъ изслѣдованнаго края должности трапезниковъ замѣщаются по выбору, но избраннымъ разрѣшается нанимать замѣстителя, и избранные въ огромномъ большинствѣ случаевъ пользуются такимъ разрѣшеніемъ тѣмъ болѣе, что на этомъ обыкновенно настаиваютъ сами священники, которые конечно считаютъ болѣе удобнымъ видѣть въ званіи трапезниковъ опытныхъ людей, нежели новичковъ, не имѣющихъ никакого понятія о сопряженныхъ съ этимъ званіемъ обязанностяхъ. Въ виду того, что наемъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, обходится довольно дорого, избраніе въ должности трапезниковъ (и вмѣстѣ съ тѣмъ и распредѣленіе этихъ должностей между входящими въ составъ прихода селеніями) производится не на цѣлый годъ, а на часть—обыкновенно на полгода, нерѣдко и на 3 мѣсяца. Размѣръ наемной платы подвержень, въ зависимости отъ разныхъ условій, довольно значительнымъ колебаніямъ; такъ въ одной Зырянской волости въ 1890 году были случаи найма для замѣщенія этой должности по 15, 50, 55, 60 и 70 рублей. Средняя норма для волостей Чулымскаго района, однако, не превышаетъ 55 — 60 рублей; въ Томскомъ районѣ она поднимается выше: въ Нелюбинской волости до 70, въ Спасской—иногда и до 80 рублей въ годъ.

Общее число лицъ, избираемыхъ въ церковные старосты и трапезники, а также стоимость этой послѣдней службы, изобразится въ слѣдующей таблицѣ:

(См. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ по изслѣдованному краю одна церковная служба замѣщается отъ каждыхъ 111 ревизскихъ душъ, а стоимость службъ, допускающихъ наемъ, составляетъ на каждую душу 38 копѣекъ. И здѣсь, опять-таки, какъ и можно было ожидать, замѣчается значительная разница между тѣми двумя районами, на которые распадается изслѣдованный край. А именно въ общихъ итогахъ по районамъ:

(Къ предъидущей страницѣ).

ВОЛОСТИ.	Число церквей, старостъ.	Число выборныхъ трапезниковъ.	Стоимость службы трапезниковъ, рублей.	Одинъ служащій при церкви приходится на сколько ревизскихъ душъ.	Во сколько обходится на душу служба трапезниковъ, копѣекъ.
Пелюбинская .	3 *)	8	560	131	39
Спасская. . .	3	6	450	171	29
Семилужная. .	3	(6 **)	414	174	27
Ишимская . .	12	24	1.440	87	46
Почитанская***)	11	22 караульн. 6	1.500	85	46
Зырянская . .	6	11	660	89	41
Баимская . .	5	11 ****)	680	171	25
Итого по 7 волостямъ ***) .	43	94	5.704	111	38

	состоитъ служащихъ при церквахъ.	допускающія наемъ службы обходятся.
по Томскому	29	1.424 р..
по Чулымскому	108	4.280 „ ,

и слѣдовательно одна церковная служба отбывается

въ Томскомъ районѣ. (4.554 душъ) . .	отъ 157	рев. душъ
въ Чулымскомъ „ . (10.674 „ *) . . .	„ 99	„ „

а стоимость службъ, допускающихъ наемъ, составляетъ:

въ Томскомъ районѣ. . .	31	копѣйку на рев. душу
въ Чулымскомъ „ . . .	40	„ „ „ „ ,

и разница эта, конечно, обозначилась-бы еще рѣзче, если-бы наемъ

*) При церкви с. Зоркольцева старостой состоялъ Томскій купецъ Валгусовъ.
**) Наемныхъ.
***) Безъ татаръ д. Теплой-рѣчки.
****) Изъ нихъ одинъ наемный.
*) Не считая татаръ д. Теплой-рѣчки.

[illegible] службы [illegible] производился въ Чулымскомъ районѣ за болѣе дешевую плату.

Общая стоимость церковныхъ сборовъ и повинностей въ каждомъ изъ двухъ районовъ и по всему изслѣдованному краю на основаніи приведенныхъ — вѣроятно, повторяемъ, далеко не полныхъ — данныхъ, изобразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	въ Томск. районѣ (4.551 рев. души)	въ Чулымскомъ районѣ *) (10.960 р. душъ)	во всемъ изслѣд. краѣ (15.514 р. душъ).
Ружная повинность .	1.824 р.	5.290 р.	7.114 р.
Другіе сборы . . .	668 „	2.951 „	3.619 „
Службы, допускающія наёмъ	1.424 „	4.280 „	5.704 „
А всего .	3.916 „	12.521 „	16.437 „

Такимъ образомъ каждая ревизская душа обложена церковными сборами и повинностями въ размѣрѣ:

въ Томскомъ районѣ . . .		86 к.
въ Чулымскомъ „ . . .	1 р.	14 к.
по всему краю	1 р.	6 к.

и слѣд. эти сборы и повинности въ Чулымскомъ районѣ обходятся населенію почти на одну треть (32. [illegible]) дороже, нежели въ Томскомъ.

В. Сельскіе сборы и повинности.

Почти всю массу собственно-сельскихъ денежныхъ сборовъ представляютъ собой сборы на потребности сельскаго управленія и сборы [illegible] сборы [illegible] магазиновъ представляютъ собою лишь ничтожную часть общей массы сельскихъ сборовъ. Въ число послѣднихъ во многихъ случаяхъ входятъ еще и сборы по отбыванію нѣкоторыхъ земскихъ повинностей — [illegible] и дорожной, — но такъ какъ объ этихъ повинностяхъ уже была рѣчь выше, въ началѣ настоящаго § то здѣсь мы уже не будемъ говорить о связанныхъ съ ними расходахъ, хотя-бы эти послѣдніе и покрывались изъ мірскихъ и сельскихъ сборовъ.

Расходы на потребности сельскаго управленія слагаются изъ двухъ статей: содержанія сельскихъ старостъ и содержанія сельскихъ писарей.

Расходы по первой статьѣ, вообще говоря, незначительны: бо́льшая часть старостъ — и именно почти всѣ старосты въ волостяхъ Пелюбинской, Спасской, Баимской и Зырянской — служитъ безъ всякаго вознагражденія; въ волостяхъ Ишимской и Почитанской почти половина старостъ получаетъ содержаніе, но размѣры послѣдняго въ бо́льшинствѣ случаевъ не превышаютъ 15—20 рублей въ годъ, такъ что самое содержаніе имѣетъ характеръ скорѣе возмѣщенія издержекъ по разъѣздамъ и т. п., нежели вознагражденія за трудъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Баимской и Почитанской волостей ассигновка старостамъ дѣлается не въ видѣ содержанія, а прямо „на разъѣзды“ или „на непредвидѣнные расходы“.—Въ Семилужной волости бо́льшинство сельскихъ старостъ (5 изъ семи) получаетъ содержаніе и размѣры послѣдняго въ нѣкоторыхъ обществахъ весьма значительны, достигая 87, 90, а въ одномъ (Подломскомъ) обществѣ даже 240 рублей. Общій сводъ данныхъ о денежномъ содержаніи старостъ представленъ въ слѣдующей таблицѣ.

ВОЛОСТИ.	Всего имѣется сельскихъ старостъ.	Изъ нихъ получаетъ содержаніе.	Предѣлы колебаній размѣровъ содержанія.	Сумма расхода на этотъ предметъ.
Пелюбинская	7	1	—	15
Спасская	6	1	—	26
Семилужная	7	5	32 — 240	489
Ишимская	24	10	10 — 35	184
Почитанская.	22	8	10 — 40	146 и на расходы 69
Зырянская	13	2	5 — 10	15
Баимская.	15	3	10 — 15	35 и на расходы 30
Всего. . .	—	—	—	1.009

Гораздо крупнѣе расходъ на содержаніе *сельскихъ писарей*, который составляетъ 52,2% всей суммы собственно денежныхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ суммъ сельскихъ сборовъ. Число сельскихъ писарей равно числу сельскихъ обществъ и слѣдовательно зависитъ отъ принятой въ каждой данной волости системы административной группировки селеній, а система эта существеннымъ образомъ различна для трехъ при-Томскихъ волостей и для четырехъ волостей Чулымскаго района: въ этихъ послѣднихъ каждое селеніе въ видѣ общаго правила составляетъ отдѣльное сельское общество, и въ волостяхъ Почитанской и Зырянской это правило не знаетъ исключеній; въ Баимской волости есть одно общество, состоящее изъ двухъ селеній—Рубиной и Богдановой; въ Ишимской такихъ составныхъ обществъ пять: одно—д. Спасо, Ля и Бедрина, другое—д. Б.-Дорохова, Воронина-Ля и Феоктистовата-третье—с. Мазалово и д. Баранцева, четвертое—д. Нижне-Великосельская и Барнашова, пятое—с. Троицкое, д. Ниж.-Дорохова, Боровая и Сергѣева,—остальныя девятнадцать обществъ состоятъ каждое изъ одного селенія.—Въ при-Томскихъ волостяхъ, напротивъ, сельскія общества, состоящія изъ одного селенія, являются исключеніями: отдѣльныя общества составляютъ въ Семилужной волости 3 селенія, въ Спасской и Нелюбинской — по два въ каждой; затѣмъ остальныя селенія этихъ волостей сгруппированы: 23 селенія Нелюбинской волости—въ 5 обществъ (отъ 3 до 6 сел. въ каждомъ), 25 селеній Семилужной—въ четыре (отъ 3 до 8), 29 селеній Спасской—въ три сельскихъ общества (отъ 7 до 11 селеній въ каждомъ). Такое различіе въ составѣ сельскихъ обществъ не можетъ, конечно, не отражаться на числѣ сельскихъ писарей,—но довольно мало вліяетъ на размѣры вызываемаго содержаніемъ ихъ расхода: содержаніе сельскаго писаря подвержено весьма значительнымъ колебаніямъ (крайніе предѣлы колебаній въ изслѣдованномъ краѣ—13 и 320 руб.) въ зависимости главнымъ образомъ отъ размѣровъ дѣлопроизводства каждой данной сельской „управы“,—а размѣры дѣлопроизводства, въ свою очередь, въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ величины сельскаго общества какъ въ смыслѣ размѣровъ населенія, такъ и въ смыслѣ числа входящихъ въ составъ общества населенныхъ пунктовъ.

Данныя о числѣ сельскихъ писарей и о расходахъ на содержаніе ихъ сгруппированы въ слѣдующей таблицѣ:

(См. таблицу на слѣдующей страницѣ).

Всего, слѣдовательно, писаря обходятся населенію изслѣдованнаго края въ 9.570 рублей, изъ коихъ 3.149 приходятся на три при-Томскихъ волости, а остальные 6.421 р.—на 4 волости Чулымскаго района. Средній размѣръ оклада сельскаго писаря составитъ:

(Къ предъидущей страницѣ).

ВОЛОСТИ.	Число сельскихъ писарей.	Предѣлы колебаній размѣровъ содержанія.	Общая сумма расхода на писарей.
		Рублей.	
Пелюбинская	7	66 — 190	988
Спасская	6	60 — 192	862
Семилужная	7	55 — 320	1.299
Иишмская	21	24 — 274	1.571
Почитанская	22	13 — 220	2.096
Зырянская	13	35 — 110	989
Баимская	15	40 — 200	1.762
Всего. . .	94	13 — 320	9.570

для всего изслѣдованнаго края 102 руб.
для Томскаго района . . . . . 158 „
для Чулымскаго района . . . . 87 „

а вызываемое этимъ расходомъ обложеніе населенія достигаетъ

по всему краю . . . . . 62 коп. на рев. душу
по Томскому району. . . 69 „ „ „ „
по Чулымскому району . 59 „ „ „ „

и такимъ образомъ, благодаря бо́льшимъ размѣрамъ окладовъ, писаря въ Томскомъ районѣ, не смотря на господство системы составныхъ мельскихъ обществъ, обходится не только не дешевле, но даже нѣсколько дороже, нежели въ Чулымскомъ.

Слѣдующую группу расходовъ составляютъ тѣ, которые можно обозначить общимъ названіемъ *квартирныхъ*. Въ трехъ волостяхъ Чулымскаго района — Иишмской, Почитанской и Баимской — въ эту группу войдутъ расходы на троякаго рода предметы: содержаніе въ селеніяхъ *земскихъ квартиръ*, т. е. помѣщеній для остановокъ пріѣзжающихъ чиновниковъ; содержаніе *обывательскихъ квартиръ* (иначе „сборни",

„управа"), — помѣщеній для собраній сельскаго схода и канцеляріи сельскаго старосты, — и наемъ *квартиръ въ волостномъ селѣ* для старосты и гласниковъ волостнаго схода, а иногда и содержаніе послѣднихъ. По всѣмъ этимъ рубрикамъ въ 1890 году было израсходовано:

	на земскія квартиры	на обывательскія квартиры	на квартиры при волости	всего
	Р у б л е й.			
въ Ишимской волости	540	226	422	1.188
„ Почитанской „	515	139	279	933
„ Баимской „	540	137	415	1.092
Всего (9.455 рев. д.)	1.595	502	1.116	3.213

Въ этихъ трехъ волостяхъ, такимъ образомъ, квартирные расходы составили болѣе 3.000 рублей или по 34 коп. на ревизскую душу. Въ остальныхъ четырехъ волостяхъ изслѣдованнаго края сходы собираются у старостъ, канцелярія же помѣщается на дому у писарей: вмѣстѣ съ тѣмъ общество не принимаетъ на себя помѣщенія и продовольствія старостъ и гласниковъ во время выѣздовъ ихъ „въ волость", — и слѣдовательно отпадаютъ сборы какъ на обывательскія квартиры, такъ и на „квартиры при волости". Въ волостяхъ Семилужной и Спасской нѣтъ и сбора на земскія квартиры: въ первой — потому, что содержаніе всѣхъ земскихъ квартиръ относится на счетъ волостного сбора (см. выше), во второй — потому что содержаніе земскихъ квартиръ входитъ въ число обязанностей межуѣздныхъ ямщиковъ. Въ волостяхъ Нелюбинской и Зырянской на земскія квартиры расходуется: въ первой 185 рублей или около 13 копѣекъ, во второй — 256 р. или около 17 копѣекъ на ревизскую душу, — въ общемъ же итогѣ по изслѣдованному краю „квартирные" расходы въ составѣ сельскихъ смѣтъ составляютъ 3.654 руб.

Дальнѣйшія группы расходовъ составляютъ расходы: 1) по *содержанію хлѣбозапасныхъ магазиновъ* и 2) на *училищныя нужды*. По первому пункту предметомъ денежнаго расхода является наемъ караульщиковъ къ магазинамъ, а въ волостяхъ Почитанской, Ишимской и Баимской — еще и особыхъ писарей для веденія магазинной отчетности; по второму — наемъ къ училищамъ, иногда — отопленіе ихъ или наемъ для нихъ и для учащихъ помѣщеній, — и наконецъ въ сельскихъ смѣтахъ встрѣчаются расходы, не подходящіе подъ какія-либо постоянныя рубрики, — расходы, которые мы соединимъ въ особую категорію *мелочныхъ* или *экстренныхъ* расходовъ. На всѣ эти предметы въ 1890 году было израсходовано:

ВОЛОСТИ.	Магазинныхъ расходовъ.	Училищныхъ расходовъ.	Мелочныхъ и экстренныхъ расходовъ.
	Рублей.		
Пелюбинская	87	131	—
Спасская	караульщ. по выбору	104	45
Семилужная	свѣдѣній	пѣтъ	
Ишимская	173	348	206
Почитанская	359	311	309
Зырянская.	свѣдѣній нѣтъ		118
Банмская	93	351	193
Всего. . .	712	1.245	871

а всего по всѣмъ тремъ рубрикамъ 2.828 рублей, а вмѣстѣ съ тѣми волостями, по которымъ у насъ нѣтъ свѣдѣній, приблизительно около 4.000 руб. или около 25 копѣекъ на ревизскую душу.

Общая сумма сельскихъ денежныхъ расходовъ на основаніи приведенныхъ данныхъ изобразится слѣдующимъ образомъ:

содержаніе старостъ	1.009	руб.
„ писарей	9.570	„
квартирные расходы.	3.654	„
магазинные, училищные и мелкіе расходы	около 4.000	„
А всего денежн. сельск. расх. около	18.233	руб.,

что составитъ около 1 р. 18 к. на каждую окладную крестьянскую ревизскую душу.

Изъ сельскихъ натуральныхъ повинностей самою крупною является *междудворная гоньба*, которая въ большей части волостей изслѣдованнаго края отбывается двоякимъ способомъ. Единственное исключеніе составляетъ *Зырянская* волость, гдѣ гоньба во всѣхъ безъ исключенія селеніяхъ отправляется наймомъ и обходится всего въ 1.008 руб.

или по 67 копѣекъ на ревизскую окладную душу. Во всѣхъ остальныхъ волостяхъ встрѣчается и денежный, и натуральный способъ отбыванія разсматриваемой повинности.

Въ *Ишимской* волости гоньба отбывается наймомъ въ 22 сельскихъ обществахъ, гдѣ и обходится въ 2.184 руб. или по 74 копѣйки на каждую изъ 2.956 ревизскихъ душъ. Натурой она отбывается въ двухъ обществахъ: Нижне-Великосельскомъ и Спасо-Йскомъ, и стоимость ея опредѣлится слѣдующимъ образомъ: въ Нижне-Великосельскомъ с. о. (66 рев. душъ) въ 1890 г. было выставлено 225 подводъ; считая подводу по 30 копѣекъ (подводы недальнія—на 8—9 верстъ), найдемъ стоимость гоньбы равною 67 р. 50 к. или по 1 р. 2 к. на ревизскую душу. Въ д. Спасо-Йской (107 рев. душъ) въ годъ выходитъ до 500 подводъ, которыя, въ виду значительности концовъ, оцѣнятся не дешевле 60 коп. за подводу, — и слѣдовательно гоньба обойдется не менѣе 300 руб. въ годъ; изъ этой суммы, однако, надо вычесть 125 р. „подмога“, который Спасо-Йское общество получаетъ отъ волости, и слѣдовательно самому обществу гоньба обходится всего въ 175 руб. или по 1 р. 64 к. на ревизскую окладную душу,—а всего по волости междудворная гоньба обходится въ 2.426 рублей или по 78 копѣекъ на ревизскую душу. Надо замѣтить при этомъ, что каждое изъ пяти существующихъ въ волости составныхъ сельскихъ обществъ имѣетъ только по одному пункту для междудворной гоньбы; что же касается до обществъ Ишимскаго и Медвѣдчиковскаго, за которыя земская гоньба отправляется земскими ямщиками, то эти общества вносятъ „взамѣнъ междудворной гоньбы“: первое — 200, второе — 140 рублей въ волостныя суммы и избавляются отъ дальнѣйшихъ расходовъ или хлопотъ по отбыванію этой повинности.

Въ *Почитанской* волости гоньба отбывается наймомъ въ 18 селеніяхъ съ 2.755 ревизскими душами, которымъ и обходится въ 1.758 р., что составляетъ по 64 копѣйки на ревизскую душу. Натурой она отбывается въ трехъ „станочныхъ“ селеніяхъ — с. Почитанскомъ, Колыонѣ и Берикулѣ и въ маленькой д. Средне-Почитанкѣ. Стоимость гоньбы въ этихъ четырехъ селеніяхъ исчислится слѣдующимъ образомъ: въ с. Почитанскомъ и Берикульскомъ на гоньбу выходитъ по $^1/_2$ сутокъ съ каждой изъ 350 годныхъ душъ (въ Почитанскомъ 165, въ Берикулѣ 185), — всего 175 сутокъ; въ с. Колыонскомъ на гоньбу затрачено было съ каждой годной души по двое сутокъ — всего на 306 годныхъ душъ 612 сутокъ, въ д. Средне-Почитанкѣ съ 24 душъ по суткамъ — 24 сутокъ; всего въ четырехъ селеніяхъ вышло 811 сутокъ. Считая среднюю стоимость сутокъ человѣка съ лошадью около 1 руб., общая стоимость междудворной гоньбы по всѣмъ четыремъ селеніямъ

окажется равною 811 рублямъ, что составитъ по 97 копѣекъ на ревизскую душу (въ 4 селеніяхъ 827 рев. душъ)—а въ общемъ итогѣ по волости гоньба обошлась 2.569 рублей или по 72 копѣйки на ревизскую окладную душу.

Въ *Баимской* волости, въ противуположность разсмотрѣннымъ ранѣе, преобладаетъ натуральный способъ отбыванія междудворной гоньбы: наймомъ эта повинность отбывается только въ 6 обществахъ: Константиновскомъ, Тюменевскомъ, Больше- и Мало-Антибесскихъ, Рубино-Богдановскомъ и Тепло-Рѣчинскомъ —всего 839 ревизскихъ душъ; стоимость гоньбы въ этихъ обществахъ весьма различна въ зависимости отъ удаленности каждаго-даннаго селенія отъ тѣхъ селеній, съ которыми оно сообщается; дешевле всего гоньба обходится въ с. Константиновскомъ, дороже всего — въ д. Теплой-Рѣчкѣ: въ первомъ, при 265 ревизскихъ душахъ, за гоньбу въ 1890 г. заплачено 139 рублей, во второй при 54 душахъ—150 рублей,—слѣдовательно на ревизскую душу „гопёбный“ расходъ составитъ въ первомъ всего 53 копѣйки, во второмъ—2 р. 78 к., болѣе чѣмъ въ пять разъ дороже, нежели въ первомъ. Всего по 6 обществамъ, заключающимъ всего 839 душъ, гоньба въ 1890 г. обошлась въ 733 р., т. е. по 87 к. на ревизскую душу. Въ остальныхъ девяти сельскихъ обществахъ Баимской волости (всего 1.905 рев. душъ) междудворная гоньба отбывается натурой; о размѣрахъ разгона, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній, а потому точно опредѣлить общую стоимость гоньбы по Баимской волости мы не можемъ; мы можемъ только, чтобы приблизительно опредѣлить эту величину, распространить на цѣлую волость среднюю норму стоимости, полученную для 6 обществъ, и тогда стоимость гоньбы для цѣлой Баимской волости получится равною $87 \times 2744 = 2387$ рублямъ. Нѣсколько большая дороговизна повинности въ Баимской волости сравнительно съ другими разсмотрѣнными ранѣе волостями является прямымъ результатомъ рѣдкой ея населенности и разбросанности селеній.

Въ общемъ итогѣ по четыремъ волостямъ Чулымскаго района междудворная гоньба обошлась всего въ 8.390 рублей или по 77 копѣекъ на ревизскую окладную душу.

Переходя затѣмъ къ пригороднымъ волостямъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на одну весьма существенную особенность, отличающую эти волости отъ волостей Чулымскаго района: отбываніе междудворной гоньбы въ этомъ послѣднемъ пріурочено къ *сельскому обществу*, и если послѣднее состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, то всѣ они содержатъ только одинъ гопёбный пунктъ: въ пригородныхъ волостяхъ гоньба пріурочена къ *дворамъ*, и если сельское общество со-

стоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, то каждое изъ послѣднихъ—по крайней мѣрѣ въ видѣ общаго правила—отбываетъ повинность независимо отъ прочихъ; только въ видѣ исключенія случается, что двѣ — три маленькихъ деревни, входящія въ составъ одного сельскаго общества, соединяются и вмѣстѣ нанимаютъ одного „гоньбовщика", или отбываютъ повинность натурой (такимъ образомъ соединились въ Спасской волости д. Кучумова, Еркина и Лошкутова; с. Протопопово и д. Протопопова; д. Хайдукова, Савина, Жукова и Оловянишникова; въ Нелюбинской—с. Зоркальцево съ д. Кудриной и нѣк. др.).

Изъ трехъ волостей Томскаго района денежный способъ отбыванія междудворной гоньбы больше всего распространенъ въ *Спасской* волости; здѣсь только въ трехъ небольшихъ селеніяхъ—Кандинской, Большанинной и Просѣкиной (всего 77 рев. душъ) гоньба до настоящаго времени отбывается натурой. Населеніе остальныхъ 28 селеній, содержащее 21 гоньбный пунктъ, отбываетъ гоньбу наймомъ, причемъ плата за пунктъ колеблется между 17 р. 60 коп. и 148 рублями, а по всѣмъ 21 пунктамъ составляетъ 1.493 рубля или по 1 р. 2 к. на каждую изъ 1.466 рев. душъ, числящихся въ этихъ 28 селеніяхъ. Но тремъ селеніямъ, отбывающимъ гоньбу натурой, мы не имѣемъ свѣдѣній, почему и воспользуемся полученною только-что нормою — 1 р. 2 к. на рев. душу—для полученія приблизительнаго размѣра стоимости повинности на цѣлую волость: при 1.543 ревизскихъ душахъ стоимость гоньбы по волости опредѣлится приблизительно въ 1.574 рублей въ годъ.

Къ тому-же пріему намъ придется прибѣгнуть и по отношенію къ *Семилужной* волости: въ двухъ сельскихъ обществахъ, заключающихъ въ себѣ 14 селеній и 464 рев. души, гоньба отбывается натурой, и о размѣрахъ разсчета мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній; въ остальныхъ пяти обществахъ, заключающихъ въ себѣ остальныя 14 селеній съ 1.101 ревизскою душою, гоньба отбывается наймомъ въ 11 пунктахъ; расходъ по отдѣльнымъ пунктамъ колеблется между 50 и 365 рублями, а на обязанную содержаніемъ пункта ревизскую душу между 41 копѣйкой и 2 р. 50 копѣйками, въ общемъ же итогѣ на всѣ 1.101 рев. душъ составляетъ 1.382 рубля или 1 р. 26 к. на ревизскую душу. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ гоньба отбывается натурой, она— можно навѣрно сказать — обходится дороже этой величины: дороже, во-первыхъ, благодаря натуральному способу отбыванія, и во-вторыхъ, — благодаря малому размѣру селеній. Если поэтому мы примемъ 1 р. 26 копѣекъ на ревизскую душу за общую норму для всей волости, то получаемая отсюда на всѣ 1.565 душъ цифра 1.972 рубля будетъ несомнѣнно ниже, а никакъ не выше дѣйствительности.

Въ *Нелюбинской* волости гоньба въ 11 селеніяхъ съ 905 ревизскими душами отбывается наймомъ и обходится населенію въ 788 рублей или по 87 копѣекъ на ревизскую душу. Въ остальныхъ селеніяхъ она отбывается натурой, и стоимость ея весьма различна въ зависимости отъ величины тѣхъ переговоровъ, которые приходится дѣлать междворнымъ ямщикамъ; особенно тяжела гоньба въ двухъ прирѣчныхъ селеніяхъ—Луговой и Чернильщиковой—,тяжела главнымъ образомъ благодаря тому, что лѣтомъ приходится возить на лодкахъ. Въ Луговой—всего „годныхъ" душъ—нѣсколько лѣтъ тому назадъ гоньба отдавалась съ подряда за 180 рублей, что составляетъ по 4 р. 74 к. на „годную" душу; въ Чернильщиковой „выбѣгаетъ" среднимъ числомъ по одной подводѣ въ день; цѣна подводы лѣтомъ колеблется, смотря по погодѣ, между 1 р.—1 р. 50 к. и 2 р. (лодка съ 2—4 гребцами), а среднимъ числомъ не ниже 1 р. 25 к.; зимой подвода тоже не дешевле 55 копѣекъ; въ общемъ стоимость гоньбы опредѣлится для этого селенія слѣдующимъ образомъ:

лѣтомъ (5 мѣс.)	150	подводъ по 1 р. 25 к.	. .	187 р..
зимой (7 мѣс.)	210	„ „ — „ 55 „	. .	115 „
			Итого . . .	302 р.,

что составитъ на каждую изъ 67 „годныхъ" душъ по 4 р. 51 к.. Въ остальныхъ селеніяхъ Нелюбинской волости гоньба обходится нѣсколько дешевле: среднюю стоимость подводы крестьяне въ 6 селеніяхъ принимаютъ въ 20 копѣекъ, въ пяти—въ 30 копѣекъ; „выбѣжало" подводъ за годъ въ селеніяхъ первой группы 2.043, во второй—856, и слѣд. стоимость гоньбы въ 11 селеніяхъ, заключающихъ въ себѣ 246 „годныхъ" душъ, опредѣляется примѣрно въ 666 рублей или въ среднемъ на „годную" душу по 2 р. 71 к.—Въ общемъ итогѣ по Нелюбинской волости стоимость междворной гоньбы оказывается равною приблизительно 1.936 рублямъ, или по 1 р. 34 к. на каждую изъ 1.446 ревизскихъ душъ.

Такимъ образомъ средняя стоимость междворной гоньбы въ поволостныхъ итогахъ колеблется въ Томскомъ районѣ между 1 р. 2 к. и 1 р. 34 копѣйками, въ общемъ же итогѣ по району междворная гоньба обходится въ годъ *не менѣе* 5.482 рублей или 1 р. 20 к. на ревизскую душу,—слѣдовательно на 55,6% дороже, нежели въ волостяхъ Чулымскаго района,—разница, являющаяся естественнымъ результатомъ преобладанія въ Томскомъ районѣ мелкихъ, въ Чулымскомъ—болѣе крупныхъ селеній; а въ общемъ выводѣ по всему изслѣдованному краю междворная гоньба обходится населенію *не менѣе*

13.872 рублей или 89 копѣекъ на ревизскую окладную крестьянскую душу.

Далѣе слѣдуетъ поправка *междудворныхъ дорогъ* или точнѣе— такъ какъ полотно на этихъ дорогахъ никогда не исправляется— мостовъ и гатей на этихъ дорогахъ. Въ видѣ довольно рѣдкаго только исключенія повинность эта отправляется наймомъ,—въ огромномъ большинствѣ случаевъ мосты и гати исправляются въ свободное отъ мѣстныхъ сельскихъ работъ время нарядомъ рабочихъ изъ числа общинниковъ. Если предстоитъ произвести какія-нибудь мелкія работы, то рабочіе наряжаются обыкновенно въ количествѣ, разсчитанномъ на то, чтобы работа могла быть окончена въ одинъ день,—и только при болѣе крупныхъ поправкахъ работа продолжается иногда по нѣсколько дней. Данныя о стоимости этой повинности, достаточно детальныя и заслуживающія довѣрія, мы имѣемъ только по двумъ волостямъ—*Нелюбинской* и Спасской. Въ первой поправка междудворныхъ дорогъ производилась въ 1890 году крестьянами всѣхъ безъ исключенія селеній,— но размѣры затраты труда на этотъ предметъ представляли весьма значительныя колебанія: на поправку междудворныхъ дорогъ было истрачено по отдѣльнымъ селеніямъ отъ 5 до 135 рабочихъ дней всего же по 21 селенію было затрачено 568 рабочихъ дней, да лѣсу на 30 рублей; считая рабочій день, включая стоимость содержанія рабочаго, по 50 копѣекъ, получимъ стоимость поправки междудворныхъ дорогъ по этимъ селеніямъ равною 314 рублямъ; сверхъ того три селенія произвели поправку дорогъ наймомъ и истратили 56 р., а всего по Нелюбинской волости повинность эта обошлась въ 370 рублей, что составляетъ около 26 копѣекъ на ревизскую душу.

Въ *Спасской* волости работы по поправкѣ междудворныхъ дорогъ и т. п. въ 1890 году произведены были только въ 12 селеніяхъ; изъ нихъ въ четырехъ онѣ производились наймомъ и обошлись въ 165 рублей, въ остальныхъ восьми для поправки дорогъ производился нарядъ рабочихъ; всего въ этихъ селеніяхъ проведено было на дорожной работѣ 233 рабочихъ дня, изъ нихъ 48 конныхъ, да лѣсу было израсходовано на 76 рублей; считая конный рабочій день по 80, пѣшій — по 30 копѣекъ, получимъ полную стоимость повинности по селеніямъ, отбывавшимъ ее натурою, равною 206 рублямъ, а всего по волости—362 рублямъ, или около 24 копѣекъ на ревизскую окладную душу.

По остальнымъ пяти волостямъ мы не имѣемъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній. Но если принять во вниманіе сходство, въ общихъ чертахъ, рельефа и тому подобныхъ условій во всѣхъ волостяхъ изслѣдованнаго края, то мы получимъ полное основаніе предполагать,

что размѣры затраты труда на содержаніе междудворныхъ дорогъ вездѣ должны быть болѣе или менѣе одинаковы и составить во всѣхъ семи волостяхъ приблизительно тотъ-же расходъ—около 25 копѣекъ на ревизскую душу, а слѣдовательно общая стоимость повинности опредѣлится приблизительно въ 3.878 рублей.

Есть далѣе еще одна небольшая повинность, относительно которой мы имѣемъ лишь весьма отрывочныя свѣдѣнія — это содержаніе *караульныхъ при поскотинныхъ* воротахъ, такъ называемыхъ „воротниковъ". Такіе караульные содержатся почти исключительно въ селеніяхъ, лежащихъ на большомъ трактѣ, въ „забошныхъ" же мѣстностяхъ ворота остаются безъ караула и отпираніе и запираніе ихъ лежитъ на заботѣ самихъ проѣзжающихъ: изъ мѣстностей этой группы мы встрѣчаемъ воротниковъ только въ четырехъ селеніяхъ Спасской волости, которыя израсходовали на этотъ предметъ всего 25 рублей. О стоимости этой повинности въ трактовыхъ селеніяхъ мы имѣемъ свѣдѣнія только по Ишимской волости, гдѣ въ лѣто 1890 года шести воротникамъ было уплачено 103 рубля, что даетъ средній размѣръ расхода на одного воротника равнымъ 17 рублямъ. Между тѣмъ общее число поскотинныхъ воротъ на линіи Сибирскаго тракта отъ Томска до с. Тяжинскаго, а слѣд. и число воротниковъ, равно сорока двумъ; принимая 17 рублей за общую норму стоимости содержанія одного воротника, получимъ расходъ на всѣхъ равный 714 р., а съ прибавленіемъ 25 р. по Спасской волости—739 рублямъ.

Наконецъ послѣднею изъ болѣе или менѣе всеобщихъ натуральныхъ повинностей является содержаніе въ деревняхъ *ночныхъ карауловъ* въ лѣтнее время. Повинность эта въ значительномъ большинствѣ случаевъ отбывается натурой, путемъ поочереднаго наряда людей въ ночной караулъ. Сравнительно рѣдки случаи, когда „обходчикъ" нанимается обществомъ. Повинность въ томъ и другомъ случаѣ раскладывается не по душамъ, а по дворамъ, и въ отбываніи ея участвуетъ *все* населеніе, не исключая проживающихъ въ селеніяхъ посторонніхъ лицъ; о стоимости ея при отбываніи натурой мы вовсе не имѣемъ данныхъ; при наймѣ она обходится, смотря по размѣрамъ селенія и другимъ условіямъ, отъ 20 до 30 копѣекъ съ дома. Принимая среднюю между этими двумя цифрами — 25 копѣекъ съ дома—за среднюю норму стоимости этой повинности, получимъ общую стоимость ея (населеніе изслѣд. края сгруппировано въ 12.339 дворовъ) равною приблизительно 3.085 рублямъ.

Намъ остается еще упомянуть о сельскихъ *службахъ*, къ числу которыхъ относятся существующія вездѣ должности сельскихъ старостъ, ихъ кандидатовъ и сельскихъ десятскихъ—иначе „десятниковъ". Тамъ,

ціе селенія сгруппированы по нѣскольку въ одно составное сельское общество, избираются иногда еще особые сборщики податей, а мѣстами — и особые пожарные старосты. Изъ всѣхъ этихъ должностей замѣщеніе по найму допускаетъ только должность десятника. Размѣры наемной платы подвержены весьма широкимъ колебаніямъ: въ небольшихъ деревняхъ, съ одной стороны, плата падаетъ до 15, 10 рублей въ годъ и даже ниже: въ болѣе значительныхъ нетрактовыхъ селеніяхъ она колеблется между 20 и 25 рублями, въ большихъ трактовыхъ пунктахъ иногда поднимается до 40 и даже 50 руб. въ годъ. За среднюю норму для волостей Томскаго района, въ виду преобладанія въ нихъ мелкихъ селеній, можно принять 15, для Чулымскаго района, гдѣ селенія гораздо крупнѣе—25 рублей въ годъ.

Общее число лицъ, отправляющихъ разныя сельскія службы, а также общая стоимость службы десятниковъ, изобразится въ слѣдующей таблицѣ.

ВОЛОСТИ.	Сельскихъ старостъ	Кандидатовъ	Сборщиковъ податей	Пожарныхъ старостъ	Десятниковъ	Стоимость службы десятниковъ	На сколько душъ приходится одинъ служащій	Во сколько обход. на душу служба десятниковъ
						рубли		копѣекъ
Нелюбинская. . .	6	3	5	1	20	300	41	21
Спасская	6	6	—	1	29	435	37	29
Семилужная . . .	8	8	3	1	[30]*)	[450]	31	29
Ишимская . . .	24	24	—	1	[30]	[750]	39	24
Почитанская. . .	22	20	—	1	18	450	57	13
Кыргинская . . .	13	10	—	1	14	350	59	24
Каимская. . . .	15	15	—	1	[20]	[500]	54	18
Всего .	94	88	8	7	[161]	[3.235]	43	21

Такимъ образомъ въ общемъ итогѣ по всѣмъ волостямъ одна сельская должность приходится на 13 ревизскихъ душъ, а единственная

*) Въ скобкахъ заключены сомнительныя цифры.

изъ этихъ должностей, доступная оцѣнкѣ, обходится населенію по 21 копѣйкѣ на ревизскую душу. Сравнивая между собой цифры по отдѣльнымъ волостямъ, мы находимъ, что сельскія службы вообще и служба десятника въ особенности въ Томскомъ районѣ тяжелѣе, нежели въ Чулымскомъ,—опять-таки прямой результатъ преобладанія въ первомъ—мелкихъ, во второмъ—крупныхъ селеній.

Общая сумма сельскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей въ изслѣдованномъ краѣ изобразится, на основаніи приведенныхъ данныхъ, слѣдующимъ образомъ:

денежные расходы . . .	18.233	рубля
междудворная гоньба . .	13.872	„
междудворныя дороги . .	3.878	„
воротники	739	„
ночные караулы. . . .	3.085	„
служба десятниковъ . .	3.235	„
А всего . .	43.042	рублей,

что въ среднемъ на ревизскую душу составитъ по 2 р. 77 копѣекъ,—вдвое меньше, нежели общая сумма расходовъ и повинностей, входящихъ въ составъ волостной раскладки. Какъ и эта послѣдняя величина, полученная нами только-что сумма сельскихъ расходовъ и повинностей не можетъ быть признана совершенно полною: уже тѣ расходы и повинности, которыя мы имѣли въ виду,—какъ было указываемо въ своемъ мѣстѣ,—оцѣнены нами въ минимальныхъ величинахъ; но кромѣ этого мы не сомнѣваемся въ томъ, что нами упущены изъ виду цѣлыя небольшія группы расходовъ: мы встрѣчали въ приговорахъ указанія на расходы по содержанію карантиновъ, по снаряженію довѣренныхъ лицъ „на дорогу“, на ремонтъ и страховку общественныхъ зданій, а также на такіе случайные расходы какъ наемъ лошадей „для архіерея“, „для графа Игнатьева“, „подъ золото“ и т. п.,—но учесть эти расходы, хотя-бы даже приблизительно, не имѣемъ возможности *).

Г. Хлѣбозапасные магазины.

О состояніи хлѣбныхъ запасовъ мы имѣемъ свѣдѣнія по шести волостямъ изслѣдованнаго края; по Зырянской волости отчетной вѣдо-

*) Независимо отъ этого мы не вводили въ разсчетъ цѣлую категорію расходовъ—именно пастушные и прорубные расходы, а также содержаніе поскотинъ,—не вводили потому, что эти расходы и повинности имѣютъ совершенно спеціальное хозяйственное назначеніе и не могутъ идти въ общій счетъ со сборами и повинностями другого характера.

мости по хлѣбозапаснымъ магазинамъ въ нашихъ матеріалахъ не имѣется.

Хлѣбные запасы въ изслѣдованномъ краѣ установлены въ общемъ по имперіи размѣрѣ: по 1 четверти озимаго и по 4 четверика ярового хлѣба на каждую приписанную къ магазину душу; но въ Нелюбинской волости, гдѣ яровыхъ колосовыхъ хлѣбовъ почти не сѣютъ, засыпки яроваго не производится, а засыпается одинъ озимый хлѣбъ, въ количествѣ 1 четверти и 4 четвериковъ на душу. Всего въ шести волостяхъ должно находиться на лицо:

	Озимаго		Ярового	
	четвертей	четвериковъ	четвертей	четвериковъ
въ Нелюбинской .	2.161	4	—	—
„ Спасской. . .	1.851	—	925	4
„ Семилужной. .	1.543	—	771	4
„ Ишимской . .	3.288	—	1.644	—
„ Почитанской .	3.893	—	1.946	4
„ Баимской . .	2.968	—	1.484	—
Всего по 6 волостямъ	15.704	4	6.671	4

Въ 1890 году, по имѣющимся въ нашихъ матеріалахъ отчетнымъ вѣдомостямъ, въ магазинахъ находилось на лицо:

	озимаго			яроваго		
	ч-тей	ч-новъ	гарн..	ч-тей	ч-ковъ	гарн..
въ Нелюбинской (къ 1. X).	2.672	6	5	—	—	—
„ Спасской (къ 1. I) . .	1.468	5	6	—	—	—
„ Семилужной (къ 1. X) .	3.983	6	4	526	2	4
„ Ишимской (къ 1. VII).	946	6	3	1.406	1	3
„ Почитанской (къ 1. XI).	3.531	4	5½	991	5	5
„ Баимской (къ 1. IX). .	2.268	6	5	627	6	—
Всего по 6 волостямъ . .	14.872	4	4½	3.551	7	4

Въ общемъ итогѣ по 6 волостямъ, такимъ образомъ, на лицо состоитъ почти полное окладное количество озимаго хлѣба и болѣе половины ярового, — и слѣдовательно состояніе магазиновъ въ общемъ, несмотря на плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ, можетъ быть признано весьма удовлетворительнымъ. Но по отдѣльнымъ волостямъ отношеніе наличнаго количества хлѣба къ окладному представляется весьма разнообразнымъ. А именно:

	Сколько % окладной пропорціи составляютъ наличные запасы	
	озимаго	ярового
въ Нелюбинской . . .	123,7	—
„ Спасской.	79,4	0
„ Семилужной. . . .	258,2	68,2
„ Ишимской	28,8	85,5
„ Почитанской . . .	90,7	50,9
„ Баимской	76,5	42,3
Въ итогахъ:		
по 3 при-Томскимъ вол. .	146,3	31,0
по 3 вол. Чулымск. района.	65,5	60,8.

Въ волостяхъ Томскаго района состояніе озимыхъ запасовъ оказывается такимъ образомъ блестящимъ: въ общемъ итогѣ по всѣмъ тремъ волостямъ они въ полтора раза превышаютъ окладную норму; въ Чулымскомъ районѣ озимые запасы въ гораздо менѣе удовлетворительномъ состояніи: на лицо состоитъ менѣе ½ окладного количества. Въ мѣстности, гдѣ взносы въ магазинъ дѣлаются въ значительной мѣрѣ изъ покупного хлѣба, состояніе запасовъ оказывается, такимъ образомъ, гораздо болѣе благопріятнымъ, нежели въ мѣстности чисто земледѣльческаго характера, — и эта кажущаяся несообразность — ничто иное, какъ прямое слѣдствіе большей устойчивости благосостоянія промысловаго при-Томскаго населенія сравнительно съ зависящимъ отъ случайностей урожая благосостояніемъ чисто-земледѣльческаго населенія Чулымскаго района. — Яровые запасы, напротивъ, въ Томскомъ районѣ въ значительно худшемъ состояніи, нежели въ Чулымскомъ, — и разница въ этомъ случаѣ едва-ли не является слѣдствіемъ ничтожнаго въ первомъ изъ двухъ районовъ размѣра яровыхъ посѣвовъ, а отсюда — малой пользы, доставляемой населенію яровыми запасами.

На этомъ мы можемъ покончить съ *наличными* хлѣбными запасами. Въ *долгахъ* по ссудамъ и недоимкамъ состоитъ:

	озимаго			ярового		
	ч-тей	ч-ковъ	гарн..	ч-тей	ч-ковъ	гарн..
въ Нелюбинской . . .	3.775	4	7	—	—	—
„ Спасской.	5.162	6	2	115	5	4
„ Семилужной	3.009	2	2	1.068	5	6
„ Ишимской	9.721	3	4	3.891	3	4
„ Почитанской. . . .	8.620	2	3½	3.898	2	7
„ Баимской.	2.407	1	5	789	1	3
Всего по 6 волостямъ. .	32.696	4	7½	9.763	3	—

Количество запаснаго хлѣба, числящееся въ долгахъ, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ наличное количество. Но цифра общаго количества долговъ сама по себѣ представляетъ для насъ мало интереса; тѣмъ важнѣе, зато, распредѣленіе этого количества по родамъ долговъ—на хлѣбъ, состоящій въ недоимкѣ за лицами, обязанными дѣлать окладные хлѣбные взносы, и на хлѣбъ, состоящій въ долгахъ по ссудамъ. Свѣдѣнія по этому вопросу мы имѣемъ, къ сожалѣнію, только по четыремъ волостямъ (по остальнымъ двумъ недоимка и долги по ссудамъ показаны слитно); изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что изъ приведенныхъ общихъ цифръ долга состоитъ:

	озимаго четвертей *)		ярового четвертей *)	
	въ недоимкахъ	въ долгахъ по ссудамъ	въ недоимкахъ	въ долгахъ по ссудамъ
въ Спасской . .	231	4.931	116	—
„ Семилужной .	823	2.187	289	780
„ Ишимской .	365	9.357	187	3.705
„ Баимской. .	944	1.463	503	278
Итого по 4 вол.	2.363	17.938	1.095	4.763

Въ итогѣ по четыремъ волостямъ, такимъ образомъ, изъ общаго количества хлѣба, состоящаго въ долгахъ, $^{8}/_{9}$ для озимаго хлѣба и болѣе $^{4}/_{5}$ для ярового числятся въ долгахъ по ссудамъ, а только $^{1}/_{9}$ для перваго и менѣе $^{1}/_{5}$ для второго—въ недоимкахъ, и такимъ образомъ огромное большинство состоящаго въ долгахъ хлѣба прошло чрезъ запасные магазины и въ критическую минуту послужило для населенія болѣе или менѣе существеннымъ подспорьемъ.

§ 3. Условія аренды угодій. Мірскіе доходы.

Выяснивъ въ двухъ предыдущихъ §-ахъ, хотя и не съ достаточною, можетъ быть, полнотою и точностью, размѣры податного обложенія населенія изслѣдованнаго края, мы должны были-бы сопоставить обложеніе съ рентною доходностью крестьянскаго землепользованія, чтобы путемъ такого сопоставленія получить опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о степени легкости или обремененьности платежей. Къ сожалѣнію условія изслѣдованнаго края не даютъ намъ возможности этого сдѣлать: при изобиліи земельныхъ угодій, при существованіи по отно-

*) Четверики и гарнцы отброшены.

шенію къ нимъ захватно-заимочнаго или вольнаго способа пользованія, когда всякій можетъ получить даромъ все нужное ему количество угодій, какъ-бы велико оно ни было, — при такихъ условіяхъ существованіе собственно аренды угодій невозможно; аренда возможна только тамъ, гдѣ уже въ болѣе или менѣе совершенной формѣ произошелъ переходъ къ душевому пользованію, да и при наличности этого условія она существуетъ далеко не вездѣ. Данныя объ арендной цѣнности земельныхъ угодій, которыя мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи, представляются весьма отрывочными и при томъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, совершенно не допускаютъ распространенія за предѣлы тѣхъ общинъ или небольшихъ районовъ, по отношенію къ которымъ они были зарегистрированы.

По отношенію къ *пахатнымъ землямъ* душевое владѣніе существуетъ только въ двухъ общинахъ изслѣдованнаго края—Марьевской (Ишим. вол.) и Тюменевской (Барн. вол.),—и въ этихъ двухъ общинахъ только и существуетъ аренда, а достаточно опредѣленныя свѣдѣнія мы имѣемъ только по одной изъ нихъ—Марьевской *); арендная цѣна здѣсь весьма дешева, не превышая для наилучшей земли 50 копѣекъ за десятину на трехпольный кругъ. При прекрасномъ качествѣ земли такая дешевизна является результатомъ какъ изобилія непередѣляемыхъ пашень, такъ и наличности свободныхъ запасовъ земли, оставшейся внѣ передѣла.

Довольно часты въ волостяхъ Чулымскаго района случаи „покупки“ на съемъ хлѣба паровой земли, но эти случаи уже не подходятъ подъ понятіе аренды: плата за паровую землю—не болѣе 5 рублей за десятину—является только оплатою, и то далеко не полною, затраченнаго на обработку паровъ труда и рѣшительно ничего не оставляетъ на долю земельной ренты.

Значительно болѣе развита аренда по отношенію къ *сѣнокоснымъ* угодьямъ, именно главнымъ образомъ въ ближайшихъ къ городу Томску мѣстностяхъ и только по отношенію къ поемнымъ лугамъ — въ болѣе отдаленныхъ отъ послѣдняго мѣстностяхъ Томскаго района.

Аренда поемныхъ луговъ производится въ большинствѣ случаевъ подесятинно, причемъ плата за десятину луга на съемъ травы колеблется: въ д. Попадейкиной, с. Иглаковомъ, а также въ ближайшихъ къ Томску инородческихъ юртахъ — между 3 р. и 3 р. 50 коп. за десятину; въ расположенномъ дальше—въ 18 верстахъ отъ Томска—с. Спасскомъ плата не превышаетъ уже, смотря по качеству травы,

*) По Тюменевской мы имѣемъ свѣдѣнія, что пашни сдаются на 10-лѣтній срокъ съ платой по 8—10 рублей за паекъ, но о величинѣ пайковъ свѣдѣній не имѣемъ.

2 р. или 2 р. 50 к. за десятину. Въ расположенныхъ рядомъ съ д. Чернильщиковой (Нелюб. вол.) Тигильдѣевскихъ юртахъ луга сдаются по разсчету накошенныхъ копенъ, причемъ съ сотни накошенныхъ копенъ берутъ: при заборѣ впередъ отъ 8 до 9, на наличныя - отъ 10 до 12 рублей. По мѣрѣ удаленія отъ Томска арендная плата постепенно понижается и въ лежащихъ вблизи сѣверной границы Нелюбинской волости южныхъ селеніяхъ Николаевской не превышаетъ уже 3 рублей за сотню копенъ лучшей луговой травы.

Непоемные (гл. обр. лѣсные) покосы, какъ мы знаемъ, состоятъ въ душевомъ пользованіи только въ Спасской и въ ближайшихъ къ Томску обществахъ Семилужной волости, но и здѣсь аренда по отношенію къ нимъ существуетъ не вездѣ: въ южной части Спасской волости, напримѣръ, покосы настолько изобильны, что каждый общинникъ можетъ удовольствоваться своимъ душевымъ покосомъ, посторонніе же арендаторы, въ виду удаленности этой мѣстности отъ Томска, сюда не являются. Аренда существуетъ только въ ближайшихъ къ городу Киргизской и отчасти Лязгинской сотняхъ Семилужной волости, а также въ Заварзинской (д. Заварзина, Бородина, Хайдукова, Жукова, Савина, Оловянишникова) и Кучумо-Еркинской (д. Еркина, с. Протопопово, д. Протопопова) сотень Спасской волости, гдѣ многія сотни десятинъ сдаются арендаторамъ изъ Томскихъ городскихъ обывателей. Сдача производится не иначе, какъ покопенно, причемъ за сотню копенъ берутъ:

въ селеніяхъ *Заварзинскаго* с. о., смотря по качеству травы и другимъ условіямъ,

при сдачѣ на наличныя 5 — 6 и до 9 рублей,

при заборѣ впередъ 3 — 4 руб.,

въ селеніяхъ *Киргизскаго* с. о., при сдачѣ на наличныя, по 4—5 рублей.

Въ Чулымскомъ районѣ аренды, вообще говоря, нѣтъ даже тамъ, гдѣ поемные луга подѣлены на душевые участки. Правильная аренда существуетъ только въ ближайшихъ къ Мариинску селеніяхъ Банмской волости, причемъ плата за десятину поемнаго луга не превышаетъ 50—60 копѣекъ. На всемъ остальномъ протяженіи района аренда покосовъ, можно сказать, совершенно не существуетъ.—не существуетъ потому, что въ арендованіи никто не нуждается. Есть, правда, селенія, имѣющія мало покосовъ, но по близости отъ нихъ всегда есть такія богатыя лугами общины, которыя пускаютъ посторонннихъ косить на своихъ угодьяхъ даромъ или за угощеніе виномъ. Рентная цѣнность угодій сводится въ Чулымскомъ районѣ если не къ нулю, то къ минимальной величинѣ; мы имѣемъ въ нашихъ матеріалахъ одно рѣшеніе Ишимскаго волостнаго суда (24. IX. 85, № 74), гдѣ констатируется,

что „стоимость травы для покошенія ста копенъ самое большое 1 р. 50 коп.“,— но и такая оцѣнка несомнѣнно слишкомъ высока: гдѣ за сотню копенъ *сѣна* даютъ, включая стоимость харчей, 8 рублей, тамъ рентная цѣнность *травы* не можетъ достигать этого размѣра и вообще едва-ли можетъ быть выше нуля.

Къ нулю-же сводится въ Чулымскомъ районѣ и рентная цѣнность *пастбищъ*, что̀ доказывается неограниченною свободой пользованія общинными пастбищами для выпаса хотя-бы купленнаго для торговыхъ цѣлей скота. Въ Томскомъ районѣ пастбища имѣютъ уже нѣкоторую цѣнность. Уже крестьяне сѣверной окраины Нелюбинской волости отдаютъ своихъ лошадей на пастьбу въ ближайшія селенія Николаевской волости, платя за выпасъ (включая, впрочемъ, плату за надзоръ) по 60—70 коп. съ лошади. Въ ближайшихъ къ Томску обществахъ Спасской и Семилужной волостей рентная цѣнность пастбищъ выше: какъ съ дачниковъ, такъ и съ посторонникъ крестьянъ за право выпаса головы рогатаго скота берутъ, не считая пастушной платы, по 1 рублю въ лѣто, а арендаторъ описанныхъ пастбищъ д. Аркашовой беретъ съ горожанъ за выпасъ лошадей (включая пастушную плату) по $1^1/_2$—2 коп. въ день.

Лѣсъ на корню во всемъ Чулымскомъ районѣ и въ значительной части Томскаго не имѣетъ цѣнности: даже тамъ, гдѣ производятся промысловыя лѣсныя заготовки, продажная цѣна лѣсныхъ матеріаловъ цѣликомъ поглощается стоимостью ихъ заготовки и провоза. Только въ ближайшихъ къ Томску окраинахъ Спасской и Нелюбинской волостей, откуда доставка матеріаловъ въ Томскъ обходится очень дешево, лѣсъ имѣетъ довольно значительную рентную цѣнность: плата за сажень (однополѣнную) дровъ на срубъ доходитъ до 50 коп., за дерево, годное на полозья для саней—до 10 копѣекъ.

Довольно значительный рентный доходъ даютъ далѣе въ Спасской и Нелюбинской волостяхъ и болѣе значительные общинные *кедровники*. Размѣръ этого дохода, разумѣется, подверженъ, въ зависимости отъ урожая орѣха въ каждомъ данномъ году, весьма широкимъ колебаніямъ. За „душу“ (принадлежащее платежной душѣ право участія въ сборѣ орѣха) въ селеніяхъ Спасской волости платятъ:

	При посредственн. урожаѣ р у	При хорош. урожаѣ б л	При отличн. урожаѣ е й.
въ д. Аксеновой . . .	—	1— 3	4— 5
„ Бѣлоусовой . .	—	—	1— 2
„ Федосѣевой . .	3— 5	10	25
„ Кучумовой . . .	5—10	20	35
„ Еркиной . . .	—	—	2— 3
„ Плотниковой . .	2— 3	5	10
„ Протопоповыхъ .	5—10	20—25	35—40

Значительный рентный доходъ кедровники даютъ еще въ Вороновой, Лоскутовой, а также и въ д. Губиной и Кудриной (Нелюб. вол.), но о размѣрахъ его въ этихъ селеніяхъ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній.

Наконецъ, къ числу угодій, дающихъ рентный доходъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Спасской волости *) надо отнести еще и *каменоломни*: къ выломкѣ камня въ послѣднихъ Заварзинская и Аникинская общины допускаютъ посторонннихъ лицъ за плату по 1 р. съ куб. сажени.

Мірскіе *общественные доходы* слагаются главнымъ образомъ изъ сборовъ съ проживающихъ въ селеніяхъ *постороннихъ лицъ* (а также платы за пріемные приговоры); изъ платы за приговоры объ открытіи *питейныхъ заведеній* (кабацкія деньги), а въ при-Томскихъ волостяхъ, кромѣ того, изъ *платы за мѣста, сдаваемыя въ аренду* подъ заводы, пристани, водяныя мельницы, а также подъ сѣнокошеніе и выпасъ скота. Въ виду того, что сборы съ постороннихъ лицъ облекаются въ форму привлеченія ихъ къ участію въ общинныхъ раскладкахъ, мы будемъ говорить объ этомъ источникѣ въ слѣдующемъ §-ѣ, теперь же перейдемъ прямо къ другимъ видамъ общественныхъ доходовъ.

Самымъ важнымъ по своимъ размѣрамъ видомъ общественныхъ доходовъ являются „*кабацкія деньги*“, т. е. суммы, негласно взимаемыя обществами при постановленіи приговоровъ о разрѣшеніи открытія питейныхъ заведеній. Полныя и точныя свѣдѣнія о размѣрахъ этого рода дохода мы имѣемъ только по одной Ишимской волости. Здѣсь при выдачѣ приговоровъ на 1890 годъ было получено обществами:

с. Ишимскаго . . .	1.220 р.	д. Спасо-Яйской . .	100 р.
д. Медвѣдчиковой . .	900 „	д. Емельяновой . .	100 „
с. Мазалова. . . .	280 „	с. Данковскаго . .	220 „
д. Ниж.-Великосельской.	60 „	с. Ледедянскаго . .	80 „
с. Троицкаго . . .	80 „	с. Судженскаго . .	180 „
д. Митрофановки . .	40 „	с. Жарковскаго . .	40 „
с. Ново-Кусковскаго .	100 „	с. Ольгинскаго. . .	100 „
с. Воронo-Пашенскаго	120 „	д. Марьиной . . .	60 „
д. Мало-Жировой . .	30 „	с. Сергіевскаго. . .	240 „

и такимъ образомъ доходъ отъ питейныхъ заведеній полученъ былъ крестьянами 18 обществъ (изъ общаго числа двадцати четырехъ) въ размѣрѣ всего 3.950 рублей, что въ среднемъ на ревизскую душу

*) См. выше, стр. 49.

составитъ болѣе 1 р. 20 к.. По другимъ волостямъ мы имѣемъ только отрывочныя свѣдѣнія объ этого рода доходахъ; мы знаемъ, напримѣръ, что въ 1890 году „за приговоры“ было получено:

	Руб.		Руб.
Въ *Почитанской* волости:		Въ *Нелюбинской* волости:	
Колшонскимъ обществомъ	1.500	Нелюбинскимъ обществомъ	400
Краснояренскимъ „	100	Губинскимъ „	150
Тундинскимъ „	400	Рыбаловскимъ „	50
Летяжскимъ „	70	Бѣлобородовскимъ „	700
Камышенскимъ „	400	Чернильщиковскимъ „	100
Калеульскимъ „	70	Луговскимъ „	200
Мало-Песчанскимъ „ (прежде до 800 р.).	400	Въ *Спасской*:	
		Пѣтуховскимъ „	500
Въ *Баимской волости*:		Въ *Семилужной*:	
Тюменевскимъ обществомъ	800	Семилужскимъ „	1.000
Благовѣщенскимъ „	200	Халдеевскимъ „	300
Примѣткинскимъ „	200	Турунтаевскимъ „	625
Подъельничнымъ „	400	Подломскимъ „	750

и т. д..

Такимъ образомъ по тѣмъ только селеніямъ, по которымъ мы имѣемъ свѣдѣнія, „кабацкія деньги“ на 1890 годъ дали *11.790* рублей, а по всему изслѣдованному краю сумма дохода отъ питейныхъ заведеній будетъ едва-ли менѣе 20 и даже 25 тысячъ рублей. Но распредѣленіе этого дохода между населеніемъ крайне неравномѣрно: не говоря уже о тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ и которыя этого рода дохода вовсе не имѣютъ, самая плата за приговоры въ зависимости отъ разныхъ условій подвержена весьма рѣзкимъ колебаніямъ: очень высокая въ большихъ трактовыхъ селахъ, въ мѣстахъ нахожденія волостныхъ правленій, пароходныхъ пристаней (Бѣлобородова!) и т. п., она въ глухихъ, „забошныхъ“ селеніяхъ падаетъ до совершенно ничтожныхъ размѣровъ, а соотвѣтственно этому и размѣры оказываемаго ею населенію подспорья весьма разнообразны: поднимаясь, напр., въ с. Колшонскомъ до 4 р. 25 к., въ с. Ишимскомъ—почти до 6, въ Медвѣдчиковой—до 6 р. 48 к. на ревизскую душу, эта сумма въ д. Мало-Жировой падаетъ всего 37 копѣекъ на ревизскую душу.

Что касается затѣмъ до судьбы „кабацкихъ денегъ“, то лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ они пропиваются или раздаются общинникамъ на руки; обыкновенно они поступаютъ въ негласный мірской капиталъ и расходуются на мірскія нужды (содержаніе писаря, укра-

шеніе церкви) и на отправленіе наймомъ натуральныхъ повинностей (междудворной гоньбы, исправленія дорожнаго участка), а частью остаются въ видѣ запаснаго фонда для негласныхъ и вообще экстренныхъ расходовъ,—тамъ же, гдѣ „кабацкія“ суммы значительны, часть ихъ вносится непосредственно въ казначейство въ счетъ податного оклада и взносъ этотъ засчитывается за каждымъ общинникомъ пропорціонально числу раскладныхъ душъ.

Доходы, которые можно обозначить собирательнымъ названіемъ *поземельныхъ*, гораздо менѣе значительны и притомъ имѣются только въ пригородняхъ — особенно при-Томскихъ волостяхъ.

Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ этого рода доходахъ мы имѣемъ по Спасской волости: сводъ этихъ свѣдѣній представленъ въ нижеслѣдующей табличкѣ:

	За мѣста подъ заводы и другія промышл. зав.		За мѣста подъ дачи и вообще жилые дома.
д. Батурина	50 р.	(мельница)	51 р..
„ Лучанова	60 „	(винокурен. зав.)	— „
„ Н.-Шубина	12 „	(мельница)	— „
„ Головнина и Кислова .	47 „	(винокурен. зав.)	— „
„ Бородина	25 „	(воскобойня)	10 „
„ Заварзина	40 „	(мельница)	97 „
„ Просѣкина { . . .	55 „	тоже	— „
„ Просѣкина { . . .	50 „	(поле для стрѣльбы)	— „
„ Псарева	30 „	(мельница)	— „
„ Аникина	79 „	(тоже)	20 „
„ Пѣтухова	10 „	(тоже)	— „
с. Протопопово . . .	25 „	(тоже)	— „
Итого . . .	483 р.		178 р.

сверхъ того Большанинское общество сдало за 35 р. свой кедровникъ, а всего разными обществами Спасской волости получено доходовъ этой категоріи 696 рублей, которые распредѣлились между населеніемъ 13 изъ тридцати одного селенія, входящихъ въ составъ Спасской волости.

Въ *Нелюбинской* волости поземельные доходы имѣли крестьяне нижеслѣдующихъ селеній:

д. Карбышевой — за сѣнокосный участокъ . . .	60 р..
„ Рыбаловой — за мѣсто подъ винокурен. заводъ .	75 „
„ Кудриной — тоже	57 „

д. Бѣлобородовой — за парох. пристань Игнатова.		
„ „ за керосиновые склады. . .	400 р.,	
„ „ за заводъ Минскаго. . . .		
„ Чернильщиковой — за рыболовный „песокъ“. .	20	„
„ Быковой *)	20	„
с. Зоркальцева *)	36	„
д. Ниж.-Сѣченовой *)	15	„
„ Верхне-Сѣченовой *).	38	„
„ Поздняковой *)	18	„
„ Орловой *).	25	„
с. Иглакова *)	60	„
д. Попадейкиной *).	30	„
с. Нелюбина *)	35	„
Итого.	889	р..

13 селеній Нелюбинской волости получаютъ такимъ образомъ 889 р. мірскихъ доходовъ, изъ которыхъ впрочемъ почти половину — 400 р. (а вмѣстѣ съ кабацкими деньгами 1.100 р.) получаетъ одна Бѣлобородова, а остальныя 12 селеній — всего 489 рублей.

Въ *Семилужной* волости поземельные доходы получаютъ, сколько намъ извѣстно, всего три селенія: за мѣста подъ заводы с. Конинино 50 р. и д. Кузовлева — 75 рублей, да д. Аркашова сдаетъ „отгонное“ пастбище за 30 рублей въ годъ, а всего по волости 155 рублей.

Въ волостяхъ Чулымскаго района намъ извѣстно всего три случая полученія общинами поземельныхъ доходовъ: Ольгинское (Ишим. вол.) общество сдаетъ небольшой лугъ съ платой по 40 рублей въ годъ; Баимское получаетъ за мѣсто, отданное подъ винокуренный заводъ, по 12 р. въ годъ, а въ 1890 г. отдало всѣ свои поемные покосы за сумму 140 рублей, которая пошла на покрытіе недоимки.

Приведенный перечень мірскихъ земельныхъ доходовъ едва-ли совершенно полонъ, и общая сумма въ 1.932 рубля, получаемая на основаніи этого перечня, несомнѣнно ниже дѣйствительности. Но ошибка не можетъ быть очень значительна, такъ что истинная сумма этого рода доходовъ едва-ли можетъ оказаться по цѣлому краю выше $2^1/_2$ тысячъ рублей **).

---

*) Объ источникахъ доходовъ по этимъ селеніямъ свѣдѣній въ нашихъ матеріалахъ нѣтъ.

**) Сюда не входитъ стоимость нѣкоторыхъ преимуществъ, которыя выговариваютъ себѣ общества, сдающія землю подъ винокуренные заводы и мельницы: въ первомъ случаѣ—права полученія барды, во второмъ—права на удешевленный, а иногда—и на безплатный помолъ.

Что касается до сбора за пріемные приговоры, то онъ взимается, въ зависимости отъ степени зажиточности просящаго о пріемѣ лица и размѣровъ выгодъ, связанныхъ съ принадлежностью къ данному обществу, въ очень различномъ размѣрѣ: въ „забошныхъ" селеніяхъ обычный размѣръ платы не выше 5—10 рублей, въ трактовыхъ—не ниже 15—20 рублей, а въ отдѣльныхъ случаяхъ взимаются и гораздо большія суммы. Для учета общихъ размѣровъ получаемаго обществами изъ этого источника дохода мы не имѣемъ данныхъ, — но не подлежитъ сомнѣнію, что доходъ этотъ въ общемъ очень не великъ и не превышаетъ какихъ-нибудь нѣсколькихъ сотъ рублей въ годъ.

Въ общемъ мірскіе общественные доходы (не считая сборовъ съ посторонннихъ лицъ) даютъ населенію сумму, по всей вѣроятности, около 30 тысячъ рублей въ годъ, а слѣдовательно покрываютъ около $^1/_{10}$ части всего лежащаго на населеніи платежнаго бремени. Но распредѣленіе ихъ между отдѣльными группами населенія представляется, какъ видно изъ сдѣланнаго обзора доходовъ, крайне неравномѣрнымъ: весьма существенное значеніе они имѣютъ въ пригородныхъ и трактовыхъ селеніяхъ; въ „забошныхъ" мѣстностяхъ масса обществъ не получаетъ никакихъ доходовъ или получаетъ ихъ въ минимальномъ размѣрѣ, такъ что все податное бремя цѣликомъ или почти цѣликомъ ложится на плательщиковъ.

§ 4. Системы раскладки платежей и повинностей.

По вопросу о господствующихъ въ изслѣдованномъ краѣ системахъ податныхъ раскладокъ мы располагаемъ довольно обильнымъ матеріаломъ: независимо отъ разспросныхъ данныхъ, мы имѣемъ по всѣмъ волостямъ изслѣдованнаго края (кромѣ Семилужной) въ нашемъ распоряженіи раскладочные приговоры всѣхъ сельскихъ обществъ за послѣдніе два года (1889 и 1890 годъ). Несмотря на такое изобиліе матеріала, мы имѣемъ однако возможность лишь въ самыхъ общихъ выяснить основанія податныхъ раскладокъ: масса деталей, на которыя чертахъ мы находимъ указанія въ приговорахъ, не находитъ себѣ разъясненія ни въ этихъ послѣднихъ, ни въ разспросномъ матеріалѣ изслѣдователя, и для выясненія своего потребовала-бы гораздо болѣе продолжительнаго изученія, и притомъ изученія, проникающаго въ самые глубокіе тайники жизни крестьянской общины, нежели то, когда было доступно изслѣдователю.

Первоначальная разверстка податного оклада и суммъ на волостные расходы производится во всѣхъ волостяхъ изслѣдованнаго края

волостными сходами; приговоры послѣднихъ опредѣляютъ сумму податного оклада и волостного сбора, которая должна быть внесена каждымъ сельскимъ обществомъ; дальнѣйшая раскладка этихъ видовъ платежей, равно какъ и сельскихъ сборовъ, производится въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ сельскія общества состоятъ каждое изъ одного селенія, непосредственно сельскими сходами; въ волостяхъ, гдѣ сельскія общества представляютъ собой группы селеній, сельская разверстка имѣетъ двухстепенный характеръ: сельскій сходъ, опредѣливъ сумму, нужную на „управные" (относимые цѣлымъ сельскимъ обществомъ) расходы, разверстываетъ эту сумму, равно какъ и податной окладъ и сумму, слѣдующую на волостные расходы, между отдѣльными входящими въ составъ его общинами („десятками"); послѣднія ассигнуютъ суммы на „десяточные" расходы и производятъ окончательную раскладку всѣхъ платежей между отдѣльными плательщиками.

При обзорѣ основаній раскладокъ мы позволимъ себѣ держаться, такъ сказать, территоріальнаго порядка изложенія, т. е. будемъ группировать послѣдніе по отдѣльнымъ волостямъ, а затѣмъ уже сдѣлаемъ тѣ выводы, которые окажется возможнымъ сдѣлать на основаніи обзора существующихъ раскладочныхъ порядковъ.

Сравнительно проще и однообразнѣе, нежели въ другихъ волостяхъ, представляются раскладочные порядки, существующіе въ *Зирянской* волости. Раскладка производится здѣсь полугодно, причемъ главныя основанія ея устанавливаются самимъ волостнымъ сходомъ: послѣдній устанавливаетъ между участвующимъ въ круговой порукѣ населеніемъ двѣ категоріи плательщиковъ: къ одной относятся „годныя души", т. е. крестьяне отъ 18 до 60-лѣтняго возраста, физически здоровые и не имѣющіе права на какія-либо льготы; къ другой — „негодныя души" четырехъ видовъ: „малолѣтки" 16 и 17 лѣтъ, „старики" — старше 60 лѣтъ, должностныя лица и запасные нижніе чины. На „негодныя души" волостной сходъ кладетъ только душевой окладъ податей въ размѣрѣ установленномъ по окладному листу (въ 1890 г. 5 р. 92 к.). „Годнымъ" душамъ приходится платить гораздо больше. Прежде всего надо указать на то, что число поверстанныхъ въ окладъ „малолѣтковъ" почти во всѣхъ селеніяхъ меньше, нежели число „мертвыхъ" ревизскихъ душъ, продолжающихъ облагаться податнымъ окладомъ; подати, слѣдующія съ того числа мертвыхъ душъ, которое не покрыто вписанными въ окладъ „малолѣтками" („убылыя души"), составляютъ „раскладъ" или „накладку", которая раскладывается волостнымъ сходомъ (но по каждому селенію особо) на однихъ только „годныхъ": предполагая такимъ образомъ въ какой-либо общинѣ, обложенной податьми на a ревизскихъ душъ, b „годныхъ" и c

„негодныхъ“ наличныхъ плательщиковъ, окладъ каждой „годной“ души будетъ равенъ

$$5 \text{ р. } 92 \text{ к.} + \frac{5 \text{ р. } 92 \text{ к.} \times [a - (b + c)]}{b}.$$

На однихъ-же „годныхъ“ плательщиковъ раскладываются и волостные денежные сборы, и особый денежный сборъ на „гоньбовую“ повинность, — причемъ, замѣтимъ здѣсь-же, въ первое полугодіе эти сборы раскладываются на 8, во второе—на 4 мѣсяца.

Такимъ образомъ въ то время, когда „негодныя“ души облагаются волостнымъ сходомъ въ размѣрѣ одного только душевого оклада („колоды“), на „годныя“ души сходъ кладетъ: окладъ, „накладку за убылыя души“, волостной и гоньбовый сборъ. Изъ 13 общинъ Зырянской волости двѣнадцать при внутренней раскладкѣ удерживаютъ этотъ порядокъ во всей его неприкосновенности, и только Тавлинская община отступаетъ отъ него по отношенію къ волостнымъ сборамъ: она исключаетъ изъ раскладки ихъ только стариковъ, остальныя же категоріи льготныхъ облагаетъ ими: солдатъ въ равномъ съ „годными“, должностныхъ лицъ—приблизительно въ половинномъ, „малолѣтковъ“—въ полуторномъ размѣрѣ.

Что касается до сельскихъ сборовъ, то по отношенію къ нимъ принятые различными общинами раскладочные порядки представляютъ значительное разнообразіе. Общая всѣмъ общинамъ черта заключается только въ томъ, что болѣе или менѣе значительная часть нужной на сельскіе расходы суммы покрывается „накладками“ на лицъ, принадлежащихъ къ категоріи „разночинцевъ“, — солдатъ, служившихъ по рекрутскимъ наборамъ, семьянихъ и проживающихъ въ селеніяхъ посторонихъ лицъ, занимающихся „хозяйствомъ“ и пользующихся крестьянскими угодьями: „накладки“ эти дѣлаются иногда въ формѣ равномѣрнаго обложенія всѣхъ „разночинцевъ“, иногда — въ формѣ обложенія, соразмѣрнаго благосостоянію каждаго отдѣльнаго двора. Затѣмъ только сумма, непокрытая изъ этого источника, раскладывается между плательщиками: въ большинствѣ общинъ (Семеновской, Зырянской, Арышевской, Дубровской, Шиняевской, Красноярской) сельскіе сборы, какъ и волостные, раскладываются на одни только „годныя“ души; въ другихъ (Иловской, Михайловской) они равномѣрно раскладываются какъ на „годныя“, такъ и на „негодныя“ души, безъ различія видовъ этихъ послѣднихъ; въ Тавлинской общинѣ въ раскладъ сельскихъ сборовъ участвуютъ всѣ „годныя“ души, а изъ „негодныхъ“ —только „старики“, и то въ уменьшенномъ противъ „годныхъ“ размѣрѣ.

Наконецъ раскладка рѵги между селеніями производится приходскимъ сходомъ по вѣнцамъ, а внутри селеній — самыми разнообраз-

ными способами, начиная съ раскладки на „годныя души“ и кончая раскладкой на всѣ живыя души старше 12 или 10 лѣтъ *).

Въ *Баимской* волости, въ противуположность Зырянской, волостной сходъ совершенно не вмѣшивается во внутреннія сельскія раскладки: онъ только распредѣляетъ между селеніями сумму, потребную на волостные сборы, пропорціонально числу *ревизскихъ* душъ, а волостное правленіе посылаетъ сельскимъ обществамъ окладные листы, и затѣмъ каждое общество производитъ раскладку всѣхъ сборовъ совершенно самостоятельно **), и примѣняемыя различными общинами раскладочные порядки представляются крайне разнообразными.

Наиболѣе распространеннымъ долженъ быть признанъ порядокъ, при которомъ между „годными“ и „негодными“ душами существуютъ еще нѣкоторыя промежуточныя ступени: такой порядокъ принятъ именно въ с. Благовѣщенскомъ, д. Ключевой, Примѣткиной, Рубиной, Богдановой, отчасти въ с. Сусловскомъ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ платежныя души дѣлятся на слѣдующія категоріи:

„годные“ или „бойцы“, крестьяне съ 18 (или 19) до 55 лѣтъ, не имѣющіе никакихъ правъ на льготы; они платятъ всѣ сборы и отбываютъ всѣ повинности,

„малолѣтки“ 17 и 18-лѣтняго возраста и „среднія“ души отъ 55 до 60 лѣтъ, входящіе въ общую группу „конторскихъ“ душъ; платятъ они мѣстами подати и волостные сборы, мѣстами — подати и сельскіе сборы, мѣстами — подати и въ половинномъ количествѣ всѣ сборы,

„тѣловые“ — лица старше 60 лѣтъ, солдаты и больные; они платятъ только душевой окладъ казенныхъ платежей и не участвуютъ ни въ раскладкѣ за „убылыя“ души, ни въ волостныхъ и сельскихъ сборахъ,

и наконецъ въ нѣкоторыхъ общинахъ „малолѣтки“ вмѣстѣ съ „разночинцами“ облагаются особыми „накладками“, въ опредѣляемомъ каждое полугодіе вновь размѣрѣ.

Чтобы сдѣлать характеръ этого рода раскладокъ болѣе наглядными, приведемъ въ видѣ примѣра раскладки по нѣсколькимъ селеніямъ за 1-ую половину 1890 года.

Д. *Ключевая* (приг. 2. II. 1890):

*) См. приговоры сельскихъ сходовъ Зырянскаго 8. III и 13. XI. 1890; Чердатскаго 10. III и 6. XI. 90; Иловскаго 10. III и 5. XI. 90; Красноярскаго 11. III и 18. XI. 1890; Окунейскаго 20. III и 25. X. 90; Шишлевскаго 19. III и 10. VI. 90; Таланскаго 12. III и 27. X. 90; Михайловскаго 8. III и 1. XI. 90; Богусловскаго 7. III и 2. XI. 90; Армышевскаго 13. III и 27. X. 90; Семеновскаго 10. X. 90; Цыгановскаго 8. III и 6. XI. 90; Дубровскаго 12. III и 8. XI. 90.

**) См. Приг. Баим. вол. сх. 26. XI. 89, № 6.

	Податной окладъ.	Волостные сборы.	Сельскіе сборы.
Годные работники (71) . .	2 р. 60 к.	1 р. 8 к.	97 к.
Среднія души (3)	2 р. 60 к.	1 р. 8 к.	—
Малолѣтки (8)	3 р. — к.	—	—
Старики и солдаты (35) .	2 р. 84½ к.	—	—

С. *Суслово* (приг. 28. I. 1890).

Годные работники (191) .	3 р. 64½ к.	1 р. 30 к.	1 р. 43 к.
Души 2 разряда (14) . .	2 р. 20 к.	65 к.	79 к.
„ 3 „ (75) . .	2 р. 86½ к.	12 к.	—
Запасные солдаты (19) . .	2 р. 84½ к.	—	—
Польскіе переселенцы и дѣти ссыльныхъ (23)	2 р. 87 к.	1 р. 30 к.	1 р. 43 к.

Д. *Ириньткина* (приг. 18. II. 1890).

Годныя души (122). . . .	4 р. 35½ к.	1 р. 23 к.	1 р. 62¼ к
Конторскіе (27).	2 р. 84½ к.	69 к.	—
Тѣловые (41).	2 р. 84½ к.	—	—
Солдаты (7).	2 р. 84½ к.	—	—
Малолѣтки (6)	2 р.	—	—

Въ нѣсколькихъ другихъ селеніяхъ—Баимской, Кійской, Тяжинѣ, Теплой-Рѣчкѣ, Коммисаровкѣ—„среднихъ“ или „конторскихъ“ душъ нѣтъ, и плательщики дѣлятся только на три категоріи: „годныхъ“, платящихъ подати съ „накладкой“ за убылыя души, а также волостные и сельскіе сборы; „стариковъ“ и солдатъ, платящихъ одинъ податной окладъ въ размѣрѣ, установленномъ окладнымъ листомъ (только съ 1890 г. на солдатъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ положена небольшая сумма въ волостные сборы), и „малолѣтовъ“ 17—18 лѣтъ, которые платятъ только податной окладъ, а иногда—и „накладку“ за убылыя души въ уменьшенномъ противъ „годныхъ“ размѣрѣ.

Въ другихъ селеніяхъ, далѣе, существуютъ совершенно оригинальные раскладочные порядки. Такъ въ д. Подгельничной различія между „годными“ и „негодными“ душами, вообще говоря, не существуетъ: всѣ мужчины съ 17-лѣтняго возраста и до самой смерти въ равной мѣрѣ участвуютъ въ раскладкѣ всѣхъ платежей и повинностей; исключеніе дѣлается только для солдатъ и совершенно дряхлыхъ стариковъ, которые платятъ только податной окладъ: первые — въ размѣрѣ, полагающемся съ души по окладному листу, вторые -въ большемъ размѣрѣ, съ „накладкой“ за убылыя души.—Въ д. Мал. Антибесѣ *всѣ*

податной окладъ разложенъ на однихъ „годныхъ" работниковъ, которые одни участвуютъ и въ раскладкѣ волостныхъ сборовъ: между „малолѣтками", „стариками" и солдатами раскладывается только часть сельскихъ сборовъ; на первыхъ кладется по 1 р., на солдатъ — по 4 р. въ полгода, на стариковъ кладутъ „по состоянію"; остатокъ сельскаго сбора раскладывается поровну на тѣ-же „годныя" души *).

Мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о положеніи живущихъ въ селеніяхъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію или, хотя и принадлежащихъ къ послѣднему, но по тѣмъ или другимъ причинамъ занимающихъ болѣе или менѣе обособленное положеніе. Собственно *постороннія лица*, „жительствующія въ кругу общества домообзаводствомъ, скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, по пас„портамъ и билетамъ..., пользующіяся среди насъ (крестьянъ) нашими „всѣми угодьями" **), всегда подвергаются обложенію: въ Рубино-Богдановскомъ обществѣ они участвуютъ наравнѣ съ „годными" душами въ раскладкѣ мірскихъ — волостныхъ и сельскихъ сборовъ, во всѣхъ остальныхъ обществахъ они облагаются „накладками" соразмѣрно ихъ общему благосостоянію и размѣрамъ пользованія общинными угодьями. — Затѣмъ изъ неполныхъ членовъ общины *ссыльные*, ихъ дѣти и польскіе переселенцы остаются совершенно внѣ сферы мірскихъ раскладокъ, не участвуя не только въ раскладкѣ податного оклада, но и въ платежѣ мірскихъ сборовъ и отбываніи повинностей. Изъ *солдатъ* жеребьевые до самаго послѣдняго времени платили „свою душу", и только съ 1890 г. въ нѣсколькихъ селеніяхъ стали привлекаться къ участію въ платежѣ волостныхъ сборовъ; служившіе по рекрутскимъ наборамъ не платятъ рѣшительно ничего. — Что касается наконецъ до *должностныхъ лицъ* („служаки"), то занимающіе „большія" волостныя должности освобождаются отъ всѣхъ платежей, остальные либо освобождаются отъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ, либо не пользуются въ платежномъ отношеніи никакими льготами.

Въ *Почитанской* волости повторяемымъ изъ году въ годъ постановленіемъ волостного схода въ общую съ крестьянами-старожилами круговую поруку по платежу окладныхъ сборовъ и отбыванію повинностей включены и нѣкоторыя категоріи причисленныхъ безъ согласія общества — именно дѣти ссыльныхъ и солдатскія дѣти. Затѣмъ какъ

*) См. приговоры обществъ: Баимскаго 19. I. 90, Подъельничнаго 21. I. 90., М.-Антибесскаго 28. I. 90, Кійскаго 13. II. 90, Ключевского 2. II. 90, Тюменевскаго 20. II. 90, Комисарскаго 3. II. 90. Благовѣщенскаго 26. III. 90, Рубино-Богдановскаго 4. III. 90, Больше-Антибесскаго 24. I. 90, Тяжинскаго 10. II. 90, Сусловскаго 28. I. 90, Примѣткинскаго 18. II. 90, Тепло-Рѣченскаго 8. I. 90..

**) Приг. Руб.-Богд. с. о. 4. III. 90.

обезпеченный круговою порукой податной окладъ, такъ и волостные сборы развертываются волостнымъ сходомъ между селеніями „на наличныхъ годныхъ работниковъ..., т. е. съ 18 до 60-лѣтняго возраста"; такимъ образомъ въ 1890 г. и окладъ, и волостные сборы были развертаны на 2.916 годныхъ работниковъ, причемъ на каждаго изъ нихъ пришлось податей по 7 р. 90¾ копѣекъ, волостного сбора — по 1 р. 46¾ к.. Раскладка производится волостнымъ сходомъ разъ въ годъ, причемъ подати раскладываются поровну на каждое полугодіе, волостные сборы — по неравнымъ частямъ, такъ какъ суммы, нужныя на нѣкоторые предметы, собираются въ 1-ое полугодіе на 8, во второе — на 4 мѣсяца; такъ въ 1890 году назначено было взыскать волостного сбора въ 1-ое полугодіе по 85¾ к., во второе — по 61 к. съ годной души *).

Только одно общество во всей Почитанской волости уклонялось въ своей внутренней раскладкѣ отъ принципа, предложеннаго къ руководству приговоромъ волостного схода: это именно Троицкое общество, гдѣ кромѣ „годныхъ" душъ къ отбыванію казенныхъ и волостныхъ платежей привлечены еще и 47 душъ „малолѣтковъ" 14—17 лѣтняго возраста, участвующихъ во всѣхъ платежахъ наравнѣ съ „годными" душами.

Во всѣхъ остальныхъ обществахъ подати и волостные сборы цѣликомъ разложены на „годныя души", причемъ однако въ распредѣленіи душъ на „годныя" и „негодныя" сельскія раскладки лишь въ меньшинствѣ случаевъ сходятся съ волостными: въ большинствѣ случаевъ сельскіе сходы зачисляютъ въ разрядъ „годныхъ" нѣсколько большее число душъ, нежели принято было при волостныхъ раскладкахъ; но иногда, напротивъ, изъ сельскаго расклада исключаются такія души, которыя зачислены были волостнымъ сходомъ въ разрядъ „годныхъ": въ первомъ случаѣ размѣръ душевого оклада „годной" души нѣсколько уменьшается, во второмъ — нѣсколько увеличивается въ сравненіи съ цифрою, опредѣленною въ приговорѣ волостного схода. По принципу во всякомъ случаѣ остается неизмѣннымъ: въ платежѣ казенныхъ и волостныхъ сборовъ не участвуютъ ни старики, ни „малолѣтки", и сборы эти цѣликомъ ложатся на „годныя" души.

Лишь меньшая часть общинъ Почитанской волости съ полною послѣдовательностью проводитъ тотъ-же принципъ и въ примѣненіи къ раскладкѣ сельскихъ сборовъ: такъ поступаютъ именно Красно-Ярская, Полровская и Тепло-Рѣчинская (татарская) общины, гдѣ *вся* сумма платежей какого-бы то ни было наименованія, кромѣ только части, покрываемой „накладками" на разночинцевъ, развертывается между от-

*) См. два приговора Почит. вол. схода отъ 10. I. 1890.

ними „годными“ душами, а „малолѣты“ и старики остаются свободными отъ какихъ-бы то ни было платежей. Сходный въ принципѣ порядокъ принятъ и въ д. Бекетѣ, — но здѣсь есть кромѣ общаго оклада „годныхъ“ душъ, еще особые оклады — по 6 р. въ годъ для ссыльныхъ, „служакъ“ и крестьянъ изъ цыганъ.

Другія общины нѣсколько расширяютъ кругъ плательщиковъ, привлекая къ участію въ раскладкѣ сельскихъ сборовъ еще и „малолѣтовъ“, не достигшихъ возраста, установленнаго для поступленія въ полный окладъ (обыкнов. 15—17 л.). Такъ напримѣръ на „малолѣтовъ“ кладутъ:

Мало-Песчанская и Калеульская общины по	3	р.	на душу	въ	полугодіе		
Камышенская, Летяжская	„	„	2	„	„	„	„
Почитанская	„	„	1	„	„	„	„
В. Великосельская	„	„	3	„ 50	к. „	„	„

а общины Берикульская, Ижморская, Больше-Песчанская, Средне- и Нижне-Почитанская (послѣднія двѣ во второе полугодіе 1890 г. перешли къ другому порядку) дѣлаютъ на малолѣтовъ „накладки“ различнаго размѣра, смотря „по состоянію“ и „изможенію“. Такимъ образомъ во всѣхъ названныхъ общинахъ часть суммы, нужной на сельскіе расходы, покрывается сборами съ „малолѣтовъ“; другая часть покрывается „накладками“ на живущихъ въ селеніяхъ постороннихъ лицъ, а остатокъ разверстывается поровну между тѣми-же „годными душами“.

Третья группа общинъ привлекаетъ къ участію въ раскладкѣ сельскихъ сборовъ, кромѣ 15—17 лѣтнихъ „малолѣтовъ“, еще и стариковъ, перешедшихъ 60-лѣтній возрастъ, но еще не окончательно одряхлѣвшихъ. Такъ напримѣръ въ 1890 г. такимъ образомъ поступили нижеслѣдующія общины:

Воскресенская	на	„малолѣтовъ“	въ	1-ое	полугодіе	по	2	р.	14½ к.. (вравнѣ съ годными).
„	„	„	во	второе	„	„	1	„	76¾ „
„	„	стариковъ	въ	оба	полугодія	„	1	„	50 „
Кирсановская	„	„малолѣтовъ“	въ	каждое	полугодіе	„	2	р..	
„	„	стариковъ	„	„	„	„	1	р.,	

а Средне- и Нижне-Почитанскія во второе полугодіе 1890 г. клали на стариковъ, какъ и на „малолѣтовъ“, „накладки по состоянію“. Часть мірскихъ сборовъ и въ общинахъ этой группы кладется на „разночинцевъ“, а остатокъ разверстывается, вмѣстѣ съ податями и волостными сборами, на „годныя души“.

Такова, если можно такъ выразиться, юридическая конструкція принятыхъ въ Почитанской волости раскладочныхъ порядковъ; фактически сельскія раскладки игнорируютъ различіе между податями, волостными и сельскими сборами: изъ причитающейся къ уплатѣ общей суммы всѣхъ денежныхъ сборовъ дѣлаются „накладки“ на „разночинцевъ“, „малолѣтковъ“, стариковъ и другихъ лицъ; часть нерѣдко тутъ-же вносится изъ какого-нибудь общественнаго капитала, а весь остатокъ распредѣляется поровну между „годными“ душами.

„Накладки“ на *„разночинцевъ“* дѣлаются обыкновенно въ круглыхъ суммахъ, размѣръ которыхъ согласуется со степенью ихъ благосостоянія и размѣрами ихъ хозяйства. Минимальный размѣръ „накладки“ падаетъ до 4, 3 рублей, иногда даже до 1 рубля въ годъ, максимумъ поднимается до 40 и 50 рублей въ годъ. Нѣкоторыя общины поступаютъ иначе: онѣ кладутъ небольшія „накладки“ только на лицъ, не имѣющихъ земледѣльческаго хозяйства; кто „занимается всѣми угодьями“,—на тѣхъ кладутъ „годную душу“ вравнѣ съ полноправными крестьянами. — Что касается до неполныхъ членовъ общины, то *дѣти ссыльныхъ* и солдатъ, какъ мы уже говорили, во всѣхъ отношеніяхъ сравнены съ крестьянами; *ссыльные* до недавняго времени ничего не платили, и только въ послѣдніе годы общины стали класть на нихъ „накладки“, по 4 и по 6 рублей въ годъ, отъ платежа которыхъ они однако нерѣдко уклоняются. Изъ *солдатъ запасные*, по минованіи льготнаго года, поступаютъ наравнѣ съ „годными душами“ въ полный окладъ; изъ служившихъ по рекрутскимъ наборамъ „Николаевскіе“ нигдѣ ничего не платятъ, „Александровскіе“ въ нѣкоторыхъ общинахъ платятъ накладки по 4—6 р. въ годъ, въ другихъ—тоже ничего не платятъ.—Наконецъ изъ *„служакъ“* волостныя должностныя лица освобождаются на одну душу отъ всѣхъ платежей, и еще на одну—отъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ; сельскіе старосты получаютъ полную льготу на одну душу, а лица, занимающія должности сотскихъ и десятскихъ, освобождаются только отъ сельскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей *).

Въ *Пинежской* волости волостная раскладка производится тѣмъ-же

*) См. приговоры с. сходовъ: Верикульскаго 4. II и 16. X. 90; Мало-Пѣсчанскаго 28. I. 90; Постниковскаго 13. II и 30. IX. 90; Пяморскаго 28. I и 30. VIII. 90; Троицкаго 4. II и 10. X. 90; Камышенскаго 2. II. 29. VI и 7. X. 90; Летяжскаго 18. II и 1. X. 90; Красно-Ярскаго 5. II. и 20. X. 90; Воскресенскаго 30. I и 1. XI. 90; Б. Пѣсчанскаго 28. I и 7. X. 90; Почитанскаго 28. I. и 9. IX. 90; Нижне-Почитанскаго 20. II и 23. X. 90; Тепло-Рѣченскаго 10. II. 90; Ср. Почитанскаго 31. X. 90; Бѣлогорскаго 12. II и 30. IX. 90; Покровскаго 15. II и 14. X. 90; Кирсановскаго 18. II и 23. IX. 90; Тундинскаго 15. II и 15. IX. 90; Калеульскаго 25. VII и 23. IX. 90; Верхне-Великосельскаго 30. I и 30. IX. 90.

порядкомъ, что и въ Баимской: волостной сходъ по отношенію къ окладнымъ платежамъ играетъ только роль передаточной инстанціи, волостные сборы разверстываетъ по тѣмъ-же ревизскимъ душамъ, которыя обложены окладными платежами, и затѣмъ совершенно не вмѣшивается въ разверстку платежей внутри обществъ. Какъ волостная раскладка, такъ въ большинствѣ обществъ и сельскія раскладки производятся не полугодно, а на цѣлый годъ, причемъ на возникающія въ теченіе года потребности либо дѣлаются позаимствованія, впредь до слѣдующей годовой раскладки, изъ общественныхъ суммъ, либо производятся сборы по особымъ дополнительнымъ раскладкамъ.

Основной принципъ сельскихъ раскладокъ, какъ онъ формулируется въ приговорахъ почти всѣхъ сельскихъ обществъ Ишимской волости, заключается въ томъ, чтобы „за убылыя мертвыя души привлечь своихъ малолѣтковъ, начиная съ 17 (16, 18) лѣтняго возраста, „къ платежу же мірскихъ сборовъ привлекать крестьянъ (и разночинцевъ), не принадлежащихъ къ обществу круговой поруки, но проживающихъ въ деревнѣ и пользующихся крестьянскими угодьями, какъ „то хлѣбопашествомъ, сѣнокошеніемъ и рубкою дровъ“. Но способы осуществленія этого принципа представляются довольно разнообразными. Прежде всего, какъ мы увидимъ подробнѣе изъ дальнѣйшаго, весьма разнообразенъ возрастъ, съ котораго малолѣты въ той или другой мѣрѣ привлекаются къ участію въ платежахъ: возрастъ вступленія въ полный окладъ колеблется, напримѣръ, между 17 и 21 годомъ. Далѣе въ то время, какъ одни общества при раскладкѣ принимаютъ во вниманіе разницу въ видахъ сборовъ, облагая одѣ категоріи плательщиковъ окладными сборами, другія — волостными и сельскими сборами,— другія общества игнорируютъ это различіе, а установивъ опредѣленную норму платежей для неполныхъ плательщиковъ, остальную сумму огуломъ распредѣляютъ равными долями между „годными“ душами. Но самое основное различіе относится именно къ степени участія разныхъ группъ плательщиковъ въ податныхъ раскладкахъ.

Наиболѣе просто этотъ вопросъ разрѣшается въ Сергіевскомъ обществѣ: здѣсь уменьшенные оклады платятъ только неполные члены общества — солдаты, ссыльные и т. п., а также пользующіяся льготой должностныя лица; затѣмъ для поверстанныхъ въ окладъ крестьянскихъ душъ различія между годными и негодными нѣтъ: каждая живая душа мужескаго пола, начиная съ 17-лѣтняго возраста, въ равной мѣрѣ участвуетъ въ раскладкѣ податей и подлежащей раскладу части мірскихъ сборовъ, — и только совсѣмъ дряхлые старики иногда совершенно освобождаются отъ платежей и принимаются „на складъ“ между плательщиками.

Во всѣхъ остальныхъ обществахъ Ишимской волости связанные круговою порукой плательщики распадаются не менѣе, чѣмъ на двѣ категоріи, а въ большинствѣ общинъ — на три, четыре и болѣе. Распредѣленіе душъ на *двѣ* категоріи мы встрѣчаемъ въ общинахъ Митрофановской, Ворово-Пашенской, Марьевской и Лебедянской: всякій „малолѣтъ" съ 17—18-лѣтняго возраста поступаетъ здѣсь непосредственно въ полный окладъ и остается въ немъ въ д. Марьевкѣ до 70, въ остальныхъ селеніяхъ — до 60-лѣтняго возраста, когда поступаетъ въ уменьшенный окладъ — именно платитъ только казенныя подати.

Въ остальныхъ 19 общинахъ Ишимской волости къ „*годнымъ*" душамъ и „*старикамъ*" присоединяется еще третья категорія раскладочныхъ душъ — „*малольты*", не достигшіе еще возраста, установленнаго для поверстанія въ полный окладъ, но переступившіе другой, низшій начальный возрастъ; пребываніе въ разрядѣ „малолѣтовъ" продолжается обыкновенно два, рѣже три года или годъ, и только въ Мазаловскомъ обществѣ подростающее поколѣніе числится въ разрядѣ „малолѣтовъ" 4 года — съ 17 до 21 года. Что касается затѣмъ до размѣровъ и свойства обложенія, то въ нѣкоторыхъ общинахъ, прежде всего, „старики" и „малолѣтки" поставлены въ одинакія условія; такъ въ 1890 г. тѣ и другіе платили:

въ Ишимскомъ	обществѣ	по 6 р. 85 к.	(подати, окладъ и „раскладъ" за убылыя души)
„ Троицкомъ	„	„ 6 „ 25 „	(одинъ душевой окладъ).
„ Ольгинскомъ	„	„ 6 „ — „	

Въ другихъ обществахъ обложеніе „малолѣтовъ" устанавливается въ нѣсколько иномъ размѣрѣ, нежели обложеніе стариковъ, причемъ однако всѣ „малолѣты" до вступленія въ число годныхъ душъ платятъ одинаковый окладъ. Такъ въ 1890 г. были обложены:

		старики	малолѣты
въ Жарковскомъ	обществѣ	6 р. — к.	5 р. — к.
„ Медвѣдчиковскомъ	„	6 „ 25 „	6 „ — „
„ Мало-Жировскомъ	„	7 „ 36 „	6 „ 25 „

Но въ большинствѣ общинъ Ишимской волости сами „малолѣтки" распредѣляются на нѣсколько категорій: они поступаютъ сначала въ совсѣмъ небольшой окладъ, который съ каждымъ годомъ увеличивается вплоть до самаго поступленія въ число годныхъ душъ; такъ напр. въ 1890 г. были установлены слѣдующіе размѣры оклада:

		съ «малолѣтковъ»	со стариковъ
въ Мазаловскомъ	общес.	4, 6 и 10 р.	6 р. 25 к. (окладъ)
„ Спасо-Яйскомъ	„	3, 4 и 6 р.	6 „ 25 „ „
„ Усманскомъ	„	3, 6, 8 и 9 р.	6 „ — „ „
„ Б. Жировскомъ	„	3, 6, 10 р.	6 „ 25 „ „
„ Архангельскомъ	„	6, 8 р.	6 „
„ Ст.-Кусковскомъ	„	4, 6 р. 25 к.	6 „ 25 „ „
„ Ново-Кусковскомъ	„	3, 6 р.	6 „ 25 „ „
„ Судженскомъ	„	1р. 35 к., 2р. 35 к., 5р.	5 „ — „ „
„ Емельяновскомъ	„	5 р. 50 к., 6 р. 50 к..	6 „ — „ „

И наконецъ въ Данковскомъ обществѣ есть только разрядъ „малолѣтовъ“, которые облагаются постепенно 4, 6 и 8 р. въ годъ, но нѣтъ разряда „стариковъ“, такъ что плательщики остаются въ разрядѣ „годныхъ“ до самой своей смерти.

Переходя теперь къ вопросу о положеніи неполныхъ членовъ общинъ, мы находимъ, что *ссыльные* въ большинствѣ случаевъ не принимаютъ въ общинныхъ платежахъ никакого участія; только въ немногихъ сравнительно общинахъ (Медвѣдчиковской, Спасо-Яйской, Ново-Кусковской, Троицкой) тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ земледѣльческое хозяйство, облагаются „накладками“ въ размѣрѣ не свыше 5 – 6 рублей, въ зависимости отъ степени ихъ благосостоянія. *Дѣти ссыльныхъ* въ нѣкоторыхъ обществахъ (напр. Лебедянскомъ, Ишимскомъ, М. Жировскомъ) вполнѣ сравнены съ крестьянами и по достиженіи соотвѣтствующаго возраста переходятся въ „годныя души“; въ другихъ (напр. Медвѣдчиковскомъ, Ст. Кусковскомъ, Жарковскомъ) они платятъ болѣе или менѣе незначительныя „накладки“, въ третьихъ (напр. Воронo-Пашенской, Спасо-Яйской) обложеніе ихъ зависитъ отъ степени ихъ благосостоянія: болѣе состоятельные переходятся въ окладъ „годныхъ душъ“, другіе платятъ одни мірскіе сборы, а то и вовсе ничего не платятъ. Изъ *солдатъ* служившіе по рекрутскимъ наборамъ обыкновенно ничего не платятъ, и лишь въ сравнительно немногихъ общинахъ „Александровскіе“ облагаются въ пользу мірскихъ суммъ небольшими „накладками“. До недавняго времени ничего не платили и служившіе по жеребьямъ, и только въ послѣдніе годы на нихъ стали класть сборы въ размѣрѣ отъ 3—4 до 6—7 рублей въ годъ *).

*) По многимъ общинамъ попытки подвергнуть обложенію солдатъ встрѣтили со стороны послѣднихъ довольно сильное сопротивленіе. Для характеристики возникающихъ изъ послѣдняго отношеній приводимъ нижеслѣдующій любопытный приговоръ Воронo-Пашенскаго общества: «1890 года Января 17 дня. Мы нижеподписавшіеся

Проживающія въ селеніяхъ *посторонніе лица*, пользующіяся крестьянскими угодьями, всегда подвергаются обложенію. Если это крестьяне другихъ селеній своей-же волости, то они, платя подати и волостные сборы по мѣсту приписки, платятъ сельскіе сборы и отбываютъ повинности по тому селенію, гдѣ живутъ и пользуются угодьями. По отношенію къ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу волости, это дѣлается путемъ „накладокъ", въ размѣрѣ, зависящемъ отъ степени ихъ благосостоянія и колеблющемся между 2—3 и 20—25 рублями въ годъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ размѣръ накладки установляется разъ на всегда въ выдаваемомъ отъ общества приговорѣ на право прожи-

---

«Томской губерніи и округа Ишимской волости, Ворono-Пашенскаго сельскаго обще-«ства, составляющагося изъ 54 домохозяевъ, государственныхъ крестьянъ, былъ сего «числа по зазыву нашего сельскаго старосты Шестакова, на сельскомъ сходѣ въ числѣ «34-хъ человѣкъ, т. е. ²/₃ голосовъ нашего общества, въ присутствіи нашего сельскаго «старосты Шестакова, имѣли сужденіе по общественнымъ дѣламъ, гдѣ намъ сельскій «староста предъявилъ, а именно о неплательщикахъ, наложенныхъ на нижнихъ чи-«новъ состоящихъ въ запасѣ арміи, проживающихъ въ нашемъ обществѣ, на которыхъ «нами наложена денежная накладка по 3 руб. въ годъ на каждаго солдата, а именно «на тѣхъ, которые занимаются хозяйствомъ наравнѣ съ крестьянами, но всѣ сол-«даты уплачиваютъ безъ спору, а двое не хотятъ платить, даже воспрещаютъ прочимъ «платить, а именно рядовой Алексѣй Акалеловъ и унт.-офицеръ Михаилъ Лисицынъ; «староста неоднократно просилъ съ нихъ деньги, они на это не обращаютъ вниманія, «почему мы сего числа ихъ вызывали на сходъ, солдаты собрались и отвѣтили: отъ «платежа мы не отпираемся, согласны; а Акалеловъ и Лисицынъ отказались платить,' «Акалеловъ сказалъ при сходѣ обществу: вы не имѣете права съ меня требовать ни-«какихъ денежныхъ накладковъ, у меня въ указѣ непокалано платить, даже старосту «и общество обозвалъ дураками и говоритъ: я общество знать не хочу, а Лисицынъ «и на сходъ не явился. Мы же, съ общаго согласія, то что на сельскомъ сходѣ было «объявлено копіей съ циркуляра, отъ 14 Августа 1888 года, по воинской повинности «и было объявлено, въ которомъ сказано, что каждый солдатъ, возвратившійся изъ «службы на родину, получившій полное крестьянское занятіе и годъ льготы, могутъ «платить, какія на нихъ положены, почему мы единогласно приговорили у неплатель-«щиковъ изъ имущества взять что-нибудь и сдать за-руки подъ сохраненіе, покуда не-«уплотятъ деньги, и пошли со схода, 12 человѣкъ общественниковъ въ присутствіи сель-«скаго старосты и полицейскаго сотскаго къ Лисицыну въ домъ, Лисицынъ изъ дому «ушолъ, у него взяли 2 самопряхи, 1 хомутъ, а къ Акалелову пришли, онъ съ семей-«ствомъ сдѣлалъ бунтъ, не допустилъ до имущества и сдѣлали бунтъ, почему староста «приказалъ дѣло это оставить; въ насмѣшку Акалеловъ сказалъ: что, получили съ «меня деньги, почему мы вынуждены составить общественный приговоръ и просить «Ишимское волостное правленіе и г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, съ разрѣ-«шенія начальства, взыскать деньги съ означеннаго имущества, Акалеловъ имѣетъ «домъ, полную усадьбу, пасѣку, 8 колодокъ пчелъ, пашню въ годъ имѣетъ 10 де-«сятинъ, покосу 15 десятинъ, 5 лошадей, 4 коровы, 5 овецъ, 1 самоваръ, Лисицынъ «тоже имѣетъ домъ съ усадьбой, распашки земли подъ посѣвы 7 десятинъ, покосу «10 десятинъ, 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ, имѣютъ полное хозяйство, а платить «не хотятъ, а у насъ половина крестьянъ такого хозяйства не имѣютъ, а подати «уплачиваютъ, почему мы единогласно постановили сей приговоръ и покорнѣйше «просимъ Ишимское волостное правленіе сдѣлать распоряженіе, чтобы не дѣлали «такія грубости противъ общества, если же такіе жители не будутъ платить, то «многіе крестьяне не будутъ платить, а заставимъ ихъ платить; о томъ будемъ вы-«нуждены ходатайствовать, такихъ грубіяновъ изъ общества выдворять на всегда, потому «чтобы чрезъ такихъ можетъ увеличиваться болѣе неплательщиковъ податей и повин-«ностей».

вавія въ селеніи и пользованія угодьями, но обыкновенно онъ опредѣляется ежегодно, въ зависимости отъ усмотрѣнія общества. Въ двухъ общинахъ, наконецъ (Воропо-Пашенской и Мало-Жировской), „разночинцы" отбываютъ всѣ платежи и повинности наравнѣ съ „годными душами". И наконецъ служащіе по выборамъ *должностныя лица* во время службы освобождаются отъ участія въ раскладѣ волостныхъ и сельскихъ платежей и повинностей: волостныя должностныя лица и сельскіе старосты — на двѣ души, сельскіе десятники — на полдуши, остальные „служаки" на одну душу каждый *).

Въ *Семилужной* волости раскладъ какъ податного оклада, такъ и волостныхъ сборовъ между селеніями производится по ревизскимъ душамъ соотвѣтственно числу послѣднихъ, установленному согласно результатамъ произведенной волостнымъ сходомъ провѣрки **). Еще недавно волостной сходъ не ограничивался въ Семилужной волости распредѣленіемъ платежей между селеніями, а входилъ и во внутреннюю пообщинную раскладку; такъ приговоромъ 1 Февраля 1884 года всѣмъ сельскимъ обществамъ предлагалось „окладъ сего 1884 года „разложить на число годныхъ работниковъ по каждому обществу" и „...привлечь къ раскладамъ родившихся послѣ X ревизіи крестьянскихъ „дѣтей, родившихся до (отъ?) 17-лѣтняго возраста, полагая на каж„даго изъ нихъ цифру платежа по состоянію". Въ настоящее время волостной сходъ сложилъ съ себя эту совершенно несвойственную ему обязанность, и напр. въ приговорѣ 26 Января 1889 года уже прямо предлагается „раскладку по сельскимъ обществамъ произвести *по усмо„трѣнію общества* съ тѣмъ, чтобы сельскіе старосты произвели раскладъ „податей на сельскихъ сходахъ".

Несмотря на предоставленную такимъ образомъ сельскимъ обществамъ полную свободу въ раскладочныхъ дѣлахъ, раскладочные порядки, существующіе въ Семилужной волости, представляютъ мало разнообразія; они вездѣ, какъ и въ разсмотрѣнныхъ ранѣе волостяхъ, построены на принципѣ обложенія рабочей силы и различаются между собой въ большинствѣ случаевъ только въ деталяхъ. Существенное отличіе отъ порядковъ, принятыхъ въ другихъ обществахъ, представляютъ

*) См. приговоры с. сходовъ: Ишинскаго 4. III. 90, Медвѣдчиковскаго 14. II. 90, Мазаловскаго 20. II. 90, Ниж. Великосельскаго 19. III. 90, Спасо-Яйскаго 24. III. 90, Усманскаго 5. III. 90, Больше-Жировскаго 7. II. 90, Архангельскаго 18. II. 90, Ново-Кусковскаго 28. II. 89, Митрофановскаго 25. II. 90, Воропо-Пашенскаго 18. II. 90, Мало-Жировскаго 20. II. 80, Сергіевскаго 18. II. 90, Марьевскаго 25. I и 18. II. 90, Ольгинскаго 8. II. 89 и 4. III. 90, Жарковскаго 2. III. 90, Судженскаго 23. II. 90, Лебедянскаго 18. II. 90, Давковскаго 23. II. 90 и Емельяновскаго 13. II. 8[illegible]

**) См. выше, стр. 315.

только раскладочные порядки Подломскаго общества: здѣсь принципъ обложенія рабочей силы проведетъ съ наибольшею послѣдовательностью и полнотой, такъ что старики послѣ 60 лѣтъ совершенно исключаются изъ раскладки какихъ-бы то ни было платежей. Во всѣхъ остальныхъ обществахъ совершенно освобождаются отъ платежей и „принимаются на общество" только совершенно дряхлые старики, обыкновенно же они продолжаютъ платить податной окладъ („свою душу", безъ раскл ада за убылыя души) до самой смерти; въ с. Коннинномъ они платятъ кромѣ того ругу и „возятъ подводы", а въ Воронинскомъ обществѣ платятъ волостные сборы („писарскую сумму"). Что касается до „малолѣтовъ", то они привлекаются къ участію въ платежахъ въ Лязгинскомъ обществѣ и д. Турунтаевой съ 15, въ остальныхъ — съ 16-лѣтняго возраста, но поступаютъ въ полный окладъ не сразу; зачисленіе ихъ въ разрядъ „годныхъ" душъ производится въ Лязгинскомъ обществѣ и д. Турунтаевой съ 17, въ Воронинскомъ обществѣ и с. Подломномъ—съ 18, въ д. Халдеевой—съ 19-лѣтняго возраста; съ этого-же возраста вступаютъ въ Коннинскомъ обществѣ въ полный окладъ тѣ лица, которымъ не предстоитъ отбывать воинскую повинность, тѣ же, кому предстоитъ брать жребій, вступаютъ въ число годныхъ душъ лишь послѣ того, когда вынутъ „счастливый" жребій. Съ 15—16 лѣтъ до момента вступленія въ разрядъ „годныхъ" душъ, „малолѣты" состоятъ „въ полудушкахъ"—на меньшемъ въ сравненіи съ „годными" душами окладѣ. Въ Воронинскомъ обществѣ они платятъ въ это время вравнѣ со стариками—окладъ податей и волостной сборъ; въ Коннинскомъ и с. Подломномъ — отъ 4 до 6 рублей въ годъ, смотря по состоянію: въ Лязгинскомъ обществѣ, д. Халдеевой и Турунтаевой они платятъ сначала 3—4 р., затѣмъ больше—5 или 6 рублей въ годъ.

Бо́льшая часть обществъ Семилужной волости состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній каждое. Прежде каждое общество въ раскладочномъ отношеніи представляло собой одно цѣлое: раскладка по работникамъ производилась по всему обществу, такъ что оклады „годныхъ" душъ и „малолѣтковъ" во всѣхъ селеніяхъ каждаго даннаго общества устанавливались въ одномъ общемъ размѣрѣ. Такъ продолжалось до 1887—1888 года: съ этого времени внутренняя раскладка изъ общества — „сотни"—перешла въ селеніе—„десятокъ": общій сельскій сходъ разверстываетъ между селеніями податную сумму и сумму, слѣдующую въ волостные и сельскіе сборы, по ревизскимъ душамъ, и затѣмъ раскладка по „годнымъ душамъ" въ каждомъ селеніи особо производится. Въ зависимости отъ разницы въ приростѣ населенія, такой порядокъ раскладки ведетъ къ рѣзкой неравномѣрности въ размѣрахъ оклада „год-

ной“ души. Такъ въ селеніяхъ Лязгинскаго общества окладъ этотъ въ 1-ое полугодіе 1889 года опредѣлился въ слѣдующихъ размѣрахъ:

по д. Лязгиной . . .	5 р.	50 к.
„ Круглыхиной . .	5 „	48 „
„ Аркашевой . . .	6—8 р.	(„по состоянію“)
„ Вражкиной . . .	5 р.	70 к.
„ Нехорошевой . .	5 „	85 „
„ Корниловой . . .	5 „	4 „
„ Родіоновой . . .	7 „	48 „
„ Софроновой . . .	10 „	42 „.

— слѣд. максимальный размѣръ оклада внутри одного сельскаго общества болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ минимальный!.. *).

Относительно неполныхъ членовъ общинъ мы наблюдаемъ въ Семилужной волости довольно разнообразные порядки. *Жеребьевые солдаты* въ однихъ раскладочныхъ обществахъ облагаются небольшими „накладками“ въ размѣрѣ отъ 4 до 6 р. въ годъ; въ другихъ обложеніе ихъ измѣняется, смотря „по состоянію“, отъ такихъ-же „накладокъ“ до обложенія въ равномъ съ „годными“ душами размѣрѣ; въ третьихъ всѣ солдаты зачислены въ „годныя души“. *Сыновья ссыльныхъ*, уплачивая свой податной окладъ — если таковой на нихъ числится — внѣ круговой поруки, облагаются и „раскладомъ за убылыя души“, и разными сборами вравнѣ со своими сверстниками изъ крестьянъ. Сами *ссыльные* въ большинствѣ случаевъ ничего не платятъ, и только наиболѣе состоятельные и домовитые изъ нихъ въ большей или меньшей суммѣ участвуютъ въ общинной раскладкѣ. Изъ непринадлежащихъ къ составу общины лицъ *крестьяне чужихъ обществъ своей волости* подчиняются тому-же порядку, что и въ Пшимской вол. (въ приговорѣ Лязгинск. с. о. отъ 10. II. 90 № 7 читаемъ: „крестьянинъ д. Софро„новой А. Софроновъ... казенными податями обложенъ по д. Софроно„новой, а мірскими повинностями по д. Аркашовой, т. к. онъ въ ней „живетъ и пользуется угодьями“); совершенно *постороннія лица*, пользующіяся общинною землею, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Копининскаго, Подломскаго и Лязгинскаго обществъ платятъ „годную душу“, — въ большинствѣ же случаевъ — „накладки“ пропорціонально размѣру своего благосостоянія. Что касается, наконецъ, до выборныхъ *должностныхъ лицъ*, то всѣ они платятъ только „свою душу“ по окладному листу, а отъ всѣхъ прочихъ платежей освобождаются.

*) См. Приг. Лязг. с. о. 25. I. 87, 5. IV. 88 и 10. II. 89.

Въ *Нелюбинской* волости податной окладъ разверстывается волостью между сельскими обществами по числу ревизскихъ душъ, сумма, слѣдующая на волостные расходы – по числу годныхъ работниковъ (см. цирк. предложеніе Нелюбин. вол. правл. сельскимъ старостамъ отъ 13 января 1890 г. №№ 123, 129 и др.); при этомъ въ первое полугодіе окладъ разверстывается за полгода, а сумма на волостные расходы — за цѣлый годъ впередъ. Внутри сельскихъ обществъ раскладка податного оклада также производится пополугодно, раскладка волостныхъ сборовъ – на цѣлый годъ впередъ: что касается до сельскихъ сборовъ, то въ однихъ обществахъ (Бѣлобородовскомъ, Ништанскомъ, Нелюбинскомъ, Губинскомъ) они также раскладываются за цѣлый годъ впередъ, въ другихъ (Попадейкинскомъ, Рыбаловскомъ, Зоркальцевскомъ) раскладка ихъ производится пополугодно. Способы раскладки сборовъ между входящими въ составъ обществъ селеніями также довольно разнообразны: въ большинствѣ обществъ податной окладъ разверстывается по ревизскимъ душамъ, остальные платежи — по числу годныхъ работниковъ; въ Попадейкинскомъ обществѣ разверстка всѣхъ платежей между селеніями производится по ревизскимъ душамъ, -въ Зоркальцевскомъ обществѣ такъ-же было сдѣлано въ первое полугодіе 1890 г., а во второе сельскіе сборы были разложены по числу годныхъ работниковъ.

Разверстка сборовъ между плательщиками внутри отдѣльныхъ селенныхъ общинъ въ общихъ чертахъ опредѣляется уже въ общихъ приговорахъ *по сельскимъ обществамъ* и производится внутри каждаго изъ нихъ хотя и особо по каждому селенію (это важно, такъ какъ вліяетъ на размѣры душевого оклада), но на единообразныхъ по цѣлому обществу основаніяхъ. Эти послѣдніе въ принципѣ, опять таки, довольно однообразны для цѣлой волости: въ приговорахъ постановляется сдѣлать раскладку „по состоянію и средствамъ съ привлеченіемъ къ этой раскладкѣ крестьянскихъ сыновей, родившихся послѣ X „ревизіи“ или „поровну по состоянію годныхъ работниковъ и числа „ревизскихъ душъ, съ привлеченіемъ крестьянскихъ сыновей, считая за „убылыя души привлеченными отъ 16 до 60 лѣтъ“, или прямо: „на „годнаго работника по состоянію и средствамъ“. Въ большинствѣ обществъ Нелюбинской волости—Рыбаловскомъ, Бѣлобородовскомъ, Ништанскомъ (кромѣ д. Позднякової), Нелюбинскомъ, Губинскомъ и Попадейкинскомъ—эти принципы осуществляются самымъ простымъ способомъ, довольно опредѣленно выраженнымъ въ одномъ изъ приговоровъ Попадейкинскаго общества: „разложить... по количеству налич„ныхъ годныхъ работниковъ въ полный окладъ и стариковъ за свою „душу“. Плательщики распадаются всего на двѣ группы. „годныя души“ — всѣ мущины съ 16—17 до 60 лѣтняго возраста, не страдающіе ни-

какими физическими недостатками и не имѣющіе почему-либо правъ на льготу,—и „старики“ перéступившіе за 60 лѣтъ; „годныя души“ платятъ какъ податной окладъ „съ накладкой за убылыя души“ (гдѣ число послѣднихъ превышаетъ число поверстанныхъ „малолѣтовъ“), такъ и волостные и сельскіе сборы, а также отбываютъ натуральныя повинности; „старики“ платятъ только „стѣновую подать“ — податной окладъ въ размѣрѣ, положенномъ по окладному листу. Въ селеніяхъ Зоркальцевскаго общества и д. Поздняковой „малолѣтки“ не сразу вступаютъ въ число годныхъ душъ: въ д. Поздняковой они въ теченіе года платятъ окладъ „стѣновой подати“, и затѣмъ только поступаютъ въ полный окладъ; въ селеніяхъ Зоркальцевскаго общества они до вступленія въ число „годныхъ душъ“ состоятъ одно полугодіе „малолѣтками 2-го разряда“, другое — „малолѣтками перваго разряда“, платя сначала меньшую, затѣмъ—бóльшую „накладку“.

Изъ принадлежащихъ къ составу обществъ лицъ, состоящихъ на особомъ положеніи, состоящіе въ окладѣ *ссыльные* обыкновенно несутъ „годную душу“ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не подрастутъ и не вступятъ въ окладъ сыновья; тогда они освобождаются отъ всякихъ платежей. *Ссыльные исключенные изъ оклада* наравнѣ съ мѣщанами и вообще „*разночинцами*“ облагаются „накладками“, размѣръ которыхъ колеблется, въ зависимости отъ ихъ благосостоянія, между 2—3 и 10—15 рублями въ полугодіе, — но нерѣдко такія лица, особенно ссыльные, уклоняются отъ какихъ-бы то ни было платежей. Изъ *солдатъ* жеребьевые несутъ, по истеченіи льготнаго года, „годныя души“ наравнѣ съ крестьянами, изъ служившихъ по наборамъ „Николаевскіе“ не платятъ ничего, „Александровскіе“ либо платятъ „свою душу“— податной окладъ —, либо облагаются небольшими „накладками“. Достойно при этомъ замѣчанія, что въ при-Томскихъ селеніяхъ, гдѣ луга передѣлены по душамъ, ссыльные и т. п. лица, не платящія никакихъ сборовъ или обложенныя одними „накладками“, не получаютъ душевого надѣла,—и это въ значительной мѣрѣ побуждаетъ имѣющихъ хозяйство ссыльныхъ и солдатъ не уклоняться отъ платежей. Что́ касается наконецъ до служащихъ по выбору *должностныхъ лицъ*, то тѣ изъ нихъ, которыя отбываютъ „большія“, трехлѣтнія службы, освобождаются на все трехлѣтіе отъ какихъ-бы то ни было платежей и повинностей; „малыя“, однолѣтнія службы освобождаютъ только отъ волостныхъ и сельскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, такъ что „служáки“ наравнѣ со стариками платятъ „свою душу“; сельскіе десятники въ смыслѣ денежныхъ платежей не пользуются ни-

какими льготами и освобождаются только отъ междудворной гоньбы *).

Въ *Спасской* волости раскладка податного оклада и волостныхъ сборовъ между сельскими обществами производится по числу ревизскихъ душъ; дальнѣйшая раскладка между „десятками", принадлежащими къ составу одного сельскаго общества, производится разными способами: въ Кучумо-Еркинскомъ и Батуринскомъ обществахъ разверстка *всѣхъ* платежей производится по числу ревизскихъ душъ; въ Заварзинскомъ по этому основанію раскладываются только окладные и волостные сборы, сельскіе же распредѣляются по числу годныхъ работниковъ; такимъ-же образомъ распредѣляются въ Нижне-Шубинскомъ обществѣ и волостные платежи, такъ что по ревизскимъ душамъ производится только разверстка податного оклада. Роль „десятка" въ трехъ изъ четырехъ составныхъ обществъ Спасской волости играетъ каждое отдѣльное селеніе; но семь селеній Кучумо-Еркинскаго общества въ податномъ отношеніи сгруппированы въ три „десятка" — Пѣтуховскій, Протопоповскій и Кучумо-Еркинскій; каждый изъ двухъ послѣднихъ состоитъ изъ трехъ селеній, которыя въ смыслѣ раскладки представляютъ одно нераздѣльное цѣлое. — Раскладка производится волостнымъ сходомъ на цѣлый годъ впередъ; такъ-же производятся и внутреннія раскладки въ обществахъ Спасскомъ, Батуринскомъ и Кучумо-Еркинскомъ; въ Заварзинскомъ и Ниж.-Шубинскомъ обществахъ раскладка по отношенію ко всѣмъ видамъ сборовъ производится полугодно, въ Спасскомъ окладные платежи разверстываются полугодно, волостные и сельскіе сборы—на цѣлый годъ впередъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору порядковъ, принятыхъ при внутреннихъ раскладкахъ въ разныхъ обществахъ Спасской волости, мы должны напомнить, что по отношенію къ довольно значительной части угодій, именно—къ сѣнокосамъ и лѣсамъ, въ большей части общинъ Спасской волости, и въ частности по всей сѣверной ея половинѣ, совершился уже переходъ къ душевому пользованію въ болѣе или менѣе совершенныхъ его формахъ; что, далѣе, сѣнокосныя угодья и лѣсъ, на болѣе отдаленной отъ Томска окраинѣ еще совершенно не имѣющіе цѣнности, въ сѣверной половинѣ (Заварзинское общество и сѣв. часть Кучумо-Еркинскаго) имѣютъ уже сравнительно значительную рентную цѣнность (плата на съемъ травы равна здѣсь 2 р.—2 р. 50 к. съ десятины

*) См. приговоры с. сх. Бѣлобородовскаго—17. I и 8. X. 89, 16 и 20. I. и 7. X. 90 г.; Иштанскаго: с. Иштана 18. I и 18. X. 90, д. Луговой 18. I и 18. X 90, д. Орловой 18. I и 18. X. 90, д. Кузулиной 18. I и 18. X. 90. Поздняковой 18 I и 18. X. 90, Попадейкинскаго 6 и 23. X. 90; Нелюбинскаго 15. I и 10. X. 90; Рубинскаго 17. I и 6. X. 90; Зоркальцевскаго 13. I. и 2. X. 90.

луга или 6—7 р. съ сотни копенъ лѣсного покоса, за сажень дровъ на срубъ — до 50 к.). Затѣмъ скажемъ сейчасъ-же, что платящіе „полудушки“ и вообще уменьшенный окладъ старики, „малолѣты“ и т. п. лица получаютъ въ передѣляемыхъ угодьяхъ половинную часть, а иногда — даже и треть того количества, которое отводится въ душевой надѣлъ полнымъ плательщикамъ.

Въ южной половинѣ волости, гдѣ цѣнность угодій сводится къ нулю или ничтожной величинѣ, существованіе зачатковъ душевого пользованія совершенно не отражается на раскладочныхъ порядкахъ: мы находимъ здѣсь въ довольно разнообразныхъ видахъ ту-же раскладку по „годнымъ работникамъ“, какую видѣли въ волостяхъ, гдѣ душевое пользованіе вовсе не существуетъ. Вотъ какими чертами характеризуется въ раскладочныхъ приговорахъ порядокъ раскладки, принятый въ обществахъ Спасскомъ и Батуринскомъ *): „сумму (платежей) принимаемъ „въ раскладъ на годныхъ работниковъ, изъ числа 193 душъ (ревизск.) „исключаемъ умершихъ, ушедшихъ въ военную службу, дряхлыхъ и пре„старѣлыхъ 109 душъ и находящихся во временныхъ отлучкахъ 15 „душъ....; остается наличныхъ плательщиковъ 69 душъ, изъ числа 69 „душъ исключаемъ стариковъ, достигшихъ 55 лѣтъ и болѣе 17 душъ, „кои должны уплатить 126 р., именно (слѣдуетъ перечень уменьшен„ныхъ окладовъ отъ 6 до 10 р. въ годъ)....; то изъ числа 69 душъ.... „остается годныхъ работниковъ 52 души, съ привлеченіемъ къ нимъ „малолѣтнихъ дѣтей достигшихъ совершеннолѣтній возрастъ, кои должны „отбывать всѣ тягости наравнѣ съ нами 59 душъ, а всего составилось „годныхъ плательщиковъ 111 душъ“. Въ 1890 г. этотъ порядокъ былъ нѣсколько видоизмѣненъ, и раскладка въ с. Спасскомъ и д. Батуриной получила такой видъ: „малолѣты“ верстались съ 13—14 лѣтъ въ окладъ по 3 р., съ 15—16 л.—по 5 р. въ годъ; съ 17 лѣтъ они поступали въ полный окладъ: „старики“ съ 60 (болѣе состоятельные—съ 65) лѣтъ поступали въ уменьшенный окладъ—„свою душу“, а самые старые освобождались отъ какихъ-бы то ни было платежей. Въ двухъ южныхъ „десяткахъ“ Кучумо-Еркинскаго общества—Пѣтуховскомъ и Кучумо-Еркинскомъ—въ разрядъ облагаемыхъ всѣми платежами „годныхъ“ душъ зачислены всѣ плательщики отъ 17—18 до 60-лѣтняго возраста; старики съ 60 лѣтъ, смотря „по состоянію“, либо остаются въ „своей душѣ“, либо освобождаются отъ всякихъ платежей и „принимаются на раскладъ“: въ „малолѣтскомъ“ окладѣ (въ Пѣтуховскомъ „десяткѣ“ 6 р., въ Кучумо-Еркинскомъ, „по состоянію“, 6 или 8 р.) подростки остаются: въ первомъ—всего годъ (17—

*) Приг. Батур. с. сх. 5. 11. 89.

18 л.), во второмъ—два года (съ 15 до 17 лѣтъ). Въ Нижне-Шубинскомъ обществѣ чуть не каждое селеніе придерживается другихъ раскладочныхъ порядковъ. Въ д. Бѣлоусовой, Ниж.-Шубиной и Аксеновой „малолѣты" переходятъ съ 12 лѣтъ въ уменьшенный окладъ, который съ каждымъ годомъ повышается отъ 2 до 4 и 6 р.; въ 15 лѣтъ они поступаютъ въ „полудушекъ"—8 р. въ годъ, съ отбываніемъ сельской гоньбы и дорожной повинности, а съ 17 лѣтъ зачисляются въ „годныя" души; старики остаются въ полномъ окладѣ „пока кто можетъ" — хоть до 80 лѣтъ; кто „ушелъ изъ годовъ"—освобождается сразу отъ всѣхъ платежей. Сходны по отношенію къ обложенію „малолѣтовъ" раскладочные порядки д. Вороновой; но старики остаются здѣсь въ полномъ окладѣ только до 60 лѣтъ; съ этого возраста они поступаютъ „въ свою душу", а затѣмъ и вовсе освобождаются отъ платежей. Въ д. Ипатовой и Лучановой разряда „малолѣтовъ" нѣтъ: подростки съ 17 лѣтъ зачисляются сразу въ полный окладъ; старики обязательно остаются въ послѣднемъ до 60 лѣтъ; позже этого возраста они, смотря „по состоянію", либо продолжаютъ нести „годную душу", либо поступаютъ въ „свою душу", либо наконецъ освобождаются отъ всякихъ платежей. Наконецъ въ д. Федосѣевой и Большапинной время переходнія въ полный окладъ колеблется, въ зависимости отъ „состоянія", между 17 и 20 годами; въ уменьшенный окладъ „малолѣты" поступаютъ съ 14—15 лѣтъ и платятъ сначала 4, затѣмъ 6 и 8 рублей въ годъ.

При всемъ своемъ видимомъ разнообразіи, раскладочные порядки, существующіе въ перечисленныхъ обществахъ Спасской волости, представляютъ между собой и весьма много общаго: это прежде всего начало обложенія рабочей силы, нѣкоторымъ коррективомъ къ которому является начало обложенія по благосостоянію. Но для насъ въ настоящую минуту важнѣе другая общая черта,—это неключительная зависимость раскладокъ отъ усмотрѣнія общины, и независимость отъ желанія отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ: община устанавливаетъ опредѣленныя условія въ смыслѣ возраста и т. п.; всѣ подходящія подъ эти условія общинники обязательно поступаютъ въ окладъ, неподходящіе остаются свободными отъ оклада; платежная душа, даже въ тѣхъ изъ названныхъ общинъ, гдѣ сѣнокосы и лѣса раздѣлены по душамъ, является *тягломъ*, такъ какъ платежное бремя либо не находитъ себѣ въ доходности передѣляемыхъ по душамъ угодій никакого эквивалента, либо находитъ лишь самый ничтожный эквивалентъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ сѣверной половинѣ Спасской волости—въ селеніяхъ Заварзинскаго общества и Протопоповскаго „десятка". И здѣсь, правда, существуютъ возрастные предѣлы — 17 и 60 лѣтъ, — внутри

которыхъ общинники обязательно числятся въ „годныхъ душахъ“; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существуетъ и категорія „малолѣтковъ“ (15 - 17 л.), обязательно облагаемая половиннымъ окладомъ, а старики должны обязательно относить „свою“ душу. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ будто-бы, существуетъ раздѣленіе плательщиковъ на „годныя“ души, „малолѣтскія“ души и „стариковъ“. Но въ то-же время „малолѣтамъ“ *разрѣшается* вступать, по ихъ усмотрѣнію, сразу въ полный окладъ, а „старикамъ“ разрѣшается оставаться въ полномъ окладѣ до самой смерти. А такъ какъ съ переходомъ въ „полудушки“ связано отобраніе половинной доли покосовъ и лѣса, а доходность послѣднихъ, очевидно, превышаетъ сумму душевыхъ платежей, — то фактически въ „полудушки“ переходятъ только тѣ немногіе изъ стариковъ, „кто уже вовсе обезсилѣлъ“, а огромное большинство пользуется своимъ правомъ и удерживаетъ до самой смерти „годную душу“, равно какъ въ „годную“-же душу сразу поступаютъ и „малолѣтки“. Въ самомъ дѣлѣ: изъ раскладочныхъ приговоровъ мы видимъ, что по селеніямъ Заварзинскаго общества въ уменьшенномъ окладѣ состояло:

по д. Головниной	3 „малолѣтка“.
Заварзиной и Бородиной . .	1 старикъ.
Просѣкиной	никто.
Хайдуковой, Жуковой, Савиной, Оловянишниковой . .	3 старика.
Псаревой	никто.
Аникиной	„
Кисловой	2 старика,

и такимъ образомъ фактически, въ силу *добровольнаго самообложенія*, платежи распредѣляются поровну между всѣмъ мужскимъ населеніемъ, достигшимъ 15—17 лѣтняго возраста, и различіе между „годными“ и „негодными“ душами, юридически существующее, фактически стушевывается и уступаетъ мѣсто равномѣрному обложенію всѣхъ плательщиковъ.

Изъ лицъ, состоящихъ на отличномъ отъ крестьянъ положеніи, *ссыльные* во всей Спасской волости облагаются, если имѣютъ домообзаводство и пользуются крестьянскими угодьями, „накладками“; размѣры послѣднихъ въ однихъ селеніяхъ колеблются въ зависимости отъ размѣровъ благосостоянія облагаемыхъ, въ другихъ всѣ ссыльные облагаются въ одномъ общемъ размѣрѣ — вравнѣ со „своими“ крестьянскими душами (5—6 р. въ годъ). *Дѣти ссыльныхъ* въ податномъ отношеніи вполнѣ сравнены съ крестьянами. Изъ *солдатъ* „Николаевскіе“ не платятъ

ничего и пользуются, гдѣ есть передѣляемые угодья, полными душевыми участками; „Александровскіе“ солдаты вездѣ платятъ „накладки“ „по состоянію“, не превышающія размѣровъ „полудушка“ и тоже получаютъ полные душевые участки; жеребьевые въ однихъ обществахъ и селеніяхъ платятъ небольшія накладки или полудушки и получаютъ полный надѣлъ, въ другихъ — облагаются, смотря по „состоянію“ и по желанію, „полудушками“ или „годными душами“, и соотвѣтственно этому получаютъ половинный или полный надѣлъ. — *Постороннія лица* платятъ „накладки“ въ размѣрѣ, колеблющемся между 5—6 и 20—25 рублями въ годъ *).

На этомъ мы заканчиваемъ обзоръ раскладочныхъ порядковъ, господствующихъ въ волостяхъ и обществахъ изслѣдованнаго края. За исключеніемъ небольшой области, охватывающей ближайшую къ городу сѣверную окраину Спасской волости и характеризуемой съ одной стороны господствомъ по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ угодій душевого способа пользованія, съ другой — довольно высокою рентною доходностью этихъ угодій, — весь изслѣдованный край по отношенію къ разсматриваемому вопросу вполнѣ подходитъ подъ ту характеристику, которую мы дали на стр. 386 южной окраинѣ Спасской волости: за исключеніемъ части поемныхъ луговъ, всѣ угодья состоятъ либо въ захватно-заимочномъ, либо въ вольномъ пользованіи, размѣры котораго для каждаго отдѣльнаго двора не находятся рѣшительно ни въ какой зависимости отъ количества лежащихъ на немъ платежей; *платежная душа не является въ то-же время и земельной душой*, и слѣдовательно лежащая на ней болѣе или менѣе тяжелая *обязанность платежа разныхъ сборовъ и отбыванія повинностей не уравновѣшивается*, какъ мы это видимъ при душевомъ пользованіи, *какими-либо цѣнными правами*, принадлежащими плательщику преимущественно предъ неплательщикомъ и пропорціональными въ своихъ размѣрахъ размѣрамъ душевыхъ платежей. Въ противуположность возможному при душевомъ пользованіи и достаточно высокой рентной цѣнности угодій способу раскладки по началу добровольнаго самообложенія, *раскладки въ изслѣдованномъ краѣ имѣютъ исключительно тягловой характеръ*: зная, что лишняя платежная душа не прибавитъ ему ни одной пяди земли, которой онъ не могъ-бы, если „хватаетъ силы“, захватить и безъ того, каждый общинникъ конечно заинтересованъ въ томъ, чтобы нести какъ можно

*) См. приговоры с. сход.: Нижне-Шубинскаго 4.11. и 6. X. 89, Ботьевскаго 8. 11. 90, Заварзинскаго: по д. Головниной и Кисловой 27.1.90, Хайдуковой, Жуковой, Савиной и Оловянишниковой 30.1.90, Просѣкиной 30.1.97, Псаревой 3.11.90, Заварзиной и Бородиной 30.1.90, Аникиной 31.1.90; Кучумо-Еркинскаго 25.1,2,11 и 15.IV.90; Нижне-Шубинскаго 1.11.90, Батуринскаго 5.11.89 и 24.1.90; Спасскаго 30.1.90.

меньше раскладочныхъ душъ. Самыми удобными для обложенія объектами обложенія при такихъ условіяхъ являются либо *рабочія силы* населенія, либо *благосостояніе* въ той мѣрѣ, въ какой оно выражается въ размѣрахъ пользованія общинными угодьями. Но есть еще и третій объектъ, не имѣющій, въ сущности, никакого реальнаго значенія и сложившійся исторически—это *ревизская душа*.

Размѣръ лежащаго на населеніи каждой волости и каждаго отдѣльнаго поселка оклада податей опредѣляется, какъ извѣстно, числомъ душъ, значащихся въ волости или въ поселкѣ по сказкамъ послѣдней — въ настоящее время X — ревизіи. Прежде, когда ревизіи слѣдовали одна за другою чрезъ короткіе промежутки времени, тѣ-же *ревизскія сказки* являлись единственнымъ основаніемъ и для внутренней раскладки окладныхъ сборовъ въ каждомъ обществѣ и поселкѣ: каждый дворъ платилъ подати за тѣ души, которыя значились въ его составѣ по ревизской сказкѣ,—платилъ независимо отъ какого-либо увеличенія или сокращенія его наличнаго состава; только если дворъ окончательно вымиралъ, его души дѣлались „упалыми“ и причитающійся съ нихъ окладъ разверстывался между оставшимися въ живыхъ ревизскими плательщиками. По отношенію къ волостнымъ и сельскимъ сборамъ и натуральнымъ повинностямъ уже тогда существовалъ принципъ разверстки по работникамъ, но въ связи съ тѣмъ-же ревизскимъ принципомъ: сборы и повинности клались на *ревизскихъ работниковъ*, т. е. на лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки и не перешагнувшихъ извѣстнаго предѣльнаго возраста. Понятны неудобства, связанныя съ такого рода порядками,—понятно также, что неудобства эти должны были все болѣе обостряться съ каждымъ протекшимъ со времени ревизіи годомъ. Возможныя при 10—15 лѣтнихъ срокахъ возобновленія ревизій, ревизскій порядокъ раскладки сдѣлался совершенно невозможнымъ, когда со времени X ревизіи распространилось 20, 25 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ держался, такъ какъ крестьяне вѣрили въ *обязательность* ревизскихъ сказокъ, какъ руководящаго при внутренней раскладкѣ податей начала, и думали, что всякій вписанный въ сказки общинникъ *обязанъ* платить подати до самой своей смерти, а не записанный *не можетъ* быть обложенъ до наступленія слѣдующей ревизіи,—и только послѣдовавшимъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ разъясненіямъ со стороны мѣстнаго начальства удалось поколебать эту вѣру, да и то—удалось не вполнѣ. И до настоящаго времени *начало обложенія рабочей силы, несомнѣнно доминирующее теперь въ раскладочныхъ порядкахъ изслѣдованнаго края, еще не окончательно вытѣснило ревизскій принципъ; картину борьбы между тѣмъ и другимъ и постепеннаго вытѣсненія ревизской раскладки раскладкою трудовою и представляютъ собой тѣ*

порядки, которые мы описывали на предыдущихъ страницахъ: первымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ всегда являлось привлеченіе къ раскладкѣ податей подрастающаго поколѣнія — „малолѣтковъ", „заревизныхъ" — и исключеніе стариковъ изъ круговой отвѣтственности за „убылыя", не замѣщенныя „малолѣтами" души; въ большинствѣ общинъ изслѣдованнаго края дѣло на этомъ остановилось, и какъ на болѣе высокую ступень развитія раскладочныхъ порядковъ можно только указать на установленіе довольно многими общинами для младшихъ подростковъ уменьшенныхъ окладовъ, болѣе соотвѣтствующихъ ихъ еще неполной рабочей способности; другія общины пошли дальше и установили промежуточную группу плательщиковъ и на другомъ концѣ раскладочной лѣстницы: это „престарѣлыя", „средняя" души, обыкновенно съ 55 до 60 лѣтняго возраста, только еще начинающія утрачивать рабочую способность, и потому облагаемыя хотя и въ высшемъ размѣрѣ, нежели „годныя души", но въ высшемъ, нежели „старики". Большинство общинъ не идетъ дальше этого: оно не рѣшается совершенно отречься отъ ревизскаго начала и ограничить обложеніе одними способными къ труду; исключеніе „ревизскихъ стариковъ" изъ оклада допускается — и то не вездѣ — только по отношенію къ совершенно дряхлымъ старикамъ, по отношенію къ какимъ оно допускалось и ранѣе — въ эпоху полнаго господства ревизской раскладки. Въ сравнительно немногихъ общинахъ — главнымъ образомъ въ Почитанской волости — ревизскій принципъ можетъ быть признанъ окончательно вытѣсненнымъ: здѣсь существуетъ разрядъ „годныхъ" работниковъ, заключающій въ себѣ обыкновенно всѣхъ лицъ съ 17—18 до 60 лѣтняго возраста, въ полной мѣрѣ участвующихъ въ раскладкѣ всѣхъ сборовъ и повинностей; затѣмъ тамъ, гдѣ раскладочные порядки достигли высшей степени развитія, существуютъ, иногда порознь, иногда вмѣстѣ, двѣ группы неполныхъ работниковъ — съ одной стороны „малолѣтки", съ другой — пожилые, еще не вполнѣ утратившіе способность къ труду; тѣ и другіе платятъ уменьшенный окладъ податей и не участвуютъ или въ малой мѣрѣ участвуютъ въ отбываніи натуральныхъ повинностей; старики, перешедшіе опредѣленный предѣльный возрастъ, совершенно освобождаются отъ платежей и „принимаются на общественный раскладъ"; въ Почитанской волости успѣхи трудового начала раскладки зашли такъ далеко, что даже волостной сходъ производитъ развертку между селеніями по „годнымъ работникамъ", чѣмъ, собственно говоря, уже выходитъ изъ предѣловъ своихъ полномочій.

О роли *имущественнаго* начала въ раскладкахъ изслѣдованнаго края мы, чтобы не запутывать изложенія, упоминали только вскользь; здѣсь мы должны остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Въ настоящее время имущественное начало въ обложеніи можетъ

быть признано играющимъ господствующую роль только по отношенію къ проживающимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ — „разночинцамъ“ и — хотя и въ нѣсколько меньшей мѣрѣ — къ лицамъ, хотя и принадлежащимъ къ составу обществъ, но по тѣмъ или другимъ причинамъ занимающимъ въ сравненіи съ крестьянамъ болѣе или менѣе обособленное положеніе: ссыльнымъ, солдатамъ и т. п..

Обложеніе *„разночинцевъ“*, какъ прямо высказано въ довольно многихъ раскладочныхъ приговорахъ, основывается главнымъ образомъ на фактѣ пользованія крестьянскими угодьями: облагаютъ „разночинцевъ“, „жительствующихъ домообзаводствомъ, скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ... и пользующихся всѣми угодьями“; у „разночинцевъ“, какъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу обществъ не подлежитъ обложенію ни „душа“, ни рабочая сила; община беретъ съ нихъ сборы только за то, что они пользуются общинными угодьями, — понятно, что и размѣры сборовъ должны быть пропорціональны размѣрамъ пользованія этими угодьями, а слѣдовательно болѣе или менѣе — и степени ихъ общаго благосостоянія. Поэтому-то въ сравнительно рѣдкихъ только случаяхъ „разночинцы“ облагаются „полудушкомъ“ или „поборомъ на душу“ и т. п., обычный же способъ обложенія ихъ — это „накладки по состоянію“, въ размѣрѣ, установляемомъ общиною „на глазомѣръ“ и колеблющемся нерѣдко въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какъ 3—5 р. съ одной стороны и 30, 40 и до 50 р. въ годъ съ другой.

Въ нѣсколько меньшей мѣрѣ имущественный принципъ обложенія господствуетъ по отношенію къ *ссыльнымъ* и *солдатамъ*: община не вполнѣ убѣждена, прежде всего, въ своемъ правѣ подвергать ихъ личному обложенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаетъ себя обязанною даромъ давать имъ пользоваться своими угодьями; независимо отъ этого, она по отношенію къ этого рода лицамъ исходитъ изъ того соображенія, что „у кого ничего нѣтъ, съ того ничего не возьмешь“,— и обѣ эти причины одинаково ведутъ къ установленію по отношенію къ этимъ категоріямъ лицъ обложенія по благосостоянію. Особенно мало связаны съ общиной ссыльные; соотвѣтственно этому по отношенію къ нимъ равномѣрное обложеніе „полудушками“ и т. п. встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія; обыкновенно же тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ „домообзаводство и хлѣбопашество“ облагаются „накладками“ по состоянію, бездомные же и безхозяйные остаются свободными отъ всякихъ платежей. Община, далѣе, не имѣетъ яснаго представленія о своихъ правахъ по личному обложенію служившихъ по рекрутскимъ наборамъ солдатъ,—и соотвѣтственно этому послѣдніе почти всегда облагаются такимъ-же порядкомъ, какъ и ссыльные. Жеребьевые солдаты гораздо тѣснѣе связаны съ общиною, и соотвѣтственно этому

въ большинствѣ случаевъ подвергаются душевому обложенію: иногда — „годными душами", иногда, вравнѣ со стариками и „служаками" — „полудушками", и лишь въ меньшинствѣ случаевъ обложеніе солдатъ этой категоріи организуется соотвѣтственно имущественному принципу: во всей Ишимской волости, напримѣръ, на нихъ кладутся небольшія „накладки," размѣромъ своимъ обыкновенно не превышающія „полудушка"; въ другихъ случаяхъ обложеніе солдатъ колеблется, въ зависимости отъ размѣровъ ихъ благосостоянія, между небольшою „накладкой" и полнымъ окладомъ „годной души".

Затѣмъ въ раскладкѣ платежей между полноправными и *связанными круговою порукой общинниками* имущественное начало въ огромномъ большинствѣ общинъ не играетъ совершенно никакой роли, а если и играетъ, то является обыкновенно не болѣе, какъ слабымъ коррективомъ, дополненіемъ къ основному — душевому и трудовому принципу раскладки: мы встрѣчаемъ прежде всего нѣсколько общинъ, гдѣ въ зависимости отъ болѣе или менѣе высокаго уровня благосостоянія каждаго отдѣльнаго лица измѣняется время его поверстанія въ полный окладъ или исключенія изъ послѣдняго. Такъ въ д. Федосѣевой (Спасск. вол.) возрастъ зачисленія „малолѣтовъ" въ полный окладъ колеблется, въ зависимости отъ „состоянія" облагаемыхъ, между 17 — 18 и 20 годами; въ с. Спасскомъ (Спас. вол.), Подломномъ (Семил. в.), Малаховскомъ (Ишим. вол.) и д. Ключевой (Баим. вол.) возрастъ исключенія изъ числа „годныхъ" душъ колеблется въ зависимости отъ того-же условія между 60 и 65 годами. Въ нѣсколькихъ другихъ общинахъ, при полной неподвижности оклада „годныхъ" душъ, оклады „малолѣтковъ" и стариковъ измѣняются „по состоянію": такъ въ Пжморской, Камышенской, Больше-Песчанской и Нижне-Почитанской (Почит. вол.) общинахъ „малолѣтки", относятся по раскладочнымъ приговорамъ въ одну группу съ „разночинцами" и наравнѣ съ послѣдними облагаются небольшими „накладками" „по состоянію"; въ Архангельской (Ишим. вол.) общинѣ „малолѣты", смотря по состоянію, либо верстаются въ полный окладъ, либо облагаются небольшою накладкой; въ Пѣтуховской (Спасск. вол.) общинѣ старики, смотря по „состоянію", либо облагаются половиннымъ окладомъ, либо вовсе исключаются изъ оклада; тотъ-же порядокъ соблюдается и въ Ипатовской и Лучановской (той-же вол.) общинахъ, но здѣсь наиболѣе состоятельные изъ стариковъ остаются даже въ полномъ окладѣ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ смыслѣ торжества имущественнаго принципа раскладки является порядокъ, принятый въ двухъ южныхъ сельскихъ обществахъ Нелюбинской волости—Рыбаловскомъ и Зоркальцевскомъ; раскладка податей и сборовъ основана здѣсь, вообще говоря, на обычной для изслѣдо-

ваннаго края комбинаціи ревизскаго и трудового принципа; но податной окладъ, причитающійся съ „убылыхъ", не замѣщенныхъ „малолѣтами" душъ, раскладывается между „годными" душами не поровну, а посредствомъ небольшихъ „накладокъ по состоянію".

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ „накладки" имѣютъ, такъ сказать, ординарный характеръ, — являются нормальною составною частью системы обложенія каждой данной общины. Но въ нѣкоторыхъ общинахъ „накладки" имѣютъ экстраординарный характеръ: ими облагаются такіе „богатѣи", которые рѣзко выдаются изъ ряда остальныхъ членовъ общины; такъ въ с. Жарковскомъ (Ишим. вол.) общество облагаетъ „крестьянъ Михайлу и Кузьму Самкова, по весьма значительному занятію подъ свои посѣвы общественной земли", сверхъ нормальнаго душевого обложенія, одного 30, другаго — 20 рублями въ годъ; въ с. Зоркальцевомъ (Нелюб. вол.) „накладками" обложены двое крестьянъ Ложебниковыхъ, производящіе очень значительныя заготовки дровъ: на одного положено 15, на другаго 35 р. въ годъ; въ с. Почитанскомъ „накладками" по 10 и по 20 р. въ годъ обложено нѣсколько человѣкъ богатыхъ заимочниковъ. Несомнѣнно, что подобныя-же „накладки" налагаются на богачей и въ нѣкоторыхъ другихъ общинахъ, но точныхъ данныхъ о размѣрахъ ихъ мы не имѣемъ; гораздо многочисленнѣе, однако, случаи, когда стремленіе бѣдняковъ и „ровненькихъ" къ установленію подобныхъ „накладокъ" не могло осуществиться благодаря рѣшительному и энергическому сопротивленію богачей.

Особую разновидность имущественнаго обложенія въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ общинъ, гдѣ однимъ изъ существенныхъ источниковъ благосостоянія является пчеловодство, представляетъ собою сборъ съ *пасѣкъ*: въ чистомъ его видѣ такой сборъ существуетъ, сколько намъ извѣстно, только въ д. Митрофановкѣ (Ишим. вол.), гдѣ всего обложено 12 пасѣкъ, въ размѣрѣ отъ 1 до 3 р. каждая, „смотря — какъ говорится въ приговорѣ — по заведенію таковыхъ". Сходные сборы существуютъ еще въ д. Емельяновкѣ (той-же вол.) и Пѣтуховой (Спасск. вол.), — но здѣсь такими сборами облагаются только тѣ пасѣчники, которые живутъ на своихъ пасѣкахъ, — облагаются не столько за пользованіе пасѣкой, сколько за то, что, живя внѣ селенія, они фактически освобождены отъ разныхъ мелкихъ натуральныхъ повинностей.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ имущественное начало является, какъ мы уже говорили, не болѣе какъ дополненіемъ, коррективомъ къ душевому и трудовому принципамъ, служащимъ главными основаніями мѣстныхъ раскладочныхъ порядковъ. Были однако и попытки корен-

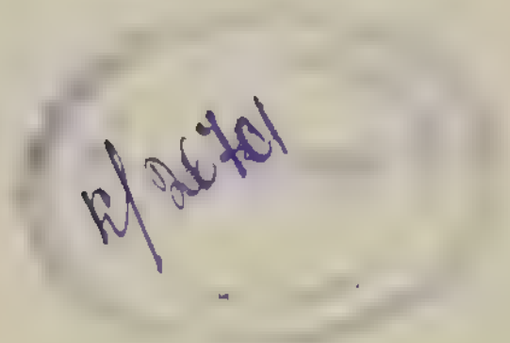
ного преобразованія послѣднихъ на началѣ имущественнаго обложенія. Первая такого рода попытка была сдѣлана, какъ изслѣдователю извѣстно изъ разсказовъ крестьянъ, въ Спасской волости: здѣсь именно въ 1877 г., по иниціативѣ исправника, всѣ плательщики были разбиты по степени своего благосостоянія на три категоріи, и для каждой категоріи былъ установленъ особый размѣръ душевого оклада: для I-ой — 10 р., для II-ой—8 р., для третьей—6 р. въ полугодіе; такой порядокъ продолжался однако всего $1^1/_2$ года, послѣ чего—конечно по настоянію богачей—былъ отмѣненъ.

Въ настоящее время стремленіе къ установленію порядка раскладки по благосостоянію и въ частности—по количеству занятой земли наблюдается въ довольно многихъ общинахъ Чулымскаго района; но исходя со стороны бѣдной части населенія, это стремленіе встрѣчаетъ энергическій отпоръ со стороны малочисленныхъ, но сильныхъ своимъ вліяніемъ богачей заимочниковъ и почти нигдѣ, благодаря этому, не нашло себѣ осуществленія; примѣръ рѣзкаго обостренія борьбы изъ за имущественнаго обложенія изслѣдователю пришлось наблюдать въ д. Воскресенкѣ (Почит. вол.); здѣсь „бѣднота“, въ числѣ до 20 дворовъ, раздраженная упорнымъ отказомъ богачей отъ платежа какихъ-либо сборовъ съ земли, въ 1890 году совершенно отказалось платить какіе-бы то ни было сборы и отбывать повинности, и во время пребыванія изслѣдователя въ селеніи у этихъ дворовъ была произведена опись имущества.

Только въ двухъ селеніяхъ, и то только съ 1890 г., „бѣднотѣ“ удалось провести имущественный или точнѣе — поземельный принципъ въ роль главнаго или одного изъ главныхъ основаній общинной раскладки, — именно въ с. Константиновскомъ и д. Тенгулахъ (оба Баимской волости). Въ первомъ *) поземельный принципъ примѣненъ пока еще только къ раскладкѣ волостныхъ и сельскихъ сборовъ: податной окладъ разложенъ по прежнему на „годныя“ души, „малолѣтковъ“ и „стариковъ“, сумму же, нужную на волостные и сельскіе расходы постановлено, какъ говорится въ приговорѣ, „разложить слѣдующимъ „порядкомъ: по исчисленію нами пахатной земли, занимаемой обще„ствомъ крестьянъ, въ томъ-же числѣ отставные и уволенные въ за„пасъ арміи солдаты, занимающіеся хлѣбопашествомъ, признали, что „по нашему обществу пашется земли 1.518 десятинъ, владѣющей лич„ными хозяевами (?), на которую и приговорили: разложить и расклады„вамъ сказанную сумму 561 р. 62 к., что и причитается на каждую „десятину по 37 коп.“.

*) См. Прил. с. сх. I. II. 1890.

Въ д. Тенгулахъ имущественно-поземельный принципъ раскладки *) проведенъ гораздо полнѣе: здѣсь принципъ раскладки по „годнымъ работникамъ“ удержался только по отношенію къ одному только виду сборовъ — къ сбору на земскую гоньбу; всѣ остальные платежи — окладные, волостные и сельскіе — разложены на важнѣйшіе элементы крестьянскаго благосостоянія — на землю и скотъ: „по здравому между собою „сужденію, — читаемъ мы въ приговорѣ, — въ виду облегченія платежа „сборовъ бѣдныхъ плательщиковъ, всѣ единогласно приговорили: раз„ложить не по душамъ, а на занимаемыя старшими членами каждой „семьи десятины пахатной и сѣнокосной земли по-ровну, а равно на „лошадей и коровъ, тоже по-ровну, а именно: съ 1.197 десятинъ „земли по $30^1/_2$ коп. съ десятины, итого 365 р. $8^1/_2$ к. и съ 714 „штукъ скота по 20 к. со штуки 142 р. 80 коп. Всего 507 руб. „$88^1/_2$ коп.“. Раскладка произведена въ д. Тенгулахъ на основаніи спеціально для того произведенной переписи скота и землепользованія, причемъ при разсчетѣ количества сѣнокосной земли каждыя сто заготовленныхъ копенъ принимались за три десятины сѣнокосной земли; перепись производилась на основаніи показаній самихъ домохозяевъ, причемъ тѣмъ-же приговоромъ постановлялось „въ случаѣ утайки кѣмъ-либо земли или скота „подвергать штрафу: съ десятины земли 3 р., и по 1 р. со скотины“.



*) См. Прил. 30. IX и 8. X. 90.

1/1504